

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н.И.
НОВИКОВ
И ЕГО
СОВРЕ-
МЕННИКИ

Н.И.НОВИКОВ
И ЕГО
СОВРЕМЕННИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Н.И. НОВИКОВ
И ЕГО
СОВРЕМЕННОСТИ

ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

1 9 6 1

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. В. МАЛЫШЕВ . А
ПОДБОР ТЕКСТОВ И ПРИМЕЧАНИЯ
Л. Б. СВЕТЛОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восемнадцатый век в истории России — это век «подымающейся нации»¹, век мощного взлета общественного самосознания русского народа. В XVIII в. расцветает русская общественно-политическая и философская мысль. XVIII век отмечен трудами гениального сына русского народа М. В. Ломоносова, выдающегося мыслителя-революционера А. Н. Радищева и других.

В XVIII в. жил и творил Н. И. Новиков — великий просветитель, переводчик, знаменитый издатель и редактор. Его кипучая деятельность была высоко оценена выдающимися русскими мыслителями.

«...Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, — пишет В. Г. Белинский, — которого, кажется, еще долго не дожидаться нам, грешным. Кому не известно, хотя по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом, необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас всегда так: кричат без умолку о каком-нибудь... бездарном писателе и забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность были направлены к общей пользе»².

Н. И. Новиков «был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, — подчеркивал Н. А. Добролюбов, — умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий»³.

Не случайно А. С. Пушкин ссылался в своей «Литературной газете» (1830 г.) на И. Кириевского, который отмечал, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 227.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I. Изд-во АН СССР, 1953, стр. 53.

³ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в шести томах, т. I. М., 1934, стр. 258.

Новиков двинул «на полвека образованность нашего народа» и «всю жизнь употребил во благо отечества»⁴.

Н. И. Новиков развернул свою просветительскую деятельность в годы царствования Екатерины II, когда усиливалось господство дворянства. Укрепление дворянско-помещичьего государства, происходившее за счет жестокой эксплуатации крепостного крестьянства, вызвало сопротивление «посессионных» и помещичьих крестьян, «рабочих людей», которое в 1773—1775 гг. вылилось в великую крестьянскую войну под предводительством Емельяна Пугачева.

Н. И. Новиков и его сотрудники в сатирических журналах «Трутенъ» и «Живописецъ» впервые в русской литературе развернули острую критику крепостнического рабства. Это не была борьба за отмену крепостного права, а только за смягчение крепостнического бремени, за установление законов, ограждающих крестьян от произвола помещиков и чиновников, за гуманное отношение помещиков к своим крестьянам, но и это было уже прогрессивным явлением. Новиков выступил провозвестником борьбы за ликвидацию крепостнической системы, за освобождение народа от рабства и несправия.

* * *

Николай Иванович Новиков родился в 1744 г. в селе Тихвино-Авдотьино, близ Москвы, в небогатой дворянской семье. В начале он учился у деревенского дьячка, а затем в гимназии при Московском университете (1755—1760 гг.).

В 1767—1768 гг. Новиков работает одним из секретарей созданной тогда Комиссии по составлению проекта нового уложения. Здесь он почерпнул много сведений, позволивших ему лучше познать тогдашнюю русскую действительность. Горячие дискуссии по крестьянскому вопросу оказали большое воздействие на его воззрения и убедили в необходимости отдаться активной литературной и общественной деятельности, направленной против пороков крепостничества.

В 1769 г., вскоре после роспуска Комиссии по составлению проекта нового уложения, Новиков начинает издавать свой первый антикрепостнический сатирический журнал «Трутенъ». Уже само название журнала носило обличительный характер. Трутни — это тунеядцы, живущие за счет чужого труда, т. е. помещики-крепостники. В образах Змеяна, Недоума, Безрассудка, г-жи Бранюковой и многих других Новиков изобразил целую галерею таких трутней.

«Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки..., — пишет Новиков. — но... крепостные его рабы. Он с ними

⁴ А. С. Пушкин. Сочинения. Госполитиздат, 1948, стр. 734.

точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую оброк. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не устаивает их наклоны своей головы, когда они по восточному обыкновению перед ним по земле расprostятся. Он тогда думает: Я господин, они мои рабы, они для этого сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора».

С особой силой Н. И. Новиков разоблачил ужасы крепостничества в «Копиях с крестьянских отписок» и в ответе на них, а также в «Копии с помещичьего указа». «Эти документы,— писал Н. А. Добролюбов,— так хорошо написаны, что иногда думается, не подлинные ли это»⁵.

Новиков гневно бичует раболепие дворян перед заграницей («французобесие»), борется за национальные основы русской культуры. Он высмеивает щеголей и щеголих — Нарцисса, Немысла, Высокопара и т. д., которые придерживались пословицы: «неделю учись, а век живи» и для которых важнее всего были парикмахеры — эти профессора «волосоподвивательной» науки.

В одном из сатирических «объявлений» Н. И. Новиков писал: «Молодого российский поросенка, который едзил по чужим землям до просвещения своего ума и которой, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть — могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Новиков смело осуждал на страницах «Трутня» деспотизм царского правительства, резко полемизировал с журналом Екатерины II «Всякая всячина», разоблачая истинный смысл ее игры в «просвещенного монарха». Как и следовало ожидать, правительство вскоре закрыло издание «Трутня». Но это не остановило Н. И. Новикова. С 1770 г. он начал издавать сатирический журнал «Пустомеля», продолжавший в основном линию «Трутня». В «Пустомеле» он снова полемизирует со «Всякой всячиной». Ясно, что и этот журнал не смог долго просуществовать. Всего вышло лишь два номера.

Через полтора года Новиков начал издавать третий сатирический журнал — «Живописец», в котором с новой силой обличал крепостное право. Особый интерес представляют в этом отношении «Письма к Фалалею» и «Отрывок путешествия...». В «Письмах к Фалалею» ярко нарисован провинциальный помещичий быт, с его грубостью, невежеством и суевериями, и главное — с его безнаказанным произволом в отношении

⁵ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах, т. 2. М., 1952, стр. 353.

крестьян. В «Отрывке путешествия...» дана потрясающая картина нищеты и бесправия крепостнической деревни. Автор показывает, как «богачи любимцы Плутovy, препроводя весь день в веселии и пиروваниях, к новым приготовлялись увеселениям... А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в шоте, измученные, и радовались, что для прихотей одного человека, все они в прошедший день много сработали».

Журнал «Живописец» был также закрыт правительством.

Журналы «Трутенъ» и «Живописец» пользовались у современников огромным успехом. Достаточно сказать, что наиболее яркие сатирические антикрепостнические статьи из них были переизданы в XVIII в. пять раз. Конечно, Новиков не был революционером. Он верил во всемогущую силу просвещения, апеллировал к разуму и в распространении просвещения, зная видел единственный путь к уничтожению пороков, зла и несправедливости.

В 1774 г. Новиков издавал журнал «Кошелек». В силу ряда обстоятельств (строгих запретительных мер правительства в связи с восстанием Пугачева) он не мог в новом журнале касаться вопросов крепостничества и ограничился осмеянием галломании русских дворян, противопоставляя ей «древние российские добродетели».

В период реакции, наступившей после подавления крестьянской войны, Новиков вступает в масонский орден. Это произошло в известной мере механически. «Собравшись у него дома, после предварительного вступления, — вспоминает один современник, — не требуя от него обета, прочли ему принятие и, против ожидания его, поздравили его членом своего общества. Мы знаем тебя, говорили они, знаем что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны». Это же подтверждает и сам Новиков. Он вступил в масонский орден не по собственному побуждению, а по приглашению. Конечно, нельзя отрицать того, что Н. И. Новиков сочувствовал масонским учениям. Просветительские, прогрессивные идеи Н. И. Новикова переплетались порой с религиозно-масонскими. Его мировоззрение было противоречивым.

Однако и в эти годы Новиков не прекращает своей просветительской деятельности. Он даже пытается использовать для этого материальные возможности ордена. Об этом как нельзя лучше свидетельствует переезд Новикова в Москву в 1779 г. Здесь он развивает огромную, кипучую просветительскую и книгоиздательскую деятельность. Взяв в аренду типографию Московского университета, Новиков через несколько лет создает мощную типографию «Компании типографической». Он издает огромное количество книг и несколько журналов: «Утренний свет» (1777—1780), «Московское издание» (1781), «Прибавле-

ние к Московским ведомостям» (1783—1784). «Детское чтение» (1785—1789), «Городскую и деревенскую библиотеку» (1782—1786) и др., а также берет в свои руки издание газеты «Московские ведомости». Издаваемые им журналы и книги он стремится продвигать в широкие круги читателей не только столицы, но и провинции.

В этот же период Н. И. Новиков написал ряд философских, экономических и литературных произведений. Большинство произведений, включенных в данный сборник, извлечено из старопечатных изданий XVIII в., труднодоступных читателям. В сборнике даются также протокольная запись допроса Новикова в Тайной экспедиции после его ареста и некоторые другие неопубликованные архивы и материалы, относящиеся к его делу.

Новиков выступал против низведения практической деятельности человека к одному лишь пассивному созерцанию и подчинению предустановленному порядку вещей. «Много было правоучителей, да еще и ныне находятся, — писал он, намекая на мистиков, — между людьми пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что, если бы возможно было им поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком. Иные думают, что божественное смиренномудрие требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия; и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною. Но человек, себя за ничто почитающий, не может к другим иметь никакого почтения и в обоих сих случаях являет низкость мыслей».

Всякий человек, заявляет Новиков, может некоторым образом сказать сам себе: весь мир мне принадлежит. В этих словах выражена вера во всемогущество человека. «...В природе человеческой, — подчеркивал он, — находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь». Так Новиков отстаивал идеи просветительства, прославлял человека.

В статье «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук» Новиков хорошо показал, что для развития наук и художеств нужна свобода мысли: «вольностью они процветают». Там, где нет свободы мысли, не может и быть великих творений. Рабство, писал он, «связывает душу как бы оковами», оно не может «произвесть что-нибудь великое». Истинная наука, по его мнению, вырастает из свободной деятельности народа, ибо «народ — первый собиратель плодов науки».

В своих статьях в журнале «Московское ежемесячное издание», начавшем выходить в 1781 г., Новиков продолжал борьбу за просветительские идеи. Как и в сатирических журналах, он развивает здесь мысль о внесловной ценности человека,

о необходимости оценки людей не по признакам родословности и чинам, а по их действительному достоинству и дарованиям. «У людей есть степень, — пишет просветитель, — которая устраняет и уничтожает честолюбие: знатный господин низок и подл перед Самодержцем; простой дворянин делается невольником придворного; мещанин терпеливо сносит высокомерие дворянина, а крестьянин определен быть рабом всех прочих состояний. Итак, люди против природы отдались один другому в неволю, происхождение которой одна их слабость причиною; малейший разбор ума, сложения и силы знатных уничтожает все высокие мнения, которые простой дворянин об оных имеет».

В статье «О воспитании и наставлении детей» Новиков популяризирует те основы педагогики Руссо и Локка, которые казались ему наиболее полезными — физическое развитие, воспитание трудовых навыков детей и т. д. Он призывал развивать те склонности ребенка, которые формируют лучшие стороны человеческого характера, укрепляют телесные и душевные силы. В статье «Об эстетическом воспитании» подчеркивается необходимость воспитывать у учащихся вкус к изящному.

Н. И. Новиков проявлял большой интерес к вопросам этики. Он боролся за такие нравственные принципы, которые будили патристическую, активную общественно-полезную деятельность людей. Просветитель резко критиковал и осуждал сословную спесь дворянства. Крестьяне, говорил он, такие же люди, как и дворяне. Новиков мечтал об установлении справедливых социальных отношений в России. Правда, эта мечта носила у него ограниченный характер.

Философские воззрения Н. И. Новикова сложны и противоречивы. Как просветитель, он не признавал безоговорочно мистические доктрины масонства. Как известно, например, журнал «Утренний свет» редактировал и издавал не только Н. И. Новиков, но и другие лица. Здесь печатали свои произведения Херасков, Кутузов, Муравьев и другие. В журнале были помещены статьи, обосновывающие философские и этические понятия масонства. Авторы этих статей не всегда можно установить. Поэтому приписывание этих статей Новикову нельзя признать достоверным. В журнале печатались переводы произведений многих иностранных мыслителей и писателей. Все это внесло в прошлое значительную путаницу в анализ воззрений Н. И. Новикова. Ему зачастую приписывались взгляды, которых он вовсе не высказывал и не придерживался. В связи с этим давно назрела необходимость внести определенную ясность в этот сложный вопрос. В настоящем издании сделана в связи с этим попытка представить с наибольшей возможной полнотой общественно-политические и философские произведения Н. И. Новикова, разумеется, и наше издание еще далеко не

исчерпывает проблемы. Для ее решения требуются длительные и настойчивые разыскания исследователей. Однако ознакомление с напечатанными произведениями, несомненно, даст читателям более или менее полное представление о литературной и просветительской деятельности Н. И. Новикова, о его общественно-политических, философских и педагогических воззрениях, а также о том окружении, в котором жил и трудился этот писатель и мыслитель.

Анализ произведений Новикова свидетельствует о том, что он постоянно проповедовал позитивные просветительские взгляды. Несмотря на то, что в журнале, например, «Утренний свет» помещались философские и этические понятия масонства, Николай Иванович Новиков находил мужество проповедовать и на страницах этого журнала свои просветительские идеалы, воздавал должное просвещению людей.

Несколько иной характер носил масонский журнал «Покоящийся трудолюбец», издававшийся в Москве в 1784—1785 гг. В нем мы видим борьбу против масонских мистических учений. В ряде статей, напечатанных в журнале, отвергались и высмеивались «таинственные» мистические науки — алхимия, магия и каббалистика. В журнале отдается должное просветительской философии XVIII века, вере людей в силу научного познания.

Просветительские статьи печатались и в журнале «Прибавления к Московским ведомостям», издававшемся в течение 1783 и 1784 гг. В этом журнале обращает на себя внимание большая статья, опубликованная во многих номерах за 1783 год «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия».

Своей деятельностью Н. И. Новиков помог воспитанию многочисленной плеяды русских писателей, среди которых были такие замечательные таланты, как Фонвизин, Радищев, Карамзин и др.

Новиков был автором первого библиографического словаря русских писателей, составителем и редактором ряда ценных трудов по истории России и русской литературы. Он высоко ценил труды Феофана Прокоповича.

Постоянными сотрудниками Новикова были Майков, Фонвизин, Попов, Аблесимов, Эмин и др. Глубоко интересуясь историей русского народа, он издал огромное количество исторических памятников, как, например, многотомную древнероссийскую библиофику, древнюю российскую гидрографию, «Скифскую историю» А. Лызлова и др.

Новиков издал также большое количество произведений русского народного творчества, как песни, собранные Чулковым, русские народные пословицы и т. д.

Новиков дважды издал полное собрание сочинений А. П. Сумарокова в 10 томах (в 1781 и 1787 гг.). Он во многом разделял дворянско-просветительские идеалы А. П. Сумарокова.

Помещенные в настоящем сборнике философские и просветительские статьи Сумарокова, являющегося духовным предшественником Новикова, отражают мировоззрение поэта и просветителя. Сумароков, как и Новиков, полагал, что главным пороком современного ему дворянского общества являются его бескультурье и невежество. Сатира Сумарокова направлялась против сословной спеси, галломании, религиозных предрассудков и домостроевского быта дворян.

Некоторые статьи по вопросам морали, приведенные в данном сборнике, как «О несправедливых основаниях», «К добру или худу человек рождается» и др., раскрывают просветительские воззрения А. П. Сумарокова.

Сумароков резко бичевал некультурных дворян средствами сатиры, которая оказала большое воздействие на Новикова.

А. П. Сумароков защищал сенсуалистскую теорию познания Локка, о чем свидетельствует его статья «О разумении человека по мнению Локка», которую мы привели в настоящем сборнике.

Сотрудником Новикова был выдающийся русский писатель и историк Н. М. Карамзин. Поселившись в Москве в 1785 г., Карамзин сблизился с Новиковым. Просветительские идеалы Новикова оказали глубокое влияние на формирование мировоззрения Карамзина. Он высоко ценил и уважал Н. И. Новикова, защищал его после осуждения (стихотворение «К милости» 1792 г.); после смерти Новикова просил Александра I помочь семье умершего.

В ряде своих произведений Карамзин развивал далее просветительские идеалы Новикова. Правда, впоследствии он отошел от этих идеалов и стал защитником крепостничества и самодержавия.

Н. М. Карамзин был ярким просветителем своего времени. Он призывал к добру и человеческой справедливости, придавая при этом опомное значение науке. В своей работе «Нечто о науках, искусствах и просвещении» Н. М. Карамзин указал на благотворную роль науки и просвещения в общественной жизни. В другой работе «О книжной торговле и любви к чтению в России», также помещенной в настоящем издании, он продолжал развивать свои просветительские взгляды в этом направлении.

Говоря об общественно-политической деятельности Н. М. Карамзина, безусловно, нельзя не упомянуть его исторического труда «История государства Российского», из которого мы узнаем и ныне о ряде использованных им документов, позже погибших.

Новиков знакомил русских читателей с лучшими образцами западноевропейской литературы. Он издал переводы произведений Руссо, Вольтера, Монтескье, Мольера, Шекспира, Свифта, Локка и других, перевел и издал ряд статей французских энциклопедистов, напечатал программную работу Дидро из «Энциклопедии» — статью «Философ». Новиков проявил большой интерес к общественной деятельности американского просветителя Франклина и Вашингтона — руководителя освободительной войны американского народа против английского колониального владычества.

Работы Новикова получили распространение за рубежом. На основании анализа «Росписи русских книг» Дидро установлено, что французский философ вывез из России «Исторический словарь о российских писателях» Н. И. Новикова, по которому Дидро ознакомился с различными направлениями русской литературы и общественной мысли ⁶.

Жизнь Н. И. Новикова закончилась трагически: Екатерина II объявила его невеждой, преступником и плутом и заточила без суда на 15 лет в страшную «государеву» тюрьму — Шлиссельбургскую крепость.

С. Н. Глинка — современник Новикова — следующим образом характеризовал деятельность этого писателя и просветителя: «Типография Московского университета обязана ему распространением «Московских ведомостей» и по дальнейшим пределам нашего отечества. А учреждения библиотек по губерньским городам есть продолжение мысли его. Видя непомерный разгул роскоши, наполнивший свет столичный и источавший быт сельский, он решился отвлечь умы современников от рассеяния к размышлению; средством к тому употребил издание книг... трудны были переходы его жизни, но он всегда оставался самим собою. Много перенес он, но могучая мысль человека должна пройти через горнило страдания. Семена и плоды зоркой мысли сами выказывают человека. Вот очевидные следы жизни Н. И. Новикова» ⁷.

Очень высоко отзывался о Новикове Н. М. Карамзин. Он называл его распространителем просвещения, книг среди русского читателя. «Новиков торговал книгами, — писал Карамзин, — как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель, то есть с умом, догадкою, с дальновидным соображением» ⁸.

Высоко отозвался о многогранной деятельности неутомимого русского просветителя Новикова В. О. Ключевский: «Типограф, издатель, книгопродавец, журналист, историк литературы,

⁶ См. «Вопросы философии», 1951, № 6.

⁷ Записки С. Н. Глинки. СПб., 1895, стр. 12, 15—16.

⁸ Н. М. Карамзин. Сочинения, т. III, стр. 595.

школьный попечитель, филантроп, Новиков на всех этих шоприщах оставался одним и тем же — сеятелем просвещения»⁹. В. О. Ключевский подчеркнул, что Новиков создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Новиковская книга стала проникать в самые отдаленные захолустья: ее читала не только Европейская Россия, но и Сибирь.

Дворянско-буржуазная наука пыталась исказить деятельность Новикова, выпятив на первый план его увлечения масонством. И ныне различного рода фальсификаторы русской общественной и философской мысли пытаются извратить и умалять деятельность Новикова. Так, американский реакционный ученый С. Томпкинс в своей книге о русском просвещении (1953) голословно утверждает, будто Новиков преклонялся перед самодержавием, питал неприязнь ко всему иностранному.

Новиков был человеком высоких душевных качеств. Он глубоко презирал тунеядство помещиков и вельмож, порицал социальную несправедливость, узаконенную самодержавно-крепостническим строем. Новиков жаждал лучшего государственного и общественного устройства для России, без бюрократии, полиции и помещичье-дворянского произвола.

Наш народ чтит Н. И. Новикова, благородная натура которого, как писал В. Г. Белинский, «постоянно одушевлялась высоким гражданскою страстью — разливать свет образования в своем отечестве».

В настоящий сборник включены статьи и произведения Н. И. Новикова и его сотрудников, отображающие их философские воззрения, антикрепостнические, свободолюбивые взгляды и их борьбу против дворянского космополитизма и других пороков современного им общества. Включенные в сборник произведения А. П. Сумарокова и Н. М. Карамзина отображают их философские и просветительские взгляды. Материал в сборнике расположен по авторскому и хронологическому принципам.

И. В. Малышев

⁹ Проф. В. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. М., 1937, стр. 452.

**Н. И. НОВИКОВ
И ЕГО
СОТРУДНИКИ**

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ ЖУРНАЛА „ТРУТЕНЬ“

1769 г о д

Лист I. 2 мая.

Предисловие

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож верно не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что лепость считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей участной; что человек, обладаемый сим пороком, не достоин соболезнавания, но со всем тем, никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость, ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее, но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным, но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно, но лень препятствует; словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лени и могу во оной равняться с наиленивейшими гипшпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки за тем, что лень не допускает. От лени никакой еще и службы по сие время не избрал, ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество; она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна, но она не по моим склонностям. Приказная хлопот-

жива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправое решение. Надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануто и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: Дай за работу, а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однако ж она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степени, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно, а сей беспрестанно то же делает, а того-та я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно падут гордостию. Всех обнадёживает и тогда же позабывает; всем обещает и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов, а сам так же льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья, а иногда, полно не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания, а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы, или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать, но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен я в обществе? *Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю*, сказал славный российский стихотворец¹. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреодолимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. Итак, вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение, под заглавием Трутня, что согласно с моим пороком и намерением, ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало, а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы в прозе и в стихах, а особливо сатирические, критические и прочие ко исправлению нравов служащие, ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу, а сие то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможение присылкою своих сочинений,

которые все напечатаны будут * в моих листах. Сочинения присылать можно к переищетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: *Г. издателю Тругня*. Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию лень. Дай бог, чтобы она хотя единожды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

Лист II. 5 мая

Любезный племянничек ²...,

здравствовать тебе на веки нерушимо желаю!

Уведомился я, что ты и по сие время ни в какую еще не определился службу. Отпиши ко мне, правда ли это; ежели правда, так скажи пожалуй, что ты с собою задумал делать? Я тебя не приневоливаю идти ни в придворную, ни в военную службу для сказанных мне тобою причин; пусть это будет по твоему, а при том и службы сии никакой не приносят прибыли, а только разоренье. Но скажи, пожалуй, для чего ты не хочешь идти в приказную? Почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна ³, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди, нынешние указы много у нас отняли хлеба!

Тебе известно, что по приезде моем на воеводство, не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян, а ныне, благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением, нажил около трех сот душ, не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди, да нажил бы еще и не то, ежели бы прокурор со мною был посогласнее, но за грехи мой наказал меня господь таким несговорчивым, что как его ни уговаривай, только он, как козы рога в мех, не лезет и ежели бы старанием моим не склонил я на свою сторону товарища, секретаря и прочих, так бы у меня в мошине не было ни пугла. Прокурор наш человек молодой и, сказывают, что ученый, только я этого не приметил. Разве по тому, что он в бытность его в Петербурге накупил себе премножество книг, а пути нет ни

* Выключая те, кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения. Я надеюсь, что таковых и не будет, ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет; против последних же двух, без сомнения, благопристойность писать запретит.

в одной. Я одинажды перебирал их все, только ни в одной не нашел, которого святого в тот день празднуется память, так куда они годятся. Я на все эго книги святцов своих не променяю. Научился делать вирши, которыми думал нас оплетать, только сам он чаще попадаетея в наши верши. Мы его частехонько за нос поваживаем. Он думает, что все дела надлежит вершить по наукам, а у нас в приказных делах какие науки? кто прав, так тот и без наук прав, лишь бы только была у него догадка, как приняться за дело, а судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию, в чем и секретари много нам помогают. Правда, что это для молодого человека трудно и непонятно, но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько сам знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры. Я слышал, что тебя многие знатные господа жалуют, так это тебе тотчас сделают. Наживи себе там хороших защитников, да и приезжай сюда, тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет. Рассуди сам, как этого места лучше желать и покойнес. Во всех делах положиися на меня, а ты со стороны ни дай ни вынеси будешь брать жалованье, а коли будет ум, так и еще жалованьев под десяток в год получишь. Мы так искусно будем делать, что на нас и просить нельзя будет. А тогда, как мы наживемя, хотя и попросят, так беда будет не велика, отрешат от дел и велят жить в своих деревнях ⁴. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить; то худо как прожито чем жить, а как нажито, этого никто и не спросит. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого места. Ты ведь уже не маленький ребенок, можно о себе подумать, чем век жить. Отцовское-то у тебя имение стрень брень с горошком, так надобно самому наживать, а на мое и не надейся, ежели меня не послушаешься, хотя ты у меня и один наследник, но я лучше отдам чужому, да только такому, которой себе добра хочет. Ежели ж послушаешься, то при жизни моей укреплю все тебе. Смотри ж, я говорю наобум, а ты бери себе на ум. Прощай, Иванушка, пожалуй подумай о сем хорошенько и меня уведомя. Остаюсь дядя твой...

Лист IV. 19 мая

Ведомости

Из некоторого приказа

Явилось порожнее место, которое в год две тысячи рублей безгрешного приносит дохода. Надобно знать, что сие место требует человека разумного, ученого и прилежного, ибо от него

блаженство и жизнь великого числа людей зависит. Трое домогаются сего места.

Первый из них дворянин без разума, без науки, без добродетели и без воспитания, хотя он во молодых еще летах записан был в службу, но оной, живучи у матери между нянек и шутих, никогда не исполнял, а доставал чины чрез предстательство, преимущественно пред теми, которые служили. Душ за ним тысячи две, но сам он без души. Коротче сказать, все достоинство сего молодца в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам.

Второй искатель места есть дворянин же, по родством ни с каким случайным боярином не связан. Поведения доброго, разума хотя не пылкого, однако наукою подкрепленного. Служит в полках и хотя отменного ничего не сделал, но, по крайней мере, исполняет свою должность с прилежностью. Знает человечество, из подвластных себе наказует только виновных, крестьян своих не грабит, живет не роскошно и по мере своего дохода, купцов по примеру других дворян не обманывает; словом, дворянин сей человек порядочный, и хотя он к важным должностям не вовсе годится, однако, благополучно бы было наше отечество, ежели бы таких дворян гораздо побольше у нас завелось.

Третий проситель места, по наречию некоторых глупых дворян, есть человек подлый, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природный его разум, соединенный с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным. Мало таких наук, которых бы он не знал или о которых бы он не имел понятия; защитник истины, помощник бедности, ненавистник злых прав и роскоши, любитель человечества, честности, наук, достоинства и отечества, верный друг, благоразумный отец, безмятежный сосед, рассматрительный и беспристрастный судья. Во всех местах, куда он от правительства был определяем, оставлял примеры разумного своего поведения; благополучны были те люди, которыми он повелевал; неустрашимы были те солдаты, которыми он предводительствовал, и неприятель всегда разбит, с которым он сражался. Покрытый ранами и содержа себя одним жалованием, никогда не негодовал на свою скудость, но сносил оную без роптания: словом, он показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей. Не просил бы он и упомянутого выше места, ежели бы здоровье его позволяло долее служить в армии или ежели бы он не был в состоянии подвластных сему месту учинить благополучными и восстановить их от раззорения, в которое приведены были бывшим судьей.

Читатель! угадай: глупость ли подкрепляемая родством с боярами или заслуги с добродетелью награждаются?

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки⁵. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны, однако ж не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не локривила своею мыслию и душею госпожа ваша прабабка, дав знать на своей стр. 140, в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие, слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан, но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает и ежели смели написать, что учитель любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи⁶, то есть, чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем, ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка, но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да я и не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию пазывается, в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть чужую жену или дочь, а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Кои построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку простительно брать взятки и набогататься грабежами. Пьянствовать также слабость или еще привычка, однако, пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так [и] в пороке не вижу ни добра ни различия. Слабость и порок, по моему, все одно, а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похвалает тех писателей, кои только угождать всем стараются, а вы, сему правилу не повинаясь, криводушным приказным и некстати умствующему прокурору⁷ не великое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже вас хвалить; зверок по кохтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки⁸, вы первый,

к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно, но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть трутнем, **чужие** дурные работы повреждающим, нежели такую пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке, но она меланхолических писем читать не любит, а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, отчего бы у нее от смеха три дня бока болеть могли.

9 мая 1769 года.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

Лист VI. 2 июня

Ведомости В Санктпетербурге

Из Литейной

Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, кричит и увещевает, чтоб всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям, чтоб не прощал им ни малейшей слабости, чтобы они и взора его боялись, чтоб они были голодны, нати и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле Змеян поступает с своими рабами, как проповедует. О человечество! koliko ты страдаешь от безумия Змеянова! и если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный *Мирен* не следует мнению Змеянову и совсем отменно с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, так, по крайней мере, не боится, чтоб он ими был проклиняем.

Из Москвы

Один посредственный дворянин, но любящий свою пользу больше общественной, имел крепостного человека, преискусного миниатюрного живописца⁹. Искусство сего живописца велико, но доходы, которые он получал за свои труды, весьма были малы. Причина тому та, что он холоп и русский человек, ибо в Москве есть обыкновение русским художникам платить гораздо меньше иностранных, хотя бы последние и меньше имели искусства; словом, доходы сего живописца за его содержанием весьма малый составляли оброк его помещику. Помещик, как

человек благоразумный и такой, который в рассуждении своих доходов, арифметику учил только до умножения, рассудил за благо сего живописца продать. Живописец купил бы сам себя, но не имел денег. Некоторый знатный господин, достойный за сие великого почтения, о том проведав и увидев его работу, купил его за 500 рублей и избавил его от неволи для того, чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию Художеств. Ежели сие сделается, то он ему откроет путь ко снисканию счастья. Вот пример достойной разумного, знатного и пользы общественную любящего господина! Дай бог, чтобы таковых наукам и художествам меценатов в России было больше!

Из Ярославля

Здесь все удивляются воздержности московских писателей. Известно, что почтенная наша старушка, Москва, и со своими жителями во нравах весьма непостоянна: ей всегда нравились новые моды, и она всегда перенимала их у петербургских жителей, а те прямо от просветителей в оном разумов наших, господ французов. В нынешнем 1769 году лишь только показался в свет Всякая Всячина со своим племенем, то жители нашего города заключили то, что и это новая мода. И как Москва писателями сих мелких сочинений весьма изобильна, то надеялись, что там сии листки выходить будут не десятками, но сотнями. Ради чего фабрикант здешней бумажной фабрики велел с поспешением делать великое множество бумаги, годной к печатанию, а между тем отправил своего приказчика на почтовых лошадах в Москву для подряду. Но он и мы все обманулись: в Москве и по сие время ни одного такого из типографии не вышло листочка, да и печатанные в Петербурге журналы читают немногие. Старый, но весьма разумный наш мещанин, *Правдин*, о сем заключает, что Москва ко украшению тела служащие моды перенимает гораздо скорее украшающих разум и что Москва так же, как и престарелая кокетка, сатир на свои нравы читать не любит.

Из Кронштадта

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur ¹⁰ из Руана в 18 дней; Vetilles ¹¹ из *Марсельи* в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие, так называемые галантерей-

ные вещи: перья голландские в пучках чиненные и нечиненные, булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли пруть будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, шолотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

* * *

Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям до просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть, могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

Подряды

Для наполнения порожних мест, по положенному, у одной престарелой кокетки, о любовниках штату, потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек; кто пожелает в поставке оных подрядиться, или и сами желающие заступить те убылые места, могут явиться у упомянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут.

* * *

В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться, могут явиться в оном месте.

* * *

Молодому рифмотворцу потребно здравого рассуждения, знания и искусства столько, чтобы достало на все те сочинения, которые он расположился писать; желающие поставить и взять лиже просимых цен, а у него купить прилежания и охоты к стихотворству, могут явиться в его квартире.

Продажа

За вексельный иск, описанное и оцененное в 14 р. 54³/₄ к. оставшее после покойного судьи *Правдулюбова* стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здоровом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу, ибо наследников

ко оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать, могут явиться у акциониста, который продавать будет.

* * *

Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем городе.

* * *

Издатель Тругня обещался публике, во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения, либо приносящие увеселение. О сем, по сие время всевозможное он прилагал попечение и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего, издаека и с улыбкою взирает он на брань *Всякия Всячины*, относящуюся к лицу г. *Правдулюбова*, ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни по чему не принадлежит, а только с нетерпеливостію желает он узнать, как таковые наполнены сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

Лист VIII. 16 июня

Издатель Тругня¹², во утешение Всякой Всячине, своей со-временнице, не хотел напечатать сего письма, но по справедливости не мог он в том отказать. г. Правдулюбову, тем паче, что он от Всякия всячины отдан на суд публике; итак, благоразумные и беспристрастные читатели сей суд по форме или и без формы, как им угодно, окончать могут. Оправдание г. Правдулюбова¹³ здесь следует.

* * *

Господин издатель!

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нраво-учительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разумеать не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А.¹⁴ прав, и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе Трутня ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная, но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц¹⁵, ни прочих, слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам; итак, их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце потому, что, по ее мнению, исключаю моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки, и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что пятый лист Трутня ответственать не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то кажется для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее правоучений. На то отвечаю, что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

6 июня 1769 году.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов

Господин издатель!

Чистосердечное ваше о самом себе описание мне весьма нравится, чего ради я от доброго сердца хочу вам дать совет: в вашем Трутне печатаемые сочинении многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо, да то беда, что многие испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо, ибо зеркало для того и делается, чтобы смотрящиеся в него видели свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшим, которое вернее показывает лицо смотрящегося. Но дело в том состоит, что в вашем зеркале, названном Трутень, видят себя и многие знатные бояре. И хотя вы в предисловии своем и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемые к вам сочинения, однако ж, злостию напоившие свои сердца люди ставят это на ваш счет. Вот что худо-то! Мне очень будет прискорбно, ежели кто на вас за то будет досаждать, а каково иметь дело с худыми людьми и знатыми боярами, я уже испытал. Я доживаю шестой десяток лет и во всю мою жизнь имел несчастье тягаться с большими боярами, угнетавшими истину, правосудие, честь, добродетель и человечество. О, г. издатель! сколько я от них претерпел! Смело сказать можно, что лучше иметь дело с диким тигром, нежели с сильным злым человеком; тот со всем своим зверством и лютою отнимает только жизнь, а последний оной не отнимает, но отнимая душевное спокойствие и крепость, приводит дух во изнеможение так, что иногда подосадуешь за то, на что написано: *Не ревнуй лукавствующим, ниже завидуй творящим беззаконие*. Но полно, ныне таких бояр немного. Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что их совсем нет! Что же делать! *В семье не без урода*. Надобно и за то благодарить бога, что их немного. Вместо старых, есть ныне из молодых господ такие, которые, важных не имея дел, упражняются в безделицах и пред малочиновыми людьми показывают себя великими министрами в малых делах, недостойных ни чина их, ни имени. Употребляя при том непростительные уклончивости, ласкательства, потачки и непозволительные хитрости, а все это для какой ни на есть безделицы или по слепому повиновению своим страстям и пристрастию к какой-либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были к важным государственным делам и прилежны ко исполнению оных так, как к малым, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем Трутне весьма пристрастно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господчик

говорил следующее: «Не в свои, де, этот автор садится сани. Он, де, зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая, де, смелость, не что иное есть, как дерзновение. Полно-де, его недавно отпряла Всякая всячина очень хорошо, да это еще ничего, в старые времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения¹⁶, но нынче, де, дали волю писать и пересмежать знатных и за такие сатиры не наказывают. Ведь, де, знатной господин не простой дворянин, что на нем то же взыскивать, что и на простолюдинах. Кто, де, не имеет почтения и подобострастия к знатым особам, тот уже худой слуга. Знать, что-де, он не слышал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали, а это, де, одни пустые рассказы, что он печатает только присыльные пиесы. Нынче, де, знают и малые ребята этот счет, что дважды два будет верно четыре, а сверх того в его, де, сатирах ни соли, ни вкуса не находят. Гораздо бы было лучше, ежели бы, де, он обирал около себя и писал сказочки или что-нибудь посмешнее, так как другие писатели журналов делают; так бы такое сочинение всем нравилось и больше бы покупали, так бы, де, ему больше было прибыли, а от этого журнала наверное, де, он не разбогатеет». Итак, г. издатель, совет вам даю следующий: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоров и не печатайте; нам они и так уже наскучили. И публика не такой худой имеет вкус, чтобы худое больше хорошего хвалила, но, следуя благоразумию, продолжайте печатать такие пиесы, какие мы по сие время в Трутне читали, но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных, тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие¹⁷, так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят. Я слышал следующие рассуждения: в положительном степене, или в маленьком человеке *воровство* есть преступление противу законов; в увеличивающем, то есть в среднем степене, или средостепенном человеке *воровство* есть шорок, а в превосходительном степене, или человеке, по вернейшим математическим исчислениям *воровство* не что иное, как слабость. Хотя бы и не так надлежало, ибо кто имеет превосходительный чин, тот должен иметь и превосходительный ум, и превосходительные знания, и превосходительное просвещение: следовательно, и преступление такого

человека должно быть превосходительное, а превосходительные по своим делам и награждение и наказание должны получать превосходительное. Но, полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается, как говорится! Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде, и чтобы мой совет принес вам пользу, а издание ваше всем знатым господам, чтобы так нравилось, как нравится оно семерым знатым боярам, которых я знаю.

Сии господа читать сатиры великие охотники и, читая оные, никогда не краснеют для того, что никогда не делают того, от чего, читая сатиры, краснеть должно. Впрочем, с удовольствием всегда есмь.

Там, где я нахожусь.
Июня 6 дня 1769 года.

К вашим услугам готовый
Чистосердов.

Лист IX. 23 июня

Ведомости В Санктпетербурге

Из Коломны

Забылчество дворянин, находясь в некотором приказе судьей, трудами своими и любовью к ближним нажил довольное имение. Он имел попечение о пропитании одних и в то же время разорял других подобных себе по образу, а не по делам, тварей; его следующими описывают красками: несправосуден, завистлив, пронырлив, прибиткожаден, скуп, жестокосерд к бедным, злоязычен, ябедник и крючкотворец; а жена его, как сказывают, толста, глупа и проч., короче сказать, оба они составляют сокращенное хранилище пороков. Он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав *во святой час* и не прочитав молитву *пресвятой троице*, водки никогда не пьет, хотя бы то было и в гостях, дела подписывает перекрестясь, говоря: *честный де крест на враги победа*, несмотря, что те его враги бывают иногда законы, истина, правосудие, честь и добродетель, ибо он часто вершит дела против законов и истины; от таких беспокойств он и супруга его занемогли.

Доктор прописал в рецепте для г. судьи *добрую душу и честь*, а для супруги *разум*, сколько одного потребно для судейской жены, но судья говорит: на такие, де, ненужные расходы не нажил я еще денег.

Недавно пред сим через наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш *Чистосердов* спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярмонок, и о проч., но он ни на что не мог порядочного дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин отвечствовал: философии.— А что такое философия? — Философия не что иное есть, как дурачество, отвечствовал ученик славного университета, а совершенный философ есть совершенный дурак.— О! так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, сказал мещанин, ибо я нахожу вас совершенным философом. Дворянин, усмехнувшись, отвечал: *Сократ*, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак, а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не *Сократ*.— Об вас это другие скажут.— А знаете ли вы, спросил дворянин, какая разница между ученым дураком и неученым? — Всеконечно знаю, сказал мещанин: разница между ими та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству.

И разошлись, дворянин поехал в путь, а мещанин нам сказал: видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают.

* * *

Судя некоторого приказа покривил весы правосудия: он в том не виноват, а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою, что правосудие против такой тягости устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов, могут явиться в том приказе.

* * *

Прокурор *Правдулюбов* с судьей *Криводушным* в одном сидит судебном месте. Судья заразился известною, под именем акциденции, болезнью¹⁸, и для того в решении дел часто с прокурором бывает несогласен. Прокурор, опасаясь дальнейших от того следствий, чрез сие объявляет, что, ежели сыщется искусной в лечении сих болезней лекарь и сего судью вылечит, тому за труды даст он награждение из собственных денег, ибо судья о лечении сей болезни и слышать не хочет; желающие помянутого судью пользоваться могут явиться у прокурора *Правдулюбова* немедленно.

Г. издатель!

Целую неделю у меня денег не было ни полушки, но вчера ввечеру один честный человек прислал мне червонец, которым он мне был должен. Вы не поверите, как я обрадовался, увидя сей блестящий металл, я не мог им налюбоваться, повертывал его в своих руках, клал в кошелек, вынимал опять, и смотря пристально, заметил, что он был обрезан. Ах, бедненький! вскричал я, ты побывал уже в жидовских руках: — по закону мойсееву обрезывали только самих жидов, но они по новейшему своему обычаю обрезывают все червонцы, которые к ним попадают в руки. Жалость объяла мое сердце, вообразя мучении бедного червонца, при обрезывании претерпенные, и будучи оттого вне себя, вскричал: О! если б ты, дорогой червонец, со мною мог говорить, ты бы, конечно, рассказал мне, как на свете ты обращаешься и как переходил из рук в руки? Но он был безгласен. Я пришел в досаду и говорил: немилосердая природа! почто ты дала глас ласкателям, кои сладостными речами в сердце вливают яд? Почто не безгласны красавицы: они настоящие сирены, они пленяют нас нежными словами, обольщают взор своею красотою и ввергают нас в презлейшие напасти. А злато, сей драгоценный металл, без коего разрушилось бы все на свете, ты, жестокая, уподобила несмысленной и бессловесной твари. Оно бы подавало нам нужные советы, учило бы, как его употреблять, конечно, оно бы было лучшим нашим наставником, ибо, когда, и быв бессловесно, освобождает нас от презренной бедности, коей терзания несноснее адских мучений и злее самой смерти, дает нам разум, чины, почтение и возводит иногда на высочайшие ступени, восстанавливает мир в государствах, возвышает, низвергает — словом, оно все может... Ах, природа!.. как ты несправедлива!.. От сильного волнения я ослабел, пришел в забвение и заснул. Но хотя утомленные члены и вкушали сладость покоя, однако, сон не истреблял смущения из моих мыслей. Я те же повторял слова..., но вдруг радость и удивление подали отраду моему сердцу, желание мое исполнилось, червонец начал говорить:

Что ты от меня услышать хочешь? Я довольно ведаю, что люди не любят слушать, когда говорят им правду, но я лезть презираю. Повесть моя тебе покажет, сколько вы непостоянны и что на свете все превратно. Когда меня взяли со дна Пактола¹⁹, коего прозрачные струи протекали в Лидии, тогда люди не столько еще были жадны ко злату, как ныне, один только Крез собирал сокровища, а большая часть его подданных упражнялась в трудах и наслаждалась спокойною жизнью. Я был положен в природном моем виде в сокровищах крезовых и дол-

гое время не видал никого из смертных, кроме стражей; наконец, увидел премудрого мужа Солона и слышал разумный его ответ надменному богатством своим Крезу и почитающему себя счастливейшим из смертных, он говорил: *Никто до смерти счастливым себя назвать не может.* Сие сбылось: я видел побежденного Креза, влекомого на казнь, а сокровища его оставленные на расхищение победителям. Тогда в первый раз я попался в руки немилосердного ваятеля: он меня несказанно мучил огнем и своими орудиями и, наконец, сделал из меня медаль, на коей изображалось падение лидийского царства и победа персидского монарха Кира. Я был в киповых руках, потом перенесен в чертоги персидских царей, где с другими медалями и драгоценными вещами лежал до самого того времени, как Александр Македонский последнего персидского царя Дария победил и соделал конец персидской монархии. Я не попался в руки победителей: одна персиянка, жившая в царском доме, или любя медали, или из сребролюбия, зарыла меня в землю со многими драгоценностями и, конечно, хотела после употребить в свою пользу. Но по определению судьбы я в виде медали и другие со мною положенные вещи весьма долго были сокрыты в земных недрах, и я за счастье себе почитал, что остался в покое ни мало не желая видеть свет, коего превратность довольно мог приметить из падения немалых областей. Однако судьба, всем управляющая по своею праву, захотела разрушить мое спокойствие, коим я многие столетия наслаждался. Меня вырыл один алхимист и, любясь моею древностию за то, что вы редкость любите, хотел меня везти в кабинет к какому-то королю. Но как все люди непостоянны, то и мой алхимист, раздумав далеко везти древнюю медаль, взял меня и расплавил. Я принужден был терпеть несноснейшие мучения, ибо он изыскивал, как мое золото отлично от нынешнего и огнем, и водою, и всем, что ему приходило на ум, меня пробовал, наконец, не нашед ничего, оставил моих товарищей медалями, а меня сделал простым куском золота, продал жиду, который, везучи очень далеко, привез во Францию. Жители сей страны мне были незнакомы, и одежда оных казалась весьма отлична от лидийской, персидской и македонской. Израильтянин продал меня французскому золотых дел мастеру. Я не мог надивиться, с каким искусством продавец по ветхому, а купец по новому законам друг друга обманывали. Сей мастер был весьма хитр на выдумки и такие делал вещи, о коих я прежде и понятия не имел. Я видел все крезовы сокровища, все великолепии персиян, однако не знал, что такое называют галантереями, но новый мой хозяин о всем ведал и умел делать все модные вещи. Не пробыл я еще и двух часов у сего француза, как увидел пришедшего к нему щеголя: у него волосы были включены и сделаны из них разные кудри и

осыпаны каким-то белым порошком; я после сведал, что вы, жители пынешних времен, сие называете пудрою и что ни одна разумная голова без ней обойтись не может. Одним словом, платье его, разное кривлянье и беспрестанная говорливость меня удивили; и его бы, конечно, почли шутком в Лидии, любезном моем отечестве, о коем я уже более и не слыхал. Он заказал моему хозяину сделать самую модную золотую табакерку и дал женский портрет, который велел в нее вставить. Сие дело касалось до меня: я опять стал терпеть мучение, прибавили ко мне много смеси и сделали из меня табакерку, кою хозяин называл самою модною. Я тогда еще не понимал, что такое мода, да и ныне точно не знаю, или вы модою называете управляющую вами глупость? Щеголь тотчас прилетел, схватил меня в руки, и поднимая плеча, ужимая губы, и махая руками, кричал страстным голосом, что я неоцененная табакерка для того, что во мне портрет его любовницы. Не знал я и того, что называли любовницейным портретом: но, наконец, сведал, что то было изображение лица той женщины, с которой любовник чаще бывает вместе, нежели с другими, больше с нею говорит, более ей лжет и чрез все происки старается ее обмануть. Французский щеголь, припрыгнув раза три, приткнув свои губы к сему портрету и расплатясь с золотарем, влез в ящик, сделанный на четырех колесах, или, по вашему, в карету, и приехал домой. Все, что ни представлялось моим глазам, казалось мне очень странно и смешно. Я сначала всему дивился, но, наконец, рассмотря все подробно, перестал удивляться модным вещам и сравнивать их употребление с древними мне известными обычаями, а стал вникать во нравы моих хозяев, коих у меня не мало перебивало.

Сей первый мой хозяин с утра до вечера ездил по городу и волочился за всеми красавищами, однако, не подумай, что он их долго любил, ибо на неделе раза по два он переменил портрет, который в меня вставлялся, и мне иногда было досадно, что он на место прекрасного вставлял портрет дурной, но что о сем и говорить, известно всем непостоянство сих господ. Мой хозяин был притом и страстный игрок и, по несчастию, проиграв все деньги, схватил меня дрожащими руками, уронил на пол, расшиб портрет, а меня согнул. Осердясь еще более на свое несчастье, поставил меня на карту в половинной цене и проиграл с оника ²⁰.

Выигрывший меня, видя, что я не могу отправлять прежней должности, и имея бриллианты, велел сделать серьги. Меня употребили в сию работу, раздробили на части и, вставя каменья, сделали две серьги: половина моего существа сгорела, а остатки остались у мастера. Вот я стал опять в новом виде: серьги вдела в уши кокетка, и я было радовался, что, быв столь близко ушей такой женщины, могу слышать все речи, кои ей

беспрестанно шептали на ухо мужнины. Но после узнал, что то были такие маловажности, которые не стоят того, чтоб о них и говорить, однако, довольно мог приметить, что ежели волокиты обманывают много женщин, то и кокетки их обманывают еще гораздо больше.

Если подробно описывать всю мою жизнь, то произойдет великая книга; знайте же, что, быв серьгами, был в ушах женщин разных нравов, был у жеманных, у простеньких и мало у разумных. После сего, выломав каменья из сих серег, употребили в складень, а из меня художник сделал маленькую печать, на коей было изображение купидона. Поверите ль, что в сем виде я перебивал более, нежели во ста руках: то служил волокитам, которые запечатывали мною все свои мнимые вздохы, слезы и отчаянье, то снимали меня с их часов красавицы и употребляли на такие же дела, то слуги и служанки, украв меня, продавали новым хозяевам. Наконец, я состарилась, изогнулась, попала в Голландию и сделали из меня червонец, в котором виде я иногда и в один день руках в двадцати перебивал. Для окончания же моей повести, кою сколько ни сокращал, но она была довольно велика, скажу, что привез меня сюда курьер и вчера проиграл на билиярде вашему знакомому, который меня к вам прислал.

Сей сон меня удивил, и я проснувшись, написал его и послал к вам, г. издатель, если сей бред вам понравится, то его напечатайте; если же нет, то издерите или сожгите: судьбину его оставляю на вашу волю.

22 июня.

Слуга ваш
N. N. ²¹.

Лист XII. 14 июля

Господин издатель!

Хочу вас уведомить о двух великих важностях, огромные не счастья в себе заключающих. Ужас поразил мое сердце, как только я перо взял в руки для уведомления вас об оных. Крепись, г. издатель, не допускай к сердцу твоему отчаяния, оно слабым только душам прилично. Теперь приуготовь твой дух ко вниманию лютейшего несчастья... Еще вторично прошу, укрепи твое сердце и внимай: Бургомистр города Б... весьма разгневался на своего короля. Другое злополучие еще хуже того: некто в Москве на некотором мосту ²² прежде стихи свои продававший, сюда прибыв, ваши листки называет безделицами, в себе ни разума, ни забавы не имеющими. Ах! его критика столько разумна и вам вредна, сколько бургомистров гнев королю

опасен! счастье, на которое как-то он налез, так его ослепило, что ныне равного себе в разуме не видит. Однако ж некоторые на рифмах бредни, им из разных чужих лоскутков спитые, многие похваляют, может статься, не приметив, что в них ни цвет к цвету, ни мысль к мысли, ни разум к делу не подобраны. Кто хочет увидеть сию правду, тот пусть прочтет Пегазу прекрасный нашим стихотворцем сочиненный дифирамб²³.

Я не знаю, как то здешний воздух весьма противен аглинскому. Там умные люди с ума сходят, а здесь рассудка не имеющие разумными представляются. Кто может на рифмах сказать байка, лайка, фуфайка, тот уже печатает оды, трагедии, элегии и проч., которые, а особливо трагедию т.²⁴, недавно напечатанную, полезно читать только тому, кто припимал рвотное лекарство, и оно не действовало. Здесь лягушка надувшись может говорить слогу, что он ростом весьма мал. Подобное сему я нашел в некотором журнале в 24 и 25 неделе²⁵. В сем журнале не знаю кто-то такой сердится, что много журналов печатается. Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает, однако ж говорит про других, что они, не зная, что писать, чужие журналы повторяют. При всем том, он на вас гневаться немалую имеет причину. Ваши журналы сделали то, что его листочков теперь почти никто не покупает, а ему на новый разжив деньги надобны.

В упомянутом журнале еще при досуге некто бредит следующее: отец многих имеет детей, однако не всех равно любит, и что подобным образом и журналы публикою равно любимы быть не могут. Он отчасти сказал правду, узнав оную из опытов на свой счет, однако, из того сравнения заключать не надлежит, что когда его и матери его журналы²⁶ явились в свет, то другим оных издавать не надлежало. Я уверен, что он сам своему правочению не последует, и ежели будет иметь от жены своей одного или двух любезных сынков, то наверно тем не будет доволен, но стапет стараться и о сочинении других. Теперь увидите, г. издатель, как за сие письмо господа критики своими сатирами на нас вооружатся, но я сего не опасаясь, да и вам бояться не советую.

Слуга ваш
N. N.²⁷

Лист XIII. 21 июля

Господин издатель!

Ты охотник до ведомостей, для того сообщаю тебе истинную быль: вот она. У некоторого судьи пропали золотые часы. Легко можно догадаться, что они были не кушленные. Судьи редко

покупают; история гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы, требующей в приказе, где судья заседал, правосудия, коего бы она, конечно, не получила, если бы не вознамерилась расстаться против воли своей с часами.

В комнату, где лежали часы, входили только двое, подрядчик и племянник судейский, человек приказный и чиновный. Подрядчик ставил позиные два года в судейский дом съестные припасы, за которые три года заплаты денег дожидался. Правда, имел он на судью вексель, но помогает ли крестьянину вексель на судью приказного, судью, может быть, еще знатного? Редко вексель действие имеет, где судьи судью покрывают, где рука руку моет, для того, что обе были замараны. Подрядчик, хотя невеликий грамотей, однако про это знает, и для того пришел просить судью о заплате долгу со всякою покорностью, и в то-то самое время часы пропали. Племянник судейский, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека, играет в карты, посещает дома, где и кошелек опустошается и здоровье увядает. Не было собрания мотов вне и внутри города, где бы он первый между прочими бездельствами пьян не напивался. Правосудию он учился у дяди, у которого, пришедши поздравить с добрым утром, украл и часы, о коих дело идет.

Худой тот судья, который чрез побои правду изыскивает, а еще хуже тот, который всякие преступления низкой только породе по предубеждению приписует, как будто бы между благородными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубцев. Случающиеся примеры противное доказывают, и один прощелыга, обращающийся довольно в свете, утверждает, что больше бездельства и беззакония между дворянами водится, нежели между простым народом, называемым по несправедливости подлостью. Подлый человек, по мнению его, есть тот, который подлые дела делает, хотя б он был барон, князь или граф, а не тот, который рожден будучи от низкостепенных людей, добродетелью, может быть, многих титулованных людей превосходит.

Кто добродетелью превысит тьму людей,
Не знает славнее породы тот своей.

Судья, хватившись часов и не находя их, по пристрастию рассуждает про себя так: «Я хотя и грабитель в противность совести и государских указов, однако сам у себя красть не стану; племянник мой также не украдет: он человек благородный, чиновный, а пуще всего мой племянник. Других людей здесь не было; конечно, часы украл подрядчик, он подлый человек, мне противен, я ему должен». Заклучил, утвердился и определил истязывать подрядчика, хотя сего делать никакого права не имел, кроме насильственного права сильнейшего.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывал *книги о преступлениях и наказаниях* (des délits et de peines) ²⁸, которую бы всем судьям наизусть знать надлежало. Видно, что он никогда не заглядывал в те указы, кои беспристрастным быть повелевают. Рассуждая по сему и по многим другим подобным судьям, кажется, что они такие люди, кои уреченные только часы в приказах просиживают, а о прямых своих должностях, как о сирском ²⁹ и о халдейском языках, не знают. О просвещение, дар небесный, расторгни скорее завесу незнания и жестокости для защищения человечества!

Уже страдает подрядчик под побоями судейскими, и плети, отрывая кожу кусками, адское причиняют ему мучение. Чем больше невинный старается оправдать себя клятвами и призыванием бога во свидетели, тем сильнее виноватый повелевает его тиранить; чем больше подрядчик просит, плачет и стонет, тем безжалостнее судья усугубляет его мучение. Бедный подрядчик, чувствуя свою душу, приближившуюся к гортани и скоро из уст выйти хотящую, не имея силы больше переносить мучения, принужден был, наконец, признаться в похищении часов судейских и чрез то прекратил чинимую над собою пытку.

Не столько любитесь щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала, не столько радуется господчик *Стозмей* ³⁰, когда ему удастся сделать вред кому-нибудь из тех, коих он для глушой своей любовницы по пристрастию ненавидит, не столько восхищался *Злорад* ³¹ при представлении гадко переведенной своей комедии, не столько веселится монах, когда случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству, ибо он уповал не только не заплатить того, чем он подрядчику был должен, но еще подрядчика сделать себе должным. В самом деле, в ту же минуту со всем судейским бесстыдством наблюдатель правосудия сделал следующее предложение подрядчику: «Если ты не согласишься тотчас изодрать моего векселя и не дашь мне на себя другого в двух тысячах рублях, то ты будешь за воровство свое в трех застенках и сослан на вечную работу в Балтийский порт ³². Все сие с тобою исполнится непременно, я тебя в том честным, благородным и судейским словом уверяю. Но если сделаешь то, чего от тебя между четырех глаз требую, то будешь сей же час свободен и твое воровство не пойдет в огласку, а для заплаты двух тысяч рублей даю тебе срок целый год: видишь, как с тобой человеколюбиво и христиански поступаю; иной бы принудил тебя заплатить и пять тысяч рублей за твое бездельство, да еще и в самое короткое время».

Истерзанный подрядчик, обливаясь слезами и произнося все

на свете клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность, и признание в краже, говорит он, учинил для того, чтоб избавиться хотя на минуту неспособного мучения; уверяет, что не только не может он заплатить в год двух тысяч рублей, требуемых несправедливо, но что все его имение почти в том и состоит, что его превосходительство ему должен, что, получивши сей долг, располагал он заплатить положенный на него государев и боярский оброк³³, а потом себе, жене и малолетним своим детям нужное доставить. От сих слов пылает наш судья гневом и яростью и невинного подрядчика в свой приказ, яко пойманного вора и признание учинившего, при сообщении отсылает. Весьма скоро отправляются дела в тех приказах, в коих судьи сами истцами бывают, и редко случается от прочих судей противоречие в том, что одному из них надобно, хотя бы то было совсем несправедливо. Собака собаку лижет, и ворон ворону глаз не выклевывает. В тот же самый день определение подписано было всеми присутствующими, чтоб допрашивать подрядчика под плетью вторично, и в тот же самый день сие бы исполнено было, если бы к счастью подрядчика не захотелось судьям обедать, ибо был второй пошолудни час и если бы на другой день не было вербного воскресения, и по нем страстной и святой неделей, в коих не бывает присутствия.

Подрядчик, заклепанный в кандалы и цепь, брошенный со злодеями в темный погреб, плачет неутешно, а с ним купно рыдают жена его и дети; слезы его тем обильнее текут, чем больше уверен он во своей невинности, а вор, племянник судейский, в то самое время рыская по городу, присовокупляет без наказания к прежним злодействам еще новые бездельства. Украденные часы проиграл он некоторому картошному мудрецу, который со всеми своими в картах хитростями беднее еще русских комедиантов. Картошный мудрец заложил их на два дни одному титулярному советнику, который по титулярной своей чести и совести только по привне за рубль на каждый месяц процентов берет. Советник продал их в долг за двойную цену одному придворному господчику, который имеет в год доходу три тысячи рублей, а проживает по шести, надеясь, что двор заплатит все его долги за верную и ревностную службу, которая состоит в том, что, будучи дневальным, роздаст иногда кушанье, да и то неспровоно и неоспрятно. Придворный господчик подарил их своей любовнице, всеми чувствами его ненавидевшей, которая в неделю святой пасхи отдала оные, вместо красного яйца, прокурору того приказа, где содержался подрядчик, чтоб г. прокурор постарался утешить ее отца, от которого она убежала.

По простествии праздников заседания в приказах начались, и день для подрядчикова истязания и освобождения, наконец,

настал. Судьи съехались, подрядчик к мучению был уже приведен, как прокурор, приехавши после судей и удивившись раннему их съезду, вынул часы для проведения времени. Судья, истец и другие присутствующие тотчас узнали украденные часы и без всех справок положили, что подрядчик оные продал той особе, от которой их прокурор получил, а чтоб подрядчика доказательнее в воровстве обличить, то отправили секретаря у оной госпожи взять расписку в покупке часов у подрядчика, коего между тем начали под побоями допрашивать о следующем: «не был ли кто из богатых купцов с ним в умысле? Не крадовал ли он и прежде сего? Кому продавал краденные им вещи? и пр.». Расспросы сии делались, как сказывают, для того, чтоб из безделья сделать великое дело, которое бы, может быть, никогда не вершилось и чтоб ко оному припутать зажиточных людей, от коих можно бы было наживаться.

Покамест секретарь о путешествии часов осведомлялся, подрядчик мучимый наказывал то, чего никогда не делал, и допросы, в трех тетрадах едва уместенные, показали ясно, сколь много лишнего в приказах пишут, что не всегда нужны побои ко изысканию злодеяния и что один золотник здравого судейского рассудка больше истины открывает, нежели плети, кошки и застешки.

Удивились судьи, когда секретарь донес и доказал, что часы у дяди своего украл племянник, а читатель беспристрастной удивится еще больше тому, что приказный секретарь не покривил душою и поступил совестно, но паче всего должно дивиться решению судейскому с тем мотом, который украл часы, и с невинным подрядчиком, дважды мучимым. Приказали: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно, а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут.

Повесть сия доказывает, г. издатель, что ничего нет для общества вреднее глупых, корыстолюбивых и пристрастных судей, на которых прошу тебя написать такую колкую сатиру, чтобы они все, устыдившись своего невежества, старались быть таковыми, какими им быть повелевают честь, совесть и государские законы.

Москва, 1769 году.

Покорный ваш слуга ³⁴

N. N.

Лист XIV. 28 июля

Господин издатель!

Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели, вашему Трутню в прошедший вторник немалое было бомбардирование ³⁵. Всякая

всячина добрый вытерпела залп³⁶, Адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия³⁷. Что касается до моих бесов, то я на оных наступающего уверить могу, что ему их бояться никакой причины нет, когда он человек честный, ибо добродетельного человека не только мои бесы, но и весь настоящий ад добродетели лишить не может. Я бы сему их неприятелю советовал истребить из мыслей то суеверие, которое, как он сам пишет, от младенчества при нем обитает, и когда он о делах по свойству их, а не по названию рассуждать захочет, то может статься имя бесов не столько ему будет противно.

Что касается до пасквиля³⁸, который был прислан некоторым писателем для напечатания, который ему назад отослан и который носится по многим рукам, то я оный, если когда-нибудь явится в свет, с прочими сего рода сочинениями, предаю на суд публике, которую я, считая за судью справедливого, потому, что читатель обыкновенно меньше бывает пристрастен, нежели писец, уверен, что клевета от истины весьма справедливо будет отделена и останется при своем хозяине. Известно всем, что и между сочинителями бывают люди разных свойств: есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние, будучи разумом весьма скудным, всего алкают и злятся на тех, кои рассудком достаточнее их. Я не только имена сих известных мне моих клеветников здесь умалчиваю, но и ниже какими-либо околичностями публике их лица означивать буду, ибо я намерен только доказать мою справедливость, а не бранить публично других.

Ни одно почти разумное сочинение не было без критики. Ювенала критиковал Повзаний ткач, Горация Витрувий архитектор, сочинителя Телемака³⁹ разобрал Фаидит, который был у Собиса лакеем, однако, Телемак на веки будет Телемаком, а Фаидит писателем презренным, как о нем написал славный Рамзей, которого нижеозначенные о Фаидите слова*, весьма приличны и моим злобным критикам.

* Рамзей, известный в учености муж, о Фаидитовой критике написал следующее: *On n'y trouve par tout que mauvaise foi, la profonde ignorance de l'auteur, critiques fausses, injures grossières, fades Plaisanteries chicanes pueriles et on eût pu dire à l'auteur ce que l'illustre M. Rousseau a dit à un homme de pareille trempe:*

...Et nouvel Erostrate
A prix d'honneur tu veux te faire un nom

То есть: В сем сочинении ничего найти не можно, кроме лжи, величайшего невежества автора, несправедливых критик, грубых обид, подлых пасмешек и ребяческих привязок, так что можно о сем писателе сказать то, что написал славный Руссо о некотором писателе сего рода:

...Ты новый Ерострат.
Бесчестием своим быть хочешь всем известным.

Я с моей стороны уверяю публику, что не буду впредь оную беспокоить ответами на ругательства злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писателям чем-нибудь надобно наполнить свои листки, я же с людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое-нибудь иметь с ними дело почитаю за стыд.

Покорный слуга *Б. К.* ⁴⁰

* * *

Господин *Б. К.* Бомбардирование, сделанное в прошедшей вторник моему Трутню, мне не страшно, да уповаю, что и г. Всякой всячине сделанной залп никакого вреда не причинит, ибо в сию против нас войну ополчилось невежество. В письме господина *Д. П.*, напечатанном в и То и се, напишаю, что госпожа Всякая всячина выжила из ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказал, что гораздо славнее дожившему с пользою и с рассудком до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться без ума. Но сей глубокой древности во Всякой всячине никто еще не приметил. Что ж касается до моего Трутня, в котором, по мнению господина *Д. П.*, ничего нет, кроме язвительных браней, ругательства, и что во оном в наивысочайшем степенн блистает невежество, на то скажу: пусть и То и се похваляется господином *Д. П.* и подобными ему; меня это не прельщает потому, что мое желание стремится заслужить внимание беспристрастных и разумных читателей.

Лист XV. 4 августа

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю!

На последнее мое к тебе письмо ⁴¹, слишком год дождался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюсь, откуда взялось такое твое о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твое воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду, да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаясь в кадетском корпусе ⁴² светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему разорения и печали. А ты, под призором горячо любившего тебя родителя, жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божиию; книг, соображающих от пути истинного, никаких ты не читывал, а читал жития святых отец и библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наши братья старики завидовали и удивлялись твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч., и не только мы простолюдимы, но и

священной левитской чин⁴³ тебе завидовал, когда ты, будучи еще сущим птенцом шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправляти мог службу? Куда это все девалось? Все конечно создатель наш, за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному диаволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец диаволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет, аггели мрака радуются, а силы небесные рыдают о твоей погибели. Ежели то правда, что я о тебе слышал, сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставая увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный улаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научился из тех книг? Вере ли несомненной? без нее же человек спасен быть не может. Любве ли к богу и ближним, ею же приобретается царствие небесное. Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою, знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил на мзде, и короче сказать, прешил и по слабости человеческой еще и ныне грешу почти против всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов, но не погасил любве к богу, исповедываю бо его перед всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видима, всевидящем оком, созерцающим во глубину сердец наших. О ты, всеильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего, диавола, не попусти ему погубити до конца творение рук твоих, послѣ от высоты престола твоего спутнику твою и святая истины, премудрость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диавола; я исполняю церковные предания, службу божью слушаю с сокрушенным сердцем, посты, среды и пятки⁴⁴ все сохраняю, не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов, ибо я и все домашние мои во весь год, окроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не ядим. Вот каково, кто читает жития святых отец! мы во оных находим книгах, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле, а ты сего блаженства лишаешься самопронзвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и сотрешить не можешь? Обманываешься, дружок: и в приказной, и в военной, и в

придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пребыть без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный, как возможем остерегаться от искушения; когда бы не было искушающих, тогда кто ведает, может быть, не было бы и искушаемых! Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет эдемском саде⁴⁵: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновением своим языком говорите: *За взятки надлежит наказывать, надлежит исправлять слабости, чтобы не родились из них пороки и преступления.* Ведаете ли вы, несмысленные, ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взятков.* Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость*? Разве думаете, что вы сотворены не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толикокрот его слабее, коликокрот меньше его живете на земли, гордитесь несвойственным сложением вашему твердостию? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюсь, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет, и земля, разверзшись, не пожрет во свое недра, стыдясь, что таковых в свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек, и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость. Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься, оставь сии лгубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать.* Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невежами, которые проповедуют добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божии неиспытанны, и как познавать вам небесное, когда не понимаете и земного? Помни только то, что *земля еси и в землю отъидеши.* На что тебе учиться речениям иностранным, язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти, но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона: они вас прельщают, вы читаете их с жадностию, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь⁴⁶ во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках их читаете, но чтобы совратить с пути истинного и незнающих чужеземских изречений, вы такие книги переводите и печатаете; недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помните мне, что ее называют К***⁴⁷. Безрассудные! читая

такие книги, стремитесь вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вечные мучения; из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра божия осталась. Какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак впоследствии тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда, а петербургские свои шашки все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни, итак делай сие дело скорее и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьей и моим по смерти достойным наследником. Исполни, Иванушка, мое желание, погреби меня сам; закрой в последние мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения, проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню, а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, проживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак, мы оба на земли проживши, по своему желанию, водворимся и в место злачно, в место покойно, идеже праведники упокоиваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня, ведь я тебе не лиходей. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

Остаюсь, дядя твой ***

Лист XVI. 11 августа

Ведомости

Из Коширы

В нашем уезде есть дворянин: он имеет за собою три тысячи душ, получает шесть тысяч рублей годового дохода и живет так, как научил его покойный родитель. В селе, где он живет, церковь деревянная построена еще прадедом его по возвращении из похода. Дом господский дедушка его построил было на время, но они так в нем обжились, что нового и по сие время не построили, ибо батюшка сего дворянина отягощен был делами, а именно: пил, ел и спал; а сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей, ибо он изыскивает, может ли боец-гусь победить на поединке лебедя, ради чего выписывает

из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по 20, по 30 и до 50 рублей за каждого, имеет бойцов-петухов. Содержит великое число псовой охоты и ежегодно положенный на него соседями за помятие их хлеба оброк платит бездоимочно. Ездит на ярмонки верст за 200 весьма великолепно, а именно: сам в четвероместном дедовском берлине ⁴⁸ в 10 лошадей и еще 12 колясок, запряженных 6 и 4 лошадьми, исключая повозок и фур с палатками, поваренною посудой и всяким его господским стяжанием. Свиту его составляют люди весьма отборные, в 4 колясках сидят по 2 шута, в 3 по 2 дурака, а в берлине он, да священник его духовник, в прочих же экипажах собаки, гуси и петухи-бойцы. Прошлого года ездил он в Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилетнему его сыну, но, не нашед искомого, возвратился и поручил его воспитание дьячку своего прихода, человеку весьма дородному. Со всем сим роскошным житьем он прожигает не больше ежегодного своего дохода. Дворянин сей говорит, что из всей его фамилии разумнее его не бывало. Может быть, это и правда, ибо дворянин наш лгать не охотник.

Из Кронштадта

На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо ⁴⁹ корабль, на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье ⁵⁰, маркизы и графы и что они будучи несчастливы во своем отечестве по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота, вместо Америки принуждены были ехать в Россию. Они во своих рассказах солгали очень мало, ибо по достоверным доказательствам они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода ⁵¹. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оно в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однако ж сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров ⁵² молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанять с сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения.

Подряды

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до несколько фунтов: желающие в поставке оной подрядиться, а у него кушить старую его от челобитческого виноградного и хлебного нектара ⁵³ переторевшую совесть, которая, как он уверяет, весьма способна ко отысканию желасмого всеми философического камня, могут явиться в собственном его доме.

* * *

Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место и по приезде желает он развесть редкое в том городе растение, именуемое *цветущее правосудие*, хотя воевода того города до онного растения и не охотник, чего ради потребен ему г. прокурору искусный садовник; желающие вступить во оную должность могут явиться у г. прокурора немедленно.

Лист XVIII. 25 августа

Ведомости

Из Москвы

Безрассуд, житель нашего города, помешался в уме, прочитав книгу *Разговоры о множестве миров* ⁵⁴. Сему удивляться не надлежит, ибо *Безрассуд* воспитан был под присмотром старушки, которая все известные простонародные басни о сотворении мира в самом еще младенчестве ему затвердила. *Безрассуд*, достигнув совершенных лет, не достиг, однако ж, ни совершенного ума, ни истинного о вещах понятия. С летами его суеверие и невежество приходили в совершенство. В таком-то состоянии прочитал он *Фонтенелля*; на всякой странице находил он не ясные о системе мира предложения, но тьму непроницаемую и удаляющуюся от его понятия. Он вострепетал, читая, что звезды подвижные суть такие же миры, каков и наш, что солнце стоит, а земля ходит, огромность висячих над нами тел и что оные один вокруг другого, а все совокупно с землею и с нами так скоро вертятся около солнца, его поразило; куда он ни ходил и где ни сидел, везде казалось ему, что какой-нибудь мир оборвался и весь земной шар стремится расшибить в пыль, то представлялось ему, что планета, сбившись со своего пути, зацепила землю и отбросила оную к солнцу и что мы уже пылаем; иногда казалось ему, что он видит землю вертящуюся, и для того хватался за что попадалось, чтобы не упасть;

словом, Фонтенелль и последние *безрассудова* ума отнял крошки: он не выходил из комнаты, не пил и не ел целые три дни; напоследок, лишившись совсем ума, ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощается, сказывая, что он в всякие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает.

Продажа

Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя⁵⁵ продаются в его доме повольною ценою.

Отъезжающие

Троекратно за взятки отрешенный судья добивался места с новышением чина, но, по несчастию, просил он о том такого господина, который прежние его прабительство имел еще в свежей памяти и оные почитал истинным беззаконием, чего ради он ему в прощении отказал. Судья, огорчась сею несправедливостию, отъезжает во свое поместье ко утеснению бедных своих соседей.

* * *

Профессор карточных азартных игр поссорился с полициею и для того отъезжает в Москву.

* * *

Chisneau⁵⁶ природный француз, находившийся у некоторого господина в должности управителя, отъезжает в Москву для прискания себе другого места, а управительское принужден он был оставить для того, что требовали от него исправных счетов, а француз сей арифметики не учился.

* * *

Отставной канцелярист, живший здесь для хождения за делами, отъезжает в Москву и хочет вступить там в должность поверенного, а здесь ему стряпчим быть заказано по некоторой причине; во утверждения сего запрещения он был здесь высечен плетьюми.

Gripou⁵⁷ гасконец, приехавший сюда с новою лотереєю, отъезжает в Москву; здесь ему не очень понравилось за тем, что мало игроков, хотя лотерея сия и весьма расположена искусно, а именно: что, кроме безделиц, выиграть ничего не можно.

Г. издатель!

Некогда читал некто следующую повесть⁵⁸: у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.

Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь опытным обеспокоены.

Для чего человек, который заражен самолюбием, для чего, творит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда ему не говорят.

Все самолюбивые много раз и многими были во книгах осмеяны; самолюбивый, конечно, их не читает за тем, что он с приятностию привык слушать льстецов, бесстыдно во глаза его похваляющих. Если бы сей человек, если бы вздумал такие повести читать, то бы сие для него было гораздо полезнее, как мнению, что такий-то не так пишет, как он, или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится, или что она намерена шить платье, коего покроя он терпеть не может, или что многие хвалят те сочинения, кои не согласны с его умоначертанием, или, что осмеливаются тогда писать, когда он пишет, или, наконец, что все то худо, что не по его и ему не нравится. Такий самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою, он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает, друтим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него несправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаясь из дома в дом, ему похвалы возглашали, что, однако, есть грех.

Читав сие, понял он причину, для чего сперва тысячами некоторые листы охотно покупали. Хотите ли оную узнать? Боюсь сказать, прогневаются; одно желание посмеяться самолюбию авторскому к сему юношрляю.

Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключения напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш; например:

Такой-то на сей неделе был у своей родни и передавал все пироги⁵⁹, давшие некоторой простодушной старушке в подающие; такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодезь⁶⁰; такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко⁶¹; тот-то насмешник подсмеял одну

женщину, велев ей для усыпления читать сочинения такого мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность ⁶² и что от той насмешки весь город хохотал целую неделю на счет насмешника.

Эдакий-то в досаду мусе Фалии ⁶³ не перестает марать и перемарывать свои комедии и непостижимыми своими умоначертаниями отягощать актеров.

Тот показывает, якобы он единоначальный наставник молодых людей и всемирный возглашатель добродетели ⁶⁴, но из под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера ⁶⁵.

Этот перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского Смотрителя ⁶⁶ и, называя их произведением своего умоначертания, восклицает: *и мы, яблока, пывем* ⁶⁷, и прочая, и прочая, и прочая!

Чрез сие он надеется удовольствовати всех читателей, показывая себя таким доброхотным человеком, кой более печется о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных. На все же те куски (pieces), кои шептать бы только на ухо должно, употребить хочет он печать самую крупную, дабы и без очков читать оные можно было, а паче, чтоб сии откровения угодность делали старушкам, зная, что их обыкновенная говорливость скорее распространит сии слухи, а наипаче молодым людям положат они на ум то, чего бы знать им не надлежало и что до них не следует.

Сведав сие, я думал, что мне непростительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей.

Слуга ваш... ⁶⁸

* * *

Г. издатель!

Скажите, за что вы все, господа издатели журналов, бранитесь? разве не можно писать, не делая вам бесполезных и нам неприятных браней, или задумали вы спорить о первенстве? так, пожалуйста, сие оставьте на наше решение, мы знаем, кто пишет хорошо и кто худо, ведаем, кого хвалить и кого хулить надлежит. Мы гораздо вас скромнее, а вам на что одному говорить о другом, что тот всех бранит, а другому о том, что тот обещается исправлять пороки, но не держит слова. Вы оба правы и оба виноваты. Оставьте это все, я вас прошу, для вас сие будет похвальнее, а для нас и полезнее и приятнее. Вы все разные имеете способности; пусть один из вас проповедывает добродетель и пишет наставления, а другой пусть осмеивает пороки и, писав сатирические сочинения, исправляет нравы; третий пускай рассказывает сказки и тем забавляет малосмысленных людей; следуя сему, вы все упражняться будете по своим способностям. Вот вам мирные договоры, согласитесь их под-

писать и исполнять; исполняя сие, вы все будете полезны и нам милы; мы вам по окончании ваших трудов скажем спасибо. Буде же не так, то, право, всех назовем дураками. Послушайтесь, это вам от доброго сердца говорит

М и л о с е р д.

Лист ХХІ. 15 сентября

Г. издатель!

Я не знаю, отчего во многих вкралось предрассуждение, что русские ничего так хорошо делать не могут, как иностранцы. Я видал, как многие, впрочем, разумные люди, рассматривая разные вещи русскими мастерами сделанные, хулили их для того только, что они не иностранными деланы мастерами. А незнающие и иностранные вещи, когда скажут им нарочно, что они русские, без всякого знания по одному только предрассуждению или еще и по наслышке хулят. Намедни сие случилось, и я вам это сообщаю для напечатания: пусть увидят все, до какой глупости иногда пристрастие нас доводит. Одному моему приятелю надобно было шить платье; мы ему советовали, чтобы он на то платье взял сукна ябургской фабрики, уверяя его, что те сукна в доброте и в цветах ни чем аглинским сукнам не уступают, не говоря, что они аглинских ценою дешевле, но он и слушать того не хотел, чтобы русские сукна были добротою равны аглинским. Он был тогда не очень здоров и для того просил меня, чтобы съездил я на Гостиный двор и взял ему образцы аглинских сукон. Я поехал, и как мне сие предрассуждение всегда казалось смешным, то захотелось мне уверить моего приятеля в его несправедливости. Я взял образцов аглинских сукон и ябургских и, положив в одну бумажку, показал моему приятелю, сказав, что это аглинские сукна; он выбрал ябургские и, любяся их добротою, шутил надо мною, говоря, что он ябургские сукна тогда покупать будет, когда они таковы же будут добротою, как аглинские. Послали за весьма искусным портным, показали ему образцы. Я ему потихоньку сказал, что тут одни аглинские, а другие ябургские, чтобы он выбрал из них аглинские. Портной, рассматривая белое и палевое ябургское сукно, сказал, что они аглинские. Я внутренне радовался их ошибке, и после, взяв ябургское сукно, отдал портному. Портной через два дня принес платье, приятель мой оное надел и был весьма доволен. Наконец я ему объявил его ошибку; портной сказал, что сии сукна между собою добротою так близки, что и различить почти невозможно, а приятель мой тому верить не хотел. Я отдал ему излишние деньги, ибо, ябургские продаются по 3 р. 75 к., а аглинские той же доброты по 5 рублей.

Приятель мой, наконец, согласился поверить, но после сказал: ямбургские сукна хотя и хороши, однако ж столько не проносятся.

Г. издатель! сколько нашей братьи, которые понаслышке о вещах судят. Желательно бы было, чтобы сие предраассуждение искоренилось и чтобы наши русские художники и ремесленники были ободрены и равнялись во всем с иностранными, чему примеров мы уже видели довольно.

Слуга ваш** 68

Лист XXIII. 29 сентября

Г. издатель!

Больных телом всегда бывает много, а больных душою еще больше. Первые пусть лечатся у тех особ, которые имеют позволение большую половину ими используемых методически и систематически морить, а последние, если угодно, могут пользоваться следующими рецептами, которые прошу напечатать, будучи вам будут не противны. Я уверяю, что сии рецепты никакого никому не причинят вреда для того, что я по сие время, ни охоты, ни случая не имел подобных себе убивать тварей, ибо я ни доктор, ни аптекарь, ни пристрастный судья и ни глупая повивальная бабка, но г. издателя

всешокорный слуга *Лечитель* 69.

Рецепты

Для его превосходительства г. Недоума

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего, по крайней мере, за пятьсот лет доказать не могут, а которые сделались дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он тнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает ниже имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал; не ездит он ни в церковь, ни по улицам, опасаясь смертельного обморока, которой непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможа, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою,

или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился. Завторяник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ со всем был истреблен, о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были похваляемы, а многими ⁷⁰ были опорочены для того, что изобретатель, для произведения в действо своей выдумки, требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества, почитает оные бесчестьем для всякой благородной головы. По его мнению, всякой шляхтич может все знать, ни чему не учась; философия, математика, физика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовники и патенты ⁷¹, едва, едва от пыли и моля спасшиеся, суть одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы ⁷², на которых имена его предков расписаны в кружках, суть одни картины, коим весь дом его украшен, короче сказать, деревья, чрез которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако г. Недоум о себе думает противное и, по крайней мере, в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные дома, экипажи и ливрею, несмотря, что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало.

Для излечения г. Недоума от горячки

Рецепт

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям, ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажем и ливрее.

Для некоторого судьи

Старайся знать потребности для твоего знания науки; без них ты никогда не будешь уметь правильных делать заключений и догадок. Человеколюбие и бескорыстие должны первыми быть путеводителями твоего сердца. Берегись невежества глупых господчиков и дерзости, с которою они обо всем решительно, но неправильно судят, беги праздности и лени, беги самолюбия, приличного только худым авторам, а паче всего убегай страсти бессовестного *Стозмея*⁷³; оно есть враг чести, добродетели и истинного человечества. Когда ты все сие истолчешь в порошок и пересыплешь им свое сердце и мозг, тогда будешь судия — отец, судия — истинный сын отечества, а не судия — палач.

Лист XXIV. 6 октября

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их наклоном своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле расprostираются. Он тогда думает: *Я — господин, они — мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора.* В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снеси хлеб твой.* Бедные крестьяне любить его, как отца, не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, за тем что насилу могут платить господские поборы. Они говорят: *это не мое, но божие и господское.* Всевышний благословляет их труды и награждает, а *Безрассуд* их обирает. Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою, во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком? Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя,

что прочие их братья у помещиков — отцов наслаждаются возделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастью, ради того, что они в своем звании благополучны ⁷⁴, то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки — господа, господа — отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобразующего нужное подчинение в неспосное што рабства. Но *Безрассуд* всегда твердит: *я господин, они — мои рабы, я — человек, они — крестьяне*. От сей вредной болезни

Рецепт

Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

Лист XXVI. 20 октября

Г. издатели!

Из ваших сочинений приметил я, что вы к состоянию крестьян чувствительны. Вы о них сожалеете вообще: похвально, по коликого ж достойны сожаления те, кои во владении у худых помещиков! Я к вам сообщаю отписки одного старосты к его помещику и помещиков указ к крестьянам; вы из того усмотреть можете, как худые помещики над крестьянами данную власть употребляют во зло и что такие господа едва ли достойны быть рабами у рабов своих, а не господами.

Слуга ваш Правдин.

Копия с отписки

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господский мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ, шестьдесят один рубль семнадцать алтын, а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублей четыре гривны, на деревенских тринадцать рублей сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли

двадцать копеек, а больше собрать не могли: крестьяне скудные, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась, а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков, по указу твоему господскому, на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили; говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, как поволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки, и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость, а за твою, государь, недоимку, по указу твоему, продано его две клетки за три рубли за десять алтын, корова за полтора рубли, а лошади у него все малы; другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его в конец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная; как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, откуда не подрастут робятишки: без скотины, да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе быют челом о завладевающей у нас *Нахрапцовым* землею; прикажи ходить за делом, он нас здесь разоряет и землю отрезал по самым нашим гумнам, некуда и курицы выпустить; а на дело, по указу твоему господскому, собрано тридцать рублей и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые; только прикажи, государь, добиваться по делу. *Нахрапцов* на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусьями хлеб потравили и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посылные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору, и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублей, воз хлеба, да пять возов сена. *Нахрапцов* попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму, секретарь ему родня и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору, он боярин добрый, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уймёт, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступишь, государь, за нас, своих сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят, и *Нахрапцов* всех нас шустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром быют челом о сбавке оброчных денег; нам уже стало невмоготу: после переписи у нас

в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы-таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не в мочь. Бude не помилуешь, государь, то мы все в конец разоримся; неплательщики все прибавляются, и я, по указу твоему, сбор делал всякое воскресенье и неплательщиков секу на сходе, только им взять пегде, как ты с ними ни повoliшь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублей с полтиною, да на две избы по пяти рублей за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег с Ипатки за то, что он в челобитье своем, тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и за тем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей. С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином взято пять рублей. И он на сходе высечен. Он сказал: *я де это сказал с глупости* и напредки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку три всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

Другая отписка и господский указ помещены будут в последующих листах.

Лист XXVII. 27 октября

Г. Злораду, думающему, что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей не чем иным принудить невозможно, как строгостию тль паче зверством и жестокими побоями. Для сей причины подчиненных ему слуг и за самое малейшие слабости и оплошности наказывает зверски. Он не говорит с ними никогда ласково, но такими словами, которые в них производят ужас. Одевает, обувает и кормит он своих слуг весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные невольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно памятуяют они свое рабство, и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей. Любовь к человечеству он опровергает, но утверждает, что рабам жестокость и наказание так, как и дневная пища, необходимо нужны. Надлежит думать, что он имеет сердце, напоенное лютым зверством и жестокостию, когда не слышит вопиющего гласа природы: *и рабы-человеки*. А нрав его весьма соответствует испорченному его воспитанию. От такой болезни надлежит прописать рецепт.

Сия барышня поминутно бранится с друзьями, детьми, слугами и своими девками. Она не может ничего приказать, не побраня. Друзья ее или ветрены, или угрюмы, или очень скупы, или расточительны, дети упрямы, слуги и девки ленивы, воры, пьяницы, моты, картежники; словом, она так бранчива, что ежели не найдет хотя малейшей причины кого-нибудь побранить, то бранит она самое себя. От непрерывного ворчания часто бывает она больна разными припадками. Ей потребен рецепт.

* * *

Глупомысл хочет непременно знатным быть господином, хотя имеет чин и весьма маленький. Он почитает себя весьма обиженным, ибо, по его мнению, он может быть и фельдмаршалом и министром и сенатором и всем тем, что есть на свете знатно, а в самом деле *Глупомысл* не что иное, как дурак, и ни к каким делам не годится.

Рецепты

Для г. Злорада

Чувствовавший истинного человечества 3 лота, любви к ближнему 2 золотника и соблезнования к несчастию рабов 3 золотника, положи вместе, истомочь и давать больному в теплой воде, а потом всякий час давать ему нюхать спирт, делающийся из благоразумия. Если ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 и до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние, и после сего он, конечно, излечится.

* * *

Госпоже Бранюковой

Всякий день по большому стакану давать пить воды, постоянной с благоразумием. Сие утишит беспрестанное волнение в ее крови и произведет то, что она крототливостью своею сама будет гнушаться и после того увидит, что люди без погрешностей быть не могут и что иногда оные прощать весьма нужно.

* * *

Г. Глупомысл желает невозможного и для него вредного. Сие произошло от худых мокрот, усилившихся в нем при его вос-

питании. Для очищения его от сих мокрот, надлежит ему привить *благоразумие*, так как оно обыкновенно благородным детям прививается в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Если ж леты его не позволят ему сей прививки сделать, то сия болезнь едва ли излечима.

Лист XXX. 17 ноября

Копия с другой отписки

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных; только мне взять негде, остался с четверыми робятишками мал-мала меньше и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над робятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность, и дал корову, а за меня заплатили подушные деньги, а то бы пришлось последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущей земли не пахал, нечем подниматься. Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришлось пойти по миру, будет ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне мало по малу исправиться и быть опять твоей милости тятлым крестьянином. За мною, покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Нынче пришлось на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет, и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих робятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин, а как подрастут робятишки, так я и добрый буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, государь наш, Григорей Сидорович, кому же нам плататься, как не тебе? Ты у нас, вместо отца, и мы тебе всей душой ради служить. Да как пришлось не в мочь, так ты над нами смилуйся; наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя. У нас в крестьянстве есть пословица, *до бога высоко, а до царя далеко*, так мы-таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь,

прикажи мне дать кляченку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться невозможно, ты сам, родимый, человек умный, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братьи крестьян, так и мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с робятишками кланяется.

Копия с помещичьего указа

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в *** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь за счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь пешадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку, и после из старост сменить, а сверх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки обогал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложный донос, обоих их дома опечатать и определить караул, а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить заpiresательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

И как нет сомнения, что староста донос учинил ложный, то за оное перевести его к нам на житье в село ***; буде же он за дальним расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него за оное еще пятьдесят рублей.

Сколько пожитков всякого звания осталось после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него, Данилова, взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять по твоему благорассуждению, но притом, однакож, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездомочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись, и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет на взятые выписи.

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить, ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания, а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубля с души.

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства ⁷⁵ других взять с него, вменяя в штраф, сто рублей и его перевести к нам в село *** на житье, а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за свое взыскать с него, опричь штрафных, двести рублей.

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги; а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок и бездомочно.

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусышное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привести с собою для обучения разным мастерствам.

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно; а старосте накрепко приказать неусышное иметь попечение о сборе оброчных денег.

*N. B.**** 76

Лист XXXII. 1 декабря

Разговор

Я и Трутень

Я

Г. Трутень! пожалуй, скажи, с каким намерением издаешь ты свой журнал?

Трутень

С тем, чтобы принести пользу и увеселение моим согражданам.

Я

Очень хорошо, намерение препохвальное. Но ты какой от того ожидаешь пользы?

Трутенъ

Польза будет велика, если только я заслужу внимание и похвалу разумных и беспристрастных читателей и благоволение знатных господ и покровительство.

Я

Первое отчасти исполняется; что ж надлежит до последнего, то не думаю, чтобы ты имел в том успех. Ведаешь ли, полно, ты, друг мой, кто и чем заслуживают благоволение знатных господ и покровительство?

Трутенъ

Конечно, ведаю: те, кои говорят им правду, показывают их слабости и нечаянные проступки и от оных их остерегают. Наконец, все те, которые приносят пользу отечеству, всегда заслуживают их покровительство и защиту.

Я

Худо же ты их знаешь. Напротив твоего мнения, покровительство некоторых господ заслуживают только те, кои им угождают, каким бы то ни было средством, дозволенным или не дозволенным; защита — те, которые льстят их слабостям, выхваляют бесстыдно во глаза тех, коих внутренне почитают скотами; тех, кои прославляют их добродетели, милосердие, кротость, или кто к чему пристрастен, удивляются стройности их тела, хвалят телодвижения и, словом, те, кои других бесстыднее, а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно слышат невсёжам, грубиянами и злонаправленными людьми. Теперь рассуждай, что тебе надобно писать, когда хочешь заслужить их покровительство.

Трутенъ

Так, по твоему мнению, в знатных господах нет ни единого добродетельного человека?

Я

Есть, только мало таких, которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как

и те, кои их беднее, и что они в знатные возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли делать благодеянии человечеству, помогать бедным и защищать угнетенных, а таких и очень мало, кои могут остерегаться ядовитого языка льстецов.

Тругень

Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; дорога, по коей они идут, гораздо скользчее нашей и, следовательно, чаще и претыкаются. По моему мнению, знатный господин должен быть больше человека.

Я

Нет; я хочу, чтобы он был только человек, но человек, посланку отличен от прочих знатностию своего сана, шотилику бы отличался и добродетелию, чтобы, восходя на степень знатности, не позабывал, что те бедные, от коих он отличен, остались еще такими ж бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных и тем не скучал, что он может делать добро; чтобы старался о благосостоянии государства больше, нежели о самом себе, и чтобы не откладывал того до завтра, что ныне может сделать, ради того, что нужда времени не терпит.

Тругень

Очень хорошо; ты хочешь, чтобы они пеклись о благосостоянии других, лишаясь своего, чтобы, других покая, сами беспокоились, короче сказать, памятуя других, себя позабывали; на таком основании, кто пожелал бы знатного достоинства? Сие бы преимущество лишало выгод жить для себя, и какая бы польза тогда была в знатном чине?

Я

Та, что они утешаться могут тем, что они возведены на такой степень, что могут делать другим добро, чем малочинные и бедные люди утешаться не могут. Не малая ли это отличность, что он признан добродетельнейшим многих подобных ему человеком и могущим делать добро. Вот что прямо добродетельного человека утешать может.

Трутенъ

Так неужели думаешь ты, что все знатные господа похожи на описанных тобою? Ежели ты так думаешь, так очень много ошибаешься. Посмотри на О... П... Н... С... В... Ш... Б... В... ⁷⁷. Не считая прочих добродетельных господ, сии одни должны обратить тебя на другие мысли...

Я

Я не спорю, что сии господа, тобою наименованные, столько добродетельны, как ты сказываешь, но для чего не именуешь ты мне тех, кои, восходя на степень знатности, совсем забывают человечество; бывают горды, несправосудны, завистливы, пристрастны и множество других приобретают пороков вкупе со знатностью.

Трутенъ

Да разве малочиновные и бедные не имеют тех же пороков? Перестань, мой друг, винить одних знатных; все люди слабостям подвержены, но разница между ими та, что в бедных людях не так их проступки приметны, за тем, что знатный господин, на вышнем стоя степени, привлекает на себя всех внимание и от такого великого числа судей его поступок не может укрыться. Надеешься ли ты, ежели будешь знатным господином, ты, который в нынешнем твоём состоянии считаешься добродетельным человеком, не иметь пороков, тобою ныне ненавидимых...

Я

Я не хочу и боюсь желать знатного чина для того, чтобы не лишиться спокойствия и человечества, коим ныне наслаждаюсь.

Трутенъ

Ты видишь, что я прав, утверждая, что во всяком звании есть много людей и добродетельных и порочных; итак, первые заслуживают по справедливости похвалу, а другие критику; что исполняя, не думаю, чтобы мое издание никому не нравилось и чтобы все меня за то злословили.

Я

Однако ж многие тебя злословят и говорят, что ты злонаправленный человек, что ты никого не щадишь и что в твоём издании, кроме ругательства, ничего нет.

Трутенъ

На весь свет и сама не угодит природа; так можно ли мне надеяться, чтобы мое издание всем правилось, довольно и того, что оно некоторым правится. Нет ничего, что бы не было подвержено критике. Пусть критикуют, однако ж бы не ругали. Если ж и к тому найдутся охотники, так я и за то сердиться не буду.

Я

Тебя бранят только те, кои сами заслуживают брань, и ты сего опасаться не должен. Впрочем, мне бы хотелось с тобою поговорить о другом, но теперь не могу долее с тобою пребыть.

Трутенъ

Мне и самому досадно, что разговор наш не тем кончится, чем бы я хотел.

Я

В другой раз мы с тобою поговорим побольше, а теперь прощай.

Трутенъ

Прости.

Лист XXXIV. 15 декабря

Г. издатель!

Вчера съ я, по обыкновенію моему, пришелъ въ трактиръ обѣдать. За столомъ сидѣли мы только четверо, я съ моимъ пріятелемъ и двое англичанъ, и все разговаривали, о чемъ кто хотѣлъ. Англичане о политическихъ дѣлахъ, а я съ пріятелемъ говорилъ о городскихъ новостяхъ, а между темъ ели. Въ половину обѣда вошли въ нашу комнату два человека, одинъ одѣтъ такъ, какъ обыкновенно городскіе купцы одеваются, а другой чисто, но однако жъ примѣтить было можно, что сей человекъ изъ приказнаго рода. Купецъ подошелъ къ трактирщику и спрашивалъ у него, что онъ возьметъ за обѣдъ, чтобы накормить хорошенько восемь человекъ? Трактирщикъ спросилъ у него, кто будетъ обѣдать. Приказный служитель, не давъ выговорить купцу, сказалъ, у его милости завтра здѣсь обѣдать будетъ *Правосудіе*. Онъ вознамерился его потрактовать⁷⁸, понеже дѣло его имѣетъ быть въ скорости предложено къ слушанію, того ради и подлежитъ упомянутое *Правосудіе* трактовать весьма богато, а я, г. трактирщикъ, васъ его милости рекомендовалъ. Трактирщикъ сказалъ, что съ другихъ бы онъ взялъ и больше, но когда будетъ у него кушать только *Правосудіе*, то онъ возметъ по два

рублей с человека, опричь папитков. Купец пришел во изумление и спрашивал, сколько же падобно папитков, чтобы *Правосудие* совершенно употчивать? Трактирщик отвечал, что он наперед этого сказать не может, но что по окончании стола подаст ему самый верный счет. Купец спрашивал после цену вин и больше двух часов торговался, наконец, хотя и въздыхаючи, однако ж отдал двадцать рублей в задаток и приказал приготовить хороший обед. Мы заметили, что купец отдавал деньги с великим сожалением, и из того заключали, что он сие делает лю нужде. По выходе их трактирщик и мы на счет их посмеялись довольно. Приятель мой и я весьма любопытны были видеть заказанный для *Правосудия* обед, и мы уговорились притти туда на другой день. Сегодня в 12 часов пошли мы в тот трактир, мы хотели обедать в одной комнате, но трактирщик нам униженно доносил, что сего ему никак сделать невозможно, но он во удовольствие наше назначил нам побочную комнату, из которой мы все видеть и разговоры званных гостей слышать могли. Купец бедный суетился и бегал, чтобы поскорее все было приготовлено и как возможно получше, но, однако ж, как возможно и подешевле. Как скоро стол был накрыт, то купец вышел на крыльцо и почти целые два часа стоял на часах, ожидая прибытия своих гостей. Мы также ожидали их с нетерпеливостию, ибо мне хотелось узнать в каком виде придет *Правосудие* на купецкий обед. Наконец, купец почти без памяти вбежал в назначенную для приема его гостей комнату и спрашивал, все ли готово, гости изволят ехать, и ошрометью побежал встречать. Мы оба с приятелем устремили свой взор туда, откуда должно итти *Правосудие*. Наконец, оно показалось нам, но в каком же виде? в виде нескольких секретарей и прочих приказных служителей. У сего *Правосудия* глаза не были завязаны, они ими смотрели на стол, для них приготовленный, по нескольких обнадеживаниях, что кушечное дело решено будет скоро. Сели они за стол, и я увидел, что *Правосудие* кушало изрядно. Один из них из поставленной перед него бутылки налил рюмку и только что хотел пить, как почувствовал, что *Правосудие* тем оскорбляется, когда трактирщик, вместо бургонского, поставил ординарное вино. Купец, услыша сие, с крайним огорчением переменял ординарное на бургонское и тем удовлетворял *Правосудие*. После начали пить здоровья всех гостей шампанским, венгерским и прочими хорошими и дорогими винами, не позабыли тут и скотов *Правосудия*, их здоровье также пили аглинским пивом. Купец, подавая каждую бутылку, испускал вздох. Наконец, вздумалось им выпить по бокалу благополучного окончания купецкого дела, и встали из-за стола. Тут начали играть на бильярде а лагер. *Правосудие* положило было с каждой персоны по несколько имперялов своих

денег, но случившейся тут приказный крючок тотчас стал тому противоречить и сказал: понеже почтенный сей купец звал обедать на свой кошт, того ради и эта игра должна по *Правосудию* быть на его кошт, между тем купцу шепнул на ухо, что это самое удобное время. Купец на сие согласился, они начали играть, а между тем почасту пили. Мы, увидя, что *Правосудие* так хорошо играет, что проиграть никогда не может, и как я страстный охотник до бильярда, то боялся, чтобы и нас не обыграло, и для того из трактира вышел. При выходе нашем приметил я, что *Правосудие* начинает уже шататься.

Слуга ваш Г. П. Р. Т. ⁷⁹

ТРУТЕНЬ

1770 год

Лист I. 5 января

В новый год новое счастье

Присловица старинная, но и поныне у всех на языке. Все счастья ищут, редкие находят, а прочие сетуют. Всякий представляет его себе во особливом виде. *Жидомор* ищет оного в великом богатстве, *Пышен* в великолепии, *Горд* в раболепстве ему подчиненных, *Влюбленный* во своей любовнице, и проч.: я сообщу моим читателям несколько примеров.

Прост воспитан худо, но природа одарила его изрядным попятием. В юных летах он читал премножество любовных романов и набил ими свою голову. *Прост* влюблен и думает, что он счастливейший человек из всех смертных, ежели любовница его подобным же горит к нему пламенем. Всякая ласка, приятный взгляд его восхищают; словом, *Прост* все счастье полагает во своей любовнице. Сие счастье не может быть долговременно, и *Прост*, конечно, обманывается. Нынешняя любовь весьма далека от любви наших предков. Многие женщины нашего века не почитают преступлением одного любить и шестерых обманывать и говорить, что истинная любовь требует от любовника веры или слепой доверенности, то есть видеть и быть слепу. Модные любовники так и поступают: они притворяются, будто во всем верят своим любовницам, хотя думают совсем противное. Они иногда попускают себя так, как искусные министры, обманывать для того только, чтобы способнее изведывать обстоятельства. Откуда произошло основание сих правил, я не ведаю, но знаю только то, что от подобных происшествий вошло в обыкновение говорить, что женщины гораздо хитрее мужчин. Я оставляю господам читателям решить, тот ли хитрее, кто думает, что обманывает, и обманывается, или тот, который

допускает себя обманывать и обманывает, а только то скажу, что *Прост* в городе счастлив не будет, пусть ищет он своего счастья в отдаленных от городов обиталищах.

Жидомор произошел от благородной крови, а имеет в себе кровь в тысячу раз подлее всех подлых крестьян, по мнению некоторых. Он был судьей в некотором нажиточном приказе в то время, когда грабительствы и взятки почитались подарками; следовательно, разоряя многих, нажил он довольное имение и умножил бы оное так, как и стон бедных и беспомощных людей, еще более, ежели бы сияющая во всю пространную Россию на престоле истина не извергла сего бездельника с места, определенного правосудию⁸⁰; его отрешили от оного, но он еще нашел способ утешать сограждан своих. Начал незаконно нажытые им деньги отдавать взаймы и собирать незаконные проценты, поставляя свое счастье во умножении богатства, несмотря, что он имеет ближних наследников и что сам он не проживает ни десятой доли получаемых ежегодно процентов. Словом, ежедневно прилагая беззаконие к беззаконию, часто жалуется на правление за то, что запрещено брать проценты выше указных. *Жидомор* счастье нашел, но незаконно; следовательно, всякий честный человек оному завидовать не будет.

Пышен имеет великое богатство, но употребляет его весьма худо. Вместо вспоможения бедным и других христианских заповедей, требующих исполнения, покупает ежегодно шремножество дорогих карет, имеет шремножество лошадей, лакеев, экипажей, и проч. Стол ежедневный у него бывает на 40 приборов, а садятся за стол по 15 человек. *Пышен* всем, что имеет, не доволен, он свое счастье полагает в том, чего иметь не может. Желание непозволенное и невозможное редко исполняется! *Пышен* для придания себе большей пышности хотел бы иметь богатство всего света. Сего счастья иметь он не может, а я ему желаю, чтобы он научился пользоваться тем, что имеет, он бы, конечно, был счастлив.

Сутяга непозволенными средствами при откупах и подрядах нажил довольное имение. Умирая за копейку, по всякий день умножает свое стяжание, но притом поминутно вздыхает и говорит, что он несчастлив, что детям его останется весьма мало, что он обижен и что все бездельники счастливы, а несчастлив только он один. *Сутяга* счастлив быть не может затем, что он, имея счастье в руках, не умеет им пользоваться.

Но можно ли исчислить все желания, всякий желает счастья по своим склонностям. Большая половина того желает, чего никогда получить не могут; они не будут счастливы. Наслаждаются счастьем только те, кои довольны тем, что они имеют, желания их ограничены. Они желают того, что нужно к их благоденствию, а не к удовольствованию их прихотей. На-

добно желать, чтобы они были довольствованы, например: *Честен* получает тысячу рублей годового дохода, проживает 750, а остальные употребляет в пользу бедных. Если *Честен* желает большего стяжания, то желает для того только, чтобы больше мог делати добра другим.

Наконец, следуя обыкновению, пожелаю я моим читателям в новый год счастья.

Вельможам

Будьте любимы вам подчиненными и простым народом. Располагайте свои поступки и дела так, чтобы они почитали вас предстателями в их нуждах и заступниками, а не считали бы вас тиранами, отъемлющими их благоденствие тогда, когда с престола истины щедроты на них реками изливаются. Будьте добродетельны, тогда вы бедных утешить не помыслите, делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию и печитесь о благосостоянии их больше, нежели о своем. Не слушайте льстецов, они, обольщая вас, пользуются вашими слабостями и силою вашею других утешают, а утешяемые почитают то ударом руки взлещя. Они вам говорят, что вы добродетельны. Лгут; они сами за глаза больше других поносят, сказывают, что все удивляются вашей щедроте, что вы не отказываете в их нуждах, они вас обманывают и называют дураками. Убегайте их, они яд, они желчь, наполняющий горестию сладкую вашу жизнь.

Будьте сами судиями своих поступков, веьте свои дела на весах беспристрастия, вы увидите, сколь они бесстыдны и сколько вы обманываетесь. Вот ваше счастье! Добродетельный человек вашего звания, конечно, назовет себя счастливым, если он сие исполняет, а исполнять вам сие не трудно, ибо бедный человек и то в знатном добродетелию почитает, когда не делает он ему зла.

Средостепенным

Состояние ваше требует, чтобы вы были любимы и знатными людьми и бедными. Вы содержите между высокостепенными и низкостепенными средину; итак, первым говорите всегда правду без грубости, показывайте им потрешности их, отдавайте почтение их добродетелям, а не чинам и справедливость их поступкам. Не поносите их за невинные проступки, ибо слабость свойственна человекам. Не льстите им никогда и чрез то не старайтесь входить в их милость, таковое счастье долговременно быть не может. Низкостепенным напомните их

должности и поощряйте ко исполнению оных своим примером. Наконец, приуготовляя себя к высшим степеням, приуготовляйте и добродетели, нужные сему состоянию. Восьте свои способности справедливо и потому желайте высших достоинств. Приучайте себя заранее сносить тягость знатной степени. Она блистательна снаружи и потому-то вас прельщает. Будьте искренны и с первыми и с последними. Наживайте друзей в настоящем звании, но таких, которые бы и по получении вами знатных достоинств необиновенно всегда говорили вам правду, чтобы они были столько добродетельны, чтобы вы могли от них заимствовать; если же вы не сыщете таких, то не сыщете счастья, хотя и будете на высшем ступени, ибо знатный редко имеет верного друга.

Мещанам

Желаю трудолюбия и праводушия.

Бедным

Добродетелей приличных их состоянию и чтобы знатные их не угнетали; вот их счастье!

Поселянам

Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здоровья и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастье ваше руководствует ко благосостоянию всего государства.

Наконец, пожелаю я и себе в новый год нового счастья. Чего ж я пожелаю? Г. читатель, отгадай. Я желаю, чтобы желание счастья моим сопращданам было им угодно, чтобы издание мое принесло пользу и чтобы меня не ругали.

Лист VI. 9 февраля

Г. издатель!

Не поверишь, радость, в какой ты у нас моде. Ужесть как все тебя хвалят и все тобою довольны. Я сама много раз от московских наших щеголих слыхала, что тебе пред всеми дают преимущество, а я твоего Трутня ни на какие книги не променяю. После покойного старичка, моего батюшки, досталось мне книг очень много, только, по чести, я ни одной не беру

в руки. Божусь тебе, что, принявшись за одну, провоняла было сухою моралью; об заклад бьюсь, что ты не отгадаешь, какие это книги? — все *Феофаны*⁸¹ да *Кантемиры*, *Телемахи*, *Роллены*, *Летописцы*⁸² и всякий эдакий вздор. Честью клянусь, что я, читая их, ни слова не разумела. Один раз развернула *Феофана* и хотела читать, но не было мочи; не поверишь, радость, какая *сделалась теснота в голове* *, а что надлежит для твоего Трутня то, по чести, я никогда не устаю его читать, ужесть как хорош! Теперь я все сказала, что надлежало до тебя, выслушай же, радость, и мою просьбу.

Батюшка покойник, скончавшись третьего года, избавил меня от ужасных хлопот и беспокойства. Ты удивишься, как я тебе скажу: у вас в Петербурге и в голову никому это не входило. Послушай, да не засмейся, уморишь, радость! я принуждена была смотреть за курами — ты хохочешь, потерпи пожалуйста. — За курами, за гусями и деревенскими бабами — ха! ха! ха! Рассуди, радость, сносно ли благородной дворянке смотреть за эдакою подлостью. Я не к тому рождена, но батюшка мой, покойный старичок, все-таки на своем поставил. Он воспитал меня так худо, как хуже трудно и придумать. Я знала только, как и когда хлеб сеют, когда сажают капусту, огурцы, свеклу, горох, бобы и все то, что нужно знать дураку приказчику. — Ужасное знание, а того, что делает нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной приехала в Москву и увидела, что я была совершенная дура. Я не умела ни танцевать, ни одеваться и совсем не знала, что такое *мода*. Вот до какой глупости отцы, подобные моему, детей своих доводят! Поверишь ли, г. издатель, мне стыдно тебе признаться: я так была глупа, что по приезде только моем в Москву узнала, что я хороша, — рассуди теперь, как меня приняли московские щеголихи. Они с головы до ног меня засмеяли, и я три месяца принуждена была сидеть дома, чтобы только выучиться по моде одеваться. Ни день, ни ночь не давала я себе покоя, но, сидя перед туалетом, надевала карнеты⁸³, скидывала, опять надевала, разнообразно ломала глаза⁸⁴, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливали мушки, училась различному употреблению опахала, смеялась, ходила, одевалась и, словом, в три месяца все то научилась делать по моде. Мне кажется, ты удивишься, как могла я в такое короткое время всему да еще и сама научиться? Я тебе это тайнство открою, послушай: по счастью, попалась мне одна французская мадам, которых у нас в Москве довольно. Она еще до просьбы моей предложила мне свои услуги, рассказывала мне, в каком я пахожусь невеже-

* Модное слово.

стве и что она в состоянии из меня сделать самую модную щеголиху. Вот какое из нас французы делают превращение, из деревенской дуры в три месяца сделать модную щеголиху для человека невозможность, а французы делают. Какою благодарностию должны мы французам, они нас просвещают и оказывают свои услуги и тогда, когда их не требуем. Лишь только вышла я из рук моей учительницы, то и показалась в собрании. На меня уже другими глазами смотрели, я познакомилась со многими девицами и науку мою совершенно выучила. Скоро после того услышала, что и меня называют модною щеголихою. Сколько я тогда радовалась, уморить ли тебя? — В тысячу раз больше, как радовался батюшка мой, получая в году тысячу четвертей хлеба с своего поместья. Тогда-то узнала я, что мы и с хлебом и с деньгами нашими без французов были бы дураки. Они еще дешево продают о нас свои попечения. Услыша лестное о себе мнение, не пропускала я тогда ни комедии, ни маскарадов, ни гульбищей, везде я попевала. Ты, радость, можешь рассудить, что девка осьмнадцати лет, которая от всех слышит: *мила как ангел!* тотчас наживет себе завистниц; со мною точно так и сделалось. Меня стали снова пересмеывать, но уж из зависти, видя, что молодые мужчины толпами за мною бегают. На всю злость московских щеголих и ласки молодых мужчин смотрела я с холодностию. Многие молодчики в любви мне открывались, но я смеялась — я еще больше делала, сказать ли? — я дурачила их, сколько хотела, а они не сердились. Наконец, попался мне молодчик хорош, как ангел, умен и притом щеголь. Он в меня влюбился до безумия, и я к нему почувствовала, не знаю, что-то отменное от прочих. Я восхищалась, видя его на маскарадах, он летал, как ветер, когда он танцевал, и везде, где я ни бывала, находила тут и его. Несколько времени было это мне приятно, а после безотвязностию своею он мне и наскучил. Я вознамерилась его позабыть и слово свое сдержала. После сего молодчиков с десятком пробовали свое счастье, но я и с ними точно так же поступила.

Вот обстоятельства, в которых я нахожуся. Дай, радость, мне хорошенький совет: так ли мне поступать, как начала, или и самой в кого-нибудь влюбиться. Пожалуй, ангел мой, напиши мне поскорее ответ, да не умори меня: я его с нетерпеливостию буду дожидаться и прежде пока его не получу, не скажу тебе, кто я такова. Мне хочется и тебя помучить. Прости, радость!

Р: S. Ужесть как хочется, чтобы совет твой поспел к нашим маскарадам.

В Москве,
ноябрь 25 дня
1769 года.

Государыня моя! я человек чистосердечный, итак, не прогневайтесь, ежели скажу, что поступки ваши совсем мне не нравятся. Послушайте искреннего совета! оставьте их, они унижают вашу красоту. На что прелестное ваше лицо, я разумею из письма вашего, на что его различными намазывать красками? Глаза ваши блистают, может быть, огнем, на что вы их коверкаете? — *мода* и тут замешалась! Еще вас прошу оставьте сие несвойственное вам искусство: прекрасного не можно прекраснее сделать, но разве безобразнее, превеликую делаете вы честь своей учительнице! если все они ту только делают пользу, так они совсем для нас не нужны. Оставьте все искусство и дайте в себе удивляться делам природы. Вы не захотите, может быть, следовать моему совету для того, что боитесь скуки; не опасайтесь, сударыня, г. сочинитель *Всякия всячины* обещался предписать вам упражнению, следуйте только им, вы скуки чувствовать не будете. Наконец, советую вам читать и хулимые вами книги, хотя изредка. Советую также побольше иметь почтения к памяти вашего родителя. Впрочем, за хорошее ваше о Трутне мнение я бы вас благодарил, если бы похвала сия была умерена и справедлива, но вы предпочитаете моего Трутня таким славным сочинителям, у которых *недостойн я отрешить ремень сапог их*; итак, от принятия сей похвалы прошу меня уволить.

Письмо г. *Правдулюбова* напечатано не будет. Оно задевает *Всякую всячину* и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно. В том же письме г. *Правдулюбов* делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену, нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму, и проч. Я сообщаю г. *Правдулюбову*, что подобных сему писем и впредь печатать не буду ⁸⁵.

Лист XI. 16 марта

Г. издатель Трутня!

Нет средства, чтобы не писать сатир на подъячих, сия тварь весьма неспосна честным людям. Самое бездельное дело наделяло мне множество хлопот: нужда мне была, чтоб в Москве в**** ⁸⁶ подписали мою подложную. Я, изготоясь совсем к отъезду, зашел туда, думая, что в четверть часа могу быть отправлен, однако весьма обманулся в своем чаянии. Пришел в Коллегию, спросил, у кого такие дела; сторож, отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами

и стриженной бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замазаны чернилами и в которой павалено великое множество бумаг, столов и сундуков, подъячих, оборванных и напудренных, т. е. разного рода человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись. Столь странное зрелище привело меня в удивление, я спрашивал зачем тут такая драка, и пасилу мог доведаться, что так наказывали приказных служителей за разные их несправности.

Дожидался я часа два, чтоб сии господа успокоились; после того подходил ко многим, дабы узнать, что мне делать. Насилу нашел дневального, у которого сии дела; он мне гордо сказал: *Подождите, не бывал дежурный*. Я говорил: мне сказали, что это вы, сударь. Он засмеялся и сказал мне: *я дневальный, это правда; однако, дневальный и дежурный не все одно*. Наконец, после многих насмешек научили меня, что дневальный есть канцелярист, а дежурный регистратор, теперь я это знаю, а прежде не ведал ни об одном из сих животных. Дожидался дежурного, который сказал, что о сем, де, надлежит учинить представление господам присутствующим⁸⁷ и как они соблаговолят. Дожидался и присутствующих и, ходя по разным мытарствам и слушая бесконечные *завтра*, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам, с превеликим трудом получил милостивое решение, не могши без того обойтись, чтоб не заплатить за труды моим почтенным докладчикам.

Прости, г. И[здатель], я отправился в свой путь, сделав клятвенное обещание не входить ни за чем в места, определенные для правосудия.

Из Москвы,
февраля 9 дня
1770 года.

Слуга ваш. N. N.

Лист XV. 13 апреля

Господин Трутень!

Кой чорт! что тебе сделалось? ты совсем стал не тот, разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелось послушать, как станем бранить? так послушай.— Ну, да полно, шутки в сторону. Пожалуй, скажи, для какой причины переменял ты прошлогодний свой план, чтобы издавать сатирические сочинения? Ежели для того, как ты сам жаловался, что тебя бранили, так знай, что ты превеликую ошибку сделал. Послушай ныне, тебя не бранят, но говорят, что нынешний Трутень прошлогоднему не годится и в слуги и что ты ныне так же бредишь, как и другие. Надобно знать, что хулы есть разные: одни шроисходят от зависти, а другие от истины; итак, я советую лучше терпеть

первые, нежели последние. Что тебе нужды смотреть на то, что говорят другие: знай только сам себя. Пожалуй, г. новый Трутень, преобразись в старого и будь любезным нашим увеселением, ты увидишь, что и тебе от того больше будет пользы, а то ведь я чаю, ты, бедненький, останешься в накладе. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего. Пожалуй, послушайся меня и многих со мною, а буде не так, так прощай, Трутень, навсегда⁸⁸.

Апреля 6 дня,
1770 года,
в Санктпетербурге.

Тот, кто написал.

* * *

Господин издатель Трутня!

Мне кажется, что тебя избаловали похвалами, почему ты и вздумал, будто всякий вздор, да лишь бы напечатан был под заглавием Трутня, то примется читателями, равно как и хорошие сочинения, в нем напечатанные. Ежели ты так думаешь, так поверь *, что ты много ошибаешься. В прошлогоднем твоём Трутне большая часть сочинений были очень хороши и им отдавали справедливость, например: ведомости, портреты, рецепты, твой Демокрит⁸⁹, некоторые пьески в стихах, также и многие письма в прозе, заключающие в себе столько остроумия и соли, столько хорошего вкуса, здравого рассуждения и чистоты русского языка. Нет нужды, и боже меня сохрани, чтобы я стала говорить, будто ты целил в них на известные тебе лица. Довольно того, что твои сатиры очень хороши. Я не скажу, чтобы совсем не было подобных прежним сочинениям и в нынешнем твоём Трутне, но скажу по чести, что они в нем так редки, как были редки в прошлогоднем худые. Этого кажется довольно, ты видишь, что я говорю искренно; итак, не сомневаюсь, что ты воспользуешься моим советом и будешь в выборе пьес поразборчивее. Прости, г. издатель!

Услужница ваша
не отгадаешь кто.

* * *

Подобных сим я получил еще четыре письма, в коих во всех приносится инде с ласкою, а инде с бранью на меня жалоба мне же самому. Говорят, меня избаловали похвалами. Прошлогодний Трутень хорош, нынешний дурен, гадок.— Господа читатели! господа читатели, остановитесь хоть на минуту! За что

* Я не скажу *радость*, для того, что тебя ныне приличнее назвать *печалью*, ты, мой свет, очень достоин, чтобы хорошенько побранить тебя, но, однако ж, я еще потерплю.

вы на меня гневаетесь? прошлого года кричали вы, что в моем издании кроме ругательства и брани, подлых мыслей и проч. ничего нет *, и за то меня бранили; браните и ныне за то, для чего нет в нынешнем издании подобных прежним сочинениям. Милостивые государи! скажите ж мне, кто из вас говорит правду и кого я должен слушать? Если правы последние так за что меня бранили первые? Если ж правы первые, то не стыдно ли бранить меня последним? Я знал и прежде, что на всех угодить невозможно, а ныне узнал то опытом над самим собою.

Итак, господа читатели, не прикажете ли сказать, что проплогодний Трутень большею частию правился вам для того, что это было еще ново, но по прошествии года все еженедельные сочинения вам наскучили. Не с одними ими вы так поступаете, всякая новость вас прельщает, а потом и наскучит. Ежели так, то не прикажете ли всякий месяц переменять заглавия... Наконец, оставляю вас рассуждать по произволению, оставьте только меня в покое, я вас не трогаю, не браните ж и вы меня.

* * *

Г. издатель!

Скрепи свое сердце! Я поразить тебя намерен! Несчастный! ты не ведаешь своей горести. Послушай, да не заплачь, не пролей реками слез твоих, ныне и без того грязно. Ну! укрепись и выслушай. Прабабка твоя, госпожа *Всякая всячина*, скончалась ⁹¹. Это еще скрывают, но через неделю о том узнают все. Бедный сирота! ты остался у нас один. Что я вижу? ты плачешь! Не плачь, бедняжка, а мы, право, не заплачем. Во утешение твое, сочиняю я твоей прабабке похвальное слово и как скоро оное окончу, то к тебе его сообщу. Ах, бедный Трутень! как ты мне жалок! Не умри и ты, ибо многие видят в тебе смертельные признаки. Добро, вы, читатели, всех издателей переморили **, экие варвары! Ну прости, голубчик мой Трутень, миленький Трутень, пожалуй, береги себя, не простудись, нынче еще погода не очень хороша. Прости, сироточка, живи невредимо на многие лета. Сего желает.

С превеликой печали о кончине
твоей прабабки, право, позабыл как меня зовут.

* Смотри *И то и Се* и *Всякую Всячину*, еженедельные сочинения 1769 года, в которых брани мне написано очень много. Во *Всякой Всячине*, правда, что она относится к лицу г. *Правдулюбова*, но в *И то и Се*, без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и походит на П... ⁹⁰, но я...

** У меня есть приятель ремеслом один из тех, которые людей морят. Он меня заподлинно уверял, что моровое поветрие на издателей точно от того: сделалось, что они всегда бранились, а причиною тому были читатели, ибо они своими письмами их ссорили.

За сожаление благодарствую, печаль о кончине *Всякой всячины* хотя и велика, однако ж не такая, чтобы я позабыл, что мы все смертные. Впрочем, много милости...

Лист XVI. 20 апреля

Господин издатель!

Всякая всячина простилась, И то и се в ничто превратилось, Адская почта остановилась, а Трутню пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только чтоб более людям не быть в тягость и не наскучить своими рассказами. Что за вздор долго ли и впрямь читать одно да одно, все Трутня да Трутня! Сколько денежек ни выдавай, а другого не ожидай, как посмотришь на листок, так все заглавие одно носит имя. Что нужды до содержания, когда не разное именованье; вы бы все, сколько вас ни было ⁹², старались лучше о выдумках, чтоб по крайней мере каждый месяц... нет, долго, каждую неделю переменить именованье своего издания. Удивительно, право, как вы по сие время еще не переняли поступки красавиц, которые бы вам хорошим образом в таком случае служить могли. Представьте себе только, сколь тонок их вкус; они никогда не делают то, что с переменою не сопряжено, так как же такое бесконечное племя издания читать без скуки, которые свое звание не переменяют. Нет, я вам чистосердечно признаюсь, что я давно об них и слышать не хочу. Сперва я было таки листков с десятков без тройкого прочтения не оставлял, да и во сне про них видел, а ныне ужесть как несносны, да и скучно об них ведать, что они в свете есть. Ну, прости, мне недосуг больше писать, пора мне ехать в ряды и купить... я сам не знаю, что.

Ваш покорный слуга
Вертопрах.

Лист XVII и последний. 27 апреля

Г. издатель Трутня!

Я и многие со мною имеем справедливую причину на тебя да еще на г. издателя *Смеси* жаловаться. Вы своими шутками причиняете нам убыток: не подумайте, чтобы я жалел о тех деньгах, которые платил за ваши листы, боже меня сохрани от такой несправедливости, я всегда скажу, что мы за оные платили деньги с превеликим удовольствием, ибо получали от того пользу и увеселение. Выслушайте ж мою жалобу, она истинно справедлива, вы критиковали, не знаю, какого-то стихотворца ⁹³, может быть, и весьма справедливо, да дело-то в том

состоит, что вы его, как говорится, задели за живое. Он на вас разгневался, как раздраженный стихотворец, пылал яростию и желал отомстить свою обиду. По несчастию общему всех читателей, это случилось в то самое время, когда сей стихотворец издавал в печать книжку своего перевода. Тут-то он себя удовлетворял, ибо к книжке, состоящей менее трех листов, написал на четырех листах предисловие⁹⁴, в котором пространно утверждал, что критикующие люди злые, а критики их неосновательные, что они в силу указов дарованную вольность умам употребляют во зло, осмелясь критиковать человека, достоинства свои совершенно знающего, что он те критики, яко неистояробеснующихся молодичей⁹⁵, малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками острого разума воспроизжелавших посверкать, соблаговолит уничтожать и презирать и что он на них ни единого не будет ответствовать слова, но, забывшись, исписал четыре листа, наполняя из предсердия его исходящим ругательством, не позабыв притом прикрыть сие завесою благочиния. А все это почти за одно словцо: *рыгать*⁹⁶. Вам шутки, а нам убыток, ибо за двадцати пяти копейчную книжку принуждены мы платить по пятидесяти копеек. Словцо это показалось и в новом вашем Трутне, что все предвещает, что мы опять напрасный убыток нести будем, а книгопродавец без предисловия той книжки не продает. Итак, прошу вас, г. издатель, пожалуйста, оставьте его в покое, не рыгайте новоизобретенными его нелепыми изречениями и тем не причиняйте нам убытка. О сем просит

Москва 1770 года,
в апреле месяце.

покорный ваш слуга
Я в своем доме.

* * *

Письмо [господина] с печали позабывшего свое имя и при нем сообщенное на погребение *Всякия всячины* похвальное слово, так же как и прочие присланные ко мне письма, некоторые в стихах сочинении и *молодой в России путешественник*⁹⁷ напечатаны не будут, ради того, что Трутень, с превеликой печали по кончине своих современников, и сам умирает. Надлежит заметить, что поколение еженедельных 1769 года сочинений с ним пресекается.

Расставание или последнее прощание с читателями

Против желанья моего⁹⁸, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваши обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоя-

щем годах издал я во удовольствие ваше, а, может быть, и ко умножению скуки, ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний, в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенести сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом, словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук. ...Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце⁹⁹, я бешусь, бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает, но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено, я бросил его опять, беру другое и хочу изъяснить состояние души моей, но печаль затмевает рассудок, с какою скорбью возможно сравнить печаль мою, не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею, не столько бесится подьячий, как читал указ о *лихоимстве*, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться, не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения трехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит в пользу своей души лишить наследников своего имения, пустить их по миру, а имение, беззаконно им нажитое и ограбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его, но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение, не столько страдал *Кащей*, когда несправедливо захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало, не столько бесится завистливый *Злорад*, когда при нем другие похваляются, или когда он кого ругает и ему не верят, не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются, не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостью ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатеринбург на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свидание; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет, печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю, буквы мною написанные кажутся малы, и, следовательно, не могут изъяснить великость оных. Я черню и перечерниваю, засыпаю песком, но ах! вместо песошницы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Прозорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюсь оных.. падаю в обморок... упал на стол, замарал лицо и так лежу... Чернильный запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшись с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей,

но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнаете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горестъ? так-то вас печали других трогают? теперь неудивительно мне, что при представлении трагедии в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопите слезами, но, увы, ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез; жестокие! вместо пролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова, окамененных ваших сердец ничем невозможно тронуть! Я заклинаю себя наказывать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так я вас накажу... но... на что колебаться, слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА „ПУСТОМЕЛЯ“

1770 год

Письмо к НКЛ. ЛКСВЧ. ЛДЖНСКМ.¹

Любезный друг!

Удивисься ты, когда узнаешь, что в отсутствие твое судьба, или лучше сказать, моя слабость сделала меня автором ежемесячного сочинения; я и сам не меньше твоего тому удивляюсь, но дело уж сделано. Я не ведаю, хорошо ли будет окончание моего труда, но знаю то, что ежели оно будет худо, то в бытность твою здесь не сделал бы я сему начала: дружба твоя ко мне и редкое чистосердечие меня от того отвратили бы. Я избрал тебя, любезный друг, своим меценатом и посвящаю первый месяц начальных трудов моих; если понравятся они тебе, то я уверен, что понравятся и многим: хороший твой вкус, знание во словесных науках и беспристрастие в том меня удостоверяют. Но достанет ли тебе время на прочтение сей безделки? Ты сражаешься с неприятелями нашего отечества²; ты будешь участником тех славных лавров, коими прехрабрые российские воины по справедливости увенчаются. Слава дела ваши возвестит позднейшим потомкам и удивит их. Нет, любезный друг, не трать времени для безделки, оно драгоценно; всякая минута умножает вашу славу. Продолжай ревностно пещися о исполнении твоей должности; имей в памяти примеры храбрых и славных людей и подавай собою примеры. Посвяти услуги твои и самого себя премудрой и великой монархине, истинной матери подданных своих, в пользу твоего отечества; преодолевай врагов: ты россиянин, сего ко преодолению и ко приведению их в ужас довольно. Наконец, если останется свободная минута от исполнения твоей должности, то посвяти ее нашему дружеству. Вспомним, что я навсегда

верный твой друг С. И.³

То, что употребил я вместо предисловия

Тысяча желаний, набившиеся в мою голову, затмевают рассудок, так что я не знаю, которое прежде удовольствовать и чем начать: вот каково в первый раз сделаться автором! Пустого писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мне и самому несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором⁴. Пишут все, что ни попадется; спорят, критикуют, решат и, запутавшись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; и так останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимают писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать сурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют⁵ в деревнях и меняют оные на лапти и яблцы, но они обманываются. Щепетильнику нужно только трудолюбие и несколько ума для различения хороших товаров от худых, ибо и продаются оные людям не гораздо просвещенным, то есть таковым, каковы наши крестьяне и крестьянки. Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здоровое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель. По несчастию нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продает: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка; таких грешников не только у нас на Руси, но и во Франции много*. Они пишут все, что с ними повстречается, хватаются за все, начинают и никогда не оканчивают, затем что не имеют цели своим желаниям. Что нравится им, то думают они, понравится и всем. Но это уже чересчур много обижать читателей, будто они хорошего отличить не умеют от худого. Сказывают, что самолюбие не только что с хорошими писателями, но и с мелкими бумагомарателями неразлучно; а некоторые уверяют, что оно и тогда прилипает, когда еще

* Может быть, скажут мне, что я и сам годеи в число сих грешников; не поспорю, но скажу в ответ, что я на свои слабости так же смотрю, как и на чужие.

они намереваются быть писателями; но я сего не утверждаю; а скажу только, что самолюбие есть болезнь самая прилипчивая и для писателей опасная. Я исследовал самого себя и думал, что я не самолюбив, но меня одна госпожа⁶, которую я очень много почитаю, уверила, что я обманулся: и подлинно, я после узнал, что погрешности в чужих сочинениях мне гораздо приметнее, как в своих, может быть, оттого, что критиковать легче, нежели сочинять, как некоторые утверждают; но я этому не совсем верю и думаю, что правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять. Впрочем, чистосердечие осталось во мне и поныне, ибо я тотчас соглашусь и поверю, кто скажет мне, что я написал худо; но, кажется, тому поверю больше и лучшего о том человеке буду мнения, которой похвалит. Я еще скажу: самолюбие прилипчивая болезнь. Писать еще лишь только начинаю, а критиковал уже многих.— Но я, заговорясь, удалился от своей цели. Говорить и заговариваться, переходя из материи в материю, есть одна из моих слабостей. Читатель! тебе надобно к этому привыкать: в продолжение моего издания нередко это случаться будет. Ну, г. читатель! теперь я стал автор; может быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя⁷; однако ж не жди, чтобы я тебя об оном уведомил. Сколько хочешь, сам думай, отгадывай, разведывай и трудись, мне до того нужды нет. Многие из вас столько жадны к новостям, сколько подьячие ко взяткам, щеголи и щеголихи к новым модам и кокетки к волокитству, и столько легковверны, как ослепленные любовники. Вы часто о сочинениях судите по сочинителям, а некоторые из вас и не читавши, но по одному только слуху делают неправильные заключения; итак, польза моя требует, чтобы я имя свое утаил. Не знаяши оного, как скоро прочтешь ты десять строк моего сочинения, то наверное заключишь, что я писатель не третьей статьи; может быть, подумаешь, что я человек знатный, следовательно критиковать не осмелюсь; ты подумаешь, может быть, что я — по нет, этого не скажу, а оставлю на твою догадку. Если ж бы узнал мое имя, то, может быть, и переменил бы свое намерение и, вместо почтения, начал бы меня уничтожать. Сносно ли это автору? автору новому, да и такому, который предпринял прославиться во всех концах пространной России? Современем будут удивляться моим сочинениям, станут их превозносить похвалами, будут покупать с превеликою жадностью и за дорогую цену; скажут: *это преславное сочинение, которого автор нам неизвестен, заслужи...* Потихше, потихше, г. автор, умерь свой восторг, помолчи и оставь это на догадку читателей. Не уподобляйся без нужды тем несносным самохвалам, которые выпрашивают, или лучше сказать, отягощая слушателей чтением своих сочинений, похвалу из них вымучивают

и после проповедают, что они до небес оными превознесены были. Пускай завистники из всей силы кричать будут, что твое сочинение вздор.— Ты этому не верь; пусть бедные писатели со слезами просят, чтобы их из милосердия не критиковали, и пусть спрашивают они у читателей благосклонного принятия трудов своих: тебя не такая ожидает участь, и для того поступай с читателями отменно. Прими на себя важный вид, подобный тем авторам, которые, не больше десяти строк написав, отнимают первенство у всех прежде их прославившихся творцов. С первой строки приведи читателей своих в удивление и, не дав им опомниться, пользуйся их смятением, повелевай им по своему желанию, приказывай им бегать вослед за парящим твоим разумом: пусть будут они гоняться по всем местам за летучими твоими мыслями. Если ж ты сам начнешь уставать, то поймай Пегаса и, седиши на него, развезжай по своему желанию; мучь его, сколько угодно, он будет тебе докорен. Но ежели, паче чаяния, он воспротивится и тебя не пустит сесть, то... ко этому быть не можно. Когда все несмысленные рифмоторцы сего бедняка мучат, то как он осмелится противиться тебе? тебе, который предпринял овладеть всем Парнасом? Забудь, что не умеешь ты ни одного соплесть стихика; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибавлять рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и все, что им вздумается; короче сказать, если тебе Пегас воспротивится, то поймай его за гриву, оборви крылья, сядь насильно и поезжай прямо на Парнас, сделайся властителем оного, перемени все по своему желанию и определи новые всем должности. *Аполлона* за худое правление накажи, определи его парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых твоих стихотворцев; наказание велико, но он того достоин. Сам сядь на его место, возьми лиру и греми по своему желанию; что нужды, складно или нет, лишь только не жалей своих рук, греми громче, удивляться, конечно, будут. Муз распоряди другим порядком. Плаксивую *Мельпомену* одень в платье из трагических листов, в одну руку дай ей чернилицу с пером, вместо книжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и беспрестанно кричать: *Ах! увы! погибло все!* Вместо венца на голову прикажи комиссару своему написать ей эпитафию. Сим способом будет она смешна, а не плакать заставлять. *Талию...* О! эту насмешницу надобно хорошенько помучить, до сего времени она всех осмеивала; но ты сделай так, чтобы все, на нее глядя, смеялись. Платье сшей ей гаерское, в руку вместо маски дай ей вызолоченный пузырь с горохом и заставь читать Л *** комедии⁸, которых она терпеть не может и которые ее, конечно, измучат.

Обезьяну ее не позабуди поставить к ней поближе, и чтобы она сколько возможно больше коверкалась и тем смешила народ. Вот самое лучшее средство комедию превратить в шутку! *Каллиопу*⁹ сделай шиворотнишком; украшения все с нее оборви, она их ныне не достойна; эпические стихи вырви из рук ее и брось; вместо трубы, дай ей рожок и прикажи наигрывать повести о троянских витязях¹⁰. Если ж захочешь ты отвратить посещения, которые тебе, как повому воеводе, непременно прочими богами сделаются, то прикажи ей читать одну из новых пьес, она, конечно, всех гостей рыганьем своим отгонит¹¹: ибо с некоторого времени *Каллиона* стала весьма обжорлива. *Клио*¹² пусть ходит по гостининому двору, рассказывает купцам разные истории и тем себя кормит. *Эрату*¹³ хотя бы и надлежало совсем отставить, но чтобы не сделать ей беспричинной обиды, то оставь ее для приманки, пусть новые твои стихотворцы будут за нею волочиться и станут писать элегии... О! они так ее взбесят, что она, конечно, сама попросится в отставку. *Уранию*¹⁴ совсем отставь и вели питаться мирским подающим. *Эвтерпа и Терпсихора*¹⁵, обе девушки добрые, правда, что одна очень задумчива, но другая, напротив того, всегда весела. Оставь их обеих для себя; только до того времени без жалованья, пока не выучатся, первая играть на волынке, а другая плясать в присядку. *Полиимнию*¹⁶ пожалуй в копеек и прикажи переписывать набело все свои сочинения. Славных авторов сделай разпосчиками, прикажи им по всем местам продавать свои сочинения и выхвалять их сколько возможно больше; им к этому уже не привькать. Слепого *Гомера* из жалости сделай хоть вахмистром при Парнасской канцелярии: этот бедный старик в разносчики не годится. *Виргилию*, наклавши полный мешок нелепых изречений, прикажи ходить по рынку и продавать их повольною ценою. *Пегаса* назови щепетильником и прикажи продавать по деревням билетцы, эпиграммы, загадки, эпитафии, песенки и прочие мелочные стихотвореньицы. Ну, г. автор! теперь ты весь Парнас оборотил вверх дном: осталось только одно славное дело сделать. Все правила стихотворства и грамматики уничтожь: это только пустое затруднение. Позволь писать всякому, кто как хочет и что взбредет на ум; ты увидишь, что у тебя стихотворцев будет во сто тысяч раз больше, как у старого *Аполлона*; комиссара твоего взбесят, завалят сочинениями и сделают тебе новый Геликон: лишь не накладывай на рванье пошрины. Впрочем, не худо будет, ежели ты Ипокренскую воду¹⁷ превратишь в чернила, новым твоим рифмотворцам великое тем сделаешь облегчение. Наконец... да где ж мой читатель, и что он делает? А! он не посмеет на мною следовать и, оставшись в Петербурге, заснул. Подожди, я тотчас тебя разбуду. Читатель!.. Но, увы! Я и сам проснулся и сделался из *Аполлона* простым писцом:

такое превращение несносно! А причину сему ты, читатель; ты помещал мне наслаждаться приятною мечтою. Скажешь, что все это вздор! согласен; но мало ли подобных сему вздоров ты хвалил? так поступи, пожалуй, и с моим так же. Желать того, чего не можно получить, и возвышаться выше своей сферы есть слабость общая всех человеков. Все люди бредят, но бредят только во сне, а молодые писцы имеют дар бредить и въяве. Теперь узнал ты, читатель, каково иметь дело с молодым писателем и его восторгом. Я начал писать предисловие, в котором должен был уведомить о том, что буду сообщать в моем издании, но, заговорясь о том, совсем позабыл; я бы должен был ошибку мою исправить и хотя теперь о том тебя уведомить, но боюсь обещать море, чтобы после не вылилась лужа; итак, всего лучше о том не рассказывать. Если захочешь читать мое издание, так читай, пожалуй, то, что будет написано; если ж тебе не понравится, так не читай: в моей власти состоит писать, а в твоей читать или нет. Так поступай в том по своему благорассуждению, а меня оставь следовать моему: кажется, что сим средством можно прожить нам бессорно.

Самое негодное дело ¹⁸ быть автором ежемесячных или еженедельных сочинений; я не говорю о тех почтенных авторах, которые за свои сочинения заслужили вечную похвалу; но о сих марателях, которые, следуя пословице, не учась грамоте, становятся лопами. Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что труднее быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правила почитают за стыд. Сими-то примерами, по несчастию, завлечен я в неисходный авторства ров. С начала моего издания думал и я так, как многие господа сочинители, что ничего легче нет, как сочинять, но в продолжение узнал, что ничего труднее нет, как писать с рассуждением. Не успел я отпечатать первого месяца моего сочинения, как уже сам стал находить в нем погрешности; стал бояться, что он читателям не понравится, что станут меня за то критиковать; но что ж из сего вышло? рассуждение изволило замолчать, а самолюбие торжествовало и в знак своей победы, вместо трофеев, выдало в свет первый месяц «Пустомели». Он показался и заслужил от некоторых благоволение; я сам слышал похвалы моему сочинению от людей знающих, не будучи им известен; они говорили: этот человек подает надежду быть хорошим писцом, слог его чист и плавен, продолжали они, но надобно ему побольше упражняться. Слыша сие, самолюбие шептало мне в уши: ты еще и большей достоин похвалы, но рассуждение кричало: неправда; однако ж я этого не слыхал. Не столько радуется мать, когда слышит похвалу своему любезному и избалован-

ному сынку; не столько восхищается любовник, когда по трех годах бесплодного своего старания и страдания противу чаяния от любовницы своей услышит: «и я тебя люблю»; не столько веселится и щеголиха, когда удастся ей сделать платье по вкусу и удачно одеться и когда ей все мужчины кричали: «мила, как ангел!» а она, приехавши домой, станет перед зеркалом и переговаривает те же самые слова: «мила, как ангел!» Коротче, сказать, радости моей ни сравнить ни с чем, ни изъяснить невозможно. Г. читатель, ежели ты автор и ежели тебя когда-нибудь хвалили, так спроси ты у себя, сколь велика была моя радость. В другом месте услышал: надобно этому автору, говорили мои судьи, надобно ему побольше просвещения, впрочем, пишет он не худо. Третьи хвалили предисловие, но не довольны были сказкою. Иные хвалили сказку, но не довольны были предисловием. Еще были люди, которые говорили, на что ему мешаться в политические дела, мало ли в городе новостей, которыми бы он читателям своим гораздо больше сделал угождения, нежели как ведомостями о политических делах ¹⁹. Иные по известному свосму добросердечию ругали мои загадки, говоря, что это не загадки, но наглый вздор. Такие разные рассуждения и толки привели меня в замешательство и дали рассуждению на несколько минут торжествовать над самолюбием. Надобно угодить всем читателям, размышлял я, но что такое им сообщить? и достанет ли к тому сил моих? — Нет, нет, это невозможно. Сто раз принимался я писать и опять вычерчивал; что понравилось бы, по моему мнению, одним, то, вычерчивал; что понравилось бы, по моему мнению, одним, то, заключал я тотчас, не поправится другим читателям. Горестное состояние! глупое упражнение! бесполезный и ненавистный труд быть автором без достоинств или не иметь довольно бесстыдства все написанное предлагать, одобрять и превозносить еще больше славных сочинений! Тут-то я узнал, что не всякий может быть хорошим писателем, кто только писать имеет охоту; так как не всякий тот хороший имеет в напитках вкус, кто только пить хочет: пьяница и простое вино хвалит лучше шампанского, а самолюбивый автор и прескверное свое сочинение ставит лучше чужого совершенного. Несносное не имеющее среднего пути состояние! надобно быть или хорошим писателем и быть из зависти поминутно критиковану, или скверным и быть посмешищем всего города; слыть ругателем или дураком. Вот два награждения, которые авторы получают за свои труды. Я бессилен, рвал бумагу, ломал перья... но они ли виноваты? проклинал ту несчастную минуту, в которую в первый раз написал: Пустомеля. Словом сказать, если когда-нибудь тебе, читатель, случалось быть в беседе с пустомелею, который беспрестанно болтает, а сам никого не слушает, или с престарелою кокеткою,

которая рассказыванием старинных своих любовных дел, себя утешая, наводит скуку другим и слушателей отягощает; или с трусом, который на военной своей лире напевает все свои походы, осады городов, сражения, превозносит свою храбрость до небес, описывает робость других и удивляется нынешним обрядам; или со школьным педантом, который иначе не умеет говорить, как силлогизмами, и без «эрга»²⁰ ни единого не выговаривает слова; или с ветреным молодчиком, который опричь из романов о любви вытверженного ничего говорить не может; или с судьей, приказным крючком, который и с девицами ничего иного не говорит, как о указах, приказных крючках и пытках; или, наконец, со стихотворцем, которой равняет себя со славными российскими писателями и говорит только о чищении русского языка, похвалу себе и хулу другим, и которое чищение разумные люди называют порчею русского, без порчи прекрасного наречия; итак, если г. читатель с этими людьми когда-нибудь бывал, так ты знаешь, каковы они несносны, таков-то несносен был я сам себе, или еще столько, сколько несносны Талии Л*** комедии²¹. Вот, в каком был я тогда состоянии; но в самое сие время вошел ко мне незнакомый человек. Во время моего с ним разговора беспокойство мое уменьшалось, а по выходе его и совсем успокоился. Я стал на авторство смотреть другими глазами, после того взял перо, написал, предаю тиснению и оставляю горестные авторские минуты позднейшим моим потомкам: пусть будут они со временем трудиться узнавать, подлинно ли был я в таком жестоком состоянии или только выдумал; чистосердечно ли я сам про себя это написал или целил на известное мне какое-нибудь лицо²²; пусть будут делать заключения, какие им угодны; а я между тем опишу разговор мой с незнакомым человеком и читателю моему сообщу, только не теперь, а со временем.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСЕЦ“

1772 год

Часть 1

Неизвестному г. сочинителю комедии
«О время!»

Приписаніе ¹

Государь мой!

Я не знаю, кто вы, но ведаю только то, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности. Ваша комедия *О время* троекратно представлена была на императорском придворном театре и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И как не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедию точно в наших нравах, вы первый с таким искусством и острою заставили слушать едкость сатиры с приятностию и удовольствием, вы первый с такой благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие, и вы первый достойны по справедливости великой похвалы, во представление вашей комедии оказанной. Продолжайте, государь мой, к славе России, к чести своего имени и к великому удовольствию разумных единомышленцев ваших, продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочинениями, перо ваше достойно равенства с Молиеровым. Следуйте ж его примеру ²: взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы людей достойных вашего осмеяния и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица: порочный человек во всяком звании равного достоин презрения. Низкостепенный порочный человек,

видя осмеваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, в первый раз в жизни своей³ восчувствует равенство с низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность⁴ умам российским употребляется в пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя, имя всеобщия достойное благодарности, я никакой не нахожу к тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия⁵.— Нет, такая слабость никогда не может иметь места в вашем сердце⁶. И может ли такая благородная смелость опасаться угнетения в то время, когда, ко счастию России, ко благоденствию человеческого рода, владычествует нами премудрая Екатерина? Ее удовольствие, оказанное во представлении вашей комедии, удостоверяет о покровительстве ее таким, как вы, писателям. Чего ж осталось вам страшиться? Но, может быть, особенные причины принуждают нас укрывать свое имя; ежели так, то не тщусь проникнуть оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однако ж почтение к вам мое никогда не умалится. Оно единственным было побуждением приписанию вам журнала под названием *Живописца*. Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше пресолезное сочинение от единоплеменца вашего. Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился, вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге, исправлять нравы своих единоплеменцев, вы поострили меня испытать в том свои силы, и дай боже, чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение. Если ж буду иметь успех в моем предприятии и если листы мои принесут пользу и увеселение читателям, то за сие они не мне, но вам будут одолжены, ибо без вашего примера не отважился бы я напасть на пороки, а я останусь навсегда

вашим почитателем
С[очинитель] *Живописца*.

П. П.⁷ Хотел бы я просить вас, чтобы вы сделали честь моему журналу сообщением какого-либо из ваших мелких сочинений, но опасаясь отвлечь от упражнений ваших. Впрочем, для меня весьма лестно получить ваш ответ⁸.

В Санктпетербурге
апреля 12 дня,
1772 года.

Автор к самому себе

Ты делаешься автором, ты принимаешь название Живописца, но не такого, который пишет кистью, а Живописца пером, изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки. Знаешь ли, мой друг, какой ты участи себя подвергаешь? ведаешь ли совершенно, какой предлежит тебе труд? известны ли тебе твои свойства и твои читатели? надеешься ли всем им сделать угождение? взвесь ли ты беспристрастно свои достоинства и способности? подумал ли, что худой автор добровольно себя всеобщему подвергает осмеянию? — Ты молчишь, бедный человек! ты столько же поработен страстям своим, как и те, которых исправлять намеряешься! — Слышу твоё возражение; как оно слабо и смешно. Ты говоришь: ведь другие пишут, не больше моего имея способностей, для чего же не писать и мне, имевши столько же к писанию охоты, как и они, да еще и тогда, как все мои приятели уверяют, что я к писанию способен; ты один только упорствуешь и никогда на их не хочешь согласиться мнению. — Выслушай мой ответ, твоими же скажу тебе словами: ведь других пересмевают, для чего же ты примером их не исправляешься? Приятели твои льстили тебе или по легкомыслию, или в насмешку, или, наконец, по ложной благопристойности худое хвалить, добы не раздражить хулимого: ты узнаешь, сколь опасны такие приятели! Я ведаю, что утвердить тебя в твоём заблуждении не великого им стоило труда. Самолюбие твоё было тем удовлетворено, и ты думал так: других пересмевали и осуждали для того, что они писали дурно; я сам усматривал их погрешности, я буду стараться убежать от подобных и потому не только что не подвергну себя порицанию, но надеюсь ещё заслужить похвалу. — Как ты худо себя знаешь и какое заблуждение! Все писатели так думают, все так мысленно оправдываются, все так заблуждают и все в других находят погрешности, а не видят только собственных своих. Посмотри на сего высокопарного *Невнопада* ⁹, он силится, напрягается, обещает гору, но всегда рождает мышь: все так о нем говорят, но он один утверждает, что все обманываются, — бедный автор! Взгляни на сего *дерзкого Кривотолка* ¹⁰, он без всякой пощады порицает сочинения всех славных писателей, показывая тем остроту своего разума, он хорошие сочинения других обращает в худые, а свои негодныеставляет разным наилучшим сочинениям славных писателей; но никто из разумных людей ему не верит, и всякий говорит: он истинной *Кривотолк*! Какая ж причина сему Кривотолкову заблуждению? Зависть — бедный автор!

Тут найдешь писателя, старающегося забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях, но увидишь, что он больше досаждаёт и производит скуку, а смеётся только сам — бедный автор!

В другом месте увидишь правоучителя, порицающего всех критиков¹¹ и утверждающего, что сатиры ожесточают только нравы, а исправляют правоучения, но читатель ему отвечает: ты пишешь так сухо, что я никогда не имею терпения читать твоих сочинений — бедный автор! Там сатирик описывает пороки, язвит порочных, забавляет разум острою своего сочинения и приносит удовольствие¹². Некоторые читатели говорят ему: ты забавен, я читал тебя с приятностию, но ты едок, я тебя опасаюсь, а прочие кричат: он всесветный ругатель! — О бедный автор!

Встречается со мною трагический писатель¹³, он сочиняет трагедию и говорит: комедия развращает только нравы и научает порокам, а не исправляет оных, такие сочинения не только что бесполезны, но и вредны. Одна трагедия имеет свою целию добродетель и научает оной и самих царей. Какая завидная участь! Но читатель ему отвечает: ежели твоя трагедия хороша, то тогда усаждает она мои чувства и питает разум, но, однако ж, ведай, что до сей пищи охотников не много, — бедный автор! Писатель комедий¹⁴ говорит: трагедия показывает следы правоучения тем людям, которые во оном не имеют нужды; обучать таких людей, кои или уже добродетельны, или не слушают его правоучения, есть труд бесполезный. Напротив того, комедия приятным правоучением и забавною критикою исправляет нравы частных людей, язвит пороки, не даёт им усиливаться, искореняет их, словом, из всех театральных сочинений одна комедия полезна; но читатель ему говорит: знай, когда ты меня осмеиваешь, тогда я тебя пересмеваю, — бедный автор!

Тут следует писатель, который не сочиняет ни трагедий, ни комедий¹⁵ для того только, что сии роды сочинений очень стары; он охотник выдумывать новое и для того пишет сочинение в таком вкусе, который с лишком за две тысячи лет откинут, ему читатель отвечает: напрасно ты трудишься, ты очень... бедный автор!

Но мне ещё встречается писатель: он сочиняет пастушеские сочинения и на нежной своей лире воспевает златой век¹⁶. Говорит, что у городских жителей нравы развращены, пороки царствуют, все отравлено ядом, что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревьями, испещренных различными наилучшими цветами, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаясь по мелким прозрачным камушкам, восхитительный производят шум.

Блаженство в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тенью того дуба, которой с лишком три тысячи лет зеленым одевается лиственным. Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь, вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохлаждение. *Невинность* в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелью, и вся природа во успокоении сему приятному внимают согласию. Сама *Добродетель* в виде прелестной пастушки одетая в белом платье и увенчанная цветами тихонько подкрадывается, вдруг перед ним показывается; пастух кидает свирель, бросается во объятия своей любовницы и говорит: цари всего света, вы завидуете нашему блаженству! Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство; и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно никогда не существовало в природе! Творец его блаженства хотя знает всю цену завидным сея жизни, однако ж живет в городе, в суетах сего мира; а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снегу, а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем бы позабыли блаженство сея жизни¹⁷. Читатель ему ответствует старинною пословицею: *чужую душу в рай, а сам ни ногой* — бедный автор, ты других и себя обманываешь!

Тут предстанет перед мои глаза толпа писателей, которые то бредят, что видят. Их сочинения иногда читают, но ничего им не отвечают, — о прелебные авторы! Ваша участь достойна сожаления! Но как исчислить всех? Болезни авторские, так как и сами они, многообразны. Писатели желают быть хамелеонами, преобразажаящимися по своему желанию и показывающимися наилучшими во всех видах, но редкие до сего достигают, а прочие же всегда в одном да и в худом показываются виде. Г. живописец, вот картина, изображающая тебе авторов, я не входил в подробности, но начертанием одним изобразил различные роды упражнения, к коим ты себя определяешь. Я не упомянул также о сей грозной туче, на труды авторски всегда устремляющейся, о сих острых критических языках, которые даже до буквы, неправильно поставленной, писателям никогда не прощают. Что будет с твоими сочинениями, когда и славнейших писателей¹⁸ труды не щадятся? Тебе известно, какие свойства, дарования и способности составляют хорошего писателя; они бывают редки, но когда бывают, тогда обожают их просвещенные читатели. Итак, рассмотри себя, оставь сие упражнение. — Но ты молчишь, и я с досадою на твоём лице усматриваю нешрешнее желание быть автором. Еще раз прошу тебя, оставь сие упражнение. — Нельзя, ты мне отвечаешь; так прости, бедный писатель, с превеликим соболезованием оставлю тебя ва

скользкой сей дороге. По малой мере не позабывай никогда слов, мною тебе сказанных, что люди, упорно подвергающие себя осмеянию, никакого не достойны сожаления. Впрочем, я даю тебе совет: избери из своих приятелей друга, который бы был человек разумный, знающий и справедливый, слушай его критику без огорчения, следуй его советам, и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однако ж, знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим. Наконец, требую от тебя, чтобы ты в сей дороге никогда не разлучался с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видал: ты отгадать можешь, что она называется *Осторожность*.

Лист 3

Приняв название Живописца и сделавшись автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей. Они без сомнения потребуют в каждую неделю полулиста моего сочинения: я им так обещал и почтенное авторское слово сохраняю неотменно. Да для чего ж бы и не сохранить одного? — По моде нашего времени писать не трудно: благодаря бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с ребячества. Я говорю чертить для того, что российской грамоте учился и у дьячка, который и сам не знал никаких правил, а о грамматике и не слыхивал; следовательно, учился я искусству попугая и обезьяны; но это, разумеется, только о русском языке, которому почти и все обучаются без правил; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем автор. О времена! блаженные времена, в которые, не учась грамоте, становимся поэтами! Некоторые ненавистники письмен нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание русского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои строгие судьи, устыдитесь своего мнения, оставьте ваше заблуждение, посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было, или что вышло уже из моды; кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой мере, мы, молодые люди, никогда не отяготим памяти своей ненужным знанием, да это и похвалю; для чего без нужды трудиться? На что разум, когда и без одного писать можно? Что в рассуждении и критике? — все ли захватить автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание русского языка, ежели и без него можно жить в большом свете, а этот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические, вы только пустое делаете затруднение. А учение? — О! эта ненужная тягость со-

всем брошена.— Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют, вооружаются против меня, хотят делать опровержение моим правилам: я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники, они за меня ответственность вам будут.— Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду, вы держитесь моих правил, защищайте их; острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички! вы думаете о науках согласно со мною, но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводят только деньги, какая от них прибыль, одну разоренье!» Детям своим вы говорите: «рости только велик, да будь счастлив, а ум будет».— Прекрасное правоучение, неоспоримые доводы, новая истина открывается свету! Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, в вашем невежестве видно некоторое подобие славнейших в нашем веке человеческих мудрости, *Жан Жака Руссо*; он разумом, а вы невежеством доказываете, что науки бесполезны. Какие ужасные противоположники соглашаются утвердить вред, от наук происходящий! В первый еще раз сии непримиримые неприятели *разум* и *невежество* во единомыслие приходят. Прорицательнице нашего века, славный *Вольтер*, познай свое заблуждение: старики наши, паче тебя тягостно лет обремененные, никогда не говорят, что на четырех ногах ходить поздно. Поему слушаем теперь, как молодые люди о науках рассуждают.

«Что в науках, говорит *Наркис*¹⁹: астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? — Нет; на что же мне она? Математика прибавит ли моих доходов? — Нет; чорт ли в ней! Физика изобретет ли новые тайны в природе, служащие к моему украшению? — Нет; куда она годится! История покажет ли мне человека, который был бы прекраснее меня? — Нет; какая ж в ней нужда? География сделает ли меня любезнее? — Нет; так она и не достойна моего внимания. Прочие все науки могут ли произвести чудо, чтобы красавицы в меня не влюблялись? — Нет; это невозможно, следовательно, для меня все они бесполезны. А о словесных науках и говорить нечего. Одна только из них заслуживает несколько мое внимание: это стихотворство; да и оно нужно мне только тогда, когда захочется написать песенку. Я бы начал обучаться оному, да то беда, что я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог, да и всю Россию ненавидел и сожалел, что он в ней родился; полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживает: человек с моими достоинствами не может найти счастья! То, что имею я, другой почел бы счастьем, но для меня этого мало.— О Россия! Россия! когда научишься ты познавать достоинства людские!». Так рассуждает *Наркис*; достоинства

его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет как ангел, красавицы почитают его *Адонисом* ²⁰, а соллюбовники *Марсом* и все его трепещут, да есть чего и страшиться, ибо он уже принял несколько уроков от французского *шпагобойца*. К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно, а притом разумеет по-французски. Не завидный ли это молодец? не совершенной ли он человек? — Читатель, скажи мне на ухо, каковы будут дети *Наркисовы*?

Худовоспитанник говорит: «науки никакой не могут мне принести пользы, я определил себя к военной службе и я имею уже офицерский чин. Науки сделают ли меня смелее? прибавят ли мне храбрости? сделают ли исправнейшим в моей должности? — Нет; так они для меня и не годятся. Моя наука вся в том состоит, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строго до чрезвычайности к своим подчиненным. Науки да книги умягчают сердце, а от мягкосердечия до трусости один только шаг. Итак, пусть учатся и читают книги люди праздные, а я храбростию одной найду себе счастье». *Худовоспитанник* точно так и поступает; его называют храбрым офицером, похваляют, отец его радуется, что имеет столь любезного сына. Наконец, по многим храбрым его поступкам, сделал он прехраброе дело ²¹; его пожаловали бы большим чином, если бы он что-нибудь разумел, опречь науки рубить шпагою. Но тут уже смотрят на него другими глазами и говорят: он был наилучший офицер, когда был под командою, но будет самый худой начальник. Как поверить ему полк? он ничему не учился, ничему не читал и ничего не знает. Вместо большого чина, дают ему деньги; он считает себя обиженным, думая, что когда был он хорошим офицером, то был бы еще лучшим начальником. Он идет в отставку и говорит: «достоинства не награждаются». *Худовоспитанник* приезжает в другую неприятельскую землю, а именно во свое поместье. Служа в полку, собирал он иногда с неприятелей контрибуцию, а здесь со крестьян своих собирает тяжкие подати. Там рубил неверных, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никаких жалости, нет у него и здесь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их аркибузировать ²². Там отнятием неприятельских земель служил он отечеству, а здесь отнятием оных у маломощных своих соседей делается преступником законов отечества. Правильно говорил *Худовоспитанник*, что науки для него бесполезны; не нужны они ему были в военной службе, а в отставке и совсем не годятся!

Кривосуд, получа судейский чин, говорит: «по наукам ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться, однако ж я судья. Моя наука теперь в том состоит, чтобы знать

наизусть все указы и в случае нужды уметь их употреблять в свою пользу. Науками ли получают деньги? науками ли наживают деревни? науками ли приобретают себе покровителей? науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь? науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет; так к чему же они годятся? Будь ученый человек хоть семи пядей во лбу, да попадись к нам в приказ, то переучим мы его на свой салтык, буде не захочет ходить по миру. О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки».

Лист 4

Щеголиха говорит: «как глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют. Ужесть как смешны ученые мужчины; а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры. *Беспримерно*²³, как они смешны! Не для географии одарила нас природа красотою лица; не для математики дано нам острое и пронизательное понятие; не для истории награждены мы пленяющим голосом; не для физики вложены в нас нежные сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы быть обожаемы. — В слове *уметь нравиться*, все наши заключаются науки. За науки ли любят нас до безумия? наукам ли в нас удивляются? науки ли в нас обожают? — Нет, право, нет. Пусть ученая женщина покажется в ту беседу, в которой будут все наши *щеголи*, украшающие собою мужской пол; пусть она гуда покажется, чорт меня возьми! ежели там с нею хотя одно слово промолвят. А ежели она говорить начнет, то все мужчины зевать станут. Счастлива будет она, ежели случится там несколько человек ей подобных, тогда, по малой мере, хотя не умрет со скуки. Но что же она тем выигрывает? Не больше, как назовут ее ученою женщиною; да и то такие люди, которых называют *педантами* — прекрасная победа! *беспримерно как славна!* — Ученая женщина! ученая женщина фуй! как это *неловко*. Напротив того, ежели приеду я в такое собрание, то вмг окружат меня все мужчины. Станут наперерыв хватить меня, один удивляется красоте моего лица, другой хвалит руки, третий стан, иной походку, тот приятность моего голоса; иной превозносит нежность моего вкуса в нарядах; словом сказать, ни одна из безделок моих, даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Все кричат: «вот прекрасная, приятная и любезная женщина; вот чудесное произведение природы; вот совершенное ее сотворение; она мила, как ангел!» Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу! Не успею я осмотреться, как уже тысячи найду обожателей. Один говорит, что он хотел бы быть вечно моим слугою, лишь бы мог иметь счастье всегда меня видеть. Как это много! *беспримерно* много;

из благородного человека хочет сделаться слугою, для того только, чтобы чаще на меня смотреть и удивляться. Другой говорит, что он оставил бы престол всего света, лишь бы мог быть моим любимым невольником. — Ужасная мысль! годится хоть в трагедию; но счастью, что он еще не король, а то бы и в истину он так сдурачился. — Однако ж его до такого дурачества не допустили бы. Но как исчислить все, что говорят учтивые мужчины красавицам? ласкательствы их неограниченны, а учтивости бесконечны. Слыша это, как не восхищаться, как за учтивости не платить ласкою? Я так и поступаю: с одним поговорю, другого похвалю, на третьего брошу взгляд, поражающий его сердце, и так далее. Я ни одному ничего не обещаю, но однако ж всех их к себе привязываю. Ужест как завидно состоянию красавицы и как *беспримерно* жалко ученой женщины. Божусь, что я своего состояния ни на какое не променяю. Какая ж нужда мне в науках? — право никакой». Так рассуждает *Щеголиха*. Читатель, скажи, не правильно ли ее рассуждение?

Молокосос говорит: «я не хочу тратить времени для наук, они мне не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнее перед теми, которые в науках погубили молодые свои лета. Деньги на мое содержание жалует мне батюшка, а когда не достает оных, тогда забираю в долг, и мне верят. Начальники мои не только что любят меня, но еще стараются угождать мне, делая тем услугу знатым моим родственникам. В любви счастлив я и без наук; всякая красавица за честь себе почтет быть моею женою. Куда я ни приеду, везде меня ласкают, все хвалят, удивляются моей живости, превозносят острогу мою; итак, по всему науки для меня бесполезны». Читатель! прибавь от себя, как *Молокососа* все впретрпно называют.

Волокита рассуждает так: «какая польза мне в науках? Науками ли приходят в любовь у прекрасного пола? науками ли им нравятся? науками ли упорные побеждают сердца? науками ли украшают лоб? науками ли торжествуют над солюбниками? — Нет; так они для меня и не годятся. Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, говорить всякие трогающие безделки, воздыхать кстати, хохотать промко, *сидеть разбросану*, иметь приятный вид, пленяющую походку, быть *совсем развязану*; словом, дойти до того, чтобы называли шалуном те люди, которых мы дураками называем; когда можно до этого дойти, то это значит дойти до совершенства в моей науке. В беседе со *щеголихами* бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют *резвым ребенком*; и хотя ударят меня по руке и скажут: *перестань, ты очень дерзок*, однако ж я никогда от

того не краснею. Слово, я не могу владеть собою ²⁴, меня в таком случае извиняет. Впрочем, всегда должен я быть ветрен и злоязычен. С которою *машусь*, ту одну хвалю, в ней одной все нахожу совершенства, а в прочих вижу только недостатки и пороки. Что нужды, ежели они их не имеют, довольно, что я тем делаю угодность моей красавице. Необходимо также должен я уметь шортить русский язык и говорить нынешним щегольским женским наречием, ибо в наше время почитается это за одно не из последних достоинств в любовном упражнении. Открытие любви должен я делать по новому обыкновению и никогда не допускать, чтобы в такие разговоры вмешивалось сердце. Это было бы *дурачиться по-дедовски*. По-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было. Открытие делаю я всегда так, как будто это ненарочно случилось; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, вдруг перерываю разговор. — Э! кстати, сударыня, сказать ли вам повесть? ведь я влюблен в вас *до дурачества*; вы своими прелестями так вскружили мне голову, что я *не в своей сижу тарелке*. — Шутить, она мне отвечает, — ужесть, как *славно* ты себя *раскрываешь*. — *Беспримерно славно*, сударыня; что мне нужды, как вы это почитаете *резвостью* или *дурачеством*, только я вам говорю в *настоящую*, что я *дурачусь*. Пусть я не доживу до *медного таз*, ежели говорю неправду! После такой клятвы бросаю на нее *гнилой взгляд*, а между тем начинаю хвалить ее и тут даю полную свободу языку моему, который, сказать истину, в таких случаях очень остер. Она часто потупляется, будто бы стыдилась слушать себе похвалу, иногда усмехается, иногда удивляется и по часту говорит: «*перестань шутить, ведь не утешно слушать вздор*». После этого я даю свободу рукам; мне говорят: «*это уж и в истинную глупость*», — а я далес, далее, а наконец, она и сама поверит, что это была не шутка. Потом бываем мы несколько дней смертельно друг в друга влюблены, и это называется *дурачиться до безумия*. Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в *Серенький* ездим в аглинскую комедию; в *Пестренький* бываем в французской, в *Колецца* — в маскараде; в *Медной таз* — в концерте, в *Сайку* смотрим русский спектакль, и *Умойся* — дома, а в *Красное* ²⁵ ездим прогуливаться за город. Таким образом держу ее своим *болванчиком* ²⁶ до того времени как встретится другая. Вот моя наука! она без сомнения важнее всех наук, и я знаю ее в совершенстве. Пусть ученый человек со всею своею премудростию начнет при мне строить *дворики* ²⁷, то я его проучу, что он от всякой *щеголихи* тотчас на *четыре* ногах *поскачет*».

О великий человек! ты рассуждаешь премудро, наука твоя *беспримерно славна*, и ты так учен, что я *от тебя падаю* ²⁸; ты *вечно посадил себе в голову вздор*, как тебе не удивляться!

Читатель, с позволения твоего, не пора ли оставить рассуждения некоторых наших молодых людей о науках. Кажется мне, что я уже ими довольно тебе наскучил. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее; потерпи, пожалуй, все будет ²⁹, только чур не сердиться.

Лист 5

Отрывок путешествия в*** И*** Т***

Глава XIV

По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали; но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. *Бедность* и *рабство* повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижинны из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие *адоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему ³⁰, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъясляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле друга, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижинны, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача, я не видал ни одного человека. День тогда был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько беспокоили

меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворника, сказывая, что это был лучший во всей деревне и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаем, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя взвезена была на прытый двор, намощенный соломой, ежели оною наместить можно грязное и болотное место, а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякой нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуда меня выгоняли, а вопль трех оставленных младенцев удерживал во оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришел к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушечке из самой толстой холстины, набитой соломой; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорой помощи лишился бы он жизни, ибо он не только что посинел, но и почернев был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но однако ж сухими пеленками, которые в избе тогда развешены были, поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил; замолчал и этот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я: «жестокосердный тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги; приносит ли он о том жалобы? — Нет, он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третьей вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, — сказал я, проливая слезы, — произнесите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве; когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее, призри на сих несчастных!»

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкой запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной. Пришел к своей коляске, упал я без

чувства воюющую. Приключившийся мне обморок был непродолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды; извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой, но в ответ слышал, что во всей деревне лучше этой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою. «Помещики,— сказал я,— вы никак-го не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!»

Я спрашивал, где хозяева того дома; извозчик отвечал, что все крестьяне и крестьянки в поле, прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время за задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издали пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались. «Они скоро придут,— сказал извозчик,— я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им па лапти». Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застрашены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая: *«не бойтесь, он вас не убьет, он боярин добрый, он пожалует вам на лапти»*. Ребятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича: *«ай! ай! ай! берите все что есть, только не бейте нас!»* Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испугались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил: *«да! чего испугались... ты нас обманул... на этом барине красный кафтан... это никак наш барин... он нас засе-чет»*. Вот плоды жестокости и страха, о вы худые и жестоко-сердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей. «Не бойся, друг мой,— сказал я испуганному красным кафтаном мальчику,— я не ваш барин; подойди ко мне, я тебе дам денег». Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял денег, поклонился в ноги и, оборотясь, кричал другим: *«ступайте сюда, ребята, это не наш барин, этот барин добрый, он дает деньги и не дерется!»* Ребятишки тотчас все ко мне прибежали; я дал каждому по несколько денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали: *у меня деньги! у меня пирог!*

(Продолжение будет впереди)

* * *

Сие сатирическое сочинение, под названием путешествие в *** , получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы

наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы я читателя моего поподчивать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне премудрость, сидящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство.

Лист 6

Ведомости В Санктпетербурге

Из гостиного двора

Купечество наше, торгующее в гостинном дворе, претерпевает великое помешательство в торговле от прогуливания знатных господ и господ по гостиному двору. Сия мода недавно вошла во употребление и купечеству нашему тем более вредна, что госпожи и господа приезжают туда в великом множестве; садятся в лавках беседовать; пересматривают все товары, какие только есть; разговаривают о нарядах и любовных делах; пересмевают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время. Посредственного состояния люди, видя в лавках знатных людей, из учтивости проходят мимо и не покупают нужного для своего употребления. Сии тягостные для хозяина гости, просидев часа два в лавке, выходят, а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили. Пришедшие для покупки товаров люди уходят домой и принуждены бывают приходить в гостинный двор раза по три за тем, что бы могли они искупить в десять минут. Гости гостинного двора переходят из лавки в лавку, ищут знакомых, находят и с ними еще садятся и разговаривают до того времени, как уже будет поздно. Купечество наше обещает от себя немалое награждение тому из модных господ, который чрез искорепление сея моды, доставит им свободную торговлю. Награждению сие, как сказывают, состоять будет в том, что вся *Суrowsкая* линия, сложася с другими, сделает благодетелю своему кредит на десять тысяч рублей. Должно ожидать от сего желаемой пользы, ибо кто в состоянии вывести сие из моды, тот не захочет потерять сию находку. Купечество же потерю свою считать будет тогда не более, как в трех тысячах рублей.

Здесь примечна великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и ко украшению разума служащих книг, а печатались одни только *романы* и *сказки* ³², но однако ж их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском, но их и в десятую долю против *романов* не покупают. Прежнему великому на *романы* и *сказки* расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество; а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря бога, мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд считаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся, да и кому их покупать? просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невежам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, ежели бы сказали, что *Волшебных сказок* ³³ разошлось больше сочинений *Расиновых*? А у нас это сбывается: *Тысячи одной ночи* продано гораздо больше сочинений г. *Сумарокова*. И какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободрайтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

Из Твери

Недавно через наш город проехал в Петербург какой-то славный *Выдумщик*. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста *выдумок*, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами. Г. *Выдумщик* уверяет, что сим способом можно приманить к чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своей очистят всю грубость российского языка. Сей великий человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

Государь мой!

Я читаю ваши листы с большим удовольствием, они, надеюсь я, многим принесут пользу. Живучи давно в свете, я приметил, что осмеяние порока умалает силу его более, нежели иногда правоучение, со скукою смешанное. Наипаче молодые люди пристают скорее к забавному листочку и оный читают, нежели толстой в лист книге, на которую не взглянут без негодования внутреннего или наружного, если хотя малейшее окажется им принуждение читать оную. Живой пример тому, что я говорю, имею я во своем доме. Обе мои дочери листов ваших из рук почти не выпускают с того времени, как они выходить стали. Когда же, бывало, говаривал я им по вечерам правоучения, тогда они, или обе вместе, или по одиночке, ничего иного не делали, как только попеременно зевали, и я примечал, что наставления мои слушали они более из почтения и детского ко мне повиновения, а не для того, чтобы находили они в речах моих пользу или забаву. Воспользуйтесь, государь мой, сим полезным для ваших листов расположением молодых людей; именно, я вас прошу, напишите, что ни есть такое, чтобы заранее дочерей моих утратить могло от того, если бы они, вышед замуж, похотели мужнин дом оставить, или смотря на других, по моде с ними развестися. Представьте им в забавном слоге, сколько соблазнительны таковые разводы для общества. Опишите стыд и поношение, коим подвергается всякая жена, тогда, когда порочное ее поведение побегом от мужа всем сделается известным, будет твердиться во устах целого города и будет служить содержанием разговоров на долгое время. В таком случае говорят про нее не только то, что было, но и то, чего с ней никогда не бывало. Позолотите сию горькую для девиц пилюлю и сделайте так, чтобы проглотили они ее с приятностию. Но, чтобы дерево с корня срубить разом, то, пожалуй, введите в сии нового рода проповеди и то, что молодым девицам от одного слова любви пригложее краснеть, нежели иметь его в беспрестанном употреблении, ибо сие слово в устах их не должно быть до замужества. Скромное поведение есть дражайший дар женского пола. Скажите им, что *нахалы* мужеского пола похожи на мухоморов между грибами: они имеют цвет видный и пригожий издали, но вблизи они вредны, и всякий разумный человек проходит мимо их или с презрением кидает. Я читал где-то, что и *нахалки* женского пола занимают в обществе место одинакое с теми в лесу грибами, кои на тоненьких, пустых и гнилых растут ножках. Известно, что простой народ все оные роды грибов означает одним названием поганных. Вы, государь мой, изо всего сего сделайте употребление, какое за благо рассудите,

но, пожалуйста, не слушайте тех, кои скажут вам, что пример поганых грибов невежлив, это была бы слабость учтиво обходиться с пороками. И пишу все это для предостережения моих дочерей от поганого обыкновения и для того более смотрю на чистоту и силу смысла, а не на нежность слов.

Государь мой,
покорный ваш слуга М. М.

п. п. Пропал я, господин Живописец; я думал, что дочери мои любят ваши листы для нравоучений в них содержащихся, ничего этого не бывало: они выбирают из них только модные слова и наизусть их вытверживают: Я застал, что они сии слова списывают на особом листе, все они кажутся им приятны, а наипаче сходят с ума от *Медного таза* и беспрестанно его твердят. Дайте совет, что мне делать?

* * *

Во удовольствие ваше, полученное мною от вас письмо передается тиснению, пусть дочери ваши прочтут ваше же нравоучение в моем листе; может быть, оно покажется им приятнее для того, что напечатано оно под тем же заглавием, под которым и *Медный таз* поставлен. Угодить всем есть дело невозможное, чего требуете вы, за то будут досадовать другие. Вы хотите, чтобы для предостережения ваших дочерей написал я критику на тех жен, которые оставляют своих мужей; может быть когда-нибудь и удовольствую ваше желание, но притом, однако ж, с прибавлением критики на тех мужей, которые беспорядочным своим житием выводят жен своих из терпения и по нужде заставляют покинуть мужа, в котором, вместо друга, находят себе мучителя. Сего требует благоразумие и справедливость. Впрочем, я подумаю, какой вам дать совет.

* * *

Господин сочинитель Живописца!

Прочитав твои листки, я, право, полюбил тебя и почувствовал, сам не знаю, какую-то привязанность, может быть, оттого, что чувства наши одинаковы. Сочинения твои мне весьма нравятся, но не тем, чем они нравятся другим, то есть не слогом, а содержанием. Какая мне нужда в красоте слога, провались красноречие, ядом лести напоенное! Я ненавижу тех красноречивых рассказчиков, которые, обольщая слуг³⁴, обманывают нас, а люблю в писателе лучше всего доброе сердце и истинную любовь к отечеству. Ты пишешь сатиры на тех людей, которых давно уже пожуричь надлежало; сказать ли тебе, читая твой листок, я плакал от радости, что нашелся человек, который

против господствующего ложного мнения осмелился говорить в печатных листах. Великий боже, услыши моление осьмидесятилетнего старика, который приносит тебе оную сердцем чистым и правдивым, к счастью нашему продли дрожайшие дни премудрых государыни... Куда бы ты попал, бедняжка, если бы эту песню запел в то время, когда я был помоложе. О время! ты протекло и не возвращайся к нам никогда. Но сказать ли тебе, друг мой: ты многих вооружил против себя, тебя злословят; так-то воздают тем людям, которые говорят правду! Но что нужды: живучи в свете, я посмотрелся на перемены людских мнений, я терпел и больше этого, однако ж все это миновалось. Не сердись за то, что люди испорченных нравов тебя поносят, друг мой, тебе это такую же честь делает, как и то, что честные люди благодарят тебя. Однако ж пиши поосторожнее, любя тебя, я сожалею буду, если прервется твой журнал. Дай бог тебе счастье и лучший успех в твоём труде. Сего искренно желает

Осьмидесятилетний:
старик ³⁶.

Лист 11

Государь мой!

Прошу покорно приложенные здесь письма сообщить в ваш журнал. Я вдругорядь постараюсь что-нибудь лучшее прислать. Человек я хотя не дальнего разума, однако, обращаясь в здешнем городе, много узнала. Впрочем, есмь

Любительница Живописца
Сахородного двора
М. С. ³⁶

Государь мой!

Листочки ваши с великим удовольствием я читаю и от вторника нетерпеливо вторника ожидаю ³⁷. Я вам откровенно признаюсь, что они дурные привычки, начинавшиеся во мне вкорепиться от частого с ненавистниками наук и с порабощающими всю свою жизнь единой праздности обхождения, совсем истребили. Если теперь приведу себе на мысль заочные их друг друга осуждения, как они весят чужие малые пороки, не смотря на свои, которых и перевесить за множеством трудно, и множество других их беспорядков, то не могу без величайшего сожаления взирать на все их суетные убранства и мнимые их чести, почитаемые мною главнейшими источниками, из коих сердца их напояются ненавистью к наукам, любовью к праздности,

омерзением к добродетели, желанием к мерзости исполненным делам. Сии единые обезображивающие совершенства человека чудовища затмевают изящество разума и душу, на блаженнейший конец устроенную, мерзят. Сии самые чудовища сделали, что госпожи здешние листочков ваших бегают, как заразы; одни из зависти, покупая оные, жгут; другие с досады оными волоса завивают; иные называют вас сумасшедшим, бедняком, просиживающим целые ночи в соплетении сумасбродных лжей, чтобы достать себе чрез то пропитание; другие типографию, которая предаст тиснению ваши листочки, ругают и жалуются, что она ничего не смотрит³⁸ и что по-видимому скоро вся подлость делается писателями и все предавать будет печати. Нет уж, сударыня, говорила мне одна барышня, здесь вовсе свету подражать не знают, а все то испортили училища да ученые люди; куда ни посмотришь, везде ученый человек лишь сумасбродит и чепуху гонит. Посмотри, сударыня, как в других государствах все люди просвещены, какие хорошие учреждения; живут, с кем хотят, любят, кого желают; а здесь противно тому лишь только твердят, живи с мужем, люби его же. Вот какой рассудок, продолжала она, по их речам, если муж и состареет, то все его люби; для меня же это, сударыня, несносно, я девица, однако, пятый десяток в спокойстве проживаю³⁹, и никто уж мне не скажет: живи с одним и люби одного.

Я сперва опасалась, чтоб не потревожить ваших мыслей такими их терзаниями; но напоследок, приведши на память себе ваш здравый рассудок, решила тем свое сомнение. Я, принимая участие в столь полезном для общества деле, прошу вас, не взирая на все такие их роптания, продолжать сей достойный вас труд, за который всяк особо вам и потомству вашему останется благодарным; плюйте на сии от ветра вертящиеся пустые мельницы, авось-либо дождемся, что дни сделаются красные и ветры стихнут. Впрочем, пребываю

любительница ваших сочинений

М. С.

Государыня моя!

Я не могу довольно испорченному здешнего города вкусу надивиться; известные вам некоторого дерзкого Живописца сплетки все почти общество безрассудно покупает и хвалит оные до безумия. Я уже не дивлюсь старикам, что их хвалят, потому что они всегда под старость с ума сходят; но только то мне досадно, что и бедно рожденные от них дети в цветущей своей юности слепотствуют во тьме невежества, последуют против воли своей их дураческим наставлениям; а наконец девица совсем делается не девицей; сидит, как неодоушевленная ста-

туя, боится выпустить изо рта слово, а как в модном свете обращаться, того головой не смыслит. Таковом состоянии, сударыня, достойно быть от всякого оплакиваемым. Пускай лишние старики разума войдут в рассудок, пускай оставят детей своих последовать от натуры дапной им склонности, тогда ясно они увидят, что дети их не к такой науке, которую они им по неволе преподают, рождены. Чему же должно больше подражать? безрассудному ли желанию человека или врожденной в себе склонности? Не за безумие ли должно почесть, если данные нам очи обозревать все преизящные творения потупим мы в землю, устроенную для рассматривания подлым хлебопашцам? Не следует ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органам, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретим действовать? Сие-то называется дойти до крайнего невежества, а сумасшедшие старики почитают то в нашей сестре за похвальное достоинство. Впрочем, государыня моя, я Живописца столько ненавижу, что если он придет мне на мысль, то я с ума схожу; браню, не знаю за что, всех и сама совестью, не знаю отчего, мучусь. Остаюсь

Ваша доброжелательная, ненавистница
Живописца Р. Г. ⁴⁰

Господин Живописец!

Вы, описав столько различных умоначертаний, не забудьте словечушка молвить и о тех людях, кои ищут уважаемы быть от ближнего своего, обеспокоивая того или другого неприятными вестями, которые они называют обыкновенно: *для осторожности*, или *осторожками*. Я от сих людей на своем долгом веку немало имел бессонных ночей до тех пор, покамест не узнал, что и без сих ремесленников в свете жить можно и что по большей части упражняющиеся в сем ремесле не имеют другого дара обращать на себя примечание тех, в коих ласке им нужда или надобность, как переноса из дому в дом речи и взгляды и делая из оных употребление в рассуждениях и толках своих, иногда совсем противных тому, что слышали или видели. Я нахаживал и таковых бессовестных, которые сами составляли басни, о коих и никому ничего на ум не приходило, и сими лживыми выдумками меня тревожили и делывали печать мне и беспокойство безвременное. Я в пятьдесят лет уши свои заткнул от сих в обществе вредных блох, кои сосут обыкновенно тех, которых жалом своим колют. Теперь, благодарю бога, мне за семьдесят лет, и я живу лет двадцать счастлив и благополучен без них и без их мнимых и скучных *осторожек*. Я поставил себе за правило исполнять долг звания моего и поступать,

колько я смышлю, сходно во всяком случае с правдою, отдаваясь, впрочем, во власть создавшего мя, сплю спокоен, и никто по пустому меня не тревожит.

Слуга, ваш покорный
Пустьяковотоптатель ⁴¹.

* * *

Я благодарю госпожу М. С. за хорошее о моем труде мнение и радуюсь, что листами моими сделал ей угодность и услугу. Хотел бы я, чтобы они и многим другим принесли пользу, но это зависит уже от них самих, а не от меня. Впрочем, развратные толки девицы Р. Г. и подобных ей меня не беспокоят; пусть будут они делать заключения, какие им угодны, со всем тем останутся они в проигрыше; беспристрастные читатели толкам их не поверят, а пристрастные хотя и прилепятся к их мнению, однако ж тем не совратят меня с дороги, которую я избрал.

Лист 13

Английская прогулка ⁴²

Прогуливаясь третьего дни по берегу, встретился я с одним из тех почтенных человек, которые превосходительство по-ставляют не в пышности названия, но в доброте сердца. Сей господин, с обыкновенною своею учтивостию и ласкою, свойственною только добродетельным людям, подошед, поздравлял меня с хорошим успехом Живописцовых листов, уверяя при том, что они заслужили благоволение многих почтенных особ. Я начал было благодарить его за сие для меня приятное известие, но он, перервав мои слова, спрашивал, для чего я не издаю продолжения путешествия И*** Т***. «Без сомнения дошли до вас,— говорил он,— толки, сим листочком произведенные; но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наши братья дворяне пятым вашим листом не довольны, однако ж, ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас. На всех никто угодить не может, так старайтесь, по крайней мере, угождать тем, которые во своих требованиях справедливее других. Впрочем, я совсем не понимаю,— продолжал он,— почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и следовательно, описан дворянин, власть свою

и преимущество дворянское во зло употребляющий... * Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением, тогда увидят, отчего отстанываются и приходит в недоимку государственные поборы. Отчего происходит то, что крестьяне наши бывают бедны, отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба? **

Не все ли [сие] проистекает от употребления во зло преимущества дворянского? Когда ж неустроению сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливого порицания? Пусть скажут господа критики, кто больше оскорбляет почтенный дворянский корпус, я еще важнее скажу, кто делает стыд человечеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша па них сатира? Итак, верьте, — примолвил он, — что такие ваши сатиры не только что не огорчают дворян, украшенных добродетелию и знающих человечество, но паче еще и превозносят их. Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому; но коль чудно и странно сие пристрастие! Как? защищать упорное такое преимущество, которым сами они и все честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?.. Я знаю еще недовольных вашим листком; но неудовольствие сих людей достойно того, чтобы вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели оуждали, что вы не с той стороны принялись за сию сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однако ж, будто они, яко благо-рожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждают, что будто точно сказано о крестьянах: *накажу их жезлом беззакония*; и подлинно, они часто наказываются беззаконием. Что, по их мнению ⁴⁴

* Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь павлечь на себя сугубое негодование ⁴³.

** Я и тут многое выключил для сказанных мною причин в первом примечании.

Мы привыкли, — продолжал он, — перепимать с жадностью все от иностранных, но, по несчастию нашему, почасту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковёрность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие пороки. Французов сменили англичане: ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан; все английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, и все нас восхищает. И мы, по несчастию, столь пристрастны к чужестранному, что и самые пороки их нередко почитаем добродетелию. Французскую наглость называли мы благородною великостью духа. Я говорю это, — продолжал он, — не в поношение обоим сих народов, ибо всяк ведаёт, что французы и англичане весьма много имеют доброго, но говорю единственно в доказательство пристрастного нашего к иностранным порокам прилепления. Кто захочет в истине сего мнения удостовериться, тот пусть пооглядится; я уверен, что он много найдет сему подобного ⁴⁵

Некоторые из нас удивлялись шатавшимся провинциальным английским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однако ж, они нам не удивительны, потому что они русские.

Когда же все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдимы. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в английском вкусе написанное*; может быть, что это название, вместо порицания, привело бы его в моду. «О времена! О нравы!» — сказал сей господин, вздохнувши. После сего усиленно просил он меня, чтобы продолжение путешествия и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием *Английская прогулка*. Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но, однако ж, убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам, истинно благородным. Итак, в удовольствие его я сообщаю и то и другое, прося притом извинения, что выключил нечто из его рассуждений: это показалось мне необходимо нужным.

Продолжение
Отрывка путешествия в *** И *** Т ***⁴⁶

Глава XIV

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалось в бездну вод, дневной жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем, богачи любимцы *Плутовы*⁴⁷, препровождая весь день в веселии и пированьях, к новым приготавливались увеселениям. Люди праздные, скучающие драгоценностью времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худой судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препровождая весь день в нарядах, скакали на берег * для свидания⁴⁸. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроив лице свое различными хитростями, торжествовали восхождение престарелых луны, своя благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготавливались обманывать и разорять богатых простяков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил: «Не прогневайся, господин

* Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде.

доброй, что нас никого не прилучилоя дома. Мы все родимой, были в поле; царь небесный дал нам ведро, и мы торопимся убрать живо⁴⁹, покуда дожди не захватили. По сёсь день господень все-таки у нас, родимый, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились; авось-та-таки милосливый Спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся. У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем; а с своим-то, де, *изволит баять*, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб-от наш и пропадет. Дай ему бог здоровья! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы, а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю». — «Подите, друзья мои, — сказал я им, — отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше». — «И, родимый! — сказал крестьянин, — как не работать в воскресенье! Помолясь богу, не што же делать нам, как не за работу приниматься, кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и работать было? Ведь мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они гуляют»⁵⁰. После чего крестьяне пошли, а я остался во своей коляске и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть, прежде двух часов пополудни.

На другой день, поговоря с хозяином *, я отправился во свой путь, горя нетерпеливостию увидеть жителей *Благополучных деревни*; хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

Лист 15

Господин Живописец! поместите, пожалуйста, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтобы вы исполнили просьбу

Вашего покорного слуги П. Р.⁵¹

* Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно бы, заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему.

**Письмо уездного дворянина
к его сыну**

Сыну нашему, Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки, низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про твоё здоровье; таки так ли ты поживаешь, ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцев, которыми я тебя благословил. Береги их, ведь это не шутка: меня ими благословил покойник дедушка, а его — отец духовный Ильинский батяка. Он был болен черною немочью и по обещаенью ездил в Киев; его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли; и он оттуда привез этот канунник ⁵² и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свинными, да стягом говяжьим ⁵³. Не тем-то покойник свет будь помянут! Он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грехи дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами возился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был, как полная чаша, да и тут процедили. Ведь и наш батяко Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать; то-то поповские завидливые глаза, прости, господи, мое согрешение! А ты, Фалалейушка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денег ⁵⁴, так он и доволен. Чего ж ему, прости, господи, ведь не рожня? Да полно, нынче и винцо-та в сапогах ходит ⁵⁵: экое времечко; вот до чего дожили, что и вина своего нельзя привезть в город; пей, де, вино государево с кружала, да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что все хорошо делают; поэтому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше, дворянское, нынче стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность ⁵⁶; да чорт ли это слыхал, прости, господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать: нельзя у соседа и земли отнять; в старину-то было нам больше вольности; бывало, отхватишь у соседа земли целое поле, так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места ⁵⁷. Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынче и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, что можно вытить из службы ⁵⁸ да поехать за море, а не слышать, что там делать: хлеб-ат мы и здесь едим, да таково ж

живем. А из службы тогда, хотя и не вольно было вытить, так были на это лекари: отпесешь ему барапка в бумажке, да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это навестаешь: был бы только ум, да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай⁵⁹. То-то было житье; ты, Фалалеюшка, не zapomнишь этого. Сестра твоя. Варя, посажена за грамоту; батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об этом подумать; ведь уж скоро и женихи станут свататься, а без грамоты замуж ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается: рассказывают, что великие затеи. Колокольною строят и хотят сделать выше Ивана Великого; статошное ли это дело? то делалось по благословению патриаршему, а им как это сделать? Вера-та тогда была покрепче, во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынче она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и пам с ними быть во аде. Пожаласта, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства, провались они, проклятые! Нынче и за море ездить не запрещается, а в Кормчей книге⁶⁰ положено за это проклятие. Нынче все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за это такое положено проклятие; нельзя только взятки брать, да проценты выше указных: это им пуще пересола; а об этом в Кормчей книге ничего и не написано; на моей душе проклятия не будет: я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть: ведь не всякому бог даст клад; а с мужиков ты хоть кожу сдери, так не много прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают? Секу их нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше мужики нищают: господь на нас прогневался; право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед *Брюжжалов* и привез с собою какие-то печатные листочки⁶¹ и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все дворяне? Чего они смотрят? Да я бы ему, проклятому, и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился? какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называют их тиранами, а того проклятый, и не знает, что в старину тираны бывали некрещенные и мучили святых: посмотри сам в Четьи Миней⁶², а наши мужики ведь не святые, как же нам быть тиранами? Нынче же это и ремесло не в моде; скорее в воеводы добьешься, пежели во... Да полно, это не наше дело. Изволит умничать, что

мужики бедны; эдакая беда! неужто хочет он, чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да этого и господь не приказал; кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину; ведь не всем старцам в игумных быть. И во святом писании сказано: *Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов*, они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться, так мы и равны ⁶³, — да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыха. Дай-ка им волю, так они и неведь что затеют. Вот-те на, до чего дожили; только я на это смотреть не буду; ври себе он, что хочет, а я знаю, что с мужиками делать *... О, коли бы он ⁶⁴ здесь был! То-то бы потешил свой живот; все бы кости у него сделал, как в мешке. Что и говорить, дали волю: тут небось не видят, и зплатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Эдакие люди за себя не вступятся! Ведь и бояра с мужиками-то своими поступают не по-немецки, а все-таки так же по-русски, и их крестьяне не богатеи наших.

Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова ⁶⁵; так знаешь ли, по чему он с них берет? стыдно и сказать, по полтора рубли с души, а угодьев-та сколько? И мужики какие богатые; живут себе, да и гадки не мают ⁶⁶, богатеи иного дворянина; ну, а ты рассуди сам, что от этого прибыль, что мужики богаты; кабы перетаскал в свой карман, так бы это получше было; эдакий ум! то-то, Фалалеюшка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал; да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояра: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались; и царское, и дворянское, и купецкое, все было их; у всех, кроме бога, отнимали, да и у того чуть тако не отни... ⁶⁷ — А нынешние господа, что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкий манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди в отставку, полно, друг мой, ведь ты уже послужил, лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и Налетка ⁶⁸; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно, и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила; то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает! перемен двенадцать подадут ⁶⁹;

* Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество.

попросит, небось, воды со льдом; да это, нет ничего, лучше смотрят. За сим, писавый, кланяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

Лист 17

Государь мой!

Я в одной книжке начитал, что разность увеселяет-де. Может быть, это и в другую какую сторону относится, однако, я крепкое намерение положил стараться о переменении теперешнего моего состояния. Мне вдруг захотелось быть профессором, да кажется и дельно, потому что я в этом состоянии надеюсь все то иметь почти даром, что другим достается чрез великие труды. Иные советуют мне постричься в монахи, однако, вижу я, что с них до смерти не сходит черный цвет. Вы что за это скажете

Вашему покорному слуге
Прошу не погневаться? ⁷⁰.

* * *

Мне весьма приятно получать письма г. *Прошу не погневаться*, почему и прошу его о присылке оных.

Лист 18

Государь мой!

Сообщите, прошу вас покорно, прилагаемую при сем записку: *Следствия худого воспитания*, в своих листочках свету. Вы сим меня одолжите много, а отцы и матери, прочтя в ваших листочках таковые при воспитании детей неосторожности, большее будут иметь старание за ними и тем избегнут нарекания, учинят себя достойными того имени, которые многие ныне недостойно на себе носят. Впрочем, с любовью моею к вам навсегда есмь

Смоленск
1772 год
июня 20 дня

вашим покорным слугою
несчастный E ***

* * *

Следствия худого воспитания

Отец мой, дворянин, живучи с малых лет в деревне, был человек простого права и сообразовался во всем древним обычаям; а жена его, моя мать, была сложения тому во всем противного, отчего нередко происходили между ними несогласия, и всегда друг друга не только всякими бранными словами, какие

вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшние плетми не секли. Я, будучи в доме их воспитыван, и имея вседневно в глазах таковые поступки моих родителей, чрезмерную возымел к оным склонность и положил за правило себе во всем оным последовать. Намерение мое было гораздо удачно, ибо я в скорое время, к удивлению всех домашних, уже совершенно выражал все те бранные слова, которые, бывало, от родителей своих слышу, а что до тиранства принадлежало, то уже я в том и родителей своих превосходил, хотя, правда, они в сем искусстве гораздо не плохи были, ибо один раз батюшка за недоимку 35 душ..., а матушка еще и того более бесчеловечным наказанием на ...⁷¹, как узнала, что некто из крестьян перешиб ногу любезной ее собачке. Отец мой, хотя, правда, был недалекого разума, однако, разбирал понемногу Четьи-Минеи и другие церковные книги; матушка же моя насмерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе, да редко имела досуг читать и французские, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьян⁷², во что уж батюшка мой никогда и не мешался, а только лишь бывало по приговору матушки сечет крестьян. А как я уж приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российской грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такового упражнения голова у меня не разломилась, или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала и не раз за то бранивала батюшку, что он меня к тому неволил. Книга, если правду сказать, мне и самому в то время гораздо несносно казалась, и я, не приметя еще хорошо, по чему отличать А от Д, столько оную вымарал, что батюшка мой и сам почасту не распознавал букв, которые знал ли полно он и сам твердо, я сомневаюсь, ибо он, как я заметил, называл одну букву тремя званиемми, но до того мне нужды мало. Матушка моя, пришедши из конюшни, в которой по обыкновению ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, читает, бывало, французскую любовную книжку и мне все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает; от сего по тринадцатом году возраста моего родилась во мне та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моих лет ребятам за стыд и неприличное дело почитают. А как я от рождения моего не знал, что есть стыд, и мне про то никто не толковал, а меньше еще того разумел о неприличности, то, устремля все мысли свои к любви, коея прелести мне матушка в самых ясных словах изобразила, влюбился в комнатную дома папшего девку, обладающую всеми теми прелестями, которые только могут пленить печное сердце несчастного любовника, и сделался в короткое время невольником рабы своей. Таковой случай причинил нема-

лое огорчение и самым моим родителям, но в том должны они жаловаться на себя, ибо я, не видя ни от кого хороших примеров, последовал слепо их же поступкам, развратившим мое сердце. От праздности, в которой я все дорогие своей жизни часы препроводил и которая по несмысленности мне приятною казалась, произошли все мерзости исполненные дела, а вольность сделала меня отважным и наглым на все предприятия. Я спознался с сыном одного помещика, неподалеку от нашей деревни живущего, который воспитан был не лучше моего и детина на все руки. Покрытый седиными его отец ожидал с часа на час смерти, яко убежища своего, и все предал свое сокровище в руки своего сына, которого, хотя был он еще несовершеннолетних лет, вся деревня трепетала. От частого с ним обхождения научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве и в других непостоянных забавах преходящие, и был уже совершенного знания во всех карточных играх к погибели своего дома. Отец мой, разгневавшись на меня за таковые мои поступки, выгнал меня из дома и лишил законного наследства, а я, не имея средства чем себя пропитать, вдаль во всякие неприличные моему роду дела и тем доставлял себе бедное пропитание. Наконец, несносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание ⁷³.

* * *

Г. несчастный Е***, поступки отца вашего и матери, так как и ваша в рассуждении родителей неблагодарность, достойны справедливого порицания; но вы все уже довольно наказаны. Отцы и матери, казнитеся сим примером, воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы.

Лист 20

Ведомости В Санктпетербурге

Известия

Некто из молодых господ, умеющий жить во свете, одеваться по моде, чесать волосы с вкусом, танцовать прелестно и петь французские арии с наилучшими манерами, третьего дня ехал в наилучшей своей аглинской карете, запряженной шестью прекрасными лошадьми, и, проезжая мимо гостинного двора, обро-

нил *кредит*; кто оный поднял и возвратит сему господину, тому обещает он покровительство свое при дворе.

* * *

Некоторой даме не последнего класса, во время прогуливания ее по гостиному двору, от некоторого молодого дворянина сделано любовное предложение, почему для сведения его объявляется, что ежели он говорил это не в шутку, то, справясь бы с ежегодными своими доходами, явился в собственном сея госпожи доме, о котором ему объявлено и который куплен ею на имя судьи *Кривосудова*.

* * *

Некоторому знатному родом и заслуженному, по его мнению, господину потребно до двенадцати молодых, неглупых, проворных и умеющих вкрадываться дворян. Он обещает содержать их на своем иждивении, а должность их состоять будет в том, чтобы сии молодые люди проповедывали повсеместно милосердие к бедным сего господина, которого, однако ж, он не имеет, его любовь к отечеству, о которой не имеет он и понятия, и приписывали бы ему всевозможные добродетели. Сии способом надеется он прийти в любовь ко всем и получить чины, которых он, по знатности своего рода, давно имеет право требовать. Желаящие вступить в сию должность могут явиться у него самого в собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрадедом его под Чигирином ⁷⁴.

Лист 21

Возлюбленному о Христе брату радоваться! ⁷⁵

Аще и не вем тя, кто еси, господине честный, обаче егда узрех во обители нашей у единого от старец твои ежеседмичные листы ⁷⁶, абие уразумех, яко ты печешися очистити злонравие грешников, ово явными, ово сокровенными обличеньми. Дерзай ревнительно истины и не премолчи, ведяще, яко все еже начертал еси, угодно показася и всей zde сущей братии. Возрадовался о труде твоём и пречестный отец игумен наш. Обаче нецыи окрест нас живущии повелеша написати к тебе сице: ты, кто еси судый чуждему рабу, им же бо судом судиши, себе осуждаеши, таяжде бо твориши судый. Мы же нечесоже противу тебе дерзаем рещи, яко и сам ты являешися чтити священный чин духовный и весь причет церковный. Аще же что возмниши написати во обличение иноческого жития, блюди себе, да не како... Но кое благодарение воздати можем православным праотцем нашим, иже умудришася положити жилище наше во оградех!

При сем молим тя, господине честный, ополчитися противу кощунствующих, от них же некоего видех аз толико бесчинна, яко вземшу ему сткляницу вина церковным гласом дерзновенно воспети о ней сицевое блядословие, возвеселится пьяница о стклянице и уповаеет на вино. Виждь како изменить дерзнуша сынове церкви душеспасительная словеса ея! Но больша сих узриши, аще отверзеши очи твои на дела законопреступников. Мнози бо от нечестивых юношей
Прочее, господине честный, не престаем моляще твое благоутробие, да нечто превозвестиши и в нашу пользу, сиречь еже умножитися подаению во обитель нашу. Сего ради благоговейне целуют тя, во-первых, отец игумен с братиею, та же особо бывшие иногда отец келарь, отец казначей, отец эконо. отец разничий, отец уставщик, отец гробовый, отец конюшенный, отец крепостный, отец трапезенный, отец рухлядный, отец чашник, отец площадный, отец будильник, отец подкеларник, отец смиренный и прочии их же не веси, вси целуют тя лобзанием святым. Аз же есмь

недостойный богомолец твой
Тарасий.

Пречестный отец Тарасий!

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойному толикия благодати и грешнику сущу, аз получих и егда прочтох его, абие положих е на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесем твоим по внегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего, поучати бо токмо навыхом, а не поучатися. Всяк аще и юн сый, дерзновенно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судий. Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братню твою. Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, и где исправляются? Не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающи. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако...⁷⁷ Прочее не престаю моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моея, можеши бо вся, елико же восхощеши. Исповедую бо пред всеми, яко грешник есмь, и не имам иное, что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Та же со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельбуду проити сквозе иглины уши, неже богатству внити в царствие небесное. Но да не возмнят нещии, яко кощунства единого ради начертах словеса сия: ей, измлада не навыхен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих, аминь. Целует тя

недостойный Живописец!

Господин Живописец!

Признаюсь, что я на вас весьма роптал, когда увидел в ваших листочках и то письмо, которое ко мне отец мой писал. Я тогда стыдился за порог выйти: мне казалось будто всякий думает то же самое и обо мне, что об отце моем, и я боялся, чтобы не стали указывать на меня пальцами. Но теперь я очель сердит на моего отца; и потому досада моя на вас окончилась, и заступила благодарность ее место. Я сообщаю к вам письма, одно от отца моего, другое от матери, а третье от дяди и четвертое, мною в ответ на их письмо написанное⁷⁸. Пускай разум их откроется свету, пусть в мое отмщение посмеются им люди и пусть свет узнает, каких свойств.

Ваш усердный слуга
Фалалей ***

* * *

Сыну моему Фалалею

Так-то ты считаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? Тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку; пришло с ума сойти! Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом, меня бог и государь тем пожаловали; я волен и над животом твоим, видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьют, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки; ведь недалеко великий пост, попоститься мне не мудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал тебе знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись; ведь ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета; у меня не один месяц проохает, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку, да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить; пускай кабы не было войны, так бы хот

и послужить можно было, это бы свое дело; а то ведь ты знаешь, что нынче время военное, неровно, как пошлют в армию, так и пропадешь ли за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой; ешь досыта, спи, сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честию, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья⁷⁹, да будешь ты за то поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышут: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова; так радостно ли отцам смотреть на детей пзуродованных? И невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка не убогая, грамоте и писать умеет, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синей порох даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой, тебе будет чем жить опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста — двоюродная племянница нашему воеводе; ведь это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самым гумпа; то-то любо! и курицы некуда будет выпустить. Со всем будем ездить в город, то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты ведь уже не малый ребенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходея, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой, Ермолай, чуть тако не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где бывало ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовное в застепке секут; таки, бывало, животики надорвем от смеха. Молись, друг мой, богу! ума у тебя довольно: можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово: мать твоя, Акулина Сидоровна, лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: Налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец, так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела, так и повалилась! А после, как опомнилась, то пошла это дело разыскивать, и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому ж выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней

огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! на ладан дышет; я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать что, Фалалеюшка, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все таки легче моего: налеткины щенята, слава богу, живы! авось таки который-нибудь удастся по матери; а мне уж эдакой жены не нажить. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть? Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Точно, Фалалеюшко, с женою расставаться: я, было, уж к ней привык, тридцать лет жили вместе, как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку, ну, да как без этого. Живучи столько вместе, и горшок с горшком столкнется; как без того! Я крут больно, а она не уступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою: мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. Засим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

Лист 24

Свет мой, Фалалей Трифонович!

Что ты это, друг мой сердечный, накудесил? пропала бы твоя головушка: ведь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича⁸⁰; как ты себя не бережешь; ну кабы ты, беденький, попался ему в руки, так ведь бы он тебя изуродовал пуще божьего милосердия. Нечего, Фалалеюшка, норовок-ат у него, прости господи, чертовской; уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуралесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать; ведь ему все соседи смеются: экой, де, у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно ведь, Фалалеюшка, всех речей не переслушаешь; мало ли что лихие люди говорят, бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо, наши лучше всех; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще, с ним и чорт тогда уже не совладеет. Отпиши к нему поласковее, да хоть солги что-нибудь, ведь это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего родного; и все дети не праведники, как перед отцом не солгать. Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечный, здоровье, а я лежу на

смертной постеле, не умори ты меня безвременно, приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит, нечего, очень худо. Обрадуй, свет мой, меня; ты ведь у меня один одиноконек, как синий порошок в глазе, как мне тебя не любить; кабы у меня было детей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую; я тебя благословлю твоим ангелом, да отдам тебе все мои деньжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила; ведь для тебя же, мой свет; отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться? Твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же бывали. Веселись, мой батюшка, веселись, придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалеюшка, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши; я это сделала украдкою, кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-та всегда таковы, только что брюзжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович; дитя ты мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свет мой умник, худо мне приходит; как мне с тобою расставаться будет, на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку! Этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги. Плетью обуха не перебешишь; что ты с эдаким чортом, прости господи, сделаешь. Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно, приезжай; дай мне на себя насмотреться; сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшка, прости, свет мой; благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой, не позабудь меня.

* * *

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое чсловитье; и при сем желаю тебе многолетнего здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дне.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуск сего письма все, слава богу, живы и здоровы; тако ж и отец твой, Трифон Панкратьевич, здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымеешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай уж, не говорит; и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом, да Фарсульской богородицей, а меня — Неопалимой⁸¹. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тароватее стала!

Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! У меня образов-та и своих есть сотня места, да не эдаких, как жар, вызолочены; а эта, брат, Неопалима, подлинно что не опалит, и окладишко весь почернел; бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась, хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшка, кабы не я, так бы разве глухою исповедью исповедывать. Уж я ей говорил: «эй, Сидоровна, исповедайся, веть уже ты в гроб глядишь»; так пет-ста, насилиу прибили. А как приспичило, так давай попа, да уж за то в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многонько грешков-то скопилось. Приводили и ворожей; нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился; да ничего не помогли. А после исповеди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно жив, а кому умереть, тому и ворожей не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще, ежели ему угодно будет прекратить дни ее, то приезжай погребсти грешное тело ее. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшка! ведь матушка твоя скончалась, поминай, как звали. Я только теперь получил об этом известие; отец твой, сказывают, воет, как корова. У нас всегда бывает так: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой, Фалалеюшка, приезжай, бога ради, поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее, например, в экономические казначеи⁸² или в управители дворцовых волостей или куда-нибудь к подрядным, либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две-три. Не в пронос сказать, о нашем Авдуле Еремеевиче; хотя он не долго пожил при монастырских крестьянах, да уж всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал, да деревню тысяч в пять. А не совсем-таки разорился, бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в эту пору определились. Не житье им,— масляница! Я бы-ста и сам не побрезгывал пойти в эдакие управители. Перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни, все те же деньги, только умей концы хоронить.

Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшка, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадетсЯ, тот тем и спасетсЯ. Грех да беда на кого не живет? Я и сам попалсЯ было одинажды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистилсЯ, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах, а писать-то страховато, неровно кому попадетсЯ в руки, так и напляшесЯ досыта. При сем, во ожидании тебя, остаюсь дядя твой

Ермолай***.

Лист 25

Господин Живописец!

Я уже ваших листочков не читаю, да и покупать их более не намерен. Правда, мне должно признаться пред всеми, а вам предо мною, что содержание моего письма для вас, а паче еще для вашего состояния не очень приятно будет, ибо из оного не можете вы для себя никакой другой пользы ожидать, как только того, что вы всякую неделю четыре копейки из ваших доходов потеряете⁸³. Сохрани бог! если бы все ваши благосклонные читатели согласились на таковые предложения! тогда бы, конечно, я вам не советовал собирать сокровища вашею кистью; однако я осмеливаюсь с неким пророческим духом вас в том уверить, что ваши читатели, кои из мещанства и купечества, не отрекутся и впредь платить вам дань за описание глупостей и пороков нынешнего века. Что ж касается до дворянства, то я в некоторых⁸⁴ предвижу для вас более вреда, нежели пользы, и больше ущерба в ваших доходах, нежели приращения оных. Не громовый ли то удар будет для вас, когда я вам чистосердечно открою, что купленные мною двадцать листов вашей живописи преданы уже от парикмахера моего на всеожжение! Признайтесь сами, не представляется ли в сию же минуту вашим глазам тот жестокий пламень, поядающий творения ваши! Однако, прошу вас, государь мой, дружески, соберите в сем случае все силы ваши и выслушайте мужественно причины, побудившие меня ко уменьшению ваших семидневных сборов.

Я прихожу по знакомству в некоторый дом, во оном благородная девица, которая, по мнению других, а не по моему, весьма просвещенна, раскладывает по всей комнате свое платье и уборы; но что я увидел? чепчики, манжеты, булавки, новые башмаки и самые ее волосы одеты в *Живописца*! Тогда я сам

в себе сказал: «Итак, ты, господин *Живописец*, служишь всем вещам сея красавицы общим покрывалом или епанчею!» Другой раз случилось мне прийти к одному молодому придворному, и лишь чуть только успел я выговорить два или три слова, как вдруг появился портной с новым вышитым камзолом и начал его униженно просить о десятилетнем еще долге; но господин, вместо платы, сказал ему в ответ: «друг мой, ведь я тебе только за шинели и сертуки остаюсь полторы тысячи должен, а прочее все в коротком времени получишь». Потом начал он кричать: «малый, подай чистой бумаги для камзола», но малый, не запинаясь, отвечал, что нет во всем доме ни лоскутка бумаги. «Провались твоя голова,— закричал господин,— ты всякий день мне все одну проповедь читаешь: все нет да нет...— Так подавай те листочки, что лежат за печкою». Слуга тащит оттуда, но что? разодранного *Живописца*! Итак, государь мой, не погневайтесь, я видел вашего *Живописца* у разносчиков в корзинках, получал его с пудрою и с помадою, однако сего еще не доволен. Последние два приключения причинят вам гораздо чувствительнейшие удары. Прошедшей недели нужда заставила меня навестить одну модную госпожу, которая хотя редко бывает больною, однако никогда здоровою. А сия губительная болезнь погубила и *Живописца*. Ибо кто бы к сей госпоже ни пришел, и в какое бы то время ни случилось, то увидит всяк у нее превеликую кучу лекарств, служащих ей повседневною пищею. Здесь я, государь мой, изобретаю то, чего иной и в десять лет изобрести не мог. Любопытное мое око, ко крайнему вашему неудовольствию открыло, что каждая бумажка, хранящая жизнь сея госпожи, есть *Живописец* и что все оные не иное что суть, как изувеченные *Живописцы*! Признайтесь, государь мой, легко ли вам сносить таковые насильства и станет ли еще сил ваших прочесть следующее приключение? Ибо что до меня касается, то я прихожу здесь в такую робость и бессилие, что не могу ниже глаз моих обратить на следующие строки; и одно только перо мое говорит за меня и мыслит и пишет. А дело вот в чем состоит.

Давно уже пылал я желанием сыскать себе друга, но друга богатого, пригожего и, если можно, разумного и женского пола. Петербургские свахи за несколько времени проповедуют уже имя, нрав и добродетели мои. Третьего дня пришедши одна из сих посланниц сказала: «Ну, теперь дело сделано; одну половину брака сооружила я, а ты совершай другую. Я вас у одной приезжей барыни, имеющей у себя прекрасную *Елену*, описала честным дворянином, степенным, в любовных хитростях невинным агнем; притом, что вы не картежник, не мот и бережете каждую копейку, как глаза; словом, я вас называла петербургским чудом и российским фениксом»⁸⁵.— «Да упоминала ль ты

о том, — сказал я ей, — что я не только дворянин, но дворянин еще с именем, ибо я ученый дворянин». «Сей-то пункт, — был ее ответ, — и оставила я нарочно для вас самих. Она деревенская барыня, так вы можете как ее, так и дочь ее легко и лучше меня о том уверить. Итак, совершайте благополучно начатое мною дело. Сея деревенская барыня дает за дочерью двести душ, а она вас завтра к себе ожидает!» На другой день, то есть вчерась, одевшись я благопристойно, не позабыл также по обыкновению моему и *Живописца* в карман положить, ибо я его для того всякий день с собою носил, что если случится в ком-нибудь какой порок приметить, то я вынув его из кармана и сыскав пристойную для сего страницу, прощу, не угодно ли ему прочесть нечто из *Живописца*. Таким образом, пришедши я к сей барыне, старался сколько сил моих стало, во-первых, уверять ее в том, что сваха моя есть сущая христианка и что она ей о моих качествах и за мои деньги самую истину говорила; после начал я приближаться к важному моему намерению и вступил в разговор об учености. «Сударыня, — сказал я ей, — самое важнейшее упражнение жизни моя состоит в чтении книг, ученых людей почитаю я больше всего на свете. Не изволите ль знать российского *Рабнера*, то есть господина *Живописца*? Он составляет новые картины и, изгоняя из сердец наших пороки, преселяет их на оные, а душу нашу одним только добродетелям предоставляет». «Кровь моя, — отвечала она, — запрещает мне иметь знакомство с мастеровыми людьми. Чей он человек? из господских ли он, или из купеческих? И вы знаете с ним?» — «Конечно, сударыня! Я имею честь называться его приятелем». — «Не подлость ли то, — вскричала она с презрительною улыбкою, — знаться и дружить с художниками и живописцами!» ⁸⁶ Да ты и сам не Хамов ли внучек?» ⁸⁷ — «Сударыня, — отвечивал я, — извините меня, вы, конечно, ошибаетесь в имени *Живописца*, которое употреблено только для заглавия книги, а сочинитель сам имеет совсем другую фамилию и есть не только дворянин, но еще ученый дворянин, то есть, который книги пишет. Я же называюсь его приятелем для того, что не только читаю, хвалю и ношу с собою его сочинения, но хочу еще, подражая его примеру, и сам прославиться изданием книг». Тогда она, оборотясь ко мне спиною и захохотав, говорила к своей дочери: «я еще в первый раз от роду слышу, что и дворяне бывают ученые. Благодаря бога! В нашей фамилии не было еще ни за одним такового художества, и никто ни книжником, ни скорописцем не бывал; и я скорее согласилась бы отпереться от родни, нежели дочь мою выдать за ученого». Потом, оборотясь ко мне, сказала: «друг мой, не погневайся, у меня двери всегда будут для тебя заперты, а теперь для выхода твоего давно уже отворены стоят; и я лучше советую тебе убираться в цар-

ство живописцев и там искать своей невесты. Ибо в нашем отечестве исстари положено для дворянина шпага, для стряпчего перо, а грамота для попов».

Я, приметя в ней деревенское и грубое невежество, приво-
дил ей в пример, князей, графов, баронов и великое множество
знатных дворян, которые себе науками вечную славу заслу-
жили. Однако она столь упорно в своем мнении стояла, что не
хотела и самого глупого сержанта променять на десять ученых
дворян. Наконец, домашние примеры открыли ей глаза, и буду-
чи насилу убеждена, что чрез ученость дворянская кровь ни
мало не повреждается, сказала мне: «однако избирай любое:
или чтоб я у тебя ни одной книги не видала, не исключая и
благородного *Живописца*, или прошу не знать моего дома.
В первом случае имеете вы и дочь, и двести душ, и меня вместо
матери вашей, притом открою тебе в деревне моей новый уче-
ный свет, то есть как за сохою ходить и как из каждой души
золото делать; напротив того, лишаешься ты всего». Признаюсь,
государь мой, что я при сих словах остолбенел и, не могши ни-
чего говорить, просил только себе двадцать четыре часа на
размышление. Господин *Живописец!* поудержите, бога ради,
отмщение ваше за сожжение двадцати листочков, ибо то учи-
нено в первом жару и в крайней задумчивости, а теперь при
таковых обстоятельствах потребен мне ваш совет, совет, от ко-
торого зависит все мое благополучие. Скажите, что должен я
здесь предпринять? Во ожидании от вас скорого и полезного для
меня совета, остаюсь вашим приятелем

дворянин с одною душею ⁸⁸.

1773 год

Часть II

Лист 2

На сих днях получил я писание, скрепленное *любопытным*
зрителем, которое гласит тако:

О граждане, граждане! ищите прежде денег, а потом добро-
детели! ⁸⁹

Юпитер предложил некогда во всеобщем собрании богов, что
он человек больше нежели всех зверей любит и для того
намеряется сделать всех их благополучными. Сие предложение
подтвердив, они общим согласием поручили Аполлону о том
пещися. Для произведения сего в действо послал Аполлон семь
муз, а двух из них оставил при себе, дабы не вовсе остаться во
одиночестве. Каждая из сих семи муз имела у себя на плечах

ящик, в котором находились средства для человеческого благополучия. Первая несла *разум*, другая — *добродетель*, третья — *здравие*, четвертая — *долгоденствие*, пятая — чувственное *увеселение*, шестая — *честь*, а последняя — наполнила свой ящик *златом*.

Все они вместе сошли с своей горы и пошли прямо в один город, в котором тогда была ярманка. Всяк признавал их не иначе, как бы за волдайских девушек⁹⁰, и великое множество купцов к ним набежало, а наипаче весьма великое число молодых мужчин окружило их, и для того вознамерились они провозгласить свои товары. Первая кричала: «государи мои, покупайте разум — эй, разум — разум! Все вы кажетесь мне иметь в нем великую надобность. Купите разум, так и не будет вам нужды покупать других товаров у моих подруг. Покупайте разум — право, это редкий товар!» Вдруг все зрители начали хохотать, говоря: «куда как эта утешна девка, жаль только, что она уже не молода!» Муза, видя, что у ней никто ничего не покупает, пошла по всем улицам, крича опять: «кто купит разум». Но как и сие ничего не пособило, то вознамерилась пойтить по домам и, пришедши в один знатный дом, сняла с плеч ящик и на землю поставила; ибо великое количество разума начало уже ее весьма отягощать. По несчастию, в то время ссорилась госпожа одного дома с своим мужем и колотила всю челядь. Она, увидя Музу, спросила ее с свирепым видом: что за женщина? «Сударыня, — сказала она ей, — я хочу спроситься, не соизволите ли купить разума? Купите заблаговременно, так послужит он вам в нужде. Я, может быть, не скоро в другой раз приду в ваш дом, а мой товар вашей особе весьма кстати, ибо вы столь любезный и прелестный вид имеете, что, я признаться должна, вы ни в чем не имеете недостатка, как только в разуме». — «Пошла к чорту, — закричала госпожа, — ты, конечно, хочешь меня дурачить!» — «Никак, сударыня, я хочу вас избавить от дурачества, ибо я продаю разум». Тогда госпожа схватила с ноги башмак и не преминула бы разбить оным у бедной музы ящик с разумом, если бы сия благим матом не убралась со двора. Лишь чуть успела она оттуда унести ноги, как бежал за нею надсмотрщик товаров и кричал: «бродяга, что у тебя в ящике, ты должна пошлину заплатить». — «Это разум, сударь, к вашим услугам». «Разум, — отвечал надсмотрщик, — разум... что это за товар? Я, кажется, и сам торговал, пока еще не сделался надсмотрщиком, и сию должность, не хвастаясь, отправляю уже тридцатый год, однако, не могу припомнить, чтобы когда сии товары приходили в наш город. Итак, я запечатаю твой ящик, пока не осведомлюсь, не принадлежит ли разум к запрещенным товарам». Надсмотрщик побежал и представил о том таможенному начальству, на что и последовало

решение, чтобы немедленно торговщицу сию выгнать из города. Ибо, по мнению судей, имели они довольно уже разума; гражданам же оный был бы бесполезен и выше их состояния; притом было бы совсем противу благоразумия и политики нынешнего века дозволить вывозить деньги из государства за таковые товары. Таким образом вытолкали сию музу из города под запрещением, чтобы впредь она никогда во оный не возвращалась.

Другая, имевшая для продажи *добродетель*, кричала равным образом по всем улицам, однако, не нашла ни одного купца, ибо все единодушно про нее думали, что она не при своем разуме. Наконец, один старик, муж, исполненный премудрости, вздохнув несколько крат, жалким голосом сказал ей: «душа моя, твой товар в отечестве нашем не в моде. Некоторые наши... утверждают, что он чресчур ветх, а наши молодые господа почитают все те уборы смешными, которые бабушек их украшали. Итак, не худо сделаешь ты, когда сей напрасный труд для тебя вовсе оставишь. Моды у нас переменяются. И то, что мы за сто лет добродетельною женою называли, именуется ныне благородною, высокородною, превосходительною или сиятельною госпожею». По счастью муза имела в своем ящике терпение, которым ополчась, новые получила силы для перенесения своих сокровищ обратно в свое жилище.

Третья, провозглашающая *здравие*, хотя и нашла несколько покушников, однако все почти из них такие люди были которые или французскими романами или американскими припадками ⁹¹ так сильно изнемогали, что уже никак не можно было и пособить им. По несчастию, в самое то время явился позорищу площадный лекарь ⁹², и тогда все больные, оставя музу, говорили: «полно, оставим се и пойдем к сему врачу, который всех знатных господ и госпож исцеляет. Коль многих он женщин своими живыми водами избавил от сердечной болезни или, лучше сказать, от любовной чахотки, усиливающейся от частых и многочисленных перемен, а сия глупая женщина предписывает только нам простую пищу, брачную любовь да ключевую воду». Тогда муза принуждена была закрыть свой ящик, и едва излечились два человека ее лекарствами, ибо никто не хотел сохранить предписанный себе от нее порядок трезвья жизни.

Вдруг появилась четвертая муза и кричала: *долгоденствие*. Лишь только она сие один раз выговорила, то впоследствии с площадным лекарем почти то самое, что некогда с *Гомером*, то есть здоровые и больные, его оставя, бросились к музе, продающей долгоденствие. Некоторые богачи готовы были уступить за то половину своего имени, но не могли к ней сквозь народ продрасться просили полицейского офицера послать на их счет за десятскими, чтоб чернь сию разогнать. «Дражайшая муза! —

говорил тогда осмидесятилетний старик, — благодарю небо! Я приобрел себе кровавым потом до шести сот тысяч рублей, и хотя то такое иго для меня крушиться день и ночь о безопасности сего малого моего стяжания, однако, мне не хочется еще умереть, ибо я в крайнюю горестъ прихожу, когда вспомню, что дети мои по смерти моей расточат потом нажитое. Итак, милостивая государыня, чего вы требовать изволите за то, чтобы жизнь моя еще на восемьдесят лет продолжилась?» — «Восемьдесят тысяч рублей», — отвечала муза. «Восемьдесят тысяч рублей! — правду ли вы то говорите? восемьдесят тысяч! — Не можно ли уступить за восемь тысяч, ведь надобно же живучи, помышлять и о жизни». — «Государь мой, — сказала муза, — вам должно знать, что деньги, выручаемые за мои товары, определены единственно на прокормление разумных и добродетельных людей, находящихся в крайней скудости, и, следовательно, я в рассуждении сих бедных ничего уступить не могу». — «Ах, что много, то много, — сказал старик, возьми, — я придам еще сто рублей, что сделает 8100 рублей и все чистою серебряною монетою. Прошу, милостивая государыня, подумать». — «Что тут еще много думать», — вскричал другой богач и, вынув свой кошелек, сказал, — «вот вам восемьдесят тысяч рублей». — «Восьма изрядно, государь мой, — сказала ему муза, — я рада вам служить, однако я должна вам напомнить, что вы будете сожалеть о своих деньгах, если вы у моих трех больших сестер не купили разума, добродетели и здравия. Ибо без сих вещей лекарства мои или вовсе ничего не пособят, или будут только вам причинять беспрестанные мучения, отчего и жизнь ваша будет вам в тягость». — «Да где ж сии три сестры? — спросил богач. — «Поищите только их, оне чаятельно еще в городе». Богач приказал их по всем домам искать, вестники разосланы были, чтобы спрашивать их по деревням, однако нигде их сыскать не могли.

К пятой музе, провозглашающей *увеселения*, бросились толпами молодые женщины и мужчины, жаждующие сих товаров, и с таким стремлением, что ее сшибли с ног, и она, упав, разбила свой ящик. Тогда с превеликою жадностию хватили увеселения и оные дружка у дружки с толиким насилием из рук вырывали, что ничего целого не осталось. Имеющие же у себя маленькие оных отрывки досадовали, что им всего не досталось, а завистию истаевали, что прочие удержали у себя то, в чем первые еще недостаток имели. Муза негодовала на людей за их неистовое стремление, которое единственно причиною, что увеселения их испорчены, ибо она хотела им уступить оные добровольно и без малейшего повреждения.

Шестая из сих муз кричала *честь*, тогда народ с толикою наглостию бросился за сим товаром, что от чрезмерных тесноты

произошла драка, а от драки и самое убийство. Вскоре подоспевшая стража привела музу в безопасность и избавила ее от сверкающих мечей, подъяемых над ее главою. Во время сего неистового волнения жителей, отперши она неприметно свой ящик, вынула оттуда истинную честь и наполнила оный пустыми только титлами. Сие учинив, вскричала: «о люди, я вас усиленно прошу, будьте несколько скромны и ведайте, что истинная честь сама собою к вам придет». Однако они, несмотря на ее просьбу, преодолели стражу, разломали ящик и сражались меж собою, не щадя и жизни, за пустые только титлы, находящиеся во оном. Что до меня касается, то я весьма дивился, увидев меж ими и тех людей, кои обыкновенно проповедовали о едином только смиренномудрии, а крайне изумился узрев превеликую толпу благородных и неблагородных, притом не весьма достаточных и обер-офицерских дочерей, слезно просящих себе у музы зажиточных и случайных супругов⁹³ и которые бы из высокородных или, по крайней мере, не меньше высокоблагородных были. Муза, посмеяся толь глупому их поступку, размышляла в себе, пускай глупые бегают с одними только титлами, а я хочу истинную честь опять вручить Апполону, да увеличит он сам ею того из смертных, который всех их достойнее будет. В сих мыслях, посмотрев несколько на меня с приятным и веселым видом, оставила она город, как нечаянно нашла меньшую свою сестру, которая деньги носила, лежащую без чувств у градских ворот. Тогда возопила она: «увы! любезнейшая сестрица, что сделалось с тобою? Колико соболезную я, нашед тебя в толь горестном состоянии!» Наконец, умирающая муза, пришед несколько в себя, с тяжким вздохом произнесла: — «ах! сколь я счастлива, что вижусь еще с тобою, ты возвращаешь жизнь мою, которую я было почти потеряла. Никогда я себе вообразить не могла, чтобы человеки столь безумны были. Ступай, сестрица, ... удалимся от сих уродов... дай мне убежище, ибо я всеминутно в опасении, дабы они опять на меня не напали». — Да что же они тебе сделали?» — «Представь себе, — отвечала она, — тысячу волков, томимых чрез восемь дней голодом и меж коих бы человек, несший на плечах агнца, попался; так имеешь ты живой образ того, что мне с моим денежным ящиком случилось. Ибо лишь чуть только я в градские ворота вошла и сказала, что я деньги несу и хочу оные давать имеющим в них надобность, то тьма людей меня покрыла. Находившиеся в жилищах из окошек стрелглав валились, придворные с лентами и ключами, остановив вдали свои кареты, пешком бежали, тысячницы вдовы⁹⁴ и богатые девицы с прежалким воплем повергали к стопам моим просительные бумаги, стихотворцы и ученые бездыханны летели с Еликона⁹⁵ с одами и посвящениями высоких своих творений; словом, всех чинов и

состояний градские жители стекались ко мне со всех четырех сторон, и, повергнув меня с моим денежным ящиком на землю, оный разбили. Тогда они все хватали... рвали... а чего в руки захватить не могли, то хватали ртом и зубами. Наконец, не нашедши уже ничего более в ящике и на земле, сорвали с меня одежду, обыскивали в карманах и пороли платье. Тогда, бросив меня почти бездыханну и мертву, те, коим ничего не досталось, начали у других насильно отнимать, а чрез то вступили в толь жестокое междоусобие, что ни единый оттуду с целою головою не ушел и чем более кто себе денег захватил, тем больше он израненным и изувеченным остался. Боги, получив такое от муз известие и узнав, коль алчно человеки ищут *увеселений, чести и богатства*, твердо положили жаловать впредь сими тремя вещами тех только, кои имеют *разум и добродетель*. Но исполнен ли потом сей приговор, или и поныне еще в недействии остался, о том не могу я заподлинно уверить.

Любопытный зритель

P. S. Сказуют, что сему Любопытному зрителю одна муза подарила превеликие два штофа разума, а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то есть *честностию и скромностию*.

Лист 5

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания.

Слушай-ка, брат Живописец! На шутку что ли я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед Владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены, в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестье. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго верного и честного титулярного советника⁹⁶, ведашь ли ты, что и в *подлости* * есть присловица: *не пойман не вор, не поднята не...* А ты, забыв законы духовные, воинские и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однако ж не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела

* Подлыми людьми, по справедливости, называться должны те, которые худые делают дела; но у нас, не ведаю по какому предрассуждению, вкралось мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии.

вершил в судебном месте; кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил; правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру; да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить? Как царя не обмануть? Как у него не украсть? Грешно украсть из кармана у своего брата, а это-то дело особое; у кого же и украсть, как не у царя; благодаря бога, дом у него, как полная чаша, так хоть и украдешь, так не убудет. Глупый человек! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка, а другое — преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секли кнутом, блаженной памяти при*** это случилось; но ныне, благодаря бога, люди стали рассудительнее и за реченную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят; да это и дельно; не заводи дела из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпускают жить в свои деревни. Видишь ли ты, глупый человек, что ты умничаешь попустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин, в бытность мою у него, рассуждал о тебе так: он, де, делает бесчестье всем дворянам, пища эдакие письма; что-де, подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты ⁹⁷

Понимаешь ли ты, что и верить этому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители-управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает. А это называется брехать на ветер; по нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое; кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слышал я от одного моего соседа историю, как один греческий мудрец ⁹⁸ сказал, увидя что..., да, полно, ведь не все надобно говорить, об ином полно, что и подумаешь. Ну, брат маляр ⁹⁹, образумился ли ты? Послушай, хотя ты меня и обидел, однако ж я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую: заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам; а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину, жене моей вдвое, трем сыновьям недорослям в полы ¹⁰⁰ против моего

жалованья, четырем дочерям моим, девицам, вчетверо каждой, а к тому времени, авось — либо, бог опростает мою жену и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри не испортить этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать: я многих молодчиков отделал так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что же делать, живучи в деревне, отставному человеку? Чем-нибудь надобно промышлять. Многие изволят умничать, что живучи в деревне можно-де, разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством; да я эдаким вракам не верю. Хлеб таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть; которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье? нет — ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно; но пусть они скажут мне: что почтеннее, честь или деньги? что прибыльнее, честь или деньги? что нужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, не много проживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю; да я думаю, что и многие хотя и не согласятся на сие словами, но в самом деле моим же правилам следуют. Итак, рассуди хорошенько, пожалуй, послушайся меня и не заводи тяжбы, так мы и останемся приятелями; а это нет ничего, что ты меня выбранил: *брань на вороту не виснет*, лишь бы деньги у меня были в кармане. А притом, постарайся уговорить племянника моего Фалалея ***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты с ним приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатания. Засим остаюсь

Октябрь 22 дня,,
1772 года
из сельца Краденова.

доброжелатель Ермолай ¹⁰¹.

Лист 8

Перевод ¹⁰²

Г. Живописец!

Я теперь *Неудобно-разумо-и-духодятелен!* ¹⁰³ Прошу я вас, г[осударь] м[ой], именем всея нашей дружбы, приказать хотя за мой кошт выпечатать сие слово большими, а если можно и красными еще буквами: оно есть новое и высокое изобретение

осьмагонадесять столетия; а я, имея счастье быть одного первым творцом и знаменателем, хочу оное предать потомкам от рода в род и на множество веков. Впрочем, дабы избавить всех строителей новороссийского языка от излишних и суетных трудов, то я верно им в том порукою, что одного слова не находится ни в славенских книгах, ни в старинных летоисчислениях, ниже и в самых едкостию древности обетшальных рукописях, а собственно начертано оно неистребимыми знаками на скрыжалех моего сердца. Чрез сие предварительное уведомление желаю я освободиться навсегда от ученого прения и многообразных толков; сверх сего предоставляя себе только одному право виновствовывать об оном, могу неукоризненно и во всякое время в разговорах и сочинениях моих изображать свойство душевного и телесного моего состояния одним только выражением: то есть, что я *Неудобо-разумо-и-духодеятелен!*

Да что ж оное значит, всеконечно, спросите вы меня? На сие отвечаю, что я то ощущаю только во внутренности моей, изобразить же одного на словах никак не могу. Так же я ни мало не понимаю, относится ли оное больше к разуму или к духу, принадлежит ли к числу болезней или к другим каким сокровенным действиям душевным, а знаю только то, чего оное не означает. Например, если бы кто назвал меня, но порознь, туманным или прискорбным, или пасмурным, всегда в сообществе молчаливым, всем недовольным и на все негодующим, или всемигунто стенающим, погруженным в глубокую задумчивость и в черную тень дум или бы захотел меня выхвалить самыми модными петербургскими словами, то есть назвать меня страждущим сердечною болезнию, или ипохондриею, то я бы всеми сими, хотя и блистательными, однако, порознь мне приписываемыми титлами ни мало не был доволен. Напротив того, единое слово *Неудобо-разумо-и-духодеятелен* всего мне на свете милее, и оно все вышереченные достоинства в превосходном степени и в одно время замыкает в себе. Притом, гораздо похвальнее, ежели я представляю собою главу или испещренный вертоград всех петербургских ипохондриков, нежели когда только называться буду притворным, или, что все равно, простым ипохондриком ¹⁰⁴.

Но уже приступаю к решению другого вопроса, то есть таким образом взшел я на сей степень престранных дум и чувствований. Общее и повсеместное есть правило, что каждый ищет себе подобного, ибо равные мысли, единообразный нрав и сходные чувствования притягивают, так сказать, одного к другому. Кто не знает, что сраженные жестоким наветом всегда обращаются и беседуют с подобными только себе; несчастного любовника сердце неприступно всем веселиям и утехам мира; но когда равною судьбою гонимый уверяет его, что нет во свете

для любви ничего невозможного, что, наконец, и самые непреклоннейшие сердца смягчаются и любовным истаявают пламенем, тогда некий приятный луч новые надежды и отрады вливается в душу его. Следовательно, и я, имев честь служить почти с полгода в чине простого ипохондрика, во всем подвластен был тому же закону. Ибо для ипохондрика нет во свете ничего увеселительнее, как видаться повседневно и быть вместе с ипохондриками. В следствие сего закона глубокомысленное наше общество благоволило учредить *каменный берег* всегдашним нашим сборищем. Признаюсь, г[осударь] м[ой], что я по вступлении в повый чин, то есть в ипохондрию, первые два или три месяца почти не сходил с берега; и когда я на целый свет уже равнодушным оком взирал, тогда один только берег утешал еще печальную мою душу. Представьте только себе двадцать или, по крайней мере, десять совершенных ипохондриков, собравшихся в единое место; вообразите себе их наружный пасмурный вид, странные, а часто ужас наводящие телодвижения и слова, прерываемые всеминутно воздыханиями, то глубоким отчаянием; и скажите без всякого ласкательства, есть ли какое в свете сего прелестнее позорище? — Правда, чтоб видеть сие явственнее еще, потребно самому иметь и очи и чувства, ипохондрические, но я, благодаря бога, будучи оными всецело одарен, надюсь представить вам самую живейшую картину тех лиц и особ, с коими я на берегу часто обращался. Один, например, произносит громко хулу и клевету на свое отечество; называет оное неблагодарным, что оно, забывая его достоинства, которые в его записной книжке им самим и весьма изящными красками изображены, и не взирая на все его чины, снисканные ему то ближними, то искренними, то усильными просьбами, считает его без разбора наряду со другими. Другой проклинает свое рождение, жизнь и судьбу, возносит жалобу к пустыне, морям и дремучим лесам, уверяет их лиющимися слезами, что дни его пременены в смертельный яд и что он твердо уже вознамерился итить искать себе дружбы и любви со зверьми, а не с человеками; ибо обожаемая им повелительница, которая по искусству своему ¹⁰⁵ преобратила его своим непостоянством в дурака; иный, севши на безмолвный камень и потушив очи в землю, беседует с нею: «о ты, свидетельница моих мучений — им не будет уже конца — не будет для меня в жизни сей никакой отрады — итак, тщетно я тебя тягчу — уготови мне здесь прохладный одр, — где прискорбный мой дух, гонявшийся за прелестною тению несклонных любви, навсегда успокоится. — А ты, прекрасная дочь, поразившая некогда сердце мое твоею добродетелию, проходи иногда мимо сени моей, воззри хотя единожды кротким и жалостию растворенным оком на то злач-

ное место, в котором храниться будет прах мой, посвященный твоим достоинствам в жертву и горящий к тебе вечною любовью!» *. Вот, государь мой, какими я разительными видами почти вседневно, ходя по берегу, наслаждался. — Я, каждый раз видя пред собою сих ничем неизлечимых страстотерпцев и внимая толь печальному отзыву, производимому их жалобами и воздыханием, точно представлял себе, что природа, изъявляя свое сожаление о моем состоянии, сама издавала эхо сие, таким сладким мечтанием довольно напитавши чувства и душу мою, возвращался в дом с превеликим удовольствием.

Однако есть ли что на свете постоянное и может ли человек возделенною вещию долгое время наслаждаться? — Никак! полгода был я ипохондрик, а четвертый уже месяц тому назад ¹⁰⁶, как я принужден сделаться *Неудобо-разумо-и-духотельным*. Вы, можете быть, г[осударь] м[ой], от кого-нибудь слышали, в котором угле города я живу; или положим, что я, может статься, живу недалеко от Сергиевской улицы ¹⁰⁷, так не должно ли мне переходить мосток, чтобы добраться до каменного берега?

* * *

Лист 9

Продолжение

Но сего мостка уже нет на свете. — Четвертый месяц тому назад, как и развалин его не вижу; но четвертый месяц и тому, как мне пресечен путь к месту моего увеселения и купно господствовавшей во мне ипохондрии. — Первые три недели жил я весьма спокойно и тихо, то есть приказав людям одинажды навсегда, чтобы всем приходящим навещать меня сказывали, что меня дома нет, и, запершись один в своей комнате, находился от радости вне себя, что я избавился от ненавистного мне людского сообщества. Притом, углубясь в сии забавные для меня мысли и не говоря ни с кем с утра до вечера ни слова, бегал в глубокой задумчивости по комнате с обнаженною шпагою. Но и сей утехы скоро я лишился! — Ибо, будучи однажды претрашными сновидениями угрожаем, пробудился я от сна и, всхвываясь вдруг, бросился за шпагою, но — не нашед ее на своем месте, начал из всея силы кричать: «шпага — малый,

* Здесь предложил я все роды модной ипохондрии, пристекающие из трех главных источников, то есть из несклонности, впрочем, весьма добродетельных красавицы, либо из непостоянства развратных мужчин и женщин. Прочие все ипохондрики и ипохондрицы не заслуживают ни же имени сего на себе носить и принадлежат большею частию к пайке нездоровых сумасбродов, нежели к нашему темноумствующему лику.

люди — ах! шпага моя — повеса — где шпага моя?» Тогда слуга, как молния, прилетев ко мне, сказал с притворным видом: «пожалуйте, сударь, успокойтесь — шпага отнесена ввечеру для починки». — «Для какой починки? бездельник — вы, конечно, все согласились на жизнь мою! Но нет, плут, не удастся вам совершить умышленное вами бесчинство. Само небо отдает вас теперь в мои руки. Подавай платье — я сию же минуту бегу исполнить над вами праведное мое мщение». «Виноват, сударь, — упавши к ногам, говорил он мне, — вчерась ввечеру приходил сюда хозяин с каким-то людьми, весьма похожими на бородобреев, однако я их к вам не выпустил, и они, объявив мне о вашем весьма опасном состоянии, приказали, чтобы я неотменно прибрал у вас шпагу». — Государь мой! не понимаете ль вы, куда дело клонится? — Притом я ссылаюсь на ваше праводушие, не всяк ли имеет право быть веселым по своей воле, кто же может отнять у человека право и печалиться, сколько ему угодно? Сие-то право, врожденное всем и каждому, произвело во мне чрезмерный гнев, и я почти без памяти на малого кричал: «злодей — изменник, ты, конечно, подкуплен. Как ты осмелился, негодный, лишить меня той вещи, которая всякий час охраняет жизнь мою. Пойдем только, друг мой, в полицию, кошки тамошние, поговоря несколько часов с твоею спиной, откроют всю правду». «Помилуй, батюшка, кормилец, — возопил слуга, — я, право, для того сие учинил, что мне показалось, да и хозяин мне то же самое твердил, будто вы, сударь, немножко помешались». «Как я помешался и в чем?» — «Нет, сударь, я хотел иначе сказать, что вы помутились мыслями». — «Молчи, бездельник, я ни одной кости в тебе живой не оставляю. Кто приставил тебя лазутчиком или гадателем сокровенного моего беспокойства? Нет, плут, заговор ваш скоро выйдет наружу, сейчас мне платье». Как я несколько в кабинете замедлил и выдумывал, как бы хитро поговорить с полицейскими, то малый не преминул уведомить о том хозяина, а сей также успел созвать на свой двор несколько соседей, и лишь чуть только появился я на крыльце, как все вдруг попались мне, будто ненарочно, навстречу. «Все ли в добром здравье», — поклонясь, хозяин спросил меня. «Слава богу! — выговорил я с потупленными глазами. — Да вам какая нужда слышать о здоровье или о смерти моей?» Хозяин, притворяясь, якобы не слышал моего ответа, опять спросил учтиво: «куда вы так рано изволите итить?» — «В полицию, — отвечал сурово, — в полицию, чтобы или мосток сделан был, или, чтобы шпагу мою назад мне возвратили». Тогда все они, бросившись ко мне, всячески меня молили, чтобы я по причине мостка не ходил туда, представляя мне, что полиция давно уже о том знает, но для того мостка не делает, что какая-та..., будучи так же обязана содержать сей мосток, не

соглашается еще по сие время в постройке оною, а на ее где ты будешь искать? И для того опасно докучать полиции, чтобы она, сердясь, не наложила сего бремени на нас самих. «Что же касается до вашей шпаги, то она,— сказал хозяин,— у меня, и я вам оную в целости сам принесу».

Я, будучи с природы миролюбив и незлобив, согласился тотчас на все; однако, спустя несколько времени, узнал к крайнему моему ущербу, что я уступил им очень много. Ибо, пришедши однажды, малый сказал: «не прикажете ли покупать дрова, теперь последний уже им привоз». «Хорошо,— отвечал я,— поди и сторгуй сажен с тридцать». Но слуга вскоре обрадовал меня ответом, что дров сажен с перевозом продается по рублю, а поелику за неимением мостка надобно их кругом обвозить, то извозчики от сажени еще хотят в прибавку иметь по сороку копеек. На сем-то месте, г[осударь] м[ой], сделался я в первый раз *Неудобо-разумо-и-духೋдеательным*. И здесь вся ипохондрия вмиг исчезла! но великое несчастье бывает часто причиною великих дел, и крайняя нужда делает человека наилучшим изобретателем. Я вдруг, став как будто неким новым светом озарен, велел малому выпросить у хозяина и тех соседей, коим я, по их просьбе, сделал не малое одолжение, две длинные и толстые доски; потом, достав оные, приказал моим людям приделать у каждой доски по обеим сторонам на пять пальцев вышиною края. Совершив благополучно таковые редкие и неслыханные махины, велел я оные на том месте, где прежде мосток был, так положить, чтобы колеса у роспусок по сям жолобам катиться могли. И как лошадей, по моему искусству, не за чем было переправлять, то, вместо оных, перетягивал я роспуски взад и вперед посредством двух канатов. Таким образом, сторговав дрова по рублю, провозили оные прямо к моим вышеописанным жолобам, а здесь, отложив лошадей, прицепляли к роспускам канат, перетягивали их через жолобы, потом тащили на двор и, сбросив там дрова, опять переправляли роспуски на другую сторону посредством другого каната. Работа сия по моему учреждению так хорошо и безостановочно происходила, что в один день все дрова на двор перевезены были.

Вот вам, г[осударь] м[ой], толкование на слово: *Неудобо-разумо-и-духೋдеателен*. Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету. Славным изобретателям и великим людям в искусстве свойственно сохранять некоторые тайности по жизнь свою для одних только себя. Впрочем, не могу не упомянуть о том, что при переправке дров случилось напоследок со мною. Люди, живущие около меня, услыша о толь необычайном и странном деле, мало-помалу стекались к сему месту и, увидев меня там, что я все учреждаю и повелеваю

всеми, начали меж собою перешептывать: это, конечно, француз — видишь, как они умны. Другие, напротив того, спорили: нет, это не француз, это немец, которого недавно выписали; а в отдаленной от меня толпе дошло было и до драки, потому что они твердили, это ни француз, ни немец, а конечно наш какой удалой. — Теперь и русские, слава богу, научились; — другие ж или от злости, либо по упрямству грубо отвечали: нам и не дожить до того, чтобы русской когда такую хитрость выдумал. Я, осердясь на сих последних бездельников, вскричал: «ступайте домой, невежды, я вас палкою, зачем вам драться, я точно русский»¹⁰⁸. Притом, уверяю вас, что иной русский разум гораздо превосходнее бывает заморского; но поелику оный не имеет еще столько уважения и ободрения, как иностранный разум, то он часто оттого тупеет. Я для того прошу вас, г[осударь] м[ой], напечатать мое письмо для уверения всех, что и русские умы, так как и иностранные, могут производить в свет важные и славные дела. Остаюсь.

Лист 10

Г. Живописец.

Недели с две тому, как приехала я сюда из Москвы и, начитав в здешних ведомостях, что в луговой Миллионной продаются какого-то Живописца листочки, по природной моей к живописи склонности, тотчас послала их купить. Но в какое удивление я пришла, нашед в них не любовные картинки, но поношения и клеветы противу прекрасного пола! Видно, что ты, друг мой, родился в какой ни есть сибирской деревушке, вскормлен и выучен беспутной твоей живописи, а если бы хотя один твой глаз во Франции побывал, так ты бы, конечно, поострее глядел на свои руки и, пишучи женское лицо, употреблял бы к тому нежных только цветов краски, а не темные и мрачные, так, как теперь делаешь, не знаю ошибкою или умышленно. Нет, дружок, даром тебе это не пройдет; — где это слыхано, чтоб живописец написал женское лицо темными красками? — И бабушка твоя Всякая всячина, как говорят, здешние женщины, того не запомнит, а ты видно на выскочку. — Полно и того, что твоя братья по невежеству своему не умеют иногда и бородавки утаить, а ты вздумал еще и худыми красками нас описывать. Признайся ж сам, заслуживаешь ли ты трудами своими от нашего пола благодарность? Видно, что ты еще не знаешь, что кто не умеет женскому полу угождать, того и за человека не почитают. Через кого наживаются портные и перукмахеры? Скажи, не через нас ли? Через кого происходят добрые люди и в чины, как не через нас? Кто выгоняет из молодых людей

задумчивость, как не мы? Кто вперяет воспитанным в непросвещении дворянам понятие о модах, как не мы?.. А ты, такая мелкая на свете тварь, уродуешь наши лица.— Пора, право, пора тебе, дружок, опомниться. Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее, ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные дома, а ты, с легкой моей руки, станешь богатеть да наживаться. Вот тебе прямая дорога ко счастью! Кинь, дружок, старинные темные краски; они, если по совести сказать, глаза колют, так будешь всему женскому полу во все будущие роды и роды приятен. А теперь все щеголихи и новомодные женщины, право, так тебя боятся, как робята азбуки. Так-то дружок. Отпиши же, радость моя, в твоих еженедельных листочках, как тебе покажется мой совет,— тебе же лучше будет,— а я изготовлю тебе между тем в подарок.

Доброхотное сердечко ¹⁰⁹.

* * *

Государыня моя, я бы хотел сделать вам угодность изображением вашего прекрасного лица самыми нежнейшими красками, но не в силах сие исполнить, потому что ласкательство есть претрудная для меня наука и я никогда не имел склонности следовать ее правилам. Я соглашаюсь на ваше мнение, что ни один живописец не придет в моду у прекрасного пола, а, может быть, и у нашего, который ласкать не умеет — это неоспоримая истина; да и то так же правда, что я никогда сему ремеслу не обучался. Живописцев нашей братии в здешнем городе много, так вы можете сыскать из них одного по своему желанию. Если вы имеете прелестное лицо и приятный стан, то загляните только ко дв... ¹¹⁰, вы найдете там многих живописцев по вашему вкусу, или познакомьтесь с каким стихотворцем. Вы уведомляете меня, что всякая щеголиха боится меня так, как робята азбуки: я тем и доволен; робята, боявшиеся азбуки, пришед в совершенный возраст, всегда раскаиваются в том, может быть..., — но ведь я вас еще больше рассержу. Прощайте, сударыня.

* * *

Государь мой!

Сколько во Франции почитают Боало де Прея, а в Германии Рабнера, столько здесь разумные люди похваляют Всякую всячину, Трутня и вашего Живописца, их потомка. Да как и не хвалить таких сочинений, которых предмет, повидимому, есть тот, чтобы осмеивать пороки, а добродетель представлять в блистательном ее виде. Надобно бы, кажется и мне, чтоб любовь к ближнему была самым первым основанием всех наших дел. Но мы видим иногда в свете и совсем противное тому. Когда

поедем за море, то и там увидим, что в злобных сердцах попеременно действует то ненависть, то мщение. Честолюбие повсюду требует себе жертвы. Одно в хулу по истине изреченное слово, а клеветником до целой речи расположенное, лишает иногда не токмо чести, но и пропитания. В дугу согнувшаяся спина поспешно приближается к знатым чинам и богатству. За нею следует тихими стопами лукавством преисполненная голова, сплетающая себе венок из того самого терния, которым ближнего коснулась. Окинем глазами своими улицы: тут увидим разоренных вдов и сирот, оплакивающих день своего рождения; отцов, клянущих непокоривых и строптивых своих сыновей; матерей, раздраженных распутством дочерей; детей, ноносящих хулами родителей своих за то, что стараются старинным поведением заградить им стези к развращению. Зайдем хотя мимоходом и в дома; в одном увидим голые стены: домашние уборы, так как и другие пожитки, все уже к месту прибраны, а полы усыпаны карточными листами; в другом — молодых дворян, разговаривающих о великолепии французских мод; в третьем — пожилых людей, обще между собою советующихся о исправлении нравов детей своих; в четвертом — любовника, с ума сходящего и на судьбу жалующегося, что попустила оспинам так сильно лицо его обезобразить; в пятом — престарелого человека, который морщины лица своего белилами заглаживает, а седину пригожим перуком покрывает. Посмотрим еще и на блистающие златом кареты: за одною идут разоренные купцы, просящие о уплате долгов; им отвечают с негодованием *завтре*; за другою выходят со двора в ветхих рубищах крестьяне, прося об отсрочке до другого времени оброка, которого они за крайнюю свою бедностью теперь заплатить не могут; им говорят грозным голосом *не можно*; перед третьею рядом стоят челобитчики, просящие о решении своих дел, и получают в ответ *теперь не время*, они кланяются в пояс и отходят.

Nec si miserum Fortuna Sinonem

Finxit, vanum etiam mendacemque improba finet¹¹¹.

Счастлив бы был воистину всякий народ, если бы, выходя из тьмы певедения и жестокосердия, во-первых, перенимал добродетели, а потом науки, художества и промыслы того народа, от которого заимствует свое просвещение. Но и то надобно сказать, что ничто в начале совершенным быть не может. Главные пороки повсюду уже искореняются, а мелкие выйдут, может быть, со временем из моды. Сего, как видно из ваших листочков, желаете и вы, господин издатель Живописца. Итак, я возбуждаю будучи тем же желанием, каким и вы, не премину, по сыновней любви к отечеству своему, совокупно с вами открывать пороки сограждан моих и об оных уведомлять вам в письмах

моих, которые прошу покорно вносить в листочки ваши, дабы я чувствовал хотя то утешение, что наблюдения мои в пользу общества предаются тиснению. А между тем, в ожидании вашего на то согласия, остаюсь

Отечеству своему всякого блага
желающий *Россиянин*.

Лист 11

Известие, полученное с Еликона
или дополнение ко второму листу¹¹² второй части
Живописца.

Будучи я однажды в то уединенное и тихое состояние приведен, в котором смертные, оставя иногда на несколько мгновений мир сей, входят в самих себя, прелетают мысленно жизнь свою, делают над собою судиями и, по долговременном исследовании наших, что они большею частию страдают от клеветы и ненависти, ищут своего утешения в одной только невинности, произносил следующую жалобу: великий боже, что есть благороднее человека в его творении, но что и ужаснее быть может его обхождения с нами? Уверяй его, сколько хочешь, разными опытами и услугами о своем благонаправии и честности, вкрадываясь в его сердце до тех пор, пока уже он собственною честию ручается за твою добродетель. Но лишь чуть только в нем маленькая искра неудовольствия воспламенилась, вдруг затмевается имя твое; ты делаешься ненавистным ему предметом, и он не видит уже в тебе ничего хорошего, как будто бы возможно было, чтобы человеческие добродетели в одном мгновении и по воле недоброхотства превращались в пороки или в самое ничтожество. О суетная жизнь! — продолжал я мою жалобу, коль великолепно блистают алтари твои, коль бесчисленны твои обожатели и коль тьмократны их падения! Стремлению таковых размышлений дал я на несколько времени свободу и переходил из одной мысли в другую до тех пор, пока нашел для себя во оных некое душевное спокойствие. Тогда бросился немедленно в постель и едва только сомкнул глаза, как нечаянно приятный и необычайный сон овладел слабыми моими членами. Но душа, которая во своем владычестве никогда не усыпает со всеми силами и, подобно недремлющему ни день ни ночь кормчему, всегда имеет верных стражей или пекущихся о благосостоянии бrenного ее жилища, либо действующих всеминутно по естественному и нравственному течению, была во мне против обыкновенного столь сильно поражена неким тайным предчувствованием, что хотя я и действительно обят

был глубоким сном, однако все мне казалось, будто przygotow-
ляюсь в дальнюю дорогу.

Сие предчувствование сбылось действительно со мною. Ибо
спустя несколько минут прелетаю я земной шар и все подне-
бесные области, преселяюсь в жилище бессмертных, коего вели-
чество и небесный блеск восхищают дух мой; но оставшееся еще
во мне чувство человечества вселяет в меня сердечное со-
жаление о бывшем моем смертном жребии. Итак, говорил я сам
себе, итак, конечно, ты уже навсегда расстался с земными
жителями! Ты не будешь иметь того нежнейшего удовольствия,
чтобы друзьям и врагам твоим сказать в последний раз: *про-
сти*. — Жалостию растворенные слезы, кои из глаз моих, как
будто из двух источников, лилися, последовали за каждым
словом. Прости, говорил я, дражайшее человечество! прости на
веки и прими сей плач, яко чистейшую дань, приносимую тебе
от меня в последний раз. Потом будучи некоею невидимою
силою ободрен, вдруг почувствовал в себе, якобы со слезами
моими купно и все слабости человечества во мне померкли.
С сего времени начал было я, как казалось, с холодностию и
равнодушием взирать на земное величие, чины, достоинства и
на все оного ветшающие красоты и, утешая мало по малу при-
вязанность к бренности, наслаждался новым блаженством. Но
вдруг, представив себе весьма несправедливый поступок моего
смерти, не мало тем огорчился. Как! вскричал я всплывчиво,
мне один раз в жизни моей и то неволю случилось подумать
только о суетности и злых наветах мира сего, причем весьма
я отдален был от того, чтобы желал умереть; однако, немилос-
сердая Парка¹¹³ против воли и чаяния пресекла нить дней моих.
Нет, таковой поступок сколько для меня неприятен, столько
оний несправедлив и непростителен. Коликое множество в све-
те есть таких людей, которые чрез целую жизнь свою и не по-
нимают, что они живут. Сколько есть и таких еще, кои хотя то
и весьма явственно понимают, однако делами своими не заслу-
живают жить и на одну минуту. А о тех и упоминать не хочу,
кои при изъяснении своей любви хотя тысячу раз угрожали
себе ядом, кинжалами и другими неминуемыми смертями, одна-
ко, и по сие время все еще в добром здоровье находятся. Сии-то
роды людей составляют, так сказать, зрелую жатву для смерт-
ные косы, ибо они, и живы будучи, уже почти во гробе лежат.
За что же меня так насильно и противу желания лишать
жизни?

Как я, в сии размышления углубясь, в превеликой находил-
ся задумчивости, то вдруг услышал приятные восклицания,
производимые ликом¹¹⁴, приближающимся ко мне. И каким
сладчайшим восторгом стал я поражен, увидев грядущих ко
мне духов, одетых в белое женское одеяние и стократно повто-

ряющих: «это он, это он — это любопытный зритель, описатель нашего путешествия». Я, будучи внезапно из глубокия печали в чрезмерную радость преселен, пребыл недвижим, точно соображая себе, что я, конечно, странствую во сновидениях. Вдруг все они, окружив меня, с ласковым и пленяющим видом говорили ко мне: «пожалуй, не беспокойся, отряси всю печаль свою и ведай, что ты видишь теперь пред собою наилучших твоих приятельниц; мы те музы, которых ты весьма много одолжил описанием твоим несчастного нашего по земли странствования». Сколько я сначала ни старался принять на себя веселый и свободный вид в моих разговорах, однако каждое слово извляло некую принужденность и доказывало им явственно о моем смятении. Они, приметя во мне внутреннее волнение духа, пресекающее слова мои, всячески меня просили, чтобы я как честный человек, не утаивая ничего, открыл им точную причину моего беспокойства. «Государыни мои,— отвечал я тогда,— как мне не досадовать? я, живши на земле, заготовил было несколько дюжин разных проектов, и если бы все оные произведены были в действо, то, конечно, нажил бы я себе богатство, высокие чины, а, может быть, и бессмертное имя. Ибо я твердо было положился написать, по крайней мере, несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества моего; но едва успел сочинить три или четыре сатиры, как сверх чаяния лишился жизни. О смерть! ты не зриаешь ни на что, ты разрушила все мои надежды!» По выслушании моего речи, никак не могли они удержаться от смеха, потом ласково мне сказали: «из всех твоих желаний видно, что ты и поныне еще смертный, поверь нам, что ты еще не умер, итак, не о чем тебе крушиться, ты жив и будешь жив надолго. А что ты теперь в наших местах находишься, то мы тебя нарочно сюда на малое время призвали. Во-первых, мы почли за долг благодарить как тебя, так и г. Живописца, за изрядное описание нашего земного странствования; во-вторых, зная довольно, сколь ты стараешься о знании человеческого сердца и сколь беспристрастно рассуждаешь о земных вещах, охотно желаем уведомиться чрез тебя, какой это род людей *метрессы*¹¹⁵, и каким образом они у вас заведены. Нам доводилось несколько крат читать в полном собрании сочинения некоторых просвещенных французов, в которых *метрессы* превозносятся хвалами, что они избавляют мужчин от тяжкого ига, то есть брачного союза, и возвращают человеку первобытную его вольность; но мы с крайним отвращением слушали таковые нелепые заключения». Потом одна из тех двух муз, кои оставались при Аполлоне и которая, как я уведомился, представляет образ верный и целомудренный супруги, приступив ко мне поближе, говорила: «я должна признаться, что я больше всех желала увидеться с тобою и открыть

тебе мое неудовольствие в рассуждении нынешних женщин. Будучи я главою и покровительницею женского пола, имею долг больше всех пенсия о их целомудренности, верности и святости брака, почему все списки добродетельных женщин всех народов и веков у меня хранятся. Посмотри же на список нынешнего полустолетия, а наипаче последних годов и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь *Лукреций* ¹¹⁶. Вот тебе моя роспись, прочти ее прилежно.— Ну... сколько нашел *Лукреций*? Извините, сударыня, я право здесь...

Продолжение будет в следующем листе ¹¹⁷.

Лист 18

Г. Живописец!

Как мне известно, что в ваших, хвалы достойных, листах не упускаете никогда являть свету все, что одного заслуживает презрение, дабы чрез то возбудить в сердцах сограждан ваших должное отвращение к худым делам, то вы, я думаю, не пропустите случая дать знать всем мыслящим россиянам (ибо вы для них только, я думаю, пишете) о наипохвальнейшем и наипольнейшем учреждении, о каком токмо частным людям помышлять дозволяется. Я хочу здесь говорить о недавно учрежденном *Обществе, старающемся о напечатании книг* ¹¹⁸. Статуты одного общества вам, как человеку всегда в свете обращающемуся, может быть, известны; но я, читая оные, столь много восхитился, усмотря их доброе намерение и долженствующую из одного учреждения истекати пользу для всего российского народа, что не мог удержаться, чтобы не восхотеть об оных дать знать всему свету. Между тем, как я постараюсь вам сообщить все статьи одного учреждения, намерен теперь вам сообщить о пользе одного, в рассуждении народного просвещения и о пользе его как Общества до торговли касающегося.

Правило неоспоримое государственного домостроительства ¹¹⁹ есть сие: стараться о процветании торговли. Сие разумеется о пространных государствах; ибо сколь торговля в таком государстве полезна, столь и более она вредна в правлении, на один или малое число городов ограниченном; что более опричь торгова приводит деньги, сии измеряющие знаки народное иждивение, в обращение, и потому, что более доставляет гражданам пропитание! Не говоря о том, что чрез оный богатые люди лишаются излишних своих денег, которые бы мертвы, так сказать, были в их сундуках, если б роскошь, соплетая им новые потребности, не побуждала их покупать работы художников, равно пышность, тщеславие и чувства услаждающих, коликое число питается посредством торгу людей, дневную работу исправляющих, до-

ставляя художникам материалы, над коими хитрая их рука исчерпывает вымыслы искусства. Что были бы без торговли фабрики, мануфактуры и проч.? А общественный торг тем выгоднее для государства, что, будучи в состоянии большие предприятия принимать намерения, он большому числу людей доставляет прокормление. Но учреждение Общества старающегося о напечатании книг, хотя и кажется, что не подходит под сие правило, но тем полезно, что подает пример, каким образом надлежит устанавливать торговые общества, как производить оного дела без замешательства, как предвирать неудобствам, к разрушению оные влекущим. Я не устыжусь сказать, что сие Общество поспрашивает большую часть нашего купечества, не ведающего начальных правил торговли. Да научится оно оным из сего учреждения! Дай бог, чтобы, просвещая всех разумы, пример сего Общества просветил разумы наших торгующих и явил им истинные их прибитки. Сами они были бы богаче, а государство могущественнее и счастливее.

Что касается до пользы сего Общества в рассуждении просвещения разумов, то кто оную, так сказать, не ощущает? Печатаение книг, соближая веки и земли, доставляя всем сведение о изобретенном и о происшедшем, есть наивеличайшее из всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатаение книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без оного определенную, и родить, так сказать, столько же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей? Печатаение соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, чрез то очищает общество от заблуждений и предрассудков всегда вредных, ибо я не того мнения, чтобы оные некогда полезны быть могли, пользе их бывает мгновенна, но вред, от оных происходящий, отпрыгается, если могу так сказать, чрез целые веки.

Вот что я вам имел сообщить о наиполезнейшем нашего века учреждении частных людей. Пожалуй, внесите сие письмо в ваши листы, ибо сведение о таковом Обществе побудит, может быть, иных к учреждению какого другого, гораздо полезнее наших клупов¹²⁰, ассамблей и тому подобных сходбищ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь ваш. Вам Россия должна ствовать будет

1773 года,
февраля 28 дня.

Ваш покорный слуга
Любомудров

Из Ярославля¹²¹.

* * *

Г. Любомудров! я помещаю ваше письмо в листах моих со удовольствием, ведая, что оно не мало послужит к одобрению учредителей *Общества старающегося о напечатании книг* в их предприятии. И хотя план учреждения сего мне неизвестен, однако ж я согласно с вами мышлю, что намерение сие весьма полезно для единоплеменников наших. Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оных в нашем отечестве, нежели как было доньше. Но по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранилища и употреблять их во свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но позвольте сказать, петербургские и московские жители много имеют увеселений; есть у них различные зрелища, забавы и собрания; следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг, а сверх того, и просвещение наше, или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими господчиками приемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга чрез троих или четверо руки дойдет, например, в малую Россию, всякий накладывает неумеренный барыш, для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег; итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю, приходит туда почти всегда в три рубля, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходуется меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, часто терпят убыток. Вот, государь мой, цель, куда должно стремиться намерение сего Общества; и если Общество сие будет в состоянии привести торговлю книжную в цветущее состояние, то по справедливости заслужит похвалу. Сего еще не довольно, я бы поговорил с вами о сем веществе поболее, но *не у прииде час* ¹²².

Всепресветлейшая императрица, наша всемилостивейшая мать и государыня, все употребила, что только можно сделать государю для просвещения своих подданных, для очищения разумов и сердец их и для искоренения из оных всяких гнусных пороков и предубеждений; осталось нам самим, верным подданным ее, споспешествовать ее намерению и исполнять ее волю для собственного же нашего блаженства. И какую иную можем мы сей великой государыне за бесчисленные ее к нам благодеяния, принести жертву, достойную ее, как только дей-

ствительное исполнение ее воли? Ее императорское величество учредила собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык ¹²³, и определила ежегодно по пяти тысяч рублей для заплаты переводчикам за труды их. Сим одним действием много сделалось пользы; упражняющиеся в переводах приобрели чрез сие честное и довольное приумножение своих доходов, а тем самым поощрены они ко прилеплению к наукам гораздо более, нежели как бы определенным жалованием; где должность, тут принуждение, а науки любят свободу и там более распространяются, где свободнее мыслят. Сколько же проистекло пользы от переведенных книг под смотрением сего собрания? Беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно. Но сколь больше пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам? Но о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно.

Вот, государь мой, чистосердечное мое мнение о сей материи, о которой вы в письме своем писали!

Лист 21

Государь мой!

Лишь только уверился я, что примечания мои вам нравятся, то не рассуждая о том, как покажутся они читателям, тотчас принял намерение всячески стараться исполнить ваше желание. Но между тем, как стал я к вечеру прилежно рассуждать, по какой тропинке босым моим ногам, слабым зрением направляемым, способнее будет достигать сего предмета, отовсюду частым шиповником заросшего, то пришел я от того сперва в задумчивость, а напоследок почувствовал в себе от тяжелых дум такое расслабление душевных и телесных сил, что, сидя на стуле, крепко уснул. Продолжавшаяся тогда в покое моем тишина весьма много способствовала к тому, что в уме моем начертался очень явственно следующий сон.

Показалось мне, будто я стою в пространной долине, окруженной каменистыми горами, которые как будто связывала простирающаяся над ними радуга: на ней золотыми числами означено было 47 гр. 57¹/₂ мин долготы, а 59 гр. 56¹/₄ минут широты ¹²⁴. Заходящее солнце казалось тогда стоящим над хребтами оных гор и слабо согревающим склоняющийся ко сну день. Слышимые издали весьма приятные пения, благорастворенный воздух, красота устилающих долину цветов, все сие привело меня и сонного в восхищение. В превеликом от меня расстоянии виден был великолепный и самым чистым сиянием окруженный престол, от которого исходящий глас отзывался в ушах моих так: «Внемлите, о пресмыкающиеся черви! вы, жизнь

которых прерывается, как паутина; вы, вместилище души которых есть вихрем носимый прах; вы, которые быстро смотрите на землю, а не можете проникнуть песка, ее покрывающего; вы, которые возводите очи свои на небо, но густое облако приходит пред самый ваш предмет и скрывает его; внемлите, вещаю вам, и не ищите напрасно долговременных веселий и удовольствий в таком свете, где все переменам подвержено, ниже благоденствия, которое в одно мгновение ока может исторгнуться из рук ваших и удалиться от вас с такою скоростью, с какою бурный ветер заносит начертанные перстом младенца на песчаном морском берегу буквы. Око, трепещущее смертныя ночи, не может видеть того, что предвечным определено. Итак, ждите суетою дышащие животные, пока переселитесь в поля вечного благополучия, в здания, бурными ветрами никогда не колеблемые, в жилища, всегдашнего удивления достойные; но помните при этом, что долг ваш есть тот, чтоб богу повиноваться и заповеди его исполнять».

Выслушав со вниманием не очень приятные человеческому слуху слова сии, хотел я приблизиться ко престолу, но как скоро подумал я только о сем, то оный тотчас скрылся от глаз моих. Тогда предстал, во-первых, зрению моему храм Славы, стоящий посреди великолепного сада, в котором много было лавровых, пальмовых и других иностранных деревьев, все с разными надписями; но я разобрал только две следующего содержания: *за превосходные качества паче всех возвышены*. Они начертаны были на сродных климату нашему деревьях. В нарочитом отсюда отдалении росли яблони, между лиственным которых видно было плодов много, но зрелых мало. Еще подалее видел я много всяких садовых и диких деревьев, но мне не можно было вблизи их рассмотреть, потому что старинная к ним тропинка вся усыпана была волчцами ¹²⁵.

Вышед из сего сада увидел я реку, по самой середине долину пересекающую и имеющую весьма чистую воду. По берегу сей реки шаталось великое множество каких-то рогатых животных, которые как будто с любопытством рассматривали в прозрачной воде собственные свои подобия и оными любовались.

Неподалеку от того места, где река сия впадает в море усмотрел я два не очень великие, однако изрядные садика, которые и переманили меня на другой берег. Подходя к ним, увидел я, что из одного везут целую телегу бесполезных трав, на место которых пронесли туда несколько мешочков хороших семян. Я спросил у идущего за помянутою телегою человека, отчего завелись в сем саду негодные травы? а он сказал мне, на то в ответ: *где нет худых растений, там не растут и хорошие*. При входе в другой садик лежало много гибких ветвей разного рода дерев. Вошед в оный, увидел я, что муж лет семидесяти ¹²⁶, на

лице которого человеколюбие, беспристрастие и прямая к пользе отечества ревность ясными изображены были чертами, выбирает самые лучшие веточки, а окружающие его малолетние дети плетут из оных разной величины веночки. Любопытен будучи знать, на какой конец плетут они так много венков, стал я просить у одного почтенного мужа решение на мое недоумение. Глядя умильным на меня оком, сказал он: «Все сии венки относим мы к стоящему на другом берегу храму Славы и кладем их к подножию оного; а чем лучше сплетены веночки, тем счастливее бывают на возрасте своем сии дети». Я приметил; что все стоящие под ведомством сего мужа дети весьма благонравны и пришед от того в восхищение сказал: «благополучна та страна, где юношество к пользе государя, ко благосостоянию общества, ко преодолению господствующих в народе предразсуждений и к собственному своему благополучию хорошо воспитывается».

По удалении моем из оных садиков увидел я вдали огромные храмы; но лишь только стал я приближаться к одному из них, то встретили чрезвычайно ласково как меня, так и других для богомолия идущих людей мудрецы, которые то французскими, то русскими выражениями по физике доказывали, что солнце, луна, звезды, земля и все вообще строение мира могло получить свое бытие и без посредства божия. Многие из тех, которые твердо знали французский язык, принимали доказательства их за справедливые и, не входя во храм, возвращались домой с сердцами гордыми, памятозлыми и равномерно как на друзей, так и недругов своих неугасимою ненавистию пылающими. Другие, напротив того, не слушали мечтательных и богопротивных их доказательств, но проходили, оглядываясь на них с презрением, во внутренность храма. С сими последними вошел и я, и имея покорное сердце к существу, непостижимому для разума человеческого, безднами заблуждения окруженного, со слезами просил его, дабы обратил на путь истинный заблудших моих сограждан. Отсюда пошел я вослед за незнакомым стариком, который, идучи, тихо ворчал про себя следующее: «Неужели и во всех государствах такие произрастают от наук плоды? — Никак! — Науки приносят обществу великие пользы и связывают его самыми крепкими узами здравого рассудка; они учат жить добродетельно и богу достойное воздавать почтение; а что люди, не исследовав еще совершенно и того, что всегда у них в глазах, желают знать и сокрытое черною завесою от слабого их зрения, тому причиною собственное их безумие. — Так, подлинно так, — продолжал он, — и этой заразы ничем другим предупредить не можно, как только частым напоминанием молодым людям того, что кто бога забывает, тот верно навлекает на себя праведливый его гнев».

Отстав от сего старика, вышел я на большую улицу, по которой едущие издали кареты блеском своим меня остановили. Но между тем, как кареты сии ближе подъезжали, подошел ко мне какой-то старичек и, приметя, с каким удивлением смотрю я на оные кареты, стал мне на ухо говорить: «Не думаешь ли, что разъезжающие в сих каретах щеголи все вообще богаты? Нет! этого никогда не бывало.— Многие из них берут у меня деньги в долг, но очень худо платятся. Вот как знатно ведет себя иностранное купечество! Да полпо и у нас то же самое будет.— Мы, старики, денежки копим, а детушки их промотают да и спасибо не скажут».

Так рассуждал сей старик, как я от крепкого сна стал пробуждаться, а потом сев за стол, написал к вам сие письмо, которого содержание отдаю на ваше рассуждение. Простые у нас в России люди много верят снам и предугадывают по них будущее свое благополучие или несчастье. Но как они часто в том и ошибаются, то я, не требуя от простолюдимов истолкования, прошу вас покорно справиться, нет ли в каких-нибудь толкующих снах по зодиям книгах изъяснения хотя на главные предметы сего моего привидения. Или не произошло ли оно от исправно и сильно действующих в душе моей понятий о добрых и худых делах, которые в знатных гражданских обществах всегда происходят? В ожидании от вас сего благоприятства остаюсь
Отечеству своему всякого блага желающий Р¹²⁷.....

Лист 22

Недавно получил я письмо от неизвестной особы с приложением письма к любителям добродетели, которое во удовольствие их здесь сообщается.

Государь мой!

На сих днях, когда я был в отлучке, принес в мой дом некий старик надписанный на мое имя конверт, который по приезде моем распечатав, нашел письмо к любителям добродетели и при оном записку следующего содержания: «Добродетельный старик! прими труд на себя сообщить сие открытое письмо всем тем, кто любит добродетель, и испроси у них на оное ответа, который я могу чрез сего же самого старика получить. Я дух: жилище мое тебе быть известно не может. Прощай». Прочитав оную, в немалом я был изумлении и, не находя средства, каким бы образом дать об оном знать всем любителям добродетели, рассудил просить вас, чтобы вы оное сообщили в своих листочках, которые, я надеюсь, все любители добродетели читают. Я же чрез сие ваше одолжение удовольствую желание духа и останусь навсегда с покоем и с любовью моею к вам

Добробыслов.

* * *

Любители добродетели!

Удалась я от света, удалился от одного сует и наслаждаюсь здесь вечным блаженством. Зависть, стремящаяся похитить спокойствие ближнего; вражда, соплетающая сети для пагубы невинности; неправда, гонящая истину и грозящая низвергнуть ее навеки в места забвения, и другие сим подобные, на кои со ужасом добродетель взирает и с часа на час ожидает себе из них нового гонителя, совсем из сих мест изгнаны. Не видно здесь тех прихотей одного человека, для удовольствования коих тысячи в поте лица трудится и смерть жизни своей предпочитает; нет также и праздности, развращающей людские сердца и рождающей к гибели рода человеческого наглую отважность. Сатурн уже начинал за мою жизнь третий раз свое течение около небесного светила ¹²⁸, ниссылающего свои благотворные на землю лучи; а я во все то время, наскуча жизнью, лишь примечал непостоянство времени и людей. Видел я, как пороки, вселившись в сердца людей, гонили добродетель; видел я, как она, воцарившись, господствовала и по некотором времени, за два года пред отшествием моим с пространного круга земли, опять была изгнана. Долгое время странствовала она по городам и, не найдя ни в одном себе пристанища, прибегнула к сельским жителям, однако и там, возненавидев ее, изгнали. Если вы все таковые устремившиеся во времена мои на добродетель гонения и к тому зараженные ядом пороков человеческие сердца и мою добродетельную жизнь приведете себе на мысль, то ни мало не будете так скорому пред нашествием пороков нечаянному моему из света отшествию удивляться. Вы знаете, сколько злость, ненависть добродетель, старается оную притеснить и коlikому несчастью невинность добродетельной души бывает подвержена. К обвинению меня злость употребила орудием развращенные ею нескольких людей сердца, и я в короткое время был невинною оной жертвою. Возможно ли, великий боже, зло за добро воздавать и терпеть поругание над добродетелью! Какой варварский век! Какое дело человечеству несподручное! Скажите, любезные мои соучастники, еще ли в сии в недрах развращенных сердец зачепшиеся ужасные чудовища, сии страшилища добродетели на свете терпимы; еще ли не явились они мерзостны пред очами человека, которого они все совершенства затмили. Убегайте, живучи на свете, убегайте сих мнимых доброт, инако зла; будьте подражателями мне, любите всякое истинное добро, да насладитесь купно со мною блаженной жизни. Наконец, прошу, уведомьте меня, что у вас делается, царствует ли добродетель и награждаются ли достойно заслуги или порокам, как и за мою жизнь, люди порабощены. Прощайте.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА „КОШЕЛЕК“

1774 год

*Отечеству моему
сие сочинение
усердно посвящается*

Вместо предисловия

Две причины побудили меня издавать во свет сие слабое творение и посвятить оное отечеству моему: первая, что, я, будучи рожден и воспитан в недрах отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувствованию и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают. Я никогда не следовал правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера; как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области собственными климатами их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что, одной России не дав свойственного народу ее характера, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый никакому народу не свойственный характер, а еще наипаче россиянину, выключая только тех, кои добровольно из разумного человека переделываются в бессмысленных обезьян и представляют себя на посмешище всея Европы. Таковые не только что не видят добродетелей, россиянам природных, но если бы где оные с ними непарочно и по-

встречались, то, без сомнения, отвратили бы зрение свое, именую оные грубостью и невежеством. Да сие и не удивительно, ибо мы уже давно бросили истинные драгоценные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франции не употребляемые, а принялись жадно покупать ложные; но я смело скажу: если бы Франция столько имела жемчугов, сколько имела Россия, то никогда бы не стала выдумывать бусов: *Нужда и бедность мать вымыслов*. А ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко уствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают; но о сем пространнее поговорим на своем месте.

Второй причины не захотелось мне теперь читателю моему объявить, а рассудилось лучше оставить оную до того времени, как мы побольше с ним ознакомимся, дабы при первом с ним свидании обойтись сколько возможно миролюбивее.

Впрочем должен бы я был объяснить читателю моему причину избрания заглавия сего журнала, но и сие теперь оставляю, а впредь усмотрит он сие из *Превращения русского кошелька во французский*, которое сочиненьице здесь помещено будет.

Наконец, желаю читателю моему в жизни сей пользоваться древними российскими добродетелями, приобрести те, которых они не имели, и дойти до того, чтобы, если не будет он любить своего отечества, было ему стыдно. Аминь.

Лист первый

Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело проводя время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом сретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностью употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся, по примеру немцев, то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре. Но чтобы рассуждение сие какую-нибудь принесло пользу, то согласились мы сделать между собою таковое учреждение, по силе которого всякий из нас, тогда бывших, за каждое иностранное в российском разговоре, без крайния нужды, вымолвленное

слово повинен заплатить двадцать пять копеек, а казна сия по простествии каждого месяца должна быть собрана и отослана в *Воспитательный дом* в подаяние. Но по простествии нескольких времени усмотрели мы, что таковая пеня для некоторых из нас (кои по привычке иностранные слова часто употребляют) будет отяготительна, то, желая облегчить оных, а учреждение сие оставить в его силе, уменьшили пеню за каждое слово до пяти копеек; а к тому прибавили, чтобы коренные российские слова, вновь отысканные или сочиненные, сообщать для напечатания к пользе любителей российского слова.

Сие, хотя, впрочем, шуточное, но, однако ж, отчасти и полезное учреждение пескольным особам уже поправилось, ибо неоспоримая есть истина, что доколе будут презирать свой отечественный язык в обыкновенном разговоре, доколе и в письменах не может оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться. Скажут некоторые, что не подобною сей выдумке отечественный язык до совершенства приводить и обогащать надлежит; что на сие есть особо учрежденные места, которые денноночно о том пекутся, или, по малой мере, печися должныствовали бы; что три, пять или десять человек молодых людей, и только что охотников, не более к собранию ученых, как единица к тысяче; что приступать к сему важному делу надлежит таким порядком: несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертание, несколько лет рассматривать оный; много лет приуготовлять вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом еще более всего, много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию; что надлежит трудящимся давать много жалованья, покойные квартиры, хорошие столы и прочее, дабы все сие услаждало чувства и приводило отечественный дух в сильное движение; наконец, чтобы казна прежде совершенно потеряла несколько десятков тысяч рублей, пока общество увидит несколько десятков строк сего важного сочинения, в печать изданных: по что такое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству; подобные же нашим выдумки частных людей похожи на русскую пословицу: *«Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала»*.

Таковым я отвечаю, что я не с тем упомянул о сем издевочном учреждении, чтобы сим способом советовал приводить язык наш к совершенству, а еще менее отвечаю за успех оныя выдумки, но ручаюсь за сие, что сия выдумка государству не будет убыточна и что если понравится она многим, то сим способом хотя и мало обогатится язык российский, но много присо-
вокупится казна *Воспитательного дома*. Ибо смело можно ска-

зять, что во времена Петра Великого во всей пространной России больше было людей, употреблявших в российском разговоре иностранные слова, нежели ныне в одном Петербурге не употребляющих оных. Наконец, противоречущему мне отвечаю русскою же пословицею: *«Не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки»*.

Лист второй

Некогда случилось мне быть свидетелем весьма странных и любопытства достойных разговоров, которые я тогда же, пришед домой, написал, а теперь оные сообщаю читателю моему, желая сердечно, чтобы оные в нем подобное моему произвели впечатление.

Разговор I

между россиянином и французом

Француз. Так, государь мой, я уверяю вас, что подобного несчастья не случилось еще во всю жизнь мою. Сакр-дьё! ¹ проиграть с ряда двенадцать робертов! ² После такого несчастья жить более невозможно. Не правда ли, сударь?

Россиянин. Это правда, что проигрыш всякому человеку чувствителен, но одному более, другому менее; вы в сей раз играли несчастливо, но сие и со многими другими игроками не редко случается; счастье и несчастье в игре попеременно бывает: сегодня вы проиграли, завтра можете выиграть. Однако ж, видя вас так чувствительна к проигрышу, играть вам не советую, ибо хотя и всякий человек подвержен житейским претыканиям, но тот почитается благоразумнейшим, который больше другого управляет страстями своими. Благоразумный человек приготавливает себя ко проигрышу прежде, пока не начнет играть: сим средством во все время игры сохраняет он равнодушие, не разгорячается и никогда того не проигрывает, что не хотел бы проигрывать или чего заплатить не может. Что ж касается до отчаяния вашего, то, позвольте мне сказать искренно, оно вселяет в меня противные приятным мною о благоразумии вашем мнения.

Я не имел еще времени коротко вызнать свойства сердца вашего; приятель мой, с коим познакомились вы в Париже, писал ко мне об вас много доброго и просил, чтобы я оказывал вам услуги; я и хочу это исполнить самым делом: ваше обхождение мне понравилось, я вас полюбил, и вы найдете во мне всегда искреннего вам доброхота.

Француз. Ах, государь мой! вы из отчаяния приводите меня во удивление. Какая добродетель! какое человеколюбие! и

какое сердце! Сердце ваше есть сердце ангельское. Если бы вся ваша земля населена была подобными сердцами, то можно бы тогда было заключить, что она обитаема высшими от человека существами...

Россиянин. Если вы побольше узнаете мое отечество, то сему действию моему удивляться перестанете. Россияне все к добродеянию склонны. С неменьшим удовольствием оказывают они всякие вспоможения, с каковым другие приемлют оные; и это, по мнению моему, есть должность человеческая. Надлежит делать добро не по принуждению, но по склонности сердца. Предки наши во сто раз были добродетельнее нас, и земля наша не послала на себе исчадий, не имеющих склонности к добродеянию и не любящих своего отечества.

Француз. Ах, какая блаженная страна! вы, государь мой, в большое приводите меня удивление. С себя минуты я забываю мое отечество; в России нашел я оное. Во Франции был я несчастлив, а здесь, по словам вашим, уповаю найти блаженство. Попечения ваши доставят мне и жене моей приличные породе нашей места. Если исполнится то, о чем вы за меня просили и в чем вас обнадежили, то я и жена моя будем благополучнейшими из смертных. Какое удовольствие научать и воспитывать детей, рожденных столь нежными и добродетельными сердцами! — Но... государь мой... Нравоучения ваши меня просветили... я в игре весьма горяч... с сего времени вы не услышите более, чтобы я когда-нибудь принялся за карты... Со всем тем... я проигрался. Бедная моя жена! увы! какую весть услышать ты должна... Я проигрался... увы!..

Россиянин. Пожалуйте, не отчаявайтесь, этому пособить можно. Если вы проиграли сколько-нибудь в долг и не имете чем заплатить, то на сей раз я могу ссудить вас деньгами. Скажите, сколько вам надобно, я тотчас вам дам оные...

Француз. О великодушный человек! Добродетель, редко имеющая примеры в моем отечестве! Иностранному человеку, незнакомцу, такие благодеяния оказывать! Позвольте мне, драгоценнейший друг, уверить вас, что благодеяния ваши всегда останутся в моем сердце; что рука, оные творящая, всегда будет мне любезна и что я в нужном случае кровь свою пролью со удовольствием, если то нужно будет для спасения моего друга...

Россиянин. Оставьте излишние уверения, малая моя услуга не стоит великой благодарности. Я почитаю вас честным и благородным человеком, следовательно, я больше вашего должен еще радоваться, что сыскал случай обязать вас любить мое отечество. Но скажите мне, сколько надобно вам денег?

Француз. Я стыжусь... сто рублей... Ах! как мучительно чувствительному человеку напоминание его преступлений...

Россиянин. Вот деньги, извольте их взять. Между тем останусь с вами на некоторое время: подождите меня здесь, я скоро сюда возвращусь.

Француз. Вы меня оставляете!... Но я льщусь... ваши одолжения...

Разговор II между немцем и французом

Немец. Удивительно мне, государь мой, что вы меня не узнали; во время разговора вашего с оставившим вас человеком я нарочно смотрел, не смежая глаз...

Француз. А! любезный приятель, вы здесь? как, зачем и когда оставили вы Голландию? Расставшись с вами в Амстердаме, я никогда не уповал увидеться в Петербурге. Что касается до меня, то крайность одна могла принудить меня избрать убежище в сем городе. Роственники мои так же бесчеловечны, как и прежде: сие самое принудило меня приехать сюда с женою моею для сыскания приличных мест нашей породе.

Немец. А что касается до меня, то приехал я в Петербург, первое, чтобы увидеть сию империю под владением премудрой императрицы, во всей Европе славящуюся, а второе, чтобы сыскать приличную моему состоянию должность; и если мне здесь полюбится, как я по началу моей здесь бытности и не сомневаюсь, то останусь здесь на вечное житье. Ученому человеку, как говорят, целый свет отечество. Что ж надлежит до вас, то, если вы еще по сию пору мест не имеете, я могу возобновить мои вам услуги: приятель мой, купец, имеет нужду в горничной женщине, жена ваша может заступит оное, по моему одобрению, а вы с нею будете иметь комнату, для продолжения ремесла, в Голландии вами отправляемого...

Француз. Тише, тише, сударь, прошу не предлагать мне подобных услуг. В Голландии принужден я был несчастливými моими обстоятельствами отправлять сию презрительную должность; но я рожден не для волосоподвигательной науки. Отец мой был королевской гвардии капитан, дядя родной — прокурор парламента Парижского; я и сам имел место... но любовные мои шалости навлекли на меня гнев моего дяди; я принужден был удалиться из отечества и, скрывая подлинное свое имя, жить в Голландии; наконец, скажу вам, что вы имеете дело с шевалье де Мансонж³. По сему рассудите, прилично ли мне предлагаемое вами ремесло и должность горничной женщины для моей жены.

Немец. Ха, ха, ха! что вы передо мною притворяетесь, я знаю вашу родину, вы не более, как сын стряпчего⁴, отправлявший по смерти своего отца и во Франции ту же самую должность, как отправляли вы в бытность мою в Амстердаме; какую

наклепали вы родню, и на что это? Честному человеку никакое состояние бесчестия не приносит. Стыдно делать бесчестные дела: напротив того, никакого бесчестия не делает низкое состояние. Я сам сын деревенского попа, обучался в университете и, наконец, удостоен профессорства; и я никогда не вздумаю называться бароном; но оставим это. Скажите ж мне, г. кавалер, с каким намерением вы сюда приехали и что будете здесь делать? Не думаю я, чтобы вы приехали сюда проживать только деньги; ибо я уверен, что кошелек ваш в Петербурге не изобильнее амстердамского, а там вы, помнится мне, и с ремеслом вашим и жены вашей жили очень бедно.— Да, кстати вспомнил я: в Амстердаме у вас не было жены, разве вы здесь женились?

Француз. Оставим скучные ваши вопросы.— Вы спрашиваете зачем я сюда приехал, я вам это хочу сказать. Мне говорили, что в России много серых куропаток: я до них великий охотник; во Франции они дороги, так я приехал сюда их есть. Между нами сказать, в здешней земле француз не умрет от голода.— Но еще раз прошу вас, оставьте скучные вопросы, что вам нужны; в Амстердаме был я, а здесь я же, да хочу быть другой; помните, что молчание первая добродетель.

Немец. А я люблю чистосердечие; будьте уверены, что я вам зла не желаю, но поговорим откровеннее. Неужели думаете вы, что в России для голодных французов заведены магазейны? Вы обманываетесь, я уповаю, что здесь хотя и много родится хлеба, однако ж его даром не дают; надлежит трудиться, чтобы достать себе честным образом пропитание. Итак, необходимо надлежит вам приняться за какое-нибудь дело.

Француз. Да кто вам сказал, что я хочу здесь жить безо всякого дела? Я хочу вступить в должность, выслушайте, я вам расскажу. В бытность мою в Париже познакомился я с одним российским путешественником в трактире; он был молод и ветрен; мы подружились, я ему сыскал девуку, он в нее влюбился и проживает свои деньги. Я решился ехать в Россию, сказал о том ему, он мне дал одобрительные письма к одному из своих друзей. Я сюда приехал, нашел этого человека, с которым видели вы меня разговаривающего: отдал ему письма, он меня весьма учтиво принял, ввел меня в некоторые знатные дома, где я так хорошо принят, что и истинный французский маркиз не желал бы лучшего принятия. Везде меня ласкают, хвалят мое остроумие, обходятся весьма учтиво; словом, я почитал себя пресчастливым человеком; но третьего дня в одном знатном доме посадили меня играть в вист; я забылся, что у меня нет денег; счастье от меня отлучилось: я проиграл сто рублей. Мне поверили, заплатить такую сумму я не мог и был в крайности потерять навсегда тот дом, в коем я проиграл; но новый мой

друг вывел меня и сего состояния, дав деньги на заплату моего проигрыша. Я опомнился и увидел, что надобно мне вступить в какую-нибудь должность; я сказал о том моему другу, он за сие взялся с охотою: меня берут в учителя, жену мою также, и дают нам каждому по 500 рублей, выключая квартиры, стола и кареты; но я прошу больше, авось-либо и то удастся; ибо по случившемуся со мною в России я всего надеюсь. Из сего усмотришь, что значит француз в России. Ты, любезный мой приятель, будучи немец, рассуждаешь истинно по-немецки, что будто без трудов не можно найти честного пропитания; но я француз, следовательно, за одни разговоры могу брать столько денег, что ты, со всеми своими трудами, ни в четвертую долю получить не можешь. Суди по моему приключению, какое счастье родиться на берегах Сены и иметь волшебное наименование *француза*, для отворения дверей во всяком месте, куда бы я ни похотел идти. Слово *француз* так важно, что в нем все замыкаются достоинства.

Лист третий

Продолжение разговора между немцем и французом

Немец. Очень хорошо, я соглашаюсь на некоторое время верить словам вашим; но как разговариваем мы дружески и откровенно, то, пожалуйста, скажите мне, чему будете вы обучать воспитанников, поручаемых вам? Ибо, между нами сказать, вы и сами, кроме французского языка, ничего не разумеете. Сии же воспитанники, сказываете вы, знатного господина дети: то как потерпят учителя, ничего не знающего? Как поверят будущую подпору славнейшей империи воспитанию человека неизвестного? Как не приметят, что вы, будучи учителем, сами ничего, опричь французского языка, не знаете; а в сей науке и всякий французский сапожник не менее вашего учен. Наконец, хотя сие по существу своему есть самонаименьшее в сем зло, как захотят ни за что бросать не малую сумму денег, да еще и в таких нежных обстоятельствах? Позвольте сказать откровенно, вы воспитанием своим удобнее можете развратить, а не исправить сердце юного своего воспитанника, сделаете таковым, каким, ко стыду России, видел я довольно проезжающих мою отчину...

Француз. Скажите же, пожалуйста, и вы мне, как и где могли вы столько выискать вопросов, до моего должности ни мало не касающихся? Какая мне пужда, что они ни за что станут бросать свои деньги, лишь бы я получил оные. Добрые ли будут иметь склонности воспитанники мои или худые, для меня это все равно лишь бы только воспитались они с любовью ко

французам и с отвращением от своих соотечественников, а в прочем какая мне нужда. Глупо делают родители их, что поручают воспитание детей своим мне; а я, напротив того, делаю очень умно, желая получать деньги даром. Наконец, скажите мне, государь мой, по какой бы причине я не мог быть учителем? Разве на французском языке нет книг, всяким наукам обучающих? Поверьте мне, что их довольно: я закушу оные книги и буду учить моих воспитанников и сам учиться. Ха, ха, ха... Неужели вы почитаете меня дураком, думая, что бы я не стал пользоваться толь выгодным случаем. За чужую глупость какая мне нужда ответствовать? А что надлежит до намерения моего, то оное для меня, право, весьма полезно: выслушайте, я по дружбе открою вам оное, и если будет в вас к тому столько способности, сколько я имею, тогда можете вы оным пользоваться. В должность учителя вступаю я не для того, чтобы в состоянии был вправду учить моих воспитанников; но для того, чтобы запасть деньгами, коих я теперь не имею. Накопив же несколько денег и спознавшись с молодыми российскими господчиками, а особливо с *полуфранцузиками*, сделаюсь я учителем и купцом. Начну выписывать французские товары; искусство мое будет оные доставлять мне беспоплиненно: какие бы предосторожности ни употребляла таможня, я на всякую ее предосторожность десять имею готовых выдумок.— Положим теперь, что я получил уже мои товары; примечайте, как они мне достались дешево: поплина не плачена, лавки для них я не нанимаю, купецких поборов не плачу и никаких тягостей их не несу. Посредством знакомства моего с молодыми людьми, буду я продавать товары свои за наличные деньги, или, по малой мере, буду раздавать их в долг, однако ж, и оттого убытка я иметь не буду, ибо по счетам начну приписывать цену и число товаров лишние и в тех деньгах буду брать вексели. По векселям деньги верно взысканы будут, да еще с процентами и рекамбиями⁵. Какая мне нужда в том, что посредством обогащения моего молодые люди разорятся будут? Ведь они не соотечественники мои; да если бы возможность человеческая была, так бы я и единоземца своего перехитрил. Моя философия гласит: «*обманывай дурака, в том ни греха, ни стыда нет*»; но оставим это: довольно сего, что в пять лет буду я иметь несколько тысяч рублей. С сими деньгами возвращусь я в мое отечество и буду жить благополучнейшим человеком. Между тем, как и самая справедливость того требует, буду ругаться орудиями, служившими к обогащению моему, как людьми, рассудка здравого и просвещения не имеющими.— Ведь справедливо во ***⁶ русских людей почитают еще невеждами, варварами, или, на милость, обезьянами.— Где, кроме сущих невежд, найти можно такую оплошность, чтобы вверить себя человеку, никогда ему

добра не желающему, и позволить из себя все, что бы я ни захотел, сделать?

Немец (к стороне). О какая подлая душа! сердце неблагодарное и изменническое! чудовище, недостойное человеческого имени! — Однако ж, укреплюсь еще. (*К французу*). Вы справедливо рассуждаете. Между тем, пользуясь откровенностью вашей, хочу я свести ваше мнение о друге, сделавшем вам только великодушные одолжения и которого добродетельное сердце недавно превозносили вы похвалами. Скажите мне искреннее ваше о нем мнение?

Француз. Искреннее? — с охотою. Искренно сказать, я почитаю его простосердечным, легковерным и глупым человеком... Как поверил он одобрению молодого шалуна, который оставил свое отечество, для того только, чтобы в чужом шататься по трактирам и народным гульбищам и проматывать безрассудно в отечестве его нажитые деньги? Как верить всему мною сказанному о моей породе; и, наконец, как не могло прийти ему в голову, что если бы был я в самом деле такого рода, как я о себе сказывал, и имел бы хотя самонаименьший верный доход, то поехал ли бы я из своего отечества и, оставя известное, стал ли бы я гоняться за неизвестным? — Из всего этого я вывожу следующее заключение, что новый мой друг не что иное, как добрая машина, которую можно употреблять и в добрую и в худую стороны. А сей порок я приметил во многих единоземцах моего друга: они слишком полагаются на честность и не могут истинно различить от хитрости; но притом сие весьма достойно примечания, что хотя немец и англичанин их не обманывают и обходятся с ними правдиво и честно, однако ж, они их не любят, обычаев их не перенимают и если бы те захотели их обманывать, то никогда бы им в обман не далися; напротив того, француз открыта внутренность души и сердца русского человека; боится хитростей его, однако ж, всюду его допускает и хочет с ним всегда быть неразлучно; видит, что его обманывает, но он притворяется ему верить; знает, что тот его не любит, но сей старается обязать его услугами и доброжелательством; понимает, что он хочет над ним господствовать и управлять им по своим выгодам, а сей повинуетя и притворяется того не примечаящим; словом сказать, обхождение русского со французом можно уподобить человеку, поработенному порокам, который иногда чувствует, что делает порочное, однако ж делать оного не перестает. Вот мое мнение, которое вы знать желали.

Немец. Последние ваши слова справедливы: но для чего ж льстите вы в глаза другу вашему? почему его обманываете и оставляете в заблуждение? Для чего пользуетесь его слабостями? Если бы я был на месте вашем, тогда сказал бы я ему откровенно в глаза все то, что вы за глаза говорите.

Француз. Эхе, хе, хе, дорогой мой немецкий философ, ты забродишь в древность; такое великодушие в сказках только у нас описывается. Моя философия с твоею различна. Послушай, все ищут философического камня, помощью которого всякие металлы можно превращать в золото.— Не правда ли? — Знай же, дорогой мой проповедник, что камень сей в России нашел француз и в своих руках его имеет; помощью одного преобращаю я пороки свои в добродетели, а русские добродетели в пороки; или, по меньшей мере, даю оным такой вид: всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку превращаю я в золото; но, по несчастию, сии чудеса могу я творить между русскими, а если бы подобно и между другими народами удавалось чудесить, то давно бы должно было мне, французу, поставить кумир...

Немец. Не превозносись, мой друг, своими преимуществами: они блистанием своим подобны гнилушке, в темноте только ночной блистающей; а на российский горизонт давно уже взошло солнце, со престола своего всю Россию освещающее и благотворениями своими роду российскому от сна всех возбудившее. Пользуйся ж моим советом, не превозносись так много почною блистательностью наружных твоих дарований и будь уверен, что разумные россияне, кроме вертопрахов, уважают уже не тебя, француза, но язык французский. Будь уверен, говорю я тебе ***, ты знаешь Лондон: ты меня понимаешь — я о сем говорить больше не хочу. Честность и справедливость требуют от меня, чтобы я вывел тебя из заблуждения и отдал бы справедливость русским людям: выслушай меня терпеливо. Русские люди в рассуждении наук и художеств (чем вы более всего превозноситься и должны) столько ж имеют остроты, разума и проныцания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания; разность же между французом и русским в рассуждении наук вся в том состоит, что один после другого гораздо позже принялся за науки. Франция за распространение наук и художеств одолжена веку Людовика XIV; а в России судьбою предоставлена была сия слава Екатерине Великой, делами своими весь свет удивляющей. Если посмотреть на скорые успехи, каковые россияне в рассуждении наук и художеств оказали, то должно будет заключить, что в России науки и искусства придут в совершенство гораздо в кратчайшее время, нежели в какое доведены они было во Франции. Дай боже, чтобы с таким счастьем и успехом исполнялись все премудрые намерения великия императрицы российской, с каким тщанием и трудами она приводит оные к исполнению; тогда наверное паче и паче возвеличится Россия в очах всея Европы. О когда бы силы человеческие возмогли, дабы ко просвещению россиян возвратить и прежние их права, погубленные введе-

нием кошельков⁷ во употребление, тогда бы можно было поставить их образцом человеку. Кажется мне, что мудрые древние российские государи яко бы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными богу, государю и отечеству.— Не возражай мне, что и в древние времена россияне свои имели пороки; я скажу тебе в ответ, что все народы во всякие времена имели особые пороки. Прочитай со вниманием свою историю, увидишь там варварства еще более, нежели сколько его было в России.

Продолжение сих разговоров будет в следующем листе.

Лист четвертый

Продолжение разговора между немцем и французом я изготовил было уже к отсылке в типографию для печатания, но удержало меня от того полученное мною письмо. Я не смел утаить сильных выражений и доказательств в защищение моего француза, в том письме находящихся; а притом не хотелось мне оставить писавшего ко мне письмо без ответа, чтобы не возмнил он, что возражения его справедливые и опровержены быть не могущие; к тому вприбавок немалое участие имело и желание показать читателю моему, что не злословие, но любовь к отечеству побудила меня издать сии разговоры, которые писавшему ко мне письмо не поправились. Письмо сего французского защитника писано было российским пополам со французским наречием, как то обыкновенно у любителей французского языка водится; но я за потребное судил французским речением быть переведенным на российский язык, ибо сим обязал тем из моих читателей, которые французского языка не разумеют: что же касается до любителей сего языка, то они при чтении письма сего могут оные от себя прибавлять, сколько им будет угодно. а тем самым покажут они новую блистательность пылких своих разумов. Наконец, я прошу читателя моего, чтобы он, прочитав сие письмо, изволил погодить делать заключение в пользу писавшего оное до того времени, как прочитает мой ответ. Письмо же полученное мною здесь следует.

Государь мой!

Я не знаю, кто вы, да и знать сего не хочу, потому что не имею в том нужды: довольно сего, вы напечатали разговор

между французом и немцем; я его прочитал; вы обидели французам, мне это не понравилось; я написал возражение и к вам сие посылаю; прочитайте, и если при чтении не покраснеете, то можете его и напечатать, или как вам угодно; а для меня все равно, то или другое; вы можете обо мне делать заключения, какие вам будут удобны, а я об вас уже сделал и мнения своего не переменяю.— Чорт меня возьми! по чести моей я об вас сожалею. Вы родились в таком веке, в котором великие ваши добродетели блистательны быть не могут: ваша любовь к отечеству и ко древним российским добродетелям не что иное, как, если позволено будет сказать, сумасбродство. Приятель мой! вы поздно родились или не в том месте, где бы вы мнениями своими могли прославиться. Время от времени нравы переменяются, а с ними и правоучительные правила подвержены такой же перемене: ваша древняя любовь к отечеству переменялася на новую любовь к самому себе. Перестаньте понапрасну мараить бумагу. ныне молодые ребята все живы, остры, ветрены, насмешливы, вить они вас засмеют со всею вашею древнею к отечеству любовью. Вам было должно родиться давно-давно; то есть, когда древние российские добродетели были в употреблении, а именно: когда русские цари в первый день свадьбы своей волосы клеили медом, а на другой день парились в бане вместе с царицами и там же обедали; когда все науки заключались в одних святцах; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женились, не выдав невесты своей в глаза; когда все добродетели замыкались в густоте бороды; когда за различное знаменование... сожигали в срубах или из особливового благочестия живых закапывали в землю; словом сказать, когда было великое изобилие всех тех добродетелей, кои от просвещенных людей именуются ныне варварством*.— Тут-то бы вы прославились! — Я думаю, что бы вы бедным французам не дали и Немецкой слободы в Москве; но всех бы их выгнали из государства, или еще из особенной ревности к... приказали бы всех их сожечь: то-то бы было славное дело! — Но шутки в сторону: вы, государь мой, весьма смешной проповедник! Проповедуете пороки под именем добродетелей и хотите, чтобы вам верили; скажите мне, в котором ряду продается эта вера, чтобы верить тому, что мне говорят, а не тому, что я вижу? Вы стараетесь привлекать людей к тому, от чего с привеликою трудностью их отторгали: вы, конечно, худо поняли намерение Жан Жака Руссо, с которым он утверждал свою систему.— Скажите мне, не

* О сем, если вы любопытства имеете побольше прародителей, которые от великих своих добродетелей никаких книг не имели и не читали, то можете сие видеть в сочинении Абе де Ш...⁸ и других подобных ему беспристрастных писателей о России: но я всех их не могу упомянуть.

хочется ли вам, чтобы путешествие в Париж, молодыми нашими дворянами предприемлемое для познания света и для просвещения своих единоплеменцев, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, в Россию помощью обращения со французами с великим трудом введенные, опять оные из России изогнаны были, вместе со французами? Не того ли вы ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее нас из варваров в европейцев? — Здесь я разумею острую и замысловатую вашу шутку о введении в Россию французских кошельков; и если я не ошибаюсь, то кажется мне, что вы разумели здесь французские кошельки [не] те, кои с некоторого времени почти все европейцы начали носить на волосах, а под именем кошелька вы разумели все французское платье, вместо старого русского употребляемое; и если это так, так вы великую имете причину сожалеть о старом платье: ибо оно и красиво очень и покойно; в котором платье спишь, в том можно и в гости к женщинам ходить... Ха! ха! Какой вы чудак! — По чести, я нахожу вас весьма странным человеком, и подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямым русаком, или таковы и вправду; но знаю только то, что первое никакой чести вам не приносит, а последнее еще и делает вас смешным; но оставим это, а приступим к изысканию тех добродетелей, кои вы прославлять предприняли, а потом к опровержению вашего несправедливого о французах мнения.

Прославляя древние русские добродетели, вы, кажется мне, не потрудились поискать о том известия в иностранных о России писателях, но довольствовались, так я думаю, утвердиться на словесных объявлениях старожилков, которые говорят: *В старину-то было хорошо жить; в старину-то были люди богаты; в старину-то хлеб родился; в старину-то были люди умны*, и проч. Если же это правда, то вы несколько погрешили, потому что не все словесные известия заслуживают вероятие, но надлежит основываться на писателях, а писатели о России были иностранные, а наибольшее вероятие, по своему беспристрастию, заслуживающие суть французы; о российских же историках ни от одного француза слышать мне не случилось, кроме одной какой-то книжки *Синопсис*⁹, да и о той слышал я, что ее, кроме русских купцов да уездных дворян, никто не разумеет. По сему-то приметил я, что вы в российской истории не весьма сведущи; но если вам угодно, то я могу служить моим знанием; а сие знание приобрел я от путешествия в Париж, от чтения французских о России писателей и от разговоров со французами. Сей народ так прилеплен к наукам, а наипаче ко словесным, что и об нашей истории прежде нас потрудились нам подать понятие и просветить наше в том невежество. Внимайте: Древняя Россия имела обитателями своими скифов или разных

под тем названием диких народов. История не оставила нам известий ни о нравах их, ниже о добродетелях, но повествует только, что оный народ жаден был ко кроволитию, алчен ко грабительству, и тому подобное; а сие все весьма худое подает мнение о добродетелях, их, которые вы превозносите.— Где ж вы их нашли и какие оные были? Мы не знаем. Может быть, особенные какие-нибудь о том известия хранятся в вашей Вивлиофике * ¹⁰, но мне об оных никогда слышать не случилось.

Лист пятый Продолжение письма

Когда язычество в России пало и возникла вера христианская, тогда дикость и грубость во нравах российских хотя несколько и поуменьшились; но в дополнение сей убавки родилось и возвысилось суеверие до высочайшего степени. О сих временах повествует история, что они блистали не добродетельными человеколюбивыми, но славились войнами междоусобными повсеместно, жестокостию, братоубийством, вероломством в договорах и коварством в получении сих княжеств, которые сколь ни малы были, но приобретаемы были с великими опасностями потеряния жизни. Потом на сии раздробленные княжества татары возложили свое иго, и варвары принуждены были покориться сильнейшим их варварам. В сие пространство времени некоторые иностранные писатели ни о чем больше не повествуют, как о варварстве, невежестве и ненависти ко просвещенным европейцам.— Где же древние российские добродете-

* Сие мудреное слово (которого выговорить я не могу, да и написать едва мог с великою трудностию) поставил я шутя и нарочно вам в угождение: ибо оное слово, сказывают, взято из глубокой древности, и не знаю кем-то вытащено на свет: но ведаю то, что оно дерет уши, также что оно ни французское, ни русское; поставлено же оно вместо весьма употребительного во Франции и в России слова *Библиотека*. Библиотеку все знают, а Вивлиофики никто не понимает. Сие рассуждение слышал я недавно от одного стихотворца: он прибавил к тому, что сия ересь недавно ввелась между писателями русскими, которых он считает только троих во всей пространной Российской империи. Эдакое изобилие! а у французов есть их по крайней мере с три тысячи.— Приметьте же сию небольшую разницу между русскими и французами, которых вы в науках почти равняете; но оставим это. Сей стихотворец рассуждал, что сия новая в письменах ересь вводится к порче, а не к поправлению языка, и что оная русскому языку совершенным падением угрожает. Я говорю это по словам его, а не по своему заключению, ибо по чести могу вас уверить, что и русских книг от роду не читывал и не имею, кроме сей: *Les oeuvres de mr Lomonosoff*. Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски.

ли, представляемые вами к подражанию? — и здесь мы их не видим. Приступим же ко временам, по истории гораздо просвещеннейшим, и поищем сих добродетелей, ибо сия часть истории российской от времени до времени начинает показываться известною по иностранным писателям, потому что многие иностранцы начали приезжать в Россию. Царь Иван Васильевич, коего французские писатели обычно называют... ¹¹ сверг с себя это татарское, распространил и увеличил свое владение, по нравы в России остались те же, и невежество в такой же, как и прежде, было силе. Ибо бичем, ярмом и мечем нравы никогда не исправляются. Потом при следовавших по нем царях Россия начала просвещаться и помалу оставлять дикие нравы; а сие просвещение и оставление дикости не в ином состояло, как только в том, что россияне иностранных стали почитать за человекoв. — Какое просвещение! Какая редкая добродетель! — Не оную ли вы предлагаете нам к подражанию! Пройдем же сколько можно сокращенное всех сих царей даже до Петра Великого: ибо хотя и многое мог бы я привести из сих времен к опровержению вашего мнения, но уже мне скучилось: довольно сего, что в сии времена в России не было ни одного училища, никаких книг кроме церковных и никто из русских не знал никакого иностранного языка; в сие-то время происходило все то, о чем упомянул я в начале моего письма; тогда-то * ¹²

... Скажите мне, были ли в России науки и художества, чем все просвещенные народы славятся? Были ли великие полководцы, министры, политики, галант-омы? ¹³ словом сказать, во всех частях наук, художеств и просвещения были ли великие люди? — Никак. Ежели же и мечтали быть их, то сие уподобить можно не иному чему, как младенцу, взявшему перо в руки, который хотя и нелепо по бумаге чертить пачинает, однако ж тому удивляются . . .

... Из сего усмотреть можете, что и он ¹⁴ не с той стороны принялся за просвещение нравов: ибо немцы, голландцы и англичане никогда бы нравов наших не просветили. Одним французам честь сия предоставлена была; а вы осмеливаетесь поносить сих людей, которые достойны всего нашего почтения, всея доверенности, всякия благодарности и всякого возмездия. Одно только обхождение со французами и путешествие в Париж могло хотя некоторую часть россиян просветить. Без французов разве могли мы назваться людьми? Умели ли мы прежде порядочно одеться и знали ли все правила неж-

* Здесь я против желания моего принужден был многое выключить из сего письма. Впрочем, могу читателя моего уверить, что находились тут самые смешные клеветы, которые ненавистникам России выдумать захотелось.

ного, учтвого и приятного обхождения, тонкими вкусами утвержденные? Без них не знали бы мы, что такое танцованье, как войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разные изъяслять страсти и показывать состояние души и сердца нашего. Если бы не переняли мы от французов приятного и вольного обхождения с женщинами, то могли мы без сего приятную вести жизнь? Ныне женщин взперти и под покрывалами их лиц не держат: все они наруже. Что ж бы мы, сошедшись в женское собрание, говорить стали? Разве о курах да пылпятах разговаривать бы стали. Женясь на закрытой покрывалом и дурно воспитанной девке, разве был бы я счастлив? Напротив того, ныне я за несколько лет еще прежде у невесты моей могу вызнать все, как бы что у нее сокровенно ни было; и никогда иначе не женюсь, разве по любви или по склонности к деньгам. От обхождения нашего со французами переняли мы их тонкость, живость и гибкость, так что я несколько часов могу разговаривать с женщиною и верно знаю, что ей не будет скучно. За всякою девушкою я волочусь и показываюсь страстно влюбленным, а это не может быть ей противно. С женщиною средних лет я обхожусь вольно, разговариваю о всяких шалостях, сказываю о парижских обычаях, о всяких любовных новостях, смеюсь старым русским обычаям и нечувствительно могу с нею провести время. С престарелюю же женщиною говорю, что она еще хороша, что я боюсь быть с нею наедине, дабы не влюбиться; словом сказать, я со всякою женщиною найду что говорить, какого бы она состояния или каких бы лет ни была, и могу, опричь жены, десять иметь любовниц и всех их обманывать; а это-то и есть душа нашей жизни! С учеными людьми и с художниками я также могу разговаривать, ибо имена нескольких французских ученых людей и художников я могу упомянуть наизусть, так в одних похвалах им могу часа два, три провести. Словом, помощью обхождения моего со французами я, ничему не учась, сделался ученым человеком и могу разговаривать и критиковать дела военные, гражданские и политические, осмеивать государственные учреждения и, показывая себя все знающим, ничему не удивляться; а таковы-то точно сказывают и есть большая часть французских дворян, ибо там на все заведен порядок: учатся мещане, праздно живут дворяне, торгом государство обогащают купцы, разоряют оно: откупщики, землю пащут крестьяне, а ничего не делающие и пропитания не имеющие приезжают к нам купцами, учителями, учеными... Да мы и тем должны радоваться! Из всего этого вы легко усмотреть можете, что и в нынешнее время просвещением и хорошими нравами блистают только те, кои или путешествовали в Париж, или от самых младенческих лет здесь обращаются со французами.

Остаток сего письма я здесь не поместил, ибо оный не что иное, как повторение похвалы французам и посмеяние русским. В конце сего письма г. мой критик забавляется, по его мнению, некоторыми глупыми русскими церемониями и утверждает, что во Франции подобного тому никогда не бывало, а заключает письмо свое тем, что Россия тогда только может называться просвещенною, когда Петербург сделается Парижем, когда русский язык будет во всех иностранных державах в таком же употреблении, как французский; или когда все наши крестьяне будут разуметь по-французски, чему сей патриот в свободное от чесания волосов время обещается сделать проект.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА „УТРЕННИЙ СВЕТ“

1777—1780 годы

Предуведомление ¹

Благосклонный читатель!

Издатели сего журнала, приступая к сему предприятию, толико были обременены страхом и надеждою, что и теперь не находят себя в состоянии вдруг открыть своего намерения.

Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашей жизни, составит не более тридцати лет ². Таковая младость едва достигает и до «Утреннего света» в нашей жизни; почему, как то и со всеми молодыми людьми бывает, мы хотя и великую полагаем надежду на свое прилежание и трудолюбие, однакож не смеем уповать, что по желанию удостоят нас многие своим чтением.

Более девяти дней размышляли мы, о средствах, которыми б могли снискать многих читателей. Собрание наше подобно было афинскому ареопагу. Имело оно столь важный и почтенный вид, что и сама грозновидная Минерва³ была б им довольна; однакож со всем тем не могли мы ни на что решиться. Все, что ни было предлагаемо, казалось нам или весьма младым, или крайне старым; или очень искривленным, или слишком прямым; или весьма кратким, или безмерно протяженным: словом, при окончании всех наших советов приметили мы, что наше желание быть издателями не сопряжено не только с довольною смелостию, но ниже подстрекаемо тщеславием, самолюбием или гордостью.

Наконец выступил один из наших возлюбленных сочленов ⁴, коего малые, глубоко впадные и пронизанием украшенные очи и длинный нос, осеняющий на сухом лице его сильно изображенные черты, предсказывающие всегда, о чем он помышляет; и который приобык не прежде начинать говорить, как только

когда Венера проходит чрез Солнце⁵. Таковой-то сочлен наш, выступив, вопрошает: «Друзья! уверены ли вы, что наши сограждане охотно будут читать лучшие, по вашему мнению, вновь избранные сочинения? Разве перья ваши очинены по новейшей французской моде? Разве снабдила вас Англия и Немецкая земля материею к писанию?» Проговорив сие, садится он паки с важностию и потирает зардевшее чело свое.

Подобно как сильным громовым ударом мрачные тучи разгоняются и солнечным лучам дают свободное прохождение, тако от сего вопроса души наши вдруг исполнилися светом. Сколько ученые наши споры о избрании сочинений были прежде живы и громогласны, толико по сем настало глубокое молчание. Долгое время взирали мы друг на друга, не зная, что нам думать, говорить или делать должно; и для того просили мы его, чтобы он нас своим полезным советом из сего нового затруднения исторгнул. «Сие ты,— говорили мы,— сделать должен для того, что немилосердно принудил нас воспрянуть от сна, весьма для нас приятного». Долго мы принуждены были просить сего противу слабостей, погрешностей и пороков неукротимого нравоучителя. Наконец патриотическая ревность к возлюбленному отечеству преодолела его упрямство. Плающее его желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан разверзло его человеколюбием тронутое сердце, и начал он вещати тако:

«Друзья! о чем я вас прежде вопрошал, без сомнения есть столь важное дело, что вы о нем в прежних ваших советованиях и помышлять не могли. Все ваши старания и изящные предприятия, все ваши с непрестанными бдениями издаваемые ученые труды были бы тщетны и бесполезны, если б они читателям нашим не понравились. И весьма далеко от сомнения о любви ко чтению наших единосемцев; но мы не в состоянии ныне заключить о таком деле, которое время решить должно. Однакож положим, хотя без утверждения, что любовь ко чтению не во всех еще российских городах совершенно распространилася: будем ли мы тем освобождены от нашей обязанности, которою обязаны к нашим единосемцам, когда некоторые из них сами к себе свой долг позабывают? В сем случае не должно ли наше усердие о благе таковых наипаче усугубляться? Не должны ли мы тогда все наши старания с большим предусмотрением и благоразумием учреждать, дабы читающим согражданам доставлять удовольствие, а нечитающих привлекать к собственной их пользе? Обольщенные некоторых иностранных писателей сочинениями, подобными блеску сусального золота, скоро могут прийти сами в себя, если мечтательные оных красоты, подобно в нашем воздухе зимою блещущим снежным частицам, увидят растаевающими и в ничто обращающимися при

восхождении солнца правды. И так, вопрос мой не должен был приводить вас в сомнение в вашем намерении, но только сделать вас осторожными во исполнении оного; ибо он приводит вас вдруг ко всему расположению сего нашего журнала и в молчании подает совет: *будьте полезны для благоразумных.*

Сим мог бы я окончать мое слово, а прочее оставить вашей достохвальной ревности, если б еще не усматривал из очей ваших нетерпеливого желания узнать подробнейшие мои заключения. И так, противу моего свойства, хочу я теперь несколько обстоятельнее и пространнее говорить. Я думаю, что лучшим предметом настоящих трудов наших избрать не можем, как *сердца* и *души* возлюбленных наших единоплеменников. Сии наши единоплеменники суть разумные существа, из *тела*, *души* и *духа* состоящие. Мы оставим перукмахерам, портным и изобретателям лицам новых мод украшать их наружность; оставим искусным врачам иметь попечение о пользовании их телесных болезней; но *души* и *дух* их да будут единственным предметом нашим; им-то врачевание, укрепление и тому подобное предлагать станем. И для того издаваемые нами листы должны наполнять истинами, в природе человеческой основание свое имеющими; истинами, от естества истекающими и тем же самым естеством объясняемые. Нужно ли вам, чтоб я сие утвердил доказательствами? изрядно: послушайте меня еще несколько минут.

Если небо, землю, воду, воздух и огонь, словом, все естество будем по намерению исследовать, то нам, во-первых, не иное что представится, как человек, для коего все произведенное натурою достойно рассуждения. Величественное солнце со всем великолепным сонмом звезд было бы недостойно нашего внимания, если бы благотворящие оных влияния не показывали нам, что они немало споспешествуют нашему благу. Все три царства природы были бы для нас немногоченны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего оного сотворен владыкою. Все пространное поле наук и художеств преобразилось бы в пустое, бесплодное и сведения не достойное мечтание, ежели б оные не стремились ко исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению души и сил ее. Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего преизящнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим; а из того и следует, что мы не несправедливо судим, — и кто может сие великое и благородное самолюбие похулить, если людей за истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей почитаем! Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может, как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастье его.

Все мы ищем себя во всем: побуждающие нас к тому причины были бы слабы и недействительны, если б мы, предпринимая что-нибудь, самих себя или надежду нашего удовольствия, нашего счастья и благосостояния из вида упускали. И так нет ничего для нас приятнее и прелестнее, как сами себе. Удивительно ли, когда с охотою внемлем разговорам о нас и если беспрестанно алчем знати, что другие о нас рассуждают? Какое благородное движение души примечаем даже и в неосторожном юношестве, когда одного дела удостоиваем нашею похвалы? Самый непорядочный человек не долго будет противиться, если о его заблуждениях станут ему доказывать кротким образом. И так, если бы возможно было людей привести к тому, чтоб они сперва вообще себя, как средоточие всех вещей, почитали за образ благонравия и добродетели; тогда б мы каждого особливо находили склонным признавать себя за важную и достойную часть сего средоточия. — Как вы, друзья мои, могли сомневаться в приобретении многих читателей такого издания, которое будет вещать о самих читателях, если только вы постараетесь подавать помощь врожденному в людях желанию ко приобретению знания вашим искусным избранием сочинений.

Великим споспешествованием служить вам будет познание многих, что до самих себя касается. Большая часть, странствуя мыслями по беспредельной обширности мира, ищут познания всех возможных, всех существующих вещей, а в своем собственном малом мире пребывают неизвестны и чужды. Многие науку *познания самих себя* не почитают за нужную и требующую великого прилежания: но яко не приносящую довольно пользы, считают за домашнее ремесло и легчайшее ко изучению. Другие отчасти думают, что сей, как лучшей науке, тогда обучаться должно, когда уже все в их понятие вмещено будет. Иные же — и сколько есть таковых! подверженны всегдашним непостоянствам, подобно алчным пчелам, летают от одного цвета познания ко другому; пространство сего поля и множество на нем красотою своею привлекающих цветов суть причиною, что они на сих прелестных полях теряются и никогда не могут возвратиться ко благоухающему *амаранту* самих себя. Наконец, другие, коих числом более всех, меняют нужные вещи на бесполезные; теряют прямой путь, почитая малость за нечто важное; и для того никогда сами до себя не достигают. И так удивительно ли, когда *познание самого себя* есть наука, между людьми мало еще известная?

Не можем отречи, чтоб не было и таких людей, которые всю свою жизнь только в том проводят, что всегда взирают на себя; но они рассматривают одну поверхность человека. И сие их *познание самих себя* не то, о коем нам древние египетские

и греческие мудрецы толь много превыспренного и полезного обещают.

Такое познание, друзья мои, не может вам в намерении вашем воспрепятствовать, но еще тем более способствовать будет, если вы некоторых, переменчивостию бабочкам подобных, со кротостию поставите пред *зерцалом истины* и покажете в оном путь, по коему могут они с поверхности тела нисходить во внутренность сердец их.

Все пространство поля высокого, среднего и общего *нравоучения* открыто нашему предприютному труду. Обращем на оном некоторые места пусты и необработанны. Не будем страшиться насмешливых и уничижающих остряков, которые *нравоучительные сочинения* за нечто старое и излишнее разглашают. Весьма униженную на свете добродетель возвести паки на ее величественный престол, а порок, яко гнусное и человеческой природе противуречащее вещество, представить свету во всей его наготы, таковых трудов и одно намерение уже достойно похвалы, хотя б душевные силы и не в состоянии оных поддерживать. Чем больше нам сердца наши подают важное свидетельство, что никакие другие намерения не будут упражнять нашего пера, тем покойнее и равнодушнее станем мы сносить и слушать все посмеяния и ругательства, касающиеся до нашего «Утреннего света»⁶, доколе, наконец, великое солнце все просвещающего *духа* посреди нашей тверди явится; и тогда мы с радостию в лучах его света исчезнем.

Человек, как я уже прежде сказал, есть нечто возвышенное и достойное. Священное откровение научает нас притом, что он прежде всех творений получил свое образование по образу всевышнего и что животворящее дуновение всемогущего даровало ему жизнь. Сие обстоятельство само по себе есть толь велико и важно, что может в нас вперить подобострастие к такой твари, которая самим творцом почтенна толикими преимуществами; следовательно, и должны мы важности сего дела соразмерные писания употреблять и важно о таковых свойствах вещати. Да будет нам дозволено с теми только людьми иначе поступать, кои сами свое высокое человеческое достояние ногами попирают и достойное почтения свойство уничижают; которые противятся врожденным благородным побуждениям; отрицаются своевольно от чистых человеческих чувствований; такие люди, конечно, заслуживают, чтоб мы их за диких в человеческом только образе скитающихся зверей почитали и к чести человечества строже с ними поступали, нежели наша склонность ко кротости нам позелевает. И так всеобщая сатира да будет бичом, коим мы станем пороки и сих нечеловеков наказывать. Да будет также сие нерушимым для нас законом, чтоб давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам,

а не особам, поелику они суть человеки. Порок и человек, сии два предмета, должны в наших листах быть подобны двум параллельным линиям, которые вечно одна другой прикоснуться не могут. Станем, друзья мои, прежде всего стараться быть человеколюбивыми, дабы, все терпя и не касаясь личной укоризны, могли мы удобнее писать ко споспешествованию добродетели; и если при сем предполагаемое нами всеобщее человеколюбие будет нам служить полярною звездою⁷, то легко можем пройти сквозь камни, нас окружающие, и сильное учинить нападение на одни пороки, злобу и бесчеловечие.

Древность оставила многие прекрасные и преизящные сочинения о таковых важных материях. Время и обстоятельства большую часть оных погребли под их развалинами. Исторгнем оные оттуду, друзья мои; предадим их нашим согражданам на их собственном языке. Таким образом честь древности спасем для пользы нашего отечества; и притом будем часто иметь случай читателей наших препровождать ко дверям доброго вкуса и разумного познания. Новейшие времена должны благодарить некоторым высоким разумом одаренным людям за обретение стезей и пути к познанию человека и его естества. Многие великие духи дерзали проникать во глубину человеческого сердца и примечания свои обнародовали. Не презрим мы ничего намерению нашему полезного, хотя б оное предрассуждениями и испорчено было.

Да будет для нас оцененно все, что предмету нашему, то есть благу сограждан наших, споспешествовать может. Я знаю, друзья мои, сколь мы далеко отстоим от ненависти и гордости и сколь алчно желаем, чтоб все наши возлюбленные сограждане присоединили свои труды к нашим для достижения единого намерения. И для того позвольте, чтоб все, которые во всеобщем знании человека и самих себя приобрели откровения, могли наполнять своими сочинениями несколько наших листов. Просите и поощряйте их явно к сему полезному для общества труду; уверьте их, сколь много они нас обяжут, если свои писания нам сообщать будут. Они могут присылать письма свои ко книгопродавцу, у которого продаваться будет ваш журнал, а мы уже о прочем с великим удовольствием стараться не преминем. Какая приятная надежда питает мое сердце! Сим случаем познакомимся мы со многими великими умами, с истинными патриотами и с прямыми человеками. Во древности *Диоген* искал их с фонарем, но и в нынешнее время, друзья мои, не на всех улицах они встречаются с нами!

Наконец, нужно для отвращения в корыстолюбии подозрения, чтоб вы пред согражданами не сокрывали, с каким намерением прибыток от сего журнала получать желаете. Почто не дать знать свету, что вы все выручаемые деньги от продажи

сего журнала определили к содержанию училищ для бедных детей? ⁸

Правда, не всегда должна шуйца ведать о добрых деяниях десницы; да и когда благодеяния явно проповедываются, тогда лишаются они внутренней своей цены, и благотворители уподобляются *фарисеям*. Но здесь совсем иное: учреждение таких школ не может быть тайно. Они требуют знатного и постоянного подкрепления. Добрый ваш пример может побудить других добронравных людей. Любовь их к бедным, воспитания не имущим согражданам чрез сие поострится; потщатся помогать в подъятии бремени, которое возлагают на рамена свои некоторые, охотно на то согласившиеся; бремя легкое, приятное и никого не удручающее, и которое однакож, человечеству и должности к отечеству великую честь приносит. И так, где доброе дело требует явного примера, там хулы достойна стыдливость, заставляющая сокрывать честные намерения и благородные действия. Смелость и неустрашимость имеют всегда в себе нечто привлекающее, что люди часто как бы непреодолимую силу употреблять принуждены. *Плутарх*, во своем сочинении *о случае* ⁹ написав, что без угрызения совести о добрых своих делах говорить возможно, может быть, о таком намерении не помышлял. Я думаю, что мы, без всякого опасения быть почитаемы тщеславными, можем не только о сем возвестить, но еще и долг наш требует, чтоб мы сие обнародовали. Ежели мы чрез сие нашим любезным согражданам отворим новые врата, покажем новый путь ко благу человечества, то и отвратим от них нареkanie, что им случаев не доставало оказать их любовь к человекам, к их согражданам, и их возлюбленному отечеству.

Сим прекратил свое предложение наш любезный сочлен. По строгом разыскании нашли мы, что он, исключая последнее положение, ничего такого не сказал, в чем бы мы с ним совершенно согласны не были. Мы положили, чтоб сие мнение его было напечатано вместо предисловия к нашему журналу, для того что предисловие при всяком новом сочинении обыкновенно связано с некоторыми трудностями. Может быть, мало было таковых писателей, которые при вступлении ко своему сочинению не трепетали. По счастью, любезный наш сочлен от сего нас избавил; и мы не должны умиловать хулу или стараться привлекать внимание. Узнают и без того наши почтенные читатели все наше намерение и чего они впредь от наших листов ожидать могут.

По примеру *Фукидида* не завещали мы им навеки своего сокровища, а потому и не должны им возвещать о цене оного. Известны уже они как о нашем намерении, так и о нашем страхе: и время покажет, основательно ли было то и другое!

О достоинстве человека в отношениях к богу и миру

Ежели захотим мы рассматривать человека надлежащим образом во всех окрестностях его, тогда неминуемо должны будем разобрать и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим. Но ежели рассмотрения наши ограничим и на одну только внутренность его, то и тогда без прекословия должны будем признаться, что в природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь. Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненным искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны и трудны для рассмотрения посредственно рачительного. Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечных цепи действительно существующих вещей.

Когда единожды во предисловии нашем¹ изъяснились мы и обещали любезным согражданам нашим стараться мало-помалу познакомить их самих с собою, и прежде всего высокое достоинство человеческое представить понятным, то и желали б мы усердно, дабы все почтенные читатели наши с самого начала возымели сие высокое понятие о свойствах человеческих: ибо мы предполагаем, что ни единый человек не может ни мыслить, ни делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостью, не будет почитать себя важною частию творения.

Правда, есть много и таких людей, которые, ослепляясь тщетною гордынею, думают о себе очень много. Но мы стараемся доказать, что таковой высокомерный горделивец ни истинныя своея цепи, ни высокого достоинства человеческого отнюдь не знает и превозносится тем, что к человеческой природе или не точно принадлежит, или составляет малейшую частицу его совершенств. Богатство и знатность рода не точно пристекают из человеческия природы; следовательно, высокомерие богача или дворянина есть смешная гордость. Но кто хочет мыслить о себе возвышенно и гордиться человеческим достоинством, тот должен рассматривать себя совсем в других видах.

Много было нравоучителей, да еще и ныне находятся между людьми пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что, если бы возможно было им поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком. Иные

думают, что божественное смиренномудрие требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия, и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною. Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения и в обоих сих случаях являет низкость мыслей.

Вне человека находится высочайший виновник природы и весь мир. И так, если мы восхотим рассматривать человека в отношении его ко всем веществам, вне его существующим, тогда долженствуем обозреть не токмо то, в каком отношении находится он к богу, но и сие, сколь тесно связан он со всемирным зданием.

Когда рассматриваем мы, в каком отношении человек по естеству своему находится к богу, то всеконечно должно возыметь превосходное понятие о человеческой природе, если рассудить, что сия человеческая природа от бога истекает, от него беспрестанно сохраняется и что он сам ее к тому употребляет, дабы открыть себя и свою славу, достойную обожания, и представить оную в мире светлейшею и блистательнейшею. Богу было бы возможно произвести другие бесчисленные творения: бесконечно многие иные от нас отменные люди суть возможны; и мы бы вечно пребыли в нашем *первом ничтожестве*, если бы наш творец не преимущественно нас извел из оного своим всемогуществом. Он восхотел устроить мир, который бы его божества достоин и его премудрости приличен был. И так при сем поступил он как мудрый строитель, который лучшие деревья, лучшие каменья и проч. избирает; и потому мы надежно уверены быть можем, что понеже бог из всех возможных веществ, которые на место нас могли бы произведены быть, преимущественно нас, как свое совершеннейшее творение, одушевить удостоил, то, следовательно, мы и были лучшее в царстве веществ, из коих господь нас предъизбрал. Всякое иное существо, сотворенное вместо нас, столько ж бы совершенно, как мы, занимало наше место в сем мире; следовательно, мы богу были угоднее других бесчисленных веществ, им не сотворенных для того, что он нас сотворил. И если великий и премудрый монарх восхочет возложить на кого важную должность и из множества особ, ему для сего представленных, единую избрет, тогда по справедливости заключить можно, что такое избрание той особе творит великую честь. Сколь же таковое избрание мало в сравнении со избранием всемогущего и премудрого творца! Благоразумнейший монарх во своем выборе может ошибиться: но всевидящий не может обмануться, следовательно, по справедливости можем мы то для себя великою честью почитать и тем гордиться, что бог нас из многих других

возможных веществ в человека избрал, человеками создал и человеками сотворил.

К сему еще следует, что он нас своим провидением от самого первого мгновения времени нашего бытия во веки веков сохранять хочет. Мы в тот же бы час погрузились паки в первое наше ничтожество, если бы творец нас, так сказать, не беспрестанно носил на своих дланях; если бы в наших действиях ежечасно своим могуществом не действовал; и если бы все окрест нас таким порядком не учреждал, чтобы мы беспрестанно жить могли. Когда же великий бог, господь господей ежечасно нами упражняется, то из того единственно следует, что он непрестанно о нас помышляет, что его бдящее око беспрестанно на нас и на наши малейшие деяния обращено и что он в нас ежеминутно действует. И так предписал уже он начертание всей нашей жизни даже до будущия вечности; и таким образом учреждает все, дабы сие начертание во всех его частях совершенно точно исполнено было. Какою же радостью и каким благородным возвышением духа сия мысль долженствует оживать каждого человека особенно и всех совокупно, созерцающих все сие во всей важности и во всех отношениях! Сколько радуются и сколько гордятся служащие земному монарху, когда познают, что он об них часто воспоминает и часто уверяет о попечении своем о их благоденствии! Но сколь далеко отстоят сии воспоминания и уверения от тех, кои происходят от существа всевысочайшего! Первые иногда бывают для некоторых только намерений, для других же позабываются и без действия остаются; да и одни неприятели наши часто разрушают все наше земное счастье: но в промысле божием о нас сего изменения не долженствуем опасаться; ибо в каждое мгновение ока приобретаем мы новые доказательства о непременной его к нам любви, милости и щедроте; даже и тогда, когда действиями нашими и не заслуживаем оных. И так сия мысль, что всевысочайшее существо беспрестанно об нас помышляет и преимущественно пред всеми другими творениями об нас печется, не долженствует ли вперять в нас почтение к самим себе? Сие всевысочайшее и милосердное существо никогда не позабывает и никогда не теряет нас из вида между бесчисленным множеством тварей. Он, яко всеведущий, может помышлять о всем; яко всемогущий, может обо всем пещися; яко сущая любовь и милость, изливает благодеяния избраннейшему творению своему, даже что и бесстыднейшая неблагодарность человеческая от сего не отвращает.

Какое отношение может с тем сравняться, в котором мы, человеки, находимся, как человеки, к нашему богу, к нашему создателю, к нашему отцу? Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сем отноше-

нии превознесены. Мы уверены, что вы чувствуете в сердцах ваших ощущения, приличные сему вашему достоинству.

Очевидно, что бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего. Когда мы совершеннейшие из всех веществ, которые бы могли вместо нас сотворены быть, то бог поступил бы противу собственныя своя чести, если он вместо нас другое что сотворил. А если мы такие творения, которых виновник естества сам почел достойными поместить на чреду своих величайших и славнейших деяний, то для чего же сие не должно нам дать достопочтеннейшего и преимущественнейшего вида во всех окрестностях творения?

Могут сказать, что все здесь о нашем отношении к богу говоренное может быть сказано и о червяке, который в наших глазах есть презреннейшее творение; и, следовательно, непонятно, как сия мысль в нас, человеках, такие высокие помышления о самих себе впускать удобна? Неоспоримо, что все твари в равном отношении к богу в рассуждении их бытия и сохранения состоят; но сии суть против разумных тварей несмысленные и разумным подчиненные творения. Человеки, как разумное существо, принадлежат ко классу творений первого степени; следовательно, что о всех тварях сказано быть может, то преимущественно и прежде о человеках должно быть сказано. С нашим предметом не согласно выискивать из высочайшей теологии основания к доказательству того, что бог человеков преимущественно своея любви и почитания пред всеми другими тварями предпочтил. Сверх сего, мы не хотим сими мыслями человеков возгордить. Гордый все окрест себя презирает и хочет единый имети все, что имя чести носит. Но благородная гордость думает о себе возвышенно, присвоет себе честь, соразмерную своему существу, а притом и о других думает высоко и от всего сердца готова им такую же честь, или еще и большую, приписывать, когда того истина требует.

Если теперь рассмотрим, в каком отношении состоят человеки по своему естеству, ко прочим тварям и к остатку всего мира, то предположим, что все вещества в мире таким образом друг со другом соединены, как реки с океаном, которые попеременно свои воды друг другу сообщают. *Всякая вещь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим.*

Если человеков почтем за *цель всего мира*, то как великолепно поставлены они в оном, как средоточие в сей окрестности творения; как владыки мира, как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят. Человеки преимущественно пред другими творениями имеют по естеству

своему возможность мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать. И так можно их почитать за властителей, для коих некто театр со всеми махинами великолепно устроил, оперу сочинил и оную действительно представляет, дабы и очи и ушеса сих властителей увеселены были. Весь мир есть сей театр, а человеки суть зрители сего мира, которые должны, оный созерцая, веселиться и всяческие выгоды из оного извлекати; да и надежно сказать возможно, что бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе. Исполнен сею мыслию, ступай во время прекрасного летнего вечера во приятный сад прогуливаться; тогда поистине о себе не низкие мысли возымеешь. Увидишь, как нам и небо и земля свои услуги оказывают; как они нас ущедряют и рачительно платят нам должную дань; луна освещает нам зрелище природы, звезды украшают своды небесные; зефир, шумящий деревьями, веет нам благоуханием, собранным со цветов; бдящий соловей увеселяет пением наш слух; словом, вся тварь стремится к нам, дабы доставити или выгоду какую, или удовольствие. И так человеки могут, по благоугождению своему, всем царствовать и всем учреждать, а из прочего, что не в их власти состоит, могут они себе, по крайней мере, когда восхотят, почерпнуть увеселение. И потому всякий человек может некоторым образом сказать сам в себе: *весь мир мне принадлежит*.

Если же мы воззрим на человека как на *средство* всех прочих вещей сего мира, то и по сему не меньших же мыслей должны мы быть о нем. Если бы люди были токмо единою *целию* всех вещей сего мира, а притом не были б средством оных, то были бы они подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поядают мед, а сами оного не делают. Тщетная честь! Бедное достоинство, которое людей равняло б со свиньями, пропадающими все время жизни своею и в сластолюбии валяющимися во грязи и которые уже после смерти становятся *средством*. Истинные человеки не должны тако проводить жизнь. Если они хотят быть властителями мира и достойными почтения, то да будут подобны достопочтенным монархам, которые себя отцами отчества своим сочеловекам оказывают и которые то думают, что чем важнее и достойнее почтения сан в общежитии, тем более особа, облеченная в оный, долженствует отечеству служить и быть полезною. Какое благородное упражнение, какое гармоническое велелепие, какая искренняя любовь, верность, честность и справедливость в таковых местах будут встречаться на улицах! И когда единое сие воображение вливает уже во все наши жилы сладчайшее чувство удовольствия, то что же бы было, если бы сие в самом деле исполнялось? Если бы всякий человек по величию своего достоинства поступал? — И так, если люди будут почитать себя за *средство* всех вещей

сего мира, то, не согрешая, могут думать, что они в оном много значат и что остатку прочего света в них великая нужда: собственная польза сего мира требует оного. Мир и все прочие творения, исключая человеков, не могли бы никоим образом так быть совершенны и столь бы хорошо им не было, если бы не были человеками, как теперь они то обретают, когда мы человеки.

Сия последняя мысль открывает нам в человеческой природе еще особливую сообразность с богом, которая придает ей совершенно достопочтенный вид. Бог никоим образом от вещи вне себя не может иметь пользы, ибо он сам в себе столь совершен, что ему самого себя для себя довольно и не имеет нужды ни в какой вещи. Он, напротив того, сам всесовершенно полезнейшее существо, сотворяет все твари совершенными, сколько возможно, и, им всем всяческое благо уготовляя и подавая, оным утверждает их благоденствие единственно только для них, а не для себя. Здесь да вообразит себе каждый из человеков, которые по достоинству человеческому живут, как цари мира, себя *средством почитают*, окрест себя только единое устроят благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро; таковые человеки да возымеют тем более божественное мнение о себе самих, чем более они исполнением сего своего царственного достоинства всевысочайшему божеству уподобляются. Итак, человеки, почитаемые *средством*, суть более, нежели когда бы они только почитаемы были единою *целию*, или *средоточием*, для которого все вещи на свете пребывают.

— И так при толико ясных доказательствах и истинах нужно лишь нам желать искренно благосклонным читателям нашим неутомимого наблюдения и сохранения величия их достоинства.

[Письмо к издателям «Утреннего света»]

Мы не ожидали, чтобы так скоро исполнились наши просьбы в рассуждении присылаемых к нам писем; а еще менее думали мы, чтобы те листы, которые отверзают врата нашему «Утреннему свету», могли подать случай к различным мнениям о личных и душевных наших свойствах. Однако ж мы удостоились получить несколько писем, которые почти все одинакового содержания с помещенным здесь. Сие письмо избрали мы предпочтительно пред всеми для того, что оно несколько обстоятельнее и подробнее прочих, а при том и для показания нашего

беспристрастия и противу самих себя: оное есть следующего содержания.

Господа издатели «Утреннего света»!

Никогда не ожидал я таких положений и мнений в журнале, каковы употребленные вами в предисловии вашего «Утреннего света». Я оставляю без примечаний описание личных свойств вашего почтенного сочлена, который краспоречием своим всех вас изумил; и сие делаю для того, что почти весь город знает уже несколько лет сего строгого моралиста¹, а поспешаю к настоящему моему намерению. Вы изволите уведомлять, что ваше Общество состоит из десяти особ и что всем вам вместе не больше тридцати лет.— Шутить што ли изволите вы? или желаете новым сим и неслыханным счетом приманить читателей? Но позвольте припамятовать вам, что не всякая новость нравится читателям. Я сам писатель, но никогда не осмелился сообщать в публику подобных вапшим вымыслов; несмотря однако ж на сию осторожность, новейшие мои мнения редко нравились читателям. Но что было бы тогда, если б захотел я предлагать о таких вещах, которые натуре и уверению каждого человека, да и всем ежедневным опытам явно противоречат. Научитесь же, государи мои, из опытов моих остерегаться от вреда. Не хотите ли вы, зрячих читателей сделать слепыми? И не думаете ли уверить нас, что трехлетний младенец может читать *Сократа* и других древних философов, да еще и переводить умеет? Я не думаю, чтобы вы были антиподы тех праотцев, которые искали и находили славу свою и блаженство земное в долголетней жизни. Может быть, хотите вы весь журнал свой наполнить загадками, как-то и название оного показывает, не смотря на то, что вы сему изрядный сделали оборот². Но почто останавливаюсь я при исследовании такого положения, которое тем непонятнее для меня становится, чем больше об оном рассуждаю!.. Десяти человекам, да еще и писателям, всем вместе тридцать лет! Кто это понять может? И кто при исследовании сего не потеряет терпения? Признайтесь, что вы о сем положении не хорошо подумали и что, может быть, перо ваше за быстротою мыслей ваших успевать не может. Сию ошибку можете вы легко исправить, если скажете, что это типографская ошибка, и припишете ее наборщикам.

Далее упоминаете вы о *духе, душе и теле в нас человеках*³. Есть ли, полно, в вас разум? Я читал едва не все ли сочинения славнейших и великих нашего времени философов⁴.

но нигде не находил таких положений. Признаться ли вам по совести? Доселе я был такого мнения и о *душе*, что не знал куда ее употребить; а вы прибавляете и третье, еще менее понятней-

шее существо. К чему сии новости, когда и старое еще великому сомнению подвержено? О! если бы я был метафизик, то показал бы вам, что таковыми положениями шутить не должно. Впрочем, с метафизикою и без нее, разумею я только то, что мы человеки, а не духи и не души. Сими свойствами мало бы мог я пользоваться сам и приносить пользу кр.....⁵ — Итак, я советую вам, как приятель, отрекитесь от обеих сих положений; употребите письмо мое в пользу; напечатайте оное и засвидетельствуйте ясно, что я совершенно прав. Сие не принесет вам стыда.

Я скажу по вашему, что человек трех лет легко может ошибаться. О признающихся же во своих заблуждениях я имею хорошее мнение; да и подлинно это весьма похвально. — Мне встретилась мысль, что не с умыслу ли написали вы сии положения, дабы подать похвальный пример признания своих погрешностей? И ежели это так, то надо признаться, что это выдуманно не худо.

И теперь больше уверен я в вашей ко мне благодарности за то, что не упуская времени, подаю случай к исполнению вашего намерения.

Государи мои!
Ваш покорный слуга
Иван Скородумов.

К издателям «Утреннего света»

Понеже вы, как уже мне известно, примерами доказали истинную вашу к отечеству и ко всем людям любовь, а не одними, как обыкновенно случается, словами, то обращаюсь я к вам, имея желание сообщить некоторые мои мысли публике ищущей истины; и прошу вас оные обнародовать, ибо вам так, как и всякому честному человеку, о том стараться должно, чтоб истину и не проницательными очами видеть можно было. За несколько времени перед сим издано малое сочинение под именем *Крата Репоза*, о таинствах древних¹. Я слышал об оном весьма различные рассуждения. Читателя оныя суть иные знающие, хотя их очень мало, кои молчат, или объявляют свое рассуждение, так, как прилично рассуждающему человеку, под условием и с осторожностью²; другие, представляя себя *всезнающими*³ (rhapsodhi) и неправильно затвердя некоторые из различных наук ученые слова, говорят утвердительным и уверительным голосом; и понеже незнание их препятствует им при доказательствах и доводах, если б хотя мало было сговорчивы, почувствовать свое

заблуждение, то заглушают они разумных людей и удерживают преимущество при невеждах, который заключает о справедливом или о ложном по твердости голоса и по окончании речи. Еще другие, они же и последние, *столь разумные*, что не почитают, или не представляют себя нам таковыми, каковы они не суть, то есть, учеными. Сии читают или для препровождения скуки, или из любопытства, или может быть, и для познания наук; и для сих последних собственно предпринял я сообщить вам мои мысли: ибо как сии добрые и достойные люди по себе заключают о других, и не могут себе представить, чтоб кто мог говорить о каком-нибудь деле без окончания и ни малого об оном не имея сведения, то обманываются они в наших *всезнающих*, которые уже стыд потеряли. Подобный и живой тому пример видел я в одном собрании. Да, кричал *всезнающий*, те люди ⁴ насильно хотят вкоренить публике, чрез изъяснение древних таинств, что будто бы и они имеют таинства. Тогда это было другое дело, когда весь человеческий род находился в невежестве и когда наималейшее метафизическое или богословское познание от многолюдства скрыто и по многотрудных и страшных опытах сообщалось было. Но теперь уже другое: храм наук отверст; все части оных каждому известны и оные в тогдашние времена толь важные таинства, теперь почти уже ни от кого не скрыты, ибо что иное содержалось в оных, как, что *кошка и собака*, которых они почитали за богов, не были боги, но точно была *кошка и собака*?

Остановись, господин *всезнающий*. не спеши; мне кажется, что есть нечто, которое называется ученою историей, а сия в вашем словаре, может быть, не находится, или по несчастю, оного вы не нашли. Без того бы вам было то известно, что во все древние времена, доколе история нам сведение подает, совершеннейшие сочинения каждого рода издаваемы были, которые не принадлежали к таинствам, но в руках всех находились; и что тогда словари не подавали случая ничего не знающим вкоренять о себе понятие чрез выучение наизусть ученых слов. Вам было бы известно, что школы философов каждому были открыты; вам также ясно, сколь много превосходят оные совершеннейших писателей наших от вас прославляемых, и просвещенных времен писатели суть соль народа, и по ним, если я не ошибаюсь, безопасно можно заключить о просвещении всего народа. Итак, мне кажется очень вероятно, что простой народ в Афинах, перед которым Димосфен и Эсхил все свое знание показывать старались и имели его своим судьей, равным образом и римский народ, перед которым Грахий и Цицерон ревновали, в рассуждении просвещения никоим образом сравнен быть не может с нашею чернию. Но кто ж были, собственно, допускаемы к таинствам? Герои, которые уже свое отечество спасли,

мудрецы, которые своим согражданам чрез красноречие и примеры вкоренили добродетель. И сии ли должны только чрез толь трудные и продолжительные опыты научиться, что *собака* есть ничто иное, как *собака*?

Государь мой *всезнающий*, здесь вы поторопились! Итак, сделайте честь справедливости, и признайтесь в следующем, если вы по всеведению вашему не потеряли еще способности о чем-нибудь рассуждать со вниманием и с рассмотрением.

1) Где начинается вапа история? Там, где одно из величайших государств упадать начинает; ибо состояние Египта во времена Моисеевы показывает нам, что уже оно пало, и долговременность, чрез которую оно продолжалось до совершенного своего разорения, довольным нам служить может доказательством, сколь драгоценны были их законы и учреждения.

Откуда происходит сие могущественное государство? Откуда имеет оно свои законы, земледельство, архитектуру, художества и науки? И как достигло до сей великости? И показывает ли нам вся наша история хотя единый пункт из всего того, о котором в совершенном находимся неведении и которое есть ключ ко всем знаниям и место с которого можно обозреть как их самих, так и возрастающее их по степеням умножение. Однако при всем сем незнании с великою гордостью делаем догадки, как начались общества, образ правления, законы и прочее.

Я читал довольно многие рассуждения, которые на том же основываются, на чем то рассуждение, в котором показывается, как солнечные пылинки по многих бесчисленных и напрасных обращениях без другой побуждающей причины произвели органические тела, то есть: когда мы оные лучшим именем назвать хотим, они суть догадки⁵.

2) Какая есть стихия, употреблением которой человек столь много возносится, над животными, чрез что он бывает всему творец? Вы его действительно не отгадаете: — Огонь, государь мой! Огонь, чрез употребление коего управляет человек животными, строит дома, огромные палаты, заводит фабрики, словом, все, что он хочет. Но как оный изобретен и откуда научился человек оным столь изящно пользоваться?

3) Земной шар претерпевал великие перемены, которые всегда ужасны были для жителей оного и которые разоряли города и области. О сколь полезно было б, ежели б мы имели точное и обстоятельное сведение обо всех сих превращениях, которые мы выводим из достопамятностей природы найденных в недрах гор; для их воспоминания учредили люди печальные и жалобные праздники, а бо всем сем и о многом еще другом, о чем я вам теперь изъяснять не намерен, просвещенные ваши времена, господин *всезнающий*, находятся в совершенном неведении.

И сии-то особенно в таинствах только древних, как многие примечания показывают, открывались. О сколь было бы желательно, если б подобные им таинства еще поныне находились; хотя я и сам сомневаюсь, находятся ли они, но не во вред служили бы просвещенным временам.

Мой *всезнающий*, для которого было сие новым, замолчал, и я также; и таким образом я оставил собрание.

А как я знаю, что подобные сим *всезнающие* в большие, нежели я, вступают общества, то, чтоб я возмог им там противоречить, всепокорно вас прошу сообщить сие письмо публике; по крайней мере будет она в состоянии чрез сие о возможности таинств заключать; я ж буду стараться о том, чтоб вам от времени до времени сообщать малые сочинения, которые о сей материи большой свет распространить могут, когда вы их в ваш журнал принять за благо рассудите. Я пребываю

Ваш покорный слуга
М. М. иностранец ⁶.

О добродетели

Добродетель есть искусство содержать свои страсти в равновесии и управлять себя в наслаждении наших желаний. Аристотель сказал, что молодость не способна к нравоучению, для того что ограничение страстей погубляет семена добродетели и разум делает не способным к рассуждению; в совершенном же возрасте, в котором можно бы пользоваться наставлениями философов, никогда их не читают, для того что отвращаются от того попечением о своем благосостоянии; старость повреждена политикою, которая ничем не различает пороков от добродетели, как только одним именем, и которая рассуждает о должностях по корыстолюбию, а о достоинстве по успехам ¹. Удивительная превратность мыслей называть все то похвальным, что есть полезно! Макиавел утверждал, что несчастный Цезарь был больше ненавидим, нежели Катилина, но Цезарь, не употребляя во зло честолюбие, был самый великий человек из всех людей, и Катилина имел тысячу еще пороков, гораздо беззаконнейших, нежели обладаему быть страстию.

Прежде вступления в политику вооружитесь вы превосходными правилами добродетели, их без того скоро и прежде времени можно потерять при дворах государских ² или в делах, ибо больше имеют удовольствия в свете и больше распространяют сей яд повреждающий нравы.

Все может служить к добродетели: разум читаемых вами авторов, вкус посещаемых нами приятелей, отеческие наши

законы³ и все то, что мы слышим, входит в наши нравы, получают и они вид тех предметов, которые нас окружают.

Премудрость есть действие разума, непросвещение ума и необузданности сердца всегда находятся вместе, и следует или преследует одна другую взаимно, столько-то находится согласия между добродетелью и истиной! Но для чего же люди просвещеннейшие часто бывают весьма порочны? Сие происходит от того, что можно познать истину, не любивши ее, и что можно любить добродетель, не узнавши ее; от сего-то каждый предмет имеет два вида, из которых один принадлежит разуму, а другой, относившийся к нашему благосостоянию, принадлежит к свободе.

Вся наша жизнь протекает во всегдашнем непостоянстве, иногда мы рассуждаем, иногда бесимся; о, если бы могли включить такие несчастные для нас часы!.. Но к сему нужны долговременные рассуждения, намерения, часто подтвержденные, и беспрестанные старания, которые бы могли нас удерживать на пути добродетели.

Наука производит по порядку и по частям, а все делать вдруг прилично одной только природе. Резчик, окончивши голову, начинает прочую часть тела, но цветок или всякое растение произрастает вдруг во всех своих частях, природа его обрабатывает и совершает одним разом. Таким же образом происходит и с добродетелью: когда прилепляются только к ней одной, то прочие ослабевают; но когда обще к добру прилепляемся, то приобретаем все добродетели; сие подобно произрастанию, которое находится всегда в действии и по обстоятельствам производит всякого роду благие плоды.

Общие добродетели довольно прославлены, все их видят и все об них говорят; но мало бывает случаев для редких добродетелей, и великодушные не состоят в одном пустом сиянии: благородная и бескорыстная душа, отдающая сама себе отчет в справедливости своих дел, гораздо приятнее вкушает удовольствие после неудачного успеха в каком-нибудь деле, нежели когда она достигает до исполнения великих своих желаний.

Злодеи, объявленные враги добродетели, не столь пагубны хорошим нравам, как те, которые притворяются быть честными и которые пороки прикрывают маскою честности.

В несчастии больше сияет добродетель, и кажется, что она уподобляется пахучим духам, которые выдавливаются для того, чтобы изведать их благовоние.

Малые несовершенства делают препятствие великим добродетелям, для чего? Для того, что нравовители внушили нам ложные мысли о совершенстве или что люди, великими добродетелями одаренные, не имели довольно снисхождения, открывая

свои погрешности. Аристотель справедливо сказал, весьма вредно, что возвышают человека выше человеческого совершенства. Плиний же не что иное был как льстец, когда он сказал, что боги не могли благосклоннее быть Траяна к смертным.

Нравственное сочинение, которое не основывается над действиями человеческими, есть бесполезно, и которому подобны многие сочинения молодых или в уединении живущих правоучителей⁴, которые почерпнули познание нравов только в изучении самих себя или в школах у таких людей, которые по своему состоянию не могут знать светской науки. Что же думают при дворах об их правоучительных сочинениях? То же, что думал Аннибал о примечаниях Фармиона в рассуждении воинской науки. Говорят, что рассуждения философов уподобляются восторгу стихотворцев, весьма способному увеселять воображение.

Самое лучшее расположение к добродетели есть вообще прямое добросердечие, благородство и честность во всех наших действиях; но сие праводушие должно сходствовать с слабостию человеческою; если всегда ходить наклоня голову, то, споткнувшись, можно опасно ушибиться.

Зритель лучше видит погрешности, нежели игрок; но тогда, когда он сам научился чрез свои погрешности. К невинности же должно присоединять благоразумие, а сие-то благоразумие есть познание зла. Без сего добродетель всегда впадает в руки своих неприятелей, и какое бы преимущество имел честный человек над сердцем злого, если бы он не пронищал всех умыслов злости? Понеже то, в чем занимаются несправедливые души в превратности, из которой делают они систему, есть не что иное, как удостоверение, которым думают, что честность происходит из слабости ума или из простоты нравов, которая не иначе познает пороки, как чрез нравоучительные проповеди; но когда б они увидели, что мерзостное покрывало их незаконных дел открыто, тогда бы они воздавали должное почтение добродетели, подобно сему говорит (можно прилепиться к пороку) басня о Василиске, что как скоро увидишь и предупредишь его, то он яд свой теряет.

Удивления достойна злобная пословица итальянцев! если говорить об каком человеке, то они вам скажут, *что он столь хорош, что со всеми добродетельми не стоит ничего.*

Одно из главных расположений к добродетели есть благожелательство, сие есть душевная склонность, которая простирается далее, нежели человечество ко всем творениям; сие есть чувство, которое во всех сердцах разливает род некоторого приятного снисхождения, чрез которое они никогда не раскаиваются о добром деле, какое бы ни было оно употребление. Без сего свойства, которое вас больше уподобляет божеству,

человек есть тварь беспокойная, бедная, не полезная как земле, так и самому себе.

Склонность делать добро, чтоб она могла назваться добродетелью, имеет нужду в правилах, они различествуют от той способности обязывать, которая вас делает больше рабом, нежели благодетелем людей. Вы оставляете друга, дабы помочь чужестранцу, вы бросаете жемчуг петуху, который просит только у вас зерна, сие значит не иметь связи в предметах и в средствах в вашей благосклонности. Понеже вы не можете услужить всем людям, то будьте только благосклонны к большей части, а услуги ваши оказывайте малому числу.

Гостеприимство есть добродетель великой души, которая привязана к целой вселенной чрез узы человечества, благодарность в малых благодеяниях доказывает, что чувства предпочитают богатствам.

Находятся ли такие люди, которые полагают свое удовольствие в злости и которые вкушают особливую радость видеть печали и несчастья других людей? Или не подобны ли они тем насекомым, которые прилепляются к чирью? Однако со всем тем из них происходят политики. Таким образом Махиавел думает, что христианская религия весьма полезна злым людям, для того, что она в их волю предаёт добрые сердца, но в самом деле нет такого закона, который бы так утешал несчастных, как евангелие, которое повелевает иметь столько же снисхождения, сколько и повиновения.

Заключение журнала под названием «Утреннего света»

Писатели по обычаю, давно введенному, обязаны давать публике отчет о том, чего ради предприняли явиться пред ней и привлечь ее на себя примечание; мы охотно и с удовольствием подвергаем себя оному обыкновению, ибо нас ободряет намерения нашего непорочность, приведшая нас к сему предпрятию, и потому что мы уверены, что никто, кому она известна, не может нас порицать. Оканчивая издание наше сим месяцем, сообщаем здесь план, по которому поступали, и надеемся, что те, кои оказывали некоторое неудовольствие¹, признаются, что предпритие наше заслуживает если не похвалу, то по крайней мере доброе имя.

Каждый писатель должен иметь два предмета: первый — научать и быть полезным, второй — увеселять и быть приятным; но тот превосходным долженствует почитаться пред обоими, который столько счастлив будет, что возможет оба сии предмета совокупить во единый. Рассуждение публики о писателе утверждается на тех же двух предположениях, и он почи-

тается тогда счастливым, когда признаи публикою оных исполнителем. Если же, напротив того, по мнению оной не только не достиг обоих предметов вместе, то есть быть полезным и приятным, но ниже одного из оных, притом если с своей стороны не утвержден справедливостию и чувствованием великой и благородной в себе души; и если не надеется, как Сократ или Милтон, на правосуднейшее и правильнее мыслящее потомство или если уличается совестью о несправедном своем намерении, то достоин сожаления.

Сильное стремление к добру, возбужденное человеколюбием, и истинною, или слепая, суетным самолюбием надутая гордость и тщеславие перед подобными себе, или, наконец, подлое корыстолюбие рождает писателей и наполняют земной шар бесполезными вздорами и книгами, которые служат лучше для завивания волос, нежели для чтения.

Если смеем себя причислить к писателям, то какого об нас мнения? Не полагают ли нас недовольные журналом нашим в числе тех, которые самолюбием и жадностию корысти побуждаются к изданию сочинений, погубляющих время и нравы читателей? Хотя бы то было и правда, но для нас нет ничего удобнее, как опровергнуть таковое мнение. При издании сего журнала мы не могли иметь гордости и самолюбия, потому что крайне было бы смешно, если б мы хотели величаться и гордиться переведенными токмо с других языков правилами. Сверх того, мы весьма удалены как от самолюбия, так и не могли иметь столь глупой мысли, что будто мы одни только достигли пужных к таковому предприятию познаний и разумения языков, нет, конечно; мы удостоверены, что и другие имеют также познания и разумеют языки, да еще, может быть, и более и лучше, нежели мы.

Но положим, что можно гордиться одним только переводом, но и в сем случае гордостью укорить нас не можно; потому что тот, который других перед собою не уважает, должен непременно сделаться известным; но что до нас касается, мы никогда публике себя не объявляли. И так сколь мало побуждала нас к предприятию суетная гордость и безумное самолюбие, столь же мало, да и еще и менее могла в том иметь участия корысть. Мы еще до начатия сего сочинения объявили публике, на какое употребление плата за журнал назначается. Она определена была на заведение училища для неимущих детей, которые бы, может быть, без того остались навсегда жертвою невежества и, следовательно, не столь полезными членами для общества. Всевышний благословил труды наши, что легко усмотреть можно из сообщаемых ежегодно нами известий о успехах. И, может быть, увидят скоро оных и плод в некоторых воспитанниках, соответствовавших намерениям и желаниям нашим. Таким

образом, когда все оные суетные намерения были от нас удаленными, то можем заключить, не нарушая скромности, что мы в предприятии своем не имели другой побуждающей причины, как истинное, а не слепое и безумное к заблуждению стремление, или энтузиазм, и любовь к отечеству, проистекающую из чистейших источников. Ласкались мы изданием такового журнала, каков наш, искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила *вольномыслия*², которого следствия как для самых зараженных оным, так и для общества весьма пагубны. В сем намерении избирали мы только правоучительные и умозрительные материи о изящности, превосходстве и пользе которых уверены не только благоразумнейшие из наших соотечичей, но и вся Европа, и которые казались нам способнейшими для вкоренения и утверждения добрых нравов и истребления гнусных и страшных некоторых правил. Почему весьма для нас удивительно, что толь общие, толь драгоценными и полезными от всякого здраво мыслящего человека признанные материи могли неугодными быть для некоторой части наших соотечичей. Но хотя и не понравились некоторым, однако восчувствовали другие всю великость и важность оных во всем их виде. Самые служители и толкователи слова божия познали цену некоторых отделений и мыслили толь благородно, что после говоренных ими с великою похвалою проповедей, когда вопрошены были, откуда почерпнули оные, то откровенно признались, что одолжены оными «Утреннему свету».

Доселе сообщали мы более о самых материях нравственных в умозрительных, или метафизических, нежели о пользе оных; ибо надеялись мы, что достоинство оных может говорить само за себя; но изведав опытом, что некоторому числу людей совсем неизвестна подлинная и существенная польза высоких оных истин, осмеливаемся теперь читателям нашим представить великую пользу, проистекающую от правоучения и уверения о бессмертии души.

Правоучение есть наука, которая наставляет нас, управляет действия наши к нашему благополучию и совершенству, которая внушает нам истинные правила великих должностей наших ко творцу, высочайшему нашему благодетелю, к ближним и к себе самим, которая предписывает сии должности и показывает средства исполнения оных. Такая наука не должна ли быть достойною всего нашего внимания? Не должна ли составлять во всю жизнь главные наши упражнения? Так, без сомнения. Правоучение есть первая, важнейшая и для всех полезнейшая наука; оной прежде всего должно научать юношество; в оной особенно должны упражняться пастыри и учителя церковные, и она по справедливости должна первое занимать место в христианских поучениях. Возьмем искуснейшего бого-

словских систем учителя, который нравоучения не знает или не любит, может ли он быть столь приятен богу и полезен человеческому обществу, как тот почтенный и правдивый муж, который хотя никогда не углублялся в системе богословской, но знает нравоучение и любит оного правила и по оным поступает?

В каком виде мы ни рассматриваем нравоучение, оно всего полезнее, нужнее и необходимее как для временной жизни, так и для вечности. Нравоучение, подобно древнему светилу, являющемуся на горизонте, освещает душу нашу от юности, от наступления дней, в продолжении, при конце оных и в самый час смерти. Оно распространяет свет свой по всем душевным силам, оным управляемым; человек, открывающий глаза свои при сем светильнике, видит всю великость своих должностей, употребление всех способностей и преимуществ и причину своего бытия. Оно есть не один токмо свет, освещающий разум, но пламя, воспаляющее и оживляющее человеческое сердце; сия приятная теплота, подобно божественному огню, согревает добрые природные склонности, оживляет оные, питает совесть, умерщвляет страсти и преклоняет волю. Желание делать добро тем более в нас умножается, чем более знаем и чувствуем силу побудительных к тому причин и изящность добродетели, от чего происходит неизвестное некоторое внутреннее удовольствие; первый плод, первое воздаяние добродетели. Нравоучение, подобно тихому источнику, производит плодородие в сердце нашем, питает находящиеся в оном счастливые склонности, утверждает глубоко корни оных и приносит сладкие плоды. Умножается оным купно и отвращение к пороку; открывается его гнусность, и представляется злополучие, влекомое им за собой; сия ненависть бывает во искушениях нашею спутницею и помогает нам восторжествовать над оными. И так нравоучение, просвещая разум, образует оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели и сими путями ведет человека к земному и, надежнее еще, к небесному блаженству. Кратко сказать, сие божественное учение не оставляет человеку большего желания, ибо наставляя его в должностях, показывает ему купно отношение его к предвечному существу; и сие познание, ведущее человека к любви, почитанию и повиновению божественным уставам и провидению, совершает его счастье. Таких понятий и чувствований достигнувший человек готов бывает на всякие жертвы для исполнения своих должностей, ибо помогает ему бог, подкрепляет его и утверждает. Удостоверенный человек о вечной жизни и совершенном блаженстве, яко о наградах за добродетель, в состоянии произвести великие дела; сердце его стремится к сему блаженству, силы его возвещают ему явно оное, а высочайшая благодать совершенно уверяет.

И так упражнение во правоучении есть важнейшее для всякого возраста и для всякого состояния; оно составляет существенную закона часть, которая наипаче заслуживает внимание и старание мудрого мужа. Сия наука есть не тщетная теория, не пустая схоластическая наука, не в спорах состоящее учение, которое, к сожалению, вкравшись в систему толь простого, толь кроткого и толь святого закона, обезобразило оную; правоучение есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служит людям и показанию их перед другими в разговорах или книгах; нет, оно есть практическое наставление, которое должны мы носить в сердцах наших, которое должно освещать совесть и преклонять без упущения волю и которое должно служить правилом наших поступков в уединении и между людьми, в трудах, спокойствии и забавах, в несчастии, счастии, в здравии и болезнях, в отдалении от конца жизни и при самом конце оной; кратко сказать, во всех отношениях и состояниях, отцу, сыну и брату, мужу и жене, гражданину общества, мира и вечности. Чтоб немногими словами изобразить весьма известную истину: правоучение есть настоящего и будущего блаженства, для временной и вечной жизни; следовательно, оно есть из всех наук самое полезнейшее, нужнейшее и необходимое.

Самые древнейшие народы знали важность, великость и необходимость сея науки. Между ими были законодатели и любознательные, или философии учителя, которые с большим или меньшим успехом упражнялись во правоучении и оное другим предлагали. Египтяне, китайцы, персы, греки и римляне имели правоучителей, которые, распространяя свет в сей науке, благодетельствовали человеческому роду. Жрецы нигде, кроме Египта, не были правоучителями; они занимались более распространением догматических своих правил, нежели небесными истинами чистейшего правоучения. Святой церкви небесного отца предоставлено было составить полную систему высокого правоучения³, яко сущности учения божественного.

Правоучение св. Моисея, оного древнего еврейского законодателя, изъявляет своим совершенством и изящностью божественное свое происхождение. Ведя человека к почитанию единого и истинного бога, показывает, что любовь к ближнему есть главнейшее правило всех должностей к оному и что управлением своих страстей и желаний отдаляет все ведущее к пороку и беззаконию. Блаженны были бы иудеи, если бы могли возвысить души свои до сих высоких и чистых чувствований и не оставались при одних наружных обрядах.

Последовали греки, из оных Сократ во правоучении превосходил всех язычников⁴; он, удостоверившись о достоинстве сея божественныя науки, углубился совершенно в одну оную, презрев все баснословия. Ему следовали Платон, Эпикур, Зенон и

многие другие. Потом варварство и происходившие от одного предрассуждения истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец Бакон и Гроций возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль, для которых последнего особенно мы благодарить обязаны.

Сие толь нужное учение, от которого зависит благополучие как частного человека, так и целых фамилий и обществ, сия божественная наука должна ли быть у нас в пренебрежении? — Отрицание сего вопроса сколь для нас неприятно, столь оно справедливо. Приметь различные и повсеместные в общественной жизни случаи и решит тогда, основательно ли наше рассуждение. Откуда происходят развращение между полами, множество несчастных браков, подозрение и вражда между братьями и сестрами; отцами и детьми, повсеместные леченія, бесчисленные обманы, несправедливости, на которые все жалуются, не размышляя, что сами ежедневно то делают, откуда, наконец, убийства, если не от недостатка во нравоучении?

Желал бы я более говорить⁵ о важности нравоучения, но отвлекает меня другой мой предмет, о котором говорить должен, то есть благотворная польза, приносимая уверением о бессмертии души. Приведение доказательств о бессмертии оной за нужное теперь не почитаю, ибо, кажется, довольно уже было о том рассуждаемо во многих местах нашего журнала.

Когда же мы точно уверены о бессмертии нашей души, то научаемся, во-первых, оным уверением познавать величество свойств творца нашего, потом в особенности бесконечную его премудрость, благость и правосудие, и признавать оные с величайшим благоговением и благодарностию. Уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию прощания нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует. Сие уверение производит то, что мы стараемся делать вечным имя наше и память и что мы не равнодушны во мнении о нас позднейшего потомства. Сие чувствование, что душа наша бессмертна, есть надежнейшее правило всех наших благородных великих и человеческого обществу полезных деяний, без которого правила все человеческие дела были бы малы, низки и подлы. Сие уверение истребляет порок, возвышает и питает добродетель в самых опаснейших обстоятельствах. Сие уверение делает неразрушимым союз человеческого общества и дает естественным законам ту важность, которую требует честь высочайшего законодателя и благо человеческого рода. Сие чувствование подает страждущему христианину в жесточайших болезнях утешение; он мнит: есть вечность, в которой престанет болезнь моя и где ожидает меня непреходящее веселие. С оным уверением невинно утесненные и гони-

мы подвергаются без роптания всем неправосудным случаям. их угнетающим, в несчастии и превратностях пребывают постоянными и верными добродетели, презируют опасности и с мужеством идут на угрожающую смерть, радуются, уверены будучи о вечности, где ожидает их за страдание награда и где венец непрестанного веселия увенчает главы их. Коль свята, коль славна выгода для нас, когда уверены о сей несомненной истине, но какие мучения, какие бедствия для нас когда будем отрицать оную? При всем нашем полном благополучии будет недоставать нам покоя совести, не восхитит нас никакое великодушное и благородное действие, и менее того еще мы сами будем в состоянии что-нибудь великое произвести. Чистейшие небесные чувствования должны будут уступать скотским похотениям, правда неправде, добродетель беззаконию; несчастный отчаится, невинность утеснится, злодей и порочный восторжествует; имение, честь и жизнь будут в опасности, словом, вся земля делается адом.

Самые язычники ощущали сладчайшее удовольствие и успокоение, размышляя о бессмертии души. Оное размышление было для них твердейшею подпорою посреди несчастья, причиненного им за добродетель. Оное размышление, доверяя их о блаженной будущей жизни, возбуждало к исполнению полезных добродетелей и к покорению и содержанию всегда в повиновении их страстей разуму.

Сего-то ради оные великие мудрецы Египта и Греции преподавали сие учение с крайним прилежанием и представляли оное ученикам своим яко одно из величайших и важнейших. Пифагор снискал оное в Египте; но неразумение или не довольное знание иероглифического языка совлекло последователей его с правого пути, и чистейшие правила египтян были совсем обезображены. Сократ первейший из язычников и Платон возобновили сие учение во всей оного чистоте и имели великое множество последователей. Все оные предлагали истины свои ясно, по египетские мудрецы для чужестранца, который не был допущен до великих таинств и, следовательно, не разумел тайного иероглифического письма, были непонятны. Ибо они под непонятными для очей незнающего, но в самом деле глубокомысленными изображениями сокрыли важнейшие познания. Если бы мы имели совершенное изъяснение оного, без сомнения важного, иероглифического языка, то увидели бы, что многие познания, которым в наши времена удивляются как новым, известны уже были египетским мудрецам, и нашли бы, может быть, такие вещи, о которых не имеем ни малого познания и которых открытие было бы весьма полезно. Мы сообщили нашим читателям некоторые опыты и сего языка для поощрения к большему работанию сего поля. Но как мы заметили, что многие из наших

читателей сими троякими материями ⁶ несколько или совсем были недовольны ⁷, то сею частию оканчиваем наш журнал. Просьбою же некоторых побуждены с наступлением будущего года начать новый ⁸, мы никак не отступим от нашего предмета, но всегда будем стараться оный иметь, хотя в различном и переменном виде. Материи нового сего журнала будут состоять частию из правоучения, из описаний жизней славных героев и политиков и описания славных сект; все оное будет перемежаемо политическими, историческими и географическими отделениями. Мы ласкаем себя, что сим расположением более угодим вкусу публики и склоним к ощущению удовольствия и тех читателей, которым казалось, что будто журнал наш весь наполнен одинакими материями.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ»

1781 год

Предисловие

В заключении последнего месяца издаваемого в течение трех лет журнала под названием «Утреннего света» объявили мы читателям причины, побудившие нас к сему предприятию, и, наконец, открылись и в том, что понудило нас окончить оный и обещать новый с некоторою переменою плана и расположения, имея, однакож, всегда в виду предположенный нами предмет, дабы чрез то удовлетворить как тех, которые скучали высокими¹, следовательно, не забавными и не приятными для них материями, так и не лишить удовольствия тех, которые ощущают сладость и совершенную пользу во нравоучении и высокомыслии².

Мы за нужное почтаем объявить намерение наше и при начале сего журнала для тех единственно, которые не имели случая читать прежнего, а удостоят чтения своего сие «Ежемесячное московское издание».

Причиною, побудившею нас к таковому предприятию, было сострадание, которое всякий человек, мыслящий человечески, чувствует, когда слышит, что люди, от природы великими способностями одаренные, в воспитании ученостию украшенные и между людьми почтенные, говорят и хулят с надменным и уверительным видом и остроумием закон, ко спасению рода человеческого первыми людьми свыше полученный и нам преданием доставленный, и когда взирает на простодушных людей, внимающих прилежно умствованию оных вольномысленных мудрецов, почитающих себя победившими все народные предрассудки и низкое суевение искоренившими.

Лестно для всякого человека, живущего в обществе, стараться во всем быть отменным перед другими людьми, а особливо перед большею частью людей, следующих часто слепо и безрассудно преданиям своих праотцев. Сие старание природным человеку беспредельным самолюбием и гордостью возносится иногда до такой степени, что люди получившие от природы и счастья драгоценные дары, желая отличить и возвысить себя перед людьми, не отменяются часто и от животных и с оными обращаются в едином так сказать круге, с тем только различием, что они пользуются остроумно услугою животных и наружностью оных с переменою вкуса и новостью выдумки испещряют и украшают свою собственную наружность. В таких упражнениях, колеблемы будучи тремя сильными восхищающими ветрами честолюбия, сладострастия и сребролюбия, большую часть жизни проводят, отвергая все то, что приятности ветров оных противоборствует.

По окончании толь веселых, радостных и счастливых дней наступает обыкновенно неприменное разрушение того, что в сладкой жизни веселило; изыскиваются различные средства для подкрепления ослабевающей со дня на день природы; по многочисленных опытах рождается отчаяние о возвращении прежних сил, орудием удовольствия служивших. И наконец, неразделенный и бессмертный человеческий дух, занимавшийся во все течение времени низкими и неприличными роду его деяниями, пробуждается и чувствует суетность оных; но чувствует иногда поздно, ибо то редко может совершиться в короткое время, на что целая жизнь определена.

Не удивительно что люди после семи тысяч лет ³, после толь многообразных с родом человеческим случившихся перемен, завесою от нас глубокую древность закрывших, будучи в молодости, во угождение восхищающих страстей своих поносят святейший закон, имеющий начало и происхождение свое во отдаленной древности, когда род человеческий упал и со временами лишился прежней своей невинности.

Человек при рождении своем не имея в жизни опытов, оживляющих силы и способности, полученные от природы, ничем не разнится от скотов и животных. Во младенчестве чувствует он токмо голод и жажду, побуждающие к подкреплению жизни; в ребячестве начинает уже научиться волею или неволею перенимать от окружающих его; в юношестве, видя уже различные примеры подобных себе и по бесконечному врожденному желанию услаждения, восхищается всем окружающим его и стремится достигнуть и наслаждаться тем, что у других лестного для себя видит и к приобретению чего легкие и приятные воображает пути. В сем повом и беспрестанно восхищающим положении находясь, человек, не чувствуя еще над собою опытов

наказания, предписанного за дерзость и безумие природою и человеками, будучи в силе и крепости, упоенный сладостию бесчисленных окружающих предметов, возбужденный бесконечным самолюбием и гордостью, по наследию от предков полученною, не имея еще ни времени к рассуждению, ни случая к размышлению, откуда он, что он и чем наконец будет; словом, увлеченный настоящими и всегда новыми для него прелестями, неудивительно, если отвергает неизвестные ему будущие обеты, похищающие у него явно настоящие и известные удовольствия.

Ибо всякий молодой человек истинно почитает токмо то, что он чувствует и чем услаждается, а что не благоприятствует его чувствам, то приемлет он за выдумку и за изобретение человеческой хитрости для пользы собственной изобретателей, хотя она выдумка есть единый путь к совершенству человеческому и благоденствию. Но паче всего удивительнее, что много таких людей, которые уже и летами согбенны, заражены еще молодостию, хотя в жизни своей имели бесчисленные опыты к восчувствованию истины выдумки оной древнейшей и достопамятнейшей. Ибо каждому человеку должно быть известно, ежели только когда-нибудь рассуждал о себе, что ни единая черта оного древнего и святого закона мимо не идет, когда дерзновенным и безрассудным смертным она претупается. Непременную истину сию каждый из нас со вредом как себе, так и другому, без сомнения, чувствовал, хотя иногда и не рассуждал об ней; но то к несчастию нашему, что мы часто закон почитаем для себя несносным бременем, наложенным на нас как будто для посторонней какой-нибудь выгоды, а не для собственной пользы, совершенства и благоденствия.

Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание. Но, может быть, скажут покровители и защитники необделанной грубости, что мы видим весьма многих ученых, которые более предаются порокам и заблуждению, нежели самые грубые невежды, и что вся мерзость, какая только находится на земном шаре, да и самое неверие или безбожие суть плоды учености. Так, конечно: но сие не от наук происходит, но от невежества в науках.

Хотя многие между людьми прославились в некоторых частях учености и имена свои предали бессмертию: однако они при всей своей славе могут быть сущие невежды. Всех познаний и наук предмет есть троякий: мы сами, природа, или натура, и творец всяческих. Ежели ученый не соединит оных трех предметов воедино и все свои познания не устремит к совершенному разрешению оной загадки: на какой конец человек родится, живет и умирает, и ежели он при учености своей злое имеет сердце, то достоин сожаления и со всем своим знанием есть

сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу. От таковых-то ученых вся мерзость, находящаяся на земном шаре, свое имеет начало. По всей справедливости оных относить должно к самому грубому и вреднейшему невежеству, ибо они не только науками не просвещают разума и не исправляют сердца, но еще более оными утверждаются в гордости и во всех гнусных пороках.

Сего-то ради благоразумная древность сообщала науки по выбору и испытанию одним токмо достойным и рожденным к наукам. Не трудно различить такого ученого, который учился, дабы показать себя и питать перед подобными себе гордость и тщеславие, от того, который беспрестанно учится единственно для снискания истины и для сообщения оной ближнему не для тщетного самохвалства, но дабы разделить с ним проистекающее от оной бесценное удовольствие. Первый, надувшийся гордостью и знанием, каким-нибудь случаем полученным, кричит, не взирая ни на кого и не слушая слов других, а старается только свое пересказать; другой, напротив того, ища истину, с великим смирением выслушивает мнение всякого, не презирая никого, будучи совершенно уверен, что и последний мужик, ежели только чистое имеет сердце, может лучше истину чувствовать, нежели самый звездочет с развращенным сердцем.

Весьма странно и удивительно, без сомнения многим должно казаться, что как люди, приобретшие множество о вещах понятных, могут толь развратно мыслить об истинах весьма вероятных и достоверных. Чему дивиться? Ибо всякий из ежедневных опытов может видеть, что слабым духам, да и самым великим часто и безумие нравится, подобно как высокая истина.

Разврат в науках и проистекающее от оных роду человеческому зло происходят, как кажется, от незнания источника, из которого науки проистекли, и от незнания предмета, куда они текут и пьющих чистейшую их воду за собою стремиться возбуждают.

Известно всем имеющим хотя некоторое сведение о науках, что они суть плоды созревшего бессмертного человеческого духа, одаренного от природы способностью понимать или заключать о бесконечности как времени, или продолжения, так и пространства, или неограниченности; нельзя сказать постигать, ибо бесконечность постижима только единому безначальному и бесконечному. И так когда человек, одаренный толь благородным духом, по которому он и человеком именоваться право имеет, занимается не свойственными духу его безделками⁴ и благородную науку ума употребляет к таким предметам, которые в рассуждении бесконечного продолжения в то же самое время исчезают, когда начинаются, то весьма естественно, что в таком случае наука более зла, нежели пользы, приносит; ибо как в

мире нет ни единой вещи, которая бы была без намерения, так и всякая малейшая травка свою собственную пользу имеет и ежели не в своем употребляется месте, то не только не пользует, но и вредит.

Подобно как государь или правитель народа, одаренный от природы достойными правления качествами и имеющий совершенную власть как себе, так и целому народу устроить счастье и благоденствие, если занимается всегда только такими упражнениями, которые принадлежат земледельцу, то наука царствовать ему, конечно, бесполезна: так и человек, одаренный неумирающим духом и имеющий случай и способы оного силы просвещать, если в целую жизнь свою упражняется только в том, в чем и все животные, то наука разума не только ему не полезна, но по бесконечному его внутреннему побуждению вредна и пагубна.

Когда же человек, проходя два царства, растения и животных, прелестями оных услаждается столько, сколько законы природы повелевают к его содержанию, но имеет всегда главною метою совершенство свое, то есть совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми восхищается и возносится до высшего царства духовного, или разумного, то наука разума не может не споспешествовать ему в толь славных его подвигах.

Многие нынешнего века высокие и купно низкие любомудрцы, или философы, почитают оную науку химерою, или соплетением пустых, непонятных и бесполезных метафизических изречений или терминов, а прославляют систему, состоящую в последовании склонностям своим, каковы бы они не были и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура к тому нас побуждает и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толиких удовольствий и сладости.

Правда, что совершенно безумен был бы человек, если бы захотел прямо отрешиться от удовольствий и услаждения; да и невероятно, чтоб был такой человек или такое животное, которое услаждение, соединенное с дыханием и жизнью, променяло бы на ничтожество. Хотя и были примеры, может быть есть и будут, что люди, скупая жизнью, лишаются произвольно оной, однако оные примеры не только не утверждают прославляемой оной системы, но совершенно ее опровергают. Ибо по двум токмо причинам люди к самоубийству приступают, или подражая славному в Риме Катону⁵, который, не видя средств к спасению республики и почтя себя бесполезным на земли между человеками, лучше захотел переселиться и возвыситься в царство мертвых, или в царство духов; или, наконец, к бесчестию помянутой системы и к должному вечному грызению совести начальников оной, слабые люди, в юности упившиеся рос-

копию и доведенные оною до несносных болезней, отчаяния и безумия, подъявляют руки свои на живот свой.

Рассматривая свойство, силу и природу человеческую, без сомнения видеть можно, какие свойственны и приличны человеку удовольствия.

Известно всем, что человек рождается, растет и доходит до совершенного возраста, подобно как и всякое растение, места своего не переменяющее, и что он имеет чувства и внутреннее побуждение к содержанию и сохранению своему и к произведению с восхищением подобных себе, так, как все животные, с тою только разностию, что животные получили стремлению своему предел, которого они прейти не могут, а человек сверх оного получил еще нечто благороднейшее, одаренное волею и разумом, помощью которых он может владычествовать над оными, избирать для себя все превосходнейшее, чувствовать достоинство и честность, удивляться стройности и красоте вселенныя, словом, он может возлетать до кругов вечности и восхищаться мудростью всевышнего, сотворившего вселенную и даровавшего дыхание и жизнь всяческому.

Ежели кто выходил когда-нибудь из чувственного круга, общего со скотами, в собственный человеческий круг умозрения, тот, конечно, не может сомневаться, что он рожден не для телесных и минутных сладостей, которые бесконечного его желания и стремления не только не могут удовлетворять, но еще предавшего оным более раздражают и унижают перед неразумными тварями, следующими всегда порядочному своему побуждению; но природа произвела его к большому и благороднейшему удовольствию, нежели оные скотские сладости, к таким услаждениям, которые соответствуют его бесконечным склонностям и силам, полученным от предвечной мудрости, даровавшей ему разум и свободную волю к его совершенному благополучию. Прекрасно славный Галлер в поэме о происхождении зла, описывая духовный мир, говорит о изящности воли и разума человеческого:

Die Welt mit ihren Maengeln

Ist besser, als ein Reich von Willen-losen Engeln.

(Мир со своими недостатками превосходнее, нежели царство ангелов, воли лишенных).

Gott wollte, dass wir ihn aus Kenntniss sollten lieben,

Und nicht aus blinder Kraft von ungewaehlten trieben.

(Бог хочет, чтобы мы, познав его, любили, а не по слепому и неизвестному какому-нибудь стремлению).

Многим в нынешние времена истина сия не нравится: причина оному, как кажется, развратное познание целой истории.

человеческого рода. Ныне вообще о глубокой древности думают так, как о грубом невежестве и суеверии, не удостоивают своего на оную воззрения и, почитая все, в оной происшедшее, за нелепое баснословие, занимаются на многих языках пусто-словием без понятий, хотя всякий, и малое сведение о истории учености имеющий, должен признаться, что все науки, которыми мы хвастаемся, пачало и происхождение получили в глубокой древности. Ежели бы оные мудрецы нынешнего времени обратили на себя взор свой, так, как на исчадие отцов своих, то почувствовали бы хотя из сыновней должной преданности почтение к предкам своим и столь развратного и неправильного об них не имели мнения.— Правда, хотя, по-видимому, и должны мы быть просвещеннее наших первых праотцев, ибо мы можем пользоваться проложенными от них путями мудрости и, следовательно, так, как по известной уже дороге, с меньшею трудностью доходить до цели оной и превзойти древнейших наших учителей; однако, взирая беспристрастными глазами на себя и на всю древность, как на источник, из которого все науки произошли, должны признаться, что мы не только их не превосходим, но едва ли и сравниться можем, ибо мы по сие время не только в науках ничего нового не изобрели и не прибавили ⁶, но едва ли и разумеем, все, что от них получили. Ибо известно нам, что мудрецы греческие, научившие народ свой во всяком роде наук и художеств и оставившие нам неподражаемые сочинения, которым мы удивляемся и удивляться будем, заимствовали всю свою мудрость в Египте, в котором и поныне остались монументы и черты высокого знания и мудрости.

Сколь далеко отстоит в познаниях нынешний народ иудейский от своих праотцев, живших во времена Соломоновы и Моисеевы! Но, сей первый нам известный учитель и вождь израильского народа был уже в такие времена, когда род человеческий почти уже совершенно терял мудрость, начертанную на сердце, и имел нужду для возвращения оной в начертании закона на камне ⁷.

Многим из читателей наших, которые привыкли думать о себе более, нежели о праотце своем Адаме, может быть все оное покажется не весьма достоверным. Но когда первый человек, как говорит об нем Моисей, муж, достойный нашего почитания и доверенности, введен был в рай сладости, без сомнения не скотский и телесный, но человеческий, разумный и духовный, и когда дал всем животным свойственные им названия, и притом, без сомнения, несравненно более нашего имел о творце своем познания, то кажется, что он, кроме бесполезных внешних и модных наших украшений и уборов, во всяком знании нас превосходил. И ежели читатели наши беспристрастно подумают о всей древности, нами славимой, то, конечно, все пре-

где предложенные нами истины не покажутся им не имеющими основания; и с получением справедливых понятий о состоянии первых отцов своих получают, конечно, истинное познание и о целом человечестве; ибо ежели человек не имеет основательного и точного понятия о начале и происхождении какой-нибудь вещи, то может ли без погрешности заключить, на какой конец она бытие свое имеет? Сколь же полезно для человека знать о происхождении своем и о судьбе, ему предстоящей, то доказывать, кажется, не пужно; ибо невероятно, чтобы нашелся такой человек, который, как существо размышляющее, совершенно отрицал бы пользу размышления о самом себе; хотя многие оное утверждают и целую жизнь так проводят, но они говорят, не подумавши прежде; ибо говорить и жизнь вести можно и не рассуждая ни о чем, подобно сидящей в прекрасной клетке говорящей птице.

Кто же желает иметь точное понятие о самой отдаленнейшей древности, тот необходимо должен иметь сведение о языке иероглифическом, который был общим у всех древнейших народов. Истину сию доказывают целые народы, как то египтяне и по ним греки, иудеи и по ним христиане.

Греки, научившиеся у египтян мудрости по начертаниям или изваяниям, называли оные начертания иероглифами, τὰ Ἱερὸ λυφικά, которые римлянами именуются гиероглифами, Hieroglyphica. Слово сие сложено из ἱερός* священный, и γλύφω, режу, изваяю, и значит *священные изваяния*. Богодухновенный Моисей в данном народу иудейскому законе, обрядах и церемониях и мудрый Соломон в воздвигнутом великолепном храме, совершеннейшем рук человеческих здании, оставили нам множество иероглифов, которые с прибавлением еще новых даже и до днесь хранятся и на которые мы часто с благоговением взираем.

Кроме оных просвещенных народов, нам известнейших, у которых остатки древности сохраняются, находят благоразумные путешественники и у других, не весьма известных народов подобные начертания древней мудрости.

Что же касается до самого источника, из которого произошел язык иероглифический, то предложим мы читателям нашим мнение некоторых упражнявшихся и упражняющихся в оном мужей⁸. Первый человек, как говорят они, был столь совершен, что имея чистый разум и превосходные чувства, мог проникать в природу вещей, чувствовать согласно оных (analogiam rerum); словом, читать целую природу и удивляться премудрости создавшего. Когда же люди начали лишаться

* От ἱερός происходит и ἱερεὺς перей, или священник.

даров оных, то принуждены были понятия свои о природе и о самом боге сообщать потомкам начертаниями, или иероглифами, образующими свойства вещей, существующих в мире, устроенном по совершенному равновесию и согласию. И сей способ сообщать понятия почитается первым. Когда же со временем люди начинали более удаляться от истины и оные начертания становились невразумительными, то рождались науки для объяснения оных и для показания ослабевавшему уму человеческого стройности и красоты вселенной, дабы убедить оный и принудить восчувствовать развратность его действий и превосходство истины.

В сем-то положении человеческого рода, как уверяют упоминаемые мужи, свидетельствуясь всею древнею историею, произошли все науки, из которых наипаче древностию почитаемы были рисованье, стихотворство, музыка, арифметика, геометрия, астрономия и архитектура; все оные науки основание свое получили в природе, которую предметом своим имеют.

Может быть, из читателей наших найдутся такие, которые слышали от ученых, что геометрия, без знания которой Платон, оный великий муж в Греции, не принимал к себе в ученики, изобретена в Египте по нужде, для размерения полей и назначения меж, которые ежегодно рекою Нилом заравниваются. Но ежели они упражнялись в оной драгоценной науке и хотя некоторые получили сведение, сколько она употреблению имеет в других науках, то согласятся, может быть, с Эвклидом и другими греческими мудрецами, от которых мы получили оную и пользуемся, не изобретая по сие время ни единой фигуры, а оставя главное оной основание без разумения. Многие думают, что архитектура год от года в большее приходит совершенство, позабыв или совсем не ведая, что греки и римляне получили знание оное из Египта, где и поныне еще находятся совершенные и неподражаемые рук и искусства человеческого здания, и удивляясь новому роду готического строения вкуса испорченного, введенного готами, народом грубым и не имевшим ни малейшего о вещах сведения.

Сверх сего доказывают иероглифического языка как древность, так и то, что он источником своим имеет природу, химические и алхимические знаки, употребляемые для означения элементов⁹.

Из всего сказанного можно легко заключить, сколь язык иероглифический для нас нужен, ибо помощью его только можем мы достигнуть ясного и совершенного сведения как о древности, так купно и о настоящем положении человеческого рода. Не имея же сведения о целом человечестве, можем ли мы знать, в чем состоит прямое счастье наше и общий наш жребий? Можем ли мы быть полезными друг другу и целому обществу

и благодарными управляющей оным матери нашего отечества, пекущейся о счастье нашем?

Что же касается до прямого намерения журналов наших, то оно состоит в том, чтобы, по примеру некоторых просвещенных народов, распространять знание, на котором основание свое имеет мудрость, яко предмет и доля человеческого рода.

О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук

От самого начала мира человек единственно о том только старался, как бы иметь нужное себе пропитание или защитить свое владение от лютоści медведей и львов. Не имея ни законов и никакого сообщения, он препровождал дни свои, скитаясь в страхе и грубости, и жил подобно диким, рассеянным по лесам американским, опасаясь всегда то жадности себе подобных, то свирепства диких зверей. В сии ли то времена бедности будем искать начала наук и художеств, произрастающих обыкновенно в спокойствии и тишине? Конечно, нет. По простетвию некоторого времени, которого точно определить нельзя, опыт показал выгоды нечаянного соединения; после опасного своеволия следовала по счастью общая тишина, и чрез долговременные опыты почувствовали нужду в установлении законов; разум человеческий, избавившись от страха, до сих пор его объемлющего, находил удовольствие рассматривать зрелище естества и был также свободен рассуждать и о самом себе. Сие есть чаятельно то время, в котором науки начали произрастать. И как скоро заметили важную пользу, которую может иметь из наук рождающееся общество, то все стали ревностно в них упражняться; изящные же искусства в великом множестве соединились ко умножению человеческого удовольствия и к отвращению нужды.

Науки, перенесенные на другое место, уподобляются полевым, скоро псышающим, цветам. Они не иначе процветают, как усиленным старанием садовника, не привыкают к новому климату и не сообщаются с свойствами той земли. Они удобно прозябают, и сильный ветер их не беспокоит. Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых; к знатым же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процвели в каком-нибудь народе или чтобы для сего довольно было только ученых людей из других государств. Они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым. Птоломей Филадельф, Константин Порфирогенит, Карл Великий и Альфред хотя имели у себя великое число ученых, из разных мест собраннос, однако

науки у них не утвердились, и хотя оные процветали под тенью престола, но до того только времени, пока десница государская орошала, а лишившись сего призрения, испытали всю суровость чужого климата; оставленные, увяли со всеми своими плодами. принесенными во время короткого споспешествования их покровителей.

Художества и науки столь медлительно шествуют, что государство, в котором оные начинают произрастать или которое их принимает, необходимо должно пребыть долгое время без всякой перемены в управлении. Колико стараний должно употребить без успеху; колико трудов предпринять с самого первого заведения наук до приведения оных в совершенство; из самого простого рисунка, сделанного наудачу, довести до совершенного искусства Апеллеса! Между тем временем, как сие совершенство постепенно происходит, то науки еще как бы сном отягощены бывают, и великого стоит труда, чтоб возбудить их от глубокого сна, тогда должно представить себе все опыты своих предшественников, приложить к ним новые изобретения и привести к концу то, что лишь только было начато; собрать все нужное для строения, прежде сего разбросанное и оставленное первыми художниками, и сделать из сих остатков, до половины уже разрушенных, совершенное строение. Все сие можно надеяться получить в таком только государстве, которое непоколебимо стоит чрез многие веки. Науки в короткое время правления возрастают купно с политическим учреждением. Они одинаковую имеют судьбу и вместе разрушаются. Такой точно был жребий наук у аравитян.

Долговременность государства подает наукам случай приходить в совершенство; вольностью же они процветают. Физики¹ научают нас, что все животные стараются о средствах к своей безопасности и обыкновенном их удалении от насильствия прочих. Свободны будучи от страха и угнетения, склонность их действует во всей своей силе. В государстве, в котором царствует естественная вольность, слон почитается гражданином, а бобр архитектором. Но как скоро хищный человек станет тревожить их общество, то сия естественная их ревность к вольности кажется упадающею, и они более ни в чем не упражняются, как только в защищении самих себя, и разум их, затмен будучи вместе с благосостоянием их республики, терпит то бедное состояние, к которому мы их приводим.

Сие примечание не несправедливо в рассуждении рода человеческого. Ибо и мы также теряем от страха все свое рачение, дарования и горячность. В рабском состоянии добродетель и знание навлекают на себя подозрение.

В деспотическом правлении Азии великая слава бывает предзнаменованием великого несчастья. И всякий человек, ка-

кого бы состояния ни был, желающий отличать себя от прочих, подвергается бесчисленным опасностям.

В благополучном веке Рима вольность была душою красноречия и заставила Силлов² и Помпеев дрожать перед народным трибуном. Но когда после благородной гордости сих республиканцев последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас, и разум римлян вместе с их вольностию погребен был на полях фарсальских³.

Англичане великие оказали успехи в философии, причину тому полагаю я гордую вольность их мыслей и сочинений, которые могут быть примером целому свету.

Всякому известно, что «Домитиан умертвил Меция Помпиана за то, что он имел у себя общий чертеж и сокращение Гита Ливия. Никому также неизвестно, что Эрмоену Тарсискому некоторые внесенные им в его историю описания стоили жизни». Да и нигде, где только рабство, хотя бы оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвести что-нибудь великое.

Для хорошего успеха в науках требуется притом чистый и приятный воздух, способный учинить жизнь счастливую столько, сколько разум того желать должен. Плодоносная земля щедро обогащает своих жителей во время нужды; ибо когда случится недостаток в нужном, тогда нимало не помышляют о излишнем удовольствии; для сего нужен приятный и умеренный климат, чрезмерный же зной изнуряет тело и ослабляет разум; а противная сему крайность заграждает все пары, затмевает чувства и отягощает умы. Притом должно знать, что науки сперва произросли на плодоносных берегах Нила, откуда получены они афинянами, которые их обогатили, римляне привели их в совершенство, а Париж украсил их; Лондон же, желая их размножить, дал им важный и печальный вид, сходствующий с воздухом, их окружающим.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ»

1782 год

Предуведомление к читателям

Может быть, некоторым из наших почтеннейших читателей покажется странным сие данное нами ежемесячному нашему изданию наименование «Вечерняя Заря», тем паче, что оно служит продолжением «Утреннего Света», за которым натурально следует прежде быть полдневному свету, а потом вечернему. Но как и «Утренний свет» и «Вечерняя заря» в прямом своем смысле не значат известного солнечного течения, то мы и надеемся избежать нарекания в нарушении естественного порядка.

Сколько справедливо начало сего издания, в рассуждении несовершенства человеческих познаний получило название «Утреннего света», столько правильно приличествует ему и имя «Вечерняя заря». Ибо сравнивая теперешнее наше состояние с тем, в котором наш праотец до падения¹ блистал полдневым светом мудрости, находим, что свет нашего разума едва можно уподобить и вечернему свету. Почему кажется, что прежнее *утро* согласно с самим *вечером*.

Имя же зари дали мы для того, что во время сияния ее над нашим горизонтом мы обыкновенно отправляем наши работы, и притом служит оно нам правоучительным и прекрасным *цероглифом*.

Премудрый зиждитель вселенныя, соорудив сей видимый мир, утвердил для освещения оного на тверди небесной бесчисленное множество блистающих светил; в малом же мире, то есть человеке для освещения его путей возжег свет разума, который с начала так был велик, что не было такой глубокой тайны, которой бы он не проникал. Но сим светом недолго пользовался наш праотец, он его присвоил себе и, отразив обратно

божеские лучи, сделался мрачным. Прежнее его просвещение заступила тьма, непрочное его сердце исполнилось скотских, или лучше сказать, дьявольских свойств, и склонность к пороку восторжествовала над оным, за сим последовало проклятие божие, и закон возложен на его действия², яко противоборствующие. Зло приняло над человеком совершенную власть; так возможно ли было, чтоб кто мог исполнить закон и спастись? Почему пужно было сыну божью снйти на землю и воплотися, спасти человеческий род, то есть привести из состояния под законом в состояние благодати? Правда, что многие сомневаются, все ли и ныне еще именующиеся христианами, освободились от проклятия и закона, видя, что и до днесь грех и зло, яко причины закона, царствуют по большей части в роде человеческом.

Но мы о сем, как не принадлежащем к нашему предмету, рассуждать здесь не станем, а скажем только то, в чем и все согласны, то есть, что человеческий разум несчастным падением нашего праотца весьма потемнился, и сего-то изображает наш смутный и бледный свет «Вечерняя заря». Но он гораздо умножен и почти в прежнее состояние приведен быть может, когда воля наша в действиях, а разум в познаниях, подражая «Вечерней заре», которая непрестанно последует за солнцем, будет течение свое править за великим светом божества.

Сего света и мы не лишены, он есть в нас, однако закрыт и, так сказать, задавлен нашими дурными делами. Он блистает и в природе, но поелику не светит в нас, то мы его и вне себя не видим. И посему истинные мудрецы древних и новейших времен первым упражнением для человека поставляют *познание себя*; хотя, правда, что многие еще несогласны, в чем то состоит и познание себя. Ибо иные полагают оное в познании нашего происхождения и конца; а иные в познании души и тела, другие же в другом; но то достоверно, что познание себя надобно начинать от познания и исправления своих нравственных действий, и после приступать к рассматриванию таинств находящихся в самом существе человеческом.

Когда таковым образом приуготовлен будет наш дух и откроется обитающий в нас свет, тогда можно обратить свое внимание на внешние предметы или природу, и в чудном ее строении познавать великие совершенства, искусство и величие ее строителя.

Наконец, желающий видеть премудрость в полном ее сиянии, да приступит с истинным усердием и ревностью к чтению священного писания; в котором все таинства божества и природы сыщут объяснены, но на духовном языке. И чрез сии-то три степени³ *вечерняя души нашей заря*⁴ может паки получить прежнее свое лучезарное сияние полдневного света.

Мы, соответствуя данному нами названию наших трудов, употребим все наши силы выбрать из лучших древних и новейших писателей материи руководствующие к вышеобъявленным трем познаниям. И поелику во всех действиях человеческих разум должен предшествовать и светить, а воля последовать и нас сопровождать, то на первом месте будут помещаемы у нас открытия, касающиеся до познаний и просвещения разума; на втором, для исправления испорченных нашея воли поставляемы будут нравоучения; а для сильнейшего их впечатления, на третьем месте будут примеры или истории; наконец, любопытные материи и забавные ученые анекдоты и другие сочинения в стихах и прозе, дабы всяк мог сыскать что-нибудь по своему вкусу.

И вот все то, что мы за нужное сочли, удержав возможную краткость, донести почтеннейшим нашим читателям о нашем сем издании; что же касается до обыкновенно употребляемого теперь защищения противу критиков, то мы относительно к нашим работам еще при начале сказали, что опыты деланы и делаются при *вечерней заре*, почему и могут иметь какие-нибудь недостатки; относительно же к пересмешникам можем сказать, что они ругаются над чужим или из привычки, или из того что их испорченный желудок часто к здоровой пищи варить не может.

Рассуждение о бессмертии души

Бессмертие души есть то преимущество, по которому она вечно будет продолжать свое бытие и по разрушении тела.

Для лучшего объяснения сей важной материи, во-первых, разделим мы бессмертие души на два рода. Первый из них назовем внутренним, а другой внешним. Существо внутренне бессмертное есть, когда оно по естеству своему не может быть разрушено другими сотворенными существами. Таково есть всякое простое и неделимое существо; ибо

1. Сие простое существо, поелику не есть тело, не подвержено никакому телесному действию требующему противодействия, которого не находится в простых существах. Да не противопоставляют нам здесь для опровержения силы нашего рассуждения, системы о наваждении физическом, или о действии тела на душу или души на тело; ибо сие было бы не что иное, как сумнительное сумнительным доказывать. Итак, ежели душа есть существо простое и неподверженное действиям сотворенных существ, то она внутренне и по своему естеству будет неразрушимая, нетленная, или бессмертная.

2. Мы не знаем другого разрушения, кроме того, которое происходит от деления частей. Существо простое, какое есть душа, поелику оных не имеет, не будет подвержено сему разрушению и, следовательно, оно не может разрушиться, как токмо чрез уничтожение; но сие разрушение превосходит силы причин естественных. Посему душа по своему естеству есть неразрушима, и естественные причины сего не могут учинить; следовательно, она внутренно бессмертна.

Бессмертие внешнее есть то существа качество, которое делает его необходимо неразрушимым от всех, какого бы они свойства ни были, подобных ему существ. Одно необходимо нужное существо есть внешне бессмертное; ибо оно не имеет никакого существа над собою высшего, которое бы могло его уничтожить, и разрушение его заключает в себе противоречие, да и не было бы оно иначе существо необходимо нужное. О сем-то втором роде *бессмертия* разумеать должно сказанное апостолом о боге, что он есть *един имеяй бессмертие*. 1. Тим., VI, стих. 16. Итак, когда кто спросит 1. Бессмертна ли человеческая душа? 2. Можно ли доказать бессмертие души из рассудка? Если дело идет о *бессмертии* внутреннем, то ответ готов, и ничего нет удобнее, как доказать доводом, взятым из простоты души, что она внутренно бессмертна. Но если говорится о *бессмертии* внешнем, то, поелику одному только богу существенно приличествует сие бессмертие, не можно одного приписать душе, не сделав ее из существа случайного, необходимо нужным, что было бы несходно с разумом. Разум научает нас, что душа, как и всякое случайное существо, имеет начало; что некая всемогущая и совершенно свободная вина, извед ее единожды из ничтожества, содержит всегда в своей зависимости, и может прекратить бытие ее, как скоро соизволит, так как и дало ей начало бытия, как скоро соизволило. Следственно, ее вечное сохранение зависит от благодати сего высочайшего существа.

Следует теперь вопрос; окажет ли ей вечное существо сию благодать? Откровение выводит нас из всякого сомнения. Но можно ли, не касаясь откровения, доказать сие естественным образом? Сего-то всякий знающий, что есть доказательство в собственном названии, доказывать не осмелится. Ибо здесь речь идет о познании воли божией. Разум довольно ясно открывает нам ее в рассуждении того, что мы должны делать; но он в рассуждении божиих определений не постигает оной: сие познание превышает всякое понятие, а сверх того и мало споспешествует нашему благополучию.

Единое откровение может нас совершенно удостоверить о сем *бессмертии*; ибо можно сказать, что оное доставляет нам толикое множество сильных причин, кои вместе взятые столь

важны, что удобно доводят нас к весьма утешительной известности.

Да и невероятно, чтоб существо, которое в состоянии познавать толикие истины, делать толикие изыскания, рассуждать о бесчисленных вещах, чувствовать оных соразмерность, сходство и красоту, размышлять о делах создателя, постигать его самого, примечать его судьбы и проникать причины оных, восходить выше вещей чувственных и до познания вещей духовных и божественных, которое может действовать с свободою и рассуждением и которое способно к прекраснейшим добродетелям; ли мало, говорю, невероятно, чтоб существо, украшенное толь изящными качествами и притом такими, которые несравненно превышают качества бессловесных, было создано на маловременность сего жизни. Древние чувствовали всю важность сего доказательства.

Впрочем, человеческий разум по своей природе может преуспевать и приводить в совершенство свои способности. Хотя познания наши заключены действительно в некоторых пределах, однако мы не видим границ ни в самом нашем познании, ни в вещах нами познаваемых, ни в успехах нашего рассуждения, благоразумия и добродетели. Человек в рассуждении сего всегда способен к высшему некоторому степени совершенства и зрелости. Смерть постигает его прежде, нежели, так сказать, окончит он свои успехи и в самое то время, когда он в состоянии восходить гораздо выше.

Ничто не могло равняться с веселием и удовольствием, которое ощущали разумнейшие и мудрейшие между язычниками¹, веря, что душа по своей природе бессмертна. Сие мнение было твердейшею их подпорою среди утеснений, в которых они находились, а паиначе среди тех, в которые ввергали их добродетели. Оно подавало им великую надежду о будущей счастливой их жизни; и наконец служило им сильным побуждением прилепляться к упражнению во всяком роде нравственных добродетелей и содержать плоть свою навсегда в повиновении разуму.

Сие без сомнения происходит из естественного чувствования достоинства существа нашего и величества судьбины нашей, что мы по природе смотрим всегда на будущее, что печемся о том, что приключится после нас; что стараемся учинить имя наше и памятование об нас бессмертными и что мы хотим заслужить хорошее мнение у потомков наших. Сии чувствования не суть мечтание ни самолюбия, ни предрассуждения. Желание и надежда быть бессмертными есть природное впечатление. И сие желание есть само по себе толь благоразумно, толь полезно и толь сходно с человечеством, что можно по крайней мере из оного вывести весьма вероятное умозаключение о будущей жиз-

ни. Сколь ни велико и сильно само по себе сие желание, но оное тем больше умножается, чем больше стараемся мы о просвещении своего разума и чем более успеваем в познании истины и в исполнении добродетели. Сие чувствование есть надежным началом благородных, великих и полезных обществу действий, и можно сказать, что без сего пачала все человеческие намерения были б малы, подлы и весьма низки.

Следственно, не можно сомневаться о том, чтобы сия надежда тщетно от бога была влиянна человеку. Желания, которые не имеют никакого соответствующего им предмета, суть не что иное, как страх происходящий от несуществующих вещей.

Итак, рассмотрев человека *физически*, рассмотрим теперь его *правственно*. Мы видели, что человек есть существо разумное и свободное, которое отличает справедливое от честного, которое находит в себе глас совести, которое знает зависимость свою от творца и которое рождено для исполнения известных должностей. Прекраснейшее его украшение есть разум и добродетель. Первейшее его упражнение и старание состоит в том, чтоб успевать в предписанных добродетелях, употребляя в пользу все случаи, ведущие его к просвещению и благотворению. Чем более он упражняется и успевает в толь похвальных упражнениях, тем более исполняет намерения создателя и оказывает себя достойным полученного им бытия. Он чувствует, что может отдать отчет в своем поведении, по чему и оправдает или осуждает сам себя, смотря по своим действиям.

Прибавим к сему рассуждению, что если душа человеческая умирает с телом, то состояние скотское есть во многом превосходнее пред человеческим. Удовольствия бессловесных, хотя состоят в одних чувствах, однако суть чище и действительнее, поелику оные не бывают ни прерываемы ни уменьшаемы, ниже колеблемы каким-либо размышлением, и они совершенно ими наслаждаются; а если и не наслаждаются опыми, то кажется, что менее имеют в них нужды, нежели человек, поелику об опых мало и думают. Недостатки их не бывают сопровождаемы размышлением. *Скоты*, говорят *весьма хорошо* Сенека, *убегают видимой ими гибели; избежав ее, бывают спокойны*. Скоты свободны от беспокойства, они не пекутся о своем семействе, ниже о своих потомках; не беспокоятся тщетными изысканиями знания, которое должно с ними погибнуть; нет у них заботы в рассуждении будущей жизни и нет надежды, которая должна бы быть тщетна. В самое то время, когда они ниже помышляют о своей смертности, неожиданый ими какой-либо удар, или невидимая боль прекращает их бытие.

Итак, из всех сих рассуждений видно, что человек не под физическим управлением находится, как скоты, но под нрав-

ственным. В самом деле, будучи свободен и одарен разумом, он находит в собственной своей внутренности начало свободы; он всегда действует чрез побуждения нравственные, ему единственно свойственные, наконец, здравый разум всегда предписывает ему закон, по которому должен он поступать, Итак, может и необходимо должен он отдать отчет во всех своих действиях. Да и, конечно, всякий человек, будучи одарен от природы волею способною избирать, может и должен соображать все свои действия некоторому неперменному правилу и дать отчет в своем поведении. И как все нравственные действия суть свободны, без принуждения и без естественной нужды, то и происходят или от доброго или от худого побуждения; они бывают сообразны с здравым разумом, или несообразны с оным; достойны похвалы или похуления, награждения или наказания. Итак, поелику есть высочайшее существо, которому мы должны всеми нашими способностями, и как в добром или худом нашем употреблении сих способностей состоит все то, что есть доброго или худого в нравственных наших действиях, потому мы имеем довольные причины полагать, что начало побуждения и обстоятельства сих действий будут подвержены некогда испытанию, что мы будем судимы по наблюдению или преступлению правила, кое было нам предписано и что от того зависеть будет определение, которое изречет высочайший судия к нашему оправданию или осуждению. По сему основанию просвещеннейшие из язычников верили и научали, что после смерти дела всякого человека получают праведное и строгое испытание и что он будет правосудно и без лицепрятия оправдан или осужден, смотря по добрым или злым его действиям соделанным в сем свете. *Никто*, говорит Платон, *да не ласкает себя тем, чтоб мог он избавиться от суда. Ибо хотя бы вы сокрылись в недрах земли, или изошли на самую высоту небес, то и тогда не могли бы избежать праведного божеского суда, в жизни ли, или по смерти. О законах, книга 10.*

Рассмотрев таким образом человеческую природу, возвратимся теперь к богу; мы в нем также найдем новые причины, кои уверят нас о напраждении и мучении в будущей жизни.

Мы показали, что нет в сем свете довольного различия между состоянием добродетельных и порочных и что нет должного возмездия за добродетель по мере изящности оной, ниже мучения за порок, которое соответствовало бы великости оногo; а поелику известно и несумнительно, что ежели есть бог, ежели он существо бесконечно благое и бесконечно правосудное, если смотрит он за поведением всякой твари, если одобряет он тех, кои исполняют его волю и подражают ему, если напротив того, осуждает тех, кои идут совсем противным путем; поелику,

говору, известно, что ежели все сие справедливо, то необходимо должно, чтоб высочайшее сие существо для удержания величества своих законов и своего правления, наконец, оказало некогда явные знаки своего благоволения или негодования, и чтоб оно изъявило величайшую разность, которую полагает между повинующимися его законам и беззаконно попирающими оный. Кто не видит, что сие неизбежно приводит нас к одному или другому из сих заключений? Должно будет сказать, или все понятия, которые мы имеем о боге суть ложны, что нет провидения, что бог не видит того, что делают его творения; а ежели и видит, то ни мало о том ни печется, что противно его нравственным свойствам и опровергает самое его бытие; или надлежит заключить, что необходимо должно быть после сей жизни состояние, в котором награждения и наказания будут определены каждому по делам его и в котором все сомнения, кои имеют о провидении, будут совершенно рушены правосудием, воздающим каждому по делам без лицемерия. Итак, уже неоспоримо доказано, что должно быть будущей жизни, для награждения и наказания. По чему всяк опровергающий награждения и наказания будущей жизни, выводя заключение из заключений, наконец, впадает в совершенное безбожие.

Сверх того, ежели бог есть существо совершенное, то он не может, будучи таковым сделать что-нибудь противного здравому и совершенному разуму. Следовательно, невозможно, чтоб он был виною существа, коего бытие противно бы было такому разуму рассудку, или что то же значит, чтоб он не поступал разумно с существами, зависящими от его могущества. Если же мы находимся в числе сих существ и если смертность нашей души противна здравому разуму, то сего довольно для удостоверения, что она бессмертна: но мы можем иметь о том такую неоспоримую известность, какую только можно нам снискать употреблением наших способностей; то есть, что нет ничего такого в природе, в чем бы мы более могли быть удостоверены, как в сей истине. Итак, теперь остается нам только рассмотреть, противна ли смертность души здравому разуму или нет? Не сие делает существо несчастливym, когда ему будет доставлено состояние постоянного, истинного и непоколебленного в рассуждении перемены никакому опасению благоденствия, равно как и то не подвергает его несчастью, когда оно создано будет в состоянии благополучия смешанного, так, чтоб несчастье его всегда меньше было несчастья и чтоб существо сие не более претерпевало, как сколько само оно изберет претерпеть для получения благополучия соединенного с его несчастьем; ниже наконец, и то не делает существа несчастным, если бы оно и было сотворено более подверженным злополучию, нежели счастью, когда оно может иметь в то же время возможность

избежать несчастия, или по крайней мере избежать оного столько, сколько нужно для воспрепятствования, чтоб все оное несчастье не превышало того, которое бы согласилось оно лучше спешить, нежели лишиться хотя части благополучия сопряженного с сим несчастьем. Один только случай, которым при сотворении человека можно сделать его несчастным мог бы быть тот, если бы он сотворен был неизбежно несчастным, то есть, без пособия, без награждения, и не положивши никакой замены его злосчастию; но сей случай сам по себе есть столько противен и несхожден с разумом, что одна мысль об нем возмущает ум и по одному природному рассудку умствующего человека. Всякий теперь проникнув таким образом в природу разума и справедливости, может довольно быть убежден, что предложения сии суть неоспоримая истина.

По сему почитавший душу смертною, должен согласиться на одно которое-нибудь из сих двух предложений: что или бог есть существо неразумное, несправедливое и немилосердное; или что человек в жизни сей точно может найти помощь и замену своей бедности и злосчастию. Допускать первое из сих предложений было бы противоречить истине яснейшим образом доказанной; притом прибавить можно, что сие было бы писать столь недостойное и столь нелепое и нечестивое понятие о высочайшем существе, что никто не согласится дать в себе место оному, кроме изверга рода человеческого, и притом самый тот, который защищает сие мнение, точно уверен, что оное есть ложно.

Признавать же второе предложение, сие значило бы не познавать человечества и не иметь общего смыслу.

Итак, положим, хотя никак невозможно, чтоб бог, будучи существо бесконечное, премудрое, правосудное и благое, не имел другого намерения и не предполагал себе другого конца при сотворении тварей одаренных разумом, каковы суть люди, коих он одарил столь благородными и изящными качествами и способностью всегда и на всяком месте отличать добро от зла, невозможно, говоря, чтоб во всем сем бог не предписал себе другого конца, как токмо того, чтоб вечно сохранить последование одною за другою толь маловременных тварей, находящихся в сем несчастнейшем состоянии повреждения, развратности и несчастия нынешнего в свете, в коем непрменный закон в рассуждении добра и зла нимало не наблюдается, в коем необходимая разность вещей не производит почти никакого чувствительного действия; в коем порок от добродетели довольно не различается по своим плодам и в коем слава божия и величество его законов бывает весьма часто попираема ногами; добродетельные люди, не получают им должного награждения, ниже беззаконники заслуживаемого ими наказания. Но что

вместо вечногo одного за другим последования новых существ, каковы оные ныне суть, должно необходимо, чтоб некогда вещи совсем переменили вид свой и чтоб те же самые люди, кои пребывают ныне, пребывали также и в другой будущей жизни, в которой бы мучения и награждения были распределяемы каждому соразмерно прежнему его поведению; в коем бы все беспорядки нынешнего света были исправлены; из коего бы всякое лицепрятие было изгнано, и в коем стези провидения, показывающиеся нам ныне по несовершенству нашего об оных понятия столь запутанными и непреходимыми, были б полным образом изъяснены, и мы бы нашли их достойными существа бесконечно благого, правосудного и премудрого. Без сея истины все прочее будет совершенно бесполезным; и если отвергнуть мучения и награждения будущего состояния, то надобно уничтожить и правосудие, благодать, порядок и разум, и не останется на свете ни одного начала, которое могло бы служить основанием доказательства во нравочении.

Но хотя бы мы отложив причины, взятые из нравственных свойств божества, устремили внимание к природным его совершенствам; однако истина, о которой мы говорим, все была неоспорима. А что бы в том удостовериться, то надлежит только вникнуть в познание и премудрость творца, являющуюся в строении вселенныя. Ибо кого уверить можно, чтоб бог, создавши существа столь почти совершенные, каковы суть люди, и дав им превосходнейшие качества, определил им обитать на сем только земном шаре с столь отличными от других тварей знаками; по истине должно бы быть крайне слепу, чтоб не видеть, что по крайней мере сия низкая творения часть сотворена для них и относится единственно к их пользе; нельзя, говорю, никого уверить, чтоб сие было сотворено для таких существ, которые навсегда будут кратковременны и которым определено провождать малое число лет, составляющих жизнь их, в ужасном беспорядке и странном смущении, и потом навсегда быть уничтоженным. *«Ибо не безрассудно и неслучайно мы сотворены и созданы, но точно была некая сила, которая благодетельствуя человеческому роду, не произвела и не питает того, что бы по пренесении всех трудов, умерло навсегда. Цицерон. Тускулан. запр. 2»* И что бы в сем последнем случае можно вообразить суетное, как сотворив света? Что тиуснее и противнее правилам премудрости, как такое сотворение человеческого рода? *«Если мы без всякой причины родимся; если в произведении людей нет провидения; если мы случайно для себя только и для своего сладострастия рождаемся и если мы по смерти преобразуемся в ничто, то что может быть так бесполезно, так тщетно и так суетно, как человечество и как самый мир? Лактанций, в книге 8»*.

Но дабы лучше дать восчувствовать силу наших рассуждений, то сделаем сравнение двух систем, дабы увидеть, которая из них будет сообразнее с природою и с состоянием человека; одним словом, которая из них будет премудрее и достойнее бога. Положим с одной стороны, что творец представлял себе совершенство и благополучие своих тварей, а наипаче добро человека и целого общества; что для сего, даровав человеку разумение и волю, учинив его способным знать свое определение, узнавать и следовать путем, который один может к оному его привести, наложил он на него строгое обязательство шествовать постоянным путем сим и не терять никогда из виду светильника разума, который должен освещать стези его; что для большего воспомоществования он вложил в него все чувствования и начала нужные, которые бы его руководствовали; что сие распоряжение и сии начала, поелику происходят от существа могущественного, премудрого и благого, то и имеют все свойства истинного закона; что сей закон влечет уже за собою в сей жизни свое награждение и наказание; но как первое сие узаконение недовольно, то бог, для придания расположению толь достойному его премудрости и благодати всего совершенства и для доставления человеку во всех возможных случаях побуждений и нужной помощи, учредил еще узаконение, собственно так называемое, *закон естественный*, который окажется в будущей жизни; и что взирая на поведение людей, намерен он потребовать у них за оные отчета, наградить добродетель и наказать порок воздаянием точно соразмерным заслуге и преступлению каждого.

Противоположите сей первой системе ту, которая утверждает³, что человек создан для настоящей только жизни и что после оной нечего ни надеяться, ни опасаться; что бог, создавши человека и установивши общежитие, не принимает в оном никакого участия; что одаривши нас разумом и способностью различать добро от зла, нимало не смотрит, как мы оную употребляем; но так все предал в нашу волю, что все наши действия совершенно от воли нашей зависят; что мы не отдадим никакого отчета нашему создателю и что, не взирая на перавное и неправильное раздаяние добра и зла в сей жизни, не взирая на все беспорядки причиненные злобою или несправедливостию человеческою, мы не должны ожидать от бога ни наказания, ни награждения.

Можно ли сказать, чтоб последняя сия система сравниться могла с первою? Объясняет ли она столько совершенства божия? Равномерно ли она достойна его премудрости, благодати и правосудия? Столько ли она способна к отвращению от порока и к подкреплению добродетели в посползновенных и опасных обстоятельствах? Делает ли здание общества столь твердым и

дает ли законам естественным такую важность, какой требует слава высшего законодателя и благо человечества? Ежели бы из двух обществ, защищающих сии разные системы, надлежало избрать какое-нибудь одно, то кто бы из разумных не предпочел жить в первом из них? Нет, конечно, никакого сравнения между сими двумя системами, в рассуждении изящности и сходства. Первая есть дело совершеннейшего разума; второе же недостаточна и допускает многие нелепости. Следовательно, сие одно довольно ясно показывает, которая из них справедливее в рассуждении того, что должно здесь судить и размышлять о намерениях и делах бога, который делает все с величайшею премудростию.

Но сверх всего того, познание будущей жизни полагают ли они между познаниями вероятными, или и совсем еще сомнительными? В сей неизвестности всегда лучше будет держаться о сем познании подтвердительного мнения. Ибо без сомнения, та надежнейшая сторона, которая менее подвержена опасности, и при всяком случае менее теряет, нежели выигрывает. Положим, что будущая жизнь сумнительна. Если же точно есть будущая жизнь, то уже не верить оной есть великая погрешность; а поступать так, будто бы оной не было, есть пагубное заблуждение; такая погрешность влечет за собою бедственные следствия; положим же, что будущей жизни совсем нет, то погрешность верить оной, ничего другого, кроме хороших следствий не производит. Из сего погрешности не произойдет в рассуждении будущей жизни никаких нелепостей, ниже в настоящей неподвергнет она нас великим беспокойствам. Итак, как бы то ни было, но мудрый человек и в самом противном для естественных законов случае не усумнится из сих двух систем одной последовать, а другую отвергать. Добродетель всегда восторжествует над пороком.

Но если сия сторона уже благоразумна в самой сомнительности и неизвестности сего положения, то благоразумнее еще будет она тогда, когда откроется (как то сему иначе и быть нельзя), что сие мнение по крайней мере достовернее другого. Первая степень правдоподобия есть простая вероятность, которая хотя и слаба, однако для любопытного и благоразумного человека бывает наилучшим побуждением к конечной решимости. И если в обыкновенных сего жизни делах благоразумно поступать по сему правилу, то сие самое благоразумие позволяет ли нам в важнейших и существенно к нашему благополучию относящихся вещах отступать от сего стези?

Наконец, если, поступая в сие немного далее и приводя вещи к истинной их цели, согласятся, что мы имеем здесь в самом деле, ежели не доказательство, собственно так названное (поелику оно в положении места не имеет), то по крайней мере

вероятность основанную на столь разумных догадках и на столь великом сходстве, что весьма близко подходит к известности, то еще более будут уверены, что в сем случае должны мы поступать сообразно с иным законом и что разум не позволяет нам поступать по иному правилу.

Поистине, нет ничего достойнее разумного существа, как пскать во всем ясности и не основываться, как токмо на правилах достоверных и известных. Но как сие не всегда возможно, а удостовериться надобно, то что бы тогда делать, когда бы надлежало всегда ожидать для сего строгого доказательства? По недостатку высочайшего степени известности должно оставаться на низких, и не великая вероятность делается достовольным доказательством, когда нет столько же сильных противуположений. Если сия сторона сама по себе не очень известна, то по крайней мере то достоверно, что в сем случае должно ее предпочесть; и сие необходимо следует из нашей природы и состояния. Если бы при ограниченном нашем понятии и необходимости на что-нибудь решиться, нужно было нам иметь для сего совершенную известность, и мы бы не хотели принять вероятности за начало уверения, то надлежало бы или согласиться на менее вероятную и противную вероятию сторону, чего никто не захочет, или бы проводить жизнь свою в сомнениях и нерешимости, пребывать почти всегда в недоумении, не придерживаясь никакой стороны и не иметь никакого твердого правила жизни, что совершенно разрушило бы систему человечества.

Отсюда происходит, что сия великая истина более или менее во все времена и у всех народов была принимаема, смотря по большому или меньшему их просвещению, то есть, когда народы более или менее познавали начала вещей.

Философическое рассуждение о совести вообще

Совесьть есть внутреннее чувствование души нашей, судящей о нравственной сходственности или несходственности действий. По сему определению *поступать против совести*, есть действовать против познания суда, произведенного нами о нравственности какого-либо действия.

Чтоб нам быть сведущим о сем суде, касающемся до нравственности действий, то должно, чтоб сей суд был произведен; а чтоб сей суд был произведен — должно, чтоб мы были в состоянии судить о нравственности действий; как же невозможно нам судить о неизвестном, то суд сей предполагает необходимо познание того, что составляет нравственность действий; и как

нет *познания логического* для существа не имеющего понятий, так нет и *познания нравственного* для существа не рассуждающего о нравственности действий. Итак, в суде, производимом душою о нравственности действий, состоит существенно *нравственная совесть*. Почему способность наша судить о нравственности действий делает человека существом нравственным, склонным к пороку или к добродетели, достойным хулы или похвалы, почтения или презрения, рассуждая по правилам, нравственной сходственности, которым он следовал в своем поведении.

По таковым рассуждениям правоучители все свои силы употребляли на изыскание слова, служащего к выражению начала нравственности в человеке, или его качества, быть нравственным существом; однако из всех не нашли пристойнейшего, как слово *совесть*, которое заимствуя у психологов, употребляли также и для означения того существенного начала, которое делает человека нравственным существом, но в тесном смысле для причисления оного к роду понятий, коими они занимаются. Последователи Волфиевы, рассматривая вещи в первобытном их состоянии, определяли *совесть* способностью судить о нравственности наших действий. Большая часть других правоучителей, почитая бесполезною способность без действия, за лучшее почли определить *совесть*, что она есть самый душевный суд о нравственности действий. Третий же напоследок ¹, для избежания заблуждения, которое происходит часто от употребления тех отвлеченных слов, коими означаются свойства души, как будто бы они были вещественные существа совсем отличные от сущности, заблаго рассудили определить *совесть*, самую душою, судящую о нравственности своих действий; из чего следует, что которому ты из сих определений ни дашь преимущество пред другими, то начало и следствия из оных проистекающие, что касается до сущности вещи, всегда будут те же; ибо они означают один и тот же предмет, но рассматриваемый под разными токмо видами. Способность судить без души не существует, ниже рассуждение без способности судить. Сказать, что человек имеет *совесть*, значит, что человек может судить, и судить в самом деле о нравственности своих деяний.

Судить о нравственности деяний, значит судить о том, что такое-то действие учинить человеку прилично потому, что оно хорошо; или есть судить, что оно доброе, и из того заключать, что и учинить оное непристойно. Вот действие собственно принадлежащее к *нравственной совести*.

Чтобы судить о нравственности какого-либо действия, то необходимо должно знать, от чего рождается сия нравственность и что она составляет; следовательно, как она рождается из природы, состояния, отношений и определения существа

действующих, и тех, над коими, или в рассуждении коих, они действуют; и притом как то самое, что составляет сию нравственность, есть отношение к действию, рассматриваемое как причина, или отношение к совершенствам и блаженству существ разумных, рассматриваемое как действие, то все, что по своему противоположению о существовании представляется разуму как бы препотою к их совершенству и блаженству, душа почитает за худое и несходственное. Напротив же того, все то, что по сношению своему с существами представляется разуму способным доставить им совершенство и блаженство, душа всегда почитает за доброе и сходственное. Как долго *совесть* ограничивает себя только судить, что действие есть доброе или худое, можно назвать ее судом *созерцательным*. Но таково есть расположение человеческой души, что она нисколько не ограничивается одним судом о доброте или худобе какого-либо предмета, без желания небытия или отдаления сей последней и напротив того, существования или присутствия первой. *Совесть* никогда не утверждает, что какое-либо действие есть доброе, не желая прежде, чтоб оное сделалось, и не судив, что поступать таким образом прилично; или что действие оное есть худое, не судив прежде, что надлежит от него воздерживаться; и сей-то суд называется уже *дейтельным*. Суд созерцательный, называемый Волфиевыми последователями совестию умозрительною, есть то, что правоучители именуют *чувствованием совести*; но суд деятельный, называемый теми же Волфиевыми последователями *действенною совестию*, есть то, что правоучители называют *советами и гласом совести*.

Мы не токмо желаем, чтоб какое-либо действие, почитаемое нами за доброе, исполнилось, и взираем на оное, как на добро, но еще любим и почитаем и самую действующую особу, как сделавшую непринужденно такое-то добро. Напротив того, мы страшимся того, что почитаем вредным, поелику оно есть зло, и не только ему желаем небытия, но и ненавидим сделавшего оное, как самопроизвольную причину того зла.

Сие тем справедливее, что мы и сами себя, по самопроизвольном учинении какого-либо зла, хулим и поносим. *Одобрением совести* называется приятствующий в нас о нас самих суд, то есть когда мы внутренно уверены что мы сделали, то что называется *добром*. Напротив того, *угрызением совести* именуется обвиняющий суд, произносимый нами на нас самих, когда узнаем, что мы сделали что-нибудь худое.

Два рода действий суть предметом суда *совести*; первые, которые должны быть произведены в действо. *Совесть* судит об оных, дабы определить волю к действованию или недействию; сей суд именуется *предыдущим* действию, или *совестию предыдущего*. Другие же суть действия уже сделанные; со-

весть судит об оных с тем, дабы определить почтение или презрение, заслуживаемые учинившим те действия; и сей суд называется *совестью последующею*.

В *совести* таких вещей, кои составляют ее сущность, и без которых могла бы она уничтожиться, есть три.

1) Познания, посредством которых мы можем иметь ясные понятия о предметах нравственной сходственности и помощью которых мы усматриваем отношения, составляющие нравственность оных; ибо судить предварительно о сих отношениях, не узнав предметов, есть судить о том, что нам еще неизвестно.

2) Природное расположение одобрять то, что мы почитаем нравственно добрым, и хулить то, что мы почитаем нравственно худым.

3) Воля, благоволящая о бытии того, что мы почитаем сходственным с естественным порядком, так как и противящаяся существованию того, что мы почитаем противным тому же порядку.

Как же без познания душа не может ни о чем судить, так как и без хотения одобрять доброго и охулять худого, когда мы знаем, что различие, полагаемое между ими разумом, есть бесполезно; а без воли, которая действует по чувствованию как о том, так и другом, сие познание и чувствование не имеют никакого на поведение человеческое влияния, и сам человек не есть больше нравственный деятель, то из сего следует, что *совесть* кроме того, что она есть истинное нравственности человеческой начало и что она не может быть ни простое разумение, или понятие, ни одна способность чувствовать различие добра и зла, ниже единая воля определяющая нас к действию; но она есть самая душа, познающая вещи и их отношения, усматривающая и одобряющая естественно доброе и хулящая злое, и наконец, желающая с удовольствием делать то, что судит добрым и пристойным и избегает того, что судит злым и противным порядку. Итак, говоря точнее, *совесть* есть человеческая душа, упражняющая относительно к нравственности действий способности познавать, чувствовать и хотеть всего того, что состоит в ее власти.

Здесь входят разные вопросы, в которых философы между собою не согласны.

1. Откуда происходят те познания, по которым душа судит о нравственности действий?

2. Одобрение или оуждение некоторых действий, которое имеет душа, есть ли заключение подробного понятия, или необходимая склонность и побуждение нравственное, бываемое без всякого размышления и рассуждения?

3. Всегда ли воля необходимо следует суду, по которому признает действие нравственно добрым или худым?

1. Некоторые философы, тронуты будучи согласием людей в их рассуждениях о нравственности некоторых действий и в различных правилах правоучения, предписанных и почти вообще всеми принятых, думали, что их познания в сем случае были природные, а не снисканные. Но как сие уже многими ясно доказано, что бытие сих врожденных понятий* было только мнимое, то мы не намерены останавливаться здесь для опровержения такого мнения. Ибо самый опыт доказывает, что нравственные наши понятия снисканы. *Совесть* наша никогда не судит о действии, не узнав прежде отношения вещей, и прежде нежели мы чрез опыт удостоверимся о влиянии действий на существа к нам относящиеся. Младенцы не имеют никакого о нравственности понятия; они его приобретают со временем, и чем просвещеннее делаются, тем лучше судят о том, что хорошо и что худо; и то часто случается, что та же самая особа судит о нравственности действий в одно время совсем иначе, нежели в другое, потому что она после приобрела новые понятия, заставившие ее думать о том противным образом, нежели как она судила во время своего невежества. Следовательно, понятия, чрез которые мы узнаем нравственность действий, есть просвещение, снисканное опытом и размышлением.

2. Некоторые философы почитали *совесть* в самой ее сущности за такой род нравственного побуждения, которое без дальнего рассуждения, без примечательного размышления и без подробных понятий, сравниваемых в рассудке, усматриваем нравственную доброту или зло действий, таким же образом как наши чувства отличают чувственные качества тел, и как мы, например, отличаем приятную осязанию мягкость кожи кроличьей от жесткости колющей кожи ежовой, а сверх того, что мы в продолжении времени можем изъяснить и причины сих различных понятий по рассуждению свойства вещей и отношений; посему они и то расположение души, которое подтверждает нравственную доброту, называли *нравственным чувством*.

Здесь довольно для нас приметить только то, что опыт показывает совсем противное сей системе; ибо ежели мы не видели, какое влияние такое-то действие имеет на наше совершенство и блаженство, или на совершенство и блаженство нам подобных; и если бы мы не знали согласия и противоположности концу вещей, то мы не можем и судить об оном, поелику хотя и известно нам действие со стороны физической, однако мы не видим нравственности оного; что же касается до вещей, как то, бархату и тюля, то для восчувствования приятности, происходящей от первого и неприятности от второго, довольно

* О врожденных понятиях рассуждение будет сообщено в продолжении наших изданий².

только для нас до оных дотронуться. Есть также и такие действия, коих сношение с совершенствами и благополучием разумных существ, есть столь непосредственное и ощутительное, что довольно иметь только понятие о том действии, чтоб усмотреть одного нравственность; итак, по сему некоторые и покушались думать, что мы судим о вещах по врожденному побуждению. Мы не имеем нужды в дальнейшем рассуждении для усмотрения сходственного или противного отношения, состоящего между нашим блаженством и действием человека, который, когда мы спрашиваем у него, которой дорогой надлежит нам держаться, показывает нам произвольно ту, по которой мы можем заблудиться, или который, когда бы ему, кроме добра, личного не сделали, хочет нас умертвить, как бы вредное существо; правда, что преимущество отдаваемое нами тому, что мы почитаем нравственно добрым, есть действие расположения врожденного, а не выведенного из рассуждения, которое припуждает нас желать себе приятного.

Но для сего необходимо должно нам знать, что то в самом деле служит к нашему сохранению, совершенству, выгодам или нашему удовольствию. Если же не будем знать действия, и из одного могущих произойти следствий, то и предпочесть их другим не можем. Из чего следует, что *нравственное чувство*, ко-его мы допускаем бытие, бывает управляемо познанием сущности вещей, а не есть побуждение, действующее без дальнего исследования.

3. Понятие о нравственности какого-либо существа не сходствует с познанием неременной необходимости действий; итак, если бы вид сходственности действий, усмотренный разумением, определял всегда к действованию волю, как зажжение пороха выносит пулю, хотя она противится его выстрелу, то бы одно понятие, находящееся в душе лишило в минуту ее вольности, и необходимо управляло бы ее действиями так, что не было бы более уже в ней места размышлению. Но мы здесь не станем вникать в сию психологическую тайну, а представим только, самое действие относительно к *совести*.

1. Не можно того отрицать, чтобы одобряемое *совестью* действие, коего она ясно видит нравственную сходственность и доброту, не было понуждаемо ясным усмотрением себя сходственности. Предложите какому ни есть человеку, лишь бы только он не был дурак или болезнию одержим, подробности какого-нибудь действия, так, чтоб он хорошо узнал одного сущность; представьте ему следствия сего дела, отношения, находящиеся между виновником действия и одного предметом так, чтоб он очень ясно видел отношения находящиеся между обоими: то и сходственность или несходственность действия ему представятся, и его принудят одобрить или охулить оное,

смотря по сходственности или противности тому порядку, который для совершенства и благополучия разумных существ должен царствовать между оными. После чего он не может уже какогонибудь действия охулить, если оно ему противно, подобно как осудить, что *колокинты* *, когда он ее жует, сладка, или что мед горек, когда он не потерял вкуса.

2. Определения нашей воли не всегда бывают согласны с судом нашей совести; мы часто делаем совсем противное естественному порядку, нисколько не взирая на сообразность оному; мы позволяем себе в рассуждении других то, чего не хотим, чтоб они позволили себе в рассуждении нас, и не стараемся сделать в рассуждении их того, что по мнению нашему должны они делать для нас.

3. Однако мы никогда не поступаем против цели нравственной сходственности, разве когда какое присутствие частной корысти, несходственное с тою, которая истекает из нравственного порядка, нас к тому побуждает. Настоящая польза какой-либо страсти, желание увеселения, сопряженного с удовольствием, часто отводят нас от цели того порядка, который доставил бы нам после истинное удовольствие. Неудовольствие, случающееся иногда при исполнении какой-либо должности, или старание избежать какого худого действия, часто отнимают и то удовольствие, кое могло бы произойти для нас из действия, признанного нами необходимым, и нас от оного отвращают. Но что же бывает в таких случаях? мы не имеем никакого внимания и к тому, чего требует порядок; мы устремляем наши взоры только на настоящее удовольствие или неудовольствие. Итак, мы не поступаем против ясного, чистого и прямого добра.

4. Мы всегда можем располагать своим вниманием, обращать оное на какое-нибудь рассуждение, или отвращать от оного, приобретать размышлением гораздо яснейшее и живейшее понятие о нравственности какого-либо действия, или удаляться от оного, рассуждая об оном со стороны физической и со стороны непосредственных и ближайших оного следствий, что оное еще имеет другие важнейшие; чрез то мы в бессилие приводим правление своей совести и получаем навык ее не слушаться и, наконец, не думать ни прежде, ни после действия, доброе ли оно было или худое; чрез то самое доходим до такого состояния несовершенства и развратности нравственной, источника злодеяний, в котором *совесть* более в нас не действует; мы не бываем уже существами нравственными, исчезает в разуме нашем понятие о нравственности, и мы поступаем, как скоты, без размышления, без страха, без стыда и без угрызения. И сие-то

* Род дикой травы.

состояние у одних правоучителей называется *сном совести*, а у других *духовною смертию*.

5. Можно однако ж сказать, что человек ипогда отваживается делать против гласа и суда своего *совести*, но тогда токмо, когда по причине слабого своего рассуждения будет иметь об оных сбивчивое понятие и когда не довольно будет стараться проникнуть в природу действий для подробнейшего понятия их нравственности; да из самого правдоподобия следует, что человек никогда не может решиться произвести какое-нибудь действие, узнав наперед нравственную оного гнусность и вред; ибо в самом деле видеть подробно всю сходственность какого-либо доброго действия, есть усматривать, что нет другого, кроме оного пристойнее, полезнее и нужнее для настоящего времени; видеть же нравственное зло какого-либо действия, есть ясно усматривать, что все соединяется к воспрепятствованию нам в оном; что мы поступили бы против собственной своей пользы, если бы оное учинили; что мы сами себе показали бы бесчестными, ненавистными и презренными, если бы вдалились в такой поступок. Поступать против столь ясного суда, основанного на ясном и явном видении нравственной сходственности, было бы иметь в одно и то же время два один другому противоречащие суда; один, который судит, что действие сие сходственно, а другой, который признает его несходственным; и сие-то кажется быть невозможным.

6. Случается также иногда, что мы судим вообще, что такое-то действие есть нравственно худое; но в то же самое время судим, что по некоторым частным обстоятельствам, единственно к нам относящимся, мы оное допустить можем, хотя то оно само по себе и достойно хулы, и такое, которое бы мы поносили в других.

Можно с подражателями Волфиевыми наименовать ту *совесть полную*, которая судит о нравственности действий после исследования всех обстоятельств и рассуждений, могущих служить к образованию оной в таком особенном случае; и нам, статья может, возможно будет утверждать с Волфием, что человек, обладающий самим собою, не поступит никогда против суда *полной совести*. Смотри Волф. *Практ. всеобщ. филос.*³, часть I, глава 5 о совести.

7. Может случиться и то, что какое-нибудь действие рассматриваемое вообще, а не в особенном каком случае, представиться вдруг худым или добрым, а после того, не по заблуждению рассудка, но по особеннейшим обстоятельствам, совсем переменит свое свойство. Итак, говоря вообще, убить человека, есть действие нравственно худое; но во многих особенных случаях оное почитается нравственно добрым. Таков случай есть праведная и необходимая оборона, который мы вовсе

не можем избежать, не убив устремляющегося на жизнь нашу разбойника или неприятеля. Ибо здесь человек не может не верить своим рассуждениям, когда страсти побуждают признавать свои действия законными. Страсти удобно нас ослепляют и весьма часто принуждают судить несходно с тем, как бы мы могли судить в беспристрастном нашем состоянии.

Из сих примечаний, представляющих нам некоторым образом естественную историю *совести*, легко можно вывести цель оной, так как и наши в рассуждении ее должности.

Самая природа *совести*, каковую мы ее описали, возвещает нам, к чему творец предызбрал ее ⁴; то есть, чтоб она служила вождем нашей деятельности и чтобы мы, избегая всего того, что противно природе, состоянию, отношениям и предопределению вещей, поступали согласно с сущностью тварей, могущею доставить и умножить совершенство и блаженство существ разумных; словом, поступали бы так, чтобы во всех наших поступках соответствовали предположенному концу.

Бог благоволил, чтобы люди были существами нравственными, способными к добродетели и достойными почитания, похвалы и награждения.

Ничто не может быть добрым, что несогласно с природою вещей, принимая сие слово в обширнейшем его смысле.

Но дабы человек мог согласить свои действия с сею природою, то надлежало ему знать все существа, могущие быть предметом его действий; и для сего он получил *рассудок*. Надлежало ему быть так расположену, чтобы он мог одобрять сообразное с оною; для сего он получил *нравственный смысл*. Наконец, надлежало, чтобы он был в состоянии по своему произволению делать то, что он найдет непротивным оной природе вещей; для сего имеет он *волю*. Но если бы он должен был поступать по необходимости, то бы поступки его не были более добродетелию, которая есть следствием его выбора, но действия физические, следствия необходимые его состава, за которые он не заслуживал бы никакой любви, ни почитания.

И так, он одарен был *нравственною свободою*, по которой он может следовать или противиться гласу *совести*. Однако при всем том, если бы свобода сия не была ограничена, в то же самое время простиралась до самого одобрения, приписываемого им сходственности, или охуления того, что он признает противным оной, то бы добро и зло было для него равно и, прилепившись к добру, ничем бы не мог быть оторгнут от оногo. С другой же стороны, ежели бы он совсем был расположен к добру, и никакое побуждение не наклоняло его ко злу, то склонность его к нравственно доброму не была бы ни свободна, ни добра.

Итак, человек составлен таким образом, что не может не хвалить добра, как скоро его узнает и не чувствовать, что оно пред-

почтительнее злу; а ежели, с другой стороны, и зло представляется ему в приятном и прелестном виде, то тогда воля его имеет случай делать выбор между пороком и добродетелию, которую, представляет нам *совесть* единственно доброю, сходственною, почтенною и действительно полезною; а страсти и привычка часто представляют нам порок в таком виде, который приятностию своею заставляя нас желать оного.

Во многих случаях сие изыскание и сие наслаждение сходны бывают с тем, что совесть одобряет; но часто, чрез последования переменяющихся обстоятельств и различных отношений, они бывают между собой несогласованы и отвращают или существа, предметы наших действий, или нас самих от точного нашего предопределения и цели, к которой должны мы стремиться для соблюдения нравственного порядка. *Совесть* должна в сем случае разбирать и определять волю к тому, что единственно сообразно с правилами сходственности; но как сему можно быть, если с одной стороны, мы не знаем сих правил, и если, с другой, мы не сносим сих рассуждений с нравственностью действий? Ибо без просвещения сии рассуждения могут быть ложными; а без навыка управлять собою по их заключениям, будут бесполезным умозрением. Посему должны мы просвещать нашу совесть и поступать по ее советам. В сих двух случаях человек наслаждается неоспоримо всею надлежащею свободою, и можно на него возлагать обязательства и предписывать законы.

Неспорно, что в глубоком невежестве находящиеся люди всегда прощают действительные погрешности, которые суть невежества следствием; но здесь весьма нужно приметить, что такое невежество в началах нравственности весьма редко случается; оного не видно в правилах, но токмо при особенных случаях. Снисканные познания, посредством которых можно судить о том, что нравственно доброе или худое, не требует ни глубоких размышлений, ни неусыпных изысканий. Опыт нас тотчас научает, какие отношения мы имеем к другим существам и какое влияние они могут иметь над нами, так как и мы над ними. Сей опыт, присоединенный к некоему исследованию свойства вещей, вдруг открывает нам предопределение оных; а наше собственное чувствование показывает нам, к чему мы предопределены. Узнав же из опытов, какое физическое следствие имеют наши действия, мы весьма удобно можем судить и о том, могут ли оные споспешествовать нашему совершенству и нашему собственному и других блаженству; а полагая себя на место подобных нам, очень легко можем видеть, как должны мы судить о своих в рассуждении их и об их в рассуждении нас действиях. Кроме сих источников просвещения, которые мы почерпаем некоторым образом внутри нас самих, мы

находим их изобилие в наставлениях, получаемых нами от своих родителей и других людей, с коими живем мы в обществе, или в законах, обнародованных избранными на сие от высших. Но обильнейший источник нравственных познаний находится в откровении премудрого строителя вселенной. Все провозвещает нам бытие его, все доказывает нам его совершенство, все дает нам чувствовать власть его над нами и зависимость нашу от его могущества и воли, и наконец, все подтверждает нам его повеления, как необходимое правило нравственной сходственности. Известно, что из всех наук нет ни одной, которой бы познание было удобнее, как нравственность, что человек ни в одном случае точно нравственном не может совсем быть несведущим в качестве своих деяний и что невежество его будет всегда следствием его нечувствительности, невнимания, или воли, не хотевшей о том размышлять. Но здесь примечать должно, что сие подтверждение относится только к тем естественным действиям, кои имеют отношение к человеку в его природном состоянии и отношениях, а не к тем новым действиям, кои открываются чрез новые отношения, приобретаемые посредством одних только наук, из коих истекают правила сходственности, предписываемые одною токмо природою. Почему *совесть* в новых сих отношениях судит столько, сколько ей будет правилами предписано. Частные законы общества суть источники, из коих можно почерпать новые сии познания, в рассуждении коих можно быть в глубоком неведении. Говоря собственно, сии частые обязательства не суть действия *совести*, и оные вообще токмо к оной относятся; поелику *совесть* стремится к споспешествованию порядка, установленного в том частном обществе, к которому мы имеем отношение; итак, она требует, чтобы мы знали сии правила, дабы при наблюдении оных могли мы сообразоваться с оными.

Почему должно всякому человеку сколько можно стараться просвещать *совесть* свою, дабы привести ее в состояние узнавать во всяком случае, что хорошо и что худо, что сходственно с естественным порядком и что несходственно?

Цель просвещения нашей *совести* есть то, чтобы получить себе верного путеводаителя в делании того, что есть доброе и необходимое и ради удаления от того, что есть худое и противное естественному порядку. Итак, должно, чтоб человек следовал в поведении своим советам своей *совести*. Вот вторая его должность в рассуждении начал нравственности!

И в самом деле, какое мы можем иметь в сем случае руководство, если не внутреннее чувство нашего суда о сходственности или несходственности наших поступков? Ибо как мы решимся сделать какое-либо действие, если не чрез познание, что оное хорошо и сходственно? Что нас от одного отвратит,

если не познание, что оно худое и несходственное? Точный знак худобы будет, когда мы, представляя себе какое-либо дело худым, в ту же самую минуту делаем оное; так как и истинный знак небытия добродетели состоит в отрицании от действия, в самую ту минуту, как оное представляем себе добрым и сходственным. На чем бы *совесть* ни утвердила своего суда, только бы решительно, то есть как скоро признает она, что такое-то действие есть доброе и сходственное с порядком, то человек обязан оное сделать; а как скоро она признает его худым, то не можно одного себе позволить, не подвергаясь обвинению. Из всех несовершенств разумного существа нет больше, как наклонность поступать против того, что почитается сходственным. Сие также есть прямой способ учиниться злосчастливым по самой природе вещей, не говоря совсем о том, чего мы должны опасаться в рассуждении существа, предписавшего нам законы естества и *совести*. Поелику, восходя к самому источнику нравственности, находим, что всякое действие, предписанное естественными законами, есть путь ведущий к совершенству и счастию; а все то, что оные возбраняют, есть причина нашего несовершенства и злосчастия.

Если бы *совесть* не была подвержена заблуждению в своих решительных судах, то бы мы ничего не могли сделать разумнее, как повиноваться ей без замедления; но как она может обмануться, посему всяк человек, не желающий учинить зла, должен испытывать, сколь долго может он давать себе отчет в своем суде. Часто в таковом испытании он может усмотреть что одобрение, приписываемое им какому-либо действию, есть следствие одного только предрассуждения и страсти, а не точной цели нравственной сходственности. В сем случае мы должны входить в подробнейшее испытание сего действия, и сравнивать оное с правилами довольно известными, а наипаче с теми, по коим бы мы сами судили, если бы были предметом, а не виновниками сего действия. Сим способом мы можем достигнуть к несумнительному доказательству, которое уверит нас своею ясностию; и тогда-то уже мы должны не сомневаясь, следовать тому, что предписывает *совесть*; но когда усумнимся, что дело, которое должно исполнить, не терпит ни малейшей отсрочки, то должны мы решиться на то, что нам, кажется, принесет величайшую действительную пользу. Если же оно будет требовать отсрочки, то осторожность и страх, чтобы не погрешить, велят нам оставить наше действие до того времени, пока тщательное испытание не объяснит наших сумнений. А действовать прежде сего испытания, есть показывать, что мы мало печемся о том, хорошо или худо делаем; что за ничто почитаем порядок; что мало имеем уважения к законодателю и что его спасительнейшие предписания дерзновенно нарушаем.

Бывают же по большей части такие случаи, в коих состояние *совести* кажется несомнительным, и мы чувствуем в себе расположение к вящему одобрению одной стороны, нежели другой, что и называется *вероятным судом совести*; сему-то случаю весьма часто подвержены бывают ленивцы и рабы своих склонностей, своей привычки, обыкновений и предрассуждений. Ибо хотя они нисколько не вникают в самую природу действия и не имеют подробного понятия о его нравственности; и хотя действие оное всеми почти вообще принято, и часто случаясь, сделалось неукоризненным, лстящим какой-нибудь нашей страсти, согласующимся с нашим предрассуждением, а сверх того и таким, которое люди пристрастившиеся и занятые оным советуют; однако же чувствуют они, что оно не имеет действительной сообразности с естественными понятиями того порядка, коему мы в других случаях следуем; но страсти чувствование сие преодолевают, и оное чрез небрежение остается без рассмотрения, и тогда-то они предаются своему стремлению, но все не без некоторого тайного чувствования, что такое-то действие есть худое и что должно бы его презреть. Правая душа никогда не будет судить таким образом.

Человек совестный всегда желает иметь отчет в своих решимостях; он желает подробно узнать нравственность своих действий; примеры, употребление, страсти, принятые предрассуждения и решения корыстолюбивых никогда не бывает предметом его *совести*; он по учинении некоего-либо дела не вдруг бывает спокоен; он не решится делать что-либо, не узнав прежде, что оно есть доброе в самом деле, и никогда не делает того, о чем можно бы было сказать: *может быть, что он, делая сие, худо делает*.

Также разумный человек, любящий порядок, руководим будучи чистою совестью, обыкновенно нисколько не сомневаясь, следует ее советам; он, прежде, нежели приступит к действию, требует совета у нее, равно как и после действия; но когда бы страсти склоняли его на свою сторону, то он может тогда действовать по ее советам без дальнего о том размышления; по учинении же сего действия, душа его, будучи спокойна, судит гораздо справедливее о нравственности оного. Но можно ли в сем случае осуждать его? Он заглаживает, если возможно, свою погрешность, и впредь бывает осмотрительнее. Сим, сим единственно средством делается человек честным, добрым и совестным. Ежели же он презрит советы *своей совести* и приобьикнет следовать слепо своим желаниям, то чрез сие уменьшает в себе добродетель, пороки возвышает, делается перассмотрительным, а наконец, совершенно злым без страха и угрызения.

Простой разум и Евангелие открывают нам правила, касающиеся до совести. Закон Христов, данный роду человеческому

и утверждению владычества естественных законов, которые не предписывают нам ничего напрасного, всегда ссылается на нашу *совесть*; представляет нам оную, как глас божий и объявляет наконец, что все дела наши, сделанные противу совести, суть грех. Ее-то Евангелие представляет нам светом, просвещающим всякого человека грядущего в мир; судиею, который обвиняя или осуждая нас, пишет внутри нас законы святости, коей бог от людей требует; законодателем, который все то, что делается без его соизволения, или против его предписаний, вменяет в грех; свидетелем, коего оправдание, есть залогом оправдания божия; советником, коего советы мы должны свято исполнять и тогда, когда он ошибается; ибо тот, который поступая по оным, думает, что он худо делает, бывает достоин обвинения, как скоро ошибается в своем суде.

Итак, совесть должна управлять нашими действиями, а мы должны просвещать ее, дабы предупредить заблуждение ее суда; и мы ни в коем случае не можем без наказания презреть подаваемых ею нам советов.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ПОКОЯЩИЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦ»

1784—1785 годы

Предисловие

Ежели ты, любезный читатель, из числа любителей своего отечества; ежели ты небезполезный член его; ежели усердное твое о благе общем ревнование делает тебя достойным дражайшего имени сына отечества: тебе, достойный патриот, в числе других посвящается книга сия. Таковым приносим мы малую жертву сию, для таких издаем труды свои и у таких в руках желаем их видеть.

От таких мужей вкорененная в нас искренняя любовь к отечеству возбудила в нас ревность к старанию сделать себя достойными его сынами; и в сем намерении отважились мы предпринять изощреннее разума своего вместе с очищением своей нравственности. Место, в котором мы находимся¹, немало нам способствует к сему двоякому предмету, а свободная воля есть главное к тому побуждение и надежнейшая подпора. Сии наши упражнения вознамерились мы издавать в свет, надеясь, что ежели труды наши не принесут желаемой пользы, по крайней мере усердие оправдает слабость сил наших. Есть ли при сем в виду у нас какая корысть, о сем судить можно как из оснований, на которых выходят в свет труды наши, так и из того, что мы, кроме внутренней пользы, никакой другой от того не получаем. Единое наше намерение есть то, чтоб приводя себя в совершенство, приносить другим какую-либо пользу. Первый опыт такого нашего намерения известен публике под названием «Вечерняя зари», благосклонное ее принятие и одобрение именитых сынов отечества побудили нас предпринять новое сие издание, и за «Вечернюю зарю» последует «Покоящийся трудолюбец», приемник бледного ее света! После остающегося сла-

бого сего сияния дня естественно последует во всей природе сладкое успокоение: после «Вечерней зари», при которой мы были близки ко сну, теперь наслаждаемся мы покоем², и так название сего нашего издания с именем прежнего не так не согласно, как то с первого взгляда показаться может. Сколько название «Вечерняя зари» прилично трудам нашим, ибо оно сверх правственного смысла означает и время упражнений наших, столько данное нами имя «Покоящегося трудолюбца» почитаем мы пристойным сему нашему изданию, как продолжению первого. К таковым трудам какое время способнее вечернего, когда царствующее повсюду спокойствие удаляет от нас все огорчительные заботы и беспокойства, когда тихое безмолвие природы распространяет в нас ощущение своего бытия? Представь себе, любезнейший читатель, вечерний благодостроенный воздух улаждающий все чувства наши, сколько он способствует к возвышенным мыслям, сколько поощряет к таковым трудам! Все приводит тогда нас в восторг, все обращает тогда на себя внимание наше! Все бури, все смятения, всякий шум утихает, и начинается тишина. Тогда душа наша предается самой себе, и мы, кажется, совершенно тогда обладаем собою, или по крайней мере более всякого другого времени. Дух наш, не возмущаем будучи никаким наружным шумом, отдается вождению самой природы; при каждом шаге встречая в ней неисчисленные чудеса, делает он различные сношения между ею и собою, между собою и богом, и попеременно то возлетает к своему творцу, то углубляется в сокровенности природы и тищится поднять покров сея богини, то входя в самого себя, все вещи находит в себе и все изъясняет человекам. Отсюда-то чувствительно рождаются богодухновенные и поучительные размышления, и сии-то спасительные своя размышления любители мудрости предлагают нам то в богословских и философических рассуждениях, то в нравственных наблюдениях и примерах, то в кратких каких-либо изречениях. Мысли наши учреждаются тогда самую господствующую тишиною; покой царствующий в атмосфере усугубляет стремление наше к бдению, и вот в самой природе вдруг две противности в одно время: *покой и бдение*. Сама природа начертала сие имя, и под покрывалом своим скрытно предписала иероглиф нравственных наших упражнений³, научая нас, что в то время, когда с дневным шумом престанут волнения души, утихнут бури страстей и прекратятся суетности наши, в покое и тишине человек делается способнейшим к приличным его духу упражнениям. Тогда благоговей пред небесами вместе с природою, воспевающе при вечере благодарственную песнь создателю своему, исполняется он нежнейших чувствований почтения, удивления и благодарности к премудрости, величеству и благодати источника жизни; в сие время ум наш

скорее и удобнее постигает божественные совершенства,— и вот откровение богословских познаний; удобнее проникает в связь вещей,— и так объясняет темные свои понятия новыми философическими истинами; устремляет взор свой в малый мир,— и приближается к самопознанию и нравственным совершенствам, и так далее.

Сей самый порядок будет порядком трудов помещаемых в издании нашем; он такой почти, какой наблюдали мы и в издании «Вечерняя заря»; и сии наши труды с прежними ни в чем почти не разнствуют, как разве только в том, что мы, соображаясь с обстоятельствами своими, решились продолжать издания наши не ежемесячно, а по несколько частей в год; но в сем не можно, кажется, полагать великого различия.

Вот, любезный читатель, краткое начертание трудов и намерений наших; прими сии посылные упражнения и суди о них беспристрастно. Беспристрастный суд твой будет для нас полезнее, нежели неосновательная критика словотолков⁴. Тот, кто извиняя свойственные нам ошибки, откроет средство к исправлению оных, сверх всего уверит нас, что он не недоволен решившимися хотя малым чем-либо служить своему отечеству.

**Человек,
наедине рассуждающий о неудобoreшимых
пневматологических, психологических и онтологических
задачах**

Уже много времени прошло, как я тружуся над чтением Психологии, желая учинить естественный опыт о душе; но каждый шаг, употребляемый мною при сем случае, кажется, отдаляет меня от моего предмета. Я стараюсь найти аксиомы; но вместо их попадаютс я мне одни сомнения; я желаю шествовать по ровному пути, но мне встречаются пропасти, от измерения глубины которых содрогаются все мои чувства.— Сии задачи, которые намерен я теперь предложить, для меня совершенно нерешимы, и я часто сердечно признаюсь в неведении моем.— Пусть философы, имеющие больше смелости, нежели я, провождают меня без магнитной стрелы в небесные метафизические земли; но я уверен, что ни Локк, ни Маллебранш не согласятся быть моими путеводителями.

Случай не может быть первым началом; то не необходимы ли вещи в себе?

Все великие явления не могут ли сравняться с теми иероглифами¹, которые в разные времена находили на египетских монументах? — Здесь я вижу реку, там змия пожирающего свой хвост, на другом месте человека с собачьею головою.— Но сия

река относится ли к Нилу? Сей змий представляет ли высочайшее существо? Сие чудовище есть ли бог Анубис? ² Единые только современники Гермесовы ³ могут истолковать нам смысл таинственных сих начертаний, так как причину бытия всех вещей одно верховнейшее существо.

Онтология не есть ли в рассуждении ограниченных понятий, каковы наши, наука о действиях без показания причин оных?

Душа, говорят философы, есть существо; но что есть существо? Незнающие при сем вопросе молчат, а разумные сами себе противоречат, и молчание одних не яснее пустословия других.

Неведение наше, или что все одно, темные наши понятия о существе вещей, может быть, происходит от того, что мы по большей части взаимодействуем понятия свои от одних чувств; итак, возможно ли, чтобы и то существо, которому от природы больше дано чувств, нежели человеку, могло когда-либо проникнуть проходы в скважины огромной машины, которой одни только действия нам видны?

Может ли метафизик исследовать ужасное расстояние между вещественною (reali) сущностью вещей и между именною (nominali)?

Можно ли доказать посредством разума, что есть чистые духи; и ежели они существуют, то имеют ли преимущество перед смешанными существами?

Что значит чистое или духовное протяжение принятое Кларком и Ньютоном? Ученые ли сии мужи противоречат сами себе, или читатели не понимают их слов?

Когда Картезий утверждает, что мы имеем о разуме яснейшее понятие, нежели о каком другом существе, то не видно ли из сего, что он хотел дать знать якобы у него несравненно более разума, нежели у его читателей?

Все ли существа имеют внутреннее чувство своего бытия?

Что означает название души, данное началу нас одушевляющему?

Ибо когда видим мы планеты описывающие обширнейшие круги, то сие течение называем мы движением; когда видим вниз падающий камень, то сие явление называем тяжестью; но есть ли хотя одно из вещественных существ, которое бы могло называться душою, движением и тяжестью?

Чтоб познать душу, то не нужно ли взирать на нее без действия чувств и без потрясения органических жил? Не может ли разум понимать больше о душе человеческой разлученной с телом, нежели о море без воды и о часах без пружины?

Может ли составить душа без тела или тело без души полное понятие о человеке?

Филон и Авиценна приписывали звездам разумную душу; Сент Томас поставлял в них душу чувственную: но должно ли из сего заключить, что естество человеческое не различествует от естества планет?

Один философ утверждает, что наша душа имеет тоже существо, какое и бог; другие думали якобы она имеет свойство высочайших духов; а многие метафизики смешивали нашу душу с душою мира. Но не проще ли сказать, что человек имеет душу, подобно как бог имеет свой высочайший разум, или как роза имеет начало, из которого она возрастает?

Можно ли больше понимать о рождении душ, как и о их существе?

Тертулиан производит наши души по прямой линии от Адама; также и изобретатель монадов⁴ своими доказательствами утверждает мысль о сем древе происхождения: но сие мнение не простирается ли только до такого степени правдоподобия, какое лютеранского закона богословы принимают за догмат их веры, что душа рождается от души?

Ежели душа не существует в так называемом *семеннике*⁵ прежде своего отгуду исхождения, то можно ли понять действие соединения тела с душою? Должно ли полагать, что есть страствующие души по некоторому пространству, которыми одушевляются тела?

Дух, будучи в сем семеннике, имел ли внутреннее понятие с своим бытием?

Для чего дух не может представить себе происхождения своего понятия с того времени, как он находился в сем семеннике, даже до того, когда он начал чувствовать, и напоследок, когда он начал рассуждать?

Как человек переходит из состояния, в котором имеет только способность чувствовать и мыслить, в то состояние, в коем свободно чувствует и мыслит?

По какому особливому механизму (составу) существо без протяжения может быть соединено с существом имеющим протяжение?

Какое есть свойство действия души над телом? Мы довольно чувствуем, что есть в человеке существо действующее, но как сие действующее действует? Наши высокопарные умозрения не всегда ли занимаются испытанием действ, не постигая причин?

Почему душевные способности, которые не сотворены из вещества, возрастают по мере чувств телесных, которые не суть дух?

Как душа действует во внутренности человека и какое бывает отражение материи на дух? Что значит движение души нашей, когда оно существо без протяжения?

Согласно ли с здравым рассудком сказать, что такие-то качества необходимо принадлежат к духу потому, что их не можно относить к свойствам вещества?

Рассуждая таким образом о материи, имеем ли мы ясное понятие о ее свойствах? Что значит протяжение? Когда древность определяет ее сими словами: части вне частей (*partes extra partes*), говоря, что протяжение есть протяжение, то сие показывает ли отменно просвещенный их разум?

Есть ли какое таинственное отношение между действиями души и действием вещества? Ежели оно существует, может ли метафизический циркуль измерить оное?

Какое естество животных оных духов, которых тела не можно рассмотреть самими исправнейшими нашими микроскопами: мы посредством движения оных усматриваем, что оно имеет великое сходство с электрическою жидкостью ⁶, в которой есть много силы к возмущению способностей нашей души. Сия особенная материя, больше ли нам известна, как и тончайшая материя, или материя *сроевая*?

Могут ли какие-нибудь психологи вообразить себе некоторое в движении жилок составление, согласующееся с пятью чувствами, которые разделяются по воле души, как семь солнечных цветов ⁷, по словам Невтона?

Кто может мне истолковать, для чего мои чувства меньше меня обманывают, нежели мой разум? Я розу не принимаю за алмаз; но всякий день малые причины признаю за великие, а посему мне кажется, что больше находится истины в самих предметах, нежели в моем разуме, который их сравнивает.

Некое сходство между понятиями, которые душа моя занимает от чувств, и между понятиями, которые от другого начала происходят? Для чего механизм каждого чувства не имеет особенных правил? Мы видим бесконечную разность между благовоением розы и блестящими в призме Невтоновой цветами; однако моя душа может вдруг наслаждаться обоими сими чувствами; она соединяет два сии чувства неразрывно.

Как действует солнечный свет на сеточку (*retina*) глаза? Каким образом сеточка движет оптическую (зрительную) жилку и как зрительная жилка трогает душу?

Находятся ли органические частицы? И ежели они находятся, то какую власть имеет душа над сими чувствительными атомами?

Возможно ли верить, чтобы воля и разум были две сходственные способности и их действия между собою подобны?

Где те пределы, которые различают в человеке свободное и несвободное действие?

Я свободен: но для чего мои глаза повинуются моей воле, а кровь не повинуется?

Мысль Локкова, что *необходимость искать своего благополучия есть основание свободы*, не может ли быть новою для святого человека?

Сказывают, что понятие есть орудие душевное; но можно ли иметь ясное понятие об орудии, когда оно не имеет существа?

Движение одной органической жилочки рождает понятие: но что значит органическая жилочка? Не составлена ли она из других жилочек до бесконечности разделяющихся? Или не сотворена ли она из стихийной частицы? ⁸

Можем ли мы иметь ясное понятие о управлениях души? Понимаем ли мы, как она делается красною при взгляде на алый цвет и как содрогается мускул, когда дотрагивается до него какое-нибудь благовоние?

Где жилище души, *спрашивают у философов*? Не сердце ли? Не средоточие ли овальное (мелочной узел)? Не должно ли с Картезием помещать ее в железе пинеальной (in glandula pineali), с Вилиссом — в начале медуллы продолговатой, или с Боэргавом — в мягком существе мозга? Но духовный человек не равно ли станет удивляться глупости ответов как и запросов? Для чего, скажет он, думают они, якобы душа заключена в теле, подобно как существо могущее быть содержимо в сосуде. Помещать душу в малейших мозговых сосудах есть заблуждение столь же грубое, как и думать, что она обитает в солнце.

Чрез анатомию, мне кажется, познали мы, что мозг есть единое средоточие, где усматривается сплетение жилок чувствительных или понимающих; но чрез умозрение о душе разве больше мы успели? Какой философ может нам истолковать историю действий мыслящего начала, которое в нем находится; а хотя бы он и был в состоянии сие сделать, то может ли сия анатомия приноровлена быть к общей системе существ?

Наше рассуждение недалее простирается своим понятием и о будущем состоянии души, как о ее начале и существе. Ибо нам говорят философы, что она бессмертна, а более ничего.

В исследовании сих задач может разве восторжествовать *богословия и религия*, а не древняя и новейшая философия.

Новая логика

Предуведомление

Прежде всего всем моим читателям за нужное нахожу объявить, что я до споров великий охотник. — Всякий сам пускай догадается для чего я его о сем наперед уведомляю, а еще повторю, что спор мое любимое дело. Если я найду кого-нибудь из моих читателей себе под пару, то я сим буду чрезвычайно доволен и в этом сам за себя ручаюсь. Пускай кто отведаст в

этом мне не верить! — Если бы я вздумал себя хвалить, то я бы мог всем заподлинно донести, что я всеми потребными к тому качествами от природы одарен с избытком; о достоинствах же моих теперь умалчиваю, а со временем с желающими, после когда-нибудь келейно могу о сем переговорить. Берегись, любезный читатель, в чемнибудь меня порочить; я готов тебе, как честный ростовщик и степенный вертопрах, побойться, что голос у меня твердый и пронзительный; крик мой хоть кого, так оглушит и, напротив того, всякого глухого заставит слышать; а доводы к убеждению употребляю я такие сильные, что буде кому себя не жаль, то пускай попробует их отвесть. Итак, я тебе накрепко наказываю и подтверждаю, чтобы ты слова мои слушал обоими ушами. Для чего так? — спросишь ты меня. — Для того, что я так хочу, так люблю и так водиться; причина, кажется, немаловажная. Таким образом, оградив себя сею предосторожностью, приступлю к самому делу.

Первый вопрос: Случалось ли тебе, господин читатель, с кем-нибудь о чем спорить? — Я думаю, что не без того; как прожить без этого человеку? Итак, мы, не сомневаясь о сем, не будем долго сего исследовать.

Вопрос второй: Ну, когда так, то если случилось тебе оспорить своего противника, не любо ли тогда тебе было?

Беспристрастный ответ: Без сомнения. И мне так.

Вопрос третий: А жели случалось, что иной и тебя оспаривал, тогда что? Что до меня касается, я в таком случае бываю в превеличайшем энтузиазме. Тогда я, в противность премудрой метафизике, сам на себя бываю непохож и, как Протей¹, переменяю разнообразные мои виды: лицо мое становится бело, как снег, или походит иногда на синий кувшин; глаза краснеют, как сафьян; рву и мечу все, что мне не попадает; а за неимением чего другого и самых моих расчесанных волос и французских филиейных манжет не щаю, хотя сие можно почесть за смертоубийство. Словом, и самому Овидию трудно было бы описать тогдашние мои превращения². А чтобы предохранить тебя, г(осподин) читатель, от подобного всего тела и души сотрясения, то я хочу тебе сообщить все собранные мною доводы к убеждению своего противника согласиться на то, на что ты согласен.

О состязаниях³

Первый метод состязания в употреблении был *сократический*. Сократ выдумал способ доказывать истину под видом разговора. Выпустив на сопротивника своего кучу вопросов один за другим, его же собственными словами убеждал он его до

того, что тот всегда сам добровольно признавался в своей погрешности и сам отвергал предвзятые им о чем-либо мнения. Сей способ нападения загоняет неприятеля в тесный угол, захватывает все дороги и, заградив все узкие проходы, чрез которые бы он покуситься мог на спасение свое, принуждает его сдаться на волю победителя: онако он ныне не в моде.

Аристотель переменял образ атаки и изобрел множество маленьких стрел называемых *силлогизмами*. В сократическом способе словопрения ты согласишься во всем с своим соперником; в аристотелевом ты еще сомневаешься, сам себе не веришь и противоречишь до времени; так что можно сказать, что Сократ побеждает хитростию искусства, Аристотель силою, тот употребляет стратагеми ⁴, а сей оружие; один берет города подкопами, другой с шпагою в руках.

Европейские университеты ⁵ чрез многие годы сражались между собою на *силлогизмах* с таким жаром, что многие столетия прошли в одних *вопросах и совопрошениях, положениях и возражениях*, и весь смысл целых веков погребен был в одних бесчисленных и бесконечных *разделениях и подразделениях*.

Когда же академии и университеты, обзревшись, увидели, что спориться таким образом можно без конца, то изобрели иной род убеждения, который нельзя привести ни в какую аристотелеву фигуру ⁶. Он назван был *Argumentum Baculinum*, иные пишут *Bacilinum* от *bacillus* (палочка) и *Baculinum* от *Baculus* (палка), т(о) е(сть) *палочный довод* или *палочное состязание*. Итак, когда они не могли убедить противника своего различными фигурами силлогизмов, то прибегали к сей новой фигуре, которою в скорости с успехом всякого низлагали. Способ сих полемических состязаний был такой: сперва надлежало послать авангардиею, или передовыми войсками кучу разных силлогизмов *in Barbara, Celarent, Barocco, Bocardo, Calemes, Fesapo, Ferison, Felapton* ⁷ и пр., середипу составить из отборных коренных ругательств, а потом выпустить арьергардию, или задний detaшемент, то есть, приняться за волосы и дубье, и сражение продолжать до тех пор пока тем или другим образом не сокрушат противничих зубов.

Сие обыкновение, как думаю, было в великом употреблении в Эразмовы времена ⁸; ибо он сказывает нам, что по восстановлении греческих письмен ⁹ большая часть европейских мудрецов разделилась на греков и троян: последними были те, которые питали смертельную ненависть к греческому языку и для того дышали непримиримою злобою противу греков ¹⁰, так что если они встречались когда между собою, то у них не проходило без того чтоб не попотчивать друг друга так, как водится между лютейшими неприятелями. Эразм и сам, кажется, имел когда-то несчастье попасть в руки троянской шайки, которая

тузами и оплеухами отпотчивала его так ловко, что он сей приятни не мог забыть до смертного часа.

Есть еще похожий способ¹¹ убеждать других, который также в употреблении и состоит в том, чтобы с каждой стороны выставить по сту тысяч состязателей или убедителей, и сии *дефенденты* доказывают несправедливость *оппонентов* силою громогласных провозвестников истины, называемых в просторечии пушками, мортирами, ружьями, мечами и пр.

Самый убедительнейший аргумент, который только можно представить глазам противника, называется попросту *пытка*. В Англии сей образ умствования имел толь великие действия, что от того, как то мимоходом упоминает г(осподин) Байле, цена дровам в лесу гораздо поднялась и они нарочито вздорожали по причине частых таких состязаний или истязаний происходивших в Смитфильде¹². Убеждающие употребляли в доводы свои разного рода сориты¹³, т(о) е(сть) такие силлогизмы, которые состоят из множества мелких в кучу собранных положений, просто называемых костер дров, дыбы, застенки и прочая такого рода сбруя; и успешные их действия такую славу приобрели в целом свете, что употребление их повсюду рассеялось и сделалось всеобщим; а святая инквизиция присвоила себе исключительное право и верховную власть пользоваться сим преимуществом. Они часто с успехом употребляемы были в обращении заблуждающих и неверных в вере христианской. — Иногда люди выводимы были из заблуждения и примирались с истинною силою здравого рассуждения, остроумия и благоразумия со стороны убеждающих; но сей способ найден не так действительным и для того отставлен. Для скорейшего ж разрешения всех сомнений изобретены были особливые убедительные доводы. Кнуты, петли, виселицы, колья, колеса, огонь и другие костоломные орудия и машины признаны были всеобщим и надежнейшим средством к убеждению; а как они приведены были с рачением в систему, то и составляли христианское дополнение к древней языческой логике, или науке умствовать.

Есть еще способ убеждать других¹⁴, который редко не удавался, хотя он и совсем противного свойства от прежних аргументов. С начала света он был в употреблении и теперь еще не переводится и состоит в том, чтоб противоречущим отсыпать добрую меру денег. Удивительно как силлогизм зажимает рот самым сильнейшим крикунам и упорнейшим противоборникам. Сиятельное и превосходительное золото светом своим просвещает всякого недоумевающего, разгоняет в один миг все сомнения и подозрения, выводит всякого из неверия и заблуждения; и человек, снабденный довольным запасом денежного ума, гораздо скорее и удобнее убедить может своего противника,

нежели тот, который истощил бы на то всю свою философию. Умствовать таким образом называется *подкупать*, и денежные силлогизмы часто имели такие успехи, коих от всех вышесказанных получить было невозможно. Например, я заподлинно уверен и за самую истину приемлю, что я достоин ездить четвернею *, но никто не хочет мне в том поверить. Каким же образом убедить толикое число соперников? — Все другие доводы тут недействительны: но когда я принесу с собою денежные аргументы, удивительно как все согласится на мое мнение. Мало по малу выведу всех из заблуждения и докажу, что я действительно майор ¹⁶, и все в том сами признаются. А как сомнение решить не вдруг можно, то и в сем случае сперва уверю я других, что я гвардейский унтер-офицер, — ну, какого-нибудь калибера, — потом убежду уже в том, что я истинно офицер, например, адъютант какой-нибудь! Напоследок, и весь спор кончу, когда, послужив, пойду в отставку. — Ну, господа оппоненты, не майор ли я? — Воистину так. — Но ты, может быть, спросишь меня, г(осподин) читатель, достоин ли я еще сего достоинства? Конечно. Как недостойн, когда есть деньги? Таким, или иным образом, только истина моя доказана; спорить не о чем; я майор, далее же что бог даст. Можно из отставки вступить опять в службу и после опять пойти в отставку. — Хорошие успехи сего надежного доказательства разлили повсюду просвещение и всякий ныне привился за логику сего рода. А как между логическими правилами не последнее место занимает и сие известное всем положение, что примеры объясняют истину: то для сей-то довольной причины (без которой ничто не бывает), приведу я еще один пример для доказательства справедливости денежных силлогизмов. Например, я купец, и зажиточный, — ну, так мне стыдно уже приносить пользу отечеству и быть сорокоалтынником ¹⁷; лучше быть бесплодным дворянином, или негодным офицером, только бы не купцом. Достаток у меня есть, денежный ум накопил мне мой дедушка и он достался мне после батюшки; чего ж еще? Сем зафилософствую!

Силлогизм

Первая посылка a priori ¹⁸: «Чтобы получить благородство должно иметь майорский или, по крайней мере, обер-офицерский чин».

Вторая посылка: «А как всякий имеющий денежный ум должен быть и есть благороден» (*Ex indubia experientia a posteriori*) ¹⁹.

Заключение: «Следовательно, всякий имеющий денежный ум должен быть и есть штаб- или, по крайней мере, обер-офицер».

* Сие и приличнее человеку, ибо он из рода животных ¹⁵.

Вот мой силлогизм и вот мое умствование! Оно ясно показывает, что побуждение мое недолго должно оставаться в действии. Нечего ждать! Все богатые прежние купцы так умствовали, и все они теперь дворяне; чего и мне зевать?— Но я наперед вижу, что кто-нибудь из моих читателей со мною будет в этом спорить.— Я догадлив! — Я слышу мне кто-то уже и говорит, что лишение достаточного купца стоит государству более, нежели потеря богатого дворянина, и что чрез это делается переворот, а часто и подрыв торговли и, следовательно, урон отечеству.— Отечеству моему никакого урона от того не будет, смело я отвечаю.— Какой тут урон? — Если я, будучи купцом, был *Иванович* или *Васильевич*, то сделавшись дворянином, разве не буду я тот же *Иванович* или тот же *Васильевич*? Пустое! Не только отечеству, ни имени, ни прозвищу моему нет тут никакого ущерба, а еще будет приращение; потому к сему прибавлять еще будут *его благородие*, или *высокоблагородие*. Нет, нет; отечеству моему нет никакого от того накладу, а еще есть барышок.— Если же ты отечеством называешь что-нибудь другое, так я тебе искренно скажу, что я, что такое отечество, не знаю; а что ты говоришь о торговле, так знай, что я и знать ее не хочу: да мне же до того и дела нет. Был бы я лишь сыт, доволен и в чести, а о прочих я не забочусь.— Не вини меня за это, любезный читатель, посмотри сам: есть ли в обоих столичных наших городах ²⁰ хотя один богатый купец, у которого бы, по крайней мере, дети не были записаны в гвардию? Они ведь не будут уже купцами, все богачи оставят лавки и первая гильдия скоро совсем опустеет; но они об этом не заботятся, так мне для чего? Что я тут за припека? Правда, я знаю одного купца, по прозванию господина Ст..., который хотя и денежным умком зажиточен, и имеет удобный случай в неделю выслужить офицерский чин, однако о том не заботится и думает, что полезный отечеству купец лучше бесплодного дворянина; положим, что таких купцов число и очень велико, и пусть простирается даже до целого десятка; но я на таких не гляжу. Быть купцом-сорокоалтынником, воля твоя, стыдно; все так говорят, хотя я и не знаю почему? — Одного также знакомого мне купчину г(осподина) *Самолобова* выбрали было в здешний магистрат ²¹ судьбою; пришло трудиться, а не хочется. В первый раз денежные мешки, избавители трудов и забот, исключили его из числа выборных; вдругорядь, прозвенело серебрецо, блеснуло в глаза, заткнуло уши, зажало всем рот,— настала тишина и глубокое молчание; все повиновались громкому гласу повелевающего серебра. В третий раз, пришла та же участь. Откупаться он уже поспешил, да и трудновато было.— Что ж делать? Два года был он болен; а как дело доходило уже до худого, то на третий год выздоровел

поручиком, и теперь, если и имеет какие хлопоты, так по крайней мере для себя, а не для общества.— На что служить отечеству? Лучше быть тунейдцем; смело ступай в отставку! — Довольно послужил государю, если перелытал все балы, спектакли, клобы и маскарады; чего больше? — *Что надлежало доказать.*— Так-то я и сделаю! — Каким же образом поступить в этом случае? — Стоит только собраться с серебряными мыслями, запастись золотой ум, начинить карманы или мешки и пойти показаться секретарям, адъютантам и камердинерам какого-нибудь большого боярина и помощью их будет дело с концом! — О разумные мешки! О премудрые денежки! Щедрые благодатели! Милостивые трудов избавители! Вы-то убеждаете скорее всего сомнящихся и недоверяющих противников! Неоцененные состязатели! Вы-то поборники поистине! Вы-то доказываете все, что хотите систематически и аргументально.

В приказном роде людей от частого употребления сих доводов силлогизмы денежного разума получили особое наименование, известное под словом *акциденции*, которого синонима *взятки*. Сии люди такие силлогизмы, доводы и доказательства всегда низусть помнят и так твердо сию науку знают, что противоречение своих уроков делают, только мня, как они говорят, правило, *что-де повторение есть мать учения*. Один судья в В... столько любил сию науку, что при случающихся спорных и тяжбных делах на поданные челобитные не иначе решение чинил, как сперва, отдав оные обратно своему секретарю с надписью: *Справясь* (N. В. то есть с денежным тяжущихся умом), *доложить*.

Коснувшись подъяческого рода людей, вдруг нахожу обильные ручьи к разглагольствованию с тобою, г(осподин) читатель. Сии люди (N. В. не худо также заметить сие о французах и немцах) отменно искусны заманивать к таким аргументам. Все их доводы и силлогизмы основаны на том, *что-де понеже имеется, того для...* далее по себе разумеется. Они могут быть лучшими руководителями в науке накоплять денежный ум. Потому, что они сами всегда служат в том примером. Учение их столь обширно, что всякая вещь, всякое слово входит в их систему, и сие подает им повод к повторению затверженных правил новыми опытами. Для лучшего вразумления сего, вместо свидетеля, приведу я сюда один пример. Назад тому недель двадцать, или и больше с некоторым лишком, случилось мне быть в одной беседе с одним почтенным крючкомеем, закосневшим уже в законоискусстве.— Таким людям, где лучше хвастать своею премудростию, как не там, где их вовсе не разумеют? Пригрезилось ему, будто он очень смышлен; расхвастался старичок, вздумал поклепать свою голову, сказывая, что она мозгу довольно набралась, разбирая старые затасканные деловые бу-

маги, где вместо пыли и сору клюет он носом своим (который у него довольно вместительного пространства), невидимую премудрость и наполняет ею свою голову. Он взвел было на себя и такую напраслину, будто у него в денежном разуме является недоимок.— Солгал еси старинушка, сказал я ему, хотя видно, ты и постишься, понеже головушка твоя не маслом, а кваском примочена.— Слово за слово, мирно да ладно дошло, наконец, дело до законоискусства (о чем более говорить, коли не об этом, когда есть знатоки). Старичок мой давал порукою самого себя, что он мастер выставять приказные фокус — покусы; во уверение же нас приводил из старинных рукописей свидетельства и доносил, что за такое-то дело столько, за такое столько-то поживился он от доброхотных даятелей. Я и теперь, говорил он, взялся написать челобитную, за которую уже мне сулят чetyреста рублей, но я без тысячи не буду. Слыша такие речи и домекая, что такая поживка за одну челобитную, конечно, означает такого человека, который для прибытка спины не жалеет, просил я его, чтобы он истолковал мне, как могут они творить такие чудеса. Пожилэй юноша сей, будучи от природы словоохотен, я особливо, как-то и все они, охотник до таких рассказов, к тому же от частых подносов горячительных некоторых спиртов, водящихся особливо в подъяческих компаниях, ставши навеселе, без всяких оговорок принялся за изъяснение. Между прочим неудобо-вразумительно-понятыми разговорами, на которые ответствовал я одним только *так и да*, рассказывал он мне, как какой-то *затевающий малый* подал на приятеля своего челобитную в том, что он негде и некогда сказал ему *врешь*, и как еще негде подъячие перепились и, поссорившись, вздумали бить челом друг на друга, между коими один просил на другого о заплате бесчестья в том, что он назвал его *поповским брюхом*; и многого подобного тому довольно я от него наслышался. Напоследок, приступил он показанию собственного своего велемудрия и начал сперва доказывать, что камзолные мои пуговицы не пестрые, но серые. Ужаснувшись такого глубокомыслия, убоялся я, чтобы он, превращая цветы, и меня не превратил в другое какое животное (что часто от таких людей заимствуется), прекратил я скорее сей разговор и не стал с ним спорить, а завел речь о другом. Тут как-то я проронил словцо и нарек одного взаимного нашего знакомого, вместо *Пантелеймоныча*, *Пантелеичем*.— Обижаете, сударь, воскликнул велегласно собеседник мой; он не *Пантелеич*, но *Пантелеймоныч*.— Потом грозно спрашивал у меня, для чего я его так назвал?— Я говорил, что я учинил это ошибкою.— Это еще не правданье, говорил он мне; знаете ли, что в этом можно на вас махнуть челобитье в такой силе: *«что-де такой-то имярек обносит такого-то нижеименованного, называя его не собственным его*

именем, и пр!» — Премногомилосердный государь, сказал я ему в изумлении, окажите милость беспокровному человеку, научите, как поступать мне, если процесс делу сему начнется? — От заплаты ты не уйдешь, отвечивал сей Сулпиций, прихрабрившись, если клятвенною присягою, по чистой совести, пред крестом и Евангелием не подтвердишь, что ты вышереченного Пантелеймопыча Пантелеичем назвал без всякого намерения.

Сколь сие не удивительно и невероятно покажется тебе, любезный читатель, но я тебя честию моею уверяю, что все сие случилось и случилось точно с самим мною. — От такого его мудрословия, или буесловия я тогда весь окостенел; все известные мне доводы и доказательства на ум тогда мне не взбредли и я сидел, как гвоздем приколотенный к стулу. Победитель мой встал с места, встряхнул оборванными канцелярскими манжетами, милостиво захохотал, пошел расхаживать по комнатам, и висевшая с землею параллельно полуизломанная его шпага прозвенивала каданс его выступки.

Вот тебе, любезный мой читатель, один пример искусства сих людей в замалывании других к *денежным аргументам*! Тысячу других таких примеров, мог бы я тебе наскзать, но теперь это оставляю, а возобновляю прежнюю мою похвалу *денежным доводам и денежному уму*, советуя тебе не оставлять упражнения в премудрой науке *рассуждать по денежному смыслу*. Она-то целительница душ наших и руководительница во всякой истине! *Денежные силлогизмы* — вернейшее средство к убеждению, ими-то Филипп Македонский оспаривал всегда всех философов; ими-то опровергнул он всю крепость и силу стен Фивейских²², низложил все остроумие афинян, убедил их градоначальников, заградил уста красноречивейшим ораторам и, сделав всех немوتствующими, яко рыбы безгласные, доказал им, что вольность их точно ему принадлежала.

* * *

Исчислив все вернейшие способы к убеждению противников, изяснив все технические термины и объяснив их ясными примерами, чрез сие всем во известие объявлено, что ежели кто из господ читателей найдет что-либо мною упущенное и похочет сделать дополнение к сей моей новой логике и к сей статье, *de modo alios confutandi*²³, то он сим премного меня обяжет и одолжит. — Сверх того, также всем напоминаю и то, что с человеком знающим все роды доводов и убеждений не должно отваживаться много спорить; для того-то в самом начале *предупреждения* сказано, чтобы читатели заблаговременно поберегли себя от могущих последовать за сим неприятных для них следствий.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА „ПРИБАВЛЕНИЯ К МОСКОВСКИМ „ВЕДОМОСТЯМ“

1783 — 1784 годы

О воспитании и наставлении детей
для распространения общепользных знаний
и всеобщего благополучия

Введение

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. С самыми лучшими законами, с самою религиею, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело бы весьма худых членов, если б правительство пренебрегло сей единый предмет, на котором утверждается все в каждом государстве. Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оного совестными, а судей неподкупными; самая религия не может воспрепятствовать, чтоб недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к споспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтоб всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предпринять быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа отверзта всякому впечатлению и, не решима будучи между добродетелию и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, прибывает к

справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству и к пороку? И так процветение государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов — неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и искусства хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если нравы уже повреждены, то и оные престают быть благодетельны; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивают религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает искусства рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов; чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, чрез него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми другими человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; через него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее делается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою: религия, в величестве своем исполненная простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душею всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; искусства украшают жизнь, дают благородство чувству, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностью и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

Толико важно воспитание юношества для государства и для всеобщего отца великого сего семейства, то есть для правителя. Великая монархия наша, зная сие, с самого начала достопамятного своего правления неутомимое прилагает попечение о распространении в империи своей доброго воспитания. А сие премудрое матернее попечение не обязывает ли каждого из подданных ее отца фамилии стараться споспешествовать в своем семействе великому благодетельному ее намерению, а особливо, когда всякий отец побуждаем к тому должностью и собственною выгодною. Ибо поистине воспитание детей весьма важно не только для государства и правителя, но и для всякой особенной

фамилии, для всякого отца и для всякой матери. Хотя бы находились родители, могущие толико ослепиться в округе своих должностей, чтобы спокойно могли сносить мысль, что они пустят в свет злодея или глупца, либо, худо воспитавши дочь, сделают несчастным брак и подадут случай к целым поколениям худых и потому несчастных людей; то по крайней мере должна бы ужасна им быть та мысль, что самые сии пренебреженные в воспитании дети накажут их за их беспечность и, вместо того, чтоб быть утешою и радостью старости их, будут рушителями их покоя и удовольствия. Всякий друг человечества пожелает, чтоб ни одна фамилия не узнала себя в сем образе; но всякий внимательный наблюдатель находит, что, к сожалению! еще немало родителей сему подвержены. Коль многие из тех самых, которым бог даровал все, в чем человеки поставляют обыкновенно свое блаженство, потому только несчастливы в своей старости, что от детей нажили себе вместо радости печаль, что развращенность сына приводит фамилию в замешательство либо и совсем погубляет, что глупости дочери подвергают ее публичному презрению. И не сугубо ли огорчительно должно быть сие оскорбление таковым родителям, когда они в часы размышления (которые непременно бывают и при самом легкомысленном, самом рассеянном образе жизни) находят, что они сами беспечным воспитанием положили основание к сим порокам или глупостям, что они сами соплели бич, наказующий их теперь за их беспечность.

Но может быть, не беспечность или небрежение причиною тому, что между вступающим в свет юношеством нередко бывают худые люди и негодные граждане; может быть, недостает еще надлежащего распоряжения познаний, нужных для домашнего воспитания; может быть, некоторые предрассудки и худые обычаи не допускают сих познаний распространиться. Ибо, действительно, не можно сказать о нации нашей, чтоб родители не старались о воспитании своих детей. Трудно сыскать фамилию, которая бы, не имея довольно иждивения на приватное воспитание, не отдавала детей своих в училище; а многие находят такие, которые с великим иждивением содержат для детей своих гофмейстеров, гофмейстерин, учителей языков, танцованья и рисованья. И так, конечно, есть нечто, противящееся сим добрым и похвальным попечениям родителей и делающее оные по крайней мере бесполезными великому предмету воспитания. Может быть, при многих распоряжениях и великом иждивении на воспитание детей и при самом непрерывном и многоразличном наставлении оных пропускается истинное образование разума и сердца. Справедлива ли сия наша догадка или нет, то оставляем на рассуждение почтенным нашим читателям. Можно, державши при детях с малолетства их гофмейстеров

и гофмейстерин, воспитать их худо, можно, употребивши многие тысячи на их воспитание, не сделать, однако, ничего к истинному их благу: а именно, когда все сии распоряжения употребляются на то, чтоб сообщить им некоторые знания и способности, которыми бы могли они блистать в свете; а первое, великое, толь много в себе заключающее дело воспитания, то есть образование сердца, пренебрегается; когда вместо того, чтоб приучать разум их к правильному размышлению и вести к познанию истины и добра, наполняют головы их ветром, и вместо того, чтоб очистить волю их и направить склонности к добру, благородству и величеству, делают сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупости и к пороку. Без сомнения, трудно будет доказать некоторым родителям возможность сего в таких семействах, в которых дети имеют гофмейстеров и гофмейстерин; но сию-то самую доверенность к своим распоряжениям, сие-то самое неосновательное успокоение, воображая себе, что они для воспитания детей своих сделали уже все, давши им гофмейстеров и гофмейстерин, сие-то, во-первых, и должно им откинуть; впрочем же, может быть, круг собственных их знакомств представит им говорящие доказательства помянутого. Между тем истинно то, что воспитание есть весьма запутанное, трудное дело, в котором весьма удобно и различно можно что-нибудь упустить и в котором, однако, всякое упущение причиняет вечный вред, если не будет примечено и поправлено заблаговременно. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себе многие знания и в исполнении требующая много наблюдательного духа, внимания и просвещенного практического рассудка. И так никто не рождается с нею; и не постигают ее также в течение жизни, подобной жизни какого-либо растения или бабочки; но должно научиться ей из благовыбранного чтения, из опыта и размышления. Посему неудивительно, что сия наука (она называется педагогикою) еще мало известна; неудивительно и то, что она особенно неизвестна тому классу людей, которым здесь обыкновенно поручается приватное воспитание, и, может быть, иногда по недостатку лучших и должно быть поручаемо; но неудивительно ж и то, что воспитание во многих домах еще худо.

Сии рассуждения и печальный опыт того, что книги мало еще читаются, что всегда еще ложная бережливость, нерачительное расположение времени, излишняя склонность к увеселениям или что бы то ни было препятствуют успехам вкуса в чтении и в полезных знаниях; сии рассуждения и опыт привели нас к намерению сделать чрез публичные «Ведомости» известными те правила и положения воспитания, без знания и исполнения которых все распоряжения и все издержки по большей части бесплодны. Мы будем при сем справляться с лучши-

ми сочинениями иностранных * и порадуемся, если возможем споспешествовать на сем пути просвещению и возбудить всеобщее постоянное желание к сему великому важному делу.

О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удастся и почти тогда только и бывает хорошо исполнено, когда сначала представить себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступленном в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в толь важном деле воспитания! И так исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного о предмете воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешествовать благополучию детей; должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан, то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим, что все сии особенные намерения никак не могут быть главным воспитанием предметом и что сей, напротив того, не в чем ином

* Одно из преимущественных сих сочинений, а именно: англичанина Локка рассуждения о воспитании давно уже переведено на российский язык ¹; но много ли его читают?

состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если б, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего только ученым; или если б другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника либо купца, то все сии отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько истинному благу детей своих; ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание; но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности государству не совершенное сделали бы чрез то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин.

И так все сии и подобные особенные намерения², или образования к известному состоянию, никоим образом не составляют главного предмета воспитания. Никакой отец не может хвалиться исполнением должности воспитателя, достигнувши с детьми своими до цели того или другого из сих намерений или нескольких вкупе. Они суть посторонние предметы, которые, яко средства к главному предмету, могут быть хороши и похвальны по свойству обстоятельств*; но главный предмет воспитания, как мы уже сказали, есть тот, чтоб образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами. Все иные определения, будучи слишком несовершенны, не могут даны быть столь пространному воспитанию; сие только одно заключает в себе его во всей обширности. Теперь поступим далее в нашем исследовании.

Мы думаем, что продолженным доселе разысканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, чтоб воспитать детей своих самолучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного пра-

* Мы говорим: по свойству обстоятельств; ибо не всегда, не во всех обстоятельствах бывают сии особенные намерения хороши и похвальны. Напр[имер], не только не хорошо и не похвально, но и весьма глупо было бы, если бы отец, имеющий сына с природы глупого, захотел его сделать ученым человеком; или если б другой захотел воспитать художником либо виртуозом сына, призываемого порокою и богатством к политическим делам и в большой свет; или если б иной намерился образовать сына светским человеком, несходственно ни с порокою, ни с имуществом своим. Тогда только сии особенные намерения хороши и похвальны, когда соразмерны обстоятельствам родителей и детей; ибо тогда бывают они не только весьма пристойными, но и нужными средствами к споспешествованию главному предмету воспитания, как то вскоре мы покажем.

вила воспитания можем мы приблизить к ним ту довольно отдаленную цель, то есть проводить их по сему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость одного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами. При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здравия и крепости, так слабости и болезней тела. И так оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле, или должность родителей стараться о том, чтоб дети их имели здоровое и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляя его домогаться чужого имения, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствованиями религии, что помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юншестве. Из сего следует вторая, главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познаний, высший или низший степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках³; просвещение разума вообще споспешествует высокому степени человеческого благополучия, и, наконец, всякий человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третья главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение или образование разума.

И так имеет воспитание три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума.

Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть:

«Воспитывай детей твоих счастливыми и полезными гражданами».

Каждая из сих трех частей имеет особенные свои правила, положения и действия, без которых не может она хорошо быть исполнена и которые впоследствии предложим мы по принятому здесь разделению.

Может быть, нечто из того покажется некоторым из читателей наших странно или совсем смешно, так, как теперь то, что мы образование тела причисляем к науке воспитательной; потому что бывают родители, воображающие себе, что к телесному воспитанию ничто более не нужно, как только хорошо кормить детей. Неприятно, может стать, иным родителям будет и то, что мы, по свойству самой материи, откровенно представляя доброе и похвальное при воспитании или вредное и хулы достойное, упомянем о таких злоупотреблениях, которым и они причастны. Однако предмет наш не есть тот, чтоб сокращать время нашим читателям или усыплять их во вредных предрассудках: но с искренним и чистосердечным намерением стараемся мы сделать известною общепользую и нужную истину. Посему не можем мы заботиться о всем том и должны еще по совести избегать рачительно всего, могущего споспешествовать сну греховному, столь вредному во всяком пункте правочения.

Теперь, при конце первого отделения, повторим вкратце сказанное нами досель. В самом начале видели мы, что воспитание детей весьма важно как для государства, так и для всякой особенной фамилии; видели, что родители тройкую имеют обязанность воспитывать детей самым лучшим образом; притом представили как благодетельные следствия доброго воспитания, так и печальные следствия воспитания пренебреженного. Доказавши таким образом необходимость самого лучшего воспитания детей, старались узнать сперва вообще сие самолучшее воспитание. На сей конец старались сыскать то, какое последнее или главное намерение должны иметь родители при воспитании, или, другими словами сказать, какой есть всеобщий и последний предмет воспитания. Сие исследование сперва показало нам, что все особенные намерения, обыкновенно при воспитании бывающие и за главное дело почитаемые, не суть главное дело или главный предмет оного. Оно показало нам, что сии суть посторонние дела, которые по обстоятельствам хотя и могут быть добрыми и похвальными, но как исполнение их не исчерпает еще родительской при воспитании должности, то не суть они главный предмет и, яко посторонние предметы, тогда только могут быть действительно хороши и похвальны, когда употреб-

ляются пристойно, то есть сходственно с обстоятельствами родителей и детей, и служат посредством ко главному предмету. Потом открылось нам из сего исследования, что последний главный предмет воспитания есть тот, чтоб «образовать детей своих счастливыми людьми и полезными гражданами». Сие положение признали мы всеобщим главным предметом воспитания и, рассуждая о воспитании как о науке, всеобщим и первым в оном правилом. О справедливости сего положения уверились мы, нашедши при исследовании его то, что оно исчерпает всю родительскую при воспитании детей должность и заключает в себе все главные части воспитания. Сих главных частей нашли мы три (физическое, нравственное и разумное воспитание) и узнали главное содержание каждой из них, или предмет их, и связь его с главным предметом. Чрез сие стала известна обширность воспитания в первоначертании; причем также увидели мы, что сии три главные части воспитания и между собою столь же близкую имеют связь, сколь натурально проистекают они из упомянутого главного предмета, или из первоначального положения.

И так из сказанного нами до сих пор не более сего только узнали мы о воспитании! В самом деле, это не много, а в сравнении с целым еще и мало. Взявши все вместе, не более еще узнали мы, как только необходимость, главный предмет и обширность воспитания: не знаем еще ничего о подлинном пропавшем оного; ничего о том, чему вместе и особенно быть или чего избегать надлежит. И так бесспорно стоим мы еще только при входе. Но либо мы весьма обманываемся, либо всеобщие понятия, которые написали мы здесь наперед в порядке их и связи для проложения себе пути, могут большей части читателей наших быть весьма полезными. Они могут, по мнению нашему, не только объяснить и исправить вообще понятия о важном сем деле, но и довольно ясно показать единый путь, ведущий к цели. Они могут показать, что несправедливо делают все те родители, которые либо стараются образовать один только разум детей своих и пренебрегают столь нужное образование сердца; либо при образовании разума не рассуждают совсем о будущем вероятном определении детей; либо по нерачению или по худым обыкновениям при физическом воспитании воспитывают их нездоровыми; или, наконец, столь неискусно поступают при воспитании, что пренебрегают все существенное оного, а стараются, напротив того, вперить в детей своих только такие познания и способности, которые, падая более всех прочих в глаза, ласкают собственной их суетности, но разум и сердце детей если сами собою не портят, то по крайней мере оставляют без всякого образования. В прочем могут сии всеобщие понятия истребить то заблуждение, будто можно хорошо

воспитать детей своих и без знаний, без размышления и без многого попечения. Они сделают, напротив того, понятным то, что для сего дела, столь много объемлющего, столь много различных требующего действий и столько лет продолжающегося, нужны не только некоторые знания но и многое внимание, многое размышление и многая осторожность, если надобно исполнить его хорошо. Наконец, могут предположенные здесь всеобщие рассуждения, а особливо разделения воспитания на три главные его части быть руководством, по которому можем мы удобнее расположить особенные правила оного, а читателям нашим удобнее будет найти их.

Но не можем еще мы последовать сему руководству, видя на пути нашем различные другие камни преткновения, вообще препятствующие воспитанию, так, как и упомянутое поведение о важности, предмете и обширности доброго воспитания. И так потребно нам постараться отвратить в особенном отделении сии препятствия, прежде нежели приступим к собственному изъяснению особенных частей воспитания.

О некоторых главных препятствиях доброму воспитанию

Бывают при воспитании предметы, не составляющие самого воспитания, но принадлежащие только к распорядкам оного, однако имеющие превеликое влияние в образовании детей, так, что становятся они действительными вспомогательными средствами или препятствиями доброму воспитанию, по доброму или худому их расположению. Некоторые из них таковы, что влияние их в образование детей всякому видно или видно быть должно; другие ж, напротив того, кажутся столь отдаленными от существенности воспитания, что немногие усматривают связь их с оною или влияние их в образование детей; однакож, несмотря на то, бывает оно велико и не подвержено сомнению.

Мы думаем, что по многим причинам полезно будет собрать все сии предметы в особенном отделении и поставить здесь наперед то, что имеем мы о том сказать, яко нужные предварительные познания о некоторых главных препятствиях воспитанию, хотя и могли бы мы о них говорить порознь при каждой главной части воспитания.

Вообще принадлежат сюда: 1) род жизни родителей, 2) внутреннее учреждение домостроительства, 3) поступки родительские с гофмейстерами и гофмейстершами и, наконец, 4) выбор сих самых особ.

И так будем мы в настоящем отделении говорить о сих предметах и о связи их с воспитанием. Мы еще предварительно по-

вторяем о них вообще, что все они вместе и порознь по доброму или худому обстоятельству их бывают вспомогательными средствами или препятствиями воспитанию.

Во-первых: род жизни родителей тогда бывает препятствием воспитанию, когда они либо преданы каким-нибудь грубым порокам, либо живут столь рассеянно и легкомысленно, что не имеют времени на полезное и образовательное с детьми своими обхождение. Ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между всеми другими примерами ничей другой в них не впечатлевается глубже и тверже примера родителей. Мы желаем, чтоб читатели наши глубоко вкоренили в сердца свои сие положение, подтвержденное опытом во все времена. Оно есть одна из великих истин, касающихся до воспитания, которые весьма полезны для всего нравственного образования детей и которых никогда не можно потерять из вида без великого вреда.

Родители должны быть детям почтеннее всех других особ⁴, которых сии имеют случай видеть; ибо совершенная зависимость от родителей, чувствуемая ежедневно детьми, весьма натурально сама собою приводит их к сей должности, хотя бы родители не употребляли никакого к тому посредства, никакого наставления и увещания. Сие чувствование может утешено быть в детях чрезвычайно только и беспрерывно развращенным поведением родителей, и непочтение их к сим надежно можно почесть неложным знаком весьма худого воспитания; столь натурально детям сие чувствование! Но посему же натуральна и сила примера родительского во младых, всяким впечатлениям отверзтых сердцах детей! Того ради весьма удобно образовать детское сердце, если пример родителей хорош и нравоучителен; того ради опытом изведено, что бедные родители, не могущие употребить никакого или довольного изживения на воспитание своих детей, часто воспитывают их лучшими людьми, нежели многие богатые и знатные. Но от того же происходит и великая трудность или паче невозможность вкоренить в детей добродетельные склонности и способности, когда пример родителей личного им не показывает, кроме грубейших или легчайших пороков. Где отец расточитель или картежник, где мать ведет распутную жизнь или где оба сребролюбивы, несправедливы, немилостивы и жестокосердны к ближнему, там умеренность, бережливость, целомудрие и супружеская верность, справедливость, человеколюбие и щедрость неизвестные суть для детей добродетели, и гофмейстеры и гофмейстеринны не воспрепятствуют им предаться еще в детстве тому либо другому из сих пороков, к которому лета их склоняют их будут. Однако мы пишем для просвещенного состояния людей; и так предположим лучше, что для таких прубых пороков не нужны наши напоминания,

а особливо когда опасность примера в сем случае всякому самому падает в глаза.

Но и кроме грубых пороков со стороны родителей бывает жизнь их препятствием воспитанию, если проводят они ее в таком рассеянии и легкомыслии, что никогда не упражняются ни в чем важном и не имеют времени на обхождение с детьми своими. Не нужно, чтоб родители всегда упражнялись в трудах или большую часть дня посвящали своим детям; ибо, бесспорно, могут они позволенным образом наслаждаться своим имением и состоянием без противности доброму воспитанию. Но непременно нужно, чтоб все родители подавали детям своим пример полезного упражнения и никогда не были бы образцом пропания своей жизни или проведения ее в безделках и чтоб они хотя один час в день содействовали воспитанию своих детей приличным сему предмету с ними разговором. И так, если сын знает, что отец его на несколько часов в день занимается в кабинете своим важным чтением или письмом либо чем-нибудь иным; а дочь равным образом видит мать свою упражняющуюся в домостроительстве, пристойном рукоделии или тому подобном; то сего довольно уже для отвращения худого примера у таких родителей, которые содержат для детей гофмейстеров и гофмейстерин. Притом если родители, как сказано, хотя один час в день помогают гофмейстеру в воспитании сходственно с предметом и если гофмейстер искусен в своем деле, то может он удобно сделать безвредными прочие рассеяния жизни родителей, к которым их принуждает или прельщает их состояние. Напротив того, где время до полудня препровождается во сне или в безделках, а остаток дня за столом и за карточною игрою, там натурально бывает то, что дети получают отвращение от всякого важного упражнения, что они кушанье, питье, сон, убирание, визиты и карточную игру почитают определением человека, или по крайней мере своим, и что им смешно кажется, когда гофмейстер хочет уговорить их к другому, несколько труднейшему. От сего происходит то, что утверждается в детях несчастливый тот характер, который особенно часто находится в молодых знатных людях; та сибаритская нежность, расслабляющая человека, делающая его неспособным ко всякому славному делу и заставляющая его сугубо чувствовать всякое несчастье, всякое беспокойство в жизни; та леность почитающая сон за высочайшее благо и унижающая состояние человеческое до скотского; та рассеянность, отвращающая от всякого важного и полезного упражнения, любящая только ненатуральное и маловажное, гоняющаяся всегда за радостями, однако не ведущая истинных радостей и таким образом ввергающая человека в дурачества и распутства, а особливо в несчастное пристрастие к карточной игре, которая разоряет фами-

лин.— Если б такие родители знали, сколь велика и чиста та радость, когда наблюдаешь младые детские души по всем степеням их развития, испытываешь и управляешь их склонности, берешь участие в невинных их забавах и когда при некоторых случаях справедливо можешь сказать: этот бодрый, трудолюбивый мальчик, эта тихая, кроткая, прелестная девушка воспитана тобою! — тогда бы собственная склонность побудила сих родителей к частейшему обхождению с детьми своими и отвлекла бы их чрез то от рассеянной их жизни. Но как все сердце их занято искусными и шумными утехами большого света, то не знают они сего, то не в состоянии они чувствовать сии чистые натуральные утехи. И так должны они против склонности своей, по рассуждению и по родительской обязанности, по крайней мере переменить несколько жизнь свою; самый пример равных им состоянием бездетных людей не может их извинить, ибо родители беспрекословно более имеют причин располагать рачительно жизнь свою, нежели другие.

Во-вторых: внутреннее учреждение домостроительства тогда бывает препятствием воспитанию, когда оно не подает примера известных гражданских или общественных добродетелей, к которым собственно детей воспитывать надлежит. Всякое домостроительство есть небольшое правление, в котором дети могут видеть примеры разных отношений, разных дел, образа исполнения оных и пр. Сии примеры по доброте или худобе своей делают доброе или худое впечатление в детях; а сие впечатление бывает образовательно потому, что пример бывает непреременен, беспрерывен и подкрепляем уважением родителей. Мы разумеем здесь наипаче порядок и чистоту. Порядок есть душа всех дел, облегчитель всех трудностей, споспешествователь разным удобствам и приятному жизни наслаждению и охранитель наш от многообразных досад. А чистота (во всей своей окружности) утончает вообще чувствования, возвышает красоту тела, споспешествует здоровью и делает человека приятным в обществах. Неопрятным человеком, а особливо женщиною, гнушаются общества, и он бывает всегда человек грубых чувств *. И так порядок и чистота суть два свойства, к которым собственно детей воспитывать надлежит. Сии свойства принадлежат также к обыкновеннейшим ежедневным делам, и потому всякое домостроительство ежедневно показывает либо образец их, либо противность. Невозможно описать всех особенных случаев, при

* Есть книга о гнусных обычаях в Польше, под заглавием: «Оранг-утанг». Если половина того истина, что говорится в оной о польских господах, то никто не придет в искушение жениться на польской уроженке. Потому книга сия и другим женщинам может служить великим увещанием об опрятности.

которых в домоустроительстве можно подать детям худой пример беспорядка и нечистоты; но нужно нам коснуться до некоторых из них, дабы можно было нас выразуметь и дабы возбудить внимание на некоторые беспорядки, почитаемые обыкновенно малостями. Здесь разумеем мы наипаче беспорядки, которые производят по большей части слуги, а господа либо по небрежению, либо по снисходительности, либо по ложной бережливости просматривают или еще и сами подают оным повод. Они оказываются во многоразличных малостях исполнения домашних потребностей, услужения, присмотра за столом и т. д. Где во всех сих принадлежностях является порядок и чистота, где всякий приказ господ исполняется тщательно, всякая потребность доставляется в надлежащее время, где нет никакого недостатка и пр., там легко приучить и детей к порядку и чистоте, ибо они видят ежедневно пред глазами подтвердительный пример. Напротив того, где слуга на всякий приказ отвечает: «тотчас», а исполняет его спустя два или три часа или совсем не исполняет, не бывая за то наказан; где дворецкий не прежде покупает дрова, как пока сгорят последние, и тем заставляет гофмейстера и детей полдня зябнуть; где лакей чистит башмаки или сапоги молодого своего господина рукою и слюною, для того что щетку должен бы он купить на свои деньги; где при столе прислуживают мужики, причиняющие всякому благовоспитанному человеку омерзение⁵; где дети вне дома ходят в драгоценных нарядных платьях, а дома в изорванных и запачканных; где постели детские скудны и пачисты; где пол или печь употребляются вместо кровати, а платье вместо одеяла, и т. п. и где, наконец, все сие не однажды только или дважды бывает, но издавна в обыкновении и родителями одобряется, — там можно ли надеяться, чтоб дети если не вообще лишены были всех тонких чувств, то по крайней мере порядок и чистоту не почитали весьма обходимыми и беспокойными добродетелями. Ибо сколь маловажны и низки ни кажутся упомянутые здесь вещи, однако известно, что нет ничего маловажного и низкого, что не споспешествовало бы или не препятствовало достижению великих предметов, и что в воспитании самые большие предметы достигаются чрез множество малых средств. И по сему весьма несомненная и преполезная истина есть то, что воспитание подобно сложной машине, в которой составлены многие разные пружины и колеса, которым надобно приводить в движение одному другое, если должно воспоследовать потребное действие.

В-третьих: поступки родителей с гофмейстерами и гофмейстеринами бывают вспомогательными способами или препятствиями воспитанию, по тому, когда сии особы в своей службе родителями ободряются или подвергаются скуке, а детское к ним уважение либо споспешествуемо и подкрепляемо, либо ослаб-

ляемо и совсем истребляемо бывает. Препятствие воспитанию находится особенно в следующих трех случаях:

1. Когда родители не держат гофмейстерам и гофмейстеринам своего слова либо в плате договорных денег, либо в доставлении им прочих небольших потребностей.

2. Когда они по ложной и неблагородной бережливости не хотят доставлять им нужных принадлежностей, касающихся до наставления и воспитания.

3. Когда они презрительно обходятся с сими особами или слуг своих допускают презрительно с ними обходиться.

Рассуждая по нравоучению, первый случай есть не менее, как грубая несправедливость и действительная бесчестность; ибо он есть точно то, что священное писание называет *молотящего вола оборотаги* ⁶. Гофмейстеры и гофмейстерины, поручая время свое и силы какой-нибудь фамилии, надеются на честь ее. Однако не довольно того, что сей поступок несправедлив и постыден; но и в рассуждении предмета воспитания весьма неблагоприятен: ибо сим особам приносит он пудовольствие и досаду, а чрез то вредит детям и самим родителям. Может быть, никакое дело не требует столь много доброй воли и такого непрерывного спокойствия души, как должность воспитателя и учителя. Без оных сих свойств не может гофмейстер сделать того, что сделать ему надлежит. Хотя может он и без доброй воли и спокойствия души исполнять свою должность, ибо всякие должности могут отправляемы быть многоразличными образами: но, без сомнения, будет он во всем поступать худо. Но только поставление будет безуспешно, ибо в оном главное дело есть то, чтоб учение детям облегчить и сделать забавным, что без великого внимания и снисхождения учителя, так, как и сие без доброй его воли не возможно: но и образование сердца подвергнется опасности, ибо оно еще большего требует внимания, нежели учение, и еще более зависит от гофмейстерово с детьми обхождения, нежели от его наставлений.

Но как же можно надеяться ⁷, чтоб гофмейстер удержал сии свойства, столь нужные для блага детей, и чтоб не возымел негодования и досады, когда сами родители столь мало доброй воли ему оказывают и строят или допускают строить ковы на первые неоспоримые его права? Чаше всего случается сие при тех небольших потребностях, исполнение которых зависит от дворецкого и от слуг. Невероятным коварством и непристойностям подвержены при сем в некоторых домах гофмейстеры: либо должны они рачительно снискивать дружбу тех тварей, которую не могут приобрести иначе, как поя их всякий день водкою; либо не могут доставать удобно ни одной потребности. Мы видали контракты, в которых упомянуто было о самых маловажных безделках и положен об оных договор, для того

что прежний гофмейстер, не употребивший сея (часто бесполезною бывающей) предосторожности, был их лишен. Поистине непонятно, как могут некоторые родители унизиться до столь же неблагородного, сколь и несправедливого поступка. Не можно извинить одного и тогда, когда худ гофмейстер; ибо худой гофмейстер без доброй воли станет воспитывать еще хуже; а что будет с детьми, когда он унижится до того подлого средства, которым может защититься от скупости или худого домостроительства господ? Если ж он честный и благородномыслящий человек, то такой с ним поступок есть самая грубая несправедливость, ибо он никоим образом не заслуживает лишен быть своих потребностей и того, чтоб честь его отдана была на поругание слугам. Худых гофмейстеров надлежит родителям чем скорее, тем лучше выслать из дому и скрытно нести наказание за то, что избрали худого человека. Но всем без изъятия, пока находятся они при детях, должно отдавать принадлежащее им добровольно, порядочно, без ругательства и без коварства.

Еще бывают поступки родительские с гофмейстером препятствием воспитанию тогда, когда родители отрекаются доставать нужные книги и другие орудия воспитания и паставления. Надлежало бы написать целую книгу, если б захотели мы исчислять все вредные следствия, производимые в некоторых домах худо выраженной бережливостию: здоровье, порядок и чистота, воспитание детей, спокойствие домашних — все приносимо бывает на жертву сей безрассудной ложной бережливости. И так остановимся только при предлагаемом нам теперь случае. Вред, происходящий от одного, состоит в том, что гофмейстеру наносится досада и делается препятствие тому добру, которое могут и должны произвести требуемые гофмейстером орудия воспитания. Никакой художник ремесленник не может ничего сделать без надобных ему орудий; и есть пословица: *ученик без книги, как солдат без ружья*. Однако в некоторых домах терпят гофмейстеры и в книгах недостаток. Грамматики и лексиконы почти одни признаются всеми за необходимые без противоречия. — Не трудно вразумить некоторым родителям то, что нужны также книги, касающиеся до наук, и кроме сих всякого рода книги для чтения. Иные родители требуют даже того, чтоб гофмейстер покупал книги на свои деньги; или по крайней мере не могут понять, для чего трем детям не одна надобна грамматика и не один лексикон. Если же еще требуются другие орудия кроме книг, например: эстампы, земные и небесные глобусы, математические инструменты и тому подобное, то такие родители неотменно полагают, что можно обойтись и без сих вещей или что гофмейстер должен достать их за свои деньги. Даже и тогда, когда надобны для употребления детям самые последние малости, как то: черная доска, письменный столик

и тому подобное, отказывают гофмейстеру, почитая сии вещи обходимыми, или поручают купить их дворецкому; что обоим равно бывает. Дворецкий, уверен будучи еще более господ своих о ненужности сих вещей, либо совсем не исполняет приказа, либо исполняет его столь медлительно, что черная доска и столик бывают куплены тогда уже, когда гофмейстер отстанет от того дома. Однако черная доска и крепкий, покойный письменный столик гораздо полезнее и нужнее двадцати других вещей в доме, которые стократно дороже: ибо на такой доске можно многое удобно объяснить детям, что иначе бывает трудно или совсем непонятно; а от писания за столом слишком высоким, или низким, или стоящим не твердо делаются дети нездоровыми. И так весьма несправедливо поступают родители, отказывая гофмейстеру и в таких малостях, требуемых им явно для пользы детей, и подвергая его притом шikanствам такого мужика, которому ни об одном деле гофмейстера судить надлежало бы не позволять. Не только такие малости, но и все, что гофмейстер для детей ни потребует, должны родители охотно и с приязнию ему доставлять по первому его слову и благодарить еще ему, что он печется о том, что к пользе детей служить может. Ибо в противном случае, без сомнения, покинет он сие попечение, будет пробавляться по желанию родителей и детей также оставит пробавляться как-нибудь в учении *.

Но гораздо обыкновеннейшим и важнейшим препятствием воспитанию бывают поступки родителей тогда, когда они презрительно с гофмейстером обходятся и слуг своих презрительно поступать с ним допускают: ибо сие препятствует как учению, так и образованию сердца детей. Всякое образование, какое дети от гофмейстера получить могут, основывается на доверенности, которую они к нему имеют; а сия основывается на почтении, любви и уважении их к нему. Без сего доверенности не много может гофмейстер сделать с детьми. Ни наставления его, ни пример не произведут в них впечатления, потому что обоим кажется им столько неважным, что не прилагают они к тому внимания; а выговоры его и наказания, не исправля их, раздражат только против его: ибо людям, наипаче ж детям, не свойственно принимать без ненависти и к исправлению своему хулу и наказания от непочитаемого и нелюбимого человека. И так почтение, любовь и основанная на оных доверенность детей

* Сие пробавление вообще, принято будучи всеобщим правилом, есть весьма неблагоприятно и причиняет много вреда. Например: можно построить целый дом, не употребляя притом пилы. Но если топор будет заменять пилу, то не только пропадет над тем много времени, но еще рубкою по сплоченным уже бревнам связи и сплоты так опять разобьются, что дом развалится десятью годами прежде, нежели как последовало бы сие при порядочной постройке. Не изрядная ли это бережливость?

к гофмейстеру суть единственные подпоры всего добра, которое он сделать может. А родители опровергают сии подпоры, подкапывают совершенно основание всякого наставления и образования, обходясь презрительно с гофмейстером или допуская слуг презрительно с ним поступать. К кому дитя должно иметь почтение, того и отец и мать почитать должны. Сия истина столько же бессомненна, сколько и та, что все люди умереть должны. Но почтение их не в том состоит, чтоб оказывали они ему обыкновенную учтивость, а в том, чтоб поступали они с ним как с высокоценным другом их фамилии, чтоб они при детях своих никогда презрительно о нем не рассуждали, чтоб не требовали они от него такой униженной покорности, как от домашнего официанта или лакея, и чтоб они не позволяли сим людям никаких презрительных оказывать к нему поступок (которых бесчисленные примеры не возможно нам здесь исчислить). Дитя весьма удобно различает модное притворство обыкновенной учтивости от действительного почтения; оно не слушает увещаний гофмейстера и бывает упорно против его выговоров, как скоро приметит, что родители его презирают или что более уважают они дядьку и дворецкого, нежели его. Но при всем том в некоторых домах сии люди бывают судьями гофмейстеров, и от их приговора зависят все господские с сими поступки!

Но если гофмейстер не такой человек, с которым бы можно было поступать почтительно, так, как с другом фамилии? Мы отвечаем на сие: должно его оставить, а при выборе нового наблюдать то, что мы скажем теперь о избрании гофмейстеров.

Что худой гофмейстер великим бывает препятствием воспитанию, сие, по мнению нашему, столь же удобно усмотреть, как и то, что злая жена великим бывает препятствием домашнему благополучию. Однако никто отрицать не будет, что еще и ныне множество худых людей скитаются по здешним странам под сим именем. Необходимость учиться чужим языкам и не довольное число добрых собственных учителей принуждали родителей давать гофмейстерам великую плату; а сия привлекла в отечество наше множество чужестранцев, которые во всю жизнь свою и не помышляли о воспитании и наставлении детей, а еще менее читали нужные к тому книги, которые сами воспитаны были весьма худо и в отечестве своем питались самыми низкими ремеслами; но здесь все они принимаются за воспитание юношества, и некоторые знатную за то получают плату*.

* Для показания читателям нашим, что не одни мы так рассуждаем и что зло сие известно уже и в Германии, хотим мы выписать здесь одно место, могущее и с другой стороны быть полезно: «Если спросишь в Петербурге или в Москве французского парикмахера, что хочет начать он за 400 или 600 рублей с тем молодым господином, к которому принят он гофмейстером, то отвечает он, что хочет ему ouvrir l'esprit et former

Бесспорно привлекло сие в отечество наше и многих добрых людей; однако число худых и поныне еще гораздо превосходит число добрых, и потому весьма еще трудно выбрать доброго гофмейстера. Все сие известно родителям; однакож многие поступают при выборе гофмейстеров для детей своих столь легкомысленно, что принимают оных даже без университетского экзамена, по которому могли бы они по крайней мере увериться в том, что выбирают не совсем неспособного к столь важному делу человека. Особливо два предрассуждения приводят родителей в заблуждение при выборе гофмейстеров. Первое из оных то, что они требуют непременно такого гофмейстера, который бы совершенно исправно и чисто говорил по-французски; а другое, что воображают они, будто всякий урожденный француз имеет сие главное, по мнению их, свойство доброго гофмейстера. Обое суть предрассуждения, и весьма вредные, ибо от них дети часто выпадают в руки самых худых людей. По необходимости французского языка не можно опорочить родителей в том, что требуют они от гофмейстеров знания оного; однако если гофмейстер, имея основательное и философическое знание языка, не совсем неправильно произносит и если притом другие нужные знания и свойства доброго гофмейстера ему не чужды, — то крайняя тонкость и правильность произношения бывают тогда весьма маловажны, и родителям не должно на них смотреть. Ибо как гофмейстер, так и дети могут исправить выговор свой в светском обхождении; а при прочих свойствах доброго гофмейстера недостаток совершенно хорошего на французском языке произношения есть такая малость, что неразумно оставлять для оного в прочем исправного гофмейстера. Менее всех должны стараться о том такие родители, которые либо сами чисто и правильно говорят по-французски и, следственно, могут сами научить тому детей своих, либо живут в таких городах, где находятся особенные хорошие французского языка учителя.

Но весьма смешно, если родители воображают себе, будто надлежит только быть урожденным французом, дабы разуместь и говорить хорошо на сем языке. И во Франции, так же как и в других землях, чернь говорит худо своим языком, а разумеет его еще хуже: ибо знание всякого языка получается только

le souer⁸. Это известный хвастовской его ответ, выкраденный им откуда-нибудь; но в дальнейшее оного раздробление он не впускается. Да еще трудно и вразумить ему то, что раздробление сие полезно и нужно. Надлежит сперва неприметно представить ему понятия: *perigue, friser, cheveux*⁹ и потом изъяснить по аналогии, что к действительному решению всякой практической задачи, до чего бы она ни касалась, до сделанья ли парика или до открытия духа, потребно множество специальных правил, которые все должно знать для произведения их в действо (см. Versuch über den Kinder-Unterricht, S. 229, т. е. «Опыт о наставлении детей»).

из книг, а исправное произношение из обращения в хорошем сообществе; а обое сие не есть дело черни. И так находятся и между французами люди, говорящие своим языком столько же худо, как и здешние простолюдины говорят по-русски. Учитель, произносящий на сем языке совершенно хорошо, не может еще по тому быть хорошим оного учителем, а еще менее гофмейстером: ибо для первого потребно основательное и ученое знание языка, а к последнему принадлежат еще другие познания и свойства, которых худовоспитанные и неученые люди не имеют.

Родители, знающие истинную пользу свою при выборе гофмейстера¹⁰, наипаче должны пецись о следующем и стараться сколько возможно изведать:

1. правильно ли и чисто он рассуждает;
2. имеет ли он столько гибкости и уклонности в своем характере, чтоб поступать с детьми сообразно летам их (без ребячества в себе самом);
3. добронравный ли он человек по крайней мере вообще;
4. имеет ли он ясное и основательное (а не глубокое и странное) знание тех языков и наук, которым обучать должен;
5. может ли выговор его на тех языках быть по крайней мере сносен, то есть не быть преткновением и препятствием для детей;
6. может ли наружное поведение его служить образцом детям.

Вот главные свойства доброго гофмейстера, а не те, чтоб был он урожденный француз или чтоб имел крайнюю тонкость и исправность в произношении: ибо с обоими последними качествами можно быть худым гофмейстером.

Но все свойства сии вкупе, может быть, гораздо реже находятся в здешних гофмейстерах, нежели хорошее произношение французского языка. И так спрашивается: что надлежит делать родителям? Выписывать из чужих стран гофмейстера; не всякая фамилия имеет довольно на то достатка и случая; и часто по приезде выписанного гофмейстера оказывается, что в собственном отечестве можно было найти лучшего. Также бывает в сем случае то великое неудобство, что гофмейстер совсем не разумеет здешнего языка и не знает нравов и обычаев здешней нации. Сие неудобство столь важно для образования детей, что мы советовали бы всякой фамилии в таком случае содержать гофмейстера целый год вне своего дома и не требовать от него за то ничего более кроме того, чтоб учился он здешнему языку; ибо, не зная оного, бесспорно испортит он детей в один год более, нежели сколько в три года потом исправить их может.

И так при сих обстоятельствах бесспорно трудно найти хороших гофмейстеров. Но не возможно ли отворатить сию труд-

ность? Не можно ли самой здешней нации воспитать достойных домашних учителей и гофмейстеров? Разве хотим мы вечно оставлять воспитание детей наших чужестранцам? — Знающему российский язык известно, что оный все язычные у человека органы обделывает так, что россиянину не трудно научиться совершенно французскому и немецкому языкам, если он захочет. Сие подтверждаемо и опытом; ибо все наши единоплеменники, имевшие некоторый случай учиться из обхождения сим языкам, говорят на оных весьма исправно. Следовательно, необходимость французского и немецкого языков не препятствует нам иметь собственных достойных домашних учителей и гофмейстеров, и еще тем более, что в столичных городах премногие найдутся случаи научиться основательно обоим сим языкам и привыкнуть к правильному произношению оных чрез обхождение. И так отчего происходит то, что не имеем мы еще собственных хороших гофмейстеров, а должны исправлять сию должность чужестранцы?

По справедливости происходит сие от двух малостей, которые можем мы отвергнуть, как скоро захотим; они суть следующие:

Во-первых, что учащееся юношество не имеет случая посещать хорошие дома и в оных образоваться к гофмейстерскому состоянию.

Во-вторых, что самое гофмейстерское состояние если не презираемо, то по крайней мере не столько уважаемо, сколько оно заслуживает и сколько должно быть уважаемо, если надлежит произойти достойным гофмейстерам из собственной нашей нации и сделать чужестранцев ненужными.

Юношество наше может учиться всем языкам и всем наукам, нужным гофмейстеру: для сего в обоих столичных городах здешних преизрядные находятся заведения ¹¹. Но во всех училищах, семинариях и университетах не может молодой человек научиться тому поведению, которое для гофмейстера нужнее еще языков и наук. Сие может он приобрести, имея случай часто видеть и посещать общества благовоспитанных людей; ибо один только свет и обхождение вообще образуют человека, и особенно должны образовать того, кому других образовать надлежит. Но откуда должно учащееся наше юношество получать сей случай, когда дома благородных людей для его затворены? Молодые люди, имеющие в самой фамилии своей случай образоваться чрез обхождение с благовоспитанными людьми, не принимают гофмейстерских мест; а принимающие такие места живут либо дома в фамилиях, не имеющих такого обхождения, либо в семинариях и в единообразии академической жизни, в которой может образоваться ученый человек, но не гофмейстер. И так если тому классу людей, который

определяется для частных учителей и гофмейстеров, надлежит иметь случай к сему толь нужному образованию, то должен патриотизм вспомоществовать законодательной власти, то богатые и знатные люди должны отворить дома свои учащемуся юношеству, допускать их к своим столам и забавам и чрез то подавать им случай к тому образованию, которого не может дать публичное воспитание.

Но дабы образованные таким образом молодые люди возымали охоту принять на себя то звание, к которому они способны стали, и не предпочесть ему иных должностей, то нужно отвергнуть то презрение, в каком доселе, повидимому, находится гофмейстерское состояние, и дать ему тот степень почтения, который оно заслуживает. Если бы знатнейшие люди нашея нации приняли первое наше предложение отверзти дома свои учащемуся юношеству, то чрез сие панесен бы был первый удар тому весьма неразумному предрассуждению о людях, пекущихся о столь важном для народа и для особенных фамилий деле, каково есть воспитание детей. Но для совершенного истребления сего предрассудка или для оставления его одной черни потребно, чтоб знатные люди особенно старались сделать гофмейстерское состояние почтенным; чтоб они сего ради обходились уважительно со всяким искусным и честным гофмейстером, а поступающих противным образом презирали бы сами; чтобы опровергали с увещанием всякое несправедливое мнение о состоянии и достоинстве гофмейстера и чрез то распространяли бы между народом великую и нужную ту истину, что просвещенный и честный человек, воспитывающий хорошо детей какой-либо фамилии, много спешествует обществу благому и без чинов и титулов весьма достоин почтения и уважения.

Сим образом чрез несколько времени может перемениться несчастливое положение, в котором находится ныне родители в рассуждении гофмейстеров. Учащееся юношество получит от того случай образоваться к гофмейстерскому состоянию и в светском обращении, а молодые люди, образованные таким образом, не усомнятся посвятить себя состоянию, представляющему им честь и довольное пропитание. Чрез сие получит нация наша в короткое время достойных собственных гофмейстеров; а сии если не всех иностранных гофмейстеров сделают ненужными, то по крайней мере вытеснят худых и принудят их возвратиться к подлинному свосму званию.

Сим заключаем мы отделение о всеобщих главных препятствиях воспитанию и купно с оным всеобщие предварительные напominiновения к нашему предмету. Если мы не обманываемся, то предварительными сими нужными познаниями привели мы читателей наших в состояние с проицанием и уверением упо-

треблять особенные правила воспитания, которые предложим мы теперь по определенным трем главным онго частям. Также если желание соотечественников наших воспитывать детей своих самолучшим образом соразмерно доброй воле нашей споспешествовать сему, то смеем мы надеяться, что сказанное нами доселе и то, что скажем впредь, будет не проповедь в пустыне, но слово благословения, произнесенное в надлежащее время ¹².

О нравственном воспитании детей

Как любовь родителей к детям столь натуральное и столь сильное есть побуждение, как родители толь часто и толь охотно жертвуют собственным благополучием благополучию детей и некоторым образом живут более для них, нежели для самих себя, то есть причина удивляться тому, что они не более пекутся о воспитании их или в рассуждении онго столь многие и важные делают погрешности. Основание сего состоит *не столько в недостатке любви и нежности, как паче в ложных и несовершенных понятиях о воспитании*. А именно, должность сия часто ограничивается только тем, что пекутся о жизни и здравии детей; что научают их некоторым только механическим работам и искусствам; что отягощают память их множеством слов, которых они не разумеют; что наставляют их в правилах внешней благопристойности и учтивости; что остерегают их от грубых преступлений, влекущих за собой публичное поношение и казнь; что вооружают их против натуральной простоты и чистосердечия и приобучают к удержанию себя, притворству и ласкательству; что вперяют в них некоторые, по большей части ложные, представления о упражнении, удовольствиях и выгодах общественной жизни и стараются, наконец, каким-нибудь образом сделать их способными пешихь впредь о содержании себя или управлять полученным в наследство имуществом и утверждать свое состояние. В сих намерениях большая часть родителей не падает ни труда, ни изживения для споспешествования тому, что они называют благом своих детей, и чрез сие в самом деле много споспешествуют благосостоянию. И так нет ли причины надеяться, что они то же самое делали бы гораздо полезнейшим образом, если б сами имели справедливейшие представления о принадлежащем к воспитанию? Сие побудило нас показать, что подлинно требуется к воспитанию детей и как при том поступать должно. А именно, воспитание состоит наипаче в том, чтоб стараться образовать *разум* и *сердце* дитяти и чрез то самолучшим образом приводить его к *добродетели, религии и христианству*.

О образовании разума

Образовать разум, или дух, детей называется вперять в них справедливые представления о вещах и приучить их к такому образу мыслей и рассуждения, который соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми. Человек помощью разума своего может представлять себе не только то, что в нем самом происходит, но что и вне его; он может рассуждать о свойстве сих вещей, соединять их и отделять одну от другой и, сравнивая одну из них с другою, собирать новые представления, могущие до бесконечности быть умножаемы. Но натуральное расположение его не таково, чтоб он те вещи, которые познавать может, необходимо так себе представлять долженствовал, как они действительно суть, или чтоб не мог он заблуждаться в своем о них рассуждении, в сравнении их, в согласии или противоречии, им в них находимом. Он может окружающее его представлять себе с нескольких сторон, либо одной только стороны; он может почитать то большим или меньшим, лучшим или худшим, полезнейшим или вреднейшим, нежели каково оно в самом деле. Он может связывать вещи, никоим образом не совокупимые, а другие, неразрушимым связанные союзом, самовольно одну от другой отделять. Он может почитать одну вещь действием или причиною другой, когда, напротив того, они совсем никакого не имеют сообщения; и чем менее он упражнял силы разума, чем небрежнее и беспечнее употреблял их, тем чаще должен делать такие погрешности в размышлении, рассуждении и заключении. Сколь важно то, чтоб он в то время, когда начинает оказывать и употреблять свои силы, в употреблении их так был управяем, чтоб научился делать оное справедливейшим и самолучшим образом! А в сем и состоит образование разума детей. На пути, по которому достигают они до познания истины, нужен им благоразумный и опытный вождь, который бы не только остерегал их от всех распутий и в случае соращения возвращал, но и научил бы их избегать всех окольных дорог и лабиринтов и стремиться прямо к своей цели. Разум их должен быть не только упражняем и обогащаем разными познаниями, но и так упражняем, чтоб они мало-помалу приобретали способность исследовать и разбирать то, что они знать желают, удобно отличать истинное от ложного и при сих исследованиях и рассуждениях следовать всегда надежнейшим правилам и по кратчайшему итти пути. Но делается не столько посредством научения их сим правилам размышления и впечатления оных в память их, как наипаче посредством того, когда при всех случаях учат их примечать,

справедливо или несправедливо они мыслили и рассуждали и для чего то делали; также, когда обще с ними и соразмерно их возрасту думают, рассуждают, исследуют, сомневаются или решают. Сие делается посредством того, когда их мало-помалу делают внимательными к шествию собственного их духа и таким образом объявляют им основательные положения и правила, по коим он действует, и по собственному их опыту научают знать препятствия, задерживающие его в его действиях, и выгоды, облегчающие ему оные.

Сие всеобщее предписание понятнее будет чрез то, что устремит внимание читателей на особенные части вещи. Дело, о котором я говорю, весьма трудно; самолучших предписаний не довольно на предупреждение всех затруднений, при оном происходящих; а упражнение и в сем случае есть наилучший учитель. Между тем, по мнению моему, можно облегчить сие дело и трудиться с благополучнейшим успехом в образовании разума детей и воспитанников, когда родители, гофмейстеры и наставники будут наблюдать следующие правила.

Первое правило есть сие: *Не погашайте любопытство детей ваших или питомцев.* Само по себе не есть оно погрешность. Паче есть оно сильное побуждение и изрядный способ сделаться разумным и мудрым. Когда дети о чем-нибудь спрашивают или не довольствуются первым ответом, то обыкновенно по невежеству, либо гордости, либо лени, или угрюмости приказывают им молчать и попрекают их непристойным и достойным наказания любопытством*. Бесспорно должны они учиться скромности, а особливо тогда, когда находятся в сообществе чужих людей, пришедших не для них, но для их родителей. Но родители, надзиратели и наставники пропускали бы самолучший случай к научению их, требуя от них всегда того, чтоб были они только немymi слушателями. Нет, они должны, а если любят своих детей или воспитанников, то и удовольствие их будет состоять в том, чтоб отвечать на их вопросы не одними только угрюмыми словами: *да* или *нет*, но таким образом, чтоб они действительно научились тому, что узнать желают, и чтоб то кунно принесло им удовольствие. С радостию должно схватывать сей случай к упражнению размышления дитяти или юноши и посредством продолжения вопросов делать их самих изобретателями неизвестного еще им. Хотя бы вопросы их были и таковы, что родители или надзиратели не могли бы отвечать на оные**; однако сии должны не негодовать на то, но либо признаваться в своем неведении, либо извиняться вообще несовершенством человеческого познания, либо стараться вразу-

* Обыкновенно говорят тогда: «Детям не надобно все знать». Сие справедливо только отчасти.

** Напр.: «Откуда мы приходим».

мать спрашивающему, что ответ на его вопрос предполагает такие познания, которых он еще не имеет и иметь не может; но которыми некогда награжден будет за свое прилежание; если продолжит оное.

Второе правило есть сие: *Упражняйте детей ваших или воспитанников в употреблении чувств; научайте их чувствовать справедливо.* Впечатления, делаемые в нас внешними вещами посредством наших чувств, и представления, происходящие от того в душе нашей, суть якобы материалы, которые дух наш обрабатывает и на которых основываются наконец все познания и науки человеческие. Чем многообразнее, справедливее и полнее сии представления, тем более может дух упражняться в размышлении и тем удобнее и безопаснее может он подниматься к высочайшим и всеобщим познаниям. Но как мы чувственные вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлениям, делаемым в нас их присутствием, нежели по описаниям, какие делают нам о них словами, то не заставляйте детей ваших из книг или по изустному наставлению учиться тому, что они сами могут видеть, слышать и чувствовать; но показывайте им то действительно, как скоро и как часто будете находить к сему случай. Так, давайте им видеть и примечать красоты природы, чудеса царства растений и животных, многообразные воздушные явления, великолепие усеянного звездами неба и помогайте им мало-помалу различать и приводить в порядок множество темных представлений, теснящихся со всех сторон в их души. Но давайте им видеть все сие собственными глазами и чувствовать свойственным им образом и не ослабляйте получаемых ими от того впечатлений *неблаговременными* и *издалека занятыми* изъяснениями.

Водите их в дома и житницы крестьянина, в работные дома художников и рукодельцев; показывайте им там, как обрабатываются многообразные богатства земли, как готовятся они к употреблению для пользы и удовольствия человека; научайте их знать главнейшие орудия, к тому употребляемые, и почитать надлежащим образом людей, тем занимающихся. Сие откроет разуму их и рассудку, так как силе воображения и вымышления, многие обильные источники полезных и приятных размышлений. *При том упражняйте их всегда во внимательности.* Внимательность есть мать всякого основательного познания. Приучайте их не переходить слишком скоро от одной вещи к другой, всякую вещь рассматривать со многих, и если возможно, со всех сторон, смотреть не только на целое, но и на особенные части его. Хотя и не должно вам в первые годы воспитания утомлять внимание их, принуждая их останавливаться слишком долго при одной вещи, но желательно, чтоб вы мало-помалу чувственно уверяли их о великой пользе глубокого

внимания. Случай к сему могут подавать и самоналейшие вещи. Например: они удивляются изрядным краскам цветка или приятному его запаху и доволствуют тем. Научайте их тогда, сколь много других красот, сколь много признаков искусства и мудрости видит навывшее око знатока в составе цветка сего, в образе его листков, в свойстве его семяницы и пр. И так показывайте им часто, коль много еще могли бы они примечать при той или другой вещи, если б на долее при ней оставились. Сей способ упражнять и укреплять их внимательность, без сомнения, более над ними подействует, нежели самонавейшие увещания о должности и строжайшие наказания за унушение оной.

Третие ¹³: *Остерегайтесь подавать детям ложные или не доволно точно определенные понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать им совсем многих вещей, нежели несправедливо оные себе представлять*; гораздо лучше вам совсем отречься ответственать им на некоторые их вопросы, нежели давать двусмысленный и недостаточный ответ. В первом случае по крайней мере знают они то, что та вещь им неизвестна, и могут со временем помочь сему недостатку. В другом же случае, напротив того, думают они, что доволно уже уведомлены об оной вещи, и по сему самому остаются в неведении. К сему присовокупляется и то, что первые понятия, о натуральных или нравственных предметах нами получаемые, суть якобы основание всех прочих. Если они неопределенны и ложны, то распространится от того вредное влияние и на сии. Но коль обыкновенны чинимые в сем рассуждении погрешности! Думают, что всякий ответ на вопрос дитяти или молодого человека доволно хорош быть может. Часто не усомневаются вперять в них явные заблуждения, дабы только они замолчали. Утешаются тем, что впоследствии сами они узнают лучше сию вещь. Но надежда сия весьма обманчива. Первые впечатления продолжаются долее всех, соразмерны ли они истине или ведут к заблуждению. Хотя человек в постоянных летах и научается усматривать свои заблуждения, однако должен всегда весьма остерегаться, чтоб не вмешивались они непряметно в его представления и мнения и не обманывали бы его. Например, доставляют дитяти ложное понятие, что гром и молния суть действия и знаки божиего на человека негодования * и что они определены для устрашения и наказания обитателей земли! Сколь глубоко вкоренится сие мнение в детской душе! Сколь трудно будет такому человеку и в зрелом возрасте почитать действием премудрости и благодати божией то, что он столь долго признавал за очевидное

* Обыкновенно говорят тогда: «Бог гневается».

доказательство гнева его! А хотя юноша или муж и переменит первое заблуждение на сию истину, однако сколь часто впечатления, оставшиеся в нем от первых его представлений, будут против воли его свращать его к ложным заключениям или исполнять страхом и ужасом!

Не сия ли погрешность в воспитании, о которой я говорю, есть причина того, что столь трудно истребить некоторые роды суеверия и что оные часто преследуют чрез всю жизнь и тех людей, которые действительно усматривают глупость оных? *

Четвертое правило, тесную с предыдущим связь имеющее, есть сие: *Не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему или при недостатке других предполагаемых при том познаний разуместь не могут.* Не измеряйте детские способности по своим. Не делайте опытов паучать их таким вещам, которые сами вы едва понимать можете или о которых вы в поздные лета приобрели некоторые понятия посредством особенного напряжения своего духа. Например: тщетно стали бы вы стараться философскими доводами уверить их о начале мира, о необходимости первой и вечной оного причины, о духовной натуре души нашей и т. п. Такими стараниями сделали бы вы только наставление ваше для них скучным, и напрасно бы потеряли они свое время и свои силы. Самая память их не долго могла бы сохранять в себе слабые впечатления, полученные ею о таких непонятных вещах. То только, чему научаемся мы с уверением и при чем разум наш или сердце записывается, делает в нас такие впечатления, которых время загладить не может. И так не отягощайте память их знаками и словами, не доводя их купно до познания вещей, оными означаемых. Также не допускайте их употреблять такие слова, при которых они ни о чем не мыслят или мыслят совсем о другом, а не о том, что оными выражаемо быть должно. Когда услышите вы, что употребляют они такие слова и выражения, истинное значение которых чаятельно им еще не известно, то спрашивайте их, что они под тем разумеют; заставляйте их показывать вам те вещи, которые они означить тем хотят; или когда сие невозможно, то спрашивайте их о свойствах или действиях того; приводите их при сем на правый путь, представляйте им сколько возможно чаще сии свойства и действия; или если предмет таков, что не можете вы им показать либо как-нибудь иначе вразумить оные, то по крайней мере остерегайте их от злоупотребления сих слов и учите их почитать оные за пустой только звук, которого значение должны они научиться знать со временем. Столько ли было бы злоупотребляемо большею частию человеков дарование языка, слышимы ли бы были они столь часто говорящие надежным и скорым

* Как, напр., представление, что бог есть более самовластный господь, нежели премудрый и преблагой отец.

тоном о таких вещах, которых они либо совсем не понимают, либо сбивчивые только имеют о них понятия, если б они в детстве и юношестве приучены были к тому, чтоб при всяком слове мыслить что-либо определенное и прилагать внимание не ко знакам только, но паче к означаемым вещам? Но сколь редко наблюдается сие правило! Что обыкновеннее, как то, что слушают не твердо еще говорящих детей, употребляющих множество слов, которых понимать им невозможно, лепечущих, например, о воздухе, о душе, о существе, о духах, о божестве, о вере, о добродетели, не показывая им их неведения или не стараясь извлечь их несколько из одного? * Какое же следствие сего? Они продолжают употреблять сии слова иногда пристойно, иногда непристойно, по случаю и удаче; думают, что понимают их, и не мыслят еще и в мужественном возрасте при оных ничего или мыслят что-нибудь совсем ложное. Слова суть знаки богатств нашего духа; но сии богатства только воображаемы, и знаки сии подобны ложным монетам, когда не знаем мы их значения.

С сим предписанием соединяется пятое, не менее важное: *Старайтесь не только умножить и распространить их познание, но и сделать его основательным и верным.* Гораздо лучше им знать точно немногие вещи, нежели мелкое иметь познание о многих **. В сем рассуждении остерегайтесь от гордости, обыкновенно свойственной родителям и надзирателям. Часто думают они более о удовлетворении собственному тщеславию, нежели о споспешествовании истинному благу детей своих и питомцев. Они торжествуют о счастливом успехе своих стараний, когда сии могут говорить о многих и разных вещах с некоторою скоростью и смелостию, удивляющею немнящих слушателей; когда они в одно время занимаются многими искусствами и науками; когда они, будучи еще детьми или отроками, умеют отвечать на такие вопросы, на решение которых не отважились бы разумные и пожилые люди. Однако невозможно, чтоб разум, долженствующий обнимать столь многие и устремлять внимание на столь многоразличные вещи, различал все надлежащим образом и приобретал бы о всем основательное познание. Напротив того, приучит его сие смотреть на все беглыми глазами и ни в чем до основания не добираться. Избегайте сего погрешности, определенные к образованию и наставлению других человеков! *Научайте их мыслить основательно. Не учите их тому только, что какая-либо вещь существует и такие-то имеет свойства и действия; но также наставляйте их, сколько соиз-*

* Да мы и жалуемся еще, когда дети наши воспитаны не так безумно, как мы.

** О последнем пекутся бессмысленные учителя, старающиеся только хвастать воспитанниками своими пред их родителями.

мерно их понято, и в том, для чего вещь сия такова, а не иная, и для чего имеет она сии свойства и действия. Притом никогда по лености или самолюбию не требуйте от них, чтоб они верили во всем одним вашим словам и чтоб почитали они изречения ваши беспогрешными. Приучайте их паче мало-помалу, чтоб они сами спрашивали вас об основании того, что вы им сказываете, и признавали бы учения ваши за истинные не по уважению к вам, но по вашим доводам. Когда не будете вы наблюдать сие, то сделаются они либо сомнителями, либо слепыми последователями. Говоря прямо, не будут они ничего знать, но будут только уметь рассказывать то, что другие прежде их думали и сказывали.

Однако величайшее старание, которое могли бы вы прилагать к образованию разума детей ваших или учеников, мало доставило бы им истинной пользы, если б вы наставляли их только в познании, а не купно и в мудрости, в правильном одного употреблении состоящей. *Посему при всем, чему вы их научите, показывайте им употребление того, которое они для себя и для других делать могут и должны. Научайте их смотреть на все с практической стороны и при всех способных случаях производить то в действо. Преимущественно ж и беспрестанно старайтесь научать их судить право о цене вещей.* Сия есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всех наук вообще и которую никогда не можно вперить в человека слишком рано, если надлежит ей быть путеводительницею в его жизни. И так научайте детей ваших *примечать великое различие между внешними, преходящими, бранными благами и преимуществами и между теми, которые собственно нам принадлежат и которые мы навсегда сохраняем.* Научайте их *здравие и крепость тела ценить выше богатства и красоты, похвалу совести выше почтения и похвалы людской и добродетель и праводетельность выше богатства, чести, здравия и жизни.* Сии учения столь неоспоримы и самому дитяти столь понятными могут быть сделаны, что почти всегда родители только или надзиратели его виноваты бывают в том, когда оно иначе научается мыслить. Например, если удивляется оно блистанию, богатству, драгоценности какого-либо платья, то спрашивайте его иногда: *становится ли от того лучшим злой человек, его носящий? Может ли платье сие дать больному здравие, слабому силу, невежде ум и благоразумие. Не благороднее ли, доставляя отраду многим бедным, одеваться несколько хуже, нежели быть немилосердным, оставлять братьев своих томящихся в убожестве и гордиться сими украденными у них вещами? Если дитя слишком высоко ценит красоту, то показывайте ему других детей или взрослых особ, которые, менее пригожи будучи, более почтенны и любимы, ибо они кротчае, добросердечнее, благодетельнее и лучше; или*

научайте их знать таких особ, которые лишились красоты своею от разных приключений или которые при всей своей красоте презренны и ненавидимы для того, что не имеют доброй души и никаких действительных достоинств. Если надмевается дитя получаемыми собою похвалами, то показывайте ему при случае, сколь расточительно и безрассудно раздает большая часть людей похвалу свою; сколь часто хвалят люди то, чего они не знают, не уважают, не любят; сколь корыстолюбивы и переменчивы они в своем мнении, и так далее. Когда ж детям или воспитанникам вашим надлежит научиться право судить о сих и подобных сим вещах, о вы, назначенные от бога быть родителями и наставниками! *то не должны они слышать от вас никаких других, кроме справедливых, мнений.*

Но когда самих вас ослепляет блистание пышного платья, красоты или других таких наружных преимуществ *; когда сами вкусную пищу хвалите, яко изрядное и превосходное благо; когда сами вы много уважаете сии вещи и посредством ревности и важности, с какою поступаете с ними, великую прилагаете им цену; когда вы сами особенное оказываете почтение особам, хвастающимся такими преимуществами: то бесплодны будут и самолучшие наставления, которые вы можете давать о сем детям вашим в учебные часы или в другое время. Но когда сами вы поступаете в рассуждении сих вещей с некоторым благородным равнодушием, когда сами вы уважаете и почитаете истинное достоинство, под каким бы видом, в каком бы наряде и состоянии оно ни показывалось, то учения ваши, собственным вашим примером подкрепляемые, без сомнения изряднейшие принесут плоды.

Из сего следует еще следующее правило ¹⁴. *Оберегайте детей от скоропостижности в заключении и пользуйтесь всеми случаями посредством наблюдений доводить их до осторожности и точности в их заключениях и рассуждениях.* Коль много погрешностей может наделать человек, например, тогда, когда он почитает за действие и причину две вещи, вскоре одна за другою следующие или провождающие одна другую. Коль многие роды суеверия, коль многие заблуждения как в физике ¹⁵, так и в морали начало свое имеют и продолжаются единственно от сего скоропостижности. Например, правдивый человек, постигнутый тяжкими несчастьями и печалью, был ли бы столь часто почитаем лицемером, а безбожник, коему удаются его предприятия, любимцем небес, если бы по скоропостижности судьба человека не почиталась необходимым следствием доброго или худого его поведения, необманчивым признаком благово-

* Или когда сами вы хвалите детей за хороший их убор.

ления или неудовольствия божия? * Уроны, отягощения, страдания, которые добродетельный человек часто по случаю претерпевать и сносить должен бывает, приписываемы ли были бы самой добродетели и представляема ли бы она была под самыми неприятнейшими образами, если б по привычке не смотрели на все одно за другим последующее яко на вещи, необходимую имеющие связь? Основание ж сего преимущественно в первом находится воспитании. По крайней мере в оном можно его по большей части отворотить.

Коль трудно образование духа детей! Коликое внимание, коликая прилежность, коль неутомимое терпение, коликое снисхождение требуются к тому, чтоб дитя или юношу научить право чувствовать, право мыслить, право рассуждать! Коликой различности сих стараний требует различность способностей и склонностей человеческих! Часто надлежит видеть себя принужденна почти неплодородную обрабатывать землю, и коль удобно плевелы могут одержать верх и на доброй пашне!

Но чем труднее дело сие, тем более предприимлющий оное должен напрягать свои силы для благополучного совершения оного. *Самые величайшие трудности наконец преодолеваются, если всякий раз, когда они показываются, прилагается старание к истреблению их и если не упускается от внимания ни единая выгода, могущая облегчить победу.* Таково воспитание вообще; таково особенно образование духа детей. Огранича сие упражнение некоторыми только часами, а в другое время совсем его оставляя, если не совсем не достигнете вашего намерения, то по крайней мере достигнете его весьма несовершенно. Дух дитяти или юноши всегда в движении; и так всегда нужен ему надзиратель, путеводитель. Когда вы провождаете его, сколько возможно, неотступно; когда вы не только назначенные учебные часы, но также забавы и игры его почитаете и употребляете яко способы и случаи к образованию его разума; когда пользуетесь вы всяким случайным обстоятельством, могущим облегчить вам оное: то старания ваши, конечно, не будут тщетны, плоды их превзойдут ваше ожидание.

Сколь трудно и сколь много прилежности требует дело сие, столь же благородно и приятно оно. Что может пристойнее и что должно бы приятнее быть для разумного существа, как то, чтоб другому существу своего рода, в столь тесной связи с ним находящемуся, облегчать достижение до совершенства, к которому оно способно; примечать первые лучи восходящего разума его и многообразные действия сильнейшего и слабейшего света оного; помогать слабым стараниям еще колеблющегося его рассудка; споспешествовать могущему служить к успеху оного и

* О первом человеке говорят обыкновенно: «Бог его наказывает»; а о другом: «Бог его благословил».

отдалять могущее тому препятствовать; ссужать своими опытами еще безопытного и силами своими бессильного; отвращать препятствия, встречающиеся на пути его; предостерегать его от соделанных собою погрешностей; соделывать его знатоком и почитателем истины, право мыслящим и основательно рассуждающим человеком, истинным мудрецом? Сколь много должен получить от сего пользы и сам тот, кто охотно и прилежно оное делает, и коль много может он споспешествовать чрез то не только благу частных особ, но благу целых обществ!

Посему неважно ли и паче не весьма ли опасно оставлять часто и долго детей под надзиранием и в сообществе *людей, имеющих совсем грубый и занятый заблуждениями и предрассудками разум?* Чем могут такие люди споспешествовать образованию их духа? В состоянии ли они, при самолучшей воле, наблюдать правила осторожности, нами здесь предписанные? Может ли безопасно слепой водить другого? Не приучатся ли паче дети ваши в обхождении с ними употреблять слова, которых они не разумеют, судить о вещах, которых они не знают, соединять истинное с ложным, чудное предпочитать натуральному, таинственное понятному, решать по своемумыслию и без основания, утверждать упрямо свое мнение и ослепляться всяким блеском? С другой стороны, сколь много потеряете вы чрез то случаев наставлять их, ободрять и удерживать пользоваться теми счастливыми минутами, в которых дальнейший можно иметь успех, вывести из заблуждения и привести их к познанию истины? *О, будьте ревнительны к сему счастью и верьте, что родители или надзиратели никогда столько почтенны и велики не бывают, как имея при себе детей своих либо воспитанников и научая их наставлением и обхождением своим мудрости.* Сие соответственно вашему определению, сие угодно богу порядка, поставившему вас в сие состояние, и за такие только поступки можете вы надеяться благословения его в сем и на грады в будущем свете.

Но все преимущества духа, приобретаемые человеком чрез размышление и упражнение, все сведения, которые он посредством оных получить может, тогда только драгоценны бывают, когда он чрез них споспешествует собственному и других людей истинному благополучию. А сего не может он иначе делать, как следуя охотно и верно свету разума своего, не только мысля и рассуждая соразмерно истине, но и поступая соразмерно ж оной, не только различая справедливо добро от зла, но также любя и сниская первое, ненавидя ж и убегая другого. И как разум его и воля, мысли и поступки должны согласоваться друг с другом. Познание истины должно его приводить к любви и исполнению добродетели. Следовательно, разумное воспитание состоит не только в образовании разума, но и сердца.

О образовании сердца

1. Вообще

Образовать сердце детей называется устремлять склонности и желания их к самолучшим вещам, вливать в них владычествующую любовь ко всему тому, что истинно, справедливо и добро, и чрез то соделывать исполнение должности их для них удобным и приятным. Образование сердца, как всякий удобно усмотреть, может, предполагает образование духа, и хотя последнее может некоторым образом отделено быть от первого, однако сие без него быть не может. В натуре нашей основано, чтоб воля наша в большей части случаев следовала познаниям и предписаниям разума. *Мы желаем того только, что представляем себе добром; если ж иногда к добру мы беспристрастны или ненавидим его, а зла желаем и ищем, то почитаем мы тогда добро злом, а зло добром.* И так чем справедливее мыслим мы и рассуждаем и чем удобнее и натуральнее соделался для нас сей образ мыслить и рассуждать, тем справедливее будут определения нашей воли и происходящие от того желания и отвращения. Следовательно, чем рачительное обрабатывается и образуется разум дитяти или юноши, тем большего можно надеяться успеха в рассуждении образования его сердца. Сие образование по большей части в том только состоит, чтоб научить его: *все справедливые понятия и рассуждения*, ему доставленные или к достижению которых помоществуемо ему было, *употреблять при всем том, что касается до нравственного его поведения* и как до его собственного, так и других людей *благополучия*; чтоб облегчить ему употребление сие благоразумным воспользованием всеми благосклонными обстоятельствами; чтоб стараться ослаблять и отвращать внутренние или внешние препятствия, удерживающие его от последования познаниям своего разума или делающие оное для него трудным. В сем рассуждении должны и могут предпринимаемы быть разные упражнения и употребляемы, так сказать, разные искусства, которые весьма многообразны по различности особ, с коими дело имеет надлежит, и представляющихся случаев. Посему и невозможно в сочинении, назначенном для наставления многих, сказать все то, что всякому особенно знать и примечать нужно. И так должны мы ограничиться здесь некоторыми только всеобщими правилами благоразумного поведения при образовании сердца или нравственного свойства детей.

Первое правило есть сие: *Старайтесь узнать их сложение и располагать поступки свои по свойству оного.* Сложение есть якобы земля, которую обрабатывать должно, и различие земли

сея не столь велико, чтоб не скоро могло быть открыто. Более или менее живости и скорости в представлениях, более или менее чувствительности к добру и злу, к удовольствию и болезни, более или менее горячности в желаниях, более или менее склонности к спокойствию либо действительности, вот что составляет главную различность того, что можно назвать детским сложением. Все сии различности сложения могут вести как к добродетелям, так и к порокам. Главное попечение честных родителей и надзирателей есть то, чтоб примечать и споспешествовать первым и препятствовать другим. Великая живость, чувствительность, действительность суть изрядные свойства, когда устремляются они на добрые и достойные предметы и имеют путеводителем рассудок. *И так не должно всем истреблять их; но надлежит только всегда стараться дать им самолучшее устремление и удерживать их в пределах умеренности.* Живость духа должна употребляема быть на важные и полезные познания и науки; чувствительность сердца надлежит образовать к чувствованию всего того, что истинно изрядно, благородно и велико; а действительностию так управлять должно, чтоб она превратилась в ревнование быть услужливым и общепольным. Дети и молодые люди, имеющие сии свойства, часто и выразительно должны предостерегаемы быть от злоупотребления оных, и надлежит возбуждать внимание их ко злу, происходящему из такого злоупотребления как для них самих, так и для других. Напротив того, оказывающие в представлениях и действиях свои более медлительности, склонные более к лени и спокойствию и не столь удобно в движение приводимые не должны приводимы быть в уныние и заглушаемы огорчительными попреками или суровыми поступками. Натурально бывают они робки и не много доверяют самим себе. Того ради должно поступать с ними кротко и терпеливо, ободрять их, извлекать из искомого ими мрака и приводить часто в такие обстоятельства, которые способны сделать в них сильнейшие впечатления и якобы дать душе их новый полет. Всякое сложение нрава, как мы уже сказали, может доводить до погрешностей. Всякое желание может в беспорядочную превратиться страсть. Надзирайте только рачительно над детьми своими, вы, долженствующие образовать их сердце и наставлять их в добродетели! Не щадите никакой погрешности и трудитесь над исправлением оной, как скоро она окажется. Особенно старайтесь истребить первые злые движения и похотения, от сложения их происходящие, и не допускайте сделаться в них привычкою той погрешности или тому злу, к которому они по сложению своему сильнейшую имеют склонность; а когда такие привычки уже произойдут в них, то ни о чем более не печитесь, как о ослаблении и истреблении оных, представляя детям живо непристойность их и вредность,

отдаляя от них все случаи, могущие служить к утверждению оных, и заставляя их часто повторять противоположенные оным действия.

Во-вторых, *приучайте детей действовать по усмотрениям и причинам* ¹⁶, а не по слепым побуждениям или по одному своему мыслию. Делайте им понятным то, что сие есть великое преимущество, какос имеет человек пред неразумным скотом, и что человек, не употребляющий сие преимущество, унижает самого себя и поставляет в подлейший класс тварей. Спрашивайте их часто, *не повелительно, но доверенно и дружественно*: для чего они это делают, а того не делают? для чего некоторых особ отменно почитают и любят, других же, напротив того, презирают и убегают? для чего они из разных выгод и удовольствий, которые они могут иметь, выбирают те самые, а не другие? какие намерения имеют они при сих или других упражнениях и стараниях? и т. п. Старайтесь при том приобрести себе их доверенность, дабы открывали они вам мысли свои чистосердечно, а если они иногда будут отвечать на вопросы ваши только: «я сам этого не знаю», или «я не могу этого сказать», то не раздражайтесь сим, но помогайте им открывать причины их поступка, которых сами они часто не ведают; разговаривайте с ними дружественно о том деле, о котором речь идет, и о намерениях, какие при том иметь можно; рассуждайте обще с ними, как бы лучше можно поступить в том или в другом случае, как удобнее и надежнее можно получить успех в некоторых намерениях, и если сие касается не слишком до важных вещей, то допускайте их самих избирать и беспрепятственно следовать своему выбору, но после напоминайте им о погрешностях, какие они при том сделают, и о худых следствиях, от того происшедших.— Предписывая им какие-нибудь приказания, наставляйте их, если не во всех случаях, то по крайней мере в большей части оных, о истинных причинах и намерениях приказаний ваших *. Сказывайте им, для чего вы сие им приказываете, а то запрещаете, и старайтесь сделать для них понятным то, что *причины* ваши и намерения справедливы и хороши.— Когда, наконец, требуют сами они от вас некоторым образом отчета в собственном вашем поступке, когда спрашивают они у вас: для чего вы при некоторых случаях так либо иначе поступаете; для чего вы это теперь делаете, а в другое время оставляете? то не всегда отвергайте сии вопросы, яко действия наказания достойного любопытства, и не думайте, что, ответствовав на опые, потеряете вы несколько уважения вашего у них; показы-

* Или по крайней мере сказывайте им истинные причины и намерения приказаний ваших тогда, когда они их исполняют либо пренебрегут.

вайте им паче, что вы всегда стараетесь следовать правилам истины, порядка, умеренности и справедливости, и когда хотите, чтоб действовали они по усмотрениям и причинам, то берегитесь, что не имели они повода думать, что вы сами без причин и по одному своемыслию действуете *.

Третье: не довольствуйтесь сим, но и *научайте их действовать по добрым, самолучшим и благороднейшим причинам и с чистыми и благодетельными намерениями*. Остерегайтесь возбуждать только честолюбие их и поощрять их к прилежанию и должности всегда только представлением того, как другие люди о них судят, и добрых либо злых мнений, какие они о себе подать могут. Когда сие желание допустите вы соделаться влаждующею в них страстию, то они погибнут для истинного блаженства **. Понеже большая часть высочайших добродетелей должны исполняемы быть скрытно и без свидетелей, и кто не иначе счастлив, как по благосклонному о нем мнению людей, тот мало может надеяться совершенно удовольственных дней. Нет, тот только *добродетелен*, кто имеет независимую от суждений и мнений людских и всегда действительную склонность ко всему тому что справедливо и добро, и тот только может быть *счастливым*, кто умеет удовольствоваться невинностию своего сердца и одобрением совести. К сей добродетели и к сему счастью старайтесь вести детей или учеников ваших, о вы, занимающиеся образованием их сердца! Рассуждайте иногда с ними, от мнения ли зрителей справедливые, правосудные, благодетельные, великодушные действия становятся справедливыми, правосудными, благодетельными, великодушными действиями: не бывают ли оные таковы и во всякое время, во всяких обстоятельствах и тогда, когда никто, их не видя, не может ни судить о них, ни хвалить их; раскаивались ли они когда-нибудь, сделавши какое-либо добро скрытно, и не чувствовали ли они некоторого от того удовольствия; не находится ли великое и непрерывное различие между истинною и лжею, между порядком и беспорядком, не ведет ли за собою добродетель порядка и спокойствия как в сердце человеческого, так и в общественной жизни, а порок, напротив того, смятения и раздора? Спрашивайте их, теми ли же приятными чувствованиями, тем ли же удовольствием наслаждаются они, когда их хвалят за такие добрые свойства или дела, которые совесть их им оспаривает, как и тогда, когда одобряют и хвалят их за действительно сделанное ими добро, и научайте их выводить из сего заключение,

* В противном же случае все ваше научение и поставление будет тщетно.

** И сделаются искусными лицемерами.

что мысли наши и действия сами по себе должны быть добры или злы, пристойны или непристойны, как бы люди о них ни рассуждали.

Четвертое: дабы сделать и сие понятнее, то *научайте их примечать следствия их дел или поступков*. Научайте их надлежащим образом почитать спокойствие духа, удовольствие, бодрость духа, здравие и крепость тела, умножение своих познаний или способностей, уважение и честь и прочие выгоды, какие приобретаются правильным и добрым поведением. Показывайте им сими выгодами и радуйтесь вместе с ними об оных. Напротив того, сожалеайте с ними о тех, которые по собственной своей вине лишены сих драгоценных благ и которые потому только несчастны, что пренебрегают свою должность и поступают противно ей. Также заставляйте их чувствовать злые и вредные следствия их поведения, сколько нужно для остережения и исправления их, и старайтесь не прежде отвратить оные, как они сами, узнавши свою торопливость и глупость, раскаются. Показывайте им отчасти в их собственных, отчасти же в чужих примерах, какой беспорядок, какие неприятности и болезни, какие страшные зла влекут за собою неумеренность в чувственных удовольствиях, жестокость гнева и других страстей, недостаток прилежности и трудолюбия, расточительность и скупость и вообще все грехи и пороки; как они мало-помалу ослабляют и унижают дух человеческий, низлагают бодрость, разрушают здравие, сокращают жизнь, подрывают внешнее благосостояние, делают человека бесполезным, презренным, вредным членом человеческого общества, терзают его совесть и наводят на него тысячи смущений, горестей и бедствий. Показывайте им, с другой стороны, какие богатые награждения обретаает праведный и добрый человек в одобрении своей совести, в спокойствии сердца, в представлении пользы и удовольствия, доставляемого им своим братьям, в почтении и любви, какой может он от них надеяться, и в уверении о благоугодности богу; коль счастлив бывает он от того, что действует по твердым и справедливым положениям, что научился владеть самим собою и опраничивать свои желания, что может без труда и с радостью употреблять телесные и душевные силы свои на то, на что они ему даны от бога, что никого не должен он убегать и бояться, понеже убегает от зла и боится бога, что не всякое несчастье может привести его в уныние, что умеет он утверждать истинную свою свободу и не раболепствует привычке, суетности или собственным своим похотям *.

* Показывайте им примерами, с каким спокойствием и высоким удовольствием можно взирать на все гонения и клеветы, исполнив свои должности!

Выхваляйте обстоятельно при всех случаях сие добродетельное счастье детям вашим и ученикам; но делайте сие с веселым лицом, с чувствительным сердцем и заставляйте их примечать, сколько сами вы драгоценностию оного проникнуты, сколь много предпочитаете вы то всему богатству, всему могуществу, всем забавам несправедливого и порочного.

Пятое: *Старайтесь сделать должность для них удовольствием.* Приучайте их соединять в представлениях своих должность и удовольствие столь тесно, как натура оные соединила. Показывайте им как собственным вашим примером, так и наставлениями, что всякая охотно и радостно исполненная должность награждает удовольствием. Пример ваш может служить к сему тогда, когда вы в присутствии их предаетесь чистой радости о совершенной вами верно должности. Например, если вы, как опекуны или друзья, привели в порядок дела какой-нибудь вдовы, сироты или оставленного друга; если имели случай одного из знакомцев ваших совратить с пути глупости и порока или подать ему повод к добродетельному делу; если были вы столько счастливы, что утешили несчастного или знатную подали помощь бедному и немощному; если с отменно добрым успехом исполнили вы должности чина вашего и звания или испытали приметное при том благословение; и когда от сих благородных и приятных упражнений возвращаетесь вы к детям вашим или ученикам: то давайте им участвовать в вашем удовольствии и радости, объявляйте им причины того, *сколько можно без нарушения скромности* *, и показывайте им чрез сие, сколь много награждает человека уверение о правом и добром своем деле. Показывайте им то же и наставлением вашим, научая их примечать и различать приятные и радостные чувствования, которые сами они в подобных случаях испытывают, сравнивая с тем неудовольствие, беспокойство и досаду, вкрадывающиеся против воли нашей в сердце тогда, когда мы не сделаем того, что сделать должно, или сделаем неправильно. — Увещевая их к должности, уверяйте их поступком своим при том, что вы намерены не показать господство свое и силу над ними или причинить им ненужное затруднение и отягощение, но спешествовать только совершенству их и благосостоянию. Научайте их почитать добродетель не за строгую повелительницу, не за неприятельницу радости и увеселения, но за *самолучший и единый надежный способ к истинному блаженству*. Не говорите им того, что хотя порочный обыкновенно в свете счастливее добродетельного бывает, однако должно быть добродетельным, для того что бог сие повелел. Нет сие

* Но не хвалите пред ними сами своих дел.

представление ложно и не может сделать никаких иных, кроме предных, впечатлений в уме, не знающем еще различать вид блаженства от самого блаженства. Научайте их паче, что добродетель одна делает людей счастливыми, а порок несчастными; что бог ничего нам не запрещает, кроме злого и вредного, и что он не требует от нас ничего, кроме того, что и в сем мире уже действительно нам полезно и добро; что благочестие и невинная радость не противоборствуют друг другу; и что случая, в которых праведный и благочестивый человек много претерпевать должен, не часто происходят *.

Шестое: для облегчения им всего сего ¹⁷ *доводите их заблаговременно до испытания самих себя*, которое есть изрядное средство к тому, чтоб всегда делаться благоразумнее и добродетельнее. Не надлежит вам налагать на них испытание сие яко упражнение, которое бы ежедневно они делать были *должны*. Такое принуждение сделалось бы для них скучно, а чрез сие и бесполезно. Также должны вы *представлять* при том, *не строгого судию, но паче друга*, приемлющего участие во всем касающемся до его друзей, радующегося вместе с ними о соделанном ими добре и оказывающего сердечное огорчение тогда, когда они имеют несчастье сделать зло. Коль многие случаи на то представятся внимательным родителям и надзирателям! Когда вы, например, при окончании дня или недели окружены бываєте детьми своими, когда они, будучи с вами, находятся в удовольствии и благополучии, когда даете вы им познавать нежную любовь и попечительность и возбуждаете в них чрез сие взаимную любовь и благодарность и приобретаете себе их доверенность, коль удобно бывает вам тогда устремлять внимание их на прошедшее и подавать им повод к исследованию сих и подобных вопросов: «Как препроводил я сей день, сию неделю? — Сделал ли я в сей день, на сей неделе что-нибудь такое, что действительно подает мне причину к удовольствию и радости и что еще впредь мне либо другим полезно быть может? — Успел ли я в сие время в каком-нибудь художестве, науке или искусстве столько, сколько успеть мог? — Или не сделал ли или не говорил ли я что-либо такое, чего ныне стыдиться должен, о чем, может быть, долго еще раскаяваться стану, чего вредные следствия, может быть, долго еще чувствовать буду? — Не воздыхает ли ныне кто-нибудь о том, что я его обидел или сделал ему несправедливость? — Не терпит ли ныне кто-нибудь болезни или других трудностей от того, что я отказал ему во

* Ибо когда благочестивый страдает, то претерпевает вред только во внешних и преходящих благах; но никогда не можно благочестивым и добродетельным действительно нанести вред, потому что добродетельный не может быть обижен, не может быть несчастен.

вспомоществовании и утешении, о котором он меня просил и которое дать ему я мог? — Не причинил ли я каким-нибудь словом или поступком беспокойства, неудовольствия и досады моим родителям, учителям либо и служащим мне домашним?» Благо вам и детям вашим, если вы таким образом мало-помалу приучаете их к испытанию самих себя, если иногда показываете им сами в том пример, если вы не стыдитесь признавать пред ними свои погрешности, по крайней мере в присутствии их учиненные, рассказывать в оных, сожалеть о пропусчении случая к соделанию добра, радоваться с ним при напоминании действительно произведенного вами добра и сим образом, рассматривая свое и их поведение, научать их мудрости и добродетели!

Седьмое: *Научайте их также пользоваться сим образом и поведением других людей.* Бывая с ними в компаниях (и желательно, чтоб вы редко без них бывали в оных), примечайте то, что при них говорится и делается, и после дружественно с ними о том разговаривайте. Делайте сие и тогда, когда возвращаются они из таких компаний, в которые вы провожать их не могли. Сами они подадут вам довольную материю к таким разговорам. Дети и молодые люди обыкновенно бывают внимательнейшими наблюдателями происходящего в их присутствии, нежели пожилые особы. Большая часть вещей имеет еще для них прелесть новости; а внимание их менее ослабляемо или прерываемо бывает собственными мыслями и рассуждениями, нежели внимание тех, которые приходят в компанию, обременены будучи разными заботами и трудными делами. Итак заставляйте детей своих или воспитанников сообщать вам наблюдения, сделанные ими при таких случаях, и не предупреждайте их своим мнением. Изведывайте добрые или злые впечатления, сделанные в них разговорами, ими слышанными, или поведением других людей, коего были они свидетелями. Старайтесь представлениями и доводами утвердить полученные ими добрые впечатления, а злые ослабить и загладить. Остерегайте их от погрешностей и запримечивостей, примеченных ими в других. Показывайте им, сколько вреда наносят чрез то сами себе сии люди и сколь нарушается тем удовольствие общественной жизни. Представляйте им образцами для подражания отличившихся от других своею праводетельностию, скромностию, кротостию, осторожностию, человеколюбием и научайте их, сколько почтения и любви заслуживают они тем у всякого. *Но не позволяйте им судить ближнего с беспощадною строгостию* *, приучайте их паче к тому, чтоб охотно извинять то, что извинить можно, и рассмат-

* А еще паче не делайте сего сами в их присутствии столь же беспощадно, как и неразумно.

ривать с *самолучшей* стороны такие слова и дела, которые удобны к различному толкованию. При том поставляйте для них должностно не разглашать далее о прочном и достойном наказании, примеченном ими в других и вам пересказанном, не насмехаться и не шутить над тем; но употреблять оное на собственное только остережение и исправление. Чрез сие соделаете вы обхождение с другими людьми не только для них безвредным, но еще и полезным училищем мудрости и добродетели.

Осьмое: *Также употребляйте к сему историю.* Не думайте, что дети ваши или ученики тогда учатся ей, когда вселяют в память свою и могут пересказывать множество более или менее важных приключений со всеми оных обстоятельствами и следствиями. *История должна нас делать благоразумнейшими и лучшими; из нее должны мы научиться знать себя и других людей, когда надлежит ей действительно быть для нас полезною.* Но дети и молодые люди должны еще в сем быть наставляемы; ибо не довольно еще упражнялись они в размышлении, дабы искать и обретать пользу сию без чужой помощи. Однако посредством сего наставления история те же может доставить им выгоды, какие доставил бы им собственный опыт, да и доставляет в самом деле гораздо удобнейшим и безвреднейшим образом. И так при чтении оной спрашивайте их часто: как судят они о тех или других мыслях либо действиях человеческих? для чего называют они сии правосудными, справедливыми, великодушными, благодетельными, а те несправедливыми, подлыми, свирепыми, бесчеловечными? для чего смотрят они на первые с удовольствием и радостью, а на последние с отвращением и страхом? для чего принимают они более участия в судьбе одной особы, нежели другой? — Спрашивайте их: что бы почли они за должность в таких обстоятельствах? — к чему бы они вознамерились? — к которой бы стороне пристали? — не пропустили ли бы они сего случая к соделанию добра и воспротивились ли бы сей прелести ко злу? — Прилагайте все читаемое или слышимое ими к ним самим и к особенным обстоятельствам, в которых они тогда обретаются или впредь обретаться могут. Научайте их при том всегда примечать собственное свое сердце, открывать сокровенные склонности оного, и если склонности сии беспорядочны и злы, то одолевать их тем заблаговременнее и ревностнее, чем яснее из приключившегося другим усматривают они, до каких распутностей и злодейств могут довести сии склонности человека, придерживающегося их. Таким образом, история в одно время будет их забавлять, научать и исправлять. Она послужит изрядным способом к образованию их сердец и к соделанию их добронравными человеками.

Из первого отделения о сей материи видели мы, что трудно образование духа детей. Но не менее важно и трудно образование их сердца. К сему потребны великое внимание, неусыпная прилежность, неутомимое терпение, потребно много осторожности и благоразумия. Родители и надзиратели беспрестанно должны бдеть над собою самими, так же как и над детьми; примечать всякую добрую или злую склонность, в них появляющуюся; пользоваться всяким случаем к утверждению первой и к ослаблению последней; не почитать за малость ничего могущего иметь влияние во нравственное их свойство*; беспрестанно соединять учение с упражнением; обоему придавать силу и важность собственным своим примером; всегда поступать по тем положениям и стремиться безуклонно к той цели, хотя бы и ежедневно находили они новые препятствия на пути, ведущем к оной. Кто исправляет дело свое токмо яко постороннее; кто надеется все сделать посредством приказов и предписаний; кто поступает с детьми или учениками своими не яко с разумными тварями, коих надлежит просвещать и представлениями доводить к добру, но яко с машинами, которые только понуждать и толкать должно; кто не охотно снисходит к их слабости и не воображает себя часто на их месте, дабы размерять наставление и учение свое по их понятию и потребностям; кто сегодня так, а завтра иначе, сегодня с чрезмерным послаблением, а завтра с чрезмерною строгостию поступает; кто первыми затруднениями, первыми неудачными опытами отстрашается от своей прилежности и не столько постоянен, чтоб *целые годы* трудиться с одинакою верностию, хотя и не видит отменных плодов своей работы: тот не много успеет в сем важном и многотрудном деле; но он не может обвинять никого, кроме себя, когда весьма прерывные, погрешностями исполненные и сами себя разрушающие старания его почти совсем бывают напрасны. Примечайте сие наипаче вы, имеющие счастье быть матерями! Вы должны по большей части споспешествовать образованию сердца детей ваших. Вы можете, вы должны ежедневно и ежечасно над тем трудиться, и ваша только нежная любовь может преодолевать соединенные с тем трудности. Когда ж вы сию должность вашу исполните во всем ее пространстве, то гораздо большую окажете роду человеческому услугу и гораздо более споспешествовать будете его благополучию, нежели сколько могут все другие люди, какого бы состояния они не были.

* В сем погрешают особливо те, которые все прямо до них не касающееся почитают за малость.

III

О образовании сердца

2. Особенно

а) к добродетели

К прежним всеобщим правилам хотим мы присовокупить еще некоторые особенные, относящиеся ко главным добродетелям, в которых дети и молодые люди должны наставляемы быть пред приемлющими образовать сердце их или нравственное свойство.

Первое: приучайте их с первых лет к повиновению и уступчивости. Кто не научился сему в молодых летах, тот во всю жизнь свою бывает несчастен *. Все мы бываем в тысячеобразных обстоятельствах, в которых должны мы повиноваться, уступать, если не хотим преступить нашу должность или причинить неудовольствие самим себе либо другим. Либо должны мы избегать человеческого общества, отказаться от всех выгод и удовольствий оного и искать себе жилище в лесах и пещерах; либо должны мы пожертвовать некоторою частию натуральной свободы нашей безопасности и спокойному употреблению прочей, довольствоваться некоторыми ограничениями и уступать взаимно друг другу. Но коль неспособен к сему должен быть тот, кто чрез десять, пятнадцать или еще более лет мог беспрепятственно следовать своим мыслям, не мог терпеть никакого сопротивления, которого желания для всех окружающих его были приказами, которому слепая любовь его родителей и надзирателей во всем уступала и которому после вдруг надлежит мыслить и действовать иначе! Вступает он в большой свет. При всяком шаге находит себе препятствия. Желания его не только не с ревностию исполняемы, но едва и примечаемы бывают.

Противятся всем его хотениям и намерениям. Своемыслие его оскорбляется то сим, то другим образом; а ничто его переломить не может, ибо оно крепко уже в нем укоренилось. Несчастный человек! плачевная жертва чрезмерной нежности и послабления! коль часто, впускаясь в размышления, будешь ты воздыхать о сей свирепой нежности и послаблении! коль часто будешь ты желать, чтоб твои родители и надзиратели употребляли над тобою правильную свою власть и научили тебя повиновению!

* «Ласкай чадо, и утешит тя, играй с ним, и опечалит тя». Ис. Сирах.

О вы, родители ¹⁸, если хотите пощадить детей своих от сих вздохов, от сих жалоб и от сих зол, извлекающих опые, то упражняйте их, *упражняйте* в повиновении и уступчивости; ибо единые предписания и увещания к тому не много принесут пользы. Допускайте их легко себя упрашивать, предупреждайте даже иногда их просьбы, если касаются они до безвинных и добрых вещей, и показывайте им самым делом, сколько печетесь вы о истинном их удовольствии и благополучии; но не допускайте их ни к чему вас принуждать, не уступайте их своею нраву и упрямству, слезы своемыслия не должны преклонять вас к безвременному сожалению. Не приказывайте им ничего без зрелого рассуждения, без достаточных доводов; справедливость и снисхождение к их возрасту и слабости должны определять все ваши приказания; однако давши опые, не возвращайте уже, но требуйте неперменного оных исполнения и не преклоняйтесь к отложению их ни упрямым сопротивлением, ни хитрым ласкательством. Но берегитесь также предписывать детям в одно время слишком многие или различные приказы. Чрез то наложили бы вы на них несносное бремя и некоторым образом принудили бы их к неповиновению; либо сделали бы вы их робкими невольниками, с величайшею нетерпеливостью дожидаящимися той минуты, в которую могут они без наказания употребить свою свободу. И так оставляйте собственному их произволению то, что само по себе не важно и не может иметь никакого вредного влияния в их нравы, и довольствуетесь тем, чтоб в рассуждении таких вещей делать им иногда полезные представления и показывать доводы, по которым они сами возматься могут. Подражайте в сем богу, всеобщему нашему законодателю. Коль многое оставил он нашей свободе и колико облегчил тем для нас повиновение заповедям его! Пренебрежение сего правила бывает главною причиною того, что толь немногие дети научаются повиновению. Налагая всегда приказания на приказания и якобы желая всякий поступок, всякое слово, всякое положение и всякое движение дитяти или молодого человека определить предписаниями, не можно принуждать его к исполнению всех сих приказаний, и необходимо надлежит пропускать с молчанием разные преступления своих предписаний, а чрез то теряют силу все прочие, и самые важнейшие приказания, и неповиновение становится привычкою.

Вливайте в детей ваших владычествующую любовь к истине, праводетельности и чистосердечию. Они им природны. Вам нужно только удерживать их и не стараться истреблять. И так не насмехайтесь над невинною их откровенностию. Берегитесь научать их притворству, лжи и ласкательству. Печальная необходимость научит уже их со временем не говорить все то, что они думают. Но горе им и вам, когда вы учите их говорить про-

тивное тому, что они думают! * Кто научен в детстве и юношестве лжи, притворству, ласкательству, кому выхваляемы были сии пороки, яко важнейшие правила благоразумия и искусства жить, тот почти всегда делается либо вредным, либо по крайней мере весьма скучным и неприятным членом общества. Он приобьикнет чрез то лукавствовать, обманывать, в делах своих с другими без размышления употреблять всякие хитрости и коварства, которые только не прямо запрещены законами. В мнениях своих будет он весьма переменчив; он будет сего дня хвалить и почитать то, что вчера порочил и презирал. В учтивостях и уверениях о дружестве будет он щедр до расточительности; но ни о чем не станет менее думать, как о исполнении оных, если не побуждает его к тому необходимость или собственная польза. Никогда не откажется он противиться несправедливым и пагубным действиям таких особ, которых научился он почитать ползая. Наконец, неспособен он будет к истинному дружеству, не только всякою лежею гнушающемуся, но и ненавидящему самое удержание; а чрез сие какого утешения в жизни, каких чистых радостей лишится он! Не жалуемся ли сами мы ежедневно на погрешности и недостатки общественной жизни, о которых теперь упомянуто было? Для чего ж хотим переселить их в будущий род? Для чего выхваляются оные детям и молодым людям, яко добрые свойства и яко добродетели? ** Для чего почитают то преступлением, когда они сказывают истину или открывают сердечные свои мысли о какой либо вещи? Для чего хвалят, для чего награждают их преимущественным уважением и любовью, когда они умеют все, что слышат и видят, хвалить, уважать и чрез то льстить? Родители и надзиратели, избегайте сих весьма обыкновенных погрешностей! Воспитывайте детей ваших не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими целить самих себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказывать, когда их должность или благо других человек того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный, откровенный человек не раскаявался еще о том, что он чистосердечен, честен и откровенен, что он враг всякого притворства и ласкательства.

С другой стороны, *старайтесь охранять детей своих от многоречия и болтливости*. Научайте их говорить и рассуждать с размышлением. Показывайте им, сколь многие досады причиняет себе и другим и сколь наскучивает обществу тот, кто хочет в

* Горе вам, когда вы собственным примером научаете их некоторым порокам, яко добродетелям, как то: подслушиванию, клеветанию, неприязненному или презрительному суждению о других, чужих людей заочно порочить, а в присутствии их хвалить и т. п.

** Яко искусство жить, яко скромность, яко учтивость?

оном якобы один только говорить и заглушает прочих без различия добрыми и худыми замыслами, какие только собрать может. Притом приучайте их к молчаливости в рассуждении таких вещей, которые объявлять должность нам запрещает. Вверяйте им иногда какую-нибудь тайну* и по поступкам их с оною размеряйте большую или меньшую доверенность, какую вы впредь иметь к ним можете.

Сколько возможно заблаговременно *приучайте их к трудолюбию, порядку и прилежанию в их делах*. Наставляйте их, коль разумно и справедливо то, чтоб всякий употреблял самолучшим образом свои дарования, силы, время и имущество, и коль несправедливо было бы принимать помощь и услуги от столь многих людей, не оказывая им по возможности взаимной помощи и услуг**. Показывайте им, коль тесно связаны между собою все человеки, сколь одному нужен другой и коль выгодно для каждого особенно и для всех вообще бывает, когда они с общею ревностью стараются споспешествовать взаимному благосостоянию. Научайте их, сколько порядок облегчает каждому его дела, сколько почтения и доверенности чрез него приобретает, сколь богато награждается, наконец, непрерывное прилежание, коль изрядным средством служит трудолюбие к охранению человека от грехов и дурачеств и от несносного бремени скуки, коль чисто, коль велико бывает удовольствие трудолюбивого, когда помышляет он о совершенной благополучно работе, о преодоленных при том затруднениях и о пользе, доставленной им чрез то себе и другим. Когда впечатлеете вы глубоко в детей ваших стан учения и будете предшествовать **им** своим примером; когда станете записывать их всегда полезными вещами, сколько позволяют сие их возраст и силы; когда приучите их предпринимать всякое дело в надлежащее время и производить все с надлежащим рачением: то любовь к порядку и трудолюбию сделается им натуральна. Не возмогут они впоследствии быть беспорядочны и нетрудолюбивы. Не будут они впредь почитать дела звания своего угнетающим бременем и не станут гоняться за всяким летучим удовольствием; а чрез то охраните вы их гораздо безопаснее от недостатка и убожества и сделаете их гораздо полезнейшими членами общества, нежели оставя им с противными склонностями великие богатства.

* Или по крайней мере рассказывайте им о известном деле за тайну и наблюдайте, как они то употребят.

** Особенно приучайте их вставать рано, скоро и самих одеваться. К сожалению, сами родители по большей части сего не любят или по крайней мере допускают детей спать долго, под пустым предлогом, будто утро для них бесполезно и будто они только другим в отправлении дел препятствуют. Чрез то приучаются дети к лени, источнику самых гнуснейших пороков.

С величайшим рачением наставляйте детей в смирении и скромности, которые столь благопристойны всем людям, а особливо детям и юношам, и столь нужны к споспешествованию их совершенству и благополучию. Не хвалите их за такие преимущества, которые не сами они приобрели, но обязаны за них только породе своей и состоянию, и не позволяйте другим вперять в них великие понятия о красоте их, знатной породе и богатстве. Научайте их почитать выхваляющих и почитающих их за то подлыми льстецами или невежами и корыстолюбцами, либо совсем иначе думающими, нежели как говорят, либо ищущими в том своея только выгоды. Показывайте им, сколь мало истинной цены имеют наружные сии преимущества, сколь удобно можно их лишиться, сколько обязывают они человека к отменному добродушию и общепользному поведению и сколь презренным делают они его, когда он, либо злоупотребляет их, либо менее добродетелен и полезен бывает, нежели другой, не столько способов и побуждения к тому имеющий. Но и сами вы никогда не гордитесь сими преимуществами; не презирайте бедных и низких людей и почитайте только мудрость, добродетель и честность, хотя бы они окружены были блистанием счастья или сопровождаемы недостатком и убожеством. Вперяйте в них также скромные мысли о природных или приобретенных способностях, знаниях и добродетелях. Научайте их, коль неведящ и слаб человек сам по себе, колико зависит он во всем от высочайшего существа, коль удобно может он многоразличными случаями низвергнут быть с опасной высоты, на которую вознесся. Научайте их, коль несовершенны и ничтожны бывают величайшие познания и добродетели человеческие и как то зависит по большей части от наставления, воспитания, внешних обстоятельств, а наконец все от божественного провидения. Показывайте им, сколько превосходят их во всем другие, которые, может быть, менее имеют вспомошествований и ободрений, и сколь много еще остается им сделать для того, чтоб быть столько мудрыми и добрыми, сколько быть могут и должны.— Упражняйте их в смирении особливо тогда, когда они почитают себя обиженными и когда не оказывают им всего того уважения и почтения, на кое думают они иметь право. Напоминайте им тогда о собственных их слабостях и погрешностях, о недостатке действительных заслуг, о великом снисхождении, какое им самим от других нужно, о безрассудности, с какою большая часть людей говорят и действуют. Делайте для них понятным то, коль удобно без злых намерений или враждебного духа, по неосторожности можно сказать или сделать что-нибудь такое, что другим не правится и способно к весьма худому истолкованию. Оберегайтесь малые ссоры их делать чрез то важными, когда сами вы великое принимаете в них участие и поступайте с ними яко

с такими вещами, которые заслуживают много внимания или собственную вашу честь приводят в опасность.

Упражняйте их паче¹⁹ при всех случаях в примиримости и великодушии. Вместо того чтоб по обыкновению кричать им: «Сего не должны вы стерпеть, а то не должны оставить без отмщения; вам нет нужды делать так, как делают другие, и вы можете за неприязнь платить неприязнью же», говорите им лучше: «Вам должно поставить себя выше таких малостей; они не стоят того, чтоб вы их примечали или беспокоивались ими; радуйтесь, когда вы умнее и лучше других, и сожалеете о тех, которые менее вас умны и добры, но не имейте к ним ненависти». В сем же намерении не допуская детей своих быть долго в несогласии друг с другом или с иными людьми. Показывайте им, коль неприятно и насильственно такое состояние и коль многих выгод и удовольствий оно их лишает. Когда они отдалятся друг от друга, то сводите их вместе и представляйте им, сколь ничтожна была причина их отдаления и сколь удобно могли бы они сами то усмотреть, если б только лучше рассмотрели дело, а не вдруг рассердились. Запрещайте им всякое мщение, хотя бы оно предметом своим имело зверей или безжизненные вещи*, и научайте их, как скоро они понимать то могут, что только чувствование вины и слабости рождает охоту ко мщению, а уверение о невинности и силе производит великодушие.

*Старайтесь влиять в них искреннюю любовь и благоволение ко всем человекам, без различия состояния, религии, народа или внешнего счастья. Научайте их почитать братьями всех человеков, низких и знатных, бедных и богатых; человеков признавать за человеков, то есть за тварей разумных и бессмертных, а внешние их обстоятельства за случайные вещи. Впечатлевайте в них глубоко натуральное равенство человеков, дабы блеск могущества их не ослеплял и не совращал бы либо к подлости, либо к суровости, гордости и свирепству. Не позволяйте им говорить о черни, подлом народе, сопровождая речи сии презрительным видом и ужимками**. Такие выражения в устах всякого разумного человека достойны наказания: заблуждение и порок их родили, а в устах дитяти или юноши суть они самая глупость и нелепость. Когда дети ваши или ученики употребляют сии выражения, то показывайте им, что те люди, которых они чернию и подлым народом называют, гораздо более имеют заслуг и суть гораздо важнейшие и полезнейшие члены общества, а потому и более заслуживают чести и уважения, нежели*

* Не бейте сами тот стул или камень, о который неосторожное дитя ушиблось.

** Ибо чернь, подлый народ, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие.

они, и что весьма еще неизвестно, не придут ли сами они либо чрез худое свое поведение, либо безвинно по несчастным приключениям в сей же низкий класс людей и не увидят ли себя принужденными искать сожаления и помощи у тех, коих теперь без причины столько пренебрегают. В сем рассуждении надсматривайте также рачительно над поступками их с домашними служителями. Не допускайте их обходиться с ними презрительно и вести себя как строгих и своемысленных господ, когда еще самим им надлежит учиться повиновению. Напротив того, научайте их познавать цену услуг, оказываемых ими людьми их слабости и неопытности, и познавать с надлежащею благодарностию; вливайте в них человекодружественные, благотворительные мысли об оных; и когда отважатся они в вашем присутствии приказывать что-нибудь слуге, то не позволяйте исполнять такие приказы. Сохраняйте детей еще с самых первых лет от хладнокровия, отвращения и вражды, весьма часто причиняемых между людьми различием народа и религии. Научайте их, что не одежда, не наружные обычаи и употребления, не мнения определяют истинное достоинство человеческое, но свойство и поведение; что наставление, воспитание и случай величайшее имеют участие во мнениях и вере большей части людей; что никто с намерением не заблуждается и не отвергает истину яко истину; что дела нужнее знания; что не заблуждение, но порок осуждает человека; что всякий должен следовать своей совести, хотя бы она и заблуждалась; что бог не взирает на лица, но между всеми народами, боящимися его, и творящие правду ему угодны.

Притом приучайте их к сожалению и благотворности. Желая образовать сердца их к сим добродетелям, не только представляйте им оные весьма изрядными и благородными, но учите их действительно познавать многообразные роды убожества и несчастия, в которых толь многие братья их воздыхают. Водите их иногда в печальные, но поучительные жилища бедных, больных и умирающих. Заставляйте их там сравнивать свое состояние с состоянием столь многих других тварей одинаковой с ними природы и, может быть, имеющих более заслуг, нежели они. Показывайте им голодный и ужасный вид, суровое ложе и столь же суровый хлеб бедных и нуждающихся и заставляйте слышать прискорбные их вздохи. Не удаляйте их от таких трогательных явлений, опасаясь оскорбить изнеженный их вкус или причинить им болезненные чувствования. Чувствования сии суть честь человечества. Радуйтесь тому, когда явятся оные в детях ваших; давайте течь свободно слезам сожаления; не сокрывайте от них свои слезы и показывайте им примером своим, что вы и в мужественных летах не стыдитесь похвальных слез. Но разделяйте с ними и удовольствие благотворения

и помощи, оказываемой вами, оставленным и нуждающимся. Советуйтесь иногда с ними о самомлучшем способе делать сие. Представляйте им то отменную честию, оказываемую им от вас за доброе их поведение, что вы исполняете обще с ними какое-нибудь благодеяние. Приучайте их ограничиваться несколько в своих забавах и удобствах, дабы тем более помогать не имущему и необходимому. Делайте заблаговременно понятным для них, что благотворение, не стоящее нам ничего или при котором мы ничего иного не делаем, как отдаем то, чего сами употреблять не можем, что для нас совсем излишне и бесполезно, — что сие благотворение не может большую иметь цену, не может быть добродетелию. Награждайте их за благотворительность не подарками, но допуская их участвовать в радости бедного и нуждающегося, вами подкрепленного, больного, получившего от вас облегчение, печального, вами утешенного, и давая им слышать, с каким исполнением сердца благословляет он своих благодетелей.

Научайте их отречению самих себя и одержанию владычества над чувственными своими похотями. И в сем намерении соединяйте упражнение с наставлением и начинайте обое столь рано, сколько возможно. Сие весьма важно для таких отчасти чувственных, отчасти ж разумных тварей, как мы. Кто в первых летах своих не учился отрицаться самого себя и противиться сильным чувственным похотям, тому в дальнейшем возрасте весьма будет трудно, если не совсем невозможно приносить должности и добродетели жертву, которой они в нынешнем состоянии учения и упражнения толь часто от нас требуют.

И так приучайте детей своих или порученных надзору вашему отказываться иногда добровольно от какого-либо невинного удовольствия и прерывать наслаждение оным и чрез то доказывать силу духа и владычество над собою. Предшествуйте им и в сем своим примером. Назначайте какие-нибудь удовольствия или увеселения, которыми вы намеряетесь наслаждаться купно с ними; радуйтесь наперед оным; а если некоторые должности или случайные обстоятельства воспрепятствуют вам наслаждаться сими удовольствиями или отзовут вас от них, то ненарушимым спокойствием и дружественным наставлением показывайте тогда детям, сколько предпочитаете вы должность свою всяким забавам и сколь благо уметь умерять свои желания и владеть самим собою. Просите их упражняться при сем случае в сих благородных добродетелях или по крайней мере при сем поводе подать сильное доказательство их к вам любви и награждайте делающих то охотнее прочих отменным уважением и дружеством. Хотя сначала будет им тяжело делать себе столько насилия, хотя будет им стоять труда удерживать слезы и не производить жалоб, однако безвременное сожаление не

должно вас склонять к избавлению их от сего труда. Чем чаще будут они иметь полезное сие упражнение, тем удобнее делается оно для них, и чрез то приведете вы их, наконец, в состояние приносить без отрицания драгоценнейшие жертвы добродетели и праводетельности, как скоро должность того от них требуется.

Наконец, *научайте их терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастии, смелости и неустрашимости во всяких обстоятельствах.* Сии свойства и добродетели в нынешнем состоянии нашем необходимо нам нужны. Кто не научился страдать с равнодушием, кого всякое небольшое приключение потрясает и ввергает в уныние *, кто ужасается и дрожит от всякой угрозы, от всякого вида опасности, тот не достигнет высокого степеня в нравственном совершенстве, и благополучие его подвержено весьма многим и скорым переменам. Терпеливый только, постоянный, неустрашимый способен к преодолению трудностей, обретаемых иногда на пути должности и праводетельности, к сопротивлению стремительной реке владычествующей гибели и к сохранению невинности своея и спокойствия духа при всех переменам и искушениях внешнего счастья. Но к сим добродетелям должны мы заблаговременно быть приучаемы; сперва должны мы научиться им в малости, когда хотим исполнять их в дальнейшем возрасте и при важнейших приключениях. И так не только выхваляйте детям своим или воспитанникам сии мужественные и благородные добродетели, но и упражняйте их в оных при всяких случаях. Не допускайте любовь вашу к ним преклонять вас к изнежению их вкуса, к пощаждению их от всего трудного и неприятного и к приучению их к слабости **. Приучайте их паче к суровой несколько жизни, дабы никакие удобства не сделались им столь необходимыми, чтоб они не могли пребывать без оных, не будучи несчастны. Когда случаются им небольшие несчастия, когда терпят они какую-нибудь болезнь или отягощение, когда теряют они такие вещи, которые почитают драгоценными, то не умножайте чувствительность их, принимая в том великое и прискорбное участие, поднимая громкие жалобы, стараясь с чрезвычайною ревностью купно со всеми вас окружающими утешить их в сем несчастии, замепить их потерю и в то же мгновение утишить весьма спосную их болезнь. Немного стоящим вещам не давайте в глазах их большей важности, нежели какую они имеют, своим об оных мнением и поступками ***. Старайтесь

* Кто при всяком печальном или только неприятном известии падает в обморок.

** Или не прислуживайте им сами, как то матери иногда делают.

*** Напр., платью, пищу, удовольствиям и т. п.

паче успокоивать их вашим спокойствием и вливать в них бодрость вашу смелостию. Научайте их всякую вещь почитать тем, что она есть; разговаривайте с ними дружественно о свойстве зла, их угнетающего, чувствуемой ими болезни, потерпенной ими потери; показывайте им, коль многоразличным злоключением и несчастьям человек подвержен и сколь многое может он сносить и терпеть, когда только захочет. Приводите им примеры таких людей, которые гораздо более их страдают, однако терпеливы и постоянны, и вместо того чтоб устрашать их представлением всех возможных злых следствий, могущих произойти от их несчастья, научайте их мало-помалу познавать многоразличную пользу, которую мудрый и добродетельный человек может получать из самих противностей, ему случающихся. Но и сим учениям дайте жизнь и силу вашим примером. Сносите сами с терпением страдание, вам приключающееся. Не давайте им никогда слышать от вас роптательных и горьких жалоб на судьбы божии; показывайте им собственным вашим поведением, что вы умеете и в несчастьи успокоиваться и с твердым мужеством идти на неизбежную опасность.

Наконец, охраняйте сколько возможно детей ²⁰ от всяких впечатлений страха и ужаса, происходящих от таких вещей, которым страшный и ужасный вид дают только невежество, либо суеверие, либо трусливость, либо рабские мысли. Показывайте им сии вещи, когда находите к тому случай, делайте им оные известными и представляйте им в яснейшем свете слабость и несчастье тех, которые всегда бредят о опасностях и повсюду видят опасность.

Вот главные добродетели, коим дети и молодые люди должны быть научаемы и в которых беспрестанно упражнять их падлежит. Когда вы, которых бог родителями или надзирателями и учителями сделал, твердо и верно будете наблюдать данные в сем рассуждении правила, часто и пристойным образом делать соединенные с ними упражнения и при том никогда не утомитесь, моля бога о благословении, то, без сомнения, не будут труды ваши тщетны. Ранее или позднее произведут они обильные плоды мудрости и добродетели в сердце и поведении под надзиранием вашим находящихся. Дети приучатся к повиновению и уступчивости, к люблению истины и честности, к трудолюбию, к прилежанию и к порядку в своих делах; они будут смиренны и скромны, будут всех человеков любить, яко братьев своих, удовольствие свое искать в благотворении, владеть самими собою и отрицаться от сильных чувственных похотей; научатся они терпению в страдании, постоянству в несчастьи и неустрашимости в опасностях. Коль мудры, коль добродетельны, коль благополучны будут они с сими преизрядными и благороднейшими добродетелями! Коль возвысят добродетели сии

блистание наружных их преимуществ или заменят недостаток оных! Коль угодны будут они чрез то богу и человекам, коль полезны братьям своим! Коль спокойнее и беспечнее разлучитесь вы некогда с ними, зная, что сии добродетели, а с ними и все прочие суть их предводительницы в жизни ²¹.

IV.

Всеобщие правила

И так хотим мы сообщить еще некоторые всеобщие правила и примечания о воспитании детей, которые отчасти облегчают наблюдение вышеозначенных предписаний, отчасти ж могут ободрять к верности и постоянству в наблюдении оных. Сие подаст нам купно случай более истолковать и подтвердить разные мысли и предложения, до которых в предыдущих отделениях коснулись мы только мимоходом, и мы надеемся, что оные прочтены и испытаны будут с тем вниманием, которое заслуживают они по своей важности.

Первое правило есть сие: *Помышляйте часто, какие суть те творения, которых воспитанием и образованием вы занимаетесь.* Вы не можете почитать их ни совсем чувственными, ни совсем разумными тварями. Человек стоит на лестнице существ между зверем и ангелом. Не должен он ни унижаем быть до первого, ни возвышаем до другого. Но чувствительность и рассудок должны в нем приведены быть в согласование и обще споспешествовать к достижению единого предмета. И так если не будете вы полагать пределы чувственным пожеланиям детей ваших; если вы будете заставлять их судить о цене внешних вещей только по впечатлениям, делаемым оными в их чувствах; если будете приводить их к повиновению и должности только посредством чувственного удовольствия или неудовольствия; если по единому произволению своему деспотически будете управлять ими: то забудете вы достоинство их натуры, и, может быть, они в мыслях и склонностях своих никогда не возвысятся над неразумными животными.

Если ж, напротив того, еще в молодых летах ²² будете вы требовать от них важности мудрого старца; если всякий недостаток размышления будете считать для них преступлением; если потребуете от них, чтоб всегда поступали они по справедливейшим правилам; если запретите им всякую невинную детскую радость и будете стараться сделать чувства их якобы не чувствительными ко всему тому, что приятным или неприятным образом оные трогает; если будете упражнять их беспрестанно в строжайшем отвержении самих себя: то забудете вы слабость их состояния, забудете, что они суть люди, которых слава

состоит не в нечувствительности или истреблении своих чувственных пожеланий, но в приобретении мало-помалу владычества над оными.

Убегайте обоих сих распутий с равным рачением, если хотите сделать детей своих способными к достижению их определения. Учите их не изнеживать тело свое, но также и не мучить его без нужды. Научайте их почитать его яко существенную часть человека, но не признавать никогда за важнейшую часть. Допускайте их с веселым духом наслаждаться красотами природы, приятностями общественной жизни, удовольствием умеренного движения и свободы и всеми невинными радостями беспечного возраста; но также давайте им для предостережения чувствовать и болезни, случаем или собственною неосторожностью причиняемые; не трудитесь тщетно истреблять натуральные их желания удовольствия, похвалы, чести, спокойствия и свободы, а старайтесь только благоразумно оные умерить и мало-помалу устремить на достойнейшие роды удовольствия, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными их и чужими опытами научайте их отличать вид от истины и соединять настоящее с будущим. Населяйте рассудок их по той же мере, по которой чувства их становятся способнейшими к живейшим впечатлениям; рассеяние мыслей и размышление, отдохновение и труд, веселость и важность должны у них переменяться в надлежащем отношении друг к другу. Подавайте им часто повод к таким действиям добродетели и благодетворения, при коих вся чувствительность сердца их благородным образом могла бы явиться. Сим образом надлежит вам поступать с такими тварями, которые отчасти чувственны, отчасти ж разумны, и сим образом всегда более будут они приближаться к определению человека, которого рассудок не истреблять чувственные побуждения и желания должен, но только обладать и управлять ими.

Второе главное правило при воспитании детей есть сие: *Старайтесь самолучшими средствами содержать себя в надлежащем уважении у детей своих* *. От сего зависит весьма многое, да можно сказать, что и *все*, а особливо в начале воспитания. Если надлежит детям вашим быть мудрыми и добродетельными, то должны они по одним словам вашим принимать с уверенением и почитать за истину в первых летах свои многие важные положения, которые они хотя некоторым образом и понимают, но не могут еще усматривать причин их и связи с другими положениями. Они должны наблюдать многие должности и приучаться ко многим добродетелям, которых влияние в настоящее

* Сие правило по справедливости есть самое важнейшее, и доброе его исполнение согласуется с пятою заповедью. Ибо что побуждает нас почитать родителей наших? Не то ли, когда они при всяком случае стараются показать искреннее свое о нашем благополучии попечение?

и будущее их благополучие и в благополучие целого общества не можно еще довольно ясно им показать. При различных и толь часто прекословных мнениях, слышимых ими от других, о добром и злом свойстве или цене некоторых вещей и действий надлежит им иметь такого человека, который бы определял собственное их мнение и на утверждения которого могли бы они спокойно полагаться. Наконец, должны они хранить повиновение и научиться часто из единого повиновения отказываться от своих склонностей и удовольствий. Но могло ли бы сие быть или могло ли бы быть действительно для разума и сердца их выгодным образом, если б вы не находились в великом у них уважении и не умели бы сохранять сие уважение? В необходимости сего сомневаются весьма только немногие родители и надзиратели; ибо во всех довольно есть самолюбия и все неохотно отступают от уважения и власти, какую они над другими имеют или имеют думают. Но способ приобретать себе и утверждать уважение сие не всегда бывает самый лучший; часто бывают в нем весьма многие и великие погрешности; а здание, утвержденное на худом основании, удобно поколебаться может, оно может опровергнуто быть малым приключением. Если уважение основывается только на власти и силе; если стараетесь вы утверждать его всегда, или обыкновенно, на пасмурном виде, суровых словах, строгих приказах, жестоких наказаниях, повелительных, угрюмых и сердитых поступках *; если непременно и во всех случаях требуете от них слепого повиновения и за всякое упущение одного с неупросимо наказываете жестокостию, сколько бы оно ни было различно свойствами, источником и следствиями, то хотя и распространите вы вокруг себя страх и ужас, хотя дети ваши или ученики будут чувствовать власть вашу над ними и оберегаться от действий оной, но вы сделаете их рабами, носящими с нетерпеливостию иго, вами на них наложенное, и они будут свергать его с себя столь часто, когда только думают, что могут сделать сие без великой опасности. Если ж хотите вы утвердить уважение свое на крепком и продолжительном основании, то старайтесь о том, чтоб дети ваши или ученики получили о вас доброе мнение, чтоб имели они великие мысли о вашем разуме и праведельности, чтоб они почитали вас самих мудрыми и добродетельными, а чрез мудрость и добродетель счастливыми, и чтоб не сомневались они в том, что вы стараетесь только о их благе. Для доставления им сего доброго о вас мнения не нужно вам хвалить самих себя или прославлять пред ними на словах преимущества своего

* Так поступают многие учителя, превосходящие часто строгостию надсмотрщиков в американских плантациях; но зато и боятся их дети тогда только, когда находятся под их властью: а потом следует обыкновенно презрение.

духа и сердца и доброту своего поведения; но хорошо бывает, когда другие делают сие в их присутствии скромно и непринужденно. Не показывайте только им в речах и делах своих ничего глупого, непристойного, противоречащего либо и совсем злого и порочного; последуйте только сами во всякое время и во всяких случаях предписаниям мудрости и добродетели и делайте сие сколько возможно с веселым видом, в котором не было бы никаких примет трудного спора с самим собою или внутреннего сопротивления требованиям совести и должности. Почитайте детей своих внимательными свидетелями и строгими судьями вашего поведения и удаляйтесь лучше от них как можно скорее, когда вы должны бываете опасаться, что какая-нибудь страсть вас преодолет или выведет вас из вашего положения вредным и соблазнительным для них образом. Не судите никогда о вещи без довольного о ней познания, дабы не надлежало вам возвращать свои мнения. Не действуйте никогда без причин, дабы не должны вы были стыдиться своих действий и могли бы в подобных случаях смело поступать так же. Рачительно скрывайте от них собственные свои слабости и погрешности, пока рассудок их довольно укрепитсЯ, чтоб почитать глас истины и повеления добродетели для их самих и без отношения к тем, которые объявляют им сии учения истины и предписывают должности добродетели. Наконец, давайте им примечать, сколько печетесь вы о их благополучии и сколь нежно их любите. Радуйтесь с ними о всяком добре и не стыдитесь иногда брать участие в невинных их забавах. Такое мудрое, добродетельное, чадолюбивое и благоразумное поведение, без сомнения, доставит им наилучшее о вас мнение; а сие мнение, подкрепляемо будучи детскою благодарностию и любовью, соделает их во многих случаях безопасными от соблазна заблуждения и порока. Уважение ваше от них будет основательно и твердо; оно подаст силу всем вашим напоминаниям, наставлениям, учениям и приказам; предупредит оно все вредные сомнения о правильности, истине и справедливости оных; оно соделает послушание и повиновение детей ваших к вам искренним и охотным и вам самим весьма облегчит исполнение вашей должности.

Третье: *Следуйте в воспитании детей своих некоторому плану или некоторым со зрелым рассуждением принятым положениям и правилам и сколько возможно никогда от оных не отступайте.* При первом воспитании, как мы уже заметили, гораздо более зависит от беспрестанного упражнения в должности и в приобретении добрых навыков, нежели от наставления; а посему необходимо должно наблюдать при том точное единообразие, когда надлежит, чтоб сие упражнение сделалось способностью, а добрые сии навыки укрепились и сделались

натуральными. Упущение сего правила есть одна из главных причин худого успеха многих в прочем похвальных стараний, употребляемых на сей конец. Когда главные особы, занимающиеся образованием дитяти, различаются друг от друга мыслями, мнениями, намерениями и положениями и сие различие в присутствии детей своих открывают или даже впускаются в споры и брань о том; либо когда одна особа по недостатку твердых положений поступает иногда так, иногда иначе, сегодня хулит и наказывает то, что вчера хвалила и награждала, сегодня приказывает то, что вчера запрещала, сегодня употребляет чрезмерную строгость, а на завтра неограниченное снисхождение и послабление: то невозможно достигнуть цели воспитания. Мнения дитяти будут сомнительны и нетверды; склонности его и намерения всегда пребудут неопределенны и противоречащи; а добрая его натуральная доверенность к родителям и учителям отчасу более ослабевать станет, а наконец и совсем прекратится. И как может оно дать силам своим известное устремление, облегчающее ему употребление оных, когда оно часто должно бывает употреблять их на вещи совсем противоположенные и противоречащие одна другой? Как может сделаться ему должность приятною, а добродетель любезною, когда оно за то иногда хулы, а иногда похвалы, иногда награждения, иногда ж наказания ожидать имеет? * Оберегайтесь, воспитатели, от сего весьма обыкновенной погрешности. Советуйтесь часто друг с другом, отцы и матери; советуйтесь также и с теми особами, которые имеют некоторое участие в воспитании детей ваших или приметное влияние в их нравы. Сообщайте друг другу свои знания и опыты; утвердите между собою некоторые положения и правила и следуйте оным несовратимо.

Не противоречьте самим себе; не противоречьте друг другу; но паче взаимно один другого подкрепляйте; утверждайтесь на одинаковом основании и трудитесь по одинаковому плану; помогайте всегда друг другу и будьте уверены, что такие единообразные и согласные старания хотя и будут иметь некоторые погрешности, однако гораздо более принесут пользы, нежели другие, которые хотя и лучше сами по себе, но подвержены при том многим переменам и противоречиям.

Четвертое: *Будьте постоянны и неутомимы в произведении своего плана и не отстрашайтесь от него ни трудностями, ни худым успехом.* Не ласкайтесь достичь до благодетельных намерений своих в немногие месяцы или годы. Не требуйте того, чтоб всякое доброе семя, кинутое вами на землю, тотчас произросло и в определенное вами время принесло плоды. Часто

* Когда за одно дело отец его хулит, а мать хвалит; или учитель хвалит, а родители бранят.

может оно долго лежать сокрыто в земле, может казаться совсем умершим; но наконец беспрестанное попечение и какое-либо неожиданное обстоятельство даст ему новую жизнь и наградит терпение ваше надеждою благословенной жатвы. Многие учения мудрости должны предлагаемы быть сто раз прежде, нежели удастся учителю предложить их соразмерно понятию ученика своего. Многие худые привычки, многие непристойности могут стократ тщетно быть оспариваемы прежде, нежели потеряют несколько своей силы и дадут место упражнению в противоположенных добрых навыках.

Многие добродетели часто тщетно бывают выхваляемы²³, пока наконец явятся в том свете и представляются дитяти или юноше в том виде, который тронет его сердце и приобретет все его почтение и всю любовь. Разум и чувствительность обнаруживаются иногда поздно и показываются вдруг в такой силе, которая с избытком заменяет прежние тщетными казавшиеся опыты возбудить оные. Мудрость, добродетель и богобоязненность суть преимущества, не без труда и не вдруг получаемые: они суть владельницы, часто долженствующие долго сражаться с пороком, прежде нежели овладеют сердцем. Пользуйтесь только всякими случаями к облегчению им сея победы; не ослабевайте в отпоре врагу сему дотоле, пока он утомится сопротивлением вашим, и мыслите всегда о том, что детские и юношеские годы определены для посева, а не для жатвы. Несчастливый успех стараний ваших должен всегда делать вас внимательнее на самих себя, на воспитанников ваших и на самые малейшие внешние обстоятельства; но не должен приводить в уныние. Ищите причину такой неудачи в погрешности ваших поступков, а не в невозможности произвесть то благополучно, и не удерживайтесь самолюбием от исправления сих погрешностей, как скоро вы их откроете; но делайте сие так, чтоб такая перемена в поступках ваших не весьма была приметна и не ослабела бы доверенность к вам воспитанников ваших. Отдавайте часто самим себе отчет в прилежании и верности, употребляемых вами в сем деле; разговаривайте о том с друзьями своими и пользуйтесь их знаниями и опытами. Когда ж вы при добром свидетельстве совести своей не достигаете до исполнения намерений ваших или достигаете весьма только несовершенно, то утешайтесь тою мыслию, что вы старались сделать все зависящее от сообщенных вам богом сил и способов и что под управлением премудрого и преемного бога не могут быть тщетны и те старания, которых пользы совсем мы не усматриваем.

Пятое: *Дабы не лишиться бодрости, представляйте себе часто многоразличные и великие выгоды, которые сами вы можете почерпнуть из разумного и христианского воспитания детей в рассуждении морального вашего характера, или нравственного*

совершенства. Пока живем мы на земле сей, дотоле живем в всегдашнем воспитании и упражнении. Все мы должны воспитаны быть к лучшей жизни, к высочайшему блаженству, и воспитание сие оканчивается только смертию. Никогда не возможно нам бывает здесь сказать, что мы столь мудры, столь добродетельны, сколько быть и сделаться можем; и горе тем, которые думают в каком-нибудь времени своей жизни, что достигли уже до сего цели, и не стараются уже более о приобретении большего совершенства. Скоро лишатся они и того, что уже приобрели с трудом, и найдутся паки при начале полусвершенного уже пути своего. Родители, учителя и надзиратели, любящие самих себя и желающие достигнуть определения своего, пекитесь рачительно и в сем намерении о предлагаемом вам деле воспитания. Оно есть преизрядный способ к споспешествованию собственному вашему совершенству *. Трудясь с важностию и размышлением над образованием духа и сердца детей или учеников своих, будете купно и своему духу и сердцу доставлять новые преимущества. Стараясь сделать мудрыми, сами будете всегда становиться мудрее; стараясь их исправить, всегда благополучнее будете успевать в собственном исправлении. Погрешности, замечаемые вами в них, сделают вас внимательнее к вашим, покажутся вам во вредных своих источниках и следствиях, и вы исполнитесь отвращением от них. Беспорядочные пожелания и страсти, которые стараетесь вы умерять и ослаблять в детях, сделают вас осторожными противу всех нападений сих врагов вашего покоя и благополучия и будут подавать вам всегда новые оружия для сопротивления оным. Самое опасение, которое должны вы иметь, чтоб не выговорить или не сделать в присутствии детей своих чего-либо, могущего сделать в них противные впечатления, охранит вас от многих проступков; оно наложит на вас спасительное принуждение, а чрез то исполнение труднейших добродетелей сделается для вас привычком.

То, что прежде делали вы только по нужде и осторожности или по любви к детям и ученикам своим, будете наконец делать по склонности и правилам, по любви к богу и добродетели. Сверх сего найдете вы тысячу случаев научиться лучше знать сердце человеческое вообще и свое особенно, открывать тайные его ухищрения и нечистые намерения, благополучнее употреблять предписания мудрости и добродетели и различными упражнениями и правилами благоразумия делать должность свою себе удобнейшею и приятнейшею. Какие выгоды! Можем ли мы заплатить за них когда-либо слишком дорого? И тогда, когда старания наши в рассуждении других не имеют желанного успеха,

* Уча других, учимся сами.

можем ли мы по справедливости сказать, что тщетно истощили мы свои силы? Ибо от нас только зависит по крайней мере для себя толь великую получить от того пользу.

Возбуждайте в себе часто прилежание к воспитанию живым представлением важности оного. Паче всего собственный ваш опыт должен научать вас великому влиянию, которое имеет доброе или худое воспитание в будущую жизнь человеческую *. Если сами вы наслаждались добрым христианским воспитанием, то представляйте себе часто, коль многим обязаны вы оному; от коль многих поступков и заблуждений оно вас охранило; коль часто к пользе и утешению своему испытывали вы силу добрых правил, полученных вами от родителей или учителей своих; коль удобно сделалось для вас исполнение должности вашей чрез то, что вы заблаговременно к оному привыкли и соединяли его с представлением удовольствия; коль далеко успели вы в некоторых редких и трудных добродетелях, для того что упражнялись в них прежде еще, нежели узнали порок; коль многое успокоение и облегчение в противных приключениях и печальных часах находили вы, для того что научили вас судить право о цене вещей и почитать и употреблять в пользу религию с ее утешениями. Потом спрашивайте себя, не желаете ли вы и детям своим сих же выгод и не будете ли справедливо и чувствительно укорять себя, когда они лишатся оных вашею виною? — Когда ж, напротив того, имели вы худое или не весьма доброе воспитание, то вспоминайте о вреде, происшедшем для вас из того, а может быть, еще и ныне происходящем. Говорите часто сами себе: «Не те ли погрешности делаю я ныне чаще всех и нахожу трудным преодоление оных, которым не сопротивлялся я в детстве и юношестве и которые почитал неважными? Беспорядочные страсти, одолевающие меня ныне чаще других и нарушающие спокойствие и благополучие мое более прочих, не те ли суть, которым в детстве и первых летах моих наиболее уступали либо даже и ласкали? Повеления мудрости и должности, к которым и ныне еще часто принуждать себя должен я бываю, не те ли суть, которые тогда мог я преступать без размышления и не опасаясь наказания, и преступил действительно, видя, что приставленные надо мною без опасения их преступали? Добродетели, которых исполнение еще и ныне стоит мне большого труда и отрицания самого себя, не те ли суть, в которых тогда мало я упражнялся либо и совсем не упражнялся? И так не должен ли я делать все то, что могу, для избавления детей моих от сего труда, от сего принуж-

* Всегда, или по крайней мере по большей части, родители только бывают виною доброго или злого свойства детей.

дения, от себя брани с самим собою, для охранения их от строгого владычества злых страстей, для содействия им удобным того, что мне трудно, а узкой стези жизни, добродетели и благополучия столь равною и приятною, сколько возможно, и какова была бы она ныне для меня, если б имел я лучшее воспитание? Могу ли я подать им причину вспоминать некогда обо мне с негодованием, вздыхать, может быть, во всю жизнь под злыми следствиями моего небрежения и по достоинству укорять меня за то?»

С тем, чему научает вас опыт, соединяйте размышление; да научает вас также и оно о великой важности воспитания детей. Представляйте себе, коль вообще тверды первые впечатления, получаемые нами о естественных и нравственных предметах; коль глубоко вкореняются в душе человеческой первые, добрые или злые, учения, правила, склонности и привычки; коль велика особенно сила примера; колико зависят друг от друга образы мыслей и нравы детских, юношеских и мужеских лет и коль твердо основываются они один на другом, а посему коль важно первое образование разума и сердца. Представляйте себе, что дети и ученики ваши со временем не будут уже детьми и учениками; что достигнут они некогда полного употребления своей свободы и будут совершенно зависеть от самих себя; что вступят они тогда во многоразличные сношения с другими людьми; что, может быть, займут они важные места в государстве; что всегда будут они иметь большее или меньшее влияние в благополучие многих людей, в каком бы они состоянии ни были; что, может быть, сделают они тысячи человек счастливыми или несчастными, по свойству своего смысла и поведения; и рассуждайте о важных следствиях, какие может и должно иметь доброе или худое воспитание во всех сих намерениях. Помышляйте о великих и постоянных услугах, оказываемых вами всему человеческому роду мудрым и христианским воспитанием детей, и сравнивайте с тем превеликий и ненаградимый вред, причиняемый вами оному чрез упущение или пренебрежение себя должности. Особенно представляйте себе влияние, которое даваемое вами детям или ученикам своим воспитание будет иметь в то воспитание, кое дадут они некогда своим детям или ученикам, и устрашайтесь той мысли, чтоб сделать такие погрешности, которые уважение ваше якобы освятит и которые могут еще и детям вашим быть вредны.

Наконец, для придания всем сим размышлениям еще большей силы и жизни *воображайте себя при смерти и собирайте тогда в мыслях около себя детей и потомков своих.* Спрашивайте сами себя: что споспешествовало бы тогда успокоению и утешению вашему, воспоминание ли многоразличных рассеяний и веселостей, которыми наслаждались вы, пренебрегши рачи-

тельное и христианское воспитание детей; или воспоминание непрерывных и верных трудов, употребленных вами на сие дело, — представление ли богатств и драгоценностей, оставляемых вами детям, и прочих внешних преимуществ, доставленных им, или представление мудрых учений и добродетельных и благочестивых примеров, данных им вами? — Пребудете ли вы тогда тверды в сообщенных им положениях и правилах жизни и осмелитесь ли умирающими устами выхвалять им, яко самое важнейшее и лучшее, то же, что прежде выхваляли им словами и делами своими; или увидите себя принужденными переменить язык свой, осуждать собственные свои положения и поступки, остерегать их от вредного оных влияния и то, что вы прежде паче всего почитали и любили, представлять им такими вещами, которыми вы сами обманывались и которые не достойны вашего и их почтения и любви? — Что облегчит вам разлучение с детьми: то ли, когда вы сможете сказать им: «Я оставляю вас с сокровищами, с честью, со знатностью, со всеми способами к чувственным забавам и к удовлетворению страстям»? или то, когда можете сказать: «Я оставляю вам мудрость, добродетель и богобоязненность путеводительницами в вашей жизни; а благодать всевышнего и надежду блаженного бессмертия постоянным утешением»? — Какие укоризны, какую тоску, какие угрызения совести долженствует причинить родителям и надзирателям пренебреженное воспитание в последние дни и часы их жизни, когда они увидят детей своих или воспитанников на пути дурачества и порока; когда представят они себе все вредные следствия, какие погрешное поведение может привлечь и по вероятности привлечет за собою и на отдаленное, еще не родившееся, потомство; когда помыслят они об отчете, который должны будут отдать в рассуждение сего всеведящему судии мира; когда преселятся мыслями в вечность, имея причину страшиться, что дети и потомки их будут там приносить на них жалобы, яко на виновников несчастья своего! Можно ли вымыслить состояние печальнейшее сего?

Напротив того, коль велико должно быть удовольствие ²⁴, коль восхитительна радость, оживляющая родителей и учителей при разлучении их со светом, когда видят они тех, которые поверены были их надзиранию, ходящих по пути мудрости и добродетели; когда представляют они их добрыми, полезными, благочестивыми человеками, гражданами, отцами, учителями, начальниками и подданными; когда помышляют они о благословенном влиянии своих мыслей и своего примера во всеобщее благополучие собратий; когда они могут самих себя почитать благодетелями сущего и будущего человеческого рода и при том основательную имеют надежду соединиться паки в лучшем мире с теми, которые в сем были им любезнее всех, и обще с ними

наслаждаться плодами взаимной праводетельности! * Какие чувствования! какие виды! коль благо будут они сим награждены за все свое старание и рачение; коль обильно заменятся им все суетные, преходящие удовольствия, которыми они должности своей пожертвовали! О, да вкусите все вы, занимающиеся воспитанием или которым предлежит оно, сладость наград сих, и да возбудит вас представление оных к непрерывному прилежанию и советнейшей верности в наблюдении сих святейших должностей!

О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей

Успехи наук и распространение учености произвели весьма знатное действие в перемене нравов европейских народов и во введении той учтивости и тонкости, которою ныне они отличаются.

Римляне во времена опровержения их власти потеряли изящный вкус, соделавший сочинения предков их примерами изящности и достойными подражания образцами для будущих времен. Однако сохранили они любовь свою к наукам и старались о художествах с великою ревностю.

Но суровые варвары весьма отдалены были от того, чтоб тронуться удивлением сим неизвестным для них совершенством, и еще презирали оные. Они не достигли еще до того состояния общества, в котором начинают развиваться способности человеческого духа имущие предметами изящество и красоту. Они совсем не ведали тех потребностей и желаний, которые суть матери остроумного изобретения; и не понимая ни достоинства, ни пользы римских искусств, разрушали они монументы их с рачением, не уступавшим немало тому, с каковым после потомки их старались сохранить и сыскивать. Поселением их в Римской империи причиненные разорения, внутренние недостатки, введенные ими в правление, изгнали безопасность и досуг, препятствовали приращению вкуса или успеху наук и содержали Европу чрез несколько столетий в состоянии невежества.

Но как скоро всякая часть общества начала чувствовать свободу и независимость и получила некоторый вкус в выгодах, происходящих от торговли, публичного порядка и личной безопасности, то дух человеческий узнал такие способности, которых прежде и ни примечал в себе, и соделался склонен к таким

* Когда они с Аддисоном могут сказать в смертный час своим детям: «Смотрите, коль спокойно умирает христианин».

упражнениям или стараниям, к которым прежде не был способен. Около начала XII столетия находим мы следы пробуждения его от сна, в котором долго он погружен был, и видим, как обращался он с любопытством и внимательностью к новым предметам. Между тем первые ученые труды европейских народов в средние времена ¹ имели весьма худое направление. В целых народах, равно как и в частных человеках силы воображения достигают уже некоторого степени крепости, прежде, нежели способности разума довольно упражнялись в теоретических и глубокомысленных исследованиях. Человеки скорее бывают стихотворцами нежели философами. Они чувствуют сильно и изображают выразительно, мало еще имевши успеха в исследовании. Гомер и Гесиод жили задолго прежде Талеса и Сократа.

Но по несчастии для учености, предки наши ² уклонились от сего пути, натурою указуемого, и вдруг сверглись в глубины трудных метафизических исследований. Вскоре по поселении своем в завоеванных ими землях обратились они в христианскую религию; но не сохранили ее в чистоте. К простым и поучительным предписаниям христианской религии человеческое своемыслие присовокупило теории суетной философии, старавшейся проникнуть в таинства и решить такие вопросы, которых предельным способностям человеческого духа понимать или решать не возможно. Сии слишком любопытные размышления присоединены были к системе религии, и наконец почитаемы ее существеннейшею частию. Как скоро по том любопытство побудило человеков к исследованию и заключению, то сии материи первые представились им и заняли их внимание. Схоластическое богословие с бесконечным рядом отважных изысканий и тонких различений вещей не подлежащих рассудку человеческому, было первым делом склонности к исследованию, когда они паки начали достигать в Европе до некоторого степени силы и деятельности.

Однако не единое сие обстоятельство дало такое ложное направление умам человеческим, когда начали они употреблять толь долго в пренебрежении бывшие дарования. Большая часть, старавшихся в XII и XIII столетиях восстановить ученость, учились и заняли понятия у греков Восточной империи и арабов, живших в Испании и Африке. Оба сии народы, до крайности остроумные и к исследованию склонные, испортили находившиеся у них науки. Первые сделали богословие системою теоретической тонкости, или бесконечных споров. Последние ввели в философию склонность к метафизической тонкости.

Водимы будучи сими указателями по распутиям, прилепившиеся сперва к наукам зашли в лабиринт запутанных изысканий. Вместо того, чтоб позволить воображению своему взять натуральное течение и производить такие дела, которые

могли бы исправить их вкус и утончить чувства, вместо упражнения в художествах, украшающих жизнь человеческую, скованы они были уважением к помянутым путеводителям, прельщены их примером, и расточали всю силу ума своего на столь же бесплодные, как и трудные размышления.

Но сколь бесплодны и сколь худо направлены ни были размышления сии, однако их возбудил дух человеческий, а отважность их пленила оный. Ревность, с какою упражнялись люди в сем неприманчивом учении, была удивительна. Никогда не обрабатываема была подлинная философия в просвещенные времена с толиким рачением. Во всяком столичном городе и почти во всяком знаменитом монастыре открыты были училища по примеру заведенных Карлом Великим. Строились здания для университетов и коллегий³. Ученые люди разделялись на порядочные общества или цехи, управляемые по собственным законам и имевшие особенную далеко простиравшуюся судебную власть над своими сочленами. Определен был порядок времени учения. Учащие и учащиеся получали знатные привилегии. Для обоих изобретены были всякие академические достоинства и почести.

Не только в училищах преимущество наук вело ко славе и уважению. Оно сделалось предметом почтения в самой общественной жизни и доставляло знатные выгоды приобретающим его. Привлекаемо всеми сими выгодами, невероятное множество учеников приходило к сим столицам учености и с ревностию толпилось в новом открытом пути ко славе и преимуществам.

Но хотя сии первые старания кажутся весьма великими, однако ж одно обстоятельство препятствовало действиям их распространяться, сколько бы надлежало. В сие время, о котором мы говорим *, все европейские языки были еще не выобразованы. Им недоставало красоты, выражения и самой ясности. Не делано еще было опытов исправления, или выобразования их. Церковь посвятила религии латинский язык. Привычка, с менее утвержденным уважением, сообщила его учености. Все науки в XII и XIII столетиях преподаемы были на латинском языке. Все до наук касающиеся книги на оном же были писаны. Писать о важной материи на каком-нибудь новом языке почтено бы тогда было за унижение сея материи.

Чрез то науки заперты были в весьма тесной округе. Одни только ученые допускались во храм наук. От всех прочих двери оного были заключены и оставляли их в прежнем мраке и невежестве. Хотя таким образом науки удерживаемы были от разлития на общество и влияние их было ограничиваемо; однако можно причислить успех их к великим причинам, споспешество-

* От упадка Римской империи до начала XVI столетия.

вавшим перемене нравов в Европе. Вышеописанная ревность к исследованию, хотя худо была направлена, но произвела в умах такое волнение, которым острота и воображение приведены были в движение и получили от него силу. Острота указала человекам новое употребление своих способностей, вкупе приятное и полезное. Она приучила их к упражнениям, клонящимся к умягчению их нравов и к доставлению им вкуса в кротчайшей добродетели, свойственной тем народам, у которых науки успех имеют.

ПРЕДИСЛОВИЯ Н. И. НОВИКОВА К РАЗЛИЧНЫМ ИЗДАНИЯМ

Предисловие к «Опыту исторического словаря о российских писателях»

Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило. Польза от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна; не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей. Одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погибелию многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения. Ныне наступило то время, в которое неусыпным попечением премудрая наша императрица исправляются погрешности предков наших. Под благополучным владением Екатерины Великия Россия вступила на такой степень величества, что все иностранные народы счастию ее завиствуют и удивляются. Невольница татарская ¹ приводит в трепет Мустафу и Магомеда ²; погруженная прежде в невежество Россия о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются. Свидетельствуют сие многие подлинные наши на иностранные языки переведенные книги. Всякие известия, до российской истории касающиеся, иностранными народами принимаются со удовольствием. Между прочими в 1766 году некто российский путешественник сообщил в лейпцигский журнал известие о некоторых российских писателях ³, которое в оном журнале на немецком языке напечатано и принято с великим удовольствием. Но сие известие весьма кратко, и притом инде не весьма справедливо, а в других местах пристрастно написано. Сие самое было мне главным поощрением к составлению сея книги; но сколь сие трудно, благо-разумный читатель и без моего о том объяснения рассудить может; исключая то, что первые следы во всяком деле пролагать трудно, должен был я большую часть наших писателей собирать

по словесным только преданиям. Не в порицание неизвестному писателю, сообщившему в лейпцигский журнал описание наших авторов, упомянул я здесь о его известии и не в похвалу себе; но только для того, чтобы показать, сколь трудно в первый раз издавать такого рода сочинения. Мой словарь имеет свои погрешности и, может быть, столько же еще не достигает до достоинства своего имени, как и то известие, о котором я упомянул. Есть и такие в книге моей погрешности и недостатки, которые и сам я усматривал; но они остались неисправленными потому, что я не мог никак достовернейшего получить известия. И сие-то припудило меня в заглавии сего книги написать «Опыт исторического словаря о российских писателях». Я старался собирать имена всех наших писателей; но при отпечатании моей книги получил еще о многих известие; а сие самое подает надежду, что и еще многие откроются. В таком случае остается мне просить вспомоществования в моем труде от моих читателей. Всякий любитель словесных наук, имеющий сведение о ком-либо из наших писателей, в сию книгу не внесенных, или в поправление издавнаго, написав, может сообщить в письме к сочинителю сей книги, которое принято будет с благодарностию и со удовольствием поместится в продолжение сего «Словаря»⁴. Я не исключаю из сего и критик, на благоразумии и справедливости основанных: они тем приятнее для меня будут, чем более способствовать станут к приведению в совершенство сего книги. Если кто соблаговолит прислать такие письма из живущих в здешнем городе, то могут оные сообщить к переплетчику, у которого книга сия продаваться будет; а из других городов могут подписывать на имя сочинителя и посылать на почте, а мое старание будет получать оные с почтового двора. Чем более будет сообщено ко мне таких известий, тем больше удостоверяю я, что труд мой от просвещенного общества заслуживает внимание.

Предисловие к «Древней российской вивлиофике»

Благосклонное принятие от общества некоторых маловажных моих сочинений¹ ободрило меня и было поощрением к важнейшим трудам. В нынешний, 1773 год увидят читатели мое ежемесячное издание под заглавием «Древняя российская вивлиофика», и когда приняты были благосклонно собственные мои безделки, то в рассуждении вещества, сие издание наполняющего, почти не сомневаюсь я о благосклонном оного принятии.

Не все у нас еще, слава богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся, с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают вели-

кость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов; но гораздо полезнее иметь сведения о своих предках; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оным. Напоенные сенским воздухом, сограждане наши станут, может быть, пересмежать суеверие и простоту, или по их глупости, наших прапрадедов; но одни ли россияне подвержены были суеверию? Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея²; тогда не должно будет удивляться, что у нас некоторые частные люди от суеверия пострадали. Но я прекращу сие дабы не навлечь на себя гнева от сих подражателей клевет А* де Ш**³.

К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей! Для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с него полезные плоды и употребить их в свою пользу. Не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество; они и самые добродетели предков наших пересмежают и презирают. Впрочем, я уведомил уже тебя известием, в «Ведомостях» напечатанным⁴, о порядке сего издания; что ж касается до вещества, которым наполнено будет сие издание, то сие показывает заглавие сея книги.

Остается мне просить благосклонных моих читателей о воспомоществовании мне в сем издании: ибо хотя я уже и имею много разных любопытства достойных списков для наполнения сего издания, но, может быть, у охотников хранятся еще достойнейшие оных. Итак, если соблаговолишь ты, любезный читатель, учинить мне сие вспоможение, то сообщи таковую книгу к переплетчику Миллеру, а я, списав оную, возвращу вам в целости, с засвидетельствованием моея благодарности.

Ее императорское величество всемилостивейшая наша мать и государыня, пекшаяся о просвещении нашем, и в сем случае первая соизволила ободрить меня самым делом⁵, указав сообщить мне из вивлиофики ее книгу, содержащую множество редких писаний. В самом начале сего моего труда сия книга принесла мне великую пользу: ибо я находил в ней то, что пропущено во многих списках.

Наконец, если усмотришь ты, благосклонный читатель, какие погрешности мои или недостатки, в сем издании легко быть могущие, то упусти оные, памятуя, что в начале своем ничто не может быть совершенно.

Предисловие от издателя к «Древней российской гидрографии»

Получа сей список от г(осподина) коллежского асессора Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я его весьма достойным напечатания как для сохранения самого сего списка, так и для

удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находящихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, окромя церковных, да и то будто только служебных. Предприняв издать во свет сей список, но не утверждаясь на одном мною полученном, я стараюсь отыскивать другие и нашел в библиотеке императорской Академии наук два списка, один старинным, а другой новым письмом писанные; у одного из оных не находится заглавия до пятидесяти страниц начала, а другой под заглавием: *Описания Московского государства*, но оба весьма неисправно переписанные. Потом получил я еще из Москвы три таковые же списка, старанием моего друга отысканные; первые два из библиотеки покойного Александра Григорьевича Сабакина, а третий, исправнейший всех, список, на котором подписано: *Список со списка, находящегося в патриаршей ризнице*. Прочитав все оные списки, нашел я, что полученный мною от г(осподина) Хлебникова список старше всех, и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности. При сем списке находящееся предисловие показывает, что сия книга была в трех частях; и если не ошибаюсь, то вторую часть оная отыскал я под названием: *Поверстные книги*, которую принял я намерение в свет издать в непродолжительном времени. Что ж касается до третьей части, содержащей в себе описание, в которых городах находились бояре или окольничие и проч., то по сие время нигде еще оная отыскать я не мог. В некоторых местах не находится наименования речек, а в других одни реки двумя наименованиями означены; но я оставлял оные погрешности точно так, как находятся в списках, опасаясь, чтобы поправками не погрешить более самого переписчика.

Предисловие к IV тому Собрания сочинений Феофана Прокоповича

К читателю

Наконец, ожидание твое, любопытный и писания знаменитых творцев российских любящий читатель, награждается изданием четвертой части полного собрания сочинений Феофана Прокоповича, мужа учением и изяществом писаний своих, славу России приносящего, и если не воспретят обстоятельства, то за сию четвертую вскоре последует и пятая часть.

Я почитаю за весьма не нужное распространение в похвалах великому сему мужу, ибо он в ученом свете давно уже заслужил похвал гораздо более, нежели сколько скудость пера моего возмогла бы ему принести оных.

Предисловие к 3-му и 4-му изданиям журнала «Живописец»

К читателю

Благосклонное принятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить к третьему. Если б я был самолюбив, то скорый сей расход «Живописцу» неотменно поставил бы на счет достоинства моего сочинения; но, будучи о дарованиях моих весьма умеренного мнения, лучше соглашаюсь верить тому, что сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас не только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию чужестранных языков, нравятся; люди же, разумы свои знанием французского языка просветившие, полагая книги в число головных украшений, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми из Франции: как то пудрою, помадою, книгами и проч. В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: «Троянская история», «Синописис», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитание детей», «Азовская история» и другие некоторые. Напротив того, книги, на вкус наших мещан не поавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных. Сожалеть должно о том, что в число сих последних многие весьма хорошие и полезные книги попались, которые весьма бы были достойны занимать место самой душистой пудры, из Франции привозимой.

Впрочем, должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменял, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями. Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют для лучшего расхода своих сочинений.

Предисловие к «Скифской истории» А. Лызлова

К читателю

Скифская история, издаваемая ныне мною в свет, давно уже известна всем упражняющимся в российской истории и любителям ее. Она сочинена стольником Лызловым в 1692 году и состоит в трех частях:

1) содержит в себе историю скифских народов и оканчивается взятъем царства Астраханского под Российскую державу; 2) содержит историю о Перекопской, или Крымской орде и царях их, о Магомете и законе, от него вымышленном, и окан-

чивается историею турецких султанов; 3) и последняя часть есть перевод с польского языка в 1687 годе и содержит в себе известие о дворе турецких султанов и пребывании их в Константинополе. Кажется, что нет нужды выхвалять труд сочинителей; ибо оный давно уже писателями российской истории похвален и уважаем. Что же касается до издания сей книги, то учинено оное с наилучшего списка из всех тех, которые я имел и которые мне видеть случилось. Сей список находится в Москве в патриаршем книгохранилище, написанный изрядным и чистым старинным почерком в лист. Я решился предпочесть его другим спискам наипаче по подписи, что оный самим сочинителем отдан в патриаршее книгохранилище. Впрочем не остается мне больше ничего, как в заключение сего пожелать читателю моему, чтобы он пользовался сею книжкою столько, сколько любители российской истории желали видеть ее напечатанною.

Предисловие к «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева»

К читателю

Сообщаемая ныне мною ученому свету книга содержит в себе разные известия, касающиеся до жизни славнейшего мужа времен царя Алексея Михайловича. История наша весьма мало может нам представить ему подобных. Сей есть Артемон Сергиевич Матвеев, ближний боярин, наместник разных городов, царския большия печати и государственных посольских дел оберегатель, приказов стрелецкого, казанского и других, також и Монетного двора главный судия. Сей муж неутомимыми услугами, верностию и преданностию к государю, беспрельдною любовию к отечеству, милосердием к народу, мудростию и правосудием в делах политических и гражданских, храбростию и прозорливостию в делах воинских и, наконец, ученостию своею снискал себе славное название царского друга и благодетеля народа. Царь Алексей Михайлович писывал к нему обыкновенно в письмах своих: *друг мой Сергиевич!* Одно из таковых писем доказывает совершенно, сколь велики были к нему любовь и доверенность сего государя. Сие письмо писано было к нему из Москвы под Смоленск, где тогда Артемон Сергиевич с войском находился; а в нем между прочим написано: *Приезжай к нам скорее: дети мои и я без тебя осиротели; за ними присмотреть некому, а мне посоветывать без тебя не с кем*, и проч.. Таковых писем и других известий и собственных Артемона Сергиевича записок и сына его графа Андрея Артемоновича весьма

много находится в доме князей Мещерских, о чем я сам слышал от покойного его сиятельства князя Василия Ивановича Мещерского и которые он, разобрав, обещал ко мне прислать. Желательно бы было, чтобы сии бумаги ко мне сообщены были, дабы или при втором издании приобщить оные к сей книге, или бы можно было приступить и к сочинению полной истории сего великого мужа. Любовь же народную к нему доказывает слышанное мною от многих достоверных людей, а паче от покойного князя Василия Ивановича Мещерского известие, который уверял меня, что он сие известие почерпнул из домовых записок, находящихся у него, и которое я здесь сообщаю. Артемон Сергеевич Матвеев имел весьма малый и тесный домик между Покровкою и Мясницкою, в приходе церкви Николая чудотворца, что на Столпах, где после уже построил он большие каменные палаты, которые и ныне еще в целости стоят и принадлежат князьям Мещерским. Царь несколько раз ему говорил, чтобы он построил себе большие палаты, но Артемон Сергеевич всегда отговаривался недосугами и неисправностию; наконец царь сказал, что он сам прикажет ему построить палаты. Артемон Сергеевич, видно, что не старался обременять себя милостями государскими и для того, благодарив государя, сказал, что он уже исправился и намерен того же лета строить себе палаты. И в самом деле приказал заготовлять материалы к строению; но тогда во всей Москве не было в привозе камня для фундамента. Слух о сем в городе разнесся, что боярин Матвеев хочет строить палаты, но затем не начинает, что нет камня на основание дома. Стрельцы и народ, собравшись, между собой переговаривали, и несколько человек на другой день пришли к боярину, сказывая, что стрельцы и народ слышали, что он нигде не нашел купить камня, так они ему кланяются, то есть дарят камнем под целый дом. *Друзья мои!* — отвечал боярин, — *я подарков ваших не хочу, а ежели у вас камень есть, то продайте мне, я богат и могу купить.* Присланные ответствовали, что пославшие их сего камня не продадут ни за какие деньги, а даря своего благодетеля, который им всякое добро делал, причем просили его неотступно, чтоб он приказал те камни принять. Долго не склонялся боярин, но наконец согласился и приказал привезть. Но в какое пришел он удивление, когда на другой день увидел полон двор навезенных камней с могил. Выбранные говорили ему: *Привезенные камни взяты нами со гробов отцов и дедов наших, и для того-то мы их ни за какие деньги продать не могли, а дарим тебе, нашему благодетелю.* Боярин, не отпуская их и не принимая камней, тотчас поехал к царю и уведомил его о сем неслыханном случае. Но царь отвечал ему: *Прими, друг мой, сей подарок от народа, знатно, что они тебя любят, что гробы родительские обнажили, для того, чтоб сделать тебе*

угодность. Такой подарок и я бы охотно принял от народа. Боярин возвратился домой, принял каменья, дарил их, но они ничего не принимали, и так отпустя их, начал строить дом. К чести сего мужа должно сказать и то, что царица Наталья Кирилловна¹, мать императора Петра Великого, воспитана была в его доме и жила в оном до самого вступления в замужество царское. Хороший его вкус и знание в свободных художествах утверждает иконостас в домовою его церкви, который весь написан наилучшим итальянским письмом. Любовь его к наукам доказывает то, что он всегда имел обращение с иностранными учеными мужами, что после было причиною его несчастья и ссылки в правление царя Феодора Алексеевича². Один польский историк уверяет, что царь Алексей Михайлович при кончине своей, предусматривая слабость сил телесных обоих царевичей, Феодора и Иоанна Алексеевичей, сделал было завещание, которым наследником и преемником престола своего определял царевича Петра Алексеевича, а Артемона Сергиевича назначал правителем государства до совершенных лет младого царевича; но что по кончине царя Алексея Михайловича обстоятельства переменились, и сей случай, по его уверению, был причиною ссылки боярина Артемона Сергиевича.

Что касается до сей издаваемой мною книги, то список, с которого я издавал, угодно было ее императорскому величеству приказать сообщить мне из собственных ее книгохранилищницы и поручить мне издание оного. Судьбою предоставлено, чтобы век Великия Екатерины был веком славы и величества России и чтобы не токмо пыне живущих великих мужей, но и умерших память и славные дела, погребенные во тьме веков прошедших, извлекались из под спуда и полагались пред очи всего мира при ее премудром правлении, для прославления имен их в позднейших потомках. Сей список, полученный мною от ее императорского величества, списан с находящегося в доме покойного князя Василия Ивановича Мещерского под следующим заглавием:

Оправдание о безвинном разорении и о семилетнем страдании бывшем в ссылке в Пустоозерском остроге боярина Артемона Сергиевича и сына его, комнатного стольника Андрея Артемоновича, Матвеевых, с 7184 по 7190 год, при державе пресветлейшего государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, блаженныя памяти, каковый он, вышеименованный боярин, весьма ясно изнес по трем своим челобитным, тогда от бывшего у него пристава от стольника Гавриила Яковлева сына Тухачевского из Пустоозерского того острога посланным в стрелецкий приказ, для донесения его высокопомянутому царскому величеству о всесовершенной той истинной правде и о невинности своей по

явной на него клевете и по вымышленному от внутренних его боярских злодеев притворному и самому ложному составу, с достоверными самими от себя доказательствами, к ясному во всех тех злосоставных и сказкою ему причтенных вин изобличением освидетельствованных истинным правосудием Божиим и от божественного писания святых правил, от христианских всех законов и всех гражданских прав и уложений, которыхя вины без всякого испытания, чрез оные государственные права, без очных ставок, необходимо подлежащих ему, боярину, с ворами и клеветниками оными, и противно всем христианским законам и правилам и гражданским тем правам и уложению ему, боярину, в казанской приказной палате, при боярине и воеводе Иване Богдановиче Милославском³ нарочно из Москвы присланным дьяком Иваном Гороховым сказаны были, который дьяк Горохов его же боярские и сына его пожитки на его великого государя с дьяками, со Львом Нечаевым и с Никитою Полуниным в прошлом 7185 году описывал и обирал. О чем о всем вышепомянутом обстоятельнее известно будет из тех его боярских к его царскому величеству и к святейшему Иоакиму патриарху московскому и всея России подлинных челобитен и к ближним боярам с грамоток, списанных по порядку ниже сего. А те все подлинные челобитные писаны были собственною рукою сына его Андрея Артемоновича. Кроме сего списка, имел я еще три другие: один находящийся в императорской библиотеке при Академии наук, другой получил я от г(осподина) генерал-аудитора лейтенанта Петра Кирилловича Хлебникова, третий находился у меня купленный мною. Все сии четыре списка сходствовали между собою совершенно, кроме того что в трех последних списках весьма много погрешностей, от переписчиков учиненных. К сему списку прибавил я собранные мною надписи с надгробий многих особ из рода Матвеевых.

В заключение желаю читателю моему, чтобы он при совершенном здравии пользовался сею книжкою, ожидая с терпением полной истории сего великого мужа.

**Предисловие к «Повествователю древностей российских,
или собранию разных достопамятных записок,
служащих к пользе истории и географии российской»**

К читателю

Благосклонный любитель российских древностей!

Сие издание, под заглавием *Повествователь российских древностей, или собрание разных достопамятных записок, к пользе истории и географии российской служащих*, предпринял я из-

давать в угодность вашу. Вы находите довольно свободного времени для прочтения сих листков, ознаменяющих некоторые черты нравов, обычаев и обрядов знаменитых наших предков. Вы не имеете отвращения от сухого, грубого и странного для нас старинного слога; вас не мучит колика от частых повторений слов, почти во всех старинных сочинениях обретающихся; ваш слух не страдает при изречении мудреного, странного и нелепого слова: *Вивлиофика*; и не делается вам от того, благодаря вашему рассуждению, ни апоплексии, ниже частых и жестоких обмороков. Взявши книгу моего издания, вы не чувствуете худого запаха и гнили; и пыль, покрывающая сии древности, не задушает вас; а всего удивительнее, что сия пыль и гниль не портит ни французского душистого парфюм пудра, ни благоуханных разноцветных помад, ни тысящицветочных ароматического запаха вод и проч. и проч.; что все случается с теми молодыми нашими господами, которые заражены французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздною и всякими наружными украшениями и бесполезными увеселениями. Вы, благосклонный любитель российских древностей, я думаю, также, как и я, часто сему удивляетесь, что старинные книги вам вреда никакого не делают, как прочим; но если позволите мне, то я сообщу вам догадку о том одного знакомого мне человека: он говорит, что вся сия разность происходит от *воспитания, здравого рассуждения и порядочного расположения обыкновенного нашего времени*. Доказательства его на сию догадку я здесь не помещу для того, чтобы сделать из того новую загадку, которую оставляю решить отцам, матерям и всяким родственникам, воспитывающим молодых людей. А вам, благосклонный любитель древностей российских, желаю пользоваться сим изданием.

Предисловие к журналу «Санкт-Петербургские ученые ведомости»

Общество наше, из нескольких человек состоящее, предприняло издавать на сей год периодические листы под заглавием «Санкт-Петербургских ученых ведомостей». Сочинений такового рода много вышло на разных европейских языках, но на нашем по сие время не было еще ни единого. Ученый свет давно ожидает сего дани от нашего отечества: распространение наук в *России* и успехи в оных единоплеменников наших во всех ученых европейских мужах ежедневно умножают любопытство к достоверному узнанию оных. Правда, что к заплате сего дани требовалось бы перо гораздо искуснейшее нашего, но усердие к пользе и славе отечества заменит нам сей недостаток предварением других в издании «Ученых ведомостей» и доставит честь

первенства, на списkanie коея не все охотно отваживаются; ибо должно до нее достигать по непротоптанным и многотрудным стезям.

Сочинения сего рода обыкновенно почти вмещают в себя уведомление о напечатанных книгах по всей *Европе*, с присовокуплением критических оным рассмотрений; вносятся также и оные земные и морские чертежи, эстампы и проч.; известия о делах ученых и об успехах их в науках также занимают здесь место: короче сказать, все, что ни происходит в *ученом свете*, то все обретает место в сих сочинениях.

Подражая сему примеру, мы точно тот же будем наблюдать Порядок в наших «Санкт-Петербургских ученых ведомостях»; но с такою притом на первый случай ограниченностью, что все сие будет касаться до нашего токмо отечества.

Сверх сего мы будем иногда вносить в наши «Ведомости» мелкие стихотворения, которые более согласны будут с нашим намерением. Да и пригласили бы мы господ *российских* стихотворцев к сочинению надписей к личным изображениям *российских* ученых мужей и писателей; если бы не опасались мы их тем отвлечь от важнейших трудов. Но ежели бы захотелось им оказать нам учтивость исполнением нашей просьбы, то предложили бы следующее упражнение: сочинить надписи *Феофану Прокоповичу*, к(нязю) *Антиоху Кантемиру*, *Николаю Никитичу Поповскому*, в науках прославившимся мужам; *Антону Павловичу Лосенкову* и *Евграфу Петровичу Чемезову*, в художествах отличному мужам. Сего на первый случай было бы довольно.

Мы намерены также вносить в листы наши касающееся до описания жизней *российских* писателей, которое бы могло служить споможением ко приведению в лучшее совершенство (сочиненного г(осподином) *Новиковым*) «Опыта исторического словаря о *российских* писателях», напечатанного в СПб., 1772 года.

Но как критическое рассмотрение издаваемых книг и прочего есть одно из главнейших намерений при издании сего рода листов и поистине может почитаться душою сего тела, то и испрашиваем мы у просвещенных нашей публики, да позволит-ся нам вольность благодарных критики¹. Не желание охудать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благо-разумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что во критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великою строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия. Ничто сатирическое, относящееся на лицо, не будет иметь места в «Ведомостях» наших; но единственно будем мы говорить о книгах, не касаясь нимало до писателей оных.

Впрочем, критическое наше рассмотрение какая-либо книги не есть своевольное определение участи ее, но объявление только нашего мнения об оной. Сами господа писатели, издатели или переводчики оных могут присылать возражения на наши мнения, которые мы, получив, охотно поместим в наших «Ведомостях», если только в сочинении сем наблюдаены будут принятые нами правила благопристойности и если сочинитель оного подпишет к нам свое имя. Могут сие делать и другие, кому не понравится какое-либо наше мнение и кому за благо рассудится оное опровергнуть; но наблюдая скромность и благонравие и подписываясь притом под своим опровержением. Просвещенные и благоискусные читатели легко проникнуть могут, куда склонается сие наше намерение.

Мы просим и приглашаем всех ученых мужей и любителей *российских писмен* быть нашими сотрудниками и соучаствовать во предприятии нашем, клонящемся единственно к пользе общественной. Все таковые присланные статьи помещаемы будут в наших «Ведомостях», если также согласны оные будут со принятыми нами правилами. Кто соблаговолит соучаствовать во трудах наших из живущих в *Санктпетербурге* и в *Москве*, тех просим сообщать к нам сочинения свои, запечатав и надписав на имя издателей «*Санктпетербургских ученых ведомостей*», присылать оные в *Спб.* ко книгопродавцу *К. В. Миллеру*, живущему в *Луговой Миллионной* улице, а в *Москве* в университетскую книжную лавку, ко книгопродавцу *Ридигеру*; из других же *российских* городов желающие могут сообщать чрез почту к которому-нибудь из сих двух книгопродавцев.

Мы за благо судили быть утаенными именам нашим, а будем ставить под каждою статью одну букву из имени или прозвания того сочинителя, который ее писал и которую кто избрал себе из всех писмен, имя и прозвание его составляющих. Любопытные читатели могут отгадывать по сим буквам имена наши сколько им угодно. Сие упражнение оставляем мы охотникам до новостей; себе же *избираем благую честь, от нея же никогда не отымемся*²; сиречь, всеусильно и по крайней нашей возможности стараться станем трудами нашими снискать благоволение всеавгустейших и премудрых монархини нашея; благосклонность просвещенных публики нашея и одобрение мужей ученых.

Н.³

Предисловие к Полному собранию всех сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова

Известие для читателей

Хотя и намерен я был при первом томе приобщить описание жизни покойного сочинителя с присовокуплением росписи всем

его творениям и с показанием, которые сочинения вновь выдаются и которые сообщаются вторым и третьим изданиями; но как сверх семи ныне издаваемых томов будет еще два или три тома, то и решился я все сие и оставить уже для последнего тома, чтобы чрез то с лучшею удобностию читатели имели пред глазами своими в одном месте оглавление всех творений.— Девятый и следующие томы, сколько их будет, находятся в тиснении и в непродолжительном времени выйдут в свет.

Предисловие к «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих»

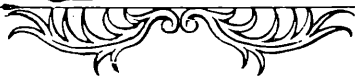
К читателю

Издавая тиснением предлагаемую вам, благосклонный читатель, Родословную книгу, за необходимое почитаю уведомить вас, первое о подлинниках, с которых учинено издание, второе, о намерении, которое имел я при издании сей книги, и третье, о вещах, относящихся к будущему второму изданию оных. Списков имел я несколько, писанных старинным и новым письмом, из коих наиболее заслуживал вероятие сообщенный мне от покойного господина статского советника и ордена святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени кавалера, Федора Ивановича Миллера; почему в несогласных местах и следовал я всегда оному, предпочитая всем прочим.

Намерение же мое было при издании сей книги, первое, чтобы услужить имеющим в оной нужду читателям, а наипаче в настоящее время, когда всякий почти дворянин имеет надобность в подобной книге. Желал бы я издать оную гораздо в большем совершенстве, а наипаче доведенную до настоящих времен, со внесением всех родословных, кои в сей настоящей книге не находятся; но сего не мог я учинить без помощи тех, кои могут споспешествовать намерению сему» почему и прошу я всех тех, кому угодно будет помочь мне в сем намерении, о доставлении полных родословных, до настоящего времени доведенных, ко второму изданию сей книги, дабы приведен я был в состояние изготовить оное заблаговременно. Если кому угодно будет сообщить ко мне таковые родословные, то прошу, первое, дабы оные писаны были чистым и четким письмом, второе, чтобы они скреплены были подписанием сообщającego, и третье, назначено было бы место пребывания сообщającego; и таковые письма благоволят адресовать в университетскую книжную лавку, к издателю Родословной книги.

А. П. СУМАРОВ

НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ О ДОБРОДЕТЕЛИ

I

Приятно слышать о добродетели, ибо она душа нашего общего блаженства; но то горько, что она коликo превозносится, толикo презирается. Причины сего презрения ясны: не добродетель делает нас во народе отличными; но получаемые нами чины, богатство и сила; кто же им, кроме немногих, предпочтет добродетель? Почитая ее, будучи сам презираем? Самолюбие и любочестие природно всем: а потому, что наслаждаемся мы оными не помощью добродетели, но другими обилиями: мы устремляемся более быть почтенны, не имея достоинства, нежели, имея оное оставаться во презрении. Снискание добродетели труднее, нежели снискание почтения, потому что род человеческий по большей части судит поверхно; ибо невежества более, нежели просвещения; пристрастия более, нежели чистосердечия. Грабитель насыщается грабительством, обманщик — обманом; и всякий вредный обществу, изобильствует; а лишенный снискати достоинством себе достаточного пропитания, ежели его ни разум, ни честность не приводили к истине, видя себя в добродетели страждуща, а злодея во беззаконии благоденствующа и ища любочестия и сластолюбия, разрывает свою систему, не приносящую ему пользы, и ищет удовольствия своего во беззаконии. Чины суть утверждение нашего достоинства и заслуг отечеству; ибо не действующий к пользе общества разум и не приносящая миру плода честность суетны; но всегда ли чины получаются по достоинству? А когда их и без достоинства получить удается, а по ним люди почитаются, так редкий станет обуздывать страсти свои, когда ему обуздание не очень полезно; и вместо сей неверной и трудной дороги избрет себе верную и легкую дорогу ко принятию во храм своего блаженства. Богатство, получаемое по наследству, могло бы одержать человека от кривого пути, снискати изобилие, ибо изобилие уже есть; но как око не насыщается зрением, тако и жадность наша редко изобилием утешается. Слава влечет нас; но многие ли к ней способны? Многие ли имеют открытое к ней

поле? Многим ли она удастся? Сверх того, какое множество препятствователей мы в ней имеем? Тщеславие легче истинной славы, и пути к нему глаже. Знатная порода, также по большей части добродетели вредна. Не теряет ли любочестия достойный человек, видя начальника своего не имуща достоинств. И твердейшей во честности душе в часы крайних неудовольствий, и зрящей на ликовствование злодеев, несносно; но все ли люди во честности герои? Не возведет ли к небу рук и утешяемый герой, и не возопиет ли тако: О всемогущий боже, душа моя не колеблется, но силы мои истощаются; трепещет сердце и глаза помрачаются; я глад и жажду претерпеваю, во весь день тоскую, в ночи бежит сон от очей моих; а люди неправедные, презирая твои уставы, когда я чувствую геенское мучение, обитают на берегах рек райских; я не запрещенных плодов не вкушаю, а они и запрещенными довольствуются; они ада хотя и страшатся, но имеют надежду освободиться от него, а я уже во аде. Блаженство и изобилие худых людей, а особливо снисканное неправдою, есть разрушение добродетели и лестный пути притяжания ко злочестию. Бедность угнетает сердца и истребляет из них любочестие, огорчает мысли, омрачает разум, здоровье разрушает, отъемлет способность нашу действовать честностью, а иногда и во отчаяние приводит, которое ввергает их во безумство. Алчущий, жаждущий, как унывающий и болящий, хотя и чувствует добродетель, но воображает ее слабо. Во спокойстве и веселии яснее она воображается честностью наполненной душе, нежели во унынии: и действовать ею честная душа во утеснении едва способна; на что же и семена, когда их сеять негде. Бесполезны ум и честность несчастного, и для него и для других.

*«Кто сетует всегда,
Тот действовать умом не может никогда» **

Были ли вы когда, о дражайшие времена златого века? и ежели были, к чему посвящаемся учением? или ради того только, чтоб мы свое несчастье более чувствовали и изощряли разум ко познанию нашей малости? Невежи счастливы и тем весьма, что они, наполнены гордости, не только боготворят себя прочими животными, но и пред подобными себе человеками. Мелкий дворянин, не простирающий более двух шагов рассудка своего, чает то, что коликое расстояние почтения между бога и его, толикое его и его крестьянина: ест и пьет он довольно, хотя и худо, но худое за лучше вкушая. Счастлив такой, что он, отшед от состояния златого века, избавился отягощающего природу просвещения, которое нашему спокойствию толь надобно

* Из трагедии «Синав и Трувор».

мало, сколь оно угодно нашему любопытству и любочестию, хотя оно нередко любочестие и утешает. Свинья не часто взорла небо возводит; благоденствующая свинья блаженнее окованного Галилея¹. Лягушка, не размышляющая о божестве, живущая спокойно в болоте, блаженнее скованного Сократа. И не бремя ли учение, когда все оно против невежества, как малый источник противу окияна. Не слышны тогда струи в реке, когда шумят валы окияна; не слышно и учение, когда ревет невежество. Вот колико препятствия добродетели и колико подпор злодеянию. Лучше бы было, ежели бы учение совсем исторгнулося, нежели чтоб оно не многими было почитаемо, многими презираемо, многими гонимо, а большею частию людей неведомо. Желательно, чтоб люди или все просвещенны были, или бы все были невежи, ибо блаженство во дни древнего на свете невежества было и добродетель почиталася. Учение испорченным нашим сердцам — лекарство, а не испорченному злодеянием невежеству оно и нужно не было; но мы видим то, что сие лекарство общему блаженству пользует мало, а иногда и во яд превращается; но нельзя жестоко болящему без него обойтись; и ежели проповедывание о добродетели и знании подпирющим се умолкнет, так злодеяние еще и больше получит силы, ибо приносит толкование о том некую, хотя и малую пользу испорченным народам. И как бы то ни было, но совесть наша, сия данная нам искра божества, требует того, чтобы мы ни на что не устремлялись, взирая ко добродетели, а особливо памятуя, что есть бог на свете и что данная нам богом жизнь возвратится ко своему чистому источнику; так надобно, чтоб она и чиста была. Последуем должности своей: она во добродетели состоит: и ежели есть бог, так будет и возмездие, а бог, конечно, существует.

II

Воспитание к добродетели потребно без сомнения; но оно может быть только преддверием ее; ибо воспитание без поддержания учением и честным собеседованием слабо ко удержанию нас на пути истины. Приятные основания единою привычкою утверждаются и отвычкою искореняются. Едина о добродетели проповедь, коль она ни вероятна, легко исторгнута быть может малейшим противогласием. Похвально воспитание; но к нему честное потребно обхождение и образцы притялекающие нас к честности; а сверх того учение. Казалось бы, что физическое и математическое рассуждение добродетели было не нужно; да многие физисты и математисты честности и не знают; однако тогда их основания не употребляются, кроме как только ко их профессиям. Сии две обширные науки и логика² суть орудия к изысканию истины; а добродетель без снискания истины ни

вкорениться ни утвердиться не может. Словесные науки, имеющие основание на логике, нужнее еще и физики и математики ко приобретению добродетели. Но потому что добродетель не от одних ученых требуется, может показаться учением, не столь нужным ради добродетели. На сие я во возражение отвечаю: не надобно премудрости солдату; но полководцу без нее обойтись нельзя. Солдат установлению следует; но предписание устава требует просвещенного полководцу ума, тако и учение потребно предводителям народа; а всему народу его имети не можно; да учение сверх того еще велико при великом остроумии; ибо малоумных оно портит. Народ утверждает предписанными им уставами, которых благо ему понятно, а сами они систем не составляют, хотя о честности и одна только система; и кажется, что она еще и нетрудна: ибо в том она и состоит только: делай то другому, чего ты себе желаешь. Рубашка, как говорится, кафтана к телу ближе; так нельзя не предпочесть своея собственности делам другого; однако желай добра и другому по размеру желаним собственности. Кратка и проста сия наука; но развращенному разуму и испорченному сердцу весьма трудна; ибо противоборствие невежества и пристрастия должно быти опровергаемо великою силою просвещения. А воспитание к тому только дорогу очищает. Мука еще не хлеб, следовательно, и не пища еще; воспитание становится пищею добродетели тогда, когда оно установится просвещением, без которого оно подобно ореху, не имущему еще ядра, или яйцу, не произведшему еще цыпленка.

III

Возращение добродетели принадлежит начальникам и писателям; проповедники добродетели толкуют о ней, а начальники за нее награждают, пороки исправляют и беззаконие истребляют. Сие дело есть первая монарша должность; но монархи не сердцеведцы и не всевидцы; так не могут разбирати всех подданных, да и ближайших; отягощенны многими делами, подробно не всегда разбирати могут; надобны такие вельможи, которые бы им помоществовали в сем важнейшем должности их деле. Чем вельможи просвещеннее и добродетельные, тем более чистится и народ. Когда вельможи любят науки, любит и народ; когда вельможи травят только зайцов, другие дворяня также порскают; когда вельможи играют только в карты, весь парод держится пеструхи³; а сия игра есть отравя добродетели, отводящая людей от должностей, убивающая время и пустым обременяющая головы. Кажется мне, что времени мало человеку ко исправлению должностей, хотя бы и карт не было: да

и на что играть тому в карты, у кого и без того доходы велики? Не лучше ли бы отдати сей гнусный труд и вредный прощелыгам? Пускай сею гнусную профессию обогащаются тунеядцы и разоряют молодых людей. Неявное ли это разрушение добродетели? Все это видят, и никто сему не противоборствует; не чудно ли это? Чем же провождати время? Ничем, когда голова пуста; но пустой голове, должно ли большой имети чин? Не подумает ли кто, что я говорю дерзко; ибо многие достойные и почетные люди пеструхи держатся или картами забавляются. Можно ли хулить пьянство, когда бы какой знатный господин этого держался? И можно ли озираться, когда я пишу о добродетели, нет ли какого из могущих соделати мне худо недобродетельного господина, упражняющегося единственно в маловажнейших забавах? Когда писать о истине и добродетели, так бояться не надобно, по пословице: *когда кто боится дразну, тому не надобно и в лес ходить*. Трусливый моралист есть трусливый воин: трус военный не принимайся за шпагу и не дерись за отечество; а трусливый моралист не принимайся за перо и не защищай добродетели.

IV

Добродетельные люди — не боги и подчинены страстям, хотя и не подвержены беззаконию. *Мы грешны все и все природы одинакой; но плут из нас не всякий*. Строгость во рассуждении слабостей наших и строгое мнение есть тиранство. Человеколюбие есть первая статья добродетели и источник всякого блага. Теперь я спрошу: должно ли имети человеколюбие к тем, которые сами одного лишены? Нет. Я не законодавец, и даю мое рассуждение, а не законы. Не должно быти против их тиранами только; ибо кто украдет у меня, а я за то украду у него; так мы оба воры будем. Убийца и грабитель сами себя любви ближнего лишают, и могу ли я того любить, кто других не любит? Надобно, говорят, любить человека по человечеству; но человек, лишенный человечества, противнее хищного зверя. Я смотрю с отвращением, когда псы ловят заяца, и без жалости могу не смотреть, но терпеть, когда убивается хищный волк. Как убивают быков, я этого с роду не видал и никогда не увижу; необходимость только сие наше варварство извиняет. Непохвален человек, лишнюю имущий копейку и потчивающий просящего старика или больного человека, или алчущего младенца словом: бог даст, употребляя не к месту имя милосердного бога; но кто не подаст милотины разбойнику, чем того обвинить можно? Когда я увижу разбойника, я стыжуся, что и я такие же составы, как он, имею, и жалею тогда, что я не овца; ибо овцы без исключения все не злосерды. Когда я вижу несвязные стихи,

я стыжуся, что я стихотворец и имя поэзии тогда мне омерзевает.

*В суде против бездельств, имея сердце твердо,
Взайрай на слабости людские милосердо*.*

Не почитайте не добродетельными людьми людей, подверженных некоторым слабостям, но не называйте пороками беззаконий.

V

Не делати зла, хорошо; но сие благо еще похвалы не заслуживает: столб худа не делает; но столб за то еще почтения не удостоивается. Не делати худа, не есть добродетель: добродетель есть делати людям добро, коли можно; похвально и то, что я могу и не делати людям худа; но то еще не добродетель. Но может ли еще это быти, чтобы кто не смог людям делати добра? Кажется мне, что всякий человек много или мало, но может ближнему делати услугу. Итак, каждый человек имеет могущество благодеяниями своими снискати добродетель; а еще удобнее ему быти злодеем. Ко благодеянию устремляются немногие, а злодеянием наполнена вселенна, по размеру невежества и ожесточения. Не думает ли кто угоден быти богу, когда сердце чье не добродетельно. Тщетны и молитвы и посты его. Богу жертва, сердце сокрушенно и смиренно.

VI

Многие думают, будто просвещение только одним начальникам надобно; но блаженство общества состоит не в начальниках одних и не в одних знатных господах. Когда-де, говорят, люди все просвещенны будут, так не будет повиновения и, следовательно, никакого порядка. Сия система принадлежит малым душам и безмозглым головам. Сделаем новое общество и вообразим то, что оно состоит из Сократов. Захочет ли кто видети не породю и не достоинством, но счастьем кого себе государем, когда он сам должен будет черпать ему воду? Собралися бы Сократы и, посоветовав, выбрали себе, конечно, или государей или государя. Монархическое правление, я не говорю деспотическое, есть лучшее; так сии Сократы, посоветовав, изберут себе государя, вельмож и начальников, которым они еще больше повиноваться будут, имея здравый рассудок; предпишут они ненарушимые законы, свяжут и себя и вельможей теми законами, которые они сами усталили. Сократ истопник не будет имети презрения, ибо он почтен от того, кому он печи топит, и тем его он только меньше, что начальник его больше, нежели он, тру-

* Трагедия Семира.

дится; он топит печи, тот судит и распоряжает. Сверх того, могут люди все быть просвещенны; но качества просвещения суть различны. Тот законник, тот пийт, тот воин, тот живописец, тот астроном. Итак, хотя разум и равен у людей, но уже и качества просвещения делают различие между ними. Говорят же не о равновесии разума, но просвещения; так, не только равного просвещения, но и разума, да и ничего на свете равного нет; так сия гадкая система сама себя опровергает, ко стыду толь недобродетельно мыслящих; и если они не от невежества и привязанной к нему гордости так рассуждают, так, конечно, от нечестия.

VII

Религия и правосудие, коль ни святы, но koliko в них злоупотребления? А сие от разрушения добродетели происходит. Суетно все на свете, когда добродетель не имеет подпоры. На сие, чтобы добродетель охранялася устроены монархи, вельможи и начальники. Вельможи суть первые под короною, или под главою члены, и пристрастия вельмож их суть важнейшие беззакония, отвергающие пути ко несчастию и ко разрушению добродетели.

VIII

В войске солдатам потребно мужество, начальникам, сверх того, справедливости потребно еще больше, нежели рядовым; полководцу, сверх того, больше всех добродетель. Знаю я, что есть это на свете, чтобы убивати иногда пораженных уже без пощады. Водится это; но праведно ли это? Такое научение иногда и самим наставникам бывает ко вреду. И можно ли научати людей добродетели, и в самое то время, следуя разъяренного сердца движению варварства? Не ослепленны ли те люди, когда не видят лютого сердца своего предводителя, сдирающего кожи с людей, по всем законам и по воле монарха и всего отечества защищающих истину, и одним мерзким разрушителем добродетели, вовергают себя в редко случающиеся беззаконии, уверяся ясно, что предводитель их и плут и мучитель? Варварство и в узаконенных войсках есть разрушение добродетели. У нас этого не делается; а сие усугубляет нашу победоносную славу и вселяет во народы наши человеколюбие.

IX

Судьи, емлющие взятки, всех тварей гаже; и ежели крючкотворный подъячий подвержен жестокому наказанию, сей благородный муж превосходит, беззаконствуя и продавая истину,

и воров и разбойников бездельством. Нет достойной им на свете казни. Когда я о сем только вообразу, вся во мне востревожится кровь. А вы, дети похитителей истины и разрушителей добродетели, наследуя ограбленное имение, и приобретенное взятками, откупом и подрядом неправды, можете ли быть почтенными в очах добродетельных людей? Но ни вы, ни ваши скарედные родители, довольствуясь таким бессовестным нажитком, не взираете на пустые добродетельных людей критики и, пропивая и проедаая приобретенное, без угрызения совести. Вы счастливы; но бог судьбы свои премудро устроивает: так, конечно, и сия статья, как поступити с наследниками грабителей у него устроена.

X

Разрушается ли отомщением добродетель? И отомщением и упущением разрушается. Упускай кающемся. Г[осподин] Волтер говорит: грешити есть дело человеческое, а упускати прегрешения есть дело божественное. Но не будет оно божественным, когда некающемся отпускается; ибо и бог некающихся не прощает. Не должно мстити тому, кто меня выберит и повлиется предо мною; но можно ли и кающегося простити, кто погубит моих родителей, жену и детей? Такое упущение ко добродетели не принадлежит; но ко разрушению оных.

XI

Кто не вмешивается в чужие ссоры, тот называется обыкновенно добрым человеком; но доброго человека дело прекращати ссоры, когда можно, и когда к тому он привлекается. Кто в чужие не мешается дела, тот только единого себя любит и не достоин любви другого. В Афинах было установление, что когда республика разделится и афинянин не пристанет ни к которой части, оного выгнать из отечества.

XII

Говорят некоторые ко похвале некоторых: они так живут тихо, что как бы их и не было. Лучше, чтобы их никогда не было. Худо, когда кто злодействует, но и то нехорошо, когда кто живет ради себя единого.

XIII

Гордость есть непростительная порча добродетели, тщеславие — порок великий. Низость и подлость суть малодушие, разрушающие благопристойность; трусость [не] есть природная слабость, но малость души, могущая подати повод ко разрушению добродетели.

XIV

Невежество есть дорога к неумеренному самолюбию, ко гордости и ко закрытию истины и добродетели.

XV

Преступление данного слова есть бесчестие; преступление клятвы есть беззаконие. Почтен тот человек, которого слово, как крепостное письмо⁴. Наши предки писывали в рядных⁵ тако: кто попятится, тому стыдно будет, и не преступали этого. Мы научились преступать данные слова от многих введенных комплиментов, обещающих к исполнению все и ничего не исполняющих.

XVI

Грубость гадка, а комплименты еще гаже. Одно отводит от благопристойности, а помалу и от добродетели, а те и мысли и чувства пустым наполняют и суть некие частицы того орудия, которыми разрушается истина и добродетель.

XVII

Ежели кто может какую ближнему сделать услугу и не делает; ежели кто кого может утешить и не утешает, или не посещает во болезни, не может называться честным человеком. Мы живем ради того, чтобы славил бога и взаимно друг другу помогали. А кто себя лишь только помнит и не печется о других, оный есть враг не только ближнего, но и божий.

XVIII

Лихоимство есть из первых статей беззакония. Не оправдится и тот, который записывает деревни⁶, или подобное тому делает, думая, что он законов не преступил; законы ради порядка в таковом случае, а бесчестного человека нисколько не извиняют.

XIX

Кто плутует, тот смертно согрешает; а кто других плутати научает, тот еще скаряднее. Горе им же соблазн приходит; а кто научает других делати беззакония, тот не соблазняет, но делает плутам наставление.

XX

Кто с подчиненными строго поступает, тот порочен, а кто слабо поступает, тот презрителен. От излишния упустивости рождается своеволие и разрушение общего покоя, а от излишния строгости страдают наказуемые. Но от строгости страдают некоторые немногие, а от излишния кротости многие не только страдают, но и гибнут.

XXI

Всякое людям отягощение есть безбожие и безчеловечие; воздерживати людей и запрещати им вольничати есть дело доброе. Дати способы в тунеядству, праздности и лени есть порок весьма великий и дорога ко разрушению добродетели.

XXII

Искати во случайных людях ⁷ себе снисхождения нужно; забывати их одоления скаредно; ласкати им подло; противуречити им странно. А всего лучше, чтоб сделать им себя угодными истинною и беспристрастием, хотя это иногда и трудно. Не соглашаться с ними опасно, но должно, когда кто хранит истину; соглашаться не в деле презренно, а иногда и пагубно, или обще или участно. Счастлив тот, который не имеет нужды ползати перед сильными людьми, и презрен тот, который ползает, хотя бы и нужда того требовала, а кто им ласкает, тот копает им ров погибели.

XXIII

Все члены рода человеческого достойны почтения; презренны только люди, не приносящие обществу пользы, исключая больных и увечных, достойных сожаления и содержания. Крестьяне пахут, купцы торгуют, воины защищают отечество, судьи судят, ученые возвращают науки и людей просвещают, художники вкус услаждают, духовные проповедывают добродетель. И сколько почтенны нужные государства члены, столько презренны тунеядцы, в которых числе полагаю я и дворян, не помышляющих более ни о чем, как только о их собственном изобилии и возносящихся своим маловажным титулом.

XXIV

Участные дела похвальны, когда они к участной нашей пользе исполняются; но исполняемые к общей пользе несравненно похвальнее. Я сею хлеб, купец торгует; обществу и сии наши участные упражнения приносят пользу косвенною чертою; но

судия правосудный и воин, защищающий отечество, или человек ученый, просвещающий народ, делают отечеству услугу прямою чертою и более почтения достойны. Все науки, все художества и всякое ремесло и рукоделие обществу потребны, и все они суть чада премудрости и добродетели.

XXV

Имея достаток и способы обучати детей, и не обучать есть вина непростительна. Не чудно ли это, мы своих детей не учим, а государыня наша и чужих людей обучати старается! Ей потребны разумные подданные, но и нам потребны разумные дети. А о домочадцах наших почти никто из нас и не думает. Портных и сапожников имеют некоторые, как и уборщиков волос; но это точно только ради самих нас, потому что нам кафтаны, сапоги и кудри потребны.

XXVI

Истинная политика научает нас быть счастливыми без порицания честности; развращенная политика научает нас быть счастливыми и несчастными и очень часто повергает нас во жесточайшее бедствие; а мораль научает нас быть и счастливыми и добродетельными. Многие ввели в моду говорить, что казни потребны только для образца ко отвращению других от беззакония; политическое право в сем обстоятельстве на сем и основано; но моральное право, заключая в себе и сие политическое право, устанавливает казни ко отмщению за невинных, хотя бы казнию другие беззаконники и не отстрадалися; невинность отмщения требует: и кровь, невинно пролившаяся, вопиет на небо.

XXVII

Подло говорят некоторые просити у обиженного прощения; подло обижати, а не прощения просити. Кто человека изобидит и постыдится просити прощения, тот устыжается предпочити беззаконию добродетель и бесчестие — чести.

XXVIII

Блажени миротворцы, яко те сыны божии нарекутся. Из сего следует то, что ссорильщики и смутники суть сыны дияволы. А таких людей премножество. Иные это еще родом политики почитают.

О РАЗУМЕНИИ ЧЕЛОВЕКА, ПО МНЕНИЮ ЛОККА

Локк отрицает врожденные понятия. Ежели бы сия истина врожденна была, что нечто может вдруг существовать и не существовать; младенцы постигнули бы то, как скоро матернюю утробу покинули, а того нет. Разумение просвещается чувствами¹, и что больше они укрепляются, то больше оно просвещается. Все то, что мы не понимаем, въясняется в разум чувствами. Рассуждение кроме данных ему чувствами никаких оснований не имеет. Рассуждение без помощи чувств ни малейшего движения в исследовании сделать не может. Разум — не что иное, как только действия души, в движение чувствами приведенные. Что больше человек видит, то больше разумеет. Мог ли бы человек постигнуть, что сладко и что горько, ежели бы он не имел вкуса? Может ли кто постигнуть, что бело и что красно разумом, слеп родившись? Кто глух родился, тот о музыке ни малейшего представления не имеет. Все что ни есть, неопровергаемо Локково мнение утверждает. Маленький младенец, едва разум имея, что сладко и что горько, столько ж, как и большой человек, постигает. Не врожденный разум тому его научает, но вкус. Не сказывает разум младенцу, что три и семь — десять, покамест он до десяти считать не научится. Что лев и что медведь, не врожденный разум человеку сказывает, но взор. Что колокольный звон и что пушечная пальба, не разум сказывает, но слух. Как пахнет корица, гвоздика, не разум сказывает, — обоняние. Что удар телу боль делает, не разум то сказывает, — осязание. Разум ничему нас не научает, чувства то делают. Все движения души — от них. Что холодно и что горячо, разум ли сказывает? Разум есть не что иное, как только содержатель воображений, порученных ему чувствами. Естество никакого начертания в разуме без чувств не может учинить. Человек ученый и человек дикий, не разумом разнятся, но употреблением чувств. Ежели бы разум был врожден, на что бы потребны были науки? Не надобны бы были слепому глаза, а глухому уши. Все бы то делал разум, а чувства были бы ненадобны. Разум ничего не делает, лишь только сохраняет то, чем его чувства обогащают. Кратко: врожденного понятия нет.

Природа не изъясняет истины в душах наших, и следовательно, никакого правоучительного наставления не подает. Если бы так было, не было бы разбойников, а они между собою и дружбу и узаконения имеют; на врожденной ли истине сие основано? Ясно, что нет. Ежели бы врожденное было нравоучение; оно бы вдруг постигнуто быть долженствовало, а мы оному научаемся и сложением многих воображений до него доходим. Одни несложные просвещения чувствами разум понимаются. Ре-

бенок то, что темнее и что светлее, равно как и большой человек, постигает. Большой, слагая понятие с понятием и воображение с воображением, о свете рассуждает, а первое воображение не больше младенца чувствует. Не требовала бы доказательства истина, ежели бы она врожденна была. Что красно и что бело, на то не надобно доказательства; а сие показывают чувства, чего разум не делает, и, следовательно, ни врожденного разума, ни врожденные истины нет. Свойственно человеку желать себе счастья; но сие желание не врожденное, но происходящее от чувств. Ежели бы чувства того не выясняли, не было бы и желания сего. Спроси христианина, для чего он опасается делать беззаконие; спроси ученика Гоббзиева², спроси языческого философа. Первый скажет: боюся бога. Другой: боюся начальства. Третий скажет: боюся стыда; так им сие узаконение чувства предписали, а не врожденное право. Уменьшается ли тем премудрость нашего создателя, что нравоучение основано на чувствах, а не на разуме! Совесть основана на чувствах, а не на врожденном понятии, которого нет и быть не может. Если бы совесть врожденно изобличала, допустила ли бы она до беззакония. Воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводит нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина. Если бы совесть была врожденна, все бы люди жили честно, и все бы повиновались единому закону. Что честно в одном народе, то б честно было и в другом; не было бы ни войны ни ссор, ибо не было бы различных о справедливости толкований; все бы философствовали, и все бы, ничего доброго не видев, не слышав и ничему не учившись, здраво рассуждали, а того нет. Ни безбожника, ни суевера, затвердевших во мнениях, совесть не обличает. Где же врожденная истина дается?

О НЕСПРАВЕДЛИВЫХ ОСНОВАНИЯХ

Это хорошо и это худо говорится очень часто, однако чаще худо, нежели хорошо; и подлинно, что худого на свете делается больше, нежели хорошего; однако не ради того чаще говорится: это худо, но ради того, что человеческое невычищенное, или, лучше сказать, испорченное естество больше к похулению, нежели к похвалению, склонно. Часто хвалят и хулят люди и противно своему мнению, а чаще еще, околдованны ненавистью, сыскали мы способ обманывать себя, которым можем мы увериться, как хотим, и видя белое, не нарушая прав совести, можем клясться, что оно хотя и не черно, однако желто. До такой степени дошло человеческое искусство. Скоро изобретем мы способ уверять себя, что десять — не десять, да пятнадцать; что аршин — не аршин, да полтора аршина; что фунт — не фунт, да

полтора фунта. Большей части людей думается, что свет час от часу разумнее становится; другим думается, что он час от часу становится глупее; а я такое имею мнение, что самая малая часть рода человеческого час от часу разумнее становится, а остаток час от часу дале и дале в невежество заходит, и сколько становится глупее, столько умножается его высокомерие. Это я говорю не в рассуждении некоторых частных знаний, но всего вообще, ибо это известно, что многие знания возросли, многие изобретены, многие пали, а некоторые и, может быть, многие исчезли. Все новые умствования основаны на умствованиях древних. Мода переменяется всегда, а природа никогда. Недавно ходили с короткими тростями и говорили, что они покойнее длинных; ныне ходят с длинными тростями и говорят, что длинные покойнее. Недавно люди рождались и умирали; ныне также рождаются и умирают; мода переменялась, а природа нет. Петиметры¹, стараясь друг друга перещеголять мерою тростей, вышли за границы. Здравым рассуждением приближаемся мы к центру познания, которого смертные никогда не могут коснуться. Кто больше до сего доходит центра и кто меньше его преходит, тот справедливее действует. А тщетные люди не только в важных действиях, но и неважнейших меры не знают. Пример тому с длинною тростью петиметр. Что на природе и истине основано, то никогда перемениться не может; а что другие основания имеет, то похваляется, похуляется, вводится и выводится по произволению каждого и без всякого рассудка. А потому что разные у людей мысли, так разные по разности вкуса умствования, разные изобретения и разномышленные действиям и вещам похваление и похуление бывают, ибо все доказывается по большей части своемышленно, а не правомышленно, и для увенчания невежества называли невежи ясные и непреоборимые доказательства педантством, не имея, в чем педантство состоит, ниже понятия. Логическое и математическое доказательства не педантство, но путь к истине, которым шествуя и просвещенный разум имея проводником, до последних границ нашего умствования заблудиться невозможно. Многое знать слывет у невеж: знать по-педантски или по-школьному. Малое знать, или, поглубже выговорить, ничего не знать, слывет у них: знать по-кавалерски. Кто ж педанты и кто кавалеры? Педанты, по их мнению, суть профессеры и прочие ученые люди, которые не по моему мнению, но по справедливости, ежели они достойны своего звания, суть люди первого в обществе класса². А имя кавалера обыкновенно дается дворянам; итак, знать по-кавалерски есть знать по-дворянски, знать столько, сколько благородному человеку пристойно, то есть мало и не основательно, чтоб уметь начинать говорить о всем и не уметь окончать ни о чем, скакать из материи в материю, показываясь, будто все знает, хотя этому, кроме таких

же невеж, и никто не поверит, доказывать не по-педаантски доводами, но по-дворянски криком, изо всей мочи хохотать и потому, ежели самым лучшим и благороднейшим образом речь окончить, то есть по-петиметрски, так надлежит запеть французскую песню или, кто не знает французского языка, хотя и русскую, только чтоб не было в ней ни склада ни лада, а в таких песнях нет недостатка. Таковое в науках знание называется знание дворянское, знание благородных людей³. Быть историком, математиком, физиком, дворянину стыдно, а всего стыднее проповедником. Похвально ничего не знать, а всего похвальнее не знать и грамоте. Предки наши говаривали: на что уметь писать? вить не во дьячках быть. Да так и было. От слова диакон произошло дьячок, от дьячка — дьяк, от дьяка — подьячий; ибо при восприятии во времена Владимировы просиянами христианского закона и сию приобрели мы пользу, что от греков получили мы литеры и переводы на славянском языке книг, а в начале христианского закона знали грамоте одни только священники и церковники, и когда что потребно было написать, так то писали дьячки. Дьячок, грамотник и писец было едино. По большей части дворяне служат в военной службе и возрастают к записанию отечества. Дело прехвальнейшее! Многие думают, что нет нужды воину в науках, кроме инженерства и артиллерии. Ежели мы возьмем рядового солдата, так ему и в том нет нужды; ему только надобно выучиться владеть ружьем. Но обретающийся в военной службе дворянин, или офицер, уповает на высшие восходить степени, а иногда быть и полководцем, которому знание наук, а ими чистое просвещение разума не меньше профессора потребно, и все почти в древности знатнейшие полководцы были люди ученые. Александр, Цесарь, Август и многие прочие. В новейшие времена так же. А которые как в древности, так и в новые времена не имели случая в науках углубляться так они весьма ими просвещены были, а некоторые имели превосходные разумы, дарование и наук еще почтеннее; а где недоставало знания наук или любления оных, тамо следовала погибель. Митрополит киевский Петр Могила учредил училище⁴ и первый открыл путь учения российскому народу. Государь царь Федор Алексеевич, сей в нежной младости, к горести всего народа, скончавшийся прехвальный монарх и крайний любитель наук, учредил училище в Москве в Заиконоспасском монастыре⁵. Потом, когда воссияло российское солнце и мрак невежества рассыпался, когда взошел на престол *Петр Великий*, тогда погогий Невский брег стал горою Геликоном⁶, и невские струи — струями Иппокрены⁷. Сей великий государь рассуждал о учреждении Академии⁸ с единым из учителей вселенныя, с славным Лейбницом, и основал ее, пригласив к оной некоторых знатнейших мужей, а между про-

чими Бернуллиев и Германа, который ныне от некоторых Германом великим пазывается. Лейбниц, Фонтенель, Бургавен не могли следовать ему в Россию, сожалея, что их обстоятельства препятствуют им имети счастье успешествовать в державе такого преславного скипетродержавца, такового великого мужа, и такового любителя и покровителя наук. Лейбница наградил он чином тайного советника. Лейбниц служил ему в учреждении Академии. Фонтенель говорил о бессмертной его славе речь. Бургавен обучал и препоручал Росссии медиков. *Петр Великий* преставился едва только Академию учредив. Венценосная его супруга ⁹ по учреждениям его Академии основала. Дщерь его ¹⁰, наша владеющая государыня императрица, преложила к оной Академии изобилия, и в Москве к вечному Росссии одолжению основала великое училище ¹¹. Распространи боже в Росссии науки и искорени несправедливые основания!

СОН — СЧАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО

Заснув некогда, увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенного в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может. Был я в мечтательной стране и рассмотрел подробно мечтательное оныя благосостояние. Страна сия обладаема великим человеком, которого неусыпное попечение, с помощью избранных его помощников подало подвластному ему народу благоденствие. Желая объявить о порядке его владения, начну я собственною его особою. Сей государь во многоделии своем смешенных мыслей и, следовательно, мрачного вида не имеет. Он имеет обыкновение не всегда в делах, но иногда и в забавах упражняться, однако и в них не погубляет он драгоценного времени, ибо и они на всенародной основаны пользе. Всех подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. Достоинство не остается без воздаяния, беззаконие — без наказания, а преступление — без исправления. Сим имеет он народную любовь, страх и почтение. Получить его милость нет иной дороги, кроме достоинства. Раздражить его, кроме беззакония и нерадения, ничем невозможно, слабости прощает он милосердо, беззакония наказует строго. Начальниками делает он людей честных, разумных и во знании своем искусных. Отроки по склонностям в обучение отдают; люди совершенного возраста по способности распределяются, а в начальники производятся по достоинству, и оттого им подчиненные исполняют их повеления с великим усердием, а они о их благополучии стараются. Сей государь ничего служащего пользе общества не забывает, а о собственной своей пользе, кроме истинной своей славы, никогда не думает. Благочестие, не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране, есть

основание всего народного благополучия. Духовные содержатся в великом почтении, которого они и достойны. Они во многом подобны стоическим философам¹, ибо страсти самую малую искру области над ними имеют², а они равны и во благополучии и во злополучии. К пище привыкли они необходимой. Кроме необходимости ни в чем ничего не требуют и довольствуются содержанием без малейшего излишества, не имея притом и ни малейшего, вредного человеческому естеству недостатка. Все они — люди великого учения и беспорочныя жизни. Первое служит ко наставлению добродетели, а второе — к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни. Светские почитают их безмерно; но сие не приключает им высокомерия, но увеличивает их человеколюбие. Во светские дела³ они ни под каким видом не вмешиваются, а науки благочестия просвещением почитают. О домостроительстве они не пекутся, ибо содержит их общество и получают они определенное, а больше того им никто участно дать не дерзает⁴, ибо то наказанию подвержено, да они и сами в сие преступление не впадают; сие нарушает правила их и опровергает почтение, заслуженное ими по справедливости. Они ко светским, а светские к ним имеют любовь, и оттого между духовными и светскими — согласие, что на свете бывает редко. Суеверия и лицемерия они неприятели, первое язвою благочестия почитая, а второе — лукавством, затмевающим сияние благочестия под ложным видом умножения лучей его и маскою злодеяния; ибо де истинное благочестие притворства не требует. Главное светское правление называется там государственный совет⁵. В него никаких участных дел не вносится. Там распоряжки, исправления узаконения и прочие государственные основания или по повелению монарха или ко предложению оному. Узаконения в области сей делаются очень редко, а отменяются еще реже. Книга узаконений их не больше нашего календаря и у всех выучена наизусть, а грамоты тамо все знают. Сия книга начинается тако: *чего себе не хочешь, того и другому не желай*, а оканчивается: *за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь*. Права их оттого в такую малую вменены книгу, что все они на одном естественном законе основаны. Преступить закон тамо народ весьма опасается, ибо, заслужив приличное вине своей наказание, уменьшения оного иметь не уповает, а живучи честно, ничего не опасается. Дражайшая безопасность, упование на невинность и неизбежное наказание твердо содержат людей сего народа в границах честности. В государственном совете и во всех судебных местах больше судей, нежели писцов, и бумаги исходит очень мало. Писцы их пишут очень коротко и ясно. Дела во всех приказах вершатся не по числу голосов, но по книге узаконений, отчего ни споры ни неправды не бывает. Те, которые неправильно бьют

челом, сверх потеряния тяжбы и убытка, у всех в презрение приходят, а те, которые не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих; и для того узаконения, ясно изображенные, свято и ненарушимо наблюдаются. Дела оканчивают очень скоро, для того что очень мало спорят, а еще меньше пишут и ни челобитчиков, ни ответчиков лишнего говорить не допускают; а главная причина скорости их — беспристрастие. За малейшие взятки лишается судья и чина своего и всего имения; однако дети виновных людей ничего не теряют, ибо все им возвращается. Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются. Не имеют тамо люди ни благодарства, ни подлородства и преимуществуют по чинам, данным им по их достоинствам; и столько же права крестьянский имеет сын быть великим господином, сколько сын первого вельможи. А сие подает охоту ко снисканию достоинства, ревность ко услугам отечеству и отвращение от тунеядства. Всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло по размеру своея доброты и по размеру успеха труждающегося тамо в почтении, а тунеядство в превеличайшем презрении, и слово «тунеядец» жестокая тамо брань, которая гнушаяся к работе люди с самого младенчества привыкают. Пьянство, мгла благоразумия и источник паглых и вредных поведений, также в великом тамо презрении, и благоразумным обыкновением вкореняется от него в людях отвращение при воспитании. Денежные игры, приличные тунеядцам и добывателям бесполезного обществу труда, денег и погубителям времени, могущего употребленным быть на что-нибудь надобное, у них, почитая вольность, хотя и не заказаны, подобно как и пьянство, однако часто упражняющиеся в них люди презираются. Больше месяца в судебных тамо местах никакое дело не продолжается, а по месяцу времени берут только самые завязчивые дела. Что не требует раздумчивости, на то в самую минуту предложения делается и решение. Всякое челобитье у них законною нуждою почитается, ради которой челобитчики и ответчики от своих должностей увольняются; а ежели должность просящих суда или оправдывающихся по важности увольнения не терпит, тогда определенные на то стряпчие, все собрав доказательства и оправдания, с принадлежащими справками, подписанными судейскими руками, о деле стараются под смотрением начальника стряпчих, что у них чин великий. Дела из города в город и из приказа в приказ не переносятся, а ежели судящие неправедно осудят, тогда дело рассматривается в государственном совете, что бывает очень редко, а по сему рассмотрению следует судьям наказание. А когда проситель судей обнесет неправильно, он еще большему наказанию подвергается, что еще реже бывает. Судьи для подозре-

ния от дел не отрешаются; ибо никто против узаконений голоса подать не дерзает, подобно как законодавцы не должны держать делать узаконений против истины; и тако не судьи тамо страшны, но суд, который основан на узаконениях, а узаконения — на истине. Войски их состоят под воинственным советом, а сей совет — по государственным. Главные люди в воинской службе называются военачальниками, а под ними полководцы, и так ниже. Всякий военачальник и все воинские начальники прежде быть рядовыми, все нижние степени пройти и все оных исполнения познать и в них совершенно углубиться одолженны. Но не только едина привычка, ниже при том и мужество еще не довольны такмо для военачальника. Остроумие и великое знание сверх того ему необходимы: первое для скорого проницания, а второе для благоразумного расположения его предприятий. Воины по степеням исполняют повеления своих начальников с превеликим наблюдением и делают им великое почтение, а начальники ни малейшего к подчиненным не имеют уничтожения. В мирное время войски их непрестанно воинским обрядам обучаются, и снабденны всем, во всякое время ко бранному походу готовы. К суровой жизни военные люди всеми мерами стараются привыкнуть и как защитники отечества народом почитаемы и любимы. Они имеют похвалу, что коль велико во время сражения их мужество, толики после победы их человеколюбие и великодушие. Сим приносят они сугубую славу своему отечеству и сугубое почтение от самих неприятелей. Подчиненные так обыкли повиноваться своим начальникам, что во время жесточайшего распадения единым словом обуздаются. Добычь воинская им неизвестна; то у них заказано, а что получится, то после порядочно и рассмотрительно разделяется, отчего воины думают о победе, а не о добыче. Побежденных и непротивящихся убивать запрещено под лишением жизни. Больше бы мне еще грезилось; но я живу под самую колокольню: стали звонить и меня разбудили и лишили меня сего приятнейшего привидения. Дай боже, что бы сну, подобные сну сему, многим виделись, а особливо наперстникам Фортуны.

**ПЕРЕВОД ПИСЬМА Г. СУМАРОВА,
ПИСАННОГО ИМ ЖЕ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
К ПРИЯТЕЛЮ**

Поэтам позволено изображать кажущееся истинною, хотя оно и не основательно. Логики дела свои выводят основательными заключениями, физики — опытами, математики — выкладками; но сколько философов, составивших системы поэтические! почти вся картезианская философия есть голый роман. Все без

изъятия метафизики бредили, не исключая славного и славы достойного Лейбница. Что я вчера вам говорил, может быть, что и то бредня; но мне, как поэту это отпустительно; ибо между поэта и физика такое различие, какое между митологика¹ и историка. А, чтобы вчерашний мой разговор сделать яснее, так вот мое мнение: основания материи от нас сокровенны, но должны они быть бесконечно многочисленны, и колико их родов, толико имеем мы элементов; ибо из четырех элементов, как думали древние, толико многие различности произойти не могут, и натура была бы ограничена; но мы обнадежены, что все безгранично и бесконечно, а премудрость божества неисчерпаема. Как чаяти, чтобы из четырех элементов несколько сот тысяч субъектов формироваться могло? Легче сделать из многих элементов многие субъекты, нежели из немногих элементов немногие субъекты. Посему не чудно то, что натура толико многолична. Основания материи суть бесконечно разделительны², а когда они бесконечно разделительны, так я не ведаю, как можно полагати, что они из единственной состоят материи. Когда бы воздух из единственной состоял материи, не мог бы он никаким разделиться образом, а будучи неразделителен, был бы неподвижен. Как же сказать, что в воздухе нет никаких ни земляных ни водяных частиц? Я не говорю, что частицы воздуха суть отделенности земли, и не приемлю их парами и не полагаю того, что они когда-нибудь от земного круга отделились; говорю только, что воздух из таких же различных составлен частиц, как и земля, с сего только разностию, что одного рода частиц содержит больше в себе земляная материя, а другого — воздушная. Какая в атмосфере содержит воздушные частицы сила, этого я не знаю; это только истина, что в воздухе гораздо больше летучих частиц, нежели в земле, а в воде больше текучих частиц, нежели в воздухе, а в обоих много земляных частиц, колико много и земля в себе воздушных и водяных частиц имеет. Следственно, воздух, вода и земля суть из одной материи. Я и то держу, что все частицы смешенны и что они никаким образом совершенно разделиться не могут, и что потому в каждой малейшей частице есть нечто из всех родов, и что они по различию меры, различных родов, различные и натуре потребные субъекты формируют. От сложения частиц наш шар земной произошел, от разрушения частиц исчезнет. Поэтический хаос³ есть изображение смеси частиц. В легчайшей воздушной частице есть и земля, и в тяжчайшей земляной частице есть и воздух. Я потому не полагаю иных элементов, кроме родов частиц, которых различие в материи бесконечно, и что во всяком субъекте ото всех бесчисленных элементов по различию меры нечто содержится.

ГОСПОДИНУ ПАСЕКУ¹: ВОТ НАШ БЫВШИЙ РАЗГОВОР

Естество разделяется на духи и вещество: что духи — я не знаю, а вещество имеет меру и вес. Одушевленное вещество есть животное движущееся и животное вкорененное. Вкорененное состоит из растений; движущееся — из четвероногих, крылатых и ползущих. Камни не растут, но налепляются; металлы живы или нет, сие еще поныне не доказано, хотя я и думаю, что они живности не имеют. Ничто без сопряжения не рождается. Происходят деревья и травы от зверков, полагающих яйца внутри земли, и имеют начало от движущихся животных: деревья сами собою и ветвями и цветами, мешущими из себя пыль, сопрягаются. И дерево и человек не из одной живности, но из многих состоят; человек и дуб суть кучи животных. Ни бык, ни дуб не могли от естества произведены быти вдруг тем, каковы они ныне²; существенности вещества не прменялися ни у быка ни у дуба, доколе они не пришли в сие существо, в коем они ныне; но формы до сего, я не говорю человека, но быка и дуба состояние многократно прменялося. А о человеке я этого не скажу, ибо священное писание сему противуречит³. Пять родов видим мы животных: четвероножное, крылатое, плавающее, ползущее и растущее; к ползущим причитаются и летающие насекомые. Ежели человек не четвероножен, так ко классу коему его причислить? Говорим мы, но и все твари говорят. Передние ноги и у всех четвероногих руками служат. Сочетаваться нам ловчае по скотски: и к тому устроены и у нас такие же члены как у других четвероногих. Трудно смотрети нам наверх, четверопожствуя, но свинье еще труднее; все на том же основании наши члены, как и других четвероножных; есть различие, но есть различие и между человека и человека. Общество и, следовательно, нашу силу, уставила нам бедность: и она то человека повелителем сильнейших животных уставила, хотя медведь один на один со человеком и больше власти имеет, нежели он. Ходити четырьмя ногами и стоять на четырех ногах легче. Сердце у нас четвероножных не угнеталось бы, ни легкое, ни печень, ни селезенка, ни желудок; не падали бы прямо чертою отягощающие нас частицы, и имели бы свободнее обращение; не были бы мы толико подвержены подагре и чечую. Во верхоглядии большой нужды нет, а сколько есть, то можем мы, и ходя на четырех ногах, исполнять. Кожа толстая на ладоне и раздвоенная пята потребны ноге, а не руке; в ногтях нога, а не рука имеет нужду; и у всякого животного ногти или копыты на ногах; и ежели мы только наши передние ноги, ради отличия задних ног, называем руками, так это дельно; а чтобы называть наши передние ноги, не ногами, это противоестественно. Нет ни малейшего довода, что естество устроило

нас двуножными. А на дыбки становятся и другие четвероногие: например, медведь, собака и сурок. И может быть, что мы, двуножествуя, сим и живот сокращаем: ноги наши и руки затекают, и все члены. Опыты были, что дикие люди ходили чептырьмя, а не двумя ногами. Нет нашего нигде преимущества; так какую участность мы от других скотов имеем, да и какое это преимущество, что у нас вместо ног руки, и есть нечто что мы руками называем, которых должность у медведя передние его ноги исполняют? за что дать рукам едину только должность, а другую отнять? и подлинно отнята она. Наконец, скажу я то, неумствуя и не сатиристуя, что человек — слабейшая и силою и умом из зверей многих тварь, ко подражанию, как и обезьяна, склоннейшая. А науки родились от общежития ⁴, от коего произошло и развращение сердец. Противомнений у скотов таких нет. Низость и гордость нашей только подлости свойственны и высокомерие, которым мы сравниваться и с величием божества дерзаем. Ежели бы львы общества имели, расхохотались бы они, видя нашу подлость и равномерное ей высокомерие. И может ли сходно быть с разумом, дабы одна только тварь произведена была, ни к которому классу животных не принадлежащая, имея точно все члены и все свойства некоего из них класса? Наконец, нет никакого животного, которое единственно бы собою целый класс занимало. Все звери и скоты суть единого класса: птицы единого, тако рыбы, гады и растения. Сии классы раздробляются по статьям, а статьи еще раздробляются, даже до статьи каждого участно рода, а двуножных скотов нет; следовательно, человек тварь четвероножная, и такую же имея одну только голову, как и прочие движущиеся животные, преимущественного разума не имеет; и ежели бы не было общежития по необходимой его бедности и безопасности, не имел бы он изощрения ума своего, и был бы такою же скотиною и еще многих скотов многократно глупее. Престанем возноситься и отличать себя от прочих, как и мы, разумом одаренных тварей, от того же создателя произведенных. А что мы других животных поедаем, так и они нас поедают; да и у многих животных естество само того требует; ибо многие животные единым похищением других животных питаются. Того жаль только, что мы питаемся незлобливими овцами, курами, утками и прочими такими; а нами питаются львы, медведи и волки. Естество устроило, что свирепое от свирепейшего поядается; а незлобие и правда повинуются злобе и неправде. Се плоды несовершенства! а совершен единый только бог.

Появилась новая философическая секта, неимущая еще никакого названия. Система их сия: 1) Любяти основание рассуждения и никакого в нем основания не иметь. 2) Ни о чем не имети понятия, полагая, что все на свете сем непонятно. 3) Прилепляться всюю силою к добродетели и полагати, что ее нет на свете, ибо-де все качества, как добрые так и худые, состоят только в воображении нашем. 4) Бог неокончаем, а мы окончаемы; следственно, мы о нем никакого понятия иметь не можем, хотя без познания существа божияго добродетель и не может существовать; а оттого и прилепляться к ней не можно, ибо она есть основание познания величия божия, а оно источник пристойного человечеству поведения, искра совести нашей и подражание совершенству. 5) Может-де быти, что то, что у нас по верным логическим и математическим заключениям и по физическим опытам истина, у совершенного существа ежели оно есть, почитается не истинною. 6) Надобно учиться, а науки не надобны! Учиться надобно ради того, что здоровое рассуждение и опыты доказывают то, что они человека просвещают, а не надобны науки ради того, что сказал Жак Руссо, что науки вредны, а кто-де ему не верит, тот да будет проклят. 7) Презирати все суеты мира и в них паче всех людей упражняться. Быти тунеядцем, не делав и не делая ни малейшия роду человеческому услуги, и почитать себя без рифмы и без рассуждения отличным человеком. 8) Критиковать от невежества, сатиризовать от злобы, утверждать по благоволению, хвалить из милости. 9) В беседах говорить очень много или ничего, уподобляясь или ветреной мельнице, или индейскому петуху, при молчаливости имея гордость, а молча и говоря, думать побольше ветреной мельницы и поменьше индейского петуха. Петушанка у них гораздо в большем почтении, нежели ветреницы; ибо они весьма важны, говорят мало и осторожно, да и то по-индейски, дабы по незнанию нашему сего языка главное искусство секты их по подобию древних во Египте жрецов оставалось таинством¹, а пишут они, что и не тайно, иероглифами ради того, что они литерами писать умеют худо и правописания не знают. А ветреницы хотя беседы шумом и довольствуют, однако они в беседах только во время ветра бывають, а в тихое время читают они книгу Жака Руссо, которого они не разумеют, об алмазном веке, в котором люди крайним невежеством украшались. 10) Кто меньше пяти слов по-французски знает, тот у них, хотя и философствует, однако еще истинным философом не почитается. Ибо-де человек прежде выучения пяти слов французских еще не одушевлен; однако из милости принятый в их секту и без души² уже человеком почитается; но имеет он дозволение сколько хочет суеверство-

вать; а они при всем худе своем сие имеют достоинство, что они не суеверны. Однако то восприяли, что еще хуже суеверия, и отвергают то, чего еще, кроме сошедших людей с ума или во уме рехнувшихся, никто не отвергал. И хотя не прямым философам суеверствовать и дозволено, однако с таким обязательством, что они за то вместо эпитимии³ сколько возможно российский язык по примеру истинных сия секты философов сорили французскими словами по данной от них росписи, написанной российскими буквами без перевода, ибо де редкое французское слово на российский язык перевести удобно, а они бы оные слова ставили как хотят и которое слово куда ни попадет. И ради того чтоб дойти до совершенства сея новомодной философии, все французские бродяги и мужчины и женщины, стали учителями и учительницами. А таковых имея наставников и наставниц, в хорошем воспитании сомневаться невозможно. Не любят они предрассуждений, однако все хорошие качества приписывают единому воспитанию, и ведая, что хороших наставников число гораздо мало, а хотя бы таковые и были, слепо утверждать чужие основания по возрасту своему есть имети предрассуждения и говорить наизусть то, что выучено и в том упражняться до тех пор, покамест ветерок малейший всех струй течение обратит во другую сторону. Для получения добродетели мало единого и самого лучшего воспитания при острейшем воспитуемом разуме. Не предрассуждением мы снискиваем добродетель, но здравым рассуждением, которое только некую часть от воспитания заемлет, ежели воспитание хорошо, и то ради того только, что оно рассуждением удостоивается, и чтобы и рассуждением сыскано быть могло. Не для того потребно к упражнению в добродетели воспитание, чтобы оно истинною заражало, но чтобы оно учинило человека способным ко исследованию истины и вкоренению добродетели. Малое просвещение и великая на себя надежда стократно более человеку вреда паносит, нежели великое невежество и малая на себя надежда. Почтенны те люди, которые без дерзновения к исследованию истины приступают и презренны те твари, которые, ничего не зная, новые составляют системы⁴ и в неисходный заводят лабиринт и таковых людей, которые по остроте своего разума достойны отменного почитания.

К ДОБРУ ИЛИ К ХУДУ ЧЕЛОВЕК РОЖДАЕТСЯ

К добру или к худу человек рождается, на сей вопрос отвечаю я: к добру и к худу — не иной к добру, а иной к худу и не частию иной к тому, а иной к другому, но вдруг и к тому и к другому. Сей ответ покажется противен рассудку, ибо нет того, чтобы без смешения два противные содержало свойство

и было бы вдруг и сладко и не сладко. Смесь двух противных вещей у обеих отъемлет силу естественного свойства. И ежели равно противуборение вещей, так во смешении ни одно ни другое чувствоваться не будет, соделавшись то, что чувствуется третьим и двум тем, из чего оно составлено, нимало не сходным. И хотя во смешении добра с худом и не то состояние, какое во смешении у сладкого с горьким, дабы обе смешенные вещи произвели нечто третье, лишившись прежнего свойства, ибо во смешении добра и худа всякая частица свойство свое удерживает и всякое действо видно и во смешении; однако в человеке они сожительствоуют. Частицы добра и худа не только по переменам, но иногда и вдруг явиться могут. Добро и худо прменяются, например, тако: в сей час я обижаю человека, а в другой потом час я защищаю невинного; но являются иногда добро и худо вдруг: пьяница, лежа в грязи на улице дает нищему милостину. Действие действию уступает, когда они единым прстираются путем, а когда разными, тогда не только согласные купно идут, но и противные, ежели они разноличны. Вдруг и стоять и ходить нельзя. Вдруг и в грязи валяться и милостину подавать можно. Две частицы добра мешаются, а одна добра и другая худа не мешаются. Кто подаст нищему конейку, хлеба кусок и стакан воды, доброе сделает он дело. Кто, напившись, валяется в грязи и в то же самое время подает милостину, делает купно и доброе и худое. Мешается ли беспутство пьяницы со щед-ростью его? Добро и худо толико друг другу противны, что хотя они и смешиваются, но никогда соединиться не могут, и сре-дины между добра и худа нет, ибо добро бесстепенно, а худо бесконечно. Все наши участные доброты суть участия совер-шенного добра, и все они совершенны и естеству нашему не причастны. Худо восходя к добру степенями и час от часу ста-новясь лучше, должно бы было претвориться в добро напослед-док и быти совершенством; но до совершенства достигнуть не-возможно; ибо не от худа к добру прстирается естественное течение, но от добра к худу, хотя мы от естественного худа к добру искусством несколько и возносимся, просвещаясь и очи-щаясь. Добро в центре и совершенно, а от центра прстираются в худо бесконечные линии. Что дале худо от добра, то хуже оно. Совершенство не имеет степеней. Следственно, ничего нет лучше бога; ибо совершенства лучше быть не может. Несовер-шенство степени имеет и бесконечно; следственно, нет такого худа, которого не было бы еще хуже. Я сказал то, что человек рождается и к добру и к худу; не думаю ли я, что человек рож-дается частию к добру, частию к худу? нет я и этого не думаю, а на неясный вопрос, я буду ясно отвечать. Человек рождается ради себя к добру, а ради другого человека и ради всякого дру-гого животного к худу. Каждое дышущее вредоносно другому

дышущему, и во своем и в чужом роде; ибо не только твари тварей чужеродных, но и своеобразных погубляют, и что все твари друг другу, и во своем и чужом роде к худу рождаются, в том нас ежедневные уверяют опыты. Общая польза не ослабляет сего доказательства; в ней имеет каждый свой собственный прибыток. Во всех сообществах, как у человеков, так и у других тварей, согласие от собственного и участного своего прибыточества утверждено, а не от любви к подобной себе твари. Дружимся и любимся мы ради самих себя. Другого любим, любя себя, ненавидим, ненавидя его. Все наши действия происходят от любви к себе и от ненависти к другому. Не естеством, но моралью и политикою склонны мы к добродетели. Мораль есть познание премудрости божией и вечного устава, покоящегося на неколебимой славе. Политика есть познание премудрости человеческой и временного устава, покоящегося на неколебимой пользе. Мораль без политики бесполезна, политика без морали бесславна. Но оба сии познания толико между собою сопряженны, что никаким образом одно без потеряния славы, а другое без потеряния пользы разделены быть не могут, ибо угождение божеству не может быть без угождения человечеству, а угождение человечеству не может быть без угождения божеству. Не можно раздражати невинного человека, не нарушая истины, ни истины, не нарушая человечества. Ежели бы не было бога, не было бы честности, и мораль бы не надобна была, а была бы надобна одна политика. А ежели бы не было на свете развращения, не было бы бесчестности, и не надобна бы была политика. Но бег есть и ко благу существует, а мы рождаемся к худу и исправляемся моралью и политикою, но и со всею нашею добродетелью мы еще худы, с тою только разностию, что один другого хуже. А добродетелью должны мы не естеству нашему, но сей искре божества, которую мы моралью именуем, и на ней основанной политике. Мораль и политика делают нас по размеру просвещения разума и очищения сердец полезными общему благу. А без того бы человеки давно уже друг друга без остатка истребили.

О СЛОВЕ «МОРАЛЬ»

Все кричат: мораль, мораль; и подлинно, что мораль почтенна; но я не знаю, почтенны ли те, которые, много делая о ней шуму, не на том ее созидают основании. Таких людей мораль подобна тяжкому каменному зданию на самом легком деревянном основании. Я, говорят они, ни малейшего понятия о божестве не имею и почитаю добродетель. Можно чистую пить воду и не имети точного познания о ее источнике; но чистую пия воду, не зная, что источник ее чист, это дело человека, или недошедшего до истины, или отшедшего от нее, дело человека,

не имевшего или лишенного разума. Но пусть мораль такая будет, какая требуется; следует ли из того, что только одна мораль миру потребна? Ежели весь род человеческий честен будет и все ссоры, раздоры, брани, драки, войны и все то, что противу божества и человечества вооружается, пресечется, и только благополучия увидим на свете, что мы все честные будем, мало еще для общия пользы сие благополучие. Потребны другие знания, без которых общества устоять не могут. Общества разрушатся, люди рассеются и настанет небывалый век¹, Жаком Руссом похвальный, человеки странствовать будут по пустыням, и без вспоможения друг другу, будучи мало-сильны, предадутся на снадение зверям и все напоследок исчезнут. Кто как ни честен, но ежели он бесполезен роду человеческому, достоин презрения.

О ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся прехвальным именем домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим похвалы ли они достойны, или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче, какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тицанием хозяина прибыли; на второе: дабы тем обогащалось государство. Чье прибыли? Ежели только единого хозяина, так это только ему единому разрешение вина и елєя, а крестьянам его сухоядение; а польза государственная, или паче общественная — умножение изобилия всем, а не единому; почему же называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие, или на заточение золота и серебра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи, и коих манифактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, противу права и морального и политического единственно ради своего излишнего изобилия, раздражая и божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятнее богу и государю, то ли когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяня его едят сухари и пьют одну воду, или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьяня то же; вкус помещика потоне, так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крестьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жити мещанину пышнее поселянина, дворянину — мещанина, государю — дворянина; но можно и крестьянину такую же есть

куруцу, какую вельможе, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинный от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наших отличных качеств; сожаления достойно, что не всегда бывает. Но как то ни есть уступим политическому расположению, когда моральное мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество¹ или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быть должна; не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни приказчика, ни старосты. Тело без головы быть не может, однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы, невежа и во естественной истории и во всех науках, тварь безграмотная, не почитающий ни божества, ни человечества, калявший по привычке и по той же привычке возвращающийся на свои злодеяния, заставляющий постыдиться крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вреднее разбойника отечеству. Увеселяюсь ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими домостроителями не схожусь и пищи, орошенные слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим, но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища — мясо человеческое, а питье — слезы и кровь их. Пускай то он сам со своими чадами кушает.

В моде ныне суконные заводы, но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткани по мнению отличных рассматривателей Франции меньше земледелия обогащения приносят. Россия паче всего на земледелие уповати должна, имен пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были, и были бы крестьяне работники, а не каторжники. Крестьяне не работы, но каторги гнушаются. А блаженство деревни не во едином избии помещика состоит, но в общем. Ежели помещик почитает себя головою своих подданных, так сохраняя голову, сохранит и мизинец; ибо голова тела и мизинцу состраждет. Но таковые гнусные домостроители не почитают себя головою своей деревни и не отличают крестьян от лошадей; на лошади, такой

человек ездя, питает ее ради того только, чтобы она его возила; людей он содержит на корме единственно только ради работы, не памятуя того, что и крестьянин не ради единого помещика от бога создан.

Наша премудрая обладательница печется о домостроительстве; но домостроительство помещичье есть яд империи, когда оно только единого помещика обогащает. Но я похвалу экономам соплетаемую, слышу только о таковых помещиках, которые свои собственные доходы умножают; так кажется мне, что люди гнусною похвалою ободряемы, ободряются к разорению своих подданных и ко вреду своего отечества.

Сколько мало имею я времени писать о домостроительстве, упражняясь и соликовствуя с музами, толико много я имею о сем веществе ясным рассмотрением готовых ко рассуждению мыслей. О если бы мнимые домостроители такое попечение о своих крестьянах имели, какое они о себе имеют. Но что делаю я в рассуждении моих крестьян по домостроительству? Что я противу незаконного домостроительства пишу, то я и делаю.

ЭПИСТОЛА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем,
И помощью слов пространна языка,
Все можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем все, и чувства и страсти,
И мысли голосом делим на мелкие части ¹.
Прияв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем,
И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки;
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,

Каков в прошедший век прекрасен стал
французский,
Иль наконец сказать, каков способен русский.
Довольно наш язык в себе имеет слов;
Но нет довольного числа на нем писцов ².
Один, последуя несвойственному складу ³,
Влечет в Германию Российскую Палладу ⁴,
И мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ее берет.

Другой, не выучась так прамоте ⁵, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь,
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной ⁶ стремится к небесам,
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаячи себя, дает писцам в законы.
Хоть знает, что ему во мзду смеется всяк;
Однако он своих не хочет видеть врак.
«Пускай, он думает, меня никто не хвалит,
То сердца моего нимало не печалит,
Я сам себя хвалю: на что мне похвала?»
И знаю то, что и искусен до зела ⁷.
Зело, зело, зело, дружок мой ты, искусен,
Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен.
Когда не веришь мне; спроси хотя у всех,
Всяк скажет, что тебе пером владети грех.
Но только ли того? Не можно и помыслить,
Чтоб враки мне писцов подробно все исчислить.
Кто пишет, должен мысль прочистить наперед,
И прежде самому себе подать в том свет;
Но многие писцы о том не рассуждают,
Довольны только тем, что речи составляют.
Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,
Дивятся им и мнят, что будто тайна тут,
И разум свой покрыв, читая темнотою,
Невнятный склад писца приемлют красотою.
Нет тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца ⁸ воображалось ясно,
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет;
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как кратко говорим, так просто изъясненно.
Но кто не научен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить.
Слова, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя языком предлагают,
Гораздо должны быть пышнее сложены,
И риторски б красы в них были включены,
Которые в простых словах хоть необычны,
Но к важности речей потребны и приличны,

Для изъяснения рассудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца и привлекать людей.
Нам в оном счастлива природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни перевода, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей ты не вдавайся,
И свойственно себе словами украпайся.
На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь ты путем и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него, и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова поставишь без порядка,
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает в век;
То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Не то, творцов мне дух яви и силу точно.
Язык наш сладок, чист, пышен и богат,
Но скупю вносим мы в него хороший склад;
Так чтоб незнанием его нам не бесславить,
Нам должно весь свой склад хоть несколько
поправить.

Не нужно, чтобы всем над рифмами потеть,
А правильно писать потребно всем уметь.
Но лъзя ли требовать от нас справна слога?
Затворена к нему в учении дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра Златы Ключи⁹.
Подъячий говорит: писание тут нежно¹⁰,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно.
И я то думаю, что будешь человек,
Однако грамоте не станешь знать во век.
Хоть лучшим почерком с подъяческа совета,
Четыре литеры сплетай ты в слово лета,
И вычурно писать научишься «конец»¹¹,
Поверь, что никогда не будешь ты писец.
Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
Которых тщание искусству ревновало,
И показало им, коль мысль сия дика,

Что не имеем мы богатства языка.
Сердись, что мало книг у нас, и делай пеня ¹²;
Когда книг русских нет, за кем идти в степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что он не выучил тебя.
А если б юность ты не прожил своевольно,
Ты б мог в писании искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет,
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед,
И посещающая благоуханну розу,
Берет в свои соты, частицы и с навозу.
Имеем сверх того духовных много книг;
Кто винен в том, что ты псалтыри не постиг,
И бегучи по ней, как в быстром море судно,
С конца в конец раз сто промчался безрассудно.
Коль, аще, точно обычай истребил,
Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
А что из старины поныне неотменно,
То может быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем ¹³,
Которы мы с тобой нерусскими зовем.
Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь,
Лишь только от того, что ты его не смыслишь,
Так что ж осталось бы при русском языке?
От правды мысль твоя гораздо вдалеке.
Не знай наук, когда не любишь их, хоть вечно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

О БЛАГОРОДСТВЕ

(Сатира)

Сию сатиру вам, дворяня приношу!
Ко членам первым я отчества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают;
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам,
Без исключения всем праотец Адам.
На толь дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барина различье с мужиком?
И тот, и тот земли одушевленный ком,—
И если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет, и ест, родился и умрет,
Господский так же сын, хотя и слаще жрет.
И благородие свое нередко славит,

Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах! Должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? может бык людей быку продать?
А во учении имеем мы дороги,
По коим посклизнуть не могут наши ноги:
Единый шествуя, вдали увидя дым,
Я твердо заключу, что там огонь под ним.
Я знаю опытом: пера тяжеле камень,
И льда не вспламенит и жесточайший пламень;
По счету ведаю, что десять — пять да пять;
Но это не верста, едина только пядь;
Шагнуть и без наук искусно мы умеем,
А всей премудрости цель дальнюю имеем,
Хотя и вечно к ней не можем мы дойти,
Но можем па пути сокровище найти.
Перикл, Алькивпад наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украпались;
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчаный Фредерик;
Петром она у нас Петрополь ¹ улаживает,
Екатерина вновь науку насаждает.
Не можно никогда науки презирать,
И трудно без нее нам правду разбирать.
Мне мнится, на слесща такой судья походит,
Младенец коего, куда похочет, водит.
На толь кому судьба высокий чин дала,
Чтоб он подписывал, подъячий вел дела?
Такою слабостью умножатся нам нищи,
Лишенны им навек своей дневныя пищи,
Подъячий согрешит или простой солдат, —
Один из мужиков, другой из черни взят:
А во дворянстве всяк, с каким бы ни был чином,
Не в титуле, в действии быть должен дворянином,
И непростителен большой дворянский грех.
Начальник, сохраняй уставы больше всех!
Дворянско титул нам из крови в кровь лиется;
Но скажем, для чего дворянство нам дается;
Коль пользой общества мой дед на свете жил,
Себе он плату, мне задаток заслужил:
А я задаток сей, заслугой взяв чужою,
Не должен класть его достоинства межкою ²;
И трудно ли сию задачу разрешить,
Когда не тщимся мы работы довершить,
Для ободрения пристойный взяв задаток,
По праву ль без труда имею я достаток?
Судьба монархине велела побеждать

И сей империей премудро обладать;
 А нам осталось во дни ее державы
 К пользе общества в трудах искать славы.
 Похвален человек, не ищущий труда,
 В котором он успеть не может никогда.
 К чему способен он, он точно разбирает:
 Пиитом не рожден, бумаги не марает.
 А если у тебя безмозгла голова,
 Пойди и землю рой или руби дрова,
 От низких более людей не отличайся
 И предков титлами уже не величайся!
 Сей Павла воспитал³ достойного корон,
 Дабы подобен был Екатерине он;
 С Спиридовым валы Орловы пребегают⁴,
 И купно на водах с ним пламень возжигают:
 Голицын гоить рать, Румянцев — наш Тюрэн,
 А Панин — Мальборуг у неприступных стен;
 Подобно Еропкин в час бдения не дремлет,
 И силу дерзкия Мегеры⁵ он отъемлет.
 А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин,
 Хотя ты княжеский, хотя господский сын,
 Как будто женщина дурная, не жеманься,
 И что тебе к стыду, пред нами ты не чванься!
 От Августа пускай влечен твой знатный род;
 Когда прекрасна мать, а дочь ее урод,
 Полюбишь ли ты дочь, узришь ли в ней заразы,
 Хотя ты по упи зарой ее в алмазы?
 Коль только для себя ты в обществе живешь,
 И в поте не своем ты с маслом кашу ешь,
 И не собой еще ты сверх того гордишься,
 Не дивно ли, что ты, дружочек мой, не рдишься?
 Без крыльев хочешь ты летати к небесам.
 Достоин я, коль я сыскал почтенье сам:
 А если ни в какой я должности не годеи,
 Мой предок дворянин, а я не благороден.

ПИИТ И ЕГО ДРУГ

(Сатира)

Д.¹ Во упражнении расхаживая здесь,
 Вперил, конечно, ты в трагедию ум весь;
 В очах, во всем лице теперь твоим премена,
 И ясно, что в сей час с тобою Мельпомена.
 П. Обманываясь, любезный друг, внемли!
 Я так далек от ней, как небо от земли.

Д. Эклогу... ²

П. Пастухи, луга, цветы, зефиры ³

Толико ж далеки; хочу писать сатиры;
Мой разум весь туда стремительно течет.

Д. Но что от жалостных тебя днесь драм влечет? ⁴

П. В Петрополе они всему народу вкусны,
А здесь и городу и мне подобно гнусны;
Там съедутся для них внимати и молчать,
А здесь ⁵ орехи грызть, шумети и кричать,
Благопристойности не допуская в моду,
Во своевольствие преобратя свободу;
За что ж бы, думают, и деньги с нас собирать,
Коль было бы нельзя срамиться и орать;
Возможно ль автору смотреть на то спокойно:
Для зрителей таких трудиться не достойно.

Д. Не всех мы зрителей сим должны обвинить,
Безумцов надобно одних за то бранить:
Не должно критики употреблять строго.

П. Но зрителей таких в Москве гораздо много:
Крикун, как колокол, единый оглушит,
И автора всего терпения лишит;
А если закричит пять дюжин велегласно,
Разумных зрителей внимание напрасно.

Д. Сатиры пишучи, ты можешь досадить,
И сею сам себя досадой повредить:
На что мне льстить тебе? я в дружбе не таюся.

П. А я невежества и плутней не боюсь,
Против прямых людей почтение храня;
Невежи как хотят пускай бранят меня,
Их тесто никогда в сатиру не закистет,
А брань ни у кого на ворота не виснет.

Д. Не брань одна вредит: побольше брани есть,
Чем можно учинить твоей сатире месть:
Лжец вымыслом тебя в народе обесславит,
Судья соперника несправедно оправит,
Озлобясь, межевщик полполя отрядит,
А лавочник не даст товару за кредит,
Со съезжей поберут людей на мостовую ⁶,
Кащей тебе с родней испортит мировую ⁷.

П. Когда я истину народу возведу,
И несколько людей сатирой просвещу,

Так люди честные, мою зря миру службу,
Против бездельников ко мне умножат дружбу;
Невежество меня ничем не возмутит,
И Русская меня Паллада защитит ⁸;
Не малая статья ее бессмертной славы,
Чтоб были чищены ее народа нравы.

Д. Но скажет ли судья, винил неправо он?
Он будет говорить: винил тебя закон.

П. Пускай винит меня, и что мне он не скажет
Из дела выписки он разве не покажет?

Д. Из дела выписки, во четверти земли,
Подъячий нагрузит врак целы корабли;
И разум в деле том он весь переломает;
Поймешь ли ты, чего он сам не понимает?
Удобней проплясать, коль песенка не в такт,
Как мыслям вообразить подъяческий экстракт ⁹.
Экстракт тебя одной замучит долгою,
И спросят: выпиской доволен ли ты тою;
Ты будешь отвечать: я дела не пойму;
Так скажут: дай вину ты слабому уму,
Которым ты с толпой вралей стихи кропаешь,
И деловых людей в бесчестии кунаешь.
А я даю совет: ты то предупреди,
Или сатиристуя, ты по миру ходи.

П. Где я ни буду жить, в Москве, в лесу иль поле,
Богат или убог, терпеть не буду боле
Без обличения презрительных вещей.
Пускай злодействует бессмертный мне Кащей,
Пускай Кощеиха ¹⁰ совсем меня ограбит,
Мое именование и здравие ослабит,
И крюкотворцы все и мыши из архив
Стремятся на меня, доколе буду жив,
Пускай плуты попрут и правду и законы:
Мне сыщут истина на помощь обороны;
А если я умру от пагубных сетей,
Монархиня по мне покров моих детей.

Д. Бездельство на тебя отраву усугубит:
Изморщенный Кащей вить зеркала не любит.
Старухе, мнящейся блистать как луна,
Скажи когда-нибудь: измощилась она
И что ее краса выходит уж из моды;
Скажи слагателю нестройной самой оды,
Чтоб бросил он ее, не напечатав, в печь;

Скорее самого тебя он станет жечь.
Неправедным судьям сказать имей отвагу,
Что рушат дерзостно и честность и присягу,
Скажи откупщику жаднейшему: он плут,
И дастся орденом ему ременный жгут.
Скажи картежнику он обществу отрав, —
Не плутня де игра, он скажет, но забава.
Спроси, за что душа приказная дерет,
Он скажет, то за труд из чести он берет.
За что ханжа на все проклятие бросает,
Он скажет: души их проклятием спасает...

II. Еще трудней того бездельства зря терпеть
И, видя ясно все, молчати и кипеть.
Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану.

О ЧЕСТНОСТИ

(Сатира)

Везде и всякий день о чести говорят,
Хотя своих сердец они не претворят.
Но что такое честь? один победой льстился,
И пьян со пьяным он за честь на смерть пустился;
Другой приятеля за честь поколотил,
Тот шутку легкую пощечинной платил.
Тот, карты подобрав, безумного обманет,
И на кредит ему реванш давати станет
И вексельно письмо с ограбленного взяв,
Не будет поступать по силе строгих нрав,
И подождет ему дни три великодушно;
Так сердце таково бесчестию ль послушно?
Иной любовнице вернейшей изменил,
Однако зрак ее ему и после мил;
И если о любви своей кому что скажет,
Он честностью о том молчать его обяжет.
Оправив ябеду¹, судья возносит честь,
Благодеяния нельзя не превозносить;
И добродетели сыскати где толикой,
Коль правда продана ценою не великой?
Почтен и ростовщик над деньгами в клетке,
Что со ста только взял рублей по десяти
И другу услужил, к себе напомним службу,
Деревню под заклад большую взяв за дружбу.
Пречестный господин слуг кормит и поит,
Хотя его слуга и не довольно сыт;

Без нужды не отдаст он лишнего в солдаты,
Как разве что купить, иль долга на zapлаты;
Однако и за то снабдит его жену,
И даст ей куль муки за ту свою вину.
Да чем детей кормить? за что ж терпеть им голод?
Так их во аукцион боярин шлет под молот ².
Премерзкий суевер шлет ближнего во ад,
И сеет на него во всех беседах яд.
Премерзкий атеист создателя не знает ³,
Однако тот и тот о чести вспоминает.
Безбожник, может ли тебя почтiti кто,
Когда ты самого чтить бога за ничто?
И может ли в твоём быть сердце добродетель?
Не знаешь честности, не знаем коль создатель,
Который ясно зрим везде во естестве,
И нет сомнения о божьем существе.
Скупой несчастными те годы почитает,
В котopы мир скирды числом большим считает ⁴
И мыслит: не могу продати хлеба я;
Земля везде добра и столько же как моя.
А истинная честь несчастным дать отрады,
Не ожидаючи за то себе награды;
Любити ближнего, творца благодарить,
И что на мысли, то одно и говорить;
А ежели нельзя сказать правды явно,
По нужде и молчать, хоть тяжко не бесславно;
Творити сколько лъзя всей силою добро,
И не слепило б нас ни злато, ни серебро;
Служити ближнему, колико сыщем силы,
И благодетели б нам наши были милы,
С злодеем никогда общенья не иметь,
На слабости людски со сожаленьем зреть;
Не мстити никому, кто может быть исправен,
Ты мщеньем своим не можешь быть славен.
Услужен буди всем, держися данных слов,
Будь медлен ко вражде, ко дружбе будь готов!
Когда кто кается, прощай его без мести,
Не соплетай кому ласкательства и лести,
Не ползай ни пред кем, не буди и спесив;
Не будь нападчиком, не буди и труслив,
Не будь нескромен ты, не буди лицемерен,
Будь сын отечества и государю верен!

Н. М. КАРАМЗИН

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, проницательный разум, живое воображение и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей; если хочет, чтобы дарования его сияли светом немерцающим; если хочет писать для вечности и собирать благословения народов. Творец¹ всегда изображается в творении, и часто против воли своей. Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златою одеждою пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя.

Если бы небо наделило какого-нибудь изверга великими дарованиями славного Аруэта *², то вместо прекрасной Заиры⁵, написал бы он — карикатуру Заиры. Чистейший целебный нектар в нечистом сосуде делается противным, ядовитым питием.

Когда ты хочешь писать портрет свой, то посмотришься прежде в верное зеркало: может ли быть лице твоё предметом искусства, которое должно заниматься одним *изящным*⁶, изображать красоту, гармонию и распространять в области чувствительного приятные впечатления? Если творческая натура произвела тебя в час небрежения, или в минуту раздора своего с красотою, то будь благоразумен, не безобразь художниковой кисти, — оставь свое намерение. Ты берешься за перо и хочешь быть автором: спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: *каков я?* ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего.

Ужели думаете вы, что Геснер мог бы столь прелестно изображать невинность и добродушие пастухов и пастушек, если бы сии любезные черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть автором: читай историю несчастий рода человеческого — и если сердце твоё не обольется кровию, оставь перо, — или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей.

* Защитник и покровитель невинных, благодетель Каласовой фамилии³, благодетель всех Фернейских жителей⁴ имел, конечно, незлобное сердце.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь в чувствительную грудь твою; если душа твоя может возвыситься до *страсти к добру*, может питать в себе святое, никакими сферами неограниченное *желание всеобщего блага*: тогда смело призывай богинь Парнаасских⁷ — они пройдут мимо великолепных чертогов и посетят твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезным писателем — и никто из добрых не взглянет сухими глазами на твою могилу.

Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством; если не оно разгорячает воображение писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будет его наградою.

От чего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? От чего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? — От того, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; от того, что самые слабости его показывают некоторое милос добродушие.

Напротив того, многие другие авторы, не смотря на свою ученость и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: — ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает ее.

Одним словом: я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором.

г. 1793.

НЕЧТО О НАУКАХ, ИСКУССТВАХ И ПРОСВЕЩЕНИИ

Que les Muses, les arts, et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent
bovie!

St. Lambert

Был человек — и человек великий², незабвенный в летописях философии, в истории людей — был человек, который со всем блеском красноречия доказывал, что просвещение для нас вредно и что науки несовместимы с добродетелию!

Я чту великие твои дарования, красноречивый Руссо! Уважаю истины, открытые тобою современникам и потомству, — истины, отныне незагладимые на дсках нашего познания, — люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою к человечеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами.

Вообще рассуждение его о науках * есть так сказать, логический хаос, в котором виден только обманчивый порядок или признак порядка, в котором сияет только *ложное* солнце — как в хаосе творения, по описанию одного поэта ⁴ — и день с ночью непосредственно, то есть без утра и вечера, соединяются. Оно есть собрание противоречий и софизмов предложенных — в чем надобно отдать справедливость автору — с немалым искусством.

«Но Жан-Жака нет на свете: на что беспокоить прах его?» — Творца нет на свете, но творение существует; невежды читают его — самые те, которые ничего более не читают — и под эгидою славного Женевского гражданина ⁵ злословят просвещение. Если бы небесный Юпитер ⁶ отдал им на время гром свой, то великолепное здание наук в одну минуту превратилось бы в пепел.

Я осмеливаюсь предложить некоторые примечания, некоторые мысли свои о сем важном предмете. Они не суть плод глубокого размышления, но первые, так сказать, идеи, возбужденные чтением Руссова творения **.

Со времен Аристотелевых твердят ученые, что надобно определять вещи, когда желаешь говорить об них и говорить основательно. Дефиниции или определения служат фаросом ⁸ в путях умствования, — фаросом, который беспрестанно должен сиять пред глазами нашими, если мы не хотим с прямой черты совратиться. Руссо пишет о науках, об искусствах, не сказав, что суть науки, то искусства. Правда, если бы он определил их справедливо, то все главные идеи трактата его — поднялись бы на воздух и рассеялись в дыме, как пустые фантомы и чада химеры: то есть, трактат его остался бы в туманной области небытия — а Жан-Жаку непременно хотелось бранить ученость и просвещение. Для чего же? Может быть, для странности; для того, чтобы удивить людей и показать свое отменное остроумие: суетность, которая бывает слабостию и самых великих умов!

Не смотря на разные классы наук, не смотря на разные имена их, они суть не что иное, как *познание природы и человека, или система сведений и умствований, относящихся к сим двум предметам* ***.

* Discours sur la question, proposée sur l'Académie de Dijon, si le rétablissement de Sciences et des arts a contribué à épurer les mœurs? ³

** Новая пьеса одного неизвестного немецкого автора, которая нечаянно попала мне в руки, и в которой бедные науки страдают ужасным образом, заставила меня прочесть со вниманием Discours de J. J. ⁷. — Примечания мои неважны; но они по крайней мере не списаны ни из Готье, ни из Лабурда, ни из Мену, которых я или совсем не читал, или совсем забыл. — Что же принадлежит до господина немецкого анонимуса, то он, кроме злобы, тупоумия и несносного готтшедского слога, ничем похвалиться не может; на такие сочинения нет ответа.

*** Познание сих двух предметов ведет нас к чувствованию всевечного творческого разума.

От чего произошли они? — От любопытства, которое есть одно из сильнейших побуждений души человеческой: любопытства, соединенного с разумом.

Добрый Руссо! ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном, и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! скажи не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам? — Может ли человек быть бесчувственным, когда грома природы гремят над его головою; когда страшные огни ее пылают на горизонте и рассекают небо; когда моря ее шумят и режут в необозримых своих равнинах; когда она цветет перед ним в зеленой одежде своей или сияет в злате блестящих плодов, или, как будто бы утруженная великолепием своих феноменов, облекается в черную ризу осени и погружается в зимний сон под белым кровом снегов своих?

Обратимся во тьму прошедшего; углубимся в бездну мигущих веков и вступим в те, давно истлевшие леса, в которых человечество, по словам твоим, о Руссо! блаженствовало в физическом и душевном мерцании; устремим взор наш на юного сына природы, там живущего: мы увидим, что и он не только о физических потребностях думает; что и он имеет душу, которая требует себе не телесной пищи. Сий дикий взирает с удивлением на картину природы; око его обращается от предмета к предмету — от заходящего солнца на восходящую луну, от грозной скалы, опеняемой валами, на прекрасный ландшафт, где ручейки журчат в серебряных нитях, где свежие цветы пестреют и благоухают. Он в тихом восхищении пленяется естественными красотами, иногда нежными и милыми, иногда страшными: впивает их, так сказать, в свое сердце всеми чувствами и наслаждается без насыщения. Все для него привлекательно; все хочет он видеть и осязать в первах своих; спешит к отдаленнейшему, ищет конца горизонту и не находит его — небо во все стороны над ним разливается — природа вокруг его необозрима, и сим величественным образом беспредельности вещает ему: *нет пределов твоему любопытству и наслаждению!* — Таким образом собирает он бесчисленные идеи или чувственные понятия, которые суть не что иное, как непосредственное отражение предметов и которые носят вначале в душе его без всякого порядка; но скоро пробуждается в ней та удивительная сила или способность, которую называем мы *разумом* и которая ждала только чувственных впечатлений, чтобы начать свои действия. Подобно лучезарному солнцу освещает она хаос идей, разделяет и совokuпляет их, находит между ими различия и сходства, отношения, частное и общее и производит идеи особого рода, идеи

отвлеченные, которые составляют *знание* *, составляют уже *науку* — сперва науку природы, внешности, предметов; а потом, через разные отвлечения, достигает человек и до понятия о самом себе, обращается от чувствований к чувствующему и, не будучи Декартом, говорит: *cogito, ergo sum.* — *мышлю, следовательно, существую* **; *что ж я?*.. Вся наша антропология есть не что иное, как ответ на сей вопрос.

И таким образом можно сказать, что науки были прежде университетом, академий, профессоров, магистров, бакалавров. Где натура, где человек, там учительница, там ученик — там наука.

Хотя первые понятия диких людей были весьма недостаточны, но они служили основанием тех великолепных знаний, которыми украшается век наш; они были первым шагом к великим открытиям Ньютонов и Лейбницев — так источник, едва, едва журчащий под сению ветвистого дуба, мало по малу расширяется, шумит и, наконец, образует величественную Волгу.

Кто же, описывая дикого или естественного человека, представляет его невнимательным, нелюбопытным, живущим всегда в одной сфере чувственных впечатлений, без всяких отвлеченных идей — думающим только об утолении голода и жажды и проводящим большую часть времени во сне и бесчувствии — одним словом, зверем: тот сочиняет роман и описывает человека, который совсем не есть человек. Ни в Африке, ни в Америке не найдем мы таких бессмысленных людей. Нет! и тотемиты любопытны; в кафры стараются умножать свои понятия; и караибы имеют отвлеченные идеи, ибо у них есть язык, следствие многих умствований и соображений ***. Или пусть младенец будет нам примером юного человечества, младенец, которого душа чиста еще от всех наростов, несвойственных ее натуре! Не примечаем ли в нем желания знать все, что представляется глазам его? Всякий шум, всякий необыкновенный предмет не возбуждает ли его внимания? — В сих первых движениях души видит философ определение человека; видит, что мы сотворены для знаний, для науки.

Что суть искусство? — *Подражание натуре*. Густые, срощенные ветви были образцом первой хижины и основанием архитектуры; ветер, веявший в отверстие сломленной трости, или на струны лука, и поющие птички научили нас музыке; тень предметов — рисованью и живописи. Горлица, сетующая на ветви об умершем дружке своем, была наставницею первого элэги-

* Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее от других вещей, представлять ее в связи с другими.

** Известный Декартов силлогизм.

*** Например, всякое прилагательное имя есть отвлечение. Времена глаголов, местоимения — все сие требует утонченных действий разума.

ческого поэта *; подобно ей хотел он выражать горесть свою, ли-
шась милой подруги — и все песни младенческих народов
начинаются сравнением с предметами или действиями природы.

Но что же заставило нас подражать природе, то есть, что про-
извело искусства? *Природное* человеку стремление к улучшению
бытия своего, к умножению жизненных приятностей. От первого
шалаша до Луврской колонады ¹⁰, от первых звуков простой
свирели до симфоний Гайдена, от первого начертания дерев до
картин Рафаэлевых, от первой песни дикого до поэмы Клоппшто-
ковой ¹¹, человек следовал сему стремлению. Он хочет жить
покойно: рождаются так называемые *полезные искусства*; воз-
носятся здания, которые защищают его от свирепости стихий.
Он хочет жить *приятно*: являются так называемые *изящные*
искусства, которые усыпают цветами жизненный путь его.

* * *

И так искусства и науки *необходимы*: ибо они суть плод
природных склонностей и дарований человека, и соединены с
существом его, подобно как действия соединяются с причиною,
то есть союзом неразрывным. Успехи их показывают, что ду-
ховная природа наша в течении времен, подобно как злато в гор-
ниле, очищается и достигает большего совершенства; показы-
вают великое наше преимущество перед всеми иными живот-
ными, которые от начала мира живут в одном круге чувств и
мыслей, между тем как люди беспрестанно его распространяют,
обогащают, обновляют.

Я помню — и всегда будут помнить, что добрейший и любез-
нейший из наших философов, великий Боннет, сказал мне одна-
жды на берегу Женевского озера, когда мы, взирая на заходя-
щее солнце, на золотые струи Лемана, говорили об успехах чело-
веческого разума. «Мой друг!» ...сим именем называет Боннет **
всех тех, которые приходят к нему с любовью к истине ...«мой

* Я думаю, что первое поэтическое творение было не что иное, как
излияние томно-горестного сердца; то есть, что первая поэзия была эле-
гическая ⁹. Человек веселящийся бывает столько занят предметом своего
веселья, своей радости, что не может заняться описанием своих чувств;
он наслаждается и ни о чем более не думает. Напротив того, горестный
друг, горестный любовник, потеряв милую половину души своей, любит
думать и говорить о своей печали, изливает, описывать свои чувства; из-
бирает всю природу в поверенные грусти своей; ему кажется, что жур-
чащая река и шумящее дерево соболезнуют о его утрате; состоящие
души его есть уже, так сказать, поэзия; он хочет облегчить свое сердце и
облегчает его — слезами и песнию. — Все веселые стихотворения произо-
шли в позднейшие времена, когда человек стал описывать не только свои,
но и других людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не
только действительное, но и возможное или вероятное.

** Он был еще жив, когда я писал сии примечания.

друг! размышляющий человек может и должен надеяться, что в последствии веков объяснится весь мрак в путях философии, и заря наших смелейших предчувствий будет некогда солнцем уверения. Знания различаются как волны морские; необозримо их пространство; никакое острое зрение не может видеть, отдаленного берега — но когда явится он утружденному взору мудрецов; когда мы узнаем все, что в странах подлунных знать можно: тогда — может быть — исчезнет мир сей подобно волшебному замку, и человечество вступит в другую сферу жизни и блаженства». — Небесный свет сиял в сию минуту на лице женеевского философа, и мне казалось, что я слышу глас пророка.

Так, искусства и науки неразлучны с существом нашим — и если бы какой-нибудь дух тьмы мог теперь в одну минуту истребить все плоды ума человеческого, жатву всех прошедших веков: то потомки наши снова найдут потерянное, и снова воссияют искусства и науки как лучезарное солнце на земном шаре. Драгоценное собрание знаний по воле гнусного варвара было жертвою пламени в Александрии; но мы знаем теперь то, чего ни греки, ни римляне не знали. Пусть новый Омар, новый Амру факелом Тизифоны¹² превратит в пепел все наши книгохранилища! В течение грядущих времен родятся новые Баконны, которые положат новое и, может быть, еще твердейшее основание храма наук; родятся новые Кондильяки, новые Боянеты силою ума своего оживят статую *, и новые поэты воспоют красоту натуры, человека и славу божью: ибо все то, чему мы удивляемся в книгах, в музыке, на картинах, все то излилось из души нашей и есть луч божественного света ее, произведение великих ее способностей, которых никакой Омар, никакой Амру не может уничтожить. Перемените душу, вы, пенавистники просвещения! Или никогда, никогда не успеете в человеколюбивых своих предпринятиях; и никогда Прометеев огонь на земле не угаснет!

Заключим: ежели искусства и науки на самом деле зло, то они *необходимое* зло, — зло, истекающее из самого естества нашего; зло, для которого природа сотворила нас. Но сия мысль не возмущает ли сердце? Согласна ли она с благостием природы, с благостием творца нашего? Мог ли всевышний произвести человека с любопытною и разумною душою, когда плоды сего любопытства и сего разума должныствовали быть пагубны для его спокойствия и добродетели? Руссо! я не верю твоей системе.

Науки портят нравы, говорит он: *наш просвещенный век служит тому доказательством.*

* См. *Essai analitique sur l'Ame*, par Bonnet, и *Traité de sensations* par Condillac¹³.

Правда, что осьмойнадесятый век просвещеннее всех своих предшественников; правда, и то, что многие пишут на него сатиры; многие, кстати и некстати восклицают о *temproa!* о *tempus!* — о *времена!* о *правы*. Многие жалуются на разврат, на губительные пороки наших времен — по много ли философов? Много ли размышляющих людей? Много ли таких, которые проицают взором своим во глубину нравственности, и могут справедливо судить о феноменах ее? Когда нравы были лучше нынешних? Неужели в течение средних веков, тогда, когда грабеж, разбой и убийство почитались самым обыкновенным явлением? Пусть заглянут в старые летописи и сличат их с историею наших времен! — Нам будет говорить о Сатурновом веке, счастливой Аркадии... Правда, сия вечно цветущая страна под благим, светлым небом, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любят друг друга как нежные братья, не знают ли зависти, ни злобы, живут в благословенном согласии, повинуются одним движениям своего сердца и блаженствуют в объятиях любви и дружбы, есть нечто восхитительное для воображения чувствительных людей; но — будем искренны и признаемся, что сия счастливая страна есть не что иное, как приятный сон, как восхитительная мечта сего самого воображения. По крайней мере никто еще не доказал нам исторически, чтобы она когда-нибудь существовала. Аркадия Греции не есть ли та прекрасная Аркадия, которою древние и новые поэты крепельщают наше сердце и душу.

J'ouvre les fostes: sur cet âge
Partout je trouve des regles;
Tous ceux qui m'en offrent l'image,
Je plaignent d'être nés après¹⁴.

Самые отдаленнейшие времена, освещаемые факелом истории — времена, в которые искусства и науки были еще, так сказать, в бессловесном младенчестве — не представляют ли нам пороков и злодеяний? Сам ты, о Руссо! животворною своею кистью изобразил одно из сих страшных происшествий древности, которые возмущают всякое чувство * и показывают, что сердце человеческое осквернялось тогда самым гнуснейшим развратом.

Ты обвиняешь век наш утонченным лицемерием, притворством; но отчего же порок старается ныне скрывать себя под личиною добродетели более, нежели когда-нибудь? Не от того ли, что в нынешние времена гнушаются им более, нежели прежде? Самое сие относится к чести наших нравов; и если мы обязаны тем просвещению, то оно благотворно и спасительно для нравов. Иначе можно будет доказать, что и добродетель развращает людей, заставляя порочного лицемерить: ибо никогда не

* В Levite d'Ephraim¹⁵.

имел он такой нужды притворяться добрым как в присутствии добрых. — Вообразим двух человек, которые оба злоправны, но с тем различием, что один явно предается своим склонностям и, следовательно, не стыдится их, — а другой таит оные и, следовательно, сам чувствует, что они не похвальны: кто из них ближе к исправлению? Конечно, последний: ибо первый шаг к добродетели, как говорят древние и новые моралисты, есть познание гнусности порока.

Мысль, что во времена невежества не могло быть столько обманов, как ныне, для того, что люди не знали никаких тонких хитростей, есть совершенно ложная. Простые так же друг друга обманывают, как и хитрые: первые грубым образом, а вторые искусным — ибо мы не можем быть ни равно просты, ни равно хитры. Вспомним жрецов идолопоклонства: они были, конечно, не ученые, не мудрецы, но умели ослеплять людей, — и кровь человеческая лилась на жертвенниках.

Сия учтивость, сия приветливость, сия ласковость, которая свойственна нашему времени и которую новые Тимоны* называют сусальным золотом осьмогонадесять века, в глазах философа есть истинная добродетель общежития и следствие утонченного человеколюбия. Не спорю, что отереть слезы бедного, отвратить грозную бурю от своего брата, гораздо похвальнее и важнее, нежели приласкать человека добрым словом или улыбкою; но все то, чем мы можем доставить друг другу невинное удовольствие, есть должность наша — и кто хотя одну минуту жизни сделал для меня приятною, тот есть мой благодетель. Мудрая любезная натура не только дает нам пищу; она производит еще и алую розу и белую лилию, которые не нужны для нашего физического существования — но они приятны для обоняния, для глаз наших, и натура производит их. Учтивость, приветливость есть цвет общежития.

* * *

*Спартанцы не знали ни наук, ни искусств — говорит наш мизософ¹⁶ — и были добродетельнее прочих греков, — и были непобедимы. Когда невежество царствовало в Риме, тогда римляне повелевали миром; но Рим просветился, и северные варвары наложили на него цепи рабства**.*

Во-первых, спартанцы не были такими невеждами и грубыми людьми, какими хочет их описывать Женевский гражданин.

* Известно, что Афинский Тимон был великий мизантроп. «Я люблю тебя, — сказал он Ализиаду, — за то, что ты сделаешь довольно зла своему отечеству».

** Все, что Руссо говорит в своем Discours с Спарте и Риме, взято из Essais de Montaigne, главы XXIV, du Pedantisme¹⁷. Жан-Жак любил Монтаня.

Они не занимались ни астрономиею, ни метафизикою, ни геометриею: но у них были другие науки и самые изящные искусства. Они имели свое правоучение, свою логику, свою риторику, хотя учились им не в академиях, а на площадях — не от профессоров, а от своих эфоров¹⁸. Не священная ли поэзия приготавливала сих республиканцев к Ликурговым уставам? ¹⁹ Песнопевец Фалес * был предтечею сего законодателя»; явился в Спарте с златострунною лирою, воспел счастье мудрых законов, благо согласия, и восхитил сердца слушателей. Тогда пришел Ликург, спартапцы приняли его как друга богов и человеков, которого устами вещала истина и мудрость. Во второй Мессенской войне²⁰ повелевал лакедемонцами афинский поэт Тиртей; он пел, играл на арфе, и вопиы его, как яростные вихри, стремились на брань и смерть: доказательство, что сердца их отверзались *впечатлениям изящного*, чувствовали в истине красоту и в красоте истину! — У них были и собственные поэты, например, Алкман, который «*всю жизнь свою посвящал любви, и во всю жизнь воспевал любовь*»; были музыканты и живописцы — первые гармониею струн своих возбуждали в них ревность героизма; кисть вторых изображала *красоту и силу* в виде Аполлона и Марса, чтобы спартапки, обращая на них взоры свои, рождали Аполлонов и Марсов — были и риторы, которые в собраниях народа, или на печальных празднествах, учрежденных в память Павзанию и Леониду, убеждали и трогали сограждан своих — например, самые афинцы удивлялись красноречию спартапца Бразиды и сравнивали его с лучшими из греческих ораторов. Законы лакедемонские не запрещали наслаждаться изящными искусствами, но не терпели их злоупотребления. Для сего-то эфоры не позволяли гражданам своим читать соблазнительных творений сатирика Архилоха; для сего-то они молчать велели лире одного музыканта, который нежною, томною игрою вливал яд сладострастия в души воинов; для сего-то выгнали они из Спарты того ритора, который хотел говорить о всех предметах с равным искусством и жаром. Истинное красноречие, одушевленное правдою, на правде основанное, было им любезно — ложное, софистическое, ненавистно. Их теория нравственности поставлялась в пример ясной краткости, силы и убедительности, так что многие философы древности, например, Фалес, Питтак и другие заимствовали от них методы своего учения.

Во-вторых, — точно ли спартапцы были добродетельнее прочих греков? Не думаю. Там, где в забаву убивали бедных невольников, как диких зверей, где тирански умерщвляли слабых младенцев, для того, что республика не могла надеяться на силу руки их — там, следуя общему человеческому понятию, нельзя

* Сей поэт Фалес жил прежде мудреца Фалеса или Талеса.

искать нравственного совершенства. Если древние говорили, что «самый спартапский воздух вселяет, кажется, *Аретин*», то под сим словом разумели они не то, что мы разумеем ныне под именем добродетели, *vertu*, *Tugend*, а *мужество* или *храбрость* *, которая только по своему употреблению бывает добродетелию. Спартапцы были всегда храбры, но не всегда добродетельны. Леонид и друзья его, которые принесли себя в жертву отечеству, суть мои герои, истинно-великие мужи, полубоги; без слез не могу я думать о славной смерти их при Фермопилах ²¹ — но когда питомцы Ликурговых законов лили кровь человеческую для того, чтобы умножить число своих невольников и поработить слабейшие греческие области: тогда храбрость их была злодейством — и я радуюсь, что великий Эпаминонд смирил гордость сих республиканцев ²² и с надменного чела их сорвал лавр победы.

Просвещенные Афины, где, так сказать, возрастали все наши искусства и науки — Афины производили также своих героев, которые в великодушии и храбрости не уступали лакедемонским. Фемистокл, Аристид, Фокион! кто не удивляется вашему величию? Вы сияете в истории человечества как благодетельные светила — и вечно сиять будете! — Сам божественный Сократ, первый из мудрецов древности был храбрый воин; от высочайших умозрений философии летел он на поле брани умирать за любезные Афины — и я не знаю, кто более имеет причин любить и защищать свое отечество, сын Софрониксов, или какой-нибудь абдерит ²³: первый наслаждается в нем всеми благами жизни, цветами природы, искусства, самим собою, своим человечеством, силами и способностями души своей; а второй в благословенной Абдере — *живет* и более ничего. Для кого страшнее узы варваров? Сократ, сражаясь за Афины, сражается за место своего счастья, своих удовольствий, которые вкушал он в садах философских, в беседе друзей и мудрецов — абдерит и под игом персидским может быть абдеритом **.

Что принадлежит до Рима, то науки не могли быть причиною его падения, когда Сципионы посвящали им все свободные часы свои и были — Сципионами; когда Катон ²⁴, умирая вместе с республикою в последнюю ночь жизни своей читал Платона; когда Цицерон, ученейший римлянин своего времени, презирал

* *Арети* происходит от *Арис*. Сим именем, как известно, называется по-гречески Марс.

** Говорят еще, что упражнение в науках или в искусствах расслабляет телесные силы, нужные воину; но разве ученый или художник непременно должен морить себя в кабинете? Соблюдая умеренность в трудах своих, он может служить отечеству рукою и грудью не хуже других граждан. Впрочем, не атлетовы силы, но любовь к отечеству делает воинов непобедимыми.

опасность и гремел против Катилины²⁵. Сии герои были питомцы наук, и притом герои; более таких мужей, и Рим бессмертен в своем величии!

Я согласен, что чрезмерная роскошь, которая царствовала наконец в Риме, была пагубна для республики: но какую связь имеет роскошь с науками? Сия политическая и нравственная язва перешла в Рим из стран азиатских, вместе с великим богатством, которое бывает ее источником и пищею. Чем же обогатились потомки Ромуловы?²⁶ Конечно, не науками, но завоеваниями,— и таким образом причина славы их сделалась наконец причиною их гибели.

Успех самых приятных искусств ни мало не зависит от богатства. Поэт, живописец, музыкант имеют ли пужду в Моголовых сокровищах²⁷ для того, чтобы сочинить бессмертную поэму, написать изящную картину, очаровать слух наш сладкими звуками? Потребны ли сокровища и для того, чтобы наслаждаться великими произведениями искусств? Для первого нужны таланты, для второго потребен вкус: и то и другое есть особый дар неба, который не в мрачных недрах земли хранится и не с золотым песком приобретается*.

И кто имеет более алчности к богатству, просвещенный человек или невежда? человек с дарованиями или глупец? Философ ценит умозрения свои дороже золота. Архимед не взял бы миллионов за ту минуту, в которую воскликнул он: *Эврика! нашел! нашел!* Камоэнс не думал о своем имении, когда тонул корабль его; но бросившись в море, держал он в правой руке «Лузиаду»²⁸. Сии отменные люди находят в самих себя источник живейших удовольствий — и потому самому богатство не может быть их идолом.

* * *

Но сколько заблуждений в науках? Правда, для того, что они несовершенны; но предмет их есть истина. Заблуждения в науках суть, так сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнут. Они подобны тем волнистым облакам, которые в час утра показываются на востоке, и бывают предтечами златого солнца. Из темной сени невежества должно итти к светозарной истине сумрачным путем сомнения, чаяния и заблуждения; но мы придем к прелестной богине, придем, не смотря на все пре-

* Но чем же в бедной земле будет награжден писатель или художник? Похвалою, одобрением, удовольствием своих сограждан: вот то, что истинному артисту всего милее, всего дороже! — Музы не умеют считать денег и бегут от железных сундуков, на которых гремят замки и запоры. Там, где любят их чистым сердцем, где умеют чувствовать красоту их,— там они всем довольны, довольны бедною хижиною и ключевою водою. В другое место не заманишь их и славным бриллиантом португальской королевы.

поны, и в ее эфирных объятиях вкусим небесное блаженство. Высочайшая премудрость не хотела нас удалить от нее сими различными затруднениями, ибо мы можем преодолеть их, и сражаясь с оными, чувствуем некоторую радость во глубине сердец своих: верный знак того, что действуем согласно с нашим определением! * Кажется, будто натура, скрывая иногда истину — по словам философа Демокрита — *на дне глубокого кладезя*, хочет единственно того, чтобы мы долее наслаждались приятным исканием и тем живее чувствовали красоту ее. Так пежняя Дафна бежит и скрывается от страстного Палемона, единственно для того, чтобы еще более восpalить жаркую любовь его!

* * *

Науки с искусствами вредны и потому — продолжает их славный антагонист ²⁹ — *что мы тратим на них драгоценное время*; но как же, уничтожив все науки и все искусства, будем употреблять его? На земледелие, на скотоводство? Правда, — что земледелие и скотоводство всего нужнее для нашего существования; но можем ли мы занять ими все часы свои? Что станем мы делать в те мрачные дни, когда вся природа сетует и облекается в траур? когда северные ветры обнажают рощи, пушистые снега усыпают железную землю, и дыхание холода замыкает двери жилищ наших; когда земледелец и пастух со вздохом оставляют поля и заключаются в своих хижинах? Тогда не будет уже книг, благословенных книг, сих верных, милых друзей, которые доселе улаждали для нас печальную осень и скучную зиму, то обогащая душу великими истинами философии, то изыская слезы чувствительности из глаз наших трогательными повествованиями. Священная небесная меланхолия, мать всех бессмертных произведений ума человеческого! ты будешь чужда холодному нашему сердцу; оно забудет тогда все благороднейшие свои движения, и сие пламя всемирной любви, которое развешают в нем творения истинных мудрецов и друзей человечества, подобно угасающей лампаде блеснет — и померкнет!.. Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна человекам; ты умер, но дух твой живет в Эмиле, но сердце твое живет в Элоизе ³⁰ — и ты восставал против пауk, против словесности! и ты

* Во всяком случае, где мы удаляемся от мудрого плана натуры, от ее цели, обыкновенно чувствуем в душе своей некоторую тоску, неудовольствие, неприятность. Сие противное чувство говорит нам: «Ты оставил путь, предписанный тебе натурою: обратись на него!». Кто не повируется сему гласу, тот вечно будет несчастлив. Напротив того, всегда, когда действуем сообразно с нашим определением или с волею великого творца, чувствуем некоторое тихое удовольствие, радость. Сие чувство говорит нам: «Ты идешь путем, предписанным тебе натурою: не совращайся с оногo!».

проповедывал счастье невежества, славил бессмыслие, блаженство зверской жизни! ибо что иное как не зверь есть тот человек, который живет только для удовлетворения своим физическим потребностям? Неужели скажут нам, что он, удовлетворяя сим потребностям, спокоен и счастлив? Ах нет! на златом диване и в темной хижине (он беден и злополучен; на златом диване и в темной хижине) чувствует он вечный недостаток, вечную скуку. Один, чтобы наполнить сию мучительную пустоту сердца, выдумывает тысячу мнимых нужд, тысячу мнимых потребностей жизни *; другой, угнетаемый бременем мысленной силы своей, ищет облегчения в совершенном забвении самого себя, или прибегает к ужасному распутству. — Так, конечно! человек носит в груди своей пламень Этны: живое побуждение деятельности, которое мучит праздного — искусства же и науки суть благотворной источник, утоляющий сию душевную жажду.

Но разве добродетель не может занять души своей? — возражает Руссо. *Учись быть нежным сыном, супругом, отцом, полезным гражданином, человеком, и ты не будешь празден!* Что же есть мораль, из наук важнейшая, альфа и омега всех наук и всех искусств? Не она ли доказывает человеку, что он для собственного своего счастья должен быть добрым? Не она ли представляет ему необходимость и пользу гражданского порядка? Не она ли соглашает волю его с законами и делает его свободным в самых узах? Не она ли сообщает ему те правила, которые разрешают его недоумения во всяком затруднительном случае, и верною стезею ведет его к добродетели? — Все животные, кроме человека, подвержены уставу необходимости: для них нет выбора, нет ни добра, ни зла, но мы не имеем сего, так сказать, *деспотического чувства*, сего естественного побуждения, управляющего нами; вместо его дан человеку разум, который должен *искать* истины и добра. Зверь видит и действует; мы видим и рассуждаем, то есть сравниваем, разбираем, и потом уже действуем.

* * *

«От чего же те люди, которые посвящают жизнь свою науке, нередко имеют порочные нравы?» — Конечно, не от того, что они в науках упражняются, но совсем от других причин: например, от худого воспитания, сего главного источника нравственных зол, и от худых навыков, глубоко вкоренившихся в их сердце. Любезные музы врачуют всегда душевные болезни. Хотя бывают такие злые недуги, которых не могут они излечить со-

* Вот главная причина роскоши! Следственно, науки, будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши, которая питается праздностью.

вершенно; но во всяком случае действия их благотворны — и человек, который, не взирая на нежный союз с ними, все еще предается порокам, во мраке невежества сделался бы, может быть, страшным чудовищем, извергом творения. Искусства и науки, показывая нам красоты величественной природы, возвышают душу; делают ее чувствительнее и нежнее, обогащают сердце наслаждениями и возбуждают в нем любовь к порядку, любовь к гармонии, к добру, следственно, ненависть к беспорядку, разногласию и порокам, которые расстраивают прекрасную связь общежития. Кто чрез мириады блестящих сфер, кружащихся в голубом небесном пространстве, умеет возноситься духом своим к престолу невидимого божества; кто внимает гласу его и в громах и в зефирах, в шуме морей и — собственном сердце своем; кто в атоме видит мир и в мире атом беспредельного творения; кто в каждом цветочке, в каждом движении и действии природы чувствует дыхание вышней благодати, и в алых небесных молниях лобызает край Саваофовой ризы: тот не может быть злодеем. На мраморных скрижалях истории, между именами извергов, покажут ли нам имя Бакона, Декарта, Галлера, Томсона, Геснера?.. Наблюдатель человечества! будь вторым Говардом и посети мрачные обитатели, где ожесточенные преступники ждут себе праведного наказания — сии несчастные, долженствующие кровию своею примириться с раздраженными законами; спроси — если не онемеют уста твои в сем жилище страха и ужаса — спроси, кто они? и ты узнаешь, что просвещение не было никогда их долею и что благодетельные лучи наук никогда не озаряли хладных и жестоких сердец их. Ах! Тогда поверишь, что ночь и тьма есть жилище грей, горгон и гарпий³¹; что все изящное, все доброе любит свет и солнце.

Так! просвещение есть палладиум благонравия³² — и когда вы, вы, которым вышняя власть поручила судьбу человеков, желаете распространить на земле область добродетели, то любите науки и не думайте, чтобы они могли быть вредны; чтобы какое-нибудь состояние в гражданском обществе должно было пресмыкаться в грубом невежестве — нет! Сие золотое солнце сияет для всех на голубом небосводе и все живущее согревается его лучами»; сей текущий кристалл утоляет жажду и властелина и невольника; сей столетний дуб обширную тенью своею прохлаждает и пастуха и героя. Все люди имеют душу, имеют сердце: следственно, все могут наслаждаться плодами искусства и науки — и кто наслаждается ими, тот делается лучшим человеком и спокойнейшим гражданином — спокойнейшим говорю: ибо находя везде и во всем тысячу удовольствий и приятностей, не имеет причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь. — Цветы граций украшают всякое состояние — и просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой

зелени с нежною своею подругою, не позавидует счастью роскошнейшего сатрапа.

Просвещенный земледелец! — Я слышу тысячу возражений, но не слышу ни одного справедливого. Быть просвещенным есть быть здравомыслящим, не ученым, не полиглотом, не педантом. Можно судить справедливо и по правилам строжайшей логики, не читав схоластических бредней о сей науке; не думая о том, кто лучше определяет ее: Томазий или Тширенгауз, Меланхтон или Рамус, Клерикус или Буддеус; не зная, что такое *энфимемата*³³, *барбара*, *целарент*, *ферио*³⁴ и проч. Для сего, конечно, не достанет земледельцу времени — ибо он должен обрабатывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлеть в душу некоторые правила, некоторые вечные истины, которые составляют основание и существо логики — для сего же найдет он в жизни своей довольно свободных часов, равно как и для того, чтобы узнать премудрость, благость и красоту натуры, которая всегда пред глазами его, — узнать, любить ее и быть счастливее.

Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пахут землю и собирают библиотеки; пахут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их. Кто не слышал о славном пирихском крестьянине Клейн-йоке, у которого философы могли учиться философии, с которым Бодмер, Геснер, Лафатер любили говорить о красотах природы, о величестве творца ее, о сани и должностях человека? — Недалеко от Мангейма живет и теперь такой поселянин, который читал всех лучших немецких и даже иностранных авторов, и сам пишет прекрасные стихи *. Сии упражнения не мешают ему быть трудолюбивейшим работником в своей деревне и прославлять долю свою. «Всякий день, — говорит он **, — благодарю я бога за то, что он определил мне быть поселянином, которого состояние есть самое ближайшее к натуре, и следственно, самое счастливейшее».

Закоподатель и друг человечества! ты хочешь общественного блага: да будет же первым законом твоим — *просвещение!* Глазом оного благодетельного грома, который не умерщвляет живущего, а наполяет землю и воздух питательными и плодотворными силами, вещай человекам: *«созерцайте природу и наслаждайтесь ее красотою; познавайте свое сердце, свою душу; действуйте всеми силами, творческою рукою вам данными, — вы будете любезнейшими чадами неба»*.

Когда же свет учения, свет истины озарит всю землю и проникнет в самые темнейшие пещеры невежества; тогда, может быть, исчезнут все нравственные гарпии, доселе осквернявшие

* Многие из них читал я в «Немецком музее»³⁵.

** Один из моих знакомых был у него в гостях.

человечество, — исчезнут, подобно как привидения ночи на рас-свете дня исчезают; тогда, может быть, настанет златый век поэтов, век благоправия — и там, где возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сядет добродетель на светлом троне.

Между тем вы составляете мое утешение, вы, нежные чада ума, чувства и воображения! С вами я богат без богатства, с вами я не один в уединении, с вами не знаю ни скуки, ни тяжелой праздности. Хотя живу на краю севера, в отечестве грозных аквилонов ³⁶, но с вами, любезные музы! с вами везде долина Темпейская ³⁷ — коснетесь рукою, и печальная сосна в лавр Аполлонов превращается; дохнете божественными устами, и на желтых хладных песках цветы Олимпийские расцветают. Осыпанный вашими благами, дерзаю презирать блеск тщеславия и суетности. Вы и природа, природа и любовь добрых душ — вот мое счастье, моя отрада в горестях!.. Ах! я иногда проливаю слезы, и не стыжусь их!

Меня не будет — но память моя не совсем охладает в мире; любезный, нежно-образованный юноша, читая некоторые мысли, некоторые чувства мои, скажет: *он имел душу, имел сердце!*
г. 1793.

МЕЛОДОР К ФИЛАЛЕТУ

Где ты, любезный Филалет? ¹ В каком уединении скрываешься? Какие предметы занимают душу твою? Чем питается твое сердце? Что делает тебе жизнь приятною? — И думаешь ли ныне о своем Мелодоре?

Ах! где ты? Сердце мое тебя просит, требует. Оно помнит любезные твои взоры, сладкий голос и нежные, чувством согреваемые объятия, в которых жизнь бывала ему вдвое милее — помнит, и велит глазам моим искать тебя — велит рукам моим к тебе простираться!

Океан шумел между нами: теперь мы в одной земле — и не вместе! — Скажи слово и Мелодор летит к тебе! — В ожидании сей минуты буду хотя писать к любезнейшему из друзей моих.

Пять лет мы не видались: сколько времени? Сколько перемен в свете — и в сердцах наших?.. Тысячи мыслей волнуются в душе моей. Я хотел бы вдруг перелить их в твою душу, без помощи слов, которых искать надобно; хотел бы открыть тебе грудь мою, чтобы ты собственными глазами мог читать в ней сокровенную историю друга твоего, и видеть — прости мне смелое выражение — видеть все *развалины надежд и замыслов* ², над которыми в тихие часы ночи сетует ныне дух мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинах Илиона ³, стовратных Фив ⁴ или великолепного преческого храма ⁵, когда бледный свет луны освещает их!

Помнишь, друг мой, как мы некогда рассуждали о нравственном мире, ловили в истории все благородные черты души человеческой, питали в груди своей эфирное пламя любви, которого веяние возносило нас к небесам, и, проливая сладкие слезы, восклицали: *человек велик духом своим! Божество обитает в его сердце!* Помнишь, как мы, сличая разные времена, древние с новыми, искали и находили доказательство любезной нам мысли, что *род человеческий возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству.* Ах! с какою нежностью обнимали мы в душе своей всех земнородных, как милых детей небесного отца! — Радость сияла на лицах наших — и светлый ручеек, и зеленая травка, и алый цветочек, и поющая птичка, все, все нас веселило! Природа казалась нам обширным садом, в котором зреет божественность человечества.

Кто более нашего славил преимущества осьмогонадесять века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства, размножение жизненных удовольствий, всеместное распространение духа общности, теснейшую и дружелюбнейшую связь народов, кротость правлений и пр. и пр.? — Хотя и являлись еще некоторые черные облака на горизонте человечества; но светлый луч надежды златил уже края оных пред нашим взором надежды: «все исчезнет, и царство общей мудрости настанет, рано или поздно настанет — и блажен тот из смертных, кто в краткое время жизни своей успел рассеять хотя одно мрачное заблуждение ума человеческого, успел хотя одним шагом приблизить людей к источнику всех истин, успел хотя единое плодородное зерно добродетели вложить рукою любви в сердце чувствительных, и таким образом ускорил ход всемирного совершення!»

Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества, и думали, что в нем последует важное общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью; что люди, уверясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности, и под сению мира в крове тишины и спокойствия, наслаждаться истинными благами жизни.

О Филалет! Где теперь сия утешительная система?.. Она разрушилась в своем основании!

Осьмойнадесять век кончается: что же видишь ты на сцене мира? — Осьмойнадесять век кончается, и несчастный филантроп * меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в ней с обманутым и растерзанным сердцем и закрыть глаза навеки!

Кто мог думать, ожидать, предчувствовать?.. Мы надеялись

* То есть, друг людей.

скоро видеть человечество на горней степени величия, в венце славы, в лучезарном сиянии, подобно ангелу божью, когда он, по священным сказаниям, является очам добрых, — с небесною улыбкою, с мирным благовестием! — Но вместо сего восхитительного явления видим... фурий с грозными пламенниками.

Где люди, которых мы любили? Где плод наук и мудрости? Где возвышение кротких, нравственных существ, сотворенных для счастья? Век просвещения! Я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушений не узнаю тебя!.. Небесная красота прельщала взор мой, воспаляла мое сердце нежнейшею любовью; в сладком упоении стремился к ней дух мой; но — небесная красота исчезла — змеи шипят на ее месте! — какое превращение!

Свирепая война опустошает Европу⁶, столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого; драгоценностей, собранных веками; драгоценностей, на которых основывались все планы мудрых и добрых! — И не только миллионы погибают; не только города и села исчезают в пламени; не только благословенные, цветущие страны (где щедрая натура от начала мира изливала из полной чаши лучшие дары свои), в горестные пустыни превращаются — сего не довольно; я вижу еще другое, ужаснейшее зло для бедного человечества.

Мизософы* торжествуют. «Вот плоды вашего просвещения! — говорят они; вот плоды ваших наук, вашей мудрости! Где воспылал огонь раздора, мятежа и злобы? Где первая кровь обогригла землю? и за что?... И откуда взялись сии пагубные идеи?.. Да погибнет же ваша философия!» — И бедный, лишенный отечества, и бедный, лишенный крова, и бедный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяет: *да погибнет!* И доброе сердце, раздираемое зрелищем лютых бедствий, в горести своей повторяет: *«да погибнет!»* А сии восклицания могут составить наконец *общее мнение*: вообрази же следствия!

Кровопролитие не может быть вечно: я уверен. Рука, секущая мечем, утомится; сера и селитра истощатся в недрах земли, и громы умолкнут⁷; тишина рано или поздно настанет — но какова будет тишина сия? Если мертвая, холодная, мрачная?

Так, друг мой, падение наук кажется мне не только возможным, но и вероятным; не только вероятным, но даже пеминуемым, даже близким. Когда же падут они... когда их великолепное здание разрушится, благодетельные лампы угаснут — что будет? Я ужасаюсь и чувствую трепет в сердце! — Положим, что некоторые искры и спасутся под щеплом; положим, что некоторые люди и найдут их и осветят ими тихие, уединенные свои хижины; но что же будет с миром, с *целым* человеческим родом?

* Ненавистники наук.

Ах, мой друг! Для добрых сердец нет счастья, когда они не могут делить его с другими. Истинный мудрец благословляет мудрость свою для того, что может сообщать оную ближним; иначе — смею сказать — будет она бременем для его человеколюбивой души. Александр не принял сосуда с водою⁸ и не хотел утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось; в сию минуту был он подлинно Великим Александром! Такие движения неизвестны эгоистам; за то первый враг истинной философии есть эгоизм.

Сверх того, внимательный наблюдатель видит теперь повсюду отверстые гробы для *нежной нравственности*. Сердца ожесточаются ужасными происшествиями, и привыкая к феноменам злодеяний, теряют чувствительность. Я закрываю лице свое!

Ах, друг мой! Ужели род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения и должен действием какого-нибудь чудного и тайного закона ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова мало по малу выходить из оногo, подобно Сизифову камню, который будучи взнесен на верх горы, собственно своею тяжестью скатывается вниз и опять рукою вечного труженика на гору возносится? — Горестная мысль! печальный образ!

Теперь мне кажется, будто самые летописи доказывают *вероятность* сего мнения. Нам едва известны имена древних азиатских народов и царств; но по некоторым историческим отрывкам, до нас дошедшим, можно думать, что сии народы были не варвары; что они имели свои искусства, свои науки; кто знает тогдашние успехи разума человеческого? Царства разрушались, народы исчезали; из праха их, подобно как из праха фениксова, рождались новые племена, рождались в сумраке, в мерцании, младенчествовали, учились и — славились. Может быть, эоны погрузились в вечность⁹, и несколько раз сиял день в умах людей и несколько раз ночь темнила души, прежде нежели воссиял Египет, с которого начинается полная история. Библиотека Озимандиасова¹⁰ была конечно, не первая в мире; была верно не что иное, как спасенный остаток древнейших библиотек.

Египетское просвещение соединяется с греческим: первое оставило нам одни развалины, но великолепные, красноречивые развалины; картина Греции жива перед нами. Там все прельщает зрение, душу, сердце; там красуются Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидии и Зевкисы — одним словом, там должно дивиться утонченным действиям разума и нравственности. Римляне учились в сей великой школе и были достойны своих учителей.

Что ж последовало за сею блестящею эпохою человечества? Варварство многих веков, варварство ума и нравов — эпоха

мрачная — сцена, покрытая черным флером для глаз чувствительного философа!

Медленно редела, медленно прояснялась сия густая тьма. Наконец, солнце наук воссияло, и философия изумила нас быстрыми своими успехами. Добрые, лежковерные человеколюбцы заключали от успехов к успехам; исчисляли, измеряли путь ума; напрягали взор свой — видели близкую цель совершенства, и в радостном упоении восклицали: *берег!*.. Но вдруг небо дымится, и судьба человечества скрывается в грозных туманах! — О потомство! Какая участь ожидает тебя?

Если опять возвратится на землю третий и четвертый — на десять век?.. Мы, конечно, не доживем до сего, но можем ли мы умирать спокойно? И что надпишем над гробами своими? Разве скажем с Сарданапалом: *«Прохожий! усладдай свои чувства; все прочее ничто!»* * — О мой друг!

Печальные сомнения волнуют мою душу и шумный город, в котором живу, кажется мне пустынею. Вижу людей; по взор мой не находит сердца в их взорах. Слышу рассуждения, и опускаю глаза в землю. — Говорю, но ветер разносит слова мои... мертвое эхо повторяет их!

Иногда неспосная грусть теснит мое сердце; иногда упadou на колени и простираю руки свои — к невидимому... Нет ответа! — Голова моя клонится к сердцу.

Сама природа не веселит меня. Она лишилась венца своего в глазах моих с того времени, как не могу уже в ее объятиях мечтать о близком счастье людей; с того времени, как удалась от меня радостная мысль о их совершенстве, о царстве истины и добродетели; с того времени, как я не знаю, что мне думать о феноменах нравственного мира, чего ожидать и надеяться!

Вечное движение в одном кругу; вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи с днем; вечное смешение истины с заблуждениями, и добродетелей с пороками; капля радостных и море горестных слез... мой друг! Начто жить мне, тебе и всем? Начто жили предки наши? Начто будет жить потомство?

Суди о хаосе души моей, который представляет мне все творение в беспорядке! Смотрю на восходящее солнце и спрашиваю: «почто восходишь?» Стою под сению шумящего дуба и спрашиваю: «почто шумишь?» Теперь все существует для меня без цели.

Вообрази себе человека, заснувшего сладким сном в тихом своем кабинете, подле нежной супруги, среди милых детей, и вдруг очарованием каких-нибудь злых волшебников пренесенного на степь африканскую — удары грома пробуждают его —

* Квинт Курций пишет, что Александр Великий нашел гроб Сарданапалов с сего надписью.

несчастный открывает глаза, видит ночь и пустыню вокруг себя — изумляется — думает и не понимает, где он, и что с ним случилось — слышит везде рев зверей и не знает куда идти... Где мирное жилище его? Где нежная супруга? Где милые дети?... Нет пути! нет спасения!.. Он терзается, проливает слезы и устремляет взор на небо; но небо покрыто тьмою, небо грозно! — Состояние сего человека некоторым образом подобно моему.

Дружба, священная, любезная дружба! В твои объятия изливает сердце мое — сердце, жестоко уязвленное — горестные свои чувства. Оживи его благотворным своим бальзамом; улади нежным состраданием!

Филалет! Ты вместе со мною веселился некогда жизнью, природою, человечеством; теперь скорби со мною, или утешь меня!

Дух мой уныл, слаб и печален; но я достоин еще дружбы твоей, ибо я — люблю еще добродетель! — Вот черта, по которой ты всегда узнаешь Мелодора; узнаешь и в бурю и в грозу и на краю могилы!

ФИЛАЛЕТ К МЕЛОДОРУ

Мелодор! Слезы катились из глаз моих, когда я читал любезное письмо твое. Давно уже такие сладкие чувства не посещали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается в юности — неразрывная и приятнейшая. Она сливается в чувствительной системе нашей со всеми пленительными воспоминаниями весенних лет, сего красного утра жизни, лучшей эпохи нравственного бытия. Два добрые сердца, привыкшие любить друг друга, находя в сей любви источник нежнейших удовольствий и добродетельнейших радостей. Ах, мой друг! можешь ли сомневаться в постоянстве своего Филалета! Везде, где ни был я, — и в жарких и в холодных зонах — везде образ твой путешествовал со мною, освежал томного странника под огненным небом линии ¹¹ и согревал его в пределах льдистого полюса. Наконец, я в отечестве, и не с тобою? Но мне сказали, что ты уехал в чужие земли. К счастью сие известие, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодор в одной стране с Филалетом!.. Спеши, спеш к своему другу! В сельских кущах ожидаю тебя — там, где некогда с улыбкою встречали мы весну, с грустью провожали лето; где заключился навеки союз душ наших.

Мой друг! письмо твое ознаменовано печатью меланхолии. Ты беспокоеен, ты печален; сердце твое страдает, милые надежды твои исчезли; ты ищешь на театре мира — и не находишь тех благородных существ, тех людей, которых некогда любили

мы с таким жаром. Одним словом, новые ужасные происшествия Европы разрушили всю прежнюю утешительную систему твою, разрушили и повергнули тебя в море неизвестности и недоумений; мучительное состояние для умов деятельных!

Мелодор! я не надеюсь утешить тебя совершенно, не надеюсь сказать тебе ничего нового; но любовь имеет особливую силу, и всякий дар любви, и всякое слово любви производит благое действие. Часто самая простая мысль, согретая огнем дружбы, бывает ярким лучем света, рассевающим густую, холодную тьму сердца нашего.

Подобно тебе, смотрю я внимательным оком на все явления в мире; вздыхаю, подобно тебе, о бедствиях человечества, и признаюсь искренно, что грозные бури наших времен могут поколебать систему всякого добродушного философа.

Но неужели, друг мой, не найдем мы никакого успокоения во глубине сердец наших? Ужели, в отчаянии горести, будем проклинать мир, природу и человечество? Ужели откажемся навеки от своего разума и погрузимся во тьму уныния и душевного бездействия? — Нет, нет! сии мысли ужасны. Сердце мое отвергает их и, сквозь густоту ночи, стремится к благотворному свету, подобно мореплавателю, который в гибельный час кораблекрушения — в час, когда стихии угрожают ему смертью — не теряет надежды, сражается с волнами, и хватается рукою за плывущую доску.

Так, Мелодор! я хочу снасться от кораблекрушения с моим добрым мнением и о провидении и человечестве, мнением, которое составляет драгоценность души моей. Пусть мир разрушится на своем основании: я с улыбкою паду под смертоносными промахи, и улыбка моя, среди всеобщих ужасов, скажет небу: *«Ты благо и премудро; благо творение руки твоей, благо сердце человеческое, изящнейшее произведение любви божественной!»*

Уничтожись навеки мысленная и чувствительная сила моя прежде, нежели поверю, что сей мир есть пещера разбойников и злодеев, добродетель — чуждое растение на земном шаре, просвещение — острый кинжал в руках убийцы! Нет, мой друг! пусть докажут мне наперед, что бог не существует; что провидение есть одно слово без значения; что мы дети случая, слепление атомов и более ничего! Но где же тот безумный изверг, который захотел бы уверить меня в сих страшных нелепостях? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цветущую землю, положу руку на сердце и скажу атеисту: «ты безумец!»

Неужели, видя бога в естественном мире, видя руку его в течении планет, в порядках солнечных, в перемене годовых времен и во всех физических явлениях нашей земной обители

будем мы отрицать его действие в одном нравственном мире, который по существу своему должен быть, если смею сказать, ближе первого к сердцу великого божества? Соглашаюсь, что порядок нравственный не столь ясен для нас, как порядок физический; но сие затруднение не происходит ли от слабости нашего разума? Может быть, единственно от того мы и не постигаем нравственной гармонии, что она есть высочайшая, совершеннейшая. Дай песведущему творения Локковы: что он скажет об них? Дай ему сказку Кребильтоннову — он восхитится ею. Последняя хороша в своем роде, но в ней ли наиболее удивляет нас ум человеческий? Может быть то, что кажется смертному великим неустройством, есть чудесное согласие для ангелов; может быть то, что кажется нам разрушением, есть для их небесных очей новое, совершеннейшее бытие. Сии мысли ведут меня ко святилицу божественной премудрости, густым мраком окруженному; дух мой, бреющую плотию одеянный, не может пропикнуть в оное; упадаю во прах своего ничтожества и в младенческом сердце обожаю всетворящего.

Скажи, друг мой, скажи, чего бы нельзя было ожидать от всевышнего и тогда, когда бы рука его возжгла только единое солнце на голубом небесном своде? Но там горят их близионы. Тот, кто великолепно прославил себя в натуре, великолепно прославит себя и в человечестве.— Не будем требовать от вечной премудрости отчета в темных путях ее; не будем требовать того для собственного нашего спокойствия!— Знаешь ли, что всего более пленяет меня в дружбе? Доверенность, которую два сердца имеют одно к другому. Пусть гнусное злословие всеми стрелами своими язвит отдаленного Питиаса¹²: Демон внимает клевете и с презрением отвергает ее *. *«Нет! я знаю моего друга; где бы он ни был, добродетель везде с ним; что бы он ни делал, дело его не преступление»*. Мелодор! для чего к провидению не иметь нам той доверенности, которую два человека могут иметь один к другому? Бог вложил чувство в наше сердце; бог вселил в мою и твою душу ненависть ко злобе, любовь к добродетели: сий бог, конечно, обратит все к цели общего блага.

Сия драгоценная вера может чудесным образом успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театре мира. Вкуси сладость ее, мой любозный друг, и луч утешения кротко озарит мрак души твоей! — Горе той философии, которая все решить хочет! Теряясь в лабиринте неизъяснимых затруднений, она может привести нас до отчаяния, и тем скорее, чем естественно добрее сердце наше. Иногда, признаюсь тебе, я сам бываю слаб и печален; отвращаюсь от света, от людей, и говорю с Грессетом: *Je suis mal où je suis, et j'eveux être*

* Дамон и Питиас — славные друзья в древности.

bien¹³; душа моя стремится во мрак каких-нибудь неизвестных лесов, во мрак самого ничтожества; но я стараюсь уменьшить число таких минут в жизни моей, оживляя в душе мысль о все-творящем божестве, которое не есть божество Лукрециево, не есть божество Эпикурово. «Разве оно не любит человека?» — думаю сам в себе: «разве оно не печется о судьбе людей? Разве мир наш не в его руке вместе с миллионами других миров?...» Думаю, взираю на свод лазоревый; возношусь духом выше, выше — и взор мой проясняется; отираю слезы — и мирюсь с судьбою, мирюсь с человеческим родом. Иду в тихий кабинет свой, читаю добрых философов, утешителей; размышляю — и сравниваю жестокие потрясения в нравственном мире с Лиссабонским или Мессинским землетрясением, которое свирепствовало, разрушало и, наконец, утихло; на берегах Тага снова возвышается великолепный город — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнью.

Будем, мой друг, будем и ныне утешаться мыслию, что жребий рода человеческого не есть вечное заблуждение и что люди когда-нибудь перестанут мучить самих себя и друг друга. Семя добра есть в человеческом сердце и не исчезнет вовеки; рука провидения хранит его от холода и бурь. Теперь свирепствуют аквилоны¹⁴; но рано или поздно настанет благодетельная весна и семя распухнет от животворного дыхания зефиров.

Верю, и всегда буду верить, что добродетель свойственна человеку и что он сотворен для добродетели. Кто не пленяется описанием златого века, века невинности? Кто не проливает слез умиления, внимая повествованию о делах великодушия и геройства? Кто не любит воображать себя добрым, благодетельным существом? Мой друг! я был среди так называемых просвещенных народов, был среди народов диких, и видел, что везде, во всех странах человек делает зло с пасмурным лицом, а добро с приятною улыбкою!... Сия черта нравственности любезна философу.

Соглашаюсь с тобою, что мы некогда излишне величали осьмнадцатый век и слишком много ожидали от него. Происшествия доказали, каким ужасным заблуждением подвержен еще разум наших современников! Но я надеюсь, что впереди ожидают нас лучшие времена; что природа человеческая более усовершенствуется — например, в девятнадцатый век — нравственность более исправится — разум, оставив все хищнические предприятия, обратится на устройство мирного блага жизни, и зло настоящее послужит к добру будущему.

Что принадлежит до мизософов, мой друг, то они никогда, никогда торжествовать не будут. Знаю, что распространение некоторых ложных идей наделало много зла в наше время; но разве просвещение тому виною? Разве науки не служат, напро-

тив того, средством к открытию истины и к рассеянию заблуждений, пагубных для нашего спокойствия? Разве не истина, разве ложь есть существо наук? — Разогнем книгу истории; за что не лилась кровь человеческая? Например, распри, суеверия вооружали сына против отца, брата против брата; но какой безумец вздумает обвинять тем самую религию? Напротив того, не она ли обезоружила, наконец, сих фанатиков, озарив светом своим, светом любви и кротости их пагубные заблуждения? Нет, мой друг, нет! Я имею доверенность к мудрости властителей, и спокоен; имею доверенность ко благодати всевышнего, и спокоен. Нет! Святильник наук не угаснет на земном шаре. Ах! Разве не они служат нам отрадою в горестях? Разве не в их мирном святилище укрываемся от всех бурь житейских? Нет, всемогущий не лишит нас сего драгоценного утешения добрых, чувствительных, печальных. Просвещение всегда благотворно; просвещение ведет к добродетели, доказывая нам тесный союз частного блага с общим и открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение есть лекарство для испорченного сердца и разума; одно просвещение животельною теплотою своею может иссушить сию тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвит все изящное, все доброе в мире; в одном просвещении найдем мы спасительный антидот для всех бедствий человечества! — Кто скажет мне: *«науки вредны, ибо осьмнадцатый век, ими гордившийся, ознаменуется в книге бытия кровию и слезами»*; тому скажу я: «осьмнадцатый век не мог именовать себя просвещенным, когда он в книге бытия ознаменуется кровию и слезами».

Мысли твои о вечном возвышении и падении разума человеческого кажутся мне — извини искренность дружбы — воздушным замком; я не вижу их основания. Положим, что в древней Азии были многочисленные народы; но где же следы их просвещения? История застала людей во младенчестве, в начальной простоте, которая не совместна с великими успехами наук. Даже и в Египте видим мы только первые действия ума¹⁵, первые магазины знаний, в которых истины были перемешаны с бесчисленными заблуждениями. Самые греки — я люблю их, мой друг; но они были не что иное, как — милые дети! Мы удивляемся их разуму, их чувству, их талантам; но так, как взрослый человек удивляется иногда разуму, чувству и талантам юного отрока. Читай вместе Платона и Боннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Канте — и потом скажи мне, что была греческая философия в сравнении с нашею? —

Для чего и теперь не думать нам, что веки служат разуму лестницею, по которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мне на варварство средних веков, наступившее после греческого и римского просвещения; но самое сие, так называемое, варварство (в котором однако ж, от времени до времени, сверкали блестящие, зрелые идеи ума) не послужило ли в *целом* к дальнейшему распространению света наук? Солнце, рассеяв облака, сияет тем лучезарнее, и тем благотворнее действует на землю. Дикие народы севера, которые в грозном своем нашествии гасили, подобно шумному дыханию Борея¹⁶, светильники разума в Европе, наконец, сами просветились, и новый фимиами воскурился музам на земном шаре.

Нет, нет! Сизиф с камнем не может быть образом человечества, которое беспрепятственно идет своим путем и беспрепятственно изменяется. Прохладим, успокоим наше воображение и мы не найдем в истории никаких повторений. Всякий век имеет свой особый характер, — погружается в недра вечности, и никогда уже не является на земле в другой раз.

Мой друг! мы должны смотреть на мир как на великое позорище, где добро со злом, где истина с заблуждением ведет кровавую брань. Терпение и надежда! Все несправедливое, все ложное гибнет, рано или поздно гибнет; одна истина не страшится времени; одна истина пребывает вовеки! —

Природа уже не веселит тебя?... Тебя, моего доброго, моего любезного Мелодора? Нет! Пока чувствительное сердце бьется в груди твоей, люби природу; утешайся ею; ищи радости в ее объятиях. Люди, по несчастному заблуждению, могут быть злы: природа никогда! Нет, Мелодор! будем всегда нежными чадами нежной матери; будем наслаждаться ее благостию и бесчисленными красотою! Иногда жаркая слеза выкатится из глаз наших: кроткий зефир осушит ее.

В ответ на горестное заключение письма твоего скажу: — «если ужасное пробуждение описанного тобою несчастливца было не что иное — как новый сон; если он вторично откроет глаза; если все ужасы вокруг его исчезнут; если Морфей унесет их с собою в царство ничтожества и теней?...»

Мелодор! нам не век жить в сем мире. Ударит час, и все переменится! С сию любовь к добродетели, которая была, есть и будет вечным характером души твоей, падем в могилу и зароемся тихою землею!...

Там, там, за синим океаном,
Вдали, в мерцании багряном¹⁷,

там венец бессмертия и радости ожидает земных тружеников!

г. 1794.

О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ

Любовь к отечеству может быть *физическая*, *нравственная* и *политическая*.

Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не местными красотоми, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества. В свете нет ничего милее жизни; она есть первое счастье — а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть. Так нежные любовники и друзья освещают в памяти первый день любви и дружбы своей. Лапландец, рожденный почти в гробе природы, не смотря на то, любит холодный мрак земли своей. Переселите его в счастливую Италию: он взором и сердцем будет обращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега: они напоминают ему отечество! — Самое расположение нерв, образованных в человеке по климату, привязывает нас к родине. Не даром медики советуют иногда больным лечиться воздухом; не даром житель Гельвеции¹, удаленный от снежных гор своих, сохнет и впадает в меланхолию; а возвращаясь в дикий Унтервальден, в суровый Гларис², оживает. Всякое растение имеет более силы в своем климате: закон природы и для человека не изменяется. — Не говорю, чтобы естественные красоты и выгоды отчизны не имели никакого влияния на общую любовь к ней: некоторые земли, обогащенные природою, могут быть тем милее своим жителям; говорю только, что сии красоты и выгоды не бывают главным основанием физической привязанности людей к отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

С кем мы росли и живем, к тем привыкаем. Душа их *сообщается* с нашею; делается некоторым ее зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца. Сия любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть вторая или нравственная любовь к отечеству, столь же общая, как и первая, местная или физическая, но действующая в некоторых летах сильнее: ибо время утверждает привычку. Надобно видеть двух единоземцев, которые в чужой земле находят друг друга: с каким удовольствием они обнимаются и спешат излить душу в искренних разговорах! Они видятся в первый раз, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества!

Им кажется, что они, говоря даже иностранным языком, лучше разумеют друг друга, нежели прочих: ибо в характере единоземцев есть всегда некоторое сходство, и жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев. — На берегах прекраснейшего в мире озера³, служащего зеркалом богатой природы, случилось мне встретить голландского патриота, который по ненависти к штатгальтеру и оранистам⁴, выехал из отечества и поселился в Швейцарии между Ниона и Роля. У него был прекрасный домик, физический кабинет, библиотека; сидя под окном, он видел перед собою великолепнейшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовал хозяину, не зная его; познакомился с ним в Женеве, и сказал ему о том. Ответ голландского флегматика удивил меня своею живостью: «Никто не может быть счастлив вне своего отечества, где сердце его выучилось разуметь людей и образовало свои любимые привычки. Никаким народом нельзя заменить сограждан. Я живу не с теми, с кем жил сорок лет, и живу не так, как жил сорок лет; трудно приучать себя к новостям, и мне скучно!»

Но физическая и нравственная привязанность к отечеству, действие природы и свойств человека, не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения — и потому не все люди имеют его.

Самая лучшая философия есть та, которая основывает обязанности человека на его счастье. Она скажет нам, что мы должны любить пользу отечества; ибо с нею неразрывна наша собственная; что его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни; что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие гордость народную, которая служит опорой патриотизма. Так греки и римляне считали себя первыми народами, а всех других варварами; так англичане, которые в новейшие времена более других славятся патриотизмом, более других о себе мечтают.

Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне *смирены* в мыслях о народном своем достоинстве — а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут.

Не говорю, чтобы любовь к отечеству должна была ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа Российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое, и повторим его с благородною гордостью.

Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше происхождение; слава была колыбелию народа русского, а победа вестницею бытия его. Римская империя узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ее легионы. Историки византийские говорят о наших предках, как о чудесных людях, которым ничто не могло противиться и которые отличались от других северных народов не только своею храбростью, но и каким-то рыцарским добродушием. Герои наши в девятом и десятом веке играли и забавлялись ужасом тогдашней новой столицы мира: им надлежало только явиться под стенами Константинополя, чтобы взять дань с царей греческих. В первомнадесять веке русские, всегда превосходные храбростью, не уступали другим европейским народам и в просвещении, имея по религии тесную связь с Царем-градом, который делился с нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на славянский язык многие греческие книги. К чести твердого русского характера служит то, что Константинополь никогда не мог присвоить себе политического влияния на отечество наше. Князья любили разум и знание греков, но всегда готовы были оружием наказать их за малейшие знаки дерзости.

Разделение России на многие владения и несогласие князей приготовили торжество Чингис-Хановых потомков и наши долговременные бедствия. Великие люди и великие народы подвержены ударам рока, но и в самом несчастии являют свое величие. Так Россия, терзаемая лютым врагом, гибла со славою: целые города предпочитали верное истребление стыду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Киева принесли себя в жертву народной гордости, и тем спасли имя русских от поношения. Историк, утомленный сими несчастными временами, как ужасною бесплодною пустынею, отдыхает на могилах, и находит отраду в том, чтобы оплакивать смерть многих достойных сынов отечества.

Но какой народ в Европе может похвалиться лучшею судьбою? Какой из них не был в узах несколько раз? По крайней мере завоеватели наши устранили восток и запад. Тамерлан, сидя на троне Самаркандском, воображал себя царем мира.

И какой народ так славно разорвал свои цепи? Так славно

отмстил врагам свирепым? Надлежало только быть на престоле решительному, смелому государю⁵: пародная сила и храбрость, после некоторого усыпления, громом и молниею возвестили свое пробуждение.

Время самозванцев⁶ представляет опять горестную картину мятеха; но скоро любовь к отечеству воспламеняет сердце — граждане, земледельцы требуют военачальника, и Пожарский, озаменованный славными ранами, встает с одра болезни. Добродетельный Митин служит примером; и кто не может отдать жизни отечеству, отдает ему все, что имеет... Древняя и новая истории народов не представляет нам ничего трогательнее сего общего, геройского патриотизма. В царствование Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой-нибудь достойный монумент, сооруженный в Нижнем-Новгороде (где раздавался первый глас любви к отечеству), обновил в нашей памяти славную эпоху русской истории. Такие монументы возвышают дух народа. С скромный монарх не запретил бы нам сказать в надписи, что сей памятник сооружен в его *счастливое* время.

Петр Великий, *соединив* нас с Европою и показав нам выгоды просвещения, не надолго унизил народную гордость русских. Мы взглянули, так сказать, на Европу, и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее. Едва великий государь сказал воинам, как надобно владеть новым оружием, они, взяв его, летели сражаться с первою европейскою армиею⁷. Явились генералы, ныне ученики, завтра примеры для учителей. Скоро другие могли и должны были перенимать у нас; мы показали, как бьют шведов, турков — и наконец французов. Сии славные республиканцы, которые еще лучше говорят, нежели сражаются, и так часто твердят о своих ужасных штыках, бежали в Италии от первого взмаха штыков русских. Зная, что мы храбрее многих, не знаем, еще кто нас храбрее. Мужество есть великое свойство души; народ, им отличенный, должен гордиться собою.

В военном искусстве мы успели более, нежели в других, от того, что им более занимались как нужнейшим для утверждения государственного бытия нашего; однако ж не одними лаврами можем хвалиться. Наши гражданские учреждения мудрости своею равняются с учреждениями других государств, которые несколько веков просвещаются. Наша людность, тон общества, вкус в жизни удивляют иностранцев, приезжающих в Россию с ложным понятием о народе, который в начале осьмнадцатого века считался варварским.

Завистники русских говорят, что мы имеем только в вышней степени *переимчивость*; но разве она не есть знак превосходного образования души? Сказывают, что учителя Лейбница находили в нем также одну *переимчивость*.

В науках мы стоим еще позади других, для того — и для того единственно, что менее других занимаемся ими и что ученое состояние не имеет у нас такой обширной сферы, как, например, в Германии, Англии и проч. Если бы наши молодые дворяне, *учась, могли доучиваться*⁸ и посвящать себя наукам, то мы имели бы уже своих Линнеев, Галлеров, Боннетов. Успехи литературы нашей (которая требует менее учености, но, смею сказать, еще более разума, нежели собственно так называемые науки) доказывают великую способность русских. Давно ли знаем, что такое слог в стихах и прозе? и можем в некоторых частях уже равняться с иностранцами. У французов еще в шестнадцатый век философствовал и писал Монтань: чудно ли, что они вообще пишут лучше нас? Не чудно ли, напротив того, что некоторые наши произведения могут стоять наряду с их лучшими, как в живописи мыслей так и в оттенках слога? Будем только справедливы, любезные сограждане, и почувствуем цену собственного. Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русским нужно по крайней мере внимание русских. Расположение души моей, слава богу! совсем противно сатирическому и бранному духу; но я осмеливаюсь попенять многим из наших любителей чтения, которые, зная лучше парижских жителей все произведения французской литературы, не хотят и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желают, чтобы иностранцы уведомляли их о русских талантах? Пусть же читают французские и немецкие критические журналы, которые отдадут справедливость нашим дарованиям, судя по некоторым переводам *. Кому не будет обидно походить на Даланбертову мамку, которая, живучи с ним, к изумлению своему услышала от других, что он умный человек? Некоторые извиняются худым знанием русского языка: это извинение хуже самой вины. Оставим нашим любезным светским дамам утверждать, что русский язык груб и неприятен; что и *charmant* и *séduisant*, *expansion* и *vapeurs*⁹ не могут быть на нем выражены; и что, одним словом, не стоит труда знать его. Кто смеет доказывать дамам, что они ошибаются? Но мужичины не имеют такого любезного права судить ложно. Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский; способнее для излияния души в тонах; представляет более *аналогических* слов, то есть сообразно с выра-

* Таким образом, самый худой французский перевод Ломоносова од и разных мест из Сумарокова заслужил внимание и похвалу иностранных журналистов.

жаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски, и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре? Один иностранный министр сказал при мне, что «язык наш должен быть весьма темен, ибо русские, говоря им, по его замечанию, не понимают друг друга, и тотчас должны прибегать к французскому». Не мы ли сами подаем повод к таким нелепым заключениям? — Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят *свистать* и *шипеть* по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чужим языком, известным почти всякому из них.

Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? что там носят, в чем ездят и как убирают дома? Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!

До сего времени Россия беспрестанно возвышалась как в политическом, так и в нравственном смысле. Можно сказать, что Европа год от году нас более уважает — и мы еще в середине нашего славного течения! Наблюдатель везде видит новые *отрасли* и *раскрытия*; видит много плодов, но еще более цвета. Символ наш есть пылкий юноша: сердце его полное жизни, любит деятельность; девиз его есть: *труды и надежда!*

— Победы очистили нам путь к благоденствию; слава есть право на счастье.

г. 1802.

ОТЧЕГО В РОССИИ МАЛО АВТОРСКИХ ТАЛАНТОВ?

Если мы предложим сей вопрос иностранцу, особливо французу, то он, не задумавшись, будет отвечать: «от холодного климата». Со времен Монтескье все феномены умственного, политического и нравственного мира изъясняются климатом. Ah, mon cher Monsieur, n'avez-vous le nez gelé? ¹, — сказал Дидерот в Петербурге одному земляку своему, который жаловался, что в России не чувствуют великого ума его и который в самом деле за несколько дней перед тем ознобил себе нос.

Но Москва не Камчатка, не Лапландия; здесь солнце так же лучезарно, как и в других землях; также есть весна и лето,

цветы и зелень. Правда, что у нас холод продолжительнее; но может ли действие его на человека, столь умеренное в России придуманными способами защиты, вредить дарованиям? И вопрос кажется смешным! Скорее жар, расслабляя нервы (сей непосредственный орган души), уменьшит ту силу мыслей и воображения, которая составляет талант. Давно известно медикам-наблюдателям, что жители севера долговечнее жителей юга: климат, благоприятный для физического сложения, без сомнения, не губителен и для действий души, которая в здешнем мире столь тесно соединена с телом.— Если бы жаркий климат производил таланты ума, то в Архипелаге всегда бы курился чистый фимиам музам, а в Италии пели Виргилии и Тассы; но в Архипелаге курят... табак, а в Италии поют... кастраты.

У нас, конечно, менее авторских талантов, нежели у других европейских народов; но мы имели, имеем их, и следственно, природа не осудила нас удивляться им только в чужих землях. Не в климате, но в обстоятельствах гражданской жизни россиянам надобно искать ответа на вопрос: «для чего у нас редки хорошие писатели?»

Хотя талант есть вдохновение природы, однако ж ему должно раскрыться ученьем и созреть в постоянных упражнениях. Автору надобно иметь не только, собственно, так называемое, дарование — то есть, какую-то особенную деятельность душевных способностей — но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам русским еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтаня, Паскаля, пять или шесть авторов века Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля *, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли. Русский кандидат авторства ², недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски! Милые женщины, которых надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными, счаст-

* Как сочинителя единственных сказок.

ливыми выражениями, пленяют нас нерусскими фразами. Что ж остается делать автору? выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения! Мудрено ли, что сочинители некоторых русских комедий и романов не победили сей великой трудности и что светские женщины не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом? Если спросите у них: как же говорить должно? то всякая из них отвечает: «не знаю, но это грубо, несносно!» — Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти: французы пишут, как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом.

Бюффон странным образом изъясняет свойство великого таланта или гения, говоря, что он есть *терпение в превосходной степени*. Но если хорошенько подумаем, то едва ли не согласимся с ним; по крайней мере без редкого терпения гений не может воссиять во своей лучезарности. *Работа есть условие искусства*; охота и возможность преодолевать трудности есть характер таланта. Бюффон и Ж. Ж. Руссо пленяют нас сильным и живописным слогом: мы знаем от них самих, чего им стоила пальма красноречия!

Теперь спрашиваю: кому у нас сражаться с великою трудностью быть хорошим автором, если и самое счастливейшее дарование имеет на себе жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у нас десять, двадцать лет рыться в книгах, быть наблюдателем, всегдашним учеником, писать и бросать в огонь написанное, чтоб из пепла родилось что-нибудь лучшее? В России более других учатся дворяне; но долго ли? До пятнадцати лет: тут время идти в службу, время искать чинов, сего вернейшего способа быть предметом уважения. Мы начинаем только любить чтение; имя хорошего автора еще не имеет у нас такой цены, как в других землях; надобно при случае объявить другое право на улыбку вежливости и ласки. К тому же искание чинов не мешает балам, ужинам, праздникам; а жизнь авторская любит частое уединение. Молодые люди среднего состояния, которые учатся, также *спешат* выйти из школы или университета, чтобы в гражданской или военной службе получить награду за их успехи в науках; а те немногие, которые остаются в ученом состоянии, редко имеют случай узнать свет — без чего трудно писателю образовать вкус свой, как бы он учен ни был. Все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слого, *переправляли*, так сказать, школьную свою ретику в свете, наблюдая, что ему нравится и почему? Правда, что он, будучи школою для авторов,

может быть и гробом дарования: дает вкус, он отнимает трудолюбие, необходимое для великих и надежных успехов. Счастливы кто, слушая Сирен³, перенимает их волшебные мелодии, но может удалиться, когда захочет! Иначе мы останемся при одних куплетах и мадригалах. Надобно заглядывать в общество — непременно, по крайней мере, в некоторые лета — но жить в кабинете.

Со временем будет, конечно, более хороших авторов в России — тогда, как увидим между светскими людьми более ученых, или между учеными более светских людей. Теперь талант образуется у нас случайно. Натура и характер противятся иногда силе обстоятельств и ставят человека на путь, которого бы не надлежало ему избирать по расчетам обыкновенной пользы, или от которого судьба удаляла его: так Ломоносов родился крестьянином и сделался славным поэтом. Склонность к литературе, к наукам, к искусствам, есть, без сомнения, природная, ибо всегда рано открывается, прежде, нежели ум может соединять с нею виды корысти. Сей младенец, который на всех стенах чертит углем головы, еще не думает о том, что живописное искусство доставляет человеку выгоды в жизни. Другой услышав в первый раз стихи, бросает игрушку и хочет говорить рифмами. Какой хороший автор в детстве своем не сочинял уже сатир, песен, романов? Но обстоятельства не всегда уступают природе; если они не благоприятствуют ей, то ее дарования по большей части гаснут. Чему быть трудно, то бывает редко — однако ж бывает — и чувствительное сердце, живость мыслей, деятельность воображения, вопреки другим явнейшим или ближайшим выгодам, привязывают иногда человека к тихому кабинету и заставляют его находить неизъяснимую прелесть в трудах ума, в развитии понятий, в живописи чувств, в украшении языка. Он думает — желая дать цену своим упражнениям для самого себя — думает, говорю, что труд его не бесполезен для отечества; что авторы помогают согражданам *лучше мыслить и говорить*; что все великие народы любили и любят таланты; что греки, римляне, французы, англичане, немцы не славились бы умом своим, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется бессмыслием и косноязычием худых писателей; что варварский вкус их есть сатира на вкус народа; что образцы благородного русского красноречия едва не полезнее самых классов латинской элоквенции⁴, где толкуют Цицерона и Виргилия; что оно, избирая для себя патристические и нравственные предметы, может благотворить нравам и питать любовь к отечеству. — Другие могут думать иначе о литературе; мы не хотим теперь спорить с ними.

г. 1803.

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ И ЛЮБВИ К ЧТЕНИЮ В РОССИИ

За двадцать пять лет перед сим были в Москве две книжные лавки, которые не продавали в год ни на десять тысяч рублей. Теперь их двадцать и все вместе выручают они ежегодно около двухсот тысяч рублей. Сколько же в России прибавилось любителей чтения? Это приятно всякому, кто желает успехов, разума, и знает, что любовь к чтению всего более им способствует.

Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли. Взяв на откуп Университетскую типографию, он умножил механические способы книгопечатания, отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить публику к чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть, с умом, с догадкою, с дальновидным соображением. Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров: г. Новиков сделал их гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи, и наконец, выдавал при «Ведомостях» безденежно «Детское чтение», которое ловостию своего предмета и разнообразием материи, не смотря на ученический перевод многих книг, нравилось публике. Число пронумерованных ежегодно умножалось, и лет через десять дошло до 4000. С 1797 году газеты сделались важны для России высочайшими императорскими приказами и другими государственными известиями, в них вносимыми; и теперь расходуется московских около 6000: без сомнения еще мало, когда мы вообразим величие империи, но много в сравнении с прежним расходом; и едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но за то купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются; и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель!* Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут «Московские ведомости», хотя четверо не знают грамоте; но пятый разбирает буквы, а другие слушают.

Наша книжная торговля не может еще равняться с немецкою, французскою или английскою; но чего пельзя ожидать от времени, судя по ежегодным успехам ее? Уже почти во всех губернских городах есть книжные лавки; на всякую ярманку, вместе с другими товарами, привозят и богатства нашей литературы. Так, например, сельские дворянки на Макарьевской яр-

манке¹ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши езжали по деревням с лештами и перстнями: пыне ездят они с *ученым товаром*, и хотя по большей части сами не умеют читать, но желая прельстить охотников, рассказывают содержание романов и комедий, правда, по своему и весьма забавно. И знаю дворян, которые имеют ежегодно дохода не более 500 рублей, но собирают, по их словам, *библиотечки*, радуются им, и между тем, как мы бросаем куда попало богатые издания Вольтера, Бюффона, они не дают упасть пылинке на самого Мирамонада²; читают каждую книгу несколько раз, и перечитывают с новым удовольствием.

Любопытный пожелает, может быть, знать, какого роду книги у нас более всего расходятся? Я спрашивал о том у многих книгопродавцев, и все, не задумавшись, отвечали: «романы!» Не мудрено: сей род сочинений, без сомнения пленителен для большей части публики, занимая сердце и воображение, представляя картину света и подобных нам людей в любопытных положениях, изображая сильнейшую и при том самую обыкновенную страсть в ее разнообразных действиях. Не всякий может философствовать или ставить себя на месте героев истории; но всякий любит, любил или хотел любить, и находит в романическом герое самого себя. Читателю кажется, что автор говорит ему языком собственного его сердца; в одном романе читает надежду, в другом приятное воспоминание. В сем роде у нас, как известно, гораздо более переводов, нежели сочинений, и следовательно, иностранные авторы перебивают славу у русских. Теперь в страшной моде Коцебу³ — и как некогда парижские книгопродавцы требовали *Персидских писем*⁴ от всякого сочинителя, так наши книгопродавцы требуют от переводчиков и самых авторов Коцебу, одного Коцебу!! Роман, сказка, хорошее или дурное — все одно, если на титуле имя славного Коцебу!

Не знаю, как другие, а я радуюсь. Лишь бы только читали! И романы самые посредственные, — даже без всякого таланта писанные, способствуют некоторым образом просвещению. Кто илениется *Никанором, злощастным дворянином*⁵, тот на лестнице умственного образования стоит еще ниже его автора, и хорошо делает, что читает сей роман: ибо без всякого сомнения чему-нибудь научается в мыслях или в их выражении. Как скоро между автором и читателем велико расстояние, то первый не может сильно действовать на последнего, как бы умел ни был. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому Никанора. Как вкус физический вообще уведомляет нас о согласии пищи с нашею потребностью, так вкус нравственный открывает человеку верную аналогию предмета с его душою; но сия душа может возвыситься постепенно — и кто на-

чинает *Злощастным дворянином*, нередко доходит до Грандисона⁶.

Всякое приятное чтение имеет влияние на разум, без которого ни сердце не чувствует, ни воображение не представляет. В самых дурных романах есть уже некоторая логика и риторика: кто их читает будет говорить лучше и связнее совершенного невежды, который в жизнь свою не раскрывал книги. К тому же нынешние романы богаты всякого рода познаниями. Автор, вздумав написать три или четыре тома, прибегает ко всем способам занять их, и даже ко всем наукам: то описывает какой-нибудь американский остров, истощая Биппинга; то изъясняет свойство тамошних растений, справляясь с Бомаром; таким образом, читатель узнает и географию и натуральную историю; и я уверен, что скоро в каком-нибудь немецком романе планета Пианди⁷ будет описана еще обстоятельнее, нежели в «Петербургских ведомостях».

Напрасно думают, что романы могут быть вредны для сердца; все они представляют обыкновенно славу добродетели или нравоучительное следствие. Правда, что некоторые характеры в них бывают вместе и приманчивы и порочны; но в чем же они приманчивы? некоторыми добрыми свойствами, которыми автор закрасил их черноту: следовательно, добро и в самом зле торжествует. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображением дурных людей и не сделаешь их никогда их любимцами. Какие романы более всех нравятся? обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают ее. Нет, нет! дурные люди и романов не читают. Жестокая душа их не принимает кротких впечатлений любви и не может заниматься судьбою нежности. Гнусный корыстолюбец, эгоист, найдет ли себя в прелестном романическом герое? а что ему нужды до других? Неоспоримо то, что романы делают и сердце и воображение... *романическими*: какая беда; тем лучше в некотором смысле для нас жителей холодного и железного севера! Без сомнения, не романические сердца причиною того зла, в свете, на которое везде слышим жалобы, но грубые и холодные, то есть совсем им противоположные! Романическое сердце огорчает себя более, нежели других; но за то оно любит свои огорчения и не отдаст их за самые удовольствия эгоистов.

Одним словом, хорошо, что наша публика и романы читает.

г. 1802.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОПРОС Н. И. НОВИКОВА

Вопросные пункты Шешковского,
ответы Новикова, написанные в Шлиссельбурге в июне 1792 г.,
и возражения на эти ответы

1. *Вопрос.* Отец ваш кто был и где служил, сколько имел имения и вам оставил?

Ответ. Родитель мой отставлен статским советником; вступил в службу блаженной памяти при императоре Петре Великом во флот, как происходил чинами, не знаю, но ведаю и помню, что он был корабельным секретарем, после капитаном, из которого чина и отставлен к статским делам, помнится, в царствование императрицы Анны Иоанновны; и определен был воеводою в Алатор; долго ли же был, не помню, откуда отставлен от всех дел, и блаженной памяти при императрице Елисавете Петровне награжден помянутым чином, имения за ним было родового и по приданству, помнится, с лишком 700 душ. Сие досталось по кончине его покойной матери нашей Анне Ивановне с нами, из которого дано за двумя сестрами моими, кажется, около 120-ти или 150-ти душ в приданое; да придано покойной матерью нашею около 150 душ, а по ней досталось нам с братом около 400 душ. После родителя нашего Ивана Васильевича достался еще в Москве деревянный дом, который и продан родительницею нашею, и куплен ею был другой, который и достался также нам.

Возражение. Заклинания велики, и характер свой описал хорошими красками, но деяния его совсем противны его изречениям, как то из нижеследующего оказалось.

2. *Вопрос.* Где вы служили и ныне какое имение имеете и как оное приобрели?

Ответ. Службу мою начал лейб-гвардии в Измайловском полку солдатом 1762 с генваря и продолжал в том полку; будучи унтер-офицером, взят был в Комиссию о сочинении проекта нового уложения и определен в комиссию о среднем роде людей, где и находился содержателем дневной записки и во время диспутов прикомандирован был в общее собрание к держанию дневной же записки. В 1768 году от Комиссии уволен и от-

ставлен поручиком; имения после родителей наших осталось нам с братом в Мещовском уезде, помнится, 250 душ, в Коломенском уезде около 130 душ, да еще деревенька небольшая в Дмитровском уезде, а сколько душ, не помню, да московский материнский дом. Маленькую деревеньку и московский дом продали мы с братом, а в котором году и за сколько ценою, не помню. Мещовскую деревню продали мы с братом за осмнадцать или 20 000 р. в 1788 году. Коломенская же, что ныне Никитского уезда, оставалася за нами в общем владении, а в нынешнем году брат мой свою часть укрепил по купчей за меня; да в нынешнем же году куплена мною у господина генерал-майора Ладыженского деревня в Орловском наместничестве 110 душ, помнится, за 18 000 р. на деньги из числа занятых мною у г-на Походяшина. Да московский у Никольского моста каменный дом, купленный мною в 1782 году на занятые деньги для помещения университетской типографии и моего житья, когда казенный университетский дом, в котором типография со всеми принадлежностями помещена была, где и я жил, взят был для помещения присутственных мест. В 1781 году я женился на девице Александре Егоровне Римской-Корсаковой, воспитанной в училище благородных девиц в С.-Петербурге и по выпуске жившей в доме дяди своего князя Николая Никитича Трубецкого и которая прошлого года скончалась в начале апреля. Детей от нее имею я троих: одного сына и двух дочерей.

Возражение. Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек, жил и занимался не больше как в ложах, следовательно, не исполнил долгу служением ни государю, ни государству.

3. *Вопрос.* Ведаю, что всякое заведение новой секты или раскола и проповедания оного есть вреден государству и запрещен правительством, то вы и должны открыть теперь, какой имели повод и побуждение посвятить пагубному себя упражнению и когда ты к тому приступил, при каких обстоятельствах также и кто вас в сию секту загнал?

Ответ. Если бы я ведал, или хотя бы подозревал, в мажорстве быть секте или какому-нибудь расколу, противному государственным узаконениям или клонящимся хотя малейше к возмущению и бунту, какого бы то рода ни было, противу священной особы императорской, или к нарушению народного спокойствия, или даже к каким-нибудь коварствам и обманам, то никогда бы я не вступил в оное, во-первых, по искреннему и сердечному моему благоговению к священной особе императорской, вкорененному в меня из детства от покойного родителя моего и которое до днесь пребывает в моем сердце и сделалось моею натурою; во-вторых, по особенной и неизъяснимой искренней сердечной приверженности, благоговению и высокому почитании лично к священной особе ее императорского величества нашей всемилостивейшей государыни и матери, полученный мною со дня счастливого для всего отечества нашего дня вос-

шествия ее императорского величества на всероссийский престол, где я в первый раз удостоился увидеть священную особу ее, ибо по прибытии ее величества в лейб-гвардии Измайловский полк я, находясь на карауле у полковой канцелярии, был тогда на часах у мосту. В-третьих, по тихости и чувствительности моего нравственного характера из детства, что все знающие меня могут засвидетельствовать, что я в жизни моей ни с кем и никогда ни малейшей не имел ссоры, даже со служителями моими поступал так, что в самом гневе никак не мог решиться наказывать. Заклячу сие объяснение тем, что я всегда всякими изменами, бунтами, возмущениями гнушался и без внутреннего содрогания и отвращения не мог ни слышать об них, ни читать. А что сие говорю я истину, что никакие в мире сокровища и чести к сему меня преклонить никогда не могли, в том свидетельствуюсь господом богом и спасителем моим, в которого я сердечно верю и о котором верую, что некогда будет он судить живым и мертвым и всякое ложное призывание его во свидетели накажет вечным мучением. Пред ним и сокровеннейшие наши сердечные помыслы и мысли явны и открыты. Он всевидящий видит и знает — имел ли я когда-нибудь и какое-нибудь злое из вышесказанных намерение или умысл против государя и государства, а ежели имел, да накажет он меня, праведный судья. И как сей пункт есть великой важности во всем моем допросе и есть ось всего делопроизводства, то да позволено мне будет объяснить со всею подробностью с самого начала вступления моего в масонство.

В масонство так называемое английское вступил я не по собственному исканию или побуждению, но по приглашению, сколько могу упомянуть, в 1775 году, и то на таких условиях, чтобы не делать никакой присяги и обязательства, чтобы мне открыть три первые градуса наперед¹, и ежели я найду что противное совести, то чтобы меня не считать в числе масонов, что мне один из масонов и сделал, но кто именно, не помню. ибо предложение сие мне несколько человек делали, я не уважил сие и не согласился ехать в ложу. Между тем, зная первые градусы, я мог осведомиться и узнал, что главная ложа управляется его высокопревосходительством Ив. Перфф. Елагиным, в которой немалое число знатнейших особ в государстве членами, и что все меньшие ложи зависят от сей ложи, что масонство получено из Англии и тому подобное. В том же году согласились девятеро, в числе коих был и я и члены других лож, составить особую ложу, о чем и подали письмо в старшую ложу, от которой и учредили сию новую ложу. Начальник сей ложи был назначен майор Яков Федорович Дубянский, а других не помню. И как в то время ложи почти публично собирались, то и не мог я, видя сие и зная членами знатнейших особ,

почитать законами не позволенными собраниями. Употребление сделало привычку, а привычка привязанность и любопытство к учению масонства и изъяснению гиероглифов и аллегории; со всем тем мне не нравилось сие масонство, ибо хотя и делались изъяснения по градусам на нравственность и самопознание, но они были весьма недостаточны и натянуты. Между тем был между масонами слух, что есть истинное масонство и что оно и в С.-Петербурге есть. Мы, разведывая, узнали, что сие масонство привезено бароном Рейхелем из Берлина и что ложа его, за отсутствием барона в Москву, поручена какому-то Розенбергу. По исканию и старанию нашему от помянутого Розенберга учреждена нам новая ложа, и начальником или мастером стула² определен к нам Иван Петрович Чаадаев, и акты трех степеней даны, между сими актами и прежними английскими усмотрели мы великую разность, ибо тут было все обращено на нравственность и самопознание, говоренные же речи и изъяснения произвели великое уважение и привязанность. Между тем услышали мы, что в Москве его высокопрев[осходительство] Ив[ан] Перф[ильевич] со всеми своими ложами ищет соединения с бароном Рейхелем и его ложами. А по возвращении в Петербург сие соединение воспоследовало скоро, которые и стали называться соединенными ложами, а многие остались и не присоединенными. Начальник нашей ложи не приступил к сему соединению, но остался с Розенбергом, почему в нашей я определен по выбору членов начальником. И тут узнал я князя Николая Никитича Трубецкого, как одного из старших Рейхелевых масонов, Михайла Матвеевича Хераскова, князя Гагарина, князя Куракина и один раз видел в ложе у Ивана Перфильевича князя Николая Васильевича Репнина; привязанность всех к сему масонству умножилась, а барон Рейхель больше четырех или пяти, не помню, градусов не давал, отговариваясь тем, что у него нет больше позволения, а должно искать. Около сего времени отправлен был князь Куракин в Швецию, и ему дано было от старшей ложи соединенных лож рекомендательное письмо к шведским масонам, в котором прошено было князя Куракина во все градусы масонские принять и с ним прислать оные. По возвращении князя Куракина из Швеции услышали мы, что он и князь Гагарин приняты во все градусы масонские и даны акты и диплом на все российские ложи, которых всех князь Куракин сделан начальником, а он отдал все сие начальство князю Гагарину. Слышали также мы, что по сему началству и расположению все российское масонство должно всегда зависеть от шведской главной ложи и состоять в переписке, что великим мастером в Швеции герцог Зюдермарландский, что ложи там почти публичны, что все министры там и многое тому подобное.

Кн. Гагарин завел свою главную ложу в Петербурге, и к нему

перешли большая часть соединенных лож и присоединились многие из тех, кои не были в соединении с Ив[аном] Перфильевичем, а мы, весьма немногие из соединенных лож остались при Ив[ане] Перфильевиче: ложа московская кн. Трубецкого и моя, а еще не упомяну. И так продолжалось, кажется, около двух лет. В сие время, быв однажды у барона Рейхеля и разговаривая чрез переводчика, не помню, кто был, о всех разделениях и разных партиях в масонстве, спросил я у него в самых сильных выражениях: я не прошу вас о вышних градусах, ниже о изъяснении масонства, потому что я решился терпеливо ожидать, упражнясь, сколько могу, в нравственности, самопознании и исправлении себя, но прошу вас, дайте признак мне такой, по которому бы я мог безошибочно узнать истинное масонство от ложного, чтобы нехотя не зайти в ложное, что я по сему признаку верно следовать буду, но что ежели он мне даст несправедливый, то он богу ответствовать будет. Под именем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения; и просил его о том со слезами. Он также со слезами сказал мне, что он охотно это сделает и скажет верно, и сказал: всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное; и ежели ты приметишь хотя тень политических видов, связей и растворивания слов равенства и вольности, то почитай его ложным. Но ежели увидишь, что чрез самопознание, строгое исправление самого себя, по стезям христианского нравоучения в строгом смысле нераздельно ведущее; чужду всяких политических видов и союзов, пьянственных пиршеств, развратности нравов членов его; где говорят о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстям и порокам, но владеть оными, такое масонство или уже есть истинное, или ведет к сысканию и получению истинного, что истинное масонство есть, что оно весьма мало-численно, что они не стараются нахватывать членов, что они по причине великого в сии времена распространения ложных масонов весьма скрытны и пребывают в тишине: ложные масоны всего этого не любят. За сей совет готов я ответствовать пред богом. После сего я еще осторожнее сделался противу шведского масонства и так называемого стрикт-обсерванта, которого барон Рейхель крайне не любил. Помнится, что в 1776 или седьмом году в бытность князя Петра Ивановича Репнина в Петербурге (а знаком ему сделался в бытность мою на короткое время в Москве, кажется чрез брата моего, и один раз обедал у князя П. И. Репнина, и он меня очень обласкал) был я у него и по причине его болезни и обедал у него один; узнав, что я масон, он сказал, что и он масон, что он, в разных государствах бывши, искал масонства и что, не жалея денег, старался он доставать всевозможные градусы, но всегда находил ложные. Но наконец

познакомился с одним человеком, а где не сказал, который дал ему понятие такое, что истинное масонство скрывается у истинных розенкрейцеров³, что их весьма трудно найти, а вступление в их общество еще труднее, что у них скрываются великие таинства; что учение их просто и клонится к познанию бога, природы и себя; что много ложных обществ, называющихся сим именем, что много шарлатанов и обманщиков называются сим именем, и потому-то весьма трудно найти истинных; и, многое говоря, заключил, что счастлив тот, кто найдет истинных, и на сей конец хотел он познакомиться с бароном Рейхелем, чтобы узнать его. Я спросил его, что он нашел и вступил ли? На сие он мне сказал, что он имеет об них хорошее понятие, и хотел после еще говорить, но не было случая. Между тем, сколько могу упомянуть, кажется, в 1778 году кн. Трубецкой с своею ложею вступил в соединение в Москве с кн. Гагариным на некоторых условиях, и как я был в то время в Москве, то почти насильно уговорили меня принять шведский седьмой градус; я с тем согласился, что ежели мне что покажется сомнительное или подозрительное, то я ни в какие обязательства и связи с ними не войду и останусь с бароном Рейхелем и Ив[аном] Перфильевич[ем]. Градус дан был рыцарский, и он мне совсем не понравился и показался подозрительным, и я решился ни в какие связи со шведским масонством не вступать со своею ложею, но о времени сего происшествия верно не помню; в том же году или после случилось, только мы со шведским масонством не соединились, помня совет барона Рейхеля. В 1779 году взял в содержание университетскую типографию, переехал в Москву, и члены моей ложи все разошлись, и я с ними ни с кем ни в переписке, ниже в каких-нибудь связях не был, кроме Ивана Петровича Тургенева, Алексея Михайловича Кутузова и Василия Васильевича Чулкова, которые и после остались в связи, и сия петербургская моя ложа совсем уничтожилась, чем окончился сей период бытности моей в масонстве; и я после сего вообще с петербургскими масонами никакой связи не имел и в переписке не был.

По приезде моем в Москву 1779-го года упражнен я был и совершенно занят типографскими делами, а масонством совсем не занимался, а только был несколько раз в ложе кн. Трубецкого да раза два или три, не упомяну с кем, в гагаринской ложе, сколько же их было числом и кто в них управлял, того также не упомяну. А других лож совсем не знал, ниже когда-нибудь бывал, а слышал только, что была у Татищева ложа, у которых были четыре градуса шведских стрикт-обсервантские, полученные чрез некоторого англичанина купца Тусеня из Берлина, да одна или две ложи настоящих французских; и у них было французское масонство, которое мы все, так называвшиеся тогда рейхелевские масоны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество. Сверх сих едва ли не было тогда в

Москве и ложе князя Гагарина, но сего верно не помню. Да и в ложе кн. Трубецкого знаком был с теми членами только, которые коротки были в доме его. Иван Петрович Тургенев, член моей петербургской ложи, был также в Москве и также знаком в доме кн. Трубецкого. В 1780 году, кажется, приехал в Москву, помнится из Могилева, Шварц, он был родом, сколько могу упомянуть, из Трансильвании и был в разных службах, а потом, ежели не ошибаюсь, его сиятельством князем Иваном Сергеевичем принят в гувернеры к детям Александра Михайловича Рахманова, почему и приехал в Могилев и был в сей должности, сколько лет не знаю, тут в доме выучился он русскому языку по правилам весьма основательно, так, что мог писать и говорить весьма правильно и сильно. В бытность его в Москве, не знаю как и зачем, познакомился он с Васильем Ивановичем Майковым, а чрез него с кн. Трубецким, и потом принят в его ложе масоном, а потом возвратился в Могилев, и как масонство ему полюбилось, то он, нашед некоторых старых масонов, возбудил в них охоту составить ложу. От одного из членов узнали они, что в Курляндии есть старое масонство и в великом почтении у дворянства. Они решились отправить Шварца в Курляндию просить, и он, получа там четыре или пять градусов и узнав о тогдашних связях масонства немецкого, возвратился в Могилев, где и был выбран членами мастером стула и управлял ложею. Долго ли сие продолжалось, кто были члены и имели ли они с курляндцами переписку, о том не знаю, потому что я сим не интересовался по данному совету от барона Рейхеля; ибо градусы, ими полученные, были стрикт-обсервантские. По смерти Рахманова он из дому отошел, приехал в Москву в 1780 году. В Москве принят он был в университет экстраординарным профессором, помнится философии и беллеттров. По домам князя Трубецкого и Майкова познакомился он со мною. Знакомство наше, кажется, продолжалось около года, только по литературе и по типографии, об масонстве же я с ним не говорил ни слова и крайне остерегался, чтобы и его говорить о том с собою, потому что я почитал его стрикт-обсервантом и по масонству его остерегался, но, впрочем, я его весьма любил за его отличные дарования, ученость да за заслуживость; наипаче за отменное его дарование изъясняться о самих учнейших материях просто, ясно и вразумительно. В том же году, кажется, женился он на иностранке, бывшей гувернанткою в доме, помнится, князя Голицина. Но как к масонству он весьма был привязан и хотел в оном упражняться, а мы остерегались его по стрикт-обсерванту и не хотели входить в связи, то он разведal о ложе Татищевой и чрез сего Тусеня с ним познакомился. Между тем ложа кн. Трубецкого весьма умалилась, и члены отставали. Мы, вспомяв всегдашний совет барона Рейхеля, что ежели хотеть упражняться в истинном масонстве, то надобно

иметь ложу весьма скрытую, состоящую весьма из малого числа членов скромных и постоянных, и упражняться в тишине, не гоняясь за множеством членов, который совет повторил он и при прощании моем с ним, ехав из Петербурга. Мы составили сию ложу и выбрали в члены оной: 1) кн. Трубецкого, 2) Мих. Мат. Хераскова, 3) К. Алекс. Александр. Черкасского, 4) Ив. Петр. Тургенева, 5) меня, 6) кн. Енгальчева, 7) включили А. М. Кутузова, который тогда был в отпуску, или же заочно, сего не помню, 8) профессора Шварца на условиях, чтобы он об стрикт-обсервантских градусах никогда ничего между нами и не говорил. Старая кн. Трубецкой ложа, кажется, тогда уже уничтожена, или еще несколько продолжалась, не помню. Но сия новая формальных собраний не имела еще, а только собиралась для советов об ее установлении и как искать вышних градусов; ибо ведали, что Ив. Перфильевич больше нашего рейхелевских градусов не имеет; от барона же Рейхеля получить никакой надежды мы не имели, то предложил наконец Шварц, что он знаком с одним из старших курляндских масонов, фамилии его не помню, а знаю только, что он был мастером ложи курляндской и префектом, помнится, капителя их по рыцарским градусам, который состоит в связи и знаком с некоторыми берлинскими масонами, которые работают по тем же актам, по которым и мы; и что и барон Рейхель, с ними быв знаком, вероятно, что от них и сам получил, то ежели мы его отправим туда, то он надеется получить сии вышние градусы. Между тем около сего времени предложил он нам, что он для нас в доме, где назначим, будет читать лекции на российском языке в беллеттрах и антиквитетах, а как нам лекции, преподаваемые им в университете, всем нравились, то и приняли мы охотно его предложение, назначили день у меня в доме собираться для слушания сих лекций (но я верно не помню, прежде ли поездки его в чужие края или по возвращении начались сии лекции), на которые согласились позволить привозить и знакомых, которые захотят. Около сего же, помнится, времени приехал в Москву из деревни кн. Юрий Никитич Трубецкой и как старый масон присоединился к нам, также, кажется, около сего же времени просил нас профессор Шварц и всевозможно уговаривал, сказывая, что Татищев крайне имеет желание с нами познакомиться. Мы точно в удовольствие его на это согласились, не имея никакого к тому желания, и только в резон то уважили, что помянутый купец Тусень, чрез которого Татищев получил свои акты, имеет в Берлине свойственника, который и в нашем искании может быть полезен. По соглашении нашем Татищев был у кн. Трубецкого, у меня и других, и чрез сие знакомство сие сделалось. Как скоро после того не помню, только согласились, чтобы Татищев присоединен был к нам с таким условием, что

ему оставаться при своих, а нам при своих актах до возвращения из чужих краев профессора Шварца. Едва не около ли сего времени Ив. Владимирович Лопухин принят в масоны и к нам присоединился, но кем принят и как или по отъезде профессора Шварца в чужие края, верно не помню, также и Сем. Иван. Гамалея, но в сие ли подлинно время, о том не знаю, а только это верно помню, что прежде определения покойного графа Захара Григ. в Москву главнокомандующим. По соглашении нашем с Татищевым он предложил, что он с профессором Шварцем отправит сына своего и все путевые расходы и издержки примет на себя. Скоро после того, и сие было в 1781 году, написали два письма, в которых просили о доставлении нам древних истинных масонских актов и принятии нас в союз, под которыми подписались, сколько могу упомянуть, кн. Трубецкой один или оба, не помню, М. М. Херасков подписывался ли, не помню же, двое Татищевых, я, кн. Черкасский, Тургенев и Кутузов подписывались ли, не упомяну уже; кн. Епигалычев, помнится, что подписывал, но верно сказать не могу; помнится, что еще один или двое из логи Татищевой подписались же, и кажется, что вышеупомянутый купец Тусень, об Лопухине также не помню, подписывался ли; сверх же написанных подписывались ли кто, совершенно не помню. Помнится, что Татищев писал особые письма к курляндскому масону и в Берлин в ту ложу, из которой он получил акты; подписанные нами письма, помнится, написаны были одно в единственном лице, а другое во множественном: а надписать имя вверили профессору Шварцу. Наставление дали ему такое, чтобы он искал и старался получить акты истинного масонства, которого начала получили мы от барона Рейхеля, но стрикт-обсервантских, французских и вообще имеющих какие-нибудь политические виды не принимал бы; но ежели тут не найдется того, то старался бы узнать, где найти оное можно. Помнится, что мы с своей стороны дали на издержки сложась 500 р. и еще 500 р. для покупки книг. Сколько же давал Татищев и сколько в ту поездку издержано им, того я подлинно не знаю, потому что он давал сыну и он расход держал. Татищев от нас же всегда это скрывал и не сказывал, во что стала ему сия поездка.

По отъезде профессора Шварца и Татищева были ли у нас какие собрания или нет, совсем того не помню, больше кажется, что не было никаких, ибо по причине летнего времени, в которое они поехали, кажется, что все были в деревнях, я же занят был совершенно типографскими делами.

По возвращении профессора Шварца и Татищева в Москву, а поездка их продолжалась около шести месяцев помнится, объявили они нам:

- 1) Что они, приехав в Курляндию, узнали, что в немецкой

земле в целом постановлении масонском делается реформа и что о сем производит конвент, не упомяну в каком немецком городе, едва ли не во Франкфурте; и что великим мастером всего масонства избран герцог Брауншвейгский, что депутаты от всех лож там в собрании.

2) Объявил он нам, что курляндские масоны советовали ему ехать или к герцогу Брауншвейгскому, или на конвент, на котором шведское постановление о подчинении российских масонов своей власти наверное уничтожат и соделают особым правлением, и что они в сем случае употребят свою помощь, и на верное сие ему обещали.

3) Что они с рекомендательными письмами от себя отправили их в Брауншвейг, помнится, по приезде туда был профессор Шварц один или с Татищевым, не помню, у герцога; и у него ли сделано или посылал он их на конвент, не помню же, только сделано общим положением, что шведское постановление признано несправедливым и уничтожено; что российское масонство признано ни от кого не зависящим навсегда и имеющим равный со всеми голос»; что на конvente сделано положение, что всем ложам оставлена полная свобода употреблять такие акты, какие кто почитает лучшими, и тому подобное, но чего совершенно, сколько ни старался, не мог вспомнить по совершенному моему тогда же ко всему сему происшествию отвращению и пренебрежению; так что и тогда с крайним принуждением слушал и некоторые бумаги читал; и сие истинно говорю, как пред богом. Услышавши сие от профессора Шварца, все мы крайне были недовольны и сказали ему, что это совершенно против нашего желания, что мы сих связей и союзов не искали и не хотим; что градусов сих так называемых рыцарских мы не примем и что мы от шведского у кн. Гагарина масонства затем отстали, что их употреблять не хотели, короче сказать, все совершенно были сим его поступком недовольны, кроме Татищева, которому это было приятно для того, что сии градусы были продолжением его градусов, а не наших, чем думал утвердить справедливость своих актов пред рейхелевскими, да, может быть, и по честолюбию приятно было ему, что он по сим градусам рыцарским сделан начальником капителя, или ложи седьмого градуса; но мы расстались тогда с крайним огорчением и неудовольствием и не хотели даже и бумаг смотреть, не помню совсем, употребил ли профессор Шварц одно из данных нами ему писем у герцога, а кажется, что употребил то, которое писано было на одно лицо. В последствии же времени приняли одну только пиесу, под титулом общие масонские правила, которую и ввели в употребление в ученический масонский градус.

Без Татищева объявил профессор Шварц кн. Трубецкому и мне, что наперед ведал, что сей союз и рыцарство будет нам

неприятны; но что он это сделал по необходимости, потому что когда он открылся курляндской ложы мастеру, что московские масоны не ищут и не хотят рыцарства, но желают иметь древнее истинное масонство и в нем упражняться, и что им нравятся и они привязаны к актам, полученным ими от барона Рейхеля, на что он ему сказал, что он может ему доставить в Берлине знакомство с двумя самыми лучшими масонами, которые по таковым же градусам работают в совершенной скромности и тихости и могут доставить совершенно по их желанию масонство; что он с ним знаком и уверяет, что по его рекомендации они его совершенно удовлетворят, только он иначе не сделает этого, как с тем, чтобы приняли рыцарство прежде и ввел в употребление между российскими масонами и чтобы на конvente ипведское постановление прежде было уничтожено, посему и принужден был на сие согласиться, что он в Берлине после был и вышесказанною рекомендациею сделал знакомство с генерал штаб-хирургом Теденом и с директором камеры принца прусского Вельнером, с которым познакомившись, узнал, что они на конвент от себя не посылали, и не хвалили его, что он приступил к сему. Сказывая, что тут путного ничего быть не могло, что наверное тут на всем конvente не было, может быть, ни одного истинного масона, и что они весьма подозревают, не было ли тут и иллюминатов⁴, которые суть истинные и злейшие враги истинного масонского ордена, и что они везде, где только можно, стараются подкапывать и вредить оному, и что они желают и стараются совсем разорить истинное масонство и на развалинах его утвердиться, что сии враги масонства имеют в предмете своем великие злодеяния, но милосердый бог не допустит их до сих злодейств и отличит злодейство от невинности, а рано или поздно накажет, что иллюминатское гнездо в Баварии, что они весьма многочисленны, что стараются везде втираться во все ложы, но в истинное масонство путь им загражден; что они принимают на себя всякие названия и обманывают и прельщают незнающих масонов и, наконец, что сие разбойническое гнездо может почитаться по намерениям их злодеями рода человеческого. Сказывал также, что они просили его наубедительнейше, чтобы он нам всем советовал иметь крайнюю и всевозможную бодрственную осторожность против иллюминатов и чтобы не протягивали ушей ни к каким градусам, обещаниям и тайнствам и не верили бы, потому что у них натискано и набрано много и доброго, дабы всякого прельщать тем, что ему нравиться будет, и после заводить в свои сети и опутывать. Берегитесь, чтобы сия змея не вползла между вами, а вероятно, что они не оставят в покое русских масонов, но ежели вы только будете осторожны, скромны, постоянно и верно упражняться будете в том, что мы надеемся вам доставить, то господь сохранит

вас от сего зла; видно, что и по сие время бог охранял вас, что, искавши так много масонства, ни один не попал на какого-нибудь из сих злодеев; истинные масоны стараются достать все их градусы и доставить всем, с ними в союзе состоящим, дабы наверное не могли ошибиться; паче всего старайтесь не впускать к себе приезжающих иностранных, дабы не обмануться. Наконец сказал, что истинные масоны свято почитают христианское учение, а они враги оного. Сей есть верный признак, другою, что истинные масоны власти, яко установленной от бога, искренним сердцем покоряются, а сии злодеи против всякой власти. Сие об иллюминатах известие и после получаемые подтверждения всем старшим членам известны; а младшим запрещено было без своего мастера логи какое-нибудь знакомство делать с незнакомыми масонами. Сказал также, что они всевозможно будут стараться доставить нам истинное масонство и ввести в орден, но что это не зависит от них, что они будут писать, а мы чтобы взяли терпение и ожидали, пока они получат ответ; а между тем дали градус, в котором могут упражняться, себя обрабатывать и познакомиться с такими познаниями, которые для них будут новы.— И что он сей градус скоро получит.— Сказал также, что герцог Брауншвейгский хотел писать к Татищеву и еще к некоторым, что нужно хотя на некоторое время учредить капители, которых два и учреждено, один по Татищеву ложа, в котором он был начальником, а другой по нашим ложа, в котором, помнится, был начальником князь Ник. Ник. Трубецкой.— В сие же время возобновлены ложи масонские кн. Трубецкого и моя. Под моею ложею были учреждены ложи: в одной был мастером ложи Гамалея, в другой Кутузов, в третьей Иван Владимирович Лопухин; еще вспомнил четвертую, в которой был мастером Ключарев. У князя Трубецкого были также, помнится, три ложи, но кто были в них начальниками, не помню; у Татищева, кажется, также три ложи, из которых в одной был сын его; в другой иностранной на немецком языке Тусень, и еще не помню. В сие же время, помнится мне, начались вышеупомянутые лекции, из которых, помнится, в 1782 году составилось Дружеское ученое общество, имевшее предметом своим единственно распространение литературы, которого план и все составлявшие члены, подписавшись, чрез его превосходительство Николая Петровича Архарова поднесен и несколько членов представлены были его сиятельству бывшему тогда главнокомандующему графу Захару Григорьевичу Чернышеву и получили от него позволение публично открыть сие общество, которое и было открыто в доме Татищева и на котором присутствовали покойный граф Захар Григ., и другие знатные особы. Пред сим временем взяты были на содержание студенты, а сколько числом, не упомяну. Помнится, что около сего времени

принят был в масоны брат мой и Алексей Федорович Ладыженский, и также приехал из Петербурга Василий Васильевич Чулков, член моей петербургской ложи, и к нам присоединился.

Около сего времени получен из Берлина теоретический градус, который к ордену не принадлежал и который между взятыми у меня бумагами находится. В него приняты: я, и сделан начальником, князья Трубецкие оба, Мих. Мат. Херасков, Иван Петрович Тургенев, оба Татищевы, Гамалея, Кутузов, Чулков, кн. Енгальчев, кн. Черкасский, Ключарев, а еще не могу вспомнить.

Помнится, что около сего же времени, совсем не помню как и на каком основании, присоединился к нам кн. Гагарин с своими ложами, и переписка его со Швециею, кажется, при сем соединении прервана, но долго ли это соединение продолжалось, сколько было его лож и кто в них были мастерами, совсем не помню.

В сие же, помнится, время получил Татищев от герцога Брауншвейгского письмо, также я, и не помню, получил ли кн. Трубецкой, все они состояли из одних комплиментов, на которое за меня не помню кто отвечал также комплиментами, и я подписал.

В 1782 году, кажется, осенью, не помню по каким неудовольствиям, профессор Шварц взял увольнение от университета и, выехав из университетского дома, перехал ко мне и жил у меня, кажется, около полугода в доме у Никольских ворот. Когда начал жить профессор Шварц у меня в доме, то, кажется, в то время сказал он, что получил из Берлина обнадеживание, что мы вероятно будем приняты в орден и что позволено тем из старших членов прислать прошения каждому от себя, и мне велел написать от себя и взять: 1) от Тургенева, 2) от Кутузова, 3) от Гамалея, 4) от Чулкова, 5) от брата моего, 6) от Ивана Вл. Лопухина, кажется в то же время. При сем случае спросил я его, чтобы он дал мне верное понятие об ордене и какой его предмет; на что он мне отвечал: что предмет его познание бога, натуры и себя кратчайшим и вернейшим путем. Я спросил: нет ли чего в ордене противного христианскому учению? Он отвечал: нет! орден в своем учении идет по стопам христианского учения и требует от своих членов, чтобы они были лучшими христианами, лучшими подданными, лучшими гражданами, отцами и проч., нежели как были они до вступления в орден. Я спросил: нет ли чего против государей? Он отвечал: нет! и поклялся в этом. Я написал прошение от себя, и взяв от других, отдал ему, причем спросил: как же от других, кто возьмет? Он мне отвечал: что от других он возьмет, но чтобы я кроме его и тех, от кого взял прошения, ни с кем не говорил, потому что это строго запрещается. Месяцев, помнится, через шесть или

больше получено из Берлина позволение нас принять, и мы были приняты, и все вышеписанные поручены были моему начальству. За рыцарство между профессором Шварцем и мною частные были неудовольствия, так что произошла между нами некоторая холодность и недоверчивость, продолжавшаяся до смерти его. Он меня подозревал в холодности к масонству и ордену потому, что я, быв совершенно занят типографскими делами, упражнялся в том урывками; а я, ведая пылкость его характера и скорость, удерживал его, опасаясь, чтобы в чем не проступить, и с великою осторожностью смотрел на все, что он делал, сколько мне было возможно. Кажется, что около конца 1782 года по неотступным нашим требованиям рыцарские градусы совсем брошены, и связь с герцогом Брауншвейгским, или, лучше сказать, с секретарем масонства, от герцога выбранным, совсем разорвана, и с курляндскими масонами по возвращении профессора Шварца совсем же перервана переписка, которую едва ли имел и он кроме одного или двух писем. Помнится, что около сего времени приехал в Москву из Петербурга барон Шредер и привез с собою рекомендацию к профессору Шварцу от берлинских, не знаю от кого, чтобы его присоединили к нам; с берлинскими братьями переписку имел профессор Шварц, а из нас каждый написал только по совету профессора Шварца по принятии в орден по одному благодарительному письму к Вельнеру, да помнится, я одно такое же письмо писал к Тедену. В 1783 году профессор Шварц осенью занемог и после продолжавшейся около шести месяцев болезни умер, в которое время ничего у нас не произошло; а я около четырех месяцев в то время был болен.

По смерти его узнал я принятыми в орден двух князей Трубецких, кн. Черкасского, Мих. Мат. Хераскова, кн. Енгальцева, барона Шредера, доктора Френкеля и Поздеева, но сей, помнится, принят после при бароне Шредере, которые поручены были начальству кн. Ник. Ник. Трубецкого. По смерти же его отправился барон Шредер в Берлин, с которым я и кн. Трубецкой писали по одному письму к Вельнеру, уведомляя его о смерти профессора Шварца, по возвращении которого, а сколько времени поездки его продолжалась, не помню, узнали мы, что место профессора Шварца поручено было заступить на время барону Шредеру.

В 1784 году составлена Типографическая компания, в которой члены: двое кн. Трубецких, двое Лопухиных, Тургенев, Кутузов, Чулков, Ладыженский, барон Шредер, Гамалея, кн. Черкасский, кн. Енгальцев, я и брат мой; но основание сей компании положено было еще при профессоре Шварце.

В том же, помнится, году или в следующем, 1785, заведена в Орле Ив. Вл. Лопухиным под его начальством масонская ложа,

в которой мастером ложки был тамошний вице-губернатор Захар Яковлевич Карнеев, а кто были члены и сколько, не упомяну.

В 1785 году, помнится, услышал я, что барон Шредер торговал гендриковский дом⁵ и дал задаток с тем намерением, чтобы в нем завести аптеку, барон же Шредер незадолго пред тем, как услышал я о покупке дома, поехал в чужие края для свидания с дядею своим в Мекленбург; так помнится мне, кто он таков, совершенно не помню. — Услышал также я от кн. Трубецкого, что барон получает наследство от весьма богатого дяди, что он в сей дом намерен употребить, помнится, до 50 000 или более, что он в сем доме вознамерился завести аптеку и поручил и поверил заведение сего доктору Френкелю, от которого уже и прошение подано (или уже позволено, не помню); что материалы для аптеки выписываются; что он намерен после в этом доме завести больницу и благородный пансион, что он скоро хотел перевести на все это деньги; а теперь оставил верящее письмо на имя, помнится, кн. Енгальцева для совершения купчей и заложения сего дома в Воспитательном доме с поручительством кн. Черкасского и залогом его деревень; и что он поручил поправку дома и перестройку деревянных корпусов ему кн. Енгальцеву. Сердце замерло, услышав сие известие, и как будто предчувствовало, что сей дом будет источником всех бед, с нами после случившихся. По покупке дома кн. Трубецкой просил меня, чтобы я побывал в доме и осмотрел его с кем знающим, что сделав, увидели, что в покупке дома сделана превеликая ошибка; после просили меня опять, чтоб я взял поправку и перестройку на себя, а что они и не знают и нет у них знакомых, которые бы поверили в долг материалы до получения от барона денег. Долго я боролся сам с собою, вступить ли мне в это, наконец, чтоб не сделать неудовольствия им и барону и чтобы не заставить их думать, что я для того не соглашаюсь, что это барон начинает делать, потому что между мною и бароном всегда была холодность, а я не имел к нему по молодости его доверенности, также и он меня не очень любил. Сверх сего, как он не знает по-русски ни слова, я ни по-немецки, но по-французски, то мы весьма мало говаривали, и то чрез другого, то и знакомства между нами сделаться не могло. Я наконец согласился, и начали делать, и как уже деревянные корпусы перестроили и один маленький корпус сделали, а на главном корпусе кровлю новую железную сделали, в доме почти уже все в отделку приходило и аптека почти совсем отделялась, что все делано мною с совета кн. Трубецкого, который уведомлял о том барона да кн. же Енгальцева, как вдруг получил кн. Трубецкой от него письмо, в котором он уведомляет, что дядя требовал от него письмом, чтоб он пошел в герцогскую службу, желая бы и там остался жить, так он его сделает всего имения

наследником, по что он на это не согласился, дядя осердясь, сделал наследником другого, а его лишил и выданные уже ему голландские вексели, помнится, на 39 000 возвратил, и он остался ни с чем, то просил, что ежели можно какой оборот сделать продажею опять дома, то чтоб его спасли. Кн. Трубецкой, не долго думая и рассматривая со всех сторон и не находя к тому средства, потому что дом куплен на занятые деньги, материалы забраны в долг на короткое время, аптека заведена в долг, мастеровым и работникам плачены были нужные деньги из компании, материалы, для аптеки выписанных, ожидали, за которые платить надобно деньги; люди для аптеки выписаны. Все сие заставило нас решиться предложить членам компании, чтоб этот дом и с аптекою взять в компанию, что по некоторому времени и сделано, и сим-то способом сей бедственный для нас дом компании достался. По возвращении же барона Шредера, не упомяну скоро ли, совершена от него купчая на дом на имя кн. Юрия Никитича Трубецкого, Петра Влад. Лопухина, В. В. Чулкова, Гамалея и брата моего; взяв этот дом в компанию, положили, чтобы типографию со всеми принадлежностями перевести в тот дом, книжный магазин поместить там же, всем жившим в доме у Никольских ворот поместиться там же и принадлежащих к типографии людей там же поместить, что после и исполнено было; дом же у Никольских ворот положено продать, но сие еще не исполнено. В 1785 же, помнится, году или прежде, верно не помню, по полученному через барона Шредера позволению принят в орден под мое начальство студент Багрянский, который после 1786 года отправлен в Лейпциг для окончания медицинских наук и получения докторского градуса на нашем содержании. В сие же, помнится, время принят в орден Лопухиным профессор Чеботарев под его начальство, помнится, что в сем же году в начале или конце 1784 по знакомству Ключарева с премьер-майором Походяшиным Григорьем Максимовичем по приезде его в Москву, как старый масон, принятый Розенбергом или иным, верно не помню, познакомился со всеми нами по собственному его исканию, в другой уже, помнится, его проезд в Москву принят он был у нас в теоретический градус, только не помню, и был знаком со всеми нашими равно. В 1786 году все масонские ложи, сколько их было с нами в связи, уничтожены, и собрания быть совсем перестали, и члены из нашего знакомства вышли, так что мы уже с ними ни в каком знакомстве не были, и они нас оставили. В начале того же года барон Шредер, быв недоволен мною, за то что я по беспрестанным почти моим болезненным припадкам и по типографским делам и заботам давно не делал собраний с порученными моему начальству, и подозревая меня в холодности и нехотении, взял из под моего начальства (под тем видом, что он сам с ними

будет упражняться) Тургенева, Кутузова, Гамалея; Чулкова в Москве тогда не было, у меня же остались Багрянский, находившийся в Лейпциге, и брат мой; и я, кажется, в половине 1785 года никаких собраний не имел. В конце, кажется, сего 1786 года объявил барон Шредер, что он получил приказание объявить тем, у кого есть другие под начальством, чтобы прервать с наступлением 1787 года все орденские собрания и переписки и сношения и отнюдь не иметь до того времени, пока дано будет знать, что и исполнено, так называемое молчание, или бездействие, по причине великого распространения и пропырств иллюминатов, причем было еще сильное подтверждение об осторожности и закрытии себя от иллюминатов, сие бездействие еще и до ныне продолжалось. Сверх сего объявил он, что позволено прислать одного из членов, дабы русский, узнав все сам на месте и наставлен будучи в орденских управлениях, мог заменить место иностранных двух и бывших у нас, то есть профессора Шварца и барона Шредера, и чтобы впредь отнять от нас всякое подозрение, но только чтобы прислать такого, который бы хорошо знал немецкий язык, что после, когда позволено будет начать упражнения и переписку, мог оную хорошо вести, и чтобы притом был такой, который бы был в удостоверенности у других. К сему назначили Кутузова. В начале 1787 года, помнится, барон Шредер и Кутузов поехали в Берлин. Переписку с берлинскими имели — сначала Шварц, после Шредер, а с того времени, как Кутузов находится в Берлине, переписку с ним ведет кн. Николай Никитич Трубецкой, а я с ним переписки не имел, кроме двух, кажется, дружеских писем, в которых он изъяснил свое неудовольствие о том, что я не пишу и его забыл, на которое и я также двумя ответствовал и извинялся, что почти всегдашние мои болезненные припадки и хлопоты по делам препятствуют мне с ним иметь переписку, Ив. Вл. Лопухин и Тургенев, кажется, ведут с ним порядочную переписку; с того времени я всякий год большую часть времени проживал в деревне, а последние почти три года безвыездно жил я в деревне по причине весьма усилившихся моих болезненных припадков и слабости здоровья, а в Москве, кроме прошедшей зимы, во все почти три года в разные времена едва ли с месяц был. При отъезде Кутузова дано ему наставление, что он ежели хотя малейше приметит, что связь нашу орденскую захотят употребить к политическим видам, то чтобы тотчас из Берлина выехал.

Дополнения к пункту 3

а) Знатные особы, о которых я упомянул, которых могу вспомнить, были следующие:

Е. в. п. Иван Перфильевич Елагин.

Е. с. граф Никита Иванович Панин.

Е. с. граф Роман Ларионович Воронцов.

Е. п. Алексей Логинович Щербачев.
Е. п. Степан Васильевич Перфильев.
Е. п. Алексей Андреевич Ржевский.
Е. с. князь Иван Васильевич Несвицкий.
Е. п. Василий Ильич Бибииков.
Е. п. Петр Иванович Мелисино,
других же упомянуть не могу.

б) Именно ни к кому отправляемы они, Шварц и Татищев, не были; а в виду по Рейхелеву масонству был Берлин, для того и письма написаны были без подписания всякого имени, потому что и сами не знали, а токмо по уверению Шварцеву и купца Тусеня обнадеживаны были в том, что по знакомству курляндского масона и купца Тусеня достанет он продолжение рейхелевских градусов, которых мы желали; письма же два написаны были для того, что ежели узнает Шварц, что получение актов или градусов тех зависеть будет от одного, то подписал бы того человека имя и подал письмо, на одно лицо написанное, ежели же узнает, что зависеть будет это от логи, то подписывал бы то письмо, которое на многих. А как мы ведали, что барон Рейхель свои градусы привез с собою из Берлина, почему и препоручение наше было Шварцу искать в Берлине, что показано и на обороте сей страницы.

в) Я показал, что помнится мне, что Шварц подал герцогу то письмо, которое написано было на одно лицо, но верно не помню. Письмо же сие, сколько могу помнить, состояло в генеральных выражениях, что мы просим о принятии нас в союз по доставлении нам всех градусов истинного древнего масонства, а подписано было теми, коих я мог припомнить и кои показаны выше. А сверх тех едва ли не подписывался под тем письмом профессор Чеботарев. Но сие все показываю, сколько вспомнить могу.

г) Выше в объяснении и на странице на обороте показано, что Шварц уверил нас, что посредством курляндского знакомства достанет он нам из Берлина акты, почему и поездка сия есть одна и та же, которую принял на свой счет Татищев, и сын его был в Берлине со Шварцем. Именно ни к кому в Берлине не был отправляем Шварц, и мы никого там не знали, а только по уверению Шварцеву на рекомендацию курляндского масона да на письмо купца Тусеня к его родственнику надеялись. Письмо же в Берлине Шварц, помнится, употребил другое, от нас ему данное, написанное на многих, но сего также верно не помню. О письме же, герцогу поданном, показано в выноске на поле, выше на обороте. К принцу же Гессен-Кассельскому никакого письма подавано не было. И профессор Шварц об нем уже узнал, как я думаю, от герцогского секретаря по масонству, который так же назывался Шварц.

д) При представлении и подании плана Дружеского общества покойному графу Захару Григорьевичу о ложах спрашиваны не были и не объявили.— Студенты из Киевской академии и из разных семинарий, также из своекоштных университетских студентов; сколько же их было и из каких семинарий, о том не помню.— О том, что их принимать в масоны не объявили, да и намерения такого подлинно не было при учреждении сего общества. Главная же цель при сих студентах была та, чтобы их приготовить быть хорошими учителями и переводчиками, кто к чему окажется способен. Обучались они в университете на профессорских лекциях, а жили в доме с профессором Шварцем.

е) По смерти профессора Шварца отправлен был барон Шредер с уведомлением о смерти его, ибо он имел и начальство и переписку, то и ожидали, какое по сему вновь будет сделано наставление. Отправлен был к тому же Вельнеру; ибо мы его только и Тедена знали в Берлине. С бароном посланы были письма от меня и от кн. Трубецкого. Я в сие время был еще тяжело болен и подробностей отправления совсем не знаю, почему и не могу теперь вспомнить, на сию поездку откуда даны были деньги.

ж) Строение гендриковского дома начато было и производимо по отъезде барона Шредера в Берлин, но окончено совсем, помнится, по его уже возвращении.

О переписке иностранной показал я со всякою искренностью на обороте страницы и здесь еще повторю, что с берлинскими Вельнером и Теденом при жизни Шварца имел он, а по смерти его барон Шредер; когда же бывал он в Берлине, в то время переписку с ним вел. кн. Трубецкой. По последнем его с Кутузовым отъезде в Берлин в начале 1787 года и по сие время вел переписку с обоими князь Трубецкой. Да с Кутузовым вели переписку Ив. Вл. Лопухин и Ив. Петр. Тургенев. Я от Кутузова получил, кажется, два письма и к нему же писал два письма, как показано там, **просто** дружеские. Но чтобы по смерти профессора Шварца, при жизни которого писали к герцогу Брауншвейгскому в конце 1781 и в начале 1782 годов (о сих письмах показано мною выше), была переписка с каким-нибудь принцем, о том я совершенно не знаю. Вся переписка состояла токмо в вышеозначенном, и сколько мне известно, то и быть не могла, разве имел барон Шредер или кто другой совершенно от меня закрытую, того не знаю. А что я кроме герцогской ни о какой переписке с каким-нибудь принцем совершенно не ведал и не ведаю, в том дерзаю призывать бога во свидетели.

з) Кутузов жил на общем нашем коште, но, кажется, два года тому назад или побольше, верно не помню, как мы с Гамалеем по причине сделавшихся крайне трудных денежных обо-

рогов по делам Типографической компании от посылки денег совсем отказались; и с того времени кн. Трубецкой и Ив. Вл. Лопухин посылали от себя. Послан он был, как показано мною на обороте страницы, по дозволению из Берлина, о котором объявил барон Шредер, для ближайшего и точного наставления в орденском учении и в химических упражнениях, с тем, чтоб впредь не было нужды быть при нас иностранному и чтобы тамошние узнали хотя одного из русских сами лично, а не по словам других, и когда сие молчание, или бездействие, окончится и воспоследует опять дозволение о начатии попрежнему орденских упражнений, то чтобы он возвратился обученным для наставления и других, и какие дозволено будет сообщить тогда вновь акты, оные с ним доставлены будут. С того времени как поехал, живет он там и обучается, ожидая вышепоказанного дозволения; другой или иной какой причины поездки Кутузова в Берлин и столь долгой бытности его там я совершенно не знаю, в чем паки дерзаю призывать бога во свидетели, да и уверен, что другой причины и нет, либо я совершенно обманут.

Возражение. Говорит он, что-де я никак не думал, чтоб масонство было противно правительству. Сие самое доказывает, что он не мыслил о повиновении, а меньше о исполнении положительных государственных законов, коими точно всякие тайные сборища запрещены, но он сего, конечно, не внимал, да и внимать не хотел, а чтоб они публично собирались, то обличается сия неправда тем, что в писанных рукою его о их сборищах актах называется те сборища тайными. А что он и другие показанные в его написании как то кн. Трубецкой и другие (как то из бумаг его видно), имели переписку с принцами Брауншвейтским, Кассельским и с прусским министром Вельером и другими без позволения правительства и были просителями о принятии их под свое покровительство и управление, а сим самым предались они им в совершенную подчиненность; сии их поступки, будучи подданными самодержице, никак почесть нельзя благонамеренными, а можно заключить, что они сие делали с нарушением государю и государству должных обязательств.

В сем же пункте говорил он, что-де всю большую часть переписку в Берлин с Кутузовым и Шредером имели кн. Трубецкой, Тургенев и Лопухин, то кажется, нужно у них взять бумаги и о всем спросить, из чего можно больше получить сведений о их деяниях и всей связи, ибо Новиков говорит, что-де от их сборища почти как удался.

По изъяснении им о своей непорочности и усердии к закону божью сказано было при написании им второго ответа, что буде б ты был таков, как о себе говоришь, то могли б вы, удержась правил святыя церкви и евангелия, прибегать к неведомому человеку Рейхелю и со слезами просить о учении тебя закону, имея ты знакомство с российскими пастырями, и, конечно, просвещенными и сведущими закон божий.

4. *Вопрос.* Кто с тобою были в сем участники, о коих показать о каждом порознь, время вступления с тобою в связь и какие имели они к тому достоинства, отнюдь не закрывая никого?

Ответ. Из петербургских масонов остались и в Москве с нами в связи: 1) Ив. Петр. Тургенев, 2) Алексей Михайлович Куту-

зов, 3) Вас. Васил. Чулков. Сии трое по дружескому знакомству и по привязанности своей к масонству, находясь в Москве, в связь вступили.

По московскому же знакомству соединились: 1) кн. Никол. Никит. Трубецкой, 2) кн. Юрий Никит. Трубецкой, 3) Михайло Матв. Херасков, 4) кн. Алексей Александр. Черкасский, 5) кн. Енгальчев, 6) Фед. Петр. Ключарев, 7) профессор Чеботарев. Сии шестеро по короткому знакомству с домом и ложею кн. Н. Н. Трубецкого с самого приезда моего в Москву в 1778 году.

1) Барон Шредер, 2 и 3) оба Татищева, 4) Осип Алексеевич Поздеев, 5) Тусен, иностранный купец, были и другие иностранные в знакомстве профессора Шварца, но те и при нем с нами почти знакомы не были, а по смерти его совсем остались, а считались всегда принадлежащими к начальству Татищева. Сии знакомы чрез профессора Шварца.

1) Иван. Влад., 2) Петр Влад. Лопухины, 3) Семен Иван. Гамалея чрез Тургенева познакомлены, кажется и в масоны им приняты.

1) Алексей Федорович Ладыженский и 2) брат мой, один по свойству и по старому дружеству, а другой по родству.

О находящихся под начальством Ив. Влад. Лопухина, здесь не упомянутых, я здесь не упоминаю для того, что я почти всех их не знаю; и сие говорю не из укрывательства, но истинно, но между взятыми у меня бумагами должен быть им список, который он ко мне прислал в деревню.

О других также, которые были с нами, но после совсем растались, не упоминал я здесь потому, что не мог вспомнить, да и тех, которые и остались в нашем знакомстве, но ни в правлении масонском, ни по компанейским делам никакого участия не имели, я ни упоминал же, по ежели приказано будет по окончании сего, сколько упомяну, особо напишу. В ответе моем на 3-й пункт сказано: сколько мог я упомянуть, со всякою искренностью, кто когда присоединился, намерение или побудительная причина у всех была одна привязанность к масонству; начинщиком или главою я не был, но все, которые в управлении по масонству и по делам Типографической компании участие имели, были равны. Здесь я покажу тех и других: по масонству: профессор Шварц, барон Шредер, двое Трубецких, я, Кутузов: и И. Вл. Лопухин, Тургенев и Гамалея. Сии полное имели управление делами масонскими и все равны; к сим прибавить Татищева, но только до 1786 года, а когда в то время все ложи уничтожены, то и его в правлении участие пресекалось. В компанейских же делах: все те же, исключая Тургенева. Сии же хотя и были члены компании: Петр Вл. Лопухин и Алексей Федорович Ладыженский, брат мой, Вас. Васил. Чулков, кн. Енгальчев и кн. Черкасский, но они только что имели сведение о делах,

и когда все члены компании собирались, тогда они в советовании и соглашении участие имели, и больше никакого, равно и по управлению масонскими делами, они участия не имели.

Возражение. На сей пункт изъяснения нет потому, что сказано, о чем следовало, в третьем пункте.

5. *Вопрос.* С какими обрядами, как ты вошел в сию секту, так и сотоварищи твои и последователи твои, и на каких условиях?

Ответ. При профессоре Шварце принят я был в теоретический градус и в орден в первый класс без всяких обрядов, потому что тогда и градусы сии переведены не были, другие же по моему начальству кн. Трубецкого, хотя я и не знаю, однако думаю, что также никаких условий не делали, кроме предварительных удостоверений, сколько то возможно было, и что показано в ответе моем на третий пункт.

Возражение. Хотя в сем пункте и говорит он, что-де он принят без обрядов, но сие неправда; ибо обличается он писанными его рукою актами, с какими ужасными клятвами, целованием креста и евангелия, называя сию клятву секретною присягою, и другими непозволенными обрядами принимались в сие сборище.

6. *Вопрос.* По законам государственным присяга установлена для служения государю и государству, а инаково она никому не принадлежит, но вы в противность сего, однако же, делали присягу при приеме, как из бумаг ваших видно, да еще и секретную, а к тому же и чужестранцам, почему и должен ты открыть всю истинную и изъяснить все обстоятельства, для каких причин ты и собратия твои ту присягу чинили, и какие виды в том имели, и чему из того быть надеялись?

Ответ. О присяге в таком смысле, в каком она изображена в 6-м пункте, мы и не воображали, а ежели бы так, то никто бы не стал делать оную; в масонстве она всегда употреблялась как в ложах Ив. Перфильевича, рейхелевских, кн. Гагарина и прежних наших, и оную принимали не за что иное, как за обещание партикулярное, и вошло в привычку, и сие продолжалось до вступления нашего в орден, а после присяги у нас не деланы, ибо они отменены, о чем особливое есть постановление, к нам присланное, которое находится должно между взятыми от меня бумагами. Но принимаемому только читали оную и сказывали, что прежде делали такую присягу и тому подобное; когда же она делана была, то делана по легковёрности и необдуманности с этой стороны, но точно в таком понятии, что это как партикулярное обещание или божба в сохранении или молчании, что он увидит и услышит, и прежде делания присяги он уверяется, что там противного ничего нет, ежели же бы после сего уверения увидел он что против бога, государя и государства, то присяга бы ничего не значила, потому что принятый был бы обманут, и он остался бы свободен не только что отстать, но и донести о том правительству. С нашей же стороны умысла или

какого злого намерения при сем не было никакого; в сем паки дерзаю призывать бога во свидетели, который все видит, все знает, все слышит и пред которым все наисокровеннейшие сердца человеческого помышления суть явны, что мы никакого злого умысла не имели.

Дополнение. О делании присяги к показанному мною на той странице не знаю, что иное сказать еще, кроме следующего: в масонских градусах делалась сия присяга у нас и в теоретическом градусе до получения того приказа, о котором я на той же странице показал; но в которое точно время получено сие приказание, истинно не помню. После же сего получения дела-но было так: ему прочитает присягу без его повторения, и мастер спросит у него: соглашаетесь ли вы сие исполнять? и когда он отвечает, что соглашается, то он ему говорит: дайте мне руку, как честный человек. В ордене же и в теоретическом градусе и в масонских градусах, вообще когда делана она, точно как обещание в сохранении того, что в котором градусе ему открывается, и в послушании начальникам по тому, что ему открыто, и по сделании присяги начальник не имеет права требовать от меня ничего больше, кроме того, что мне открыто, и я не обязываюсь ему повиноваться, и точно такая зависимость между мастерами и учениками по его художеству или мастерству. Другого же понятия я о присяге не имел, да и уверен, что другие не имели, а чтобы сия присяга делана была начальнику одному или многим, и так, как власти, чтобы во всем повиноваться, что он ни прикажет, такой присяги не делали, да и в помышлении у нас не было, и не делали бы. И когда бы потребовали чего противного, как то измены, возмущения и подобного тому, то в то же самое время открылся бы обман их и коварство; потому что потребовали бы того, что в той присяге не содержалось, и ему того тогда открыто не было, и в учении того градуса не находится. И сия присяга не есть безусловная, но обещание совершенно условное. Что касается до открытого евангелия, то оно не в то время открывается, когда делают сию присягу; но с самого начала до окончания лежит оно открыто на евангелисте Иоанне, и точно на первой главе, а не на другом месте; и чтобы полагался крест и целовали крест и евангелие, сего совсем не знаю, в котором бы градусе полагался крест, или по крайней мере совершенно не могу вспомнить.

Возражение. Что хотя он и говорит, что-де сию присягу вменяли они ни во что, а наконец-де принимали и без присяги; но и сего его изречения истинным почесть не можно, потому клявшись такою клятвою и целовав крест и евангелие, да еще пред святым алтарем и жертвенником (так он в своих ответах писал), а по сему можно усумниться, чтоб он сохранил и данную государству в верности быть; из-за сего можно ли же уже верить теперешнему показанию? А сверх сего в актах, писанных им, сказано, чтобы правительству о тайне орденской никакой грозимой

казнию не открывать, а посему можно ли его почесть надежным государству членом.

7. *Вопрос.* В России сколько лож, и где оные состоят, и кем и когда оные заведены, и кто в оных?

Ответ. От пас зависевшие ложки все, как показано мною в ответе на 3-й пункт в 1781 году [?] еще уничтожены, а сколько мог в памяти собрать, показал все, без всякого укрывательства; также где оные были, когда и кем они заведены и кто ими управлял. После же того наших лож не оставалось, есть ли же какие ложки в России или нет, которые с нами в союзе и знакомстве не состоят, о том истинно не знаю.

Дополнение. О ложах и членах пишу я особо со всею откровенностью, сколько могу упомянуть. Здесь ничего больше не знаю сказать, кроме сего, что сперва, покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им как игрушкою; собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало. Я по сему масонству знал только четыре градуса; так я и говорю по своему знанию, а вышних по тому масонству 5, 6 и 7 или еще какие были я не знал, так я и ведаю, что они знали. Носили ленты со знаками; ибо в том масонстве, начиная с 4-го градуса, во всяком была особая лента. В 4-м градусе была лента красная с зелеными каемками, на которой привешен был знак, изображающий прямоугольный треугольник и циркуль; а на шее, помнится, на зеленой ленте еще знак. На звезде изображение креста со св. Андреем Первозванным. В других градусах были ленты черные с белыми каемками, зеленые, фиолетовые и еще не помню. При давании сего знака св. Андрея на зеленой ленте сказывали, что братья шотландские избрали себе св. Андрея особенным покровителем, в память чего и дается сей знак. Больше сего изъяснения не знаю. А знали ли что-нибудь другое те, которые имели вышние градусы, о том истинно не знаю. В шведском масонстве также носили ленты, но каких цветов, истинно не знаю, кроме одной, которую я видел на кн. Гагарине, помнится, фиолетовой, а какой был знак, не помню. В рейхелевском масонстве в четвертом градусе была лента черная с белыми каемками. У нас же в Москве употреблялась она токмо до тех пор, пока вступили в орден, и по смерти Шварцовой скоро они все брошены. И у нас только употреблялись три градуса масонские: ученический, товарищеский и мастерской. После сего давали теоретический градус, из которого уже в орден вступали по особливим прошениям и по дозволениям из Берлина, которые делались весьма медленно. Наше дозволение пришло, кажется, чрез полгода. Больше сего истинно не знаю по причине моей слабости, в которой нахожусь, и по давнему всего оного неупотреблению, а не из укрывательства.

Возражение. И тут говорит неправду, ибо как в прошлом, так и в нынешнем годах были здесь сборища под ведением Ленивцова, о чем и рапорт к нему прислан.

О ложах сказано в 3-м пункте, а после и особое описание.

8. *Вопрос.* Какое право вы имели, так и называемое вами братство входить в тайные обязательства с обществами иностранных и подвергать себя зависимости и верховной власти оных, какой вид имели отправлять туда депутата и кого именно?

Ответ. Права не имели никакого; но по утреблению, какое прежде было в масонстве, нам известному, что при правлении масонством его высокопревосходительством Ив. Перф. Елагиным подобное обязательство сделано в Стокгольме князьями Куракиным и Гагариным со Швециею, не почитали мы это непозволительным и думали еще, что мы осторожнее поступили, потому что мы не подвергались никакой верховной власти и зависимость наша была весьма ограниченная и состояла только в том, чтобы быть в сношении братском с немецким масонством под управлением герцога Брауншвейгского; зависимость наша состояла в том, чтобы признавать его великим мастером всего масонства, да и сия связь, как показано мною в ответе на 3-й пункт, как помнится, в 1782 году совсем прервана, и мы даже забыли об этом. Какие же имели виды и кто туда был отправлен, подробно и верно, сколько мог только в памяти собрать, показал я в ответе на 3-й пункт и в заключение то же повторяю, что сказал в заключение 6-го пункта.

Дополнение. В сем пункте о прервании всякой зависимости союза, сношения и переписки так, как мною показано, есть справедливо и верно. Ибо говорено мною о прервании всего одного с немецким масонством, в котором находится герцог Брауншвейгский великим мастером, как помнится, в 1782 году. О том же, что мы состоим в связи и союзе с берлинскими братьями, я по всем местам моего показания нигде не отрицал и, сколько мне известно, везде показывал искренно и сколько могу упомянуть. И сии две связи, брауншвейгская и берлинская, в моем понятии совсем различные, и потому, сколько мне известно, и уверен совершенно, что они совсем различные и одна с другою никакой связи не имеющие.

Возражение. Сей пункт довольно доказывает, что он и его товарищи искали зависимости от принца Брауншвейгского и что он есть великий их мастер, в системе ж их ⁶ рукою Новикова сказано, чтоб великому мастеру во всем повиноваться, в другом же той же системы месте мастером каменщиков называется бог.

9. *Вопрос.* Уставы ваши позволяют ли иметь с неприятелями государства переписку, ибо из бумаг ваших видно, что вы имели переписку с принцем Брауншвейгским и министром прусским, когда они были неприятели государству, так и с принцем Гессен-Кассельским; в чем переписка состояла, когда началась, какие от них получали ответы и какое они по той переписке сделали употребление?

Ответ. О переписке с герцогом Брауншвейгским сказал я всякою верностию в ответе на 3-й пункт, а здесь повторяю: 1) Сделалась она совсем без намерения нашего. 2) Началась в 1781 году, прервана в 1782 г. 3) Состояла из письма к Татищеву, а другого ко мне и третьего, не помню, было ли, к кн. Трубецкому с его стороны и по ответному письму от нас: больше сего не было. 4) Содержали они в себе и его и наши одни комплименты.— Чтобы была переписка с принцем Гессен-Кассельским, совсем не знаю, и сколько ни старался вспомнить, не мог, ниже следов к тому.— Переписка с Вельнером состояла с моей стороны в одном письме благодарительном по вступлении в орден, а в другом уведомительном о смерти профессора Шварца и в одном письме от него на сие последнее, состоящее из комплиментов, сколько могу припомнить. Сколько же писал кн. Трубецкой к нему и от него получал, того не знаю, но в том уверен совершенно, что не могли они содержать ничего, кроме орденских материй; Кутузову и при отъезде сказано, чтобы он как скоро приметит хотя малейшее что-нибудь к политическим каким-нибудь видам наклонение, то чтобы тотчас из Берлина выехал; да и писано было к нему кн. Трубецким многократно, что как скоро о неприятельских действиях проведает, тотчас бы выехал; с Кутузовым же переписку вел. кн. Трубецкой регулярную, да, кажется Ив. Влад. Лопухин и Тургенев переписку имели регулярную же, что же до меня касается, то я получил от него, помнится, два письма и сам к нему также два письма дружеских писал. В заключение же и сего пункта то же повторяю, что и в 6-м пункте.

Возражение. О сей переписке объяснено в 3-м пункте.

10. *Вопрос.* Князь Репнин имел ли сведения о переписке с чужестранными?

Ответ. Кн. Репнин имел ли сведения о переписке с чужестранными, совершенно не знаю, ибо сам я видел его сиятельство один только раз в жизни моей в ложе Ив. Перфильевича, и его сиятельство и в лицо меня не знает; от кн. Трубецкого я о сем не слыхал же, а знаком с его сиятельством Иван Владимир. Лопухиным, и они с ним в связи, от которого также не слыхал я о сем, а потому и не могу наверно сказать, что по вероятности кажется, что, может быть, ему известно что о берлинской.

Возражение. Сделано на сей пункт изъяснение ниже сего.

11. *Вопрос.* Какие переписки имели вы с князем Репниным, с Куракиным и Плещеевым и знали ли они о берлинском постановлении?

Ответ. Что касается до его сиятельства кн. Репнина, то ниже подозревать могу, чтобы кроме Ив. Влад. Лопухина были в пе-

реписке; с его же сиетельством кн. Куракиным, кажется мне, не ошибусь, когда наверное скажу, что никто из нашего знакомства с ним никогда в переписке не был. — О Плещееве также не знаю, кто с ним в переписке; разве кн. Ив. Серг. Гагарин, ибо я знаю, что он с ним знаком.

Дополнение к пунктам 9 и 11. Ежели же деланы были кн. Куракину какие предложения по поводу письма принца Гессен-Кассельского, то сие разве делано Шварцем кн. Гагарину, а им Куракину. Но сего верно не знаю, а другого канала также не знаю.

О Плещееве; знакомство сие должно быть сделано чрез кн. Ивана Сергеевича Гагарина с Поздеевым, и в переписке с ним должен состоять Поздеев. Равномерно не знал я и о том, кто управляет Плещеевым и что он назначен к принятию в теоретический градус, до показания мне здесь бумаг, писанных ко мне Лопухиным, потому что хотя сии бумаги и взяты у меня, но они лежали запечатанными в пакете, так, как он мне их отдал, распечатан же сей пакет теми, которые осматривали. И сие говорю по истине, как оно не кажется маловероятным, те, которые осматривали, могут засвидетельствовать, что сии бумаги были запечатаны, и потому то я в 11 пункте об этом умолчал, что не знал. Также и о том не знаю: лично ли Ив. Вл. Лопухин с ним знаком или нет.

Возражение. Сделано на сей пункт изъяснение ниже сего.

12. *Вопрос.* Известно, что за двумя сделанными вам по соизволению ее императорского величества запрещениями и за взятыми с вас подписками вы осмелились печатать и продавать такие книги, которые отворачивают людей от церкви и христианския веры, так, как и от повиновения власти; а потому и оказался ты преступником законов, и хотя ты в сем преступлении и винулся, по однакоже того, для чего ты осмелился продавать, даже и по ярманкам рассылать те вредные книги, не сказал, чего ради должен ты открыть самую истину, из какого подвига ты сие делал и кто тебе в оном помогал, и чему из такого вредного рассеяния быть надеялся?

Ответ. По сему пункту, как в московском моем допросе, в рассуждении дозволения продавать те книги с прочими, данного мною московскому купцу Кольчугину, повергал уже себя и ныне вторично, яко виновный, к стопам ее императорского величества себя повергаю, осмеливаясь испрашивать монаршего ее величества милосердия. Печатаны же они после запрещения в другой раз не были. Как же продавал и посылал ли тот купец Кольчугин, у которого они все и были, те книги по ярмаркам, о том неизвестен, и к продаже тех книг и поныне с ним счету не было. Согласился я позволить продавать по необходимости о важности сего поступка; злого же намерения в рассуждении сих книг не имел никакого.

Но сие меня не извиняет, и я в сем поступке с искренним раскаянием повергаю себя к стопам ее императорского величества, дерзая испрашивать монаршего милосердия. Побуждения к сему соглашению моему другого не было истинно, кроме корыстолюбия. — И помощников в сем поступке никого не было, кроме помянутого купца Кольчугина, который их у себя в сохранении имел.

Дополнение. Оригиналы сих книг, с которых они были переводимы, привезены были с другими книгами Шварцем, а с собою ли он их привез или после получены, не помню потому, что книги были и с ними получил он чрез рижского книгопродавца. Были ли же они осматриваны в таможне, о том не знаю.

Возражение. О продаже запрещенных книг хотя и говорит, что-де продавать велел из корыстолюбия, а по городам не рассылал, а разве-де рассылал Кольчугин; но о сем говорит неправду потому, что письмом, писанным к нему с Дону от адъютанта атамана Иловайского Попова, который его уведомляет о полученных им на Дону книгах, так, как и в Казани. Сей Попов из донских казаков и учился в университете, а мотом принят в их собрание, а после сделан к атаману Иловайскому адъютантом; в том же письме пишет, что он с доклада Иловайского о продаже книг делает на Дону публикацию, а теперь-де положены книги в войсковом доме.

13. *Вопрос.* Кто те книги сочинял, переводил, цензорствовал и известны ли были о сем начальники университетские?

Ответ. Кто сочинял те книги, о том неизвестно, а переводили: «Химический псалтырь» с немецкого языка Кутузов; «Карманную книжку и братские увещания» с немецкого же языка переводил Оболдуев майор; «О заблуждении и истине» с французского языка — бывший тогда университетский студент Страхов, а ныне профессор; «О древних мистериях» и «Хризомандер» с немецкого языка переводил студент же университетский Петров; «Апологию» с немецкого же языка переводил Турганев. Цензура сим книгам была управа благочиния. Университетском начальникам не могли они быть неизвестны. Печатаны сии книги в типографии Ив. Вл. Лопухина.

Возражение. Была ль цензура книгам, надлежит выправиться в управе благочиния, удивительно, что университетские начальники, видя те книги, позволили не только печатать, но и продавать; а что они и Новикову казались дурными, то для сего-то и печатаны оные были в секретной у Лопухина типографии.

14. *Вопрос.* Как запрещенные книги у тебя были осматриваны, то каким образом ты их скрыл и отвез на старый монетный двор и типографские лавки и кто тебе к сокрытию тех книг помогал?

Ответ. Когда осмотр был книгам, в которое время сии в 13-м пункте показанные книги запрещены, то он сделан был только в книжной университетской лавке, и сколько их тогда в лавке было, те и отобраны и запечатаны печатью управы бла-

гочиния. В книжном магазине в первый раз осмотру не было, а потому они там и оставались без всякого укрывательства, но я и по сему пункту себя не оправдываю, но только показываю, как происходило; ибо когда я узнал о высочайшем повелении оставить сии книги запечатанными, то должен был объявить об оставшихся, но я сего не сделал, а вместо того, по прошествии не помню сколько времени, отдал их помянутому купцу Кольчугину на сохранение, у которого они и находились до нынешнего времени; почему, по сему пункту с раскаянием признавая свою вину, и повергаю себя к стопам ее императорского величества, испрашивая монаршего ее милосердия. Участников же в сокрытии их других не было; а знали об этом все члены, которые показаны мною выше участвующими в правлении делами компании.

Возражение. Как запрещенные книги взяты только из книжной лавки, а в магазине осмотра от управы благочиния не было. Сие упущение сделано, кажется, не дельно, однакож после взятых из лавки книг те же самые книги, бывшие в магазине, все их сборище продавать осмелились.

15. *Вопрос.* В Москве в ответе своем говорили вы, что те запрещенные книги печатали только для раздачи масонам, но на самом деле оказалось, что вы их пускали в продажу, а сверх сего называли те книги нравственными, против вольнодумов. Сии твои изречения обличают твое коварство и сокрытие дурных твоих намерений, но самому благоразумию доказываешься ты таковым, потому что буде бы были они нравственные, то правительство тебе печатать оные не запретило, да буде бы и сам ты их таковыми считал, то не было бы нужды отдавать их только одним масонам, а посему и должен ты о сем самую истину показать.

Ответ. В московском моем на допрос ответе говорил я о тех книгах, которые печатаны были в особой типографии и взяты ныне у меня в деревне. Сии книги истинно печатаны были с тем намерением, чтобы их употреблять только между собою, а в продажу не употреблять; и истинно, что из них кроме масонского магазина ни одна книга за деньги не была отдаваема. Масонский же магазин давали за деньги⁷, и то только масонам в ложах, а посторонним не продавали, а печатано было всех сих книг, которые взяты у меня в деревне, не больше как по 300 экземпляров, а масонского магазина печатано было по 600 или 1200 экземпляров каждой книжки, не помню, а разошлось их по немного. Переводили сии книги все свои члены: кн. Трубецкой, Кутузов, Гамалея, Тургенев с немецкого языка и одну книгу с французского языка Багрянский, а посторонним сих книг переводить не давали. Все сии книги печатаны были в особой типографии, которая была в том доме, в котором жил прежде профессор Шварц, жили и студенты, а после и при бароне Шредере. Когда же г. оберполицеймейстер Толь осматривал покои, в которых собирались логи, и также и те, в которых жили студенты, то мы, убоясь, с общего согласия, ночью

уклавши все те книги на подводы, отправили в подмосковную деревню кн. Черкасского; увязывали и укладывали сами с приехавшими людьми кн. Черкасского. У него же в деревне лежали они, кажется, года с полтора: но как он сказал, что они лежат в сыром покое и начинают гнить, то и согласились перевезть их ко мне в деревню, где они и лежали до взятия. Дом этот куплен был при Шварце на имя Лопухина и года с три назад как продан. Все сии книги печатаны с согласия всех, которые показаны управляющими. Типография состояла из двух только станков и отделена от заведенной под именем Лопухина типографии и считалась под его именем, а между нами она называлась тайною типографиею, потому что она ни в счетах, ни в чем с университетскою, бывшею у меня, ни с компанейскою ни в чем сообщения не имела, и рабочие люди из тех типографий в эту не ходили, а наняты были особые из немцев, которые тут же в доме жили, и плата им производилась особо. Все сии книги напечатаны были в этой типографии, а кроме сих книг других никаких, которые в продажу употреблялись, книг печатано не было; печатали сии книги истинно с тем намерением, чтобы употреблять только между собою, а не для рассевания, потому что мы их почитали важными и давали между себя, с тем чтобы их никому не показывать и читать не давать. В цензуру управы благочиния отдавал их Ив. Вл. Лопухин, но все ли они были цензурованы, не могу упомянуть, и по напечатании каждой книги подписанные листы брал он к себе для сбережения. Корректуру, или поправку, во время набирания сих книг держали сами и корректорам не давали. Все сие написал я не во извинение, но только чтоб сказать все обстоятельства, до сих книг касающиеся. Мы виноваты потому, что печатали их с намерением хранить тайно и сокрывали их и прятали. В сем себя как одного из виновников искренно признавая и раскаяваясь в сем поступке, повергаюсь к стопам ее императорского величества, со слезами испрашивая монаршего ее величества милосердия и помилования.

Возражение. В переводе, печатанье, и в укрывательстве при осмотре, и в продаже после осмотра виновны не один Новиков, но все их сборище, ибо они видели, что те книги для государства вредны и уже правительством запрещены, но они, однакож, и за сим печатали тайно и продавали, то сие не явное ль противу правительства умышленное преступление?

16. *Вопрос.* Открыться ты должен о взятии на откуп университетской типографии, каким образом и чрез кого ты оную получил, кто тебе в оном помогал и из каких видов?

Ответ. Ко взятью на откуп университетской типографии поводом и случаем было мое короткое знакомство с домом князя Николая Никитича Трубецкого и Михаила Матвеевича Хераскова. Когда поехали они из Петербурга в Москву, то звали меня и я обещался приехать хотя на короткое время в Москву.

В 1778 году был я в Москве и был в доме у них весьма часто, слышал многократно неудовольствие его на типографию; я, выпрося дозволение осмотреть оную, после сообщил мое намерение Михайлу Матвеевичу и князю. Он поручил директору университета со мною торговаться, и я остановился на 4500 р. чистого доходу университету. За всем оным содержанием, типография была крайне в худом состоянии; и газет больше не расходовалось, как от пяти до шести сот. Представлено было его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, у которого я по приезде в Петербург был наконец по происходившим у них перепискам, с прибавкою еще некоторых выгод университету, его высокопревосходительство кондиции мои апробовал и послал в Москву ордер на сих кондициях заключить со мною контракт, который в 1779 году в апреле и заключен. Пристрастного же пособия или взяток и тому подобного истинно ничего не было, да и быть не могло, потому что университет едва ли имел половину сего дохода. И сие все начальники университета свидетельствовали, что кондиции мои университету были весьма прибыточны. Похлебственного же интересного пособия не было никакого ни от кого, что объявляю по сущей справедливости.

Дополнение. В дополнение 16-го пункта о взятии университетской типографии на откуп, что касается до собственного моего побуждения к сему, то, признаваясь искренно, скажу, что хотя любовь к литературе и великое в сем подвиге участие имела, но главнейшее побуждение было, конечно, гордость и корыстолюбие; ибо я видел, что типография была в крайне худом состоянии, и я по знанию моему надеялся в скором времени ее поправить и тем себя выказать. Второе, что тогда типография сия была во всей Москве одна, чрез что и надеялся иметь великий прибыток, и располагался так, чтобы, продержав 10 лет типографию, сие упражнение оставить и спокойно жить в деревне.

Возражение. Хотя Новиков и показывает, что-де типография взята на откуп без всяких видов, но сие неправда, ибо сам он говорит, что отдача она сделана по препозиции Хераскова, а как Херасков есть тут директор, а их сборища товарищ, то тут не явный ли умысел к обогащению себя, а казне убыток; доказательство сие тем, сам Новиков в Москве показал, что он в четыре года барыша получил 150.000 руб., а из сего довольно ясно, как продажею книг грабил публику, а по сему можно ли, как он себя почитает, благонамеренным и непорочным, держась истины, называть.

17. *Вопрос.* Открыть вам самую истину о всех поборах, при приеме в наши ложи людей, и до какой суммы в год, а как известно, что живущие в России называемые вами масоны дают подати чужестранным, то объявить вам, сколько тех податей из России выходило и кому именно?

Ответ. Во всех масонских ложах, с нами бывших, по возвращении профессора Шварца заведенных, при вступлении в ложу и при повышении в градусы совсем никаких поборов не было от

вступающих, кроме предписанного, чтоб во всяком собрании ложи собиравлось на бедных в кружку, кто что хочет дать, и таковые деньги, сколько их собиравлось, оставались в той ложе, в распоряжении мастера ложи и членов, и что в течение года собиравлось, то и раздаваемо было не нищим, которые ходят по улицам, но осведомлялись о бедных и больных; других же поборов в ложах не было никаких, кроме что когда содержаны были студенты, то сколько кто мог и хотел, давали в помощь их содержания, которые деньги и отдавали профессору Шварцу, а по смерти его, помнится, поручено это было князю Енгальчеву; при вступлении в теоретический градус по предписанию каждый давал по 7 руб., и сии деньги, сколько могу упомянуть, отдаваны были на содержание студентов же. К чужестранцам же при профессоре Шварце взял от меня для пересылки на корреспонденцию 300 р. и сказал, что послал из них 200 р. к Вельнеру и 100 р. к секретарю герцогскому по масонству. После еще при бароне Шредере, помнится, 300 р. послано, или в бытность его в Берлине сам он отдал, подлинно не помню. Больше же этой посылки мне известной не было.

Возражение. Что касается до поборов, даваемых великому их мастеру, так, как и в сбирании ими при приеме в их ложи приходящих сборов, хотя он и не признается, но, кажется, без обоих сих издержек и поборов обойтись нельзя; но как из бумаг его к обличению его в сем не видно, просителей же нет, то можно сие и оставить.

18. *Вопрос.* Из бумаг ваших видно, что в братстве, как вы называете, есть архиепископы и епархии, то объяснить вам, сколько у вас архиепископов, кто они таковы, кто их посвящал, также сколько епархий и кто их установил?

Ответ. Ни архиепископов, ни епархий никаких между нами нет и не было.

19. *Вопрос.* Из бумаг ваших видно, что собираетесь в освященные храмы, а как по положению святых отцов и святейшего синода никакой храм, где приносится жертва богу и совершаются тайны Христовы, не может иначе посвящен быть, как по соизволению синода и епархиального епископа, то и объяснить вам, кто ваши храмы посвящал и когда?

Ответ. Хотя между бумагами, в которых и находится изречение: священные храмы, но это не что иное, как одно только изречение, по употреблению о ложах говоримое, а не самая вещь. Действительно же храма, ниже посвящения не было никакого между нами.

Дополнение. В пополнение 18 и 19 пунктов: что между нами не было ни архиепископов, ни епархий, ни посвященных храмов, сие по самой справедливости утверждаю. Ежели же слова сии в каких наших актах или градусах находятся, то разве употреблены переводившими для придания большего уважения, так как комнату, в которой было собрание масонское или ложи, называли храм, и тому подобные другие слова.

Возражение. Хотя он и говорит, что ни епископов, ни епархий, ни священных храмов в самой вещи не было, а только-де в ложах были о сем одни изречения, из сего судить можно двояко, если подлинно были, то сие противно законам церкви и правительству, буде же не было, то они не сущие ль обманщики своих товарищей и отвратители от пути истины? Ближе же всего заключить можно, что епархиями они именовали в разных местах их ложи, а мастеров называли епископами.

20. *Вопрос.* Из бумаг ваших видно, что вы имеете носить орден и называете его святым, а как в России, кроме помазанника божия, то есть государя, никто ордена возлагать не может, то объясните вам, как вы осмелились украшать орденами свою собратию, да и называете еще то святым, что значит сей орден, за какой подвиг дается, кем установлен, на каких правилах и из какого вида?

Ответ. Слово орден, в бумагах наших находящееся, не означает ордена возлагаемого и носимого, но говорится и употребляется о обществе этом, которое и называется орденом; кем же сие общество или орден установлен и когда, сие от нас еще было сокрыто и известно не было, что явно по всем нашим бумагам; а только называется он истинным и древним орденом. Такого же ордена, каков изображен в сем пункте, мы не получали и не давали, и его не было, а были, как и во взятых бумагах содержатся, знаки пиероглифические по градусам, которые надевали во время соборания, и кто то место занимал, тот и надевал тот знак, а когда другой заступал его место, то надевал этот знак; а прежде надевавший его не мог уже употреблять того знака, и такие знаки к людям не принадлежат, но месту.

Дополнение. Что слово орден, в бумагах наших находящееся, не означает ордена носимого, но говорится об обществе, то вспомнил я, что в тех же бумагах вместо ордена называется институтом и другими словами. Но самого же ордена или даваемого у нас, сколько мне известно, истинно никакого не было и нет, кроме пиероглифических знаков, о которых там показано. Что касается до показанного знака с изображением на звезде св. Андрея Первозванного и на зеленой ленте привешенного, то сей знак есть старый, который употребляем был в ложах Ив. Перф. Елагина в 4-м градусе, который носили в тех ложах на шее, о чем от меня показано в сем дополнении выше на странице, где говорено о ложах и членах. Также и о том, что я показал, что от нас сокрыто еще, кем сие общество и когда уставлено. Сие во взятых бумагах орденских явно, что сие не было нам открыто. Да и потому также явно, что ежели бы нам все уже было открыто, так бы нам уже не было нужды ни в чем просить их позволения.

Возражение. Об ордене хотя и говорит, что у них никакого ордена не возлагают, но сие сказана неправда, потому что из бумаг их видно, что они называют его святым и делают ему присягу с ужасною клятвою, а к тому ж в бумагах его найден крест Андрея Первозванного, о чем он в особом пункте ниже сего изъяснил, но также скрывает о ношении оного

потому, чтоб избежать за самовольное сего (sic!) ордена законного осуждения.

21. *Вопрос.* Взятая в письмах твоих бумага, которая тебе показывалась, чьею рукою писана и на какой конец она сохранилась у тебя?

Ответ. Здесь, не говоря еще ничего, яко совершенный преступник в истинном и сердечном моем раскаянии и сокрушении, повергаю себя к стопам ее императорского величества, яко не достойный никакого милосердия и помилования, но повинный всякому наказанию, которое воля ее императорского величества мне определит. Сие истинное и сердечное мое раскаяние исповедаю пред богом спасителем моим и пред его помазанницею, ее императорским величеством, и повергаю себя к стопам ее, ожидая своей судьбы от воли ее, и все искренно открою. Бумага сия, показанная мне, писана рукою коллежского советника Баженова в 1775 году в конце или в начале 1776 года. Баженов, кажется, в 1774 году сделался знакомым нам чрез Карачинского, Василья Яковлевича; Карачинский был уже масон и с ним в связи, а после и Баженов также принят в масоны и сделался с нами поэтому коротко знаком. В вышепоказанном году ездил он в Петербург по своим делам, пред отъездом за несколько сказал он мне и Гамалее, что он по приезде будет у той особы⁸, о которой в бумаге говорится, и сказал, эта особа ко мне давно милостива, и я у нее буду, а вить эта особа и тебя изволит знать, так не пошлете ли каких книжек. При сем он ли мне сказал, что слышал от купца, торгующего книгами в Петербурге, или я сам слышал от того купца, а купец этот, Глазунов, был пред тем в Москве и был у меня по книжным торговым делам, сего истинно не помню,— что для той особы искали в книжных лавках нового перевода Арндтова «О истинном христианстве». Я отвечал, что та особа меня знает только потому, что я раза два или три подносил книги, и не думаю, чтобы та особа помнила меня; однако мы посоветуемся с старшими братьями об этом, и как решимся, посылать ли эти книги или нет, я тебе после скажу; с тем мы и расстались. А где он об этом говорил, у себя ли в доме или у меня, не помню. Я послал к князю Трубецкому и сказал ему об этом, и советовались об этом, а другие знали ли об этом сначала, не помню; не помню же и того, был ли в то время в Москве барон Шредер, и ежели был, то знали об этом тогда еще барон Шредер и князь Юрья Никитич Трубецкой, ежели также был в Москве; наконец посоветовали мне книги послать, но подтвердить ему, чтобы он сам отнюдь не высовывался с книгами, а разве та особа сама захнет. Книги ему отдал я «О истинном христианстве» и, помнится, еще избранную библиотеку для христианского чтения; мы оба его с Гамалеею сколько возможно просили, чтобы он сам не зачинал говорить и поступал с крайнею осторожностью.

По возвращении его из Петербурга прислал он ко мне или к Гамалее сказать, что он приехал, и звать к себе; не помню, оба ли или я один прежде приехал к нему, где он сказал, что он у той *особы* был принят милостиво и книги отдал, и кое-что конфузно рассказал о том, что в бумаге писано, сказав, что он все напишет и привезет ко мне. Я об этом сказал князю Трубецкому, и он просил меня, чтобы я как скоро получу от него бумагу, показал бы ему. По получении от него бумаги, читавши оную с Гамалеею, мы испугались, и ежели бы не для показания князю Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли от страха, хотя и радовались милостивому принятию книг, и не верили всему, что написано. Я показал к. Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видели, что он много врал и говорил своих фантазий, выдавая за учение орденское. Князь Трубецкой требовал у меня этой бумаги, но я сказал ему, что я несколько ее оранжирую и, переписав, ему ее отдам; тогда же решился этой бумагой Баженову не отдавать назад и протягивать это под разными отговорками, в самом же деле боялись его болтливости, и чтоб сколько возможно запретить ему ни с кем из братьев не говорить, кроме нас двоих с Гамалеею, и чтобы сказать ему, что из наших, кроме нас двоих, о сем никто не знает; что я исполнил, и после часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократил и, все невероятное выкинув, отдал переписанную кн. Трубецкому, а эту оставил у себя. Здесь, как пред богом страшным судиею, как на страшном его суде, повергая себя к монаршим ее императорского величества стопам, исповедаю и внутренность моего сердца, как пред богом, открываю о двух пунктах: 1-й, что сей поступок не имеет никакого сношения с письмом принца Гессен-Кассельского к профессору ли Шварцу, присланным или в бытность его в копии данным, чего совсем не помню, и это по смерти его, профес. Шварца, и со всею бывшею с герцогом Брауншвейгским связью совсем из головы у нас вышла. Да и при жизни его почитали это намерение вредным для государства, и для искания нашего по масонству, и для нас самих и принимали за фантазию, никогда сбывшаяся не могущую; и потому всегда сему намерению противились внутренно. При сем вспомнил я, что союз, сделанный с князем Гагариным, о котором я в ответе моем на третий пункт показал, что совсем не мог вспомнить, как и по каким обстоятельствам здесь был; подробно вспомнить и верно не могу и боюсь, чтобы не оклеветать напрасно, поскольку могу вспомнить, то кажется, что по поводу письма принца Гессен-Кассельского с кн. Гагариным сделано было соединение; то и сию истинно говорю, как пред богом, что по смерти профессора Шварца обо всем этом союзе и рыцарстве иначе не вспоминали, как в шутку. Сие еще по самой истине утверждаю, что тот поступок с сим по

бумаге Баженова о упоминаемой *особе* никакого сношения не имеет. 2-й, что по получении в наши руки бумаги сей, Баженовым писанной, никакого намерения, ниже понозновения к какому-нибудь умыслу или беспокойству и смятению не имели, ни в мысли не входило; сие пред самым живым богом и пред стопами ее императорского величества исповедаю и утверждаю и готов кровию моею запечатать. От князя Трубецкого услышал я после, что из этой Баженова бумаги сделана еще кратчайшая выписка о образе мыслей той *особы* и по переводе отдана барону Шредеру, который хотел об этом писать в Берлин, и по сему-то его, барона Шредера, письму был ответ под № 12, в следующем, «22», пункте упоминаемый. После того ездил еще Баженов в Петербург в 1787 или 1788 году, не помню, он просил опять, чтобы с ним послать к той *особе* книг, и тогда по совету же дана мною книжка, извлечение краткое из сочинений Фомы Кемпийского, и еще на немецком языке, книга «О таинстве креста», и эту с тем, что ежели угодно будет той *особе* читать на немецком языке. По возвращении Баженова из Петербурга дал он мне опять записку, которая или осталась у меня же и должна быть в бумагах, или у князя Трубецкого, или же по прочтении теми же отдана ему; сего совершенно не помню. В ней описано было также, что та *особа* припала его милостию, что книги поданы и припаты благосклонно, что разговор был о книгах и о том, что уверен ли он в том, что между нами нет ничего худого? Баженов уверял ту *особу*, что нет ничего худого; а та *особа* с некоторым неудовольствием говорила, что, может быть, ты не знаешь, а которые старше тебя, те знают и тебя самого обманывают. Он уверял, что нет ничего худого, клятвенно; еще был разговор о книгах поданных. Сия записка была гораздо короче; и что та *особа* заключила тем: бог с вами, только живите смиренно, об немецкой книге та *особа* сказала, что читать ее не может, и не помню, оставлена ли она или отдана обратно. Нынешнею зимою Баженов был опять в Петербурге и пред отъездом своим в Петербург был у меня потому, что я по болезни своей не выезжал, сказывал, что он едет в Петербург, и спрашивал, не пошлю ли я к той *особе* книг; но я отказался и сказал ему, что за болезнию некогда мне приготовить. По возвращении его оттуда сказал он, бывши у меня, а записки уже не было от него, и говорил, что он у той *особы* был, и припал был с великим гневом на нас, и что та *особа* запретила ему и упоминать об нас, а ему сказала: я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста; об них же и слышать не хочу, и ты рта не разевай об них говорить. Знали о бумагах Баженова, кроме меня, Гамалея, двое князей Трубецких, Шредер, Кутузов, Лопухин Ив. Влад. и Тургенев. В заключение сего пункта паки повергаю себя к стопам ее императорского вели-

чества с сердечным истинным моим раскаянием в сем поступке, достойном жесточайшего наказания, никакого помилования не дерзаю я даже ожидать от прогневанной столь справедливо милосердой моей монархини; да будет ее воля со мною, но дерзаю от милосердия ее, проливая слезы раскаяния и горести, дерзаю единой капли милосердия ее испрашивать для троих бедных младенцев, детей моих, и для брата, который по любви ко мне вступил и в масонство и в члены Типографической компании и в делах не имел никакого участия. Со мною же да будет воля ее императорского величества! я всякое наказание сим поступком заслужил и достоин оно. Господи, ты зришь проливаемые мною слезы, умигчи гнев прогневанной мною монархини, да капнет единая капля от милосердия ее на бедных детей и брата моего.

По сему пункту ни мыслить, ни писать без внутреннего содрогания, искреннего и сердечного раскаяния и трепета не могу, даже и за перо взяться; свидетель живой бог сему, одна мысль о сем меня грызет и съедает, проливаю пред богом спасителем моим и пред ее императорским величеством слезы раскаяния и страдания; но что ж — могу ли возвратить и сделать, чтобы не было сделано то, что сделано? Бог видит, что я сделал это не как умышленный злодей, но пред ее императорским величеством предстою я как действительный злодей; искреннее и сердечное мое раскаяние и пролитие слез на всю жизнь мою остались мне единым утешением; да будет со мною воля ее императорского величества! умилосердися токмо, милосердая монархиня, над бедными сиротами детьми моими и братом и помилуй их! В дополнение и объяснение показанного уже мною, не по укрывательству, но истинно что и как упомянул, и теперь что и как могу упомянуть, искренно, без всякого укрывательства, скажу об известной бумаге. Прочитавши оную, должен был о том донести, но я не исполнил сего; в чем я преступник, повергаю себя к стопам ее императорского величества! испугался, прочитав написанное, и истинно не поверил, зная того человека, который писал оную; но подумал, что хотя часть малая справедлива, о милостивых отзывах и милостивом принятии книг поданных, то радовался и надеялся милостивого покровительства и заступления; другого же никакого подвига при сем истинно, как пред богом, говорю, не было. Прежнее намерение Шварцево по письму принца Гессен-Кассельского у меня и из головы вышло, и я об нем и вспомнил только уже здесь, когда показано оно мне было, что поистине, как пред богом, говорю, чтобы думать тогда о введении той *особы* в орден, я бы и помыслить сего не осмелился и почитал бы то невозможным исполнению; но единственно надеялся только и ожидал милостивого покровительства и заступления. Показал сию бумагу князю Трубецкому, потому

что советовались о посылке книг, то он просил, чтобы ему верно дать знать по возвращении Баженова, как приняты будут книги тою *особою* и что будет говорено; другим же, о которых говорено, подлинно ли показана бумага или только сказано, и мною ли или князем Трубецким, и скоро ли, верно того не помню; боюсь оклеветать кого напрасно, ибо и сам на память свою не надеюсь, но воспоминается теперь писав, что едва ли и князь Епигалычев не знал о том, ибо он тогда был очень дружен с бароном Шредером и князем Трубецким. Оставалась ли сия писанная Баженовым бумага у князя Трубецкого или нет, о том верно не помню. Для чего не отдал я князю Трубецкому самой сей бумаги, а отдал написанную мною, сего как ни старался вспомнить, не мог, а помню, что сделал я это из осторожности. Переписывая, я сократил ее и привел в literalный порядок; но как сокращал и что выпускал, не помню; и самой сей бумаги, что писано, не помню. Но сколько могу вспомнить теперь, то кажется мне, что я, отдавая кн. Трубецкому сию бумагу, не знал тогда, что из нее такое употребление будет сделано, что выписка будет дана барону и он по ней будет писать в Берлин, или возьмет с собою; ибо я верно не помню, послал ли князь Трубецкой опую к барону или отдал ему ее; потому что не могу совсем припомнить, в Москве ли тогда был барон или в Берлине; но думал, сколько могу припомнить, что он хочет кому показать ее без меня, чтобы я не знал о том. Узнал же я от него о том, что сделана выписка, переведена и отдана или послана барону, уже после; но по простествии какого времени, совсем не помню. Знал ли о сей бумаге князь Репшин или нет, сего совершенно не знаю и говорю сие по сущей справедливости, как пред богом. Оставлена сия бумага у меня истинно с тем только, чтобы не отдать ее Баженову назад, чтобы он не стал кому-нибудь показывать оную, и спрятана она была в бумагах моих, и с того времени она у меня и в руках не была; по простествии сколького времени не помню, в деревне я искал ее, чтоб сжечь, но не нашел, и помнится, что и у князя спрашивал Трубецкого об его списке, то сколько могу припомнить, кажется, что он мне сказал, что сжег. Другого же намерения, паче же злого, свидетельствую я самим богом, не было ни у меня, и ни у кого из нас, о том же, о чем упомянуто было, что не было ли у нас намерения печатать, я без внутреннего ужаса и выслушать не мог и в сем самого живого бога призываю во свидетеля, да накажет он меня, ежели хотя в мысли сие когда-нибудь входило; и в сем пункте за всех, о коих показано, что знали о сей бумаге, равно как и за себя ответствен. Книги посланы были: 1) Арндта «О истинном христианстве», 2) помнится, послана же «Библиотека избранная для христианского чтения», 3) извлечение краткое из сочинений Фомы Кемпийского, и

4) на немецком языке «О таинстве креста», кажется, послана была; кроме же сих книг совершенно не помню. О упомянутом в известной бумаге мужике я его спрашивал, и он мне сказал что-то, только вспомнить совсем не могу.

Возражение. Как он по сему пункту вопрошаем был двоекратно по причине несогласного с существом самого дела показания, как о том значит особая при сем записка; в сем пункте сам он признает себя преступником.

22. *Вопрос.* В бумагах твоих взяты писанные твоею рукою под № 12 из ответа великого приората⁹ извлечения на представление Сапердосово¹⁰, для чего ты оное писал, какое ты имел побуждение оное писать, так, как и означенных в тех в тетрадях персонах объяснить, по каким обстоятельствам они в те тетради внесены?

Ответ. Имя кн. Репнина внесено было в сей ответ по представлению же баронову; здесь скажу все, что о знакомстве кн. Репнина знаю. Офицер Гине, на которого сестре женат сын Татищева, приехал в Москву, помнится, в начале 1785 года и познакомился с кн. Трубецким, с бароном и со мною, помнится, по письмам от Поздеева. Он весьма хвалил кн. Репнина и рассказывал, что в нем сделалась великая перемена. Барон этого Гине полюбил, и он жил с ним; после того князь приехал в Москву, и Гине их познакомил, и барон с ним видался. Сколько продолжалось его с князем знакомство, не помню, но кажется, что до самого отъезда. Я слыхал от кн. Трубецкого, по словам барономым, великие об нем похвалы. По отъезде барономом в Берлин продолжали с князем знакомство Поздеев и Гине по его препоручению. А по возвращении барономом из Берлина, во время которой бытности своей писал он упоминаемое представление в Берлин, в 1786 году в конце виделся он с кн. Репниным один раз, и после свидания сего слышал я от кн. Трубецкого, что барон Шредер князем Репниным недоволен и видаться с ним более не хочет, а хочет знакомство свое совсем прервать. Причину сего мне не сказали, а только что барон князем крайне недоволен, и барон больше с ним, кажется, и не видался. По отъезде барономом с Кутузовым в Берлин опять в 1787 году, кажется года через два или больше, не помню, виделся с князем Репниным кн. Трубецкой и советовал ему познакомиться покороче с Ив. Вл. Лопухиным; но сам ли он ему о том сказал или через Поздеева, сего не помню, и от того времени кн. Репнин состоит в знакомстве с Лопухиным.

По содержанию сего ответа, хотя и дозволено было кн. Репнину принять в орден, но он, барон, по неудовольствию своему на него или по другим каким причинам только не исполнил этого, а по отъезде его и нельзя уже было исполнить сего и доныне по причине присланного с бароном запрещения с наступления 1787 года прервать всякие собрания и принятий никаких не делать, хотя же и позволено кого принять, до того времени,

покуда прислано будет опять позволение, а сего позволения еще нет, и оно в Берлине Кутузов и дожидается. И потому я уверен, кн. Репнин еще не принят.

По последнем этом отъезде барона Шредера кн. Трубецкой этот ответ перевел с немецкого языка и дал мне списать для себя; конца же сего ответа не дал, почему так и остался недоконченным.

Дополнение. В дополнение сказанного о кн. Репнине: что он принят только в теоретический градус; но кем принят, бароном ли во время его знакомства или после сего, верно не помню. Право же главного надзирателя дал ему Ив. Вл. Лопухин. В сем градусе и ныне он состоит. В орден же он не принят, хотя и позволение было его принять, по сказанной там причине. А что князь Репнин действительно и по сие время не принят, то сие и список, данный мне Ив. Вл. Лопухиным, во взятых у меня бумагах доказывает, потому что кн. Репнин в том списке показан только в теоретическом градусе, с правом главного надзирателя.

О том, что у нас связь с берлинскими братьями, и что переписка с ними есть, и что Кутузов там живет, кажется должен знать кн. Репнин, ежели еще не от Шредера, то от Ив. Вл. Лопухина; однакож верно сего не знаю. По сему 22 пункту моего показания, равно и в сем дополнении употребляемые мною слова: не знаю, не помню, помнится, не из укрывательства, но истинно в прямом смысле и без всякого обмана и коварства.

Что касается до бумаги: ответ приората на представление Сацердосово, то поистине показание мое справедливо и не ложно о том, что бумага сия или ответ писан не ко мне, но к барону Шредеру. Ежели же бы ко мне, то и представление было бы от меня, а не от барона, чего во всем том ответе нет, и мое имя Коловон¹¹ даже нигде не упоминается. По переводе же сего ответа князем Трубецким дал он мне его списать не по праву, что я должен иметь у себя сей ответ, но по доверенности его ко мне.

Возражение. В сем пункте явно он себя обличает, что он преступил должность верноподданного, но, однакож, говорит, что-де к Шредеру писал кн. Трубецкой, а что-де на то Шредер писал, что-де Трубецкой письма не показывал; о сем, кажется, надобно спросить князя Трубецкого, а притом взять и подлинное Шредерово письмо.

23. *Вопрос.* В письмах ваших найдено сделанное вами положение, чтобы иметь тайную типографию, то и должны объяснить, для каких причин оную завели, где, кто оною управлял и что в оной печаталось?

Ответ. О типографии тайной показал я в ответе моем в 15 пункте искренно и верно, со всеми обстоятельствами. А здесь в пополнение того с искренностию доношу, что кроме книг, показанных в 15 пункте, в сей типографии ни одной строки печатано не было; и заведена была единственно для печатания сих книг, а управляли оною мы двое с Ив. Вл. Лопухиным. По взя-

тии же сих книг в деревню кн. Черкасского, как показал я в 15 пункте, чем печатание оных прервалось, и перевезены литеры и станы опять в прежнюю типографию.

Возражение. О тайной типографии и какие печатаны книги, в сем пункте ответа его сказано; из сего заключить можно, что они, может быть, и другие вредные печатали книги, о коих еще правительство доныне неизвестно.

24. *Вопрос.* Предлагал ты сборищу, чтобы составить комитет для переводу систем древних народов и для богослужения; а как в России богослужение и обряды уже установлены, то за сим никакое богослужение и обряды, а наче египетские и иудовские, кои не основаны на евангелии, терпимы быть не могут, то и сказать вам, на какой конец вы такие системы, кои развращают учение российской церкви, заводить заботились?

Ответ. Совсем не могу вспомнить, чтобы я такое предложение делал; помню я, что в Дружеском обществе предлагал я о том, чтоб из членов, которые могут, взяли на себя собрать хрестоматию для четырех языков: греческого, латинского, немецкого и французского; разве не предлагал ли еще о переводе книги о правах, обычаях, законах, богослужениях, науках и проч. всех древних народов; то ежели это мною предложение делано, так делано оно так, как о переводе исторической книги; сию же книгу не помню кто мне расхвалил; но и сего совсем не помню, где предлагал и как.

Возражение. Что о сделании комитета для переводу систем древних народов и богослужения, то он обличен данным его в сборище предложением.

25. *Вопрос.* Здесь в России, законами настрожайше запрещено не только иметь переписку вымышленными цифрами, запершись в комнате, но вы, закрывая ваши сборища от правительства, вымышляли цифирную азбуку и иероглифы; то объяснить вам, для чего вы такую переписку учредили, а как ваши сборища и деяния не могли быть позволены, то вы сие и скрывали, ибо как вы говорите, что делали те сборища для пользы общей, сии слова ваши есть ложны, потому что делать добро тайть пужды не пастояло, а как оно вредно, то вы и тайли.

Ответ. Азбуки, употребляющиеся по градусам, не нами вымышлены, но присланы из Берлина при градусам, и в них и находится, что в тех бумагах явно, и употребляли их только по находящемуся там предписанию; вообще при искании сих градусов мы худого намерения не имели, а в том, что употребление сих азбук законам противно, яко виновные, к монаршим стопам ее императорского величества повергаем себя, испрашивая милосердного прощения.

Возражение. Буде б не было в их сборищах вредного, то б таких вымыслов делать было не для чего; что ж он говорит, что не знал о запрещении иметь тайную переписку, но сим они извиняемы быть не могут потому, что все их сборища и деяния в противность законов, ибо они не хотели опым повиноваться, а повиновались повелениям великого мастера.

26. *Вопрос.* Кому гонение было, и кого подозревали, и кто сборища в Калюстровой системе, иллюминатов и мартинистов, и как вы о сем ведали, и почему?

Ответ. Помнится, что в 1786 году и в следующем почти, можно сказать, по всей Москве говорили и называли общество наше разными именами, но большая часть называли мартинистами, а почему, подлинно и теперь не знаю.

Возражение. Чтоб он не знал, почему их описанными именами в сем пункте называли, сие неправда; а он знать должен, но открыть о сем не хочет, а что они есть таковы, то обличают их собственные акты и печатание тайно развращенных книг.

27. *Вопрос.* Писателя «О заблуждении и истине» сам ты описал, что он не такой автор, которому верить должно, однако книги оного автора и по запрещении печатать велел, а из сего судить можно, что ты такую ложною нелепостию старался людей развратить, закружить головы из корысти, как судить можно, а после сего как можешь ты говорить, что печатал нравственные книги?

Ответ. Не могши вспомнить теперь, к кому и по каким обстоятельствам писал я об авторе книги «О заблуждениях и истине»¹², не могу иного сказать, как то, что я ныне об этом писателе так думаю; но что это писано мною, должно быть, несколько лет спустя по напечатании сей книги. Когда же печатали оную, тогда была она в уважении у всех. В дозволении продавать оную книгу по запрещении приносил я и ныне приношу повинность мою, повергая себя к монаршим стопам ее императорского величества, при печатании же оная не было намерения сделать оною книгою вред или развращение, но печатана была как новая книга, которую на французском языке, так можно сказать, все знающие сей язык в Москве покупали, так надеялись иметь от нее прибыли.

Возражение. Книга печатана истин заблуждении (sic!), как сам он говорит, из корысти, а посему как он может говорить, что-де книги они печатали нравственные, ибо сам он о сей книге говорил, что нельзя этому автору верить, а из сего судить должно, что они предпочитали корысть свою более, нежели охранить общество от развращенных мыслей.

28. *Вопрос.* Печатал ли ты книги, называемые таинственные, но в то же время запрещал печатать имя автора и переводчиков их, то о сем открыть тебе, для чего ты имена сии таить велел?

Ответ. Не могу припомнить, при каком бы случае и при какой книге я утаивал или приказывал утаивать имена авторов; но сколько могу помнить, печатаны были книги так, как оные приносились и отдаваемы были переводчиками и авторами.

Возражение. Что таинственные книги печатаны с повелением от него таким, чтоб имен авторов не печатать, сие найдено в его бумагах, а он сие скрывает, хотя закрыть сочинителя тех книг; из сего можно заключить, что оные книги, конечно, вредные и наполнены развращенными выражениями, однакож можно сведать от приказчика Кольчугина или от его товарищей.

29. *Вопрос.* В ответах своих говоришь ты, что-де в ложах происходило, то ты совсем мало знал; но вот ты обличаешься, ты был первый

подвижник в вашем сборище и сам писал все постановления оного, а потому и должен ты открыть, не утаивая ничего, а паче не отвращая на мертвого Шварца.

Ответ. В ответах моих, где показывал я, что совсем чего не знаю или о чем мало знал, говорил я без всякого укрывательства себя, как только и сколь мог упомянуть; что же ни я, ни другой кто из русских заводчиком или вымыслителем сего не был, но искали все вместе, сие по всем показаниям моим и по взятым у меня бумагам видно, а что во взятых у меня бумагах находятся многие переписанные моею рукою, то сие потому, что по предписанию ли или так было сказано на словах (сего верно не могу упомянуть), чтоб всякий начальник для употребления бумаг в своих собраниях с находящимися под его начальством членами переписывал все бумаги сам своею рукою, так и я должен был оные переписывать сам для употребления с находящимися тогда под моим начальством членами. На умершего же профессора Шварца не обращал я ничего с намерением закрывать себя, но точно так показывал, как происходило и сколько мог припомнить.

Возражение. В ответах, выше сего описанных, говорил он, что-де в ложах происходило, то будто б он совсем не знал или знал мало, а большею частию знал Шварц; но сие говорит он неправду, потому что вся связь их сборища писана рукою его, Новикова, не только однажды, да и дважды; а по сему видно, что он в сем сборище первый был подвижник.

30. *Вопрос.* Не устыдился ты, при всех тебе деланных внушениях и убеждениях о показании самой истины, в ответах твоих сие все презреть и показал между прочим, что будто ты имел с Шварцем холодность, но ты о сем сказал неправду; что Шварц был предан тебе, а ты ему, в сей сказанной тобою неправде обличаешься тем, что ты в ложах предлагал о даче Шварцевой жене за подвиги мужа ее награждений и о произведении ей и детям ее вечного пенсионера.

Ответ. В показании моем, где говорил я о бывшей между Шварцем и мною холодности, говорил я не вымысленно, но сказал только, как действительно было: о чем и все те, которые были с ним в короткой связи, знают. Что же профессор Шварц всеми в короткой связи с ним бывшими был любим и уважаем, того я нигде не отрицал. Что же предлагал я, не помню только где, в ложе или в Дружеском обществе: о даче оставшейся жене его с двоими детьми пенсионера, то сие подлинно было так, потому что она осталась после его без всякого пропитания.

Возражение. В ответе говорил, что будто б между Шварцем у него происходила холодность и будто б Шварц многое от него скрывал; но из бумаг его видно: первое, говорил он и товарищи его такие похвальные при погребении его речи, кои достойны б были самому великому в государстве мужу по сделанным заслугам отечеству; второе, подал в сборище предложение о даче жене Шварцевой награждения, а потом и о вечном ей и детям пенсионе.

31. *Вопрос.* Сходно ли с установленною государю присягою делать в вашем сборище присягу в том, чтобы пред начальником никакой тайны не умалчивать. Сие инаково полагать нельзя, как вы обязывали сею

присягою таких людей, кои находятся в службе государевой, то и открыть вам, для каких видов сию клятву налагали?

Ответ. Не могу вспомнить точных слов сего пункта, но сколько могу припомнить, то кажется, что сказано там не в неограниченном, но в ограниченном смысле: «ни о какой тайне не умалчивать». С прибавлением слов: «относящейся до него или относящейся до ордена». В противном случае никто бы не стал оной делать. И по сему пункту делающий оную не только о государевых делах, но ниже о своих собственных домашних делах не обязывается открывать. Я не могу упомянуть, в какой пиесе, но верно знаю, что есть изъяснение как сего, так и других пунктов, в котором ясно сие истолковано. Да помнится же мне, но верно сказать не могу, едва ли и сверх сего объяснения не было о сем точно пункте писано, что он кажется здешним членам не довольно еще ясным, так чтобы дали оному ограниченный смысл или же при поездке бароной о сем поручено изъясниться, только всегда после того сказывали изъяснение в отрицательном смысле, к чему по сему пункту не обязывается.

Возражение. Теперь к закрытию своего преступления другого говорить нечего, как дать свои толкования, то есть различить ограниченный и неограниченный смысл, но в самом деле должно принять деланную ими присягу в том смысле, как сказано в вопросном пункте, ибо в России никакая присяга без власти правительства употребляема быть не должна.

32. *Вопрос.* Военская ложка, где и когда и кем заведена и кто в оной начальники?

Ответ. Особой военной ложки нигде, никогда и никем заводимо не бывало и нет между нами, ниже в намерении у нас нету и никогда не бывало, в чем живым богом дерзаю свидетельствоваться! и я ни от кого из наших ниже малейше похожего на сие ничего не слыхивал. А известно мне только то, что по английскому еще масонству в прежнюю войну была в армии ложка его превосходительства Петра Иван. Мелисино и не был ли еще и ложки кн. Гагарина, но о сей верно не помню; была ли же в нынешнюю прошедшую войну в армии ложка, о сем ни от кого не слыхивал и не знаю.

Возражение. В ответе сказал, что у них военной ложки нет, а была такая ложка в прошедшую турецкую войну у Петра Иван. Мелисино и не было ли еще у князя Гагарина; в нынешнюю ж прошедшую турецкую войну была ли та ложка, не знает; о сем сведать можно от Мелисино и кн. Гагарина, и то только для того, чтоб узнать военной ложки акты, ибо если в оных такие ж правила есть, какие князю Репнину при вступлении в орден предписаны, то едва ли удобны для воина.

33. *Вопрос.* Университет учрежден от правительства для общей государству пользы, а вы завели в оном ложу, назвав ее университетскою; на сие объяснить вам, кто сию ложу учредил, когда, кто оной начальники и с ведома ль командиров университета?

Ответ. Собственно в университете или университетском доме ложка заводима никогда не была, сколько мне известно, а была

ложка под зависимостью кн. Трубецкого, о которой в моих показаниях сказано и в особом месте о ложах и членах упомянуто же, в которой был мастером ложки Страхов. Прозвана же она была университетскою потому, что из университетских, сколько их было, то почти все в ней были, но были и другие. Я не думаю, чтобы заведение сей ложки кн. Трубецким сделано было с ведома начальников университета, но верно не знаю.

Возражение. Университетская ложка существовала, сие найдено в бумагах Новикова, чего и он не отрицает, а сказал, что-де она заведена не в доме университета, но особо и была зависима от кн. Трубецкого, а мастером был Страхов; университетскою ж ложкою названа она потому, что из университетских сколько их было, то почти все в ней были; из сего довольно видно, сколько заботились начальники университета, чтобы их сборища были числом людей умножены, забыв при том те правила, для какой государственной пользы университет был учрежден.

34. *Вопрос.* В Могилеве кем и когда ложка заведена, и кто в том сборище начальники, и сколько всех, как вы называете, братиев?

Ответ. В Могилеве, сколько мне известно, заведена была ложка сначала профессором Шварцем, о чем находится в показании моем на третий пункт; по выезде его из Могилева как она продолжалась, не знаю; но ведаю, что чрез него, Шварца, она опять возобновилась, и помнится, по возвращении его из поездки в Берлин; но как и когда, верно не помню. В сей ложке по выезде из Могилева, кажется, выбран был Андрей Иванович Веревкин мастером ложки. Членов в ней, сколько могу упомянуть, едва ли больше десяти было, и кажется мне, что она уничтожилась тогда же, как все московские ложки уничтожились, наверно сказать не могу, и о сем показано мною на особом листе о ложах и членах.

Возражение. О Могилевской ложке писано на особом листе.

35. *Вопрос.* Российских лож архив у кого в доме хранится?

Ответ. Общего архива всех лож российских не было никогда, но всякий начальствующий имел у себя. Начали было при профессоре Шварце заводить по его желанию, и было несколько собрано, которые и находились в том же доме, в котором собирались ложки, но с того времени как г. обер-полицмейстер осматривал ложку и ложки уничтожились, я совсем не ведаю, где сии бумаги, а должен знать Ив. Вл. Лопухин, потому что сие ему поручено было еще при профессоре Шварце.

Возражение. Чтобы архивы у них не было, тому верить нельзя, но как Новиков говорит, что нет, а нужно сведать от Лопухина, взяв его бумаги, буде он до сего времени их не прибрал.

36. *Вопрос.* Из положений ваших видно, чтобы в вашем сборище делать золото; то и открыть вам, кто в оном ремесле употреблены были, делано ли золото; буде сделано, то сколько всего и куда употребляли или же сыскан ли химиками вашими философический камень и кто также и о сем заботился?

Ответ. О делании золота, искании камня философского и прочих химических практических работах предписанных во взятых бумагах; хотя и находится там, но как из нас не было никого еще, кто бы практическое откровение сих работ знал, то посему все предписания и оставались без всякого исполнения. Пред отъездом же Кутузова в Берлин сказано было, о чем в показаниях моих, не упомяну в которых местах, упомянуто, что Кутузов в Берлине будет научен и наставлен между прочим и в практических химических работах; но исполнилось ли сие обещание или нет, не знаю, а слышал от кн. Трубецкого, что Кутузов писал к нему, что он упражнялся в практических работах.

Возражение. О делании золота и философического камня должно спросить князя Трубецкого, ибо он переписку вел с Кутузовым и Шредером, да и над сборищами главный начальник.

37. *Вопрос.* Из повеления, писанного тобою, значит, что в вашем сборище есть иллюминаты, а вы предписывали, чтобы их не обличать, то показать вам, кто они таковы были, у вас ли ныне или выбыли, то куда и куда, а вы же уверяете, что они в сборище вашем нетерпимы.

Ответ. Какое сие писанное мною повеление, означающее, что между нами находились иллюминаты, и о предписании моем не обличать их, сколько, так сказать, не ломал я голову вспоминая, но не только что вспомнить, ниже в понятие мое могу сие вместить, как это могло случиться. Ибо я уверен, и сие смею сказать пред самим богом, что между нами иллюминатов не было и нет, разве мы все из русских членов до одного обманули, но сему быть невозможно по всем с нами происшествиям и чистым предписаниям об осторожности противу иллюминатов с великою строгостию и по всем берлинских братьев отзываю об иллюминатах даже с омерзением, и не могу я думать о таком гнусном, коварном и преступном обмане. И ежели бы они сие с нами сделали, то было бы сие наигнуснейшим коварным и преступническим злодеянием, вопиющим к богу об отмщении за такое злодеяние. Но о таком злодеянии и коварном обмане нас с их стороны по всему тому, что мне уже известно, я ниже помыслить не могу. Показание же мое о нетерпимости иллюминатов орденом есть справедливо. Может быть, оно неверно только в том, что все ли я это слышал вдруг от Шварца или заимствовалося в памяти моей и из последовавших за тем предписаний об иллюминатах, сего верно сказать и в памяти моей по чрезмерной слабости, в которой нахожусь, разделить не могу; но я верно сказал все, что только мог упомянуть, и теперь еще утверждаю и сам в том уверен, что иллюминаты в ордене золотого розового креста совершенно не терпимы и нет их в оном: и в истине сего моего уверения или уверенности в том дерзаю призывать всесвятшего живого бога во свидетели. Сколько мне известно, то даже по малейшим подозрениям в знакомстве или какой связи с иллю-

миналами которого-нибудь члена ордена, уверившись в том, тотчас из ордена исключают.

Возражение. Хотя он о нетерпимости иллюминатов в их собраниях и уверяет, по повелению, его писанное рукою, точно говорит, чтоб их терпеть и не обличать, а посему можно ли уже верить, чтоб у них в собраниях иллюминатов не было, буде они и сами не те же.

38. *Вопрос.* Называемые вами мистические книги, о коих из бумаг ваших видно, вы говорите, что они писаны духом спасителевым, посему изъяснить вам, чьего они сочинения, сколько их и под каким названием они печатались, и где они ныне есть, и не те ли самые, кои вам печатать запрещены, и кто их цензоровал?

Ответ. Под именем мистических книг известны были между нами те книги, кои учеными в класс мистических книг помещены, те или другие по произволению сим названием именованы были; что же бы в бумагах наших находилось изречение о каких-нибудь книгах, что писаны они были спасителем, сего я никак вспомнить не могу, в каких бы наших бумагах изречение могло находиться, по какому поводу и кем бы написано это было, да я и не слыхивал ни от кого ни о каких книгах такового изречения; и потому, не видя сам, не могу и изъяснения никакого сделать на оное. У нас из всех напечатанных книг я не помню ни об одной, о которой бы не только чтобы было написано, ниже чтобы говорено было, что писано спасителем. И кто ж бы посмел сказывать такую ложь и кто бы поверил оной? в числе запрещенных книг в первый и в другой раз также не могу я припомнить, о которой бы из них хотя похожее что могло быть говорено, а тем меньше еще писано; кто же которую из запрещенных книг цензуровал, упомянуть совсем не могу.

Возражение. Называемые мистические книги, о которых он говорит, что не знает, и таких книг, чтоб они писаны спасителем, нет, но как показаны ему его рукою писанные слова, что сии книги писаны духом спасителя, то он сказал, что-де я совсем о сем забыл, и из запрещенных ли эти книги, и кто их цензоровал, не помнит. Сии книги, надобно думать, таковы, какие терпимы быть не могут, то и нужно сведать об оных от его товарищей.

39. *Вопрос.* Из бумаг ваших есть одна, писанная кн. Трубецким, в коей он страшный ужас описывал при приступе во время вашего собрания в ложу, то и объяснить, какая его столь ужасная должность и звание, что он с таким ужасом делал?

Ответ. Не видав и не зная, о кой бумаге в этом пункте говорится, и не могши ничего припомнить, не могу ничего ответить на сей пункт.

Возражение. Писанная бумага рукою кн. Трубецкого после ответа показана, и Новиков, смотря оную, сказал, при каком-де обстоятельстве Трубецкой делал написанные в бумаге клятвы, не помнит.

40. *Вопрос.* Алекс. Андр. Ржевский был в здешней ложе префектором¹³, а ныне что он у вас значит?

Ответ. Что Алексей Андреевич Ржевский с нами при жизни Шварцевой был и другие в связи, то показано мною на особом листе о ложах и членах, сколько мог припомнить; но чем он был, как сия связь сделана и долго ли продолжалась, совсем не помню. В переписке с ними был кн. Трубецкой; сколько же мне известно и помнить могу, то сия связь прервалась уже давно, а кажется, что не с того ли времени, как наши московские ложи уничтожились, однакож, верно о сем сказать не могу.

Возражение. О Ржевском писано на особом листе о ложах.

41. *Вопрос.* Кто Локуль; он пишет, что получил письма из французской провинции¹⁴, сие также есть сборище, в котором благодарят за ваши книги, о сем изъяснить и какие вы книги послали?

Ответ. Кто Локуль, к кому писал и о каких письмах пишет совсем ничего не могу припомнить.

Возражение. Локуль письмо писал к Новикову, в котором пишет, что получил письмо от общества, из орденской провинции французской, в котором благодарит за наши книги, которыми они пользуются; а как сие показано, то он сказал, не помню, что это за Локуль, и не знаю, какие во Францию посланы нами книги.

42. *Вопрос.* На кого вы жаловались герцогу, что сборище ваше озловлено и потом заставили злословцев молчать; о сем изъяснить, кто вас злословил и чем и кто их заставил молчать?

Ответ. О переписке с герцогом Брауншвейгским, что знал и сколько мог упомянуть, в показаниях моих написал я со всякою искренностию и без всякого укрывательства, и что по прервании оной в 1782 году, помнится, никакой у нас переписки, мне известной, ни с ним, ниже с другим каким принцем не было совсем, и я ни о какой не знаю совершенно; а посему и не знаю я совсем, о какой писанной к герцогу жалобе в сем пункте упоминается.

Возражение. О переписке с герцогом хотя выше сего в ответе и говорил, но не с такою точностию, как он бумагами его обличался, но после сего вопроса показана была писанная его рукою, из которой ясно видно, что их сборище жалобу приносили, можно утвердительно сказать, на Россию; но он, смотря на сию бумагу, сказал, что жалобу приносилъ, он не помнит.

43. *Вопрос.* Писали вы челобитную к герцогу, то сказать, как вы осмелились писать о зависимости от него, миновав своего государя, и как из писем ваших видно, вы знали, что и шведское масонство государыне неугодно.

Ответ. Обо всей связи, сделавшейся у нас с герцогом Брауншвейгским, без всякого намерения нашего к тому, как оное произошло, сколько продолжалось и когда кончилось, показал я со всею искренностию и без всякого укрывательства, что только узнал и мог припомнить, в ответах моих на 3-й пункт и других местах. Что же связь сия сделана с герцогом Брауншвейгским, то по тому показанию видно, что сие сделалось совсем без наме-

рения нашего и без желания к тому, а что начато нами искание масонства у иностранных, о том также в тех ответах мною показано; и тогда мы о неугодности шведского масонства ее императорскому величеству совсем не знали, да и после о том только по общим слухам знали, когда же у нас связь сия совсем была прервана, но обо всем этом говорю я, как только могу припомнить, как же о сей неугодности находится в моих письмах, по какому случаю и к кому писано, совсем не могу припомнить.

Возражение. О челобитной, писанной к герцогу, ссылается на 3 пункт своего ответа, который также, сказать можно, описал не с совершенною точностию, а о неугодности всемилостивейшей государыне о шведской ложе только по слухам.

44. *Вопрос.* Какие вы из книгохранилищ церковных и монастырских брали книги, чрез кого, и кто вам в том помогал, и у кого книги хранились?

Ответ. Чтобы из каких книгопродавельниц церковных и монастырских кто из нас брал книги, сколько ни старался, но не могу припомнить и не знаю, у кого бы из нас могли быть такие взятые из тех книгопродавельниц книги.

45. *Вопрос.* По сему видно, что вы читали священные книги, то и могли видеть установленные обряды нашей святой церкви, по которым святые мужи поступали святостию и чудесами, вы все то знали; как же решились сделать свои храмы, алтари и жертвенники, священнослужительские употребляли должности, говоря и делая святая святых, так, как и миропомазание.

Ответ. О почтении и преданности нашей к таинствам, обрядам и священнослужению, нашею святою православною церковью установленным и отправляемым, могут свидетельствовать отцы наши духовные и другие из духовных, которые кого знают; а посему и не могли мы тех церемоний и вещей, которые по градусам находятся, принимать в сравнительном смысле с находящимися во святой православной нашей церкви. Привыкши с первого масонского градуса все находящиеся там вещи и церемонии принимать в аллегорическом и иероглифическом смысле, и в последующих градусах смотрели мы на все сии церемонии совсем с другой стороны. А что в таком смысле, как во святой нашей православной церкви употребляются, не было у нас ни храмов, ни алтарей и проч., как то в моих ответах я показывал, и ныне утверждаю, что у нас не было; и что мы с этой стороны и в таком, находящиеся в полученных нами градусах церемоний и вещей ни сами не принимали, ни другим не преподавали.

Возражение. Сей вопрос сделан был точно из их положений, во многих местах писанных и так называемых, а в ответе говорит, что-де самую вещь ничего такого в ложах не было, а говорено было о всем том в аллегорическом и иероглифическом смысле, и на все-де сии церемонии в последующих градусах совсем с другой стороны смотрено. Сии их поступки не явно ль, обличают, буде б и подлинно так было, как он говорит, их бездельничество и обманы, прельщающие людей, попавшихся в их сети.

46. *Вопрос.* Объяснить о сей бумаге, кем писана, обещанное к вам доставлено ль и в чем состоит. Пишет к тебе Веревкин, чтобы ты прислал к нему для переводу книги самые трудные и большие, платя на единое пропитание по-тетрадно, говоря, не давливайте уже задавленного, и чтобы о сей работе никто не знал. О сем объяснить, какие он книги для вас переводил, по какой связи оное сношение имел с тобою и кто его давил?

Ответ. От Веревкина получил я два письма нынешнею весною, во время болезни моей, но не отвечествовал ему по причине оной. Сколько могу упомнить, предлагал он, чтобы его переводы брали мы печатать, и о каких-то предлагал, что они у него или уже готовы, или переводятся, не помню, а в другом, кажется, говорил он упоминаемое в сем пункте. Связь с чим была следующая: переводы его еще и до взятъя мною в содержание университетской типографии печатаны были в оной, и книгопродавец университетский по напечатании покупал у него оные. Печатались книги его перевода по сообщению кабинета ее императорского величества на счет оного; по взятию мною типографии прислан был ко мне из университета для печатания перевод его, история о странствиях, а по окончании чего история о мореплавании и потом китайские записки ¹⁵. И знакомство наше по сим только переводам и было. По напечатании первой книги он сделал мне предложение на таком основании: покупать у него напечатанные книги, как покупал у него прежде книгопродавец. Мы согласились, который счет между нами продолжался; но как он всегда выпрашивал вперед то деньгами, то книгами, так что накопилось на нем, ежели не ошибаюсь, кажется, около 2000. Видя, что этому конца не будет, я ему решительно сказал или написал, не помню, что я давать ему не буду ничего, пока счет не очистится; он же после того, не сказавши ничего, по просьбе перевел печатание переводов своих в типографию горного училища, а после узнал я из сих его писем, что печатал он и в академической типографии; но как по письму же его видно было, приказано было печатание переводов его остановить, то он и делал сие предложение о новых своих переводах, не говоря ни слова о прежнем своем счете, по которому остался должен, а чтоб и я об нем не вспоминал, то кажется, для сего и наполнено письмо его сими выражениями; ибо и прежде, когда выпрашивал чего, то всегда не щадил он подобных сему выражений и в письмах и на словах, и, бывало, по трем или больше отказам он все-таки не перестает просить, покуда доукую, не щадя божбы, уверений и проч., не получит. Ответствовать я ему истинно хотел, чтобы он очистил прежде старый счет, и тогда будем после говорить о новом, чтобы только отвязаться. Других же переводов, кроме вышепоказанных, печатано не было, и связей, кроме сих, с ним никаких не было.

Возражение. Нет, кажется, нужды делать примечания, а разве сче-
дать, кто Веревкина давит.

47. *Вопрос.* Изъясните о бумаге, писанной кн. Трубецким, от кого
оное письмо, к кому и когда, о каких сокровищах писано в той бумаге,
что вы ожидали или уже и получили оные?

Ответ. Бумага, писанная кн. Трубецким, есть выписка из
письма барона Шредера к кн. Трубецкому, писанного из Бер-
лина или в конце 1783, или в начале 1784 года. По сей бумаге
вспомнил я, что первая баронова поездка в Берлин была еще во
время болезни профессора Шварца, в которое время и я не-
сколько месяцев был болен тяжкою болезнью. В чем состояли
сии обещания, о которых в сей выписке упоминается, и испол-
нены ли они или нет, я по сие время не знаю и говорю не из
укрывательства, но подлинно не знаю.

Возражение. О сей бумаге, которая у него в бумагах найдена, отго-
варивается незнанием; но как она писана кн. Трубецким, то надлежит
изъяснение и подлинную бумагу взять от кн. Труб[ецкого].

48—49. *Вопрос.* О скором обогащении к кому писал Трубецкой и о
ком, кто наложил на Сацердоса суспенсию, за что и когда?

Ответ. О скором обогащении кн. Трубецкой писал однажды
ко мне и обо мне, и сие было еще до составления уже действи-
тельной Типографической компании. Произошло же сие по
неудовольствиям на меня барона Шредера. Но о сем ли письме
здесь упоминается, не знаю, но я другого, кроме сего, подобно-
го не помню.

Возражение. Довольно видно, что Новиков и товарищами своими в
корыстолюбии был замечен.

Ответ. На Сацердоса, или барона Шредера, наложена суспен-
ция в Берлине, пред последним его в Берлин отъезде с Кутузо-
вым, и запрещено было всем нашим членам об орденских делах
с ним ничего не говорить, потому что он оказался подозритель-
ным не токмо в знакомстве или переписке. О сем услышал я от
него же, что Кутузов уже писал, что барон Шредер с нами и у
нас уже не будет, что он оказался в подозрительных связях и
что ежели он кому предлагал о каком знакомстве или перепис-
ке, то чтобы сему, как подозрительному, не верить и потом уве-
домить. Сие говорю я, сколько могу собрать в памяти о сем.
А в один раз это слышал или в разные, сего верно упомянуть не
могу. И едва ли сие оказавшееся на барона подозрение не глав-
ною было причиною, что требовали присылки одного из русских.
О чем в показаниях моих упомянуто.

Возражение. Сей пункт должен разрешить к. Труб[ецкой], а не мень-
ше Кутузов; ибо Новикова на Шредера показанию, по письмам, писан-
ным от Шредера князю Трубецкому, верить по явной ссоре не можно.

50. *Вопрос.* С Филусом¹⁶ произошла у вас ссора, за что — изъясните.

Ответ. С Попухиным ссоры у нас не было; но вообще у всех, которые в управлении были, призошла некоторая холодность ко мне и к Гамалею; все подозревали нас в холодности обоих, в нехотении упражняться в упражнениях ордена и тому подобное. Но мы оба действительно отходили, недовольны были, что Кутузов долго живет [в Берлине], и ожидали возвращения его; другой же у нас ссоры с ним не было никакой.

Возражение. Сей ответ кажется невероятным только в том, что будто б Новиков не хотел упражняться в орденских делах; но по письмам его видны в сборище большие подвиги, но сие должен разрешить его товарищ.

51. *Вопрос.* Известно, что Походяшин один дал тебе 50 000 р. без всякого обязательства, то должен ты открыть, как и чем его уловил?

Ответ. О первом знакомлении моем с Походяшиным я уже показал в ответах моих. Знакомство сие продолжалось и делалось теснее; может быть, сходство нравов, взаимная услужливость и откровенность произвели между нами тесную дружбу. Обольщений никаких, истинно говорю, как перед богом, я никаких ему не делал. Принят он не мною и был не у меня под начальством. Об ордене и обо всем к тому относительно во все время не говорил я с ним ни слова и думаю, что он и не знает; по крайней мере от меня он не знает, и я от него не слыхал ни слова, которое бы заставило меня догадываться, что он от кого-нибудь знает; об известной бумаге¹⁷ также от меня не знает он ни слова, да и уверен, что и от других о сем он совершенно не знает, потому что я о сем от него никогда не слыхал ни слова же; обещаний никаких я ему истинно не делал, да и какие мог я ему сделать? деньги получил я от него не вдруг, и то началось только по особенному случаю в 1787 году¹⁸, до сего же случая я от него не получил, но о сем со всею подробностью и искренностью, ежели приказано будет, напишу особо, дабы сие не малым письмом не задержать сих пунктов, потому что сие имеет связь с делами Типографической компании, также с подмосковною деревнею и со всем в ней экономическим заведением.

Возражение. Сей ответ не требует большого изъяснения, потому что довольно видно, что Походяшин им коварно обольщен и обманут; ибо 50 000 руб. такому, каков есть Новиков, поверить, да еще и без всякого обязательства, никак кажется невозможно.

52. *Вопрос.* Надворный советник Кочубеев, который был в Тайной экспедиции секретарем в Москве, на какой конец вы его взяли к себе в сборище и кем он рекомендован, а как он не ученый, да и не дальнего разума, то другого заключения сделать нельзя, как что он по вашему праву делал вам уведомления о порученных ему от главнокомандующего делах, кто еще из сей экспедиции в вашем сборище?

Ответ. Надворный советник Кочубеев принят был в масоны или только уже как масон введен в члены ложи Семена Ивано-

вича Гамалея, сего верно не упомяну. Принят же он им не помню в котором году, только при главнокомандующем гр. Захаре Григорьевиче. Искания с нашей стороны или намерения какого при сем, истинно говорю, как пред богом, никакого не было; но подумали, что ему приказано это сделать от главнокомандующего, дабы ведать, что в наших ложах происходило. В сем мнении я тем больше удостоверился, что покуда жил я в Никольском доме, то он весьма часто ко мне прихаживал, а наипаче при главнокомандовании графа Брюса и его высокопревосходительства Петра Дмитриевича Еропкина почти всякий день был у меня. По сей самой тогда догадке решились ввести его во все градусы, которые давать от нас зависело, чтоб он все видел и знал. Во все время бытности его у нас членом по крайней мере за себя я верно отвечаю, что никогда ни одним словом ни я у него ни о чем ни спрашивал, ни он мне ни одного слова ничего и никогда о поручаемых ему делах не сказывал, и я от него никогда и ничего не слыхивал. Да и о других в сем уверен я, что никогда его не спрашивали и он ничего никому не сказывал, и намерение чрез его выведывать о поручаемых ему делах или посредством введения его к нам в члены употреблять его к каким-нибудь нашим видам или намерениям истинно не было никакого и не имели: в чем свидетельствуюсь самим богом; другого же из этой экспедиции у нас никого не было и нет, и я никого в этой экспедиции, кроме его, не знал; и сколько мне известно, то и другие наши члены ни с кем, кроме его, знакомства не имели.

Возражение. Что Кочубеев принят в их сборище будто б потому, что ведено ему сделать от главнокомандующего для разведывания, что в их сборищах происходит, сие показание никак справедливым почесть невозможно, а ближе к самой истине то, что они пользоваться могли уведомлением о делах, производившихся по Тайной экспедиции, ибо он так сему сборищу верен, что писал многие набело того сборища акты.

53. *Вопрос.* Записка, писанная рукою Тургенева, откуда он также сведения имел и на какой конец ты ее у себя хранил?

Ответ. Записка, писанная моею рукою Тургеневу, есть выписка из письма, писанного Кутузовым к кн. Трубецкому из Берлина; не могу припомнить, в котором году. Сколько могу припомнить, то кажется так, что кн. Трубецкой, бывши у нас с Гамалеем, сказывал на словах, что Кутузов об этом пишет и хотел эту статью, выписавши, прислать. Мы спросили, пишет ли он, от кого об этом узнал: от Вельнера или от кого другого? Он отвечал, что об этом не пишет, и не помню, князь ли Трубецкой или Лопухин в то время был, сказал, что похоже[е] на это писано уже в иностранных газетах¹⁹. И что еще говорили при том, вспомнить не могу, только что он подтвердил, что выпишет точными его словами и пришлет; а мы его просили написать к Кутузову, чтобы он впредь в такие разговоры не входил и не писал бы. И верно, что Тургенев у него после был, и он велел ему

написать и с ним ли прислать или с другим, не помню. Как же она у меня осталась, совсем не знаю, а намерения при том не было никакого, и кажется мне, что она должна быть взята в Москве в покоях, где я жил, на бюро или ящике, где оставалась она забытою.

Возражение. Сия записка значит то, что Пруссия, Англия, Голландия и шведы согласились иметь с Россиею войну и отдать Курляндию и Лифляндию шведам; а как писано было о сем от Кутузова к Трубецкому, то можно у него оное письмо взять.

54. *Вопрос.* Кто французскую книгу «О народной гордости» переведил?

Ответ. Книга «О народной гордости»²⁰ нами никем не выписывана и в перевод не отдавана, а куплена у принесшего оную студента, не помню университетского или академического, по одной цензуре, которая была подписана московской управы благочиния полицмейстером, но которым, не помню. Но все сие показание делаю я как только могу припомнить. Помнится также мне и то, что переводчик этой книги или с кем-нибудь из знакомых приходил, или с кем-нибудь из наших корректоров. Сколько ни стараюсь вспомнить, только весьма темное и конфузное воспоминание имею. Теперь воспоминается, что кто-нибудь из знакомых по другим переводам студентов приносил ее вместо переводчика. Ежели бы это было в Москве, то бы я очень скоро нашел переводчика этой книги, но здесь, не имея никаких вспомогательных средств, совсем не могу вспомнить. Сие только верно, что я сей книги не читал, взята она и отдана в печать только по одной цензуре. И когда мне из сей мерзкой книги показаны и прочтены, то я ужаснулся, что такая книга у нас напечатана, здесь паки дерзаю призывать всевысшего бога во свидетели в том, что я сей книги до показания мне оной здесь не читал и совершенно не знал содержания ее; намерения к рассеванию столь мерзких понятий не имел; и что переводчика оной, сколько ни старался, не мог вспомнить теперь, что взята и отдана она в печать по одной только цензуре без всякого другого намерения и что показанные мне места, как пред самим живым богом говорю, совершенно противны и мерзки по моим собственным понятиям. Что же столь мерзкая книга у нас, хотя истинно говорю не зная и без намерения, напечатана и что хотя совершенно безвинно, однако был причиною к напечатанию оной, в том, не защищаясь цензурою, с истинным сердечным сокрушением и болезнию повергаю себя к монаршим ее императорского величества стопам, испрашивая милосердного милования.

Возражение. На сей пункт изъяснение не нужно, а объясняет самое зло та книга, о которой Новиков отговаривается незнанием. А как нужно знать о авторе или переводчике, то должно о сем сведать от товарищей Новикова, оная ж книга здесь продается в лавке.

55. *Вопрос.* Известно, что из московской епархии, из академии и других семинарий братья были в сборища ваши студенты; то открыть сколько их было, из оных есть ныне и в полах, вы же о сем умолчали; то сказать, где они при церквах, были ли они в масонстве, также и о попе Малиновском сказать, вашего ли он сборища?

Ответ. Что из Московской академии и из семинарии московской епархии студенты у нас были, о том в ответах моих показано, а кто куда выбыл, и сколько из них в полах, и где, упомянуть не могу; сколько же из тех студентов, которые у нас были, принято в масоны и кто, упомянуть не могу же; а должен знать Иван Вл. Лопухин, потому что сии студенты были под особенным его надзиранием. О попе Малиновском почти совершенно уверен, что он никогда в масоны принят не был, а что с нами никогда в масонской связи не бывал, ниже приниман был, то сие верно знаю.

Возражение. О сем надобно в пополнение сведать о полах у товарищей Новикова.

56. *Вопрос.* На особой бумаге.

Ответ. Братство розового креста существует в России, сколько мне открыто было и известно, как находившемуся в нижних только градусах. Цель состоит: в познании бога чрез познание природы и себя самого по стопам христианского правоучения.

На 1-е. Кто суть действительно из начальников упомянутые в сем чертеже, мне открыто не было, и я не знаю не только сих, но ниже того, который за моим первым или ближайшим, которого одного только и знать по введенному порядку в ордене я мог.

На 2-й. В России первое основание сему братству положил профессор Шварц, который и был начальником здесь. По смерти его определен был начальником барон Шредер, который и был во все время, а кто был бы определен по возвращении Кутузова, ежели барон действительно отрешен будет, сие мне было еще неизвестно. Главные здешние братья: двое князей Трубецких, Кутузов, я, Гамалей, Ив. Вл. Лопухин и Тургенев.

На 3-й. В магии и каббале и не могли из нас никто упражняться, как то по бумагам видно, находясь в нижних только еще градусах, и мне о сих науках, кроме названия их, неизвестно. А в химии должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохоте и потому, что ни первых оснований показать нам было еще некому.

На 4-е. О чертеже и обо всем в нем написанном ничего не знаю я сказать; потому что когда он был дан мне профессором Шварцем, то на просьбу мою, чтобы он мне дал понятие об нем и объяснил, он мне сказал, что сей чертеж расположен и писан каббалистически, и кто не упражнялся еще в нижних познаниях, тот не может принимать и разуметь вышних; так, как

невозможно изъяснить алгебру тому, кто не упражнялся еще даже в нижних правилах арифметики, что о сем чертеже и он не больше знает; а могут его разуметь только находящиеся в самых высших градусах. Что сей чертеж должен быть показан каждому члену один только раз при его принятии. Больше сего о сем чертеже открыто мне не было, и я не знаю, что значат написанные там слова: шесть великия дни дел.

Сверх вышепоказанных, приняты в братство следующие:

Михаил Матвеевич Херасков.

Князь Енгалычев.

Поздеев.

Френкель.

Князь Черкасский.

Чеботарев.

Брат мой.

Багрянский.

Чулков.

И был еще купец Тусень, который умер. Кроме сих, мне еще никто не известен.

Возражение. Как он о чертеже сем отговаривается незнанием, то нужно изъяснение взять от товарищей князя Трубецкого, Тургенева и Лопухина *..

УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ О ЗАТОЧЕНИИ НОВИКОВА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КРЕПОСТЬ

**Указ князю А. А. Прозоровскому
1 августа 1792 г.**

Рассматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначала и корыстолюбия зараженных, с другой же, крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей. На сем основании составлено их общество; плутовство и обольщение употребляемо было к распространению раскола не только в Москве, но и в прочих городах. Самые священные вещи служили орудием обмана. И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками. *Первое.* Они делали тайные сборища, имели в оных храмы, прес-

* Против этого пункта на поле замечено: «сей пункт писан на особой бумаге».

толы, жертвенники; ужасные совершались там клятвы с целованием креста и евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечною верностью и повиновением ордену златорозового креста, с тем чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучение и казни. Узаконения о сем, писанные рукою Новикова, служат к обличению их. *Второе.* Мимо законной, богом учрежденной власти дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдав себя в его покровительство и зависимость, потом к нему же относились с жалобами в принятом от правительства подозрении на сборища их и чинимых будто притеснениях. *Третье.* Имели они тайную переписку с принцем Гессен-Кассельским и с прусским министром Вельнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство. Из посланных от них туда трех членов двое и поныне там пребывают, подвергая общество свое заграничному управлению и нарушая чрез то долг законной присяги и верность подданства. *Четвертое.* Они употребляли разные способы, хотя вообще, к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы¹; в сем уловлении, так, как и в помянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником. *Пятое.* Издавали печатные у себя неподовленные, развращенные и противные закону православному книги и после двух сделанных запрещений осмелились еще продавать новые, для чего и завели тайную типографию. Новиков сам признал тут свое и сообщников своих преступление. *Шестое.* В уставе сборищ их, писанном рукою Новикова, значатся у них храмы, епархии, епископы, миропомазание и прочие установления и обряды, вне святой нашей церкви непозволительные. Новиков утверждает, что в сборищах их оные в самом деле не существовали, а упоминаются только одною аллегорией для приобретения ордену их вящего уважения и повиновения; но сим самым доказываются коварство и обман, употребленные им с сообщниками для удобнейшего слабых умов поколебания и развращения. Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелили запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость. Что же касается до сообщников его, Новикова, статского действительного советника князя Николая Трубецкого, отставных бригадиров Лопухина и Тургенева, которых не только признания Новикова, но и многие писанные руками их заразные бумаги обличают в соучастствовании ему во всех

законопротивных его деяниях, то повелеваем Вам, призвав каждого из них порознь, истребовать чистосердечного по прилагаемым при сем вопросам объяснения, и притом и получить от них бумаги, касающиеся до заграничной и прочей секретной переписки, которые, по показанию Новикова, у них находятся. Вы дадите им знать волю нашу, чтобы они ответы свои учинили со всею истинною откровенностью, не утаивая ни малейшего обстоятельства, и чтобы требуемые бумаги представили. Когда же они то исполнят с точностию и вы из ответов их усмотрите истинное их раскаяние, тогда объявите им, что мы, из единого человеколюбия освобождая их от заслуживаемого ими жестокого наказания, повелеваем им отправиться в отдаленные от столиц деревни их и там иметь пребывание, не выезжая отнюдь из губерний, где те деревни состоят, и не возвращаясь к прежнему противозаконному поведению, под опасением, в противном случае, употребления над ними всей законной строгости. А если кто из них и после сего дерзнет хотя единого человека заманить в свой гнусный раскол, таковой не избегнет примерного и жестокого наказания. Когда же они отправятся, донесите нам, дабы потом могли мы дать тамошнему начальству повеления о наблюдении за их поступками.

ПРИМЕЧАНИЯ

Н. И. НОВИКОВ И ЕГО СОТРУДНИКИ

Новиков Николай Иванович (1744—1818) — выдающийся писатель, просветитель и книгоиздатель XVIII века. Родился в селе Тихвино-Авдотьино Бронницкого уезда Московской губернии (ныне Ступинского района Московской области), в семье небогатого помещика. Первоначальное образование получил дома. В конце 1750-х годов учился в дворянской гимназии при Московском университете. В 1762 г. Новиков, переехав в Петербург, поступил на военную службу в Измайловский гвардейский полк. Службу начал с солдатского звания. Здесь в середине 1760-х годов начал он свою литературную и книгоиздательскую деятельность. В 1767—1768 гг. принимал участие в работах Комиссии по составлению проекта нового уложения в качестве секретаря подкомиссии «о среднем роде людей». В 1769—1770 гг. издавал изобличивший крепостнические нравы и порядки сатирический журнал «Трутенъ», в 1770 г. — сатирический журнал «Пустомеля», в 1772—1773 гг. — сатирический журнал «Живописец» и в 1774 г. — журнал «Кошелек».

После Пугачевского восстания Новиков, как и некоторые другие дворянские просветители, примкнул к масонству; однако он не прекратил своей просветительской деятельности. Особенного расцвета достигла его просветительская и книгоиздательская деятельность в десятилетие 1779—1789 гг., в связи с переездом его в Москву и арендованием типографии Московского университета. В 1784 г. им была организована «Типографическая компания» — своего рода акционерное издательское общество, которое создало в Москве одну из наиболее крупных (в 20 печатных станков) в России и вообще в Европе первоклассных типографий. За время своей деятельности Новиков издал около тысячи книг (по названиям) по самым различным отраслям науки и культуры.

За свою общественную и просветительскую деятельность Новиков неоднократно подвергался преследованиям со стороны царского правительства. В 1792 г. он был арестован и без суда, по указу Екатерины II, заточен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Только после смерти императрицы, в ноябре 1796 г., он вышел на свободу.

Одновременно с осуждением Новикова подверглись правительственному разгрому все его издательские предприятия. Огромное количество книг (около 20 тысяч) по приказу Екатерины II было предано огню. На все остальное имущество была наложена строгая опека, т. е. правительственный арест.

Все дальнейшие годы после выхода из крепости Новиков провел безвыездно в своем селе — Тихвино-Авдотьино.

Деятельность Новикова имела громадное значение для развития русской науки и культуры и для распространения научных знаний в народе.

Новиков был плодовитым писателем. Его перу принадлежат многочисленные статьи в сатирических журналах и других его периодических

изданиях. Он является автором и составителем ряда ценных исторических и историко-литературных трудов, не потерявших своего значения и до сих пор, как, например, «Древняя Российская Вивлиофика», «Опыт исторического словаря о российских писателях» и др.

О ряде произведений Новикова, например об «Отрывке путешествия в*** И*** Т***», о «Письмах к Фалалее» и др. в литературе высказывались и высказываются мнения, что они принадлежат другим авторам: «Отрывок путешествия» приписывается Радищеву, «Письма к Фалалее» — Фонвизину и т. п. Однако предисловие Новикова к 3-му изданию «Живописца» в 1775 г. дает все же довольно веские основания полагать, что автором этих ярких, осуждающих крепостничество статей, был он сам. Новиков указывает в предисловии, что он «*многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями*» (курсив мой. — Л. С.). Столь значительные редакционные изменения и поправки, внесенные Новиковым в напечатанные статьи, убеждают в том, что он был если не автором их, то во всяком случае активным соавтором тех своих сотрудников, которыми эти статьи написаны.

В советскую эпоху избранные статьи и заметки из «Трутня» и «Живописца» Новикова были изданы в составе сборника «Русские сатирические журналы XVIII века» (М., Учпедгиз, 1940).

Некоторые произведения Н. И. Новикова напечатаны также в составе сборника «Русская проза XVIII века», т. 1 (Гослитиздат, 1950).

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР выпустил одготомник «Сатирические журналы Н. И. Новикова», подготовленный к печати П. Н. Берковым (Изд-во Академии наук СССР, 1951).

В 1951 г. Гослитиздат издал также одготомник избранных сочинений Новикова, подготовленный к печати Г. П. Макогоненко.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ ЖУРНАЛА «ТРУТЕНЬ»

Сатирический журнал Н. И. Новикова «Трутень» начал выходить 2 мая 1769 г. и прекратил свое существование 27 апреля 1770 г. Журнал выходил еженедельно в виде тетрадки в несколько страниц. Отсюда и название номеров журнала «листы» или «листки». Всего за время издания вышло 53 номера средним тиражом 700—800 экземпляров.

Сатира журнала «Трутень», особенно в 1769 г., имела ярко выраженный антикрепостнический характер. Само название его «Трутень», т. е. паразит, бездельник, живущий на счет труда других, и предпосланный к нему эпиграф — «Они работают, а вы их труд ядите» — сразу же давали читателю представление о том, чему преимущественно будет посвящено содержание журнала. Резкая и меткая критика и изобличение Новиковым и его сотрудниками ужасов крепостнического строя, эксплуатации народа, злодеяний дворян-помещиков, их тунеядства и порочности, низкопоклонства перед заграницей сделали чрезвычайно популярным журнал «Трутень» и вызвали одновременно крайнее неодобрение Екатерины II и правящих кругов дворянства, что, несомненно, и привело к насильственному прекращению издания журнала в результате цензурного запрета.

Имеются сведения, что в «Трутне», кроме Новикова, сотрудничали писатели А. А. Аблессимов, В. И. Майков, М. И. Попов, Ф. А. Эмин, Д. И. Фонвизин и др. Лучшие антикрепостнические сатирические статьи из «Трутня» были дважды переизданы Новиковым совместно со статьями из журнала «Живописец». Эти статьи вошли в 3-е и 4-е издание «Живо-

писца», появившиеся в свет в 1775 и 1781 гг. 5-е издание «Живописца» вышло в 1793 г., в то время, когда Новиков уже более года находился в заключении. Оно было осуществлено книгопродавцем Зотовым, вероятно, при содействии единомышленников и друзей Новикова.

Статья из «Трутня» воспроизводится нами в основном по 2-му изданию журнала с учетом исправлений, которые внесены Новиковым в 4-е издание «Живописца».

* * *

¹ *Славный российский стихотворец* — А. П. Сумароков.

² Имеется предположение, что автором «письма» является писатель М. И. Попов, близкий сотрудник Новикова.

³ *По нынешним указам нежива* — подразумевается указ о лихование, изданный Екатериной II вскоре после ее воцарения.

⁴ *Велят жить в своих деревнях* — пародия на формулировку, с которой обычно устранились тогда царским правительством разоблаченные чиновики-взяточники.

⁵ *Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки* — во 2-м листе «Трутня» было напечатано «письмо» дяди к своему племяннику. «Письмо» вызвало по адресу Новикова нарекания официального журнала «Всякая всячина», издававшегося Екатериной II, которую Новиков, как и все остальные издатели сатирических журналов того времени, иносказательно именует «прабабкой». «Всякая всячина» проповедовала принципы безобидной, не затрагивающей никого лично, «улыбательной» сатиры. Поэтому принципиальная и быющая по определенным социальным порокам сатира «Трутня» и оказалась написанной «не по правилам прабабки». Письмо Правдулюбова (Новикова) является ответом «Всякой всячине», т. е. Екатерине II, и свидетельствует, как и последующие письма, относящиеся к этой полемике, о мужестве и смелости Новикова в его борьбе за право критиковать пороки самодержавно-крепостнического строя.

⁶ *Упомянутой госпожи* — т. е. Екатерины II.

⁷ *Пекстати умстающему прокурору* — подразумевается журнал «Всякая всячина».

⁸ *Из всего поколения вашей прабабки* — т. е. из всех сатирических журналов, издававшихся в 1769 г. одновременно с «Трутнем».

⁹ *Миниатюрного живописца* — художника-миниатюриста. Существует предположение (советского исследователя П. Н. Беркова), что Новиков говорит здесь о судьбе крепостного художника Андрея Чернова.

¹⁰ *Trompeur* — обманщик (фр.).

¹¹ *Vetilles* — безделушки, пустяки (фр.).

¹² Статья является продолжением полемики с журналом «Всякая всячина».

¹³ *Оправдание г. Правдулюбова* — письмо Правдулюбова является также продолжением полемики со «Всякой всячиной» о принципах сатирического творчества.

¹⁴ *Господин А.* — корреспондент, чье сатирическое письмо, направленное против пороков самодержавно-крепостнического государства, редакция «Всякой всячины» отказалась напечатать, поместив, однако, на своих страницах пространный ответ на него с рядом угроз и личных оскорблений. Возможно, что корреспондент А. — Новиков.

¹⁵ *Ни кнутов, ни виселиц* — в журнале «Всякая всячина» появлялись статьи, написанные Екатериной II или инспирированные ею с угрозами по адресу передовых писателей и мыслителей.

¹⁶ *Какого ни на есть царства русского владения* — т. е. на каторгу в Сибирь.

¹⁷ *Здесь аглинской соли употребление знают немногие* — под «аглинской солью» имеется в виду сугубо завуалированная сатира, известная по произведениям Джонатана Свифта и английским сатирическим журналам «Болтун» и «Зритель», выходившим в XVIII в.

¹⁸ *Заразился известною, под именем акциденции, болезнью* — т. е. страдал большой любовью к взяткам.

¹⁹ *Со дна Пактола* — по преданию, в древности золотonosная река в Лидийском государстве в Малой Азии.

²⁰ *Проиграл с оника* — проиграл сразу, с первого хода. «Оник» — уменьшительное от названия буквы «о» («он»), служившее также синонимом обозначения нуля.

²¹ *N. N.* — инициалы эти означают, по-видимому, Н. Новиков.

²² *Некто в Москве на некотором мосту* — в ту эпоху оживленная торговля книгами и картинками преимущественно лубочного содержания велась в Москве на Спасском мосту, у Кремля. «Некто», — по всей вероятности, придворный поэт В. П. Петров, литературный противник Новикова, превозносивший всячески Екатерину II в своих многочисленных рептильных одах, за что получил разные награды и стал приближенным императрицы.

²³ *Нашим стихотворцем сочиненный дифирамб* — имеется в виду «Дифирамб Пегазу» — пародия А. П. Сумарокова на помпезную оду Петрова «На карусель» (1766).

²⁴ *Трагедию г.* — имеется, очевидно, в виду трагедия Ф. Я. Козельского «Пятея», изданная в 1769 г.

²⁵ *В 24 и 25 неделе* — имеется в виду сатирический журнал «И то и сё», издававшийся в 1769 г. писателем М. Д. Чулковым, литературным противником Новикова.

²⁶ *Его и матери его журналы* — имеется в виду «Всякая всячина».

²⁷ *N. N.* — тоже подпись Н. Новикова.

²⁸ *Не читывал книги о преступлениях и наказаниях* — имеется в виду трактат итальянского законоведа и просветителя Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (*Dei delitti et delle pene* 1764), в котором он излагал гуманные идеи и протестовал против применения пыток и жестоких наказаний. Автор статьи ссылается на французский перевод. В XVIII в. книга Беккариа была переведена на русский язык.

²⁹ *Сирском* — ассирийском.

³⁰ *Стозмей* — имеется предположение (П. Н. Беркова), что под этой кличкой подразумевается писатель и драматург П. С. Свистунов.

³¹ *Злорад* — здесь, вероятно, выпад против драматурга В. И. Лукина, литературного противника Новикова. Лукин неоднократно подвергался насмешкам на страницах сатирических журналов того времени.

В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» фразы о Стозмее и Злораде заменены следующей фразой: «не столько веселится мотишка, когда отец его смертью своею оставил его властителем своих сокровищ, которые он собрал, разоряя бедных просителей» (стр. 42).

³² *В Балтийский порт* — в XVIII в. в порты Балтийского моря посылались осужденные к каторжным работам.

³³ *Государев и боярский оброк* — это свидетельствует, что речь идет в статье о купце из крепостных крестьян, который платил государственный налог и оброк своему помещику.

³⁴ *Поксрный твой слуга* — имеется предположение (В. П. Семенникова), что статья написана Ф. А. Эминым, издателем журнала «Адская почта» (1769 г.).

³⁵ *В прошедший вторник немалое было бомбардирование* — в статье вновь идет речь о полемике между сатирическими журналами. Во вторник 14 июля вышел номер (28 неделя) журнала М. Д. Чулкова «И то и сё» с резкой статьей против «Трутая».

³⁶ *Всякая всячина добрый вытерпела залп* — статья М. Д. Чулкова содержала нападки и на журнал «Всякая всячина».

³⁷ *Адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия* — в статье М. Д. Чулкова имелись и выпады против журнала «Адская почта».

³⁸ *Что касается до пасквиля* — имеется в виду помещенное в той же 28-й неделе журнала «И то и сё» стихотворение, в котором дан глумливый портрет Ф. А. Эмина.

³⁹ *Сочинитель Телемака* — французский писатель Франсуа Фенелон, автор всемирно известного правоучительного философского романа «Приключения Телемака сына Улиссова» (1699). Мотивы романа использованы Тредиаковским в его поэме «Телемахида».

⁴⁰ *Б. К.* — т. е. «Бес кривой». Это псевдоним Ф. А. Эмина, который является автором статьи. Журнал Эмина «Адская почта» издавался в виде переписки двух бесов — кривого и хромого.

⁴¹ Автором является, по-видимому, М. И. Попов.

⁴² *Обучаясь в кадетском корпусе* — Благородный шляхетский кадетский корпус — привилегированное закрытое дворянское учебное заведение в царской России.

⁴³ *Священный левитский чин* — т. е. духовенство, церковнослужители.

⁴⁴ *Среды и пятки* — по церковному уставу среды и пятницы — постные дни.

⁴⁵ *Эдемском саде* — в раю.

⁴⁶ *В пельнь* — в полынь, в горечь.

⁴⁷ *К**** — вероятно, философский, антиклерикальный роман Вольтера «Кандид, или оптимизм».

⁴⁸ *Дедовском берлине* — вид четырехместной кареты.

⁴⁹ *Из Бурдо* — из французского порта Бордо.

⁵⁰ *Шевалье* — старинный дворянский титул во Франции.

⁵¹ *В разных ремеслах и должностях третьего рода* — т. е. в занятиях третьего сорта, в воровстве.

⁵² *Гофмейстер* — наставник, надзиратель.

⁵³ *От... хлебного нектара* — от водки, от беспробудного пьянства.

⁵⁴ *Разговоры о множестве миров* — философский трактат французского писателя Фонтенеля, в котором он изложил гелиоцентрическое учение Коперника. Книга Фонтенеля была переведена на русский язык Кантемиром в 1730 г., но из-за противодействия церковников этот перевод смог появиться в печати лишь в 1740 г. в 1756 г. священный Синод вновь возбудил преследование против «крамольной» книги, вследствие чего перевод ее был изъят и уничтожен.

⁵⁵ *Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя* — имеется предположение (А. И. Афанасьева), что здесь подразумевается дидактическая поэма М. М. Хераскова «Плоды наук» (1761).

⁵⁶ *Chicaneau* — интриган (фр.).

⁵⁷ *Fripou* — жулик (фр.).

⁵⁸ *Некогда читал некто следующую повесть* — статья является ответом Новикова на статью Екатерины II или ею инспирированную, напечатанную в журнале «Всякая всячина». В своем ответе Новиков не только пародировал статью, но вместе с тем остро полемизировал с руковолимым императрицей журналом.

⁵⁹ *Такий-то на сей неделе был у своей родни и передавал все пироги* — эти и последующие «странные приключения» взяты Новиковым из «Всякой всячины», здесь, например, из 25-го номера журнала.

⁶⁰ *Такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодезь* — взято из 32-го номера «Всякой всячины».

⁶¹ *Такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко* — взято из 59-го номера «Всякой всячины».

⁶² *За полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность* — взято из 5-го номера «Всякой всячины».

⁶³ *Эдакий-го, в досаду мусе Фалии* — речь идет здесь, вероятно, о драматурге В. И. Лукине. Муза Талия — в античной мифологии — покровительница театра и актеров.

⁶⁴ *Всемирный возмашатель добродетели* — взято из 104-го номера «Всякой всячины».

⁶⁵ *Кереер* — в античной мифологии — адский пес Цербер, сторож у врат подземного царства мертвых Аида.

⁶⁶ *Аглицкого Смотрителя* — имеется в виду английский сатирический журнал «Зритель», издававшийся в XVIII в. писателями Стилем и Аддисоном.

⁶⁷ *И мы, яблока, плывем* — взято из 104-го номера «Всякой всячины».

⁶⁸ *Слуга ваш* — псевдоним Новикова.

⁶⁹ *Лечитель* — псевдоним Новикова.

⁷⁰ *Были похваляемы, а многими...* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» эти слова опущены.

⁷¹ *Гербовники и папенты* — различные собрания знаков и документальных свидетельств о родословии и чинах дворян и офицеров.

⁷² *Александрийские листы* — особый высокий сорт бумаги.

⁷³ *Бессовестного Стозмея* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» строки о Стозмее (подразумевается, как уже указывалось, писатель Свистунов) были опущены.

⁷⁴ *Благополучны* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» текст, начиная со слов «они не смеют и мыслить...» до «в своем звании благополучны», опущен.

⁷⁵ *Утайку свойства* — в данном случае в значении «утайку имущества».

⁷⁶ *Н. В.* — эти инициалы в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» опущены.

⁷⁷ *Посмотри на О...П...Н...С...В...Ш...Б...В...* — имеется предположение (П. А. Ефремова), что здесь подразумеваются следующие вельможи екатерининской эпохи — Г. Г. Орлов, Н. И. Панин, С. В. Нарышкин, И. П. Салтыков, А. Н. Васильчиков, П. Б. Шереметев, Ф. П. Барятинский, В. А. Всеволодский.

⁷⁸ *Потрактовать* — слову придан здесь несомненно иронический смысл: обильно угостить судей было лучшим средством трактовать (толковать) правосудие.

⁷⁹ *Слуга ваш Г.П.Р.Т.* — исследователь (П. Н. Берков) предполагает, что автором статьи является генерал-поручик Р. Н. Томилов.

⁸⁰ *Извергла сего бездельника с места, определенного правосудию* — имеются в виду указы о лихоимстве и неправосудии, изданные Екатериной II в первые дни своего царствования.

⁸¹ *Феофаны* — т. е. сочинения Феофана Прокоповича.

⁸² *Летописцы* — имеется, вероятно, в виду «Летописец Несторов», изданный в 1767 г.

⁸³ *Карнеты* — модные женские громоздкие головные уборы в то время.

⁸⁴ *Ломала глаза* — здесь и далее Новиков пародирует специфические словечки и обороты из жаргона цеголих того времени.

⁸⁵ *Впредь печатать не буду* — заметка связана, очевидно, с полемикой между сатирическими журналами. К 1770 г. Новиков несколько изменил свою позицию и, возможно, что, объявляя о своем нежелании печатать нелепую отзывавшуюся о «Всякой всячине» и других журналах статью Правдолюбова, издатель «Трутня» давал тем самым понять о своем намерении ослабить или прекратить полемику.

⁸⁶ *В **** — в одной из сенатских коллегий.

⁸⁷ *Присутствующим* — т. е. членам коллегии.

⁸⁸ *Прощай, Трутень, навсегда* — это и другие письма к издателю «Трутня» связаны с последовавшим вскоре правительственным запретом журнала.

⁸⁹ *Твой Демокрит* — имеется в виду сатирическая статья Новикова «Смеющийся Демокрит», напечатанная в 28-м и 33-м листах «Трутня» в 1769 г.

⁹⁰ *Походит на П...* — т. е. на Правдулюбова.

⁹¹ *Госпожа Всякая всячина скончалась* — журнал «Всякая всячина» перестал издаваться в последних числах апреля 1770 г.

⁹² *Сколько вас ни было* — Новиков, несомненно, призывает здесь издателей сатирических журналов не прекращать их издания и, намекая на «Всякую всячину», которая с 1770 г. начала выходить под названием «Барышок Всякой всячины» (отсюда ссылка на изменяющих свою наружность красавиц), советует издателям взять с нее пример.

⁹³ *Какого-то стихотворца* — имеется в виду В. П. Петров.

⁹⁴ *Написал на четырех листах предисловие* — в 1770 г. В. Петров издал свой перевод «Энеиды» Вергилия (первую песнь под названием «Эней»), которому предпослал пространное вступление с резкими нападками на своих литературных противников.

⁹⁵ *Яко неистояробеснующихся молодичей* — здесь и далее автор статьи пародирует излюбленные Петровым витиеватые обороты речи.

⁹⁶ *За одно словцо: рыгать* — слово «рыгать», встречающееся в переведенной Петровым первой песне «Энеиды», было высмеяно в сатирических журналах, в частности в эпиграмме, напечатанной в 13-м листе «Трутня» 1770 г.

⁹⁷ *Молодой в России путешественник* — имеются в виду записки какого-то русского путешественника, о которых появилось сообщение в 8-м листе «Трутня» за 1770 г. Эти записки не могли, однако, теперь быть опубликованы из-за прекращения издания «Трутня».

⁹⁸ *Против желаниа моего* — прямое указание на прекращение издания «Трутня» вследствие цензурного запрета.

⁹⁹ *Ярость объемлет мое сердце* — Новиков выражает здесь свое глубокое возмущение запретом «Трутня».

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ПУСТОМЕЛЯ»

Журнал «Пустомеля» выходил в Петербурге в июне-июле 1770 г.

Издавался журнал от имени некоего маклера Фока, так как после запрета в мае 1770 г. журнала «Трутень» Новиков не смог, конечно, сразу же выступить в качестве издателя нового сатирического журнала и вынужден был прибегнуть к услугам подставного лица. Однако и эта уловка не дала желательных результатов. Подлинный издатель «Пустомели», Новиков, был вскоре установлен, а возможно, известен с самого начала выхода нового издания.

Впрочем, строго говоря, Новиков и не очень скрывал тайну. Он сам содействовал раскрытию своего инкогнито и не только содержанием ряда статей, напечатанных в «Пустомеле» с нападками на «Всякую всячину», на «традиционных» литературных противников — Лукина, Петрова и др., но особенно помещением в конце 2-го номера «Пустомели» эпиграммы писателя Кириака Кондратовича к издателю... «Трутня».

В целом же статьи Новикова в «Пустомеле» не отличаются какой-либо особой социальной заостренностью. Значительно ослаблен, по сравнению с «Трутнем», и сатирический элемент. Наиболее ярким сатирическим произведением в «Пустомеле» является напечатанное во 2-м номере анонимно известное вольнодумное «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. И. Фонвизина.

Издание «Пустомели» прекратилось, по всей вероятности, из-за правительственного, цензурного вмешательства. Так, например, в объявлении о выходе журнала В. Г. Рубана «Трудолюбивый муравей» (1771) было,

между прочим, сказано: «Прошлого 1770 лета начали было показываться понеделенью «Трутень» и помесячно «Пустомеля», но оба, не окончав года, пресекились». Слово «пресекились» и свидетельствует о принудительном характере прекращения издания «Пустомели».

Всего вышло в свет два номера журнала средним тиражом в 500 экземпляров. В 1858 г. журнал был переиздан литератором А. Н. Афанасьевым. В советское время напечатан в сборнике «Сатирические журналы Н. И. Новикова» (1951).

В настоящем издании статьи из «Пустомели» воспроизводятся по первопечатному изданию журнала.

¹ Письмо к НКЛ. ЛКСВЧ. ЛДЖНСКМ — письмо Николаю Алексеевичу Ладыженскому, близкому другу Н. И. Новикова.

² Ты сражаешься с неприятелями нашего отечества — имеется в виду первая Турецкая война (1769—1771), в которой принимал участие Н. А. Ладыженский. Следует заметить, что военные события определенным образом отразились на содержании статей журнала «Пустомеля», изобилующих сведениями о них, военной терминологией и т. п.

³ С. П. — сочинитель Пустомели.

⁴ Начиная вздором, вздором наполняют и окончивают вздором — несомненно, намек на «Всякую всячину». Об этой склонности журнала Екатерины II к вздорным инсинуациям писал Новиков в «Трутне» и в частности в статье «Некогда читал некто следующую повесть».

⁵ Коими щепетильники торгуют — щепетильник — разносчик мелких товаров. Дальнейший текст показывает, что здесь содержится намек на журнал «Парнасский щепетильник», издававшийся М. Д. Чулковым в 1770 г.

⁶ Одна госпожа — намек на «Всякую всячину».

⁷ Узнать мое имя — нарочитое подчеркивание Новиковым анонимности своего нового издания имело целью убедить читателей, хорошо, вероятно, знавших имя издателя, что подобная «конспирация» является вынужденной после запрета «Трутня».

⁸ Л*** комедии — т. е. комедии Лукина.

⁹ Каллиопа — в античной мифологии — муза красноречия.

¹⁰ Повести о троянских витязях — имеются в виду весьма популярные в то время сказки и повести о героях осады города Трои, например «Троянская история».

¹¹ Всех гостей рыганьем своим отгонит — намек на В. П. Петрова.

¹² Клио — муза истории.

¹³ Эрата — муза лирической поэзии.

¹⁴ Урания — муза астрономии.

¹⁵ Эвтерпа и Терпсихора — музы музыки и танцев.

¹⁶ Полигимния — Полигимния — муза эпической поэзии.

¹⁷ Ипокренскую воду — в античной мифологии, воду из источника на Парнасе, посвященного музам. Вода этого источника, по преданию, вдохновляла поэтов и писателей.

¹⁸ Статья «Самое негодное дело» напечатана во 2-м (последнем) июльском номере «Пустомели».

¹⁹ Ведомостями о политических делах — вернее ведомостями о ходе военных действий.

²⁰ Без «эрго» — без часто повторяемых словечек «следовательно», «итак» (от латинского «ergo»).

²¹ Л*** комедии — т. е. комедии Лукина.

²² Целил на известное мне какое-нибудь лицо — здесь Новиков вновь пытается раскрыть свое, вероятно, известное читателям инкогнито, тем более что статья содержит много общего с известным «Прощанием с читателями», которое было напечатано в последнем листе «Трутня».

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ ЖУРНАЛА «ЖИВОПИСЕЦ»

Еженедельный сатирический журнал «Живописец» выходил с 12 апреля 1772 г. по июнь 1773 г. Всего за время издания вышло 52 номера журнала тиражом, примерно, в 600—700 экземпляров. «Живописец», так же как и «Трутень», выходил в виде тетради в несколько страниц.

Статьи и заметки воспроизводятся по 1-му и 2-му изданиям журнала с учетом наиболее важных поправок, внесенных Новиковым в 3-е и 4-е издания «Живописца» в 1775 и 1781 гг.

Наиболее яркие и злободневные антикрепостнические статьи напечатаны в первой части журнала в 1772 г. Но резкое недовольство Екатерины II и дворянско-помещичьих кругов критикой крепостнической системы и, как следствие этого, постоянные придирки цензуры, что видно из многочисленных пропусков в тексте, сделанных по цензурным соображениям, а также начавшееся восстание крепостных крестьян под руководством Пугачева привели к тому, что во второй части журнала Новиков был вынужден ослабить остроту своих нападок на крепостнический строй и по существу прекратить печатание антикрепостнических статей.

Издание «Живописца» прекратилось внезапно и, надо думать, также вследствие цензурного запрета.

Как уже сказано выше, наиболее острые и яркие антикрепостнические статьи из него перепечатывались Новиковым и другими издателями несколько раз. Кроме перечисленных нами переизданий «Живописца» в 1775, 1781 и 1793 гг., следует, например, указать еще на перепечатку ряда статей из «Живописца» в 1806 г. в журнале «Московский собеседник», издававшемся А. Г. Решетниковым. Имеются сведения, что Новиков незадолго до своей смерти хотел вновь переиздать «Живописец» и приготовил даже специальный экземпляр журнала с белыми листами для внесения поправок.

О политической остроте содержания сатирических журналов Новикова свидетельствует и то обстоятельство, что царская цензура, как известно, чинила серьезные препятствия переизданиям «Трутня» и «Живописца» в 1860-х гг., предпринятых литературоведом и библиографом П. А. Ефремовым.

¹ *«Неизвестному г. сочинителю комедии «О, Время!» Приписание»* — напечатано в первом номере журнала «Живописец». Автором комедии «О, Время!» была Екатерина II. Новиков, хорошо зная это, умышленно посвятил свое новое сатирическое издание этому «автору», предполагая обезопасить себя таким образом от цензурных преследований. Именно этим объясняется утверждение Новикова, что комедия возбудила у него желание подражать ее автору в «похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев».

² *Перо ваше достойно равенства с Молиеровым. Следуйте ж его примеру* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» внесено сюда небольшое, но характерное изменение: «следуйте только его примеру».

³ *В первый раз в жизни своей* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «пусть хотя в первый раз в жизни своей».

⁴ *Дарованная вольность* — намек на широковещательные, но невыполненные обещания Екатерины II при ее взождении ввести некоторые свободы в стране.

⁵ *Почто укрываете свое имя... Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь из злословия* — строки эти являются перефразировкой стихов Феофана Прокоповича к сатире А. Д. Кантемиру.

Да почто же было имя укрывать?

Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.

Стихи Прокоповича были напечатаны в 1762 г. в первом издании «Сатир» Кантемира.

⁶ В *вашем сердце* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «в благородном сердце». Такая поправка несколько меняла смысл первоначального текста, так как ставила под сомнение «благородство сердца» автора комедии «О, Время!», т. е. Екатерины II.

⁷ П. П. — «последняя приписка», или «после письма».

⁸ Впрочем, для меня весьма лестно получить ваш ответ — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» эти заключительные слова посвящения опущены. К тому времени позиция Екатерины по отношению к сатирической публицистике Новикова выяснилась вполне и никакой речи и быть не могло о переписке с ней по вопросам характера сатирического творчества.

⁹ Высокопарного Невпопада — имеется, вероятно, в виду придворный рептильный одописец В. П. Петров.

¹⁰ Дерзкого Кривотолка — возможно, писатель В. И. Лукин.

¹¹ Увидишь правоучителя, порицающего всех критиков — Екатерину II и ее журнал «Всякая всячина».

¹² Сатирик описывает пороки, язвит порочных — сам Н. И. Новиков.

¹³ Трагический писатель — вероятно, А. А. Ржевский.

¹⁴ Писатель комедий — вероятно, Екатерина II.

¹⁵ Писатель, который не сочиняет ни трагедий, ни комедий — возможно, И. А. Дмитриевский.

¹⁶ Сочиняет пастушеские сочинения и на нежной своей лире воспевает златой век — вероятно, М. М. Херасков.

¹⁷ Блаженство сея жизни — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «блаженство пастушеской жизни».

¹⁸ Славнейших писателей — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «славнейших российских творцов».

¹⁹ Наркис — Нарцис, самовлюбленный щеголь.

²⁰ Адонид — Адонис, одно из древних мифологических божеств.

²¹ Сделал он презабавное дело — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «оказал он презабавный подвиг».

²² Аркибузировать — расстрелять.

²³ Беспримерно — здесь и далее (словами, выделенными курсивом) Новиков, как и ранее во многих статьях «Трутня», пародирует жаргон щеголей и щеголих того времени.

²⁴ Слово, я не могу владеть собою — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «слова, я не в своей сижу тарелке».

²⁵ В Серенький... в Пестренький... — шуточные названия дней недели в щегольском наречии «стиляг» XVIII в.

²⁶ Своим болванчиком — своим божком, кумиром.

²⁷ Строить дворики — вложиться, любезничать.

²⁸ Я от тебя падаю — увлечен тобой.

²⁹ Ты ожидаешь чего-либо поважнее: потерпи, пожалуй, все будет — Новиков имеет здесь, несомненно, в виду сатирические статьи, направленные против пороков дворянско-крепостнического строя и в частности знаменитый «Отрывок путешествия в***И***Т***», появившийся уже в следующем номере журнала.

³⁰ Любовь ко ближнему — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «любовь».

³¹ Из Миллионной — в XVIII в. Миллионная улица была средоточием книжной торговли в Петербурге.

³² Романы и сказки — имеются в виду широко распространенные в XVIII в. приключенческие и «рыцарские» романы и сказки, например «Пересмешник или славенские сказки», «О Бове-королевиче», «О Пе-

тре золотых ключах», «Похождения милорда Г*», «Селим и Дамаскина» и др.

⁴³ *Волшебных сказок* — имеется в виду выходявшее в то время во Франции многотомное издание под таким названием.

³⁴ *Обольщая слуг* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «обольщая слух».

³⁵ *Осьмидесятилетний старик* — письмо связано с резкими откликами, которые вызвал в официальных кругах и среди помещиков-крепостников «Отрывок путешествия в *** И*** Т***».

³⁶ *М. С.* — предполагается, что этими инициалами подписывалась писательница XVIII в. М. В. Сушкова.

³⁷ *От вторника нетерпеливо вторника ожидаю* — «Живописец», как и другие еженедельные сатирические журналы, выходил по вторникам.

³⁸ *Она ничего не смотрит* — до 1780-х годов цензурование книг и журналов осуществлялось при типографиях, где они печатались.

³⁹ *Я девица, однако, пяток десятков в спокойствие проживаю* — возможно, намек на Екатерину II.

⁴⁰ *Р. Г.* — не исключено, что эти инициалы означают: «Российская государыня». Письмо также связано с откликами на «Отрывок путешествия в *** И*** Т***».

⁴¹ *Пустяконогопатель* — письмо связано с напряженной обстановкой, создавшейся вокруг новиковского «Живописца» после опубликования «Отрывка путешествия в *** И*** Т***».

⁴² Статья является ответом Новикова критикам «Отрывка путешествия в *** И*** Т***» и своеобразным вступлением к продолжению «Отрывка», который был напечатан в следующем номере журнала.

⁴³ *Навлек на себя сугубое негодование* — пропуски в тексте сделаны Новиковым по цензурным соображениям.

⁴⁴ Пропуск в тексте, вероятно, по цензурным соображениям.

⁴⁵ Пропуск в тексте, вероятно, по цензурным соображениям.

⁴⁶ Обращает на себя внимание графическое оформление публикации этого продолжения. В 5-м листе «Живописца» заголовок «Отрывка» напечатан мелким шрифтом. Заголовок же продолжения теперь дан крупным, бросающимся в глаза шрифтом. Нет сомнения, что Новиков подчеркивал таким образом важное значение, которое он придавал этой антикрепостнической статье.

В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» обе части «Отрывка» соединены в один и завершают собой весь сборник.

⁴⁷ *Любимцы Плутосы* — т. е. любимцы Плутоса, богачи; в древнегреческой мифологии Плутос — божество богатства и роскоши.

⁴⁸ *На берег для свидания* — имеется в виду песчаная отмель (так называемый «Каменный берег») у стены Петропавловской крепости, служившая в ту эпоху местом прогулок.

⁴⁹ *Убрать живо* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «убрать живо».

⁵⁰ *Что и они гуляют* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца»: «что и они в праздничные дни по пустому шатаются».

⁵¹ *П. Р.* — вероятно, «Писатель Российский». По мнению ряда исследователей, письма принадлежат перу Д. И. Фонвизина.

⁵² *Кануник* — святцы, молитвенник.

⁵³ *Стигом говяжьим* — коровьей тушей.

⁵⁴ *Шесть денег* — 3 копейки. Деньга — старинная русская монета достоинством в 1/2 копейки.

⁵⁵ *Нынче и вино-та в сапогах ходит* — т. е. вино теперь дорого стоит.

⁵⁶ *Дворянам дана вольность* — имеется в виду указ о вольности дворянства, изданный в 1762 г. Петром III, предоставлявший дворянству многие важные привилегии.

⁵⁷ *На сотню места* — на сто рублей.

⁵⁸ *Вытуть из службы* — указ 1762 г. освобождал дворян от обязательной государственной службы.

⁵⁹ *Не куркай* — не пики.

⁶⁰ *В Кормчей книге* — Кормчая книга — древнерусский сборник церковных правил и узаконений.

⁶¹ *Печатные листочки* — т. е. журнал «Живописец».

⁶² *Четьи Миней* — церковный сборник рассказов о жизни святых

⁶³ *Так мы и равны* — в 3-м и 4-м изданиях «Живописца» текст в этом месте значительно изменен: «И во свягом писании сказано: работайте господеву со страхом и радуйтесь ему с трепетом. Примите наказание, да некогда прогневается господь: егда возгорится вскоре ярость его. — Да на то они и крестьяне».

⁶⁴ *О, коли бы он* — т. е. издатель «Живописца».

⁶⁵ *Дережня Григорья Григорьевича Орлова* — Г. Г. Орлов — фаворит Екатерины II. Новиков упоминает его, вероятно, по цензурным соображениям, для того, чтобы в какой-то мере сгладить антикрепостническую остроту памфлета.

⁶⁶ *Да и гадки не мают* — ни о чем не думая, без забот и печалей.

⁶⁷ *Чуть тако не отняли*... — т. е. не отнимали.

⁶⁸ *Скосырь твой жив и Налетка* — клички охотничьих собак.

⁶⁹ *Перемен двенадцать подадут* — т. е. двенадцать перемен розог.

⁷⁰ *Прошу не погневаться* — возможно, что это псевдоним писателя Ф. В. Каржавина (1745—1812). Выражение «Прошу не погневаться» употребляет часто купец-старообрядец, «Брынский проповедник», герой популярного во второй половине XVIII в. памфлета «Житие некоторого мужа и перевоз курioзной души его через Стикс реку». Ф. В. Каржавину принадлежат, очевидно, и письмо, напечатанное в 13-м листе «Живописца» и подписанное псевдонимом «Прошу не прогневаться». В 17-м же листе «Живописца» (часть 2-я, 1773 г.) Ф. В. Каржавин (Богодар Вражкани) свое письмо Новикову подписывает псевдонимом «Брынский правдописец», чем еще с большей достоверностью подтверждается зависимость его псевдонимов от памфлета «Житие некоторого мужа». Автором памфлета был, вероятно, М. Д. Чулков.

⁷¹ Пропуск в тексте, очевидно, по цензурным соображениям.

⁷² *Ходила слушать очистки крестьян* — ходила слушать сведения о взимании с крестьян оброка.

⁷³ *Наставников своих воспитание* — статья, возможно, также принадлежит перу Д. И. Фонвизина. Это предположение подтверждается некоторыми сюжетными совпадениями с комедиями «Бригадир» и «Недоросль». Е*** и его родителям сообщены черты, характерные для Митрофанушки и его родителей помещиков Простаковых и героев комедии «Бригадир»; например, домом и хозяйством управляет помещица, в то время как сам помещик вынужден придерживаться принципа невмешательства и выполняет только функции исполнителя приговоров помещицы; нелюбовь к книгам, боязнь, что учение повредит здоровью повесничующего барчука, мать Е*** как и Советница (из «Бригадира»), увлекается галломанией и фривольными романами и, как Бригадирша, несет все заботы о «домашней экономии», выколачивает из крестьян оброчную плату.

⁷⁴ *Под Чигирином* — имеется в виду битва с турками под городом Чигирином (Правобережная Украина) в 1676 г.

⁷⁵ Статья представляет собой яркий антиклерикальный памфлет.

⁷⁶ *Ежеседмичные листы* — еженедельные листы, т. е. «Живописец».

⁷⁷ *Да некако*... — намек на возможные правительственные репрессии.

⁷⁸ *Мною в ответ на из письмо написанное* — ответ Фалалея не был напечатан в журнале. В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» обращение Фалалея к издателю журнала опущено.

⁷⁹ Пусть у тебя не будет Егорья — т. е. не будет Георгиевского креста. Орден, учрежденный в России в 1769 г. для награждения за воинскую доблесть.

⁸⁰ Панкратьевича — т. е. своего отца, Трифона Панкратьевича.

⁸¹ Неопалимой — т. е. иконой богоматери Марии, носящей в православной символике название «Неопалимой купины».

⁸² В экonomicеские казначеи — в казначеи так называемой коллегии экономии, в ведении которой находились секуляризованные в 1764 г. и перешедшие фактически в собственность государства монастырские крестьяне.

⁸³ Четыре копейки из ваших доходов потеряете — номер журнала «Живописец» продавался по четыре копейки.

⁸⁴ Пропуск в тексте, вероятно, по цензурным соображениям.

⁸⁵ Российским феником — феникс в древнеегипетской мифологии — чудесная птица, сгоравшая и неизменно вновь возрождавшаяся из собственного пепла.

⁸⁶ С художниками и живописцами — в данном случае в смысле: «ремесленниками и малярами».

⁸⁷ Да ты и сам не Хамов ли внучек? — в данном случае в смысле: не внук ли ты крепостного?

⁸⁸ Дворянин с одною душою — псевдоним Н. И. Новикова, который и является автором статьи.

⁸⁹ Ищите прежде денег, а потом добродетели — статья представляет собой переработанный перевод Д. И. Фонвизина «Торг семи муз. Из Кригеровых снов», напечатанный в 1762 г. в журнале Московского университета «Собрание лучших сочинений».

⁹⁰ За волдаискх деvушек — распутных девиц. В XVIII и начале XIX в. Валдай имел репутацию города, где процветали порочные нравы.

⁹¹ Американскими припадками — венерическими болезнями.

⁹² Площадный лекарь — шарлатан.

⁹³ Случайных супругов — супругов, находящихся в фаворе или дворе.

⁹⁴ Тысящницы вдовы — вдовы, обеспеченные богатым наследством.

⁹⁵ С Еликона — Геликон — в античной мифологии гора в Греции, на которой обитали музы.

⁹⁶ Честного титульного советника — титулярный советник — гражданский чин так называемого 9-го класса петровской «Табели о рангах».

⁹⁷ Пропуск в тексте, видимо, по цензурным соображениям.

⁹⁸ Один греческий мудрец — имеется, по всей вероятности, в виду известный афоризм Сократа: «Познай самого себя».

⁹⁹ Брат маляр — т. е. издатель «Живописца».

¹⁰⁰ В полн — наполовину, половину.

¹⁰¹ Доброжелатель Ермолай — автором письма, примыкающего к циклу «Писем к Фалалею», является, по-видимому, также Д. И. Фонвизин.

¹⁰² Название статьи «переводом» всего лишь литературная условность. На самом деле статья связана с полемикой между сатирическими журналами и представляет собой обращение Новикова к читателям по поводу нареканий и угроз Екатерины II и помещичье-дворянских кругов за смелую по-прежнему сатиру «Живописца».

¹⁰³ Я теперь Неудобо-разумо-и-дуродетелен — по-видимому, намек на какой-то нелестный отзыв Екатерины II о Новикове, изложенный в необычной и странной для русского языка форме, что, как известно, было весьма характерно для императрицы, плохо владевшей русским языком. Возможно, что это выражение является переводом с немецкого: *unbequem-verstandes- und geistestätig*.

¹⁰⁴ Простым ипохондриком — здесь и далее явный намек на руководимый Екатериной II журнал «Всякая всячина», в котором Новиков неоднократно был назван ипохондриком, меланхоликом.

¹⁰⁵ Пропуск в тексте, вероятно, по цензурным соображениям. Возможно, запретный намек на Екатерину II, на что указывает слово «повелительница».

¹⁰⁶ *Четвертый месяц тому назад* — имеется, надо думать, в виду усиление нападков на «Живописец» после обнародования «Отрывка путешествия в *** И*** Т***» и продолжения его.

¹⁰⁷ *Недалече от Сергиевской улицы* — Сергиевская улица, ныне улица имени Чайковского в Ленинграде; находится недалеко от моста, через который можно попасть на «Каменный берег».

¹⁰⁸ *Я точно русский* — эта фраза достаточно убедительно показывает, что статья отнюдь не является переводом с иностранного источника, а памфлетом, иносказательно рисующим сложные условия, в каких трудился писатель-сатирик, издатель «Трутня» и «Живописца».

¹⁰⁹ *Доброзотное сердечко* — вероятно, псевдоним Новикова, являющегося автором статьи.

¹¹⁰ *Ко дв...* — ко двору.

¹¹¹ *Nec si miserum fortuna Sinonem finxit, vanum et iam mendacemque improba finet* —

Несчастливым если Фортуна Синона

Сделала, лживым пускай и хвастливым не делает, злая!

(Вергилий, «Энеида». книга 2-я, стих. 79—80.)

Перевод В. Брюсова и С. Соловьева, М., 1933).

¹¹² *Дополнение ко второму листу* — имеется в виду статья о приключениях семи муз, посланных Аполлоном на землю (см. выше прим. 89, стр. 493). «Дополнение» является, по-видимому, произведением Д. И. Фонвизина.

¹¹³ *Немилосердая Парка* — немилосердная судьба.

¹¹⁴ *Производимые ликом* — производимые ангелом.

¹¹⁵ *Матрессы* — развратные женщины. В этом месте, возможно, намек на Екатерину II.

¹¹⁶ *Много ли найдешь теперь Лукреций* — т. е. благонаправных, честных женщин.

¹¹⁷ *Продолжение будет в следующем листе* — продолжение статьи напечатано не было. В 3-м и 4-м изданиях «Живописца» статья заканчивается указанием: «Продолжения не будет». Новейшие исследователи (например, Г. П. Макогоненко) справедливо полагают, что такое новое завершение заострило сатирический характер статьи, направленной против распушенных нравов дворянского общества и, возможно, намекавшей на разврат, господствовавший при дворе Екатерины II. Однако отказ Новикова дать продолжение статьи мог иметь и несколько иной политический смысл. Следует напомнить, что поступок Лукреции, по утверждению римских историков, послужил поводом для уничтожения императорской власти и установления республиканского образа правления в Риме. Эта сторона дела придавала напоминанию о Лукреции весьма острый политический оттенок, развивать и подчеркивать который было, конечно, невозможно по цензурным соображениям.

¹¹⁸ *Недавно учрежденном Обществе, старающемся о напечатании книг* — имеется в виду издательское общество, созданное Новиковым в 1773 г. для печатания и сбыта произведений и переводов современных ему русских писателей. Девизом Общество поставило слова: «Согласием и трудами». Без какой-либо помощи, без собственных средств, при плохо налаженном сбыте книжной продукции Обществу было весьма затруднительно осуществлять свою деятельность. Мешало ему не в малой степени и недоброжелательное отношение царского правительства, стремившегося монополизировать издательское дело. Уже в 1774 г. издательское общество Новикова прекратило свою деятельность. За время своего краткого существования Общество выпустило около 20 книг.

¹¹⁹ *Государственного домостроительства* — государственного хозяйства, политической экономии.

¹²⁰ *Клубов* — клубов.

¹²¹ *Любомудров из Ярославля* — существует мнение (В. Н. Семенникова), будто автором письма является Екатерина II. Такое предположение маловероятно. Скорее всего письмо написано кем-либо из участников Общества.

¹²² *Но не у прииде час* — но не пришло еще время (евангельское выражение).

¹²³ *Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык* — имеется в виду переводческое общество, созданное по инициативе Екатерины II в 1768 г. Руководителем Собрания был секретарь императрицы Г. В. Козицкий. Однако большого развития деятельность Собрания не получила, так как подготовленные русскими писателями переводы не издавались. Попыткой вывести это дело из тупика и являлось создание Новиковым издательского «Общества, старающегося о напечатании книг».

¹²⁴ *47 гр. 57¹/₂ мин. долготы, а 59 гр. 56¹/₄ минут широты* — географические координаты Петербурга.

¹²⁵ *Усыпана была волчками* — усыпана колючей сорной травой.

¹²⁶ *Муж лет семидесяти* — судя по контексту, здесь имеется, возможно, в виду И. И. Бедкий (1703—1795), один из деятелей народного просвещения.

¹²⁷ *Р.* — россиянин.

¹²⁸ *Сатурн уже начинал за мою жизнь третий раз свое течение около небесного светила* — Сатурн обходит солнце за 29 лет 168 дней и несколько часов. Автор указывал здесь, что ему 60 с лишним лет.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «КОШЕЛЕК»

Журнал «Кошелек» выходил в Петербурге с 8 июля по 2 сентября 1774 г. Всего вышло 9 листов (номеров) журнала. В 1858 г. «Кошелек» был переиздан в Москве литератором А. Н. Афанасьевым. В советское время напечатан в сборнике «Сатирические журналы Н. И. Новикова» (1951).

Журнал посвящен преимущественно прославлению старинных русских нравов и традиций. Название «Кошелек» избрано, вероятно, Новиковым с целью сатирического заострения таких проблем, которые затрагивались в журнале, как критика дворянского космополитизма и низкопоклонничества перед иностранщиной. Названием «Кошелек» Новиков стремился главным образом показать, как справедливо говорил Н. А. Добролюбов, экономическую сторону галломании. Прибывавших в Россию в поисках легкой наживы французов, натурально, прежде всего интересовал кошелек...

Существует легенда, будто резкие нападки журнала на французов вызвали протест французского посланника, сделавшего по этому поводу представление русскому правительству, что и привело якобы к запрету журнала. Незаконченность ряда статей, напечатанных в «Кошельке», да и симптоматическая надпись на последней странице журнала: «Конец Кошелька» — заставляют думать, что прекращение издания было действительно принудительным. Однако считать такой запрет результатом вмешательства французского посла нет пока твердых оснований. Царское правительство могло прекратить издание и без такого демарша дипломатического представителя другой державы. Статьи Новикова, кроме критики галломании, содержали достаточно отрицательных и острых политических намеков на тогдашнюю русскую современность, как, например, на сословные предрассудки, на развращенность нравов дворянства и пр., и уже вследствие одного этого журнал мог быть запрещен цензурой.

Статьи из журнала «Кошелек» воспроизводятся нами в настоящем сборнике по первопечатному изданию.

¹ *Сакр-дье* — чорт возьми (фр. *Sacre dieu*).

² *Двенадцать роббертов* — т. е. двенадцать партий карточной игры «роббер».

³ *Шевалье де Мансонж* — т. е. шевалье Ложь (фр. *mensonge* — ложь, выдумка).

⁴ *Сын стряпчего* — здесь в смысле: сын повара.

⁵ *Рекамбия* — пеня за просрочку платежей по векселям.

⁶ *Во **** — т. е. во Франции.

⁷ *Погубленные введением кошельков* — здесь слово «кошелек» употреблено в качестве символа низкопоклонства перед иностранщиной, безоглядного заимствования внешнего блеска чужеземных мод. Кошелек — одна из принадлежностей туалета тогдашних щеголей, мешочек для косы.

⁸ *Видеть в сочинении Абе де Ш...* — см. прим. 3 на стр. 511.

⁹ *Синописис* — древнерусский учебник истории.

¹⁰ *В вашей Вивлиофике* — имеются в виду периодически издававшиеся Новиковым с 1772 г. сборники исторических материалов и памятников — «Древняя Российская Вивлиофика».

¹¹ *Коего французские писатели обычно называют...* — здесь по цензурным соображениям пропущено слово: «тираном».

¹² Пропуск в тексте по цензурным соображениям, на что указывает и подстрочное примечание Новикова: «Здесь я, против желания моего, принужден был много выключить из сего письма».

¹³ *Галант-омы* — светские, обходительные люди (фр. *galant homme*).

¹⁴ *И он* — т. е. Петр Великий.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «УТРЕННИЙ СВЕТ»

Первый русский масонский журнал «Утренний свет» выходил ежемесячно в Петербурге с сентября 1777 г. по апрель 1779 г. (1—5-я части) и затем в Москве с мая 1779 г. по август 1780 г. (6—9-я части).

Всего за время издания журнала вышло 9 частей, содержавших 36 номеров.

В 1779 г. в Москве были переизданы первые три части «Утреннего света»; в 1785 г. были переизданы 4-я и 5-я части; в 1803 г. вторым изданием вышла еще и 6-я часть (напечатана в Московской губернской типографии у А. Решетникова).

«Утренний свет» издавался с благотворительной целью для содержания заведенных Новиковым и его сподвижниками в Петербурге Екатерининского и Александровского училищ, где обучались дети немущих жителей столицы. Издатели не только отдавали на это дело доходы от журнала, но и вели сбор пожертвований для нужд школ.

Журнал посвящен новгородскому и петербургскому архиепископу Гавриилу.

Издание «Утреннего света» бесспорно знаменовало перелом в воззрениях Новикова, происшедший после Пугачевского восстания.

Журнал издается как орган возникшей в то время масонской организации и имел своей целью теоретическое обоснование философских и этических понятий масонства. Религиозно-мистический элемент на первых порах не играл еще доминирующей роли, однако уже и тогда, особенно в последних номерах журнала, все чаще и чаще начинают появляться призывы искать разгадки тайн мироздания в произведениях древних мыслителей, знавших якобы эти тайны и облекшие их в некие символы или иероглифы. Отсюда и утверждения, что и «наука нравоучения», т. е. этика, скрывается под таинственными знаками, что древнеегипетская

иероглифическая письменность сохранила якобы сведения о событиях, происшедших едва ли не с самого начала мира, когда удастся прочесть эти письмена, то раскроются многие сокровенные тайны вселенной и человечества.

Название журнала «Утренний свет» имело символический смысл, поясненный издателями в специальном предуведомлении к читателям (см. ниже).

Издатели журнала не скрывали, что одной из важных задач издания являлась борьба с просветительской и материалистической философией. В заключительной статье в последнем номере журнала было сказано, что издатели ставили своей целью «искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила *вольномыслия* (курсив подлинника. — Л. С.), которого следствия как для самых зараженных оным, так и для общества весьма пагубны».

В «Утреннем свете» сотрудничали некоторые видные писатели того времени, как, например, М. М. Херасков, В. И. Майков, М. Н. Муравьев, А. М. Кутузов, И. П. Тургенев, а также целый ряд других лиц. В московский период в журнале активно участвовали студенты Московского университета Л. Давыдовский, П. Садорский, А. Малиновский, Н. Попов и др. Сотрудничали в нем и женщины, например Е. и Н. Свиньины.

Тираж «Утреннего света» по указанию самих издателей составлял примерно 1000 экземпляров.

【ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ】

Напечатано впервые при первом номере «Утреннего света» в сентябре 1777 г. Воспроизводится по второму изданию журнала (1779 г., ч. I).

¹ *Предуведомление* — автором вступительной, установочной статьи к журналу, по общему мнению, является Н. И. Новиков. Это подтверждается не только портретным сходством с ним выступающего на собрании издателей журнала «возлюбленного сочлена» — статья и является своеобразной «стенограммой» его выступления, — но и обычными для Новикова призывами автора и издателя к читателям сотрудничать по мере своих сил и возможностей в его новом издании.

² *Составит не более тридцати лет* — здесь имеется, безусловно, в виду время пребывания сотрудников журнала в масонской ложе, со вступления в которую истекло три года; иными словами, издатели и сотрудники журнала исчисляют здесь свой масонский «стаж». Это указание вызвало даже в свое время недоумение читателей, что видно из писем, полученных по этому поводу издателями «Утреннего света» (см. ниже.)

³ *Грозновидная Минерва* — в античной мифологии — Минерва — богиня мудрости.

⁴ *Один из наших возлюбленных сочленов* — здесь дан иронический автопортрет Н. И. Новикова.

⁵ *Когда Венера проходит чрез Солнце* — имеется в виду крайне редко наблюдаемое прохождение планеты Венеры по видимому диску Солнца. Это прохождение происходит четыре раза в 240 лет. Иносказательно указание здесь на молчаливость Новикова.

⁶ *Нашего «Утреннего света»* — название журнала, как, впрочем, и большинства масонских изданий, избрано соответственно масонской символике. Отсюда и ожидание восхода солнца «всепросвещающего духа» и т. д.

⁷ *Служить полярною звездю* — часто упоминаемая масонская аллегория.

⁸ *К содержанию училищ для бедных детей* — имеются в виду учащиеся заведенных петербургскими масонами Екатерининского и Александровского училищ.

⁹ *Плутарх во своем сочинении о случае* — имеются в виду так называемые «утешительные речи» на разные случаи, составленные древнегреческим историком и философом Плутархом. Сочинение «О случае» в русском переводе напечатано в 1-й части «Утреннего света».

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИЯХ К БОГУ И МИРУ

Напечатано впервые в декабрьском номере «Утреннего света» в 1777 г. (ч. I). Воспроизводится по второму изданию журнала (1779 г., ч. I).

¹ *Когда единожды во предисловии нашем* — ссылка на предисловие к журналу является, конечно, доводом, подтверждающим принадлежность и этой статьи одному и тому же автору, т. е. Н. И. Новикову.

[ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЯМ «УТРЕННЕГО СВЕТА»]

Напечатано впервые в октябрьском номере «Утреннего света» в 1777 г. (ч. I). Воспроизводится по второму изданию журнала (1779 г., ч. II).

¹ *Сего строгого моралиста* — т. е. издателя «Утреннего света» Н. И. Новикова.

² *Вы сему изрядный сделали оборот* — имеется в виду символическое истолкование названия журнала «Утренний свет».

³ *О душе, душе и теле в нас человеках* — масоны придерживались мнения, что человек имеет тройственный «состав». Об этом писал и автор «Предупреждения» к «Утреннему свету».

⁴ *Славнейших и великих нашего времени философов* — издатели журнала предпочли здесь, очевидно, более удобным для себя умолчать о выдающихся мыслителях, придерживавшихся иных, нежели они, взглядов о сущности человека, и не напечатали имен, упомянутых в письме. Следует отметить, что такой полемический прием отнюдь не свидетельствовал о стремлении издателей журнала показать свое беспристрастие, о котором они говорили во вступительных строках к присланному им письму.

⁵ *Кр...* — вероятно, надо: «крестьянам».

[К ИЗДАТЕЛЯМ «УТРЕННЕГО СВЕТА»]

Напечатано впервые в февральском номере журнала в 1780 г. (ч. VIII).

Статья направлена против читателей, скептически относившихся к рекламируемым мистиками-масонами тайнствам, которые якобы скрыты в древнеегипетской иероглифической письменности. Публикуемое письмо имело целью внести «ясность» в этот смущавший здравомыслящих людей вопрос.

¹ *Крата Репоя, о тайнствах древних* — имеется в виду переведенная с немецкого языка книга «Крата Репоя, или посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов». Автор книги — немецкий мистик К. Ф. Кеппен. В 1784 г. книга была напечатана в тайной типографии Лопухина. По-видимому, это сочинение, где впервые были изложены взгляды мистиков на древнеегипетскую иероглифику, вызвала серьезные критические замечания не только в ученом мире тогдашней России, но и среди самих русских масонов.

² *Под условием и с осторожностью* — соблюдение тайны и осторожности необходимо было в данном случае из-за сугубо мистического содержания книги.

³ *Всезнающими* — всезнающими автор называет людей, не принимающих и игнорирующих масонское увлечение древнеегипетскими «тайнствами».

⁴ *Те люди* — т. е. масоны-розенкрейцеры, мистики.

⁵ *Они суть догадки* — нападки на материализм и законы движения материи.

⁶ *№№. иностранец* — по-видимому, псевдоним мистика-масона профессора И. Г. Шварца.

О ДОБРОДЕТЕЛИ

Напечатано впервые в июльском номере журнала в 1780 г. (ч. IX).

¹ *Рассуждает о должностях по корыстолюбию, а о достоинстве по успехам* — в данном случае намеки на корыстолюбие и чиновничество дворянства.

² *При дворах государских* — намек на фаворитизм и развращенные нравы, процветавшие при дворе Екатерины II.

³ *Отеческие наши законы* — т. е. отечественные наши законы.

⁴ *В уединении живущих правоучителей* — отрицательный отзыв о правоучителях, изолировавших себя от общества и строивших свои этические теории только из познания «самих себя», противоречит масонским доктринам, призывавшим именно к уединению и познанию самого себя, самым репаяющим, по их мнению, средствам нравственного совершенствования людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЖУРНАЛА ПОД НАЗВАНИЕМ «УТРЕННЕГО СВЕТА»

Заключение, как и «предуведомление», написано, по всей вероятности, Н. И. Новиковым и напечатано в августовском номере журнала в 1780 г. (ч. IX).

В статье подводятся итоги деятельности «Утреннего света» за все время его издания и намечена программа последующего масонского журнала — «Московского ежемесячного издания», начавшего выходить в 1781 г.

¹ *Оказывали некоторое неудовольствие* — здесь нетрудно видеть свидетельство того, что содержание «Утреннего света» вызвало нарекания известной части читателей журнала.

² *Опровергнуть вкравшиеся правила вольномыслия* — имеется, несомненно, в виду просветительская и материалистическая философия, борьбу с которой журнал «Утренний свет» считал одной из первоочередных своих задач.

³ *Полную систему высокого правоучения* — автор статьи признает, таким образом, только религиозно обоснованную этику.

⁴ *Язычников* — именование всех античных мыслителей язычниками было обычным в масонской литературе XVIII века.

⁵ *Желал бы я более говорить* — следует заметить, что до сих пор изложение велось якобы от лица коллектива авторов и издателей «Утреннего света», однако здесь и из дальнейшего текста видно, что заключение писалось одним лицом — издателем журнала, т. е. Н. И. Новиковым.

⁶ *Троякими материями* — имеются в виду главные темы, которым посвящены были статьи «Утреннего света»: правоучение, доказательства бессмертия души и изучение древнеегипетской иероглифики.

⁷ *Несколько или совсем были недовольны* — тоже важное признание недовольства читателей пропагандой мистицизма.

⁸ *Начать новый* — имеется в виду журнал «Московское ежемесячное издание», программа которого здесь и намечена.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «МОСКОВСКОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ»

Масонский журнал «Московское ежемесячное издание» выходил в 1781 г. Всего вышло три части, содержавших 12 номеров журнала.

Анализ статей, напечатанных в журнале, свидетельствует об упорной и глухой борьбе, происходившей в самой масонской организации. Достаточно, например, взять предисловие к журналу, которое явно выдержано в тонах воинствующего обскурантизма, изобилует многочисленными скрытыми и открытыми нападками на передовую научную мысль и философию. В таком же тоне выдержаны и некоторые другие статьи «Московского ежемесячного издания», посвященные религиозно-мистическим изысканиям, абстрактным этическим вопросам в свете учений философов-идеалистов древнего мира, которые противопоставляются «вольнодумным» концепциям новейших философов-просветителей и материалистов. Однако уже в первой части журнала (в апрельском номере) напечатана статья «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук», содержание которой звучит явным дисонансом по отношению к мистическим установкам предисловия.

Во второй части журнала появляются «Письма» о лстецах и царях, посвященные актуальной для тогдашней современности политической тематике. В них под видом рассуждений о политических нравах, господствующих в дореволюционной королевской Франции, затрагиваются вопросы, волновавшие тогда передовую русскую общественную мысль: о сословных барьерах, о принципах монархического абсолютистского образа правления, о рабстве и о законодательных мерах и т. д.

Кто был автором этих статей — неизвестно. По всей вероятности, это переводы, но переводы существенно переделанные и, конечно, приспособленные к русской действительности. В том или другом случае, независимо от того, являются ли «Письма» оригинальными или переводными, их критическая сущность и политическая направленность вряд ли могут подлежать сомнению. В этом смысле программа «Московского ежемесячного издания», намеченная в заключительной статье «Утреннего света», обрела, следует признать, весьма своеобразный для масонских журналов характер.

Плохое распространение журнала «Утренний свет» в последующий период его издания, недовольство многих читателей мистической тематикой и жалобы на однообразие содержания журнала вынудили Новикова и его сотрудников не только изменить название самого журнала, устранив из него обычную масонскую символистичность, но и попытаться внести определенные изменения в его содержание. Постепенно, однако, мистическая тематика все же начинает преобладать в журнале, под влиянием, несомненно, все той же внутриорденской борьбы, и не случайно на смену «Московскому ежемесячному изданию» приходит сугубо мистический журнал «Вечерняя заря», возглавляемый И. Г. Шварцом.

В «Московском ежемесячном издании» сотрудничали главным образом студенты Московского университета: Д. Серебряков, Л. Давыдовский, А. Малиновский, А. Брянцев, П. Колязин, Д. Рыкачев, М. Жуков, В. Данилов, П. Воейков, И. Рокотов и др.

Тираж «Московского ежемесячного издания» составлял примерно 400—500 экземпляров.

Журнал, в отличие от других новиковских периодических изданий, не посвящен никому.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Напечатано в январском номере журнала в 1781 г. (ч. I).

¹ *Скуцали высокими* — имеется в виду недовольство читателей отвлеченной тематикой и мистическими иеремиядами, которыми стали заполняться страницы «Утреннего света» в последний период его издания.

² *Высокомыслии* — так, конечно, иносказательно именуют издатели тематику религиозно-мистических статей «Утреннего света».

³ *После семи тысяч лет* — здесь используется библейское летоисчисление, в соответствии с которым от «создания мира» прошло семь тысяч лет.

⁴ *Не свойственными духу его безделками* — все это, как нетрудно догадаться, злостные нападки на просветительскую и подлинно прогрессивную научную мысль.

⁵ *Подражая славному в Риме Катону* — Катон Утический, римский политический деятель, суровый и непримиримый республиканец, не желая стать свидетелем крушения республики, покончил самоубийством.

⁶ *В науках ничего нового не изобрели и не прибавили* — здесь излагается пресловутая масонская реакционная теория об упадке и регрессе науки вследствие утери якобы современными учеными божественной «мудрости», присущей древнеегипетским и другим мыслителям древнего мира.

⁷ *В начертании закона на камне* — имеется в виду библейский миф о получении пророком Моисеем на Синайской горе десяти заповедей, начертанных на каменных скрижалях.

⁸ *Упражняющихся в оном мужей* — имеются в виду, конечно, масонские «мудрецы», доказывавшие сугубо мистический смысл иероглифической письменности.

⁹ *Химические и алхимические знаки, употребляемые для означения элементов* — все это, разумеется, антинаучная фантастическая выдумка мистиков.

О ГЛАВНЫХ ПРИЧИНАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПРИРАЩЕНИЮ ХУДОЖЕСТВ И НАУК

Напечатано в апрельском номере журнала в 1781 г. (ч. I).

Многие положения этой статьи противоречат положениям, высказанным в программном предисловии к журналу «Московское ежемесячное издание»...

¹ *Физики* — в данном случае в смысле: физиологи, естествоиспытатели.

² *Силлов* — обычная в XVIII в. транскрипция имени древнеримского деятеля Суллы.

³ *На полях фарсальских* — имеется в виду битва в окрестностях древнегреческого фессалийского города Фарсал, происшедшая в 48 г. до н. э. между войсками Юлия Цезаря и войсками римского сената под командованием Гнея Помпея. Разгром войск Помпея привел к крушению римской республики.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ»

Масонский журнал «Вечерняя заря» выходил в Москве ежемесячно в течение 1782 г. Всего вышло в свет три части, содержащие 12 номеров. Полное название журнала таково: «Вечерняя заря, ежемесячное издание, в пользу заведенных в Санктпетербурге Екатерининского и

Александровского училищ, заключающее в себе лучшие места из древних и новейших писателей, открывающее человеку путь в познании бога, самого себя и своих должностей, которые представлены как в правоучениях, так и в примерах оных, то есть небольших историях, повестях, анекдотах и других сочинениях стихами и прозою, служащее продолжением Утреннего света».

И в предуведомлении издателей к читателям указывалось, что «Вечерняя заря» служит продолжением «Утреннего света». У этих журналов, действительно, много общего: те же масонские реакционно-утопические откровения о предустановленности существующего порядка, те же призывы к самоусовершенствованию и познанию самого себя, та же проповедь непротивления злу насильем и т. п. В «Вечерней заре» все это, правда, выглядит куда более безапелляционно и с претензией на наукообразность. Руководителем издания был небезызвестный мистик проф. И. Г. Шварц.

Образцом словесной эквилибристики является печатаемое в настоящем издании «Рассуждение о бессмертии души», принадлежащее, вероятно, его перу.

Более открыто, нежели в других масонских журналах, проступает в «Вечерней заре» мистический элемент. Из номера в номер печатались в журнале статьи о загробной жизни, таинствах древнеегипетской религии и философии, троичности человеческой сущности, суетности жизни и т. д. Характерны фантастические разглагольствования о древнеегипетских таинствах, в то время когда наука не расшифровала еще иероглифической письменности и мало знала историю древнего Египта.

Некоторые новейшие исследования (например Г. П. Макогоненко, Н. Н. Берков) предпочитают исключить «Вечернюю зарю» из числа новиковских изданий и пытаются доказать, что «Вечерняя заря» издавалась чуть ли не в целях борьбы с новиковскими масонскими же журналами. Фактическая история дела не подтверждает этих гипотез. «Вечерняя заря» издавалась «в университетской типографии у Н. Новикова», а на обороте титульного листа журнала красуется издательская марка Новикова.

Не приходится конечно отрицать реакционно-мистическое «своеобразие» «Вечерней зари», не позволяющее ставить знак равенства между ней и другими масонскими «новиковскими» журналами. Руководящая роль мистика и обскуранта И. Г. Шварца не могла не наложить своего мрачного отпечатка на это издание.

В дореволюционной науке делались попытки изображать издание «Вечерней зари» доказательством «дальнейшего идейного падения Новикова». Но, как видим, приведенная нами даже самая сжатая история вопроса показывает, что издание журнала ни в коей мере не связано с дальнейшим идейным падением Новикова, а тем более если идейное, «теоретическое» руководство журналом ему не принадлежало как, впрочем, и во многих других масонских изданиях, носящих тоже ведь название «новиковских».

В «Вечерней заре», как указывается в специальном объявлении при первой части журнала, сотрудничали студенты Московского университета, вовлеченные в масонскую организацию: М. И. Антоновский, Л. М. Максимович, Л. Я. Давыдовский, Ф. А. Тимонович, А. Ф. Лабзин, И. П. Тургенев, М. И. Багрянский и др.

Тираж «Вечерней зари» точно не установлен. На основании некоторых данных следственного дела Н. И. Новикова (полицейские описи книжных магазинов) следует думать, что журнал печатался тиражом примерно в 500—600 экземпляров.

Статьи воспроизводятся нами по первопечатному изданию.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Напечатано в январском номере журнала в 1782 г. (ч. I).

Предисловие представляет интерес по изложенным в нем исходным для масонства религиозно-мистическим догмам.

¹ *Наш праотец до падения* — признание всеобъемлющей божественной мудрости библейского первородного человека Адама, потерянной якобы в результате грехопадения, было одной из основных догм масонства. Его целью и являлось якобы возвращение к этой первозданной мудрости, простоте и непорочности. Отсюда и вера в то, что древнеегипетские иероглифы хранят будто бы эту мудрость, способную объяснить все сокровенные тайны мироздания; отсюда занятия масонов алхимией, кабалистикой и магией, скрывающих якобы все те же потерянные некогда знания таинств.

² *И закон возложен на его действия* — здесь, как и выше, подразумевается библейское предание об изгнании Адама из рая и ограничении его «свободной воли» некими законами, явившимися тяжким бременем для человеческого рода.

³ *Три степени* — в масонстве были признаны три степени познания: самого себя, природы и божества.

⁴ *Вечерняя душа нашей зари* — данный контекст объясняет символический смысл названия журнала «Вечерняя зари».

РАССУЖДЕНИЕ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

Напечатано в январском номере журнала в 1782 г. (ч. I).

¹ *Мудрейшие между язычниками* — под язычниками автор имеет в виду античных философов и мыслителей.

² *Тускулан(ские) зап(осы)* — имеется в виду сочинение Цицерона «Тускуланские беседы», озаглавленное по названию его имения, находившегося близ города Тускуля (ныне г. Фраскати в окрестностях Рима).

³ *Практ(ическая) всеобщ(ая) филос(офия)* — имеется в виду ранний здесь и в последующем тексте подразумевается просветительская и материалистическая философия XVIII века.

ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О СОВЕСТИ ВООБЩЕ

Напечатано в июльском номере журнала в 1782 г. (ч. II).

«Рассуждение» представляет интерес, как попытка обоснования этических принципов масонства.

¹ *Третий же напоследок* — наконец, третья группа моралистов, правоучителей.

² *Сообщено в продолжении наших изданий* — это обещание редакция журнала выполнила, и в декабре в «Вечерней заре» (ч. III) была напечатана статья «О понятиях и источнике оных» (о Локке) со ссылкой на эту сноску в июльском номере журнала, где было обещано осветить вопрос о врожденных идеях.

³ *Практ(ическая) всеобщ(ая) филос(офия)* — имеется в виду ранний труд философа Хр. Вольфа «Всеобщая практическая философия, описанная математическим методом» (1703) (*De philosophia practica universali, methodo mathematica conscripta*).

⁴ *Предъизбрал ее* — утверждение о предустановленности моральных поступков и поведения человека находится в совершенном противоречии с отрицанием врожденных идей. Автор «Рассуждения» отходит здесь от

им же самым признанного выше учения Локка и излагает религиозно-масонскую доктрину о божественной предопределенности человеческой жизни во всех ее как физических, так и нравственных проявлениях.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ПОКОЯЩИЙСЯ ТРУДОЛЮБЕЦ»

Масонский журнал «Покоящийся трудолюбец» издавался в Москве поквартально в 1784—1785 гг. Всего вышло в свет 4 части журнала.

Полное название журнала таково: «Покоящийся трудолюбец, периодическое издание, служащее продолжением Вечерней зари, заключающее в себе богословские, философические, правоучительные, исторические и всякого рода как важные, так и забавные материи, к пользе и удовольствию любопытных читателей, состоящие из подлинных сочинений на российском языке и переводов с лучших иностранных писателей в стихах и прозе».

Название журнала имеет также символическое значение, как это пояснили его издатели в предисловии.

Журнал посвящен «Любезнейшему отечеству и всем верным сынам его».

Из титульной аннотации, а также из предисловия издателей видно, что «Покоящийся трудолюбец» замышлялся как продолжение «Вечерней зари». Однако содержание помещенного в журнале значительного числа крупных статей дает основание сделать вывод о том, что указание на продолжение линии «Вечерней зари» является чисто формальным и должно быть объяснено скорее всего дисциплинарными условиями, существовавшими в масонской организации. «Покоящийся трудолюбец» не только не продолжает сугубо мистическое направление «Вечерней зари», но явно с ним полемизирует или старается по крайней мере смягчить и ограничить безоглядное увлечение мистическими упражнениями. В некоторых статьях, напечатанных в журнале, нетрудно проследить довольно смелую полемику с мистическими проповедями и иеремиадами, которыми был до отказа насыщен журнал «Вечерняя зари». Новый журнал отвергает разные «тигетные» и «ложные» науки: алхимию, астрологию, вызывание духов, золото- и сереброрудение, поиски универсального лекарства и т. п. Конечно, «Покоящийся трудолюбец» был и оставался масонским журналом, и в нем еще довольно часто излагались всякого рода религиозно-мистические понятия и догмы. Однако при анализе содержания журнала нельзя не видеть то новое, что отличает его от предшественника и вообще от других масонских журналов. В связи с этим следует указать, что попытки некоторых исследователей (например, Г. П. Макогоненко) объявить и «Покоящийся трудолюбец» новиковским или даже антиновиковским изданием совершенно не соответствуют действительности. Дело здесь, разумеется, не только в формальных признаках (указание на печатание журнала в университетской типографии у Н. Новикова и наличие его издательской марки на обороте титульного листа), а в реальном содержании напечатанных в журнале статей, резкое отличие которых от статей, напечатанных в «Вечерней заре», совершенно бесспорно.

В «Покоящемся трудолюбце» сотрудничали студенты Московского университета: М. Антоновский, В. Подшивалов, П. Сохацкий, К. Мисловский, И. Софонович, М. Петровский, А. Росинский, Я. Благодаров, И. Голубовский и др.

Тираж «Покоящегося трудолюбца», вероятно, 500—600 экземпляров.

В настоящем издании статьи воспроизводятся по первопечатному изданию журнала «Покоящийся трудолюбец».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие представляет интерес по изложенным в нем теоретическим предпосылкам издателей журнала и расхождением с установками «Вечерней зари», линию которой должен был якобы продолжать «Покоящийся трудолюбец».

¹ Место, в котором мы находимся — имеется в виду Московский университет.

² После «Вечерней зари», при которой мы были близки ко сну, теперь наслаждаемся мы покоем — возможно, здесь скрыт полемический намек на сугубо мистический характер журнала «Вечерняя заря». В статьях авторов «Покоящегося трудолюбца» нередко высказывается мысль, что чрезмерное увлечение мистическими таинствами, алхимией и кабалистикой и пр. усыпляют душу, ввергают ее в состояние предсудительного бездействия.

³ Иероглиф нравственных наших упражнений — обычная масонская формула, свидетельствующая о символическом названии журнала.

⁴ Неосновательная критика словотолков — несомненно, полемический выпад против масонской критики, которая нередко встречается на страницах самих же масонских журналов; образцы такой критики приведены в нашем издании.

ЧЕЛОВЕК, НАЕДИНЕ РАССУЖДАЮЩИЙ О НЕУДОБОРЕШИМЫХ ПНЕВМАТОЛОГИЧЕСКИХ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ

Напечатано во второй части журнала в 1784 г.

Статья представляет интерес по затронутым в ней узловым для того времени философским проблемам и высказанным в ней сомнениям о решении их в идеалистической и масонской философии.

¹ Сравняться с теми иероглифами — масоны полагали, что древнеегипетские иероглифы, еще в то время перасшифрованные, содержат таинственные универсальные сведения неких древних мудрецов, с помощью которых можно решить и объяснить все сложные проблемы теории и практики.

² Анубис — в древнеегипетской мифологии — божество подземного царства; изображалось в иероглифике с собачьей головой.

³ Современники Гермесовы — Гермес — в античной мифологии — одно из олимпийских божеств, бог пастбищ и стад, разнообразных изобретений и открытий, посланец верховного божества Зевса, успешно выполняющий все его поручения.

⁴ Изобретатель монадов — Лейбниц, автор «Монадологии».

⁵ Ежели душа не существует в так называемом семенишке — некоторые философы-идеалисты XVIII в. утверждали, как известно, что душа находится уже в зародышах. Такого рода воззрения высказывали, в частности, Лейбниц и Бонна.

⁶ С электрическою жидкостью — в те времена электрический ток нередко отождествлялся с жидкостью.

⁷ Семь солнечных цветов — солнечный спектр.

⁸ Стихийные частицы — по утверждением естествоиспытателей-идеалистов того времени, материя состояла из четырех стихийных, неразложимых частиц: земли, воды, воздуха и огня. Такого взгляда придерживались и масоны.

НОВАЯ ЛОГИКА

Напечатана во второй части журнала в 1784 г.

Статья является ярким памфлетом на схоластическую логику и практическое применение ее законов и категорий. Автором статьи является, по всей вероятности, Н. И. Новиков. Такое предположение позволяют сделать встречающиеся в статье характерные для Новикова приемы дритивопоставления при критике социальных пороков положительного образца отрицательному. Так, например, изобличая купцов, стремящихся во что бы то ни стало получить дворянское достоинство и офицерские чины, автор считает нужным назвать некоего богатого купца Ст..., который мог бы легко и скоро стать дворянином, но отнюдь к этому не стремится. Такие противопоставления Новиков делает в статье «Я и Трутень» («Трутень», лист XXXII, 1769), называя инициалами ряд «добродетельных» дворян (см. стр. настоящего издания), и в известном «Отрывке путешествия в*** И*** Т***», обещав читателю показать образцового помещика и жителей «Благополучных деревни» («Живописец», лист XIV, 1772). Любопытно употребление для характеристики рассуждений старого крючкодея названия «неудобно-разумительно-понятные разговоры». Схожий составной эпитет употреблен Новиковым для характеристики персонажа статьи «Перевод» («Живописец», 1773, лист 8) — «неудобно-разумно-и-духоедятелен». Есть еще ряд других доводов в пользу авторства Новикова, как, например, приглашение читателей дополнить своими рассуждениями и сведениями статью автора и т. д.

¹ *Протей* — в античной мифологии — божество, обладавшее способностью к самым различным превращениям и перевоплощениям.

² *Тогдашние мои превращения* — автор имеет в виду произведение Овидия «Метаморфозы».

³ *О состязаниях* — о диспутах, дискуссиях.

⁴ *Употребляет стратагемы* — употребляет военные хитрости и уловки.

⁵ *Европейские университеты* — автор высмеивает здесь формальную схоластическую логику, процветавшую в европейской науке в средние века.

⁶ *Аристотелеву фигуру* — т. е. фигуру силлогизма аристотелевой логики.

⁷ *in Barbara, Celarent, Barocco...* — слова из мнемонических стихов, составленных в средние века для запоминания студентами многочисленных фигур и модусов силлогизма в формальной логике. Слова составлены из первых букв обозначений модусов и фигур.

⁸ *В Эразмовы времена* — в XV в., в эпоху Эразма Роттердамского.

⁹ *По восстановлении греческих писем* — имеется в виду огромная работа, которая была проделана выдающимися учеными-гуманистами Рейхлином, Гуттенном, Рубсаном и Эразмом Роттердамским по выявлению, изучению и систематизации памятников античной, особенно древнегреческой литературы.

¹⁰ *Противу греков* — т. е. против тех ученых-гуманистов, которые впервые показали огромное значение для европейской культуры древнегреческого языка и литературы.

¹¹ *Есть еще похожий способ* — имеются в виду военные столкновения между сторонниками различных социальных, политических и религиозных систем.

¹² *В Смитфильде* — Смитфильд — поле у городских стен Лондона, где происходили различные сборища и совершались экзекуции и казни.

¹³ *Разного рода сориты* — разного рода сложные и полные силлогизмы, которые распадалась на ряд мелких самостоятельных силлогизмов.

¹⁴ *Есть еще способ убеждать других* — имеется в виду взяточничество и подкуп.

¹⁵ *Ибо он из рода животных* — автор прибегает здесь к каламбуру, отождествляя выражение «ездить четвернею» с выражением «ходить на четвереньках», что и должно служить показателем скотской сущности честолюбия дворянина, описанного в статье.

¹⁶ *Я действительно майор* — по принятой в то время «Табели о рангах», офицер в чине майора имел уже право ездить четвернею.

¹⁷ *Быть сорокоалтынником* — сорокоалтынник — путливое в те времена прозвище купца.

¹⁸ *A priori* (лат.) — до и вне всякого опыта.

¹⁹ *Ex indubia experientia a posteriori* (лат.) — из несомненного опыта в последующем.

²⁰ *В обеих столичных наших городах* — в Петербурге и Москве.

²¹ *В здешний магистрат* — в дореволюционной России — магистрат — орган городского самоуправления, при котором существовал также арбитражный суд.

²² *Стен Фивейских* — Фивы — в древности главный город Беотии, одной из цветущих областей Греции. Был покорен царем Филиппом Македонским в 338 г. до н. э. в войне против беотийско-афинского союза.

²³ *De modo alios confutandi* (лат.) — в назидание другим.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ПРИБАВЛЕНИЯ К МОСКОВСКИМ ВЕДОМОСТЯМ»

«Прибавления к Московским ведомостям» выходили в 1783—1784 гг. и рассылались подписчикам почти при каждом номере газеты. В 1783 г. вышло 104 номера «Прибавлений» (в 4-ю долю листа), в 1784 г. вышло 94 номера (в 8-ю долю листа).

«Прибавления» относятся, несомненно, к периоду расцвета и наибольшей популярности «Московских ведомостей», которые Новиков и его сотрудники сумели оживить и наполнить интересными и полезными для читателей материалами и сведениями. Однако газета как по характеру публикуемых в ней материалов, так и по своему объему не могла все же полностью соответствовать целям и задачам систематической пропаганды просветительских идей и научных знаний. Издававшиеся одновременно с газетой в те годы масонские журналы выполняли сугубо специальные задачи и функции. Все это делало необходимым выпуск специального научно-популярного издания с широкой просветительной программой. Таким изданием, очевидно, и явились «Прибавления к Московским ведомостям».

В этом журнале Новиков и его сотрудники поместили значительное количество статей, небольших и весьма крупных, оригинальных и переводных, посвященных самой разнообразной тематике — исторической, педагогической, политической, географической и т. д.

Некоторые статьи, напечатанные в «Прибавлениях», подверглись цензурным преследованиям и навлекали на Новикова недовольство царского правительства. Имеется предположение, что цензурой не было допущено допечатание статьи «О влиянии успеха наук в человеческие нравы и образ мыслей» (1784, № 61). Возможно, что в связи с этим не смогли выйти в свет № 62, 63, 64 «Прибавлений». Серьезное недовольство Екатерины II вызвала статья «История ордена иезуитов» (1784, № 69—71). В ней разоблачались тунейство «братьев во Христе» и их политические интриги. Разобидевшиеся разоблачениями представители иезуитского ордена в Петербурге сделали представление императрице. Екатерина II, заигрывавшая из политических расчетов с иезуитами, издала специальный указ о запрещении печатать эту «ругательную историю», а номера «Прибавлений» с напечатанными разделами статьи изымались из продажи.

В «Прибавлениях» сотрудничали обычные в новиковских изданиях тех лет авторы и переводчики, преимущественно из числа студентов Московского университета.

Тираж «Прибавлений» точно не установлен. Н. М. Карамзин указывал, что в лучшие годы «Московские ведомости» выходили тиражом в 4000 экземпляров. Это позволяет сделать вывод, что таким же примерно тиражом выходили и «Прибавления к Московским ведомостям».

Небывало высокий для того времени тираж свидетельствует о большой просветительской роли, которую играли «Прибавления» в тогдашней русской передовой публицистике.

В объявлении о подписке на 1785 на «Московские ведомости» Новиков указал, что в дальнейшем «Прибавления» будут заменены специальным детским изданием, в котором он и его сотрудники намерены дать конкретные образцы практического применения теоретических правил, изложенных в педагогических статьях «Прибавлений». Действительно, с 1785 г. Новиков стал издавать журнал, тоже в виде приложения к «Московским ведомостям» — «Детское чтение для сердца и разума», который выходил на протяжении пяти лет, по 1789 г.

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ И ВСЕОБЩЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Автором статьи является, по всей вероятности, Н. И. Новиков. Статья дается в несколько сокращенном виде.

¹ *Англичанина Локка рассуждения о воспитании давно уже переведены на русский язык* — педагогический трактат Локка «О воспитании детей» был переведен на русский язык профессором Московского университета Н. Н. Поповским и издан в Москве в 1759 г. В 1788 г. Новиков выпустил второе издание этого перевода.

² *И так все сии и подобные особенные намерения* — дальнейший текст напечатан в «Прибавлении» к 6-му номеру «Московских ведомостей».

³ *Некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках* — имеются в виду дворянство и купечество.

⁴ *Родители должны быть детям почтеннее всех других особ* — последующий текст напечатан в «Прибавлениях» к 9-му номеру «Московских ведомостей».

⁵ *Мужики, причиняющие всякому благовоспитанному человеку омерзение* — следует иметь в виду, что автор статьи излагает принципы дворянской системы воспитания, отсюда резкий тон рассуждений о поведении слуг или дворовых людей.

⁶ *Молотящего вола оборотати* — взыздать рабочего вола, завязать рот (библейское изречение). В переносном смысле: лишить инициативы.

⁷ *Но как же можно надеяться* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 12-му номеру «Московских ведомостей».

⁸ *Ouvrir l'esprit et former le coeur* — открыть разум и образовать сердце (фр.).

⁹ *perruque, friser, cheveux* — парик, брить, волосы (фр.).

¹⁰ *Родители, знающие истинную пользу свою при выборе гофмейстера* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 15-му номеру «Московских ведомостей».

¹¹ *В обоих столичных городах здешних преизрядные находятся заведения* — имеются в виду Московский университет и университет при Академии наук в Петербурге.

¹² Опускаем здесь раздел «О телесном или физическом воспитании» (напечатан в «Прибавлениях» к 18, 21, 24, 28 и 34-му номерам «Московских ведомостей») ввиду узкоспециальной его темы и уклона в область чисто физиологических подробностей.

¹³ *Третье: Остерегайтесь подавать детям* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 83-му номеру «Московских ведомостей».

¹⁴ *Из сего следует еще следующее правило* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 84-му номеру «Московских ведомостей».

¹⁵ *В физике* — в данном случае в значении: в физической жизни.

¹⁶ *Во-вторых, приучайте детей действовать по усмотрениям и причинам* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 85-му номеру «Московских ведомостей».

¹⁷ *Шестое: для облегчения им всего сего* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 86-му номеру «Московских ведомостей».

¹⁸ *О вы, родители* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 87-му номеру «Московских ведомостей».

¹⁹ *Упражняйте их паче* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 88-му номеру «Московских ведомостей».

²⁰ *Наконец, охраняйте сколько возможно детей* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 89-му номеру «Московских ведомостей».

²¹ *Предводительницы в жизни* — здесь опущен раздел, посвященный вопросам религиозного воспитания детей (напечатан в «Прибавлении» к 89, 90, 91-му номерам «Московских ведомостей»).

²² *Если ж, напротив того, еще в молодых летах* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 92-му номеру «Московских ведомостей».

²³ *Многие добродетели часто тщетно бывают выхваляемы* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 93-му номеру «Московских ведомостей».

²⁴ *Напротив того, коль велико должно быть удовольствие* — последующий текст напечатан в «Прибавлении» к 94-му номеру «Московских ведомостей» и завершает собой статью о нравственном воспитании детей.

О ВЛИЯНИИ УСПЕХА НАУК В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ НАВЫКИ И ОБРАЗ МЫСЛЕЙ

Напечатана в «Прибавлениях» к № 61 «Московских ведомостей» за 1784 г.

Существует мнение, что статья подвергалась цензурному запрету и ее продолжение вследствие этого не смогло быть напечатано в последующих номерах «Прибавлений». Действительно, следующим за № 61 «Прибавлений» вышел только № 65, номера 62, 63, 64 в печати не появлялись. Следует, однако, учесть, что нумерация страниц издания не нарушена.

Относительно невыхода следующих за № 61 экземпляров «Прибавлений» в № 62 «Московских ведомостей» за 3 августа 1784 г. было напечатано такое извещение издателя:

«Для известия

Почтенная публика через сие извещается, что за некоторыми непредвиденными препятствиями издание «Прибавлений» при ведомостях остановится на несколько дней. Читатели тем извинительнее найдут сей наш поступок, если оны благоволят напомнить себе, что мы не обязались означить им точную меру, а издаем оные единственно от усердия к общественному благу. Впрочем, мы возобновим издание оных, как скоро возможно будет».

Это же объявление напечатано вторично и в № 63 «Московских ведомостей» от 7 августа 1784 г.

Ссылка на непредвиденные препятствия определенно наводит на мысль о цензурном преследовании. Возможно, что некоторые имеющиеся в статье вольнодумные рассуждения о схоластическом богословии и о церковниках привлекли внимание цензуры, воспрепятствовавшей дальнейшему печатанию статьи.

¹ *В средние времена* — в средние века.

² *Предки наши* — в данном случае имеются в виду греки и римляне.

³ *Коллегии* — название некоторых учебных заведений на Западе и в царской России.

ПРЕДИСЛОВИЯ Н. И. НОВИКОВА К РАЗЛИЧНЫМ ИЗДАНИЯМ

Предисловие к «Опыту исторического словаря о российских писателях»

Словарь вышел в свет в Петербурге в 1772 г. отдельным изданием и представляет собой первый био-библиографический справочник о русских (светских и духовных) писателях, ученых и переводчиках. Словарь содержит сведения о 317 деятелях русской литературы и науки с древнейших времен до семидесятых годов XVIII века.

Н. И. Новиков внес в словарь имена не только известных и малоизвестных писателей, произведения которых были напечатаны, но и имена писателей, чьи произведения вовсе не были обнародованы. В труде Новикова представлены многие безвестные писатели, вышедшие из демократических слоев общества.

Новизна дела, отсутствие в то время систематизированных биографических и библиографических материалов чрезвычайно затруднили процесс создания книги, в которую в результате этого вкралось немало ошибок и неточностей. В целом ряде случаев встречаются и не совсем объективные оценки творчества современных автору словаря писателей. Однако, не зная на все это, «Опыт исторического словаря о российских писателях» был и остается ценнейшим историко-литературным справочником.

«Опыт исторического словаря» был переиздан дважды: 1) в 1867 г. библиографом П. А. Ефремовым в книге «Материалы для истории русской литературы», 2) в советское время в 1951 г. в составе однотомника избранных сочинений Новикова, подготовленных к печати Г. П. Макогоненко.

¹ *Невольница татарская* — напоминание о татаро-монгольском нашествии, какому подверглась наша родина в XIII веке.

² *Приводит в трепет Мустафу и Магомеда* — имеется в виду первая война с Турцией 1768—1774 гг.

³ *Известие о некоторых российских писателях* — «Известие» было напечатано не в 1766 г., а в 1767 г. в лейпцигском журнале «Новая библиотека изящных наук и свободного искусства» (т. VII) и содержало сведения о 42 русских писателях. На французском языке «Известие» было издано дважды в Ливорно — в 1771 и 1774 гг. Вопрос о его авторе окончательно еще до сих пор не решен. Исследователи называют в качестве его авторов путешествовавших тогда за границей русских писателей — А. А. Волкова, И. А. Дмитриевского, В. И. Лукина, С. Г. Домашнева и др. Нам представляются наиболее убедительными доводы в пользу принадлежности «Известия» С. Г. Домашневу, приведенные А. И. Лященко (см. «Известия Отделения общественных наук Академии Наук СССР»,

1931, № 8, стр. 953—975). Во всяком случае можно с большой достоверностью говорить о принадлежности С. Г. Домашнему французского перевода «Известия», текст которого значительно отличается от немецкого.

⁴ *Продолжение сего «Словаря»* — это продолжение в свет не появилось, хотя Новиков в последующие за изданием «Опыта словаря» годы, несомненно, накопил немало новых био-библиографических материалов о русских писателях и ученых.

Предисловие к «Древней Российской Вивлиофике»

Исторический труд под названием «Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев» издавался Н. И. Новиковым периодически в 1773—1775 гг. Всего вышло 10 частей. Часть 1-я вышла в Петербурге в 1773 г. Впоследствии, в 1788—1791 гг., Новиков выпустил в Москве «вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное» второе издание «Древней Российской Вивлиофики» в 20 частях.

В 1894 г. «Древняя Российская Вивлиофика» была переиздана в третий раз земской публичной библиотекой города Мышкина, Ярославской губернии.

¹ *Некоторые маловажных моих сочинений* — имеются в виду статьи в сатирических журналах и некоторые исторические и историко-литературные работы, написанные и напечатанные Новиковым в предшествующие годы.

² *День святого Варфоломея* — день массового избиения католиками протестантов-гугенотов в ночь на 29 августа 1572 г.

³ *Клевет А* де Ш*** — имеется в виду аббат Жан Шапп де Отерош, автор клеветнической книги о России, изданной в Париже в 1764 г.

⁴ *В «Ведомостях» напечатанным* — объявление об издании «Древней Российской Вивлиофики» было напечатано в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

⁵ *Ободрить меня самым делом* — по распоряжению Екатерины II Новикову было разрешено пользоваться историческими рукописями, хранившимися в государственных архивах.

Предисловие от издателя к «Древней Российской Идрографии»

Книга вышла в свет в Петербурге в 1773 г. под таким названием: «Древняя Российская Идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по них города и урочища и на каком оные расстоянии». Это было первое печатное издание ценнейшей исторической рукописи, известной под названием «Книги Большого Чертежа», представлявшей собой объяснительный текст к генеральной карте Московского государства, составленной, по-видимому, в XVI в.

«Книга Большого Чертежа» переиздавалась затем несколько раз. В 1792 г. рукопись была издана анонимно историком А. И. Мусиным-Пушкиным в очень ограниченном числе экземпляров, по имеющимся сведениям не более 50 экземпляров. Имеются два издания, осуществленные в XIX в., в 1838 и 1846 гг.

Публикуемое предисловие Н. И. Новикова показывает его стремление изданием «Древней Российской Идрографии» опровергнуть нелепые вы-

мысли об отсутствии в допетровской России книг светского содержания и ярко характеризует вместе с тем методы его работы, как историка и археографа, тщательно исследующего древние рукописные памятники отечественной истории.

Предисловие к IV части Собрания сочинений Феофана Прокоповича

Напечатано при 4-й части богословских сочинений Ф. Прокоповича, вышедшей в свет в 1774 г. в Петербурге. Первые три части вышли в 1760—1765 гг. Они составлены и изданы С. Наковальниным.

Новиков высоко ценил деятельность и труды Феофана Прокоповича.

Новиков хотел добиться издания действительно полного собрания сочинений Ф. Прокоповича. Это намерение осталось, однако, невыполненным. Кроме четвертой части собрания сочинений, Новиков в дальнейшем смог издавать и переиздавать только отдельные сочинения Прокоповича.

Предисловие к 3-му и 4-му изданиям журнала «Живописец»

Напечатано впервые в 1775 г. при первом листе третьего издания «Живописца» и затем перепечатано в 1781 г. при первом листе четвертого издания журнала. Обращение к читателю воспроизводится нами по четвертому изданию «Живописца».

В третье издание «Живописца» были включены наиболее совершенные и острые сатирические статьи и из «Трутня», вследствие чего это издание, как и последующее, четвертое, представляет собой как бы антологию новиковской сатиры тех лет. Если даже не все напечатанные здесь статьи принадлежат собственно Новикову, то, во всяком случае, несомненно, многие из них появились в печати после его активной редакторской обработки. В особенности это заметно по многочисленным разночтениям, обнаруживаемым в статьях различных изданий сатирических журналов Новикова. Ссылка на французских писателей в общем контексте предисловия, пронизанного мотивами осуждения дворянской галломании, должна восприниматься не иначе как в ироническом плане. Предисловие доказывает и такую важную черту творчества Новикова, как ориентация его как писателя на демократические слои читателей, среди которых его издания пользовались наибольшим успехом.

Предисловие к «Скифской истории» А. Лызлова

Книга вышла в свет в Петербурге в 1776 г. Издана была только первая часть труда А. Лызлова. В предисловии к этой первой части Новиков обещал выпустить вскоре 2-ю и 3-ю части. Однако они были напечатаны лишь спустя 11 лет во втором издании «Скифской истории» в Москве в 1787 году. Предисловие, публикуемое нами, воспроизводится по этому последнему изданию.

Издание Новикова сделало доступным этот ценный рукописный памятник читателям и вообще сохранило его от забвения и, может быть, от гибели.

Как обычно в подобного рода исторических изданиях Н. И. Новикова, предисловие показывает принципы, какими руководствовался издатель при публикации рукописи труда А. Лызлова.

Предисловие к «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева»

Книга вышла в свет в Петербурге в 1776 г. под названием «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева, состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриарху, также из писем к разным особам с приобщением объявления о причинах его заточения и о возвращении из оного, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при императорском Московском университете».

В 1785 г. книга была вновь переиздана. «История» (оба издания) посвящена знаменитому военному деятелю генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому, являвшемуся правнуком боярина А. С. Матвеева.

Книга содержит документы о жизни и преследованиях, каким подвергся в царствование Феодора Алексеевича выдающийся русский дипломат, государственный и военный деятель А. С. Матвеев (1625—1682) и его семья. Матвеев был сослан в 1676 г. и возвращен только в первые дни царствования Петра Великого в 1682 году. Однако недолго пришлось пользоваться Матвееву полученной свободой. Через четыре дня после своего возвращения в Москву он был зверски убит во время стрельцкого мятежа. Упомянутый в книге А. А. Матвеев (1666—1728), сын боярина, был также выдающимся политическим деятелем и дипломатом.

Публикуемое предисловие характеризует не только труды Н. И. Новикова как редактора и издателя рукописи с личными документами А. С. Матвеева, но и свидетельствует о его намерении, к сожалению, оставшемся неосуществленным, составить полное жизнеописание выдающегося исторического деятеля, каким был А. С. Матвеев. Новиков чрезвычайно высоко оценивал многогранную деятельность Матвеева.

¹ *Паталья Кирилловна* — мать Петра Великого, действительно была воспитанницей А. С. Матвеева.

² *Причиной его несчастья и ссылки в правление царя Феодора Алексеевича* — за свои занятия науками и общение с иностранными учеными А. С. Матвеев был обвинен его врагами в чернокнижии и злых умыслах на жизнь царя Феодора Алексеевича.

³ *Воеводе Иване Богдановиче Милославском* — это был один из самых заклятых врагов семьи Матвеевых.

Предисловие к журналу «Санктпетербургские ученые ведомости»

Журнал «Санктпетербургские ученые ведомости» выходил еженедельно с января по май 1777 г. Последний номер журнала датирован 2 июня. Фактически же журнал выходил с марта по август 1777 г., что видно из сообщения издателей, помещенного в конце первого номера. Здесь указано, что «Санктпетербургские ученые ведомости» выходить будут с начала марта месяца, каждую неделю по пятницам. «Г. издатели, желая наградить упущенное текущего года время, начнут оные с начала генваря месяца, по чему весь март и апрель месяцы будет выходить по два номера в каждую неделю, а сим и наградится упущенное время». Всего вышло 22 номера. Журнал посвящен «дворянам Калужского наместничества» (в связи с пожертвованием ими крупной суммы на заведение училищ).

«Санктпетербургские ученые ведомости» являются библиографическим журналом, содержащим информацию о выходе новых книг на рус-

ском языке и критические разборы их. Издание журнала было предпринято Новиковым, несомненно, в просветительских целях. Существует мнение (А. А. Кунника), что выпуск журнала Новиковым представлял собой реализацию предполагавшегося еще в конце сороковых годов Ломоносовым такого же справочно-библиографического издания. Кроме критико-библиографических статей, издатели журнала призывали стихотворцев составлять подписи к портретам выдающихся русских писателей и художников. Ряд таких надписей опубликован в журнале.

На содержании и характере критических статей, напечатанных в «Санктпетербургских ученых ведомостях», в определенной мере сказался уже сдвиг в мировоззрении Новикова, происшедший после восстания Пугачева и увлечения масонскими непротивленческими учениями и доктринами. Этим, конечно, в первую очередь обусловлено обязательство издателей журнала соблюдать в критических статьях «крайнюю умеренность» «во пределах благопристойности и благонравия» и избегать какой бы то ни было сатиры. Критику «Санктпетербургских ученых ведомостей» можно с полным правом назвать стилистической. Она посвящена отчасти анализу содержания книг и произведений, а больше всего качествам языка оригинала или перевода и даже орфографии, характерной для того или иного автора и переводчика. Как и следовало ожидать, такое издание не могло иметь и не имело успеха. К тому же Новиков и его сотрудники приступили к изданию масонского журнала «Утренний свет». Не случайно поэтому прекращение выхода «Санктпетербургских ученых ведомостей» с августа. С этого времени начал выходить «Утренний свет».

О сотрудниках «Санктпетербургских ученых ведомостей» мало что известно. Автором многих статей был, вероятно, сам Новиков. Стихотворные надписи к портретам писателей присланы в журнал И. И. Дмитриевым, В. И. Майковым, Ф. Я. Козельским и др.

Тираж «Санктпетербургских ученых ведомостей» не установлен. Надо думать, что он составлял примерно 400—500 экземпляров.

В 1873 г. журнал был переиздан известным библиографом А. Н. Нестроевым.

Предисловие напечатано при первом номере журнала, откуда и воспроизводится в нашем издании.

¹ *Да позволится нам вольность благодарных критики — этим и намечается умеренность критических статей журнала.*

² *Себе же избираем благую часть, от нея же никогда не отымемся — библийское изречение.*

³ *Н.* — т. е. Новиков.

**Предисловие к «Повествователю древностей российских,
или собранию разных достопамятных записок,
служащих к пользе истории и географии российской,
издаваемое Николаем Новиковым,
членом Вольного российского собрания
при императорском Московском университете»**

Книга вышла в свет в Петербурге в 1776 г. Новиков первоначально намеревался издавать сборник исторических материалов под названием «Сокровища древностей российских», но затем изменил его название. Издание «Повествователь древностей российских» не получило дальнейшего развития. Напечатан был только первый выпуск первой части сборника.

«Повествователь» должен был, очевидно, служить дополнением к издаваемой Н. И. Новиковым в 1773—1775 гг. «Древней Российской Вивлио-

фике». Не случайно поэтому материалы из сборника были потом полностью включены во второе издание «Древней Российской Вивлиофики», вышедшем в 1788—1791 гг.

Публикуемое нами обращение к читателю является предисловием к «Повествованию древностей российских» и написано в сатирической манере, посредством которой Новиков и теперь, как и несколько лет до этого в своих известных сатирических журналах, изобличал и высмеивал рабоподчинившихся перед иностранщиной дворян, чуждавшихся своей родины, ее истории и культуры.

Изданием подобного рода сборников Новиков преследовал совершенно определенные патриотические просветительские цели популяризации памятников об историческом прошлом России.

Предисловие к Полному собранию всех сочинений в стихах и прозе А. П. Сумарокова

Напечатано в первом томе Полного собрания сочинений Сумарокова, вышедшем в свет в 1781 г. в Москве. Всего было издано 10 томов.

Новиков был не только издателем Полного собрания сочинений Сумарокова, «в удовольствие любителей российской учености», но ему пришлось, кроме того, проделать огромную работу по собиранию и редактированию сочинений этого выдающегося для своего времени дворянского писателя. В 1787 г. десяти томное собрание сочинений Сумарокова вышло вторым изданием. Эти издания остаются до сих пор единственными полными собраниями сочинений А. П. Сумарокова.

Новиков почему-то не смог выполнить намерений, о которых он говорит в обращении к читателям. Написанная им биография писателя в последнем томе сочинений Сумарокова не появилась, равно как и роспись его произведений с указанием, печатаются ли они впервые или переиздаются. В десятом (последнем) томе имеется только сводное оглавление ко всем томам издания.

В первом томе сочинений Сумарокова, изданном в 1787 г., публикуемое здесь предисловие не было напечатано. Вполне понятно, что Новиков, не выполнив данных в нем прежде обещаний, счел нецелесообразным вновь печатать обращение к читателям при втором издании.

Предисловие к «Родословной книге князей и дворян российских и выезжих, изданной по самовернейшим спискам»

Напечатано при первой части книги, вышедшей в свет в Москве в 1787 году. Всего было издано две части.

Обращение к читателю характеризует работу Новикова над историческими рукописными материалами и источниками и дополняет в этом отношении предисловия, которые были предпосланы в свое время ранее издававшимся им историческим сборникам и сочинениям, как, например, «Древняя Российская Вивлиофика», «Скифская история» Лызлова, «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева» и др.

А. П. СУМАРОКОВ

Сумароков Александр Петрович (1718—1777) — выдающийся русский писатель и публицист XVIII века.

Происходил из старинного дворянского рода. Учился в шляхетском кадетском корпусе. Его служебная деятельность была весьма кратко-

временна. Сумароков с молодых лет целиком посвятил себя литературной деятельности, являясь в этом отношении первым писателем-дворянином, для которого литература была основным делом жизни. В литературе стал известен со второй половины 1740-х годов, когда вышли в свет его первые трагедии «Хорев» (1747) и «Гамлет» (1748). В 1756 г. Сумароков был назначен директором театра, созданного знаменитыми талантливыми русскими актерами Ф. Г. Волковым, И. А. Дмитриевским и др. В этой должности он проработал до 1761 г. Сумароков умер в крайней бедности в Москве в 1777 году.

Творчество Сумарокова отличалось чрезвычайным разнообразием и широтой тематики и жанровых форм. Его перу принадлежат многочисленные драматургические произведения, оды, сатиры, лирические стихи и песни, притчи, басни, статьи по вопросам истории России, философии, этики, теории литературы, грамматики и т. д. Сумароков активно сотрудничал в издававшихся в его эпоху журналах «Ежемесячные сочинения» (1755—1758), «Праздное время в пользу употребленное» (1760), «Полезное увеселение» (1760—1763), «Свободные часы» (1761—1763) и пр. В 1759 г. он сам издавал журнал «Трудолюбивая пчела» — первый русский частный и первый сатирический журнал.

По своему мировоззрению и политическим взглядам Сумароков был типичным дворянским идеологом, просветителем, идеалистом, сторонником «просвещенного абсолютизма». Его творчество, проникнутое резкими сатирическими суждениями о современном ему общественно-политическом строе, хотя и представляет собой своеобразную форму самокритики господствующего дворянского класса, тем не менее содержало ряд прогрессивных положений, направленных против самодержавно-крепостнического режима, произвола помещиков-крепостников, дворянских сословных предрассудков, бюрократизма, религиозных суеверий, домостроевского уклада и быта. Все это не случайно привело к тому, что Сумароков значительную часть своей жизни находился в опале, претерпевал различные унижения и материальную нужду.

Во многих своих сатирических произведениях Сумароков зло бичевал дворянский космополитизм, «жалкую тошноту по стороне чужой», раболепие перед иностранными модами и обычаями и горячо призывал русских писателей и ученых всемерно развивать и совершенствовать свой родной язык, отечественную литературу и науку. Сатирическое творчество Сумарокова оказало значительное воздействие на развитие сатирической публицистики конца 1760-х и начала 1770-х годов, на сатиру Новикова, Фонвизина, Державина, Крылова и Радищева.

Литературная деятельность Сумарокова была по достоинству оценена передовыми русскими мыслителями второй половины XVIII в. — Новиковым и Радищевым, а вслед за ними Пушкиным и Белинским.

Литературное наследие Сумарокова не издано полностью до сих пор. Полное собрание его сочинений, собранных, отредактированных и изданных Н. И. Новиковым в 10 томах в 1781 г. (второе издание в 1787 г.), остается пока единственным. Большой интерес представят для читателей публикуемые в настоящем издании давно позабытые, не печатавшиеся с XVIII в. некоторые произведения и философские статьи Сумарокова, в которых он высказал много примечательных для его эпохи идей и положений.

Статьи и произведения Сумарокова воспроизводятся нами по первопечатным изданиям и Полному собранию всех сочинений в стихах и прозе 1787 г.

НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ О ДОБРОДЕТЕЛИ

«Некоторые статьи о добродетели напечатаны в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. VI).

¹ *Блаженнее окозавшого Галилея* — негодующая реплика Сумарокова против преследований Галилея свидетельствует о его безусловной при-
верженности к гелиоцентрическому учению Коперника.

² *Сии две обширные науки и логика* — Сумароков считал, что точные науки должны изучаться в теснейшем сочетании с философией.

³ *Держится пеструхи* — т. е. занимается карточной игрой.

⁴ *Крепостное письмо* — в юридической терминологии того времени грамота (так называемая «купчая крепость») на право владения недви-
жимым имуществом.

⁵ *Писывали в рядных* — писали в своих договорных грамотах.

⁶ *Не оправдится и тот, который записывает деревни* — имеется, ве-
роятно, в виду чиновник-взяточник, регистрирующий купчие сделки меж-
ду помещиками-дворянами, где часто имели место разного рода злоупо-
требления и беззакония.

⁷ *Во случайных людях* — т. е. у временщиков, у людей, понавших
«в случай», в фавор при дворе.

О разумении человеческом, по мнению Локка

Напечатано впервые в журнале «Трудолюбивая пчела» (май 1759 г.).
Перепечатано затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе
(ч. VI).

¹ *Разумение просвещается чувствами* — в вопросах гносеологии Су-
мароков, как видим, был сенсуалистом, и вся статья посвящена защите
сенсуализма и отрицанию так называемых «врожденных идей».

² *Ученика Гоббсезиева* — т. е. ученика Гоббса.

О несправедливых основаниях

Напечатано впервые в журнале «Трудолюбивая пчела» (май 1759 г.).
Перепечатано затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и про-
зе (ч. VI).

¹ *Петиметры* — щеголи, легкомысленные, ветреные франты.

² *Люди первого в обществе класса* — как просветитель, Сумароков
чрезвычайно высоко ставил и ценил деятелей науки и литературы, ре-
шительно пренебрегая дворянскими сословными привилегиями и звани-
ями.

³ *Знание благородных людей* — Сумароков остро осуждает здесь всю
систему дворянского воспитания.

⁴ *Учредил училище* — имеется в виду Киевская Петромогилянская
духовная академия, основанная в первой половине XVII века.

⁵ *В Законоспасском монастыре* — имеется в виду Московская славяно-греко-латинская духовная академия, основанная в 1682 г., в кото-
рой учился М. В. Ломоносов.

⁶ *Стал горюю Геликоном* — т. е. средоточием наук и искусств; в древ-
негреческой мифологии — Геликон — гора, на которой обитали музы.

⁷ *Струями Иппокрены* — в древнегреческой мифологии — Иппокрена,
источник, вода которого вдохновляла поэтов.

⁸ *Рассуждал о учреждении Академии* — имеется в виду создание Ака-
демии наук в Петербурге.

⁹ *Его супруга* — императрица Екатерина I.

¹⁰ *Дщерь его* — императрица Елизавета Петровна.

¹¹ *Великое училище* — Московский университет.

Сон — счастливое общество

Напечатано впервые в журнале «Трудолюбивая пчела» (ноябрь, 1759). Перепечатано затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. VI).

¹ *Стоические философы* — философы-стоики, сторонники древнегреческого философа Зенона.

² *Малую искру власти над ними имеют* — т. е. почти никакой власти над ними не имеют.

³ *Во светские дела* — Сумароков решительно не признавал права церковников вмешиваться в мирские дела и частную жизнь граждан.

⁴ *Никто участно дать не дерзает* — никто не дерзает лично, частным образом содержать духовенство.

⁵ *Государственный совет* — упоминание о государственном совете показывает, что Сумароков считал нужным ограничить в какой-то мере царское самовластие.

Перевод письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю

Напечатано впервые в журнале «Свободные часы» (март, 1763). Перепечатано затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. IX).

¹ *Митологик* — мифолог, знаток сказок и легенд.

² *Основания материи суть бесконечно разделительны* — статья свидетельствует, что Сумароков был в основном сторонником атомистического учения о строении вещества и испытал на себе влияние научных материалистических идей Ломоносова.

³ *Поэтический хаос* — т. е. различные воображаемые картины разрушения вселенной, бывшие в ходу в XVIII веке.

Господину Пассеку: вот наш бывший разговор

Напечатано в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. IX).

¹ *Господину Пассеку* — имеется, вероятно, в виду П. Б. Пассек, крупный сановник екатерининских времен.

² *Какovy они ныне* — Сумароков в своеобразной форме излагает здесь основы эволюционистского учения.

³ *Ибо священное писание сему противуречит* — однако попытки Сумарокова обосновать и принадлежность человека к одной из разновидностей животного мира, которая претерпела значительные изменения, находились в совершенном противоречии с так называемым «священным писанием».

⁴ *Науки родились от общежития* — характерное признание решающей роли социального фактора в истории человечества.

О новой философической секте

Напечатано в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. X).

Статья представляет собой памфлет на современное автору дворянское общество, низкопоклонствующее перед иностранщиной, увлекающееся масонством и мистицизмом.

¹ *Оставалось таинством* — намек на масонские конспирации.

² *И без души* — т. е. и без знания французского языка.

³ *Вместо эпитемии* — вместо церковного наказания.

⁴ *Новые составляют системы* — снова намек на масонство.

К добру или худу человек рождается?

Напечатано в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. X).

Сумароков анализирует в статье известную в его эпоху этическую доктрину о том, что человек больше склонен ко злу, нежели к добру.

О слове «мораль»

Напечатано в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. X).

¹ *Настанет небывалый век* — т. е. век варварства.

О домостроительстве

Напечатано в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. X).

Статья направлена против крайностей крепостничества.

¹ *Утвердим поместничество* — т. е. согласимся с властью помещиков.

Эпистола о русском языке

Напечатано впервые в 1748 г. в книге «Две эпистолы Александра Сумарокова». Затем перепечатано в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. I).

¹ *И мысли голосом делим на мелки части* — обладаем членораздельной речью.

² *Писцов* — в данном случае в смысле: писателей.

³ *Один, последуя несвойственному складу* — намек на Ломоносова, которого Сумароков упрекал в пользовании образцами немецкой поэзии того времени.

⁴ *Палладу* — в древнегреческой мифологии — Паллада (Афинская) — богиня мудрости.

⁵ *Другой, не выучась так грамоте* — здесь и в последующих строках намек на Тредиаковского, постоянно сетовавшего на неразработанность стилистических средств и жанров тогдашней поэзии.

⁶ *Тот прозой скаредной* — по-видимому, опять нападки на своих литературных противников — Ломоносова и Тредиаковского.

⁷ *Искусен до зела* — очень искусен.

⁸ *Мнение творца* — мнение автора, сочинителя произведения.

⁹ *Изволь писать Бову, Петра Златы Ключи* — писать популярные народные сказки. Сумароков, как дворянский писатель, отрицательно относился к народной, лубочной литературе.

¹⁰ *Подбыхий говорит: писание тут нежно* — здесь продолжается та же мысль, что и в предыдущей строке о лубочной литературе, которая только для подбыхих — их особенно не жаловал Сумароков.

¹¹ *И вычурно писать научишься «конец»* — т. е. научишься быть канцеляристом, украшающим официальные бумаги завитушками и прочими чисто внешними украшениями пера.

¹² *Делай пени* — пеняй, упрекай.

¹³ *Чтем* — читаем.

О благородстве

Напечатано впервые в 1774 г. в сборнике «Сатиры А. П. Сумарокова». Перепечатано затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (ч. VII).

¹ *Петрополь* — Петербург.

² *Не должен класть его достоинства межею* — Сумароков осуждает здесь дворянские сословные предрассудки и указывает, что не должно считать критерием достоинств дворянина заслуги его предков.

³ *Сей Павла воспитал* — имеется в виду воспитатель наследника престола Павла Петровича — Н. И. Панин, известный государственный деятель того времени.

⁴ *...валы Орловы пробегают* — имеются в виду боевые действия русского флота во время первой Турецкой войны (1768—1771 гг.).

⁵ *И силу дерзкия Мегеры* — имеются в виду эпидемия чумы в Москве, вспыхнувшая в 1771 г., и связанный с ней так называемый чумный бунт.

Пиит и его друг

Напечатана впервые в сборнике «Сатиры Александра Сумарокова» в 1774 г., книга 1 (больше не выходило). Перепечатана затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе (1781 и 1787 гг. (ч. VII)).

В сатире затрагивается тема об общественных задачах писателя-сатирика, обличителя социальных пороков.

¹ *Д.* — буквы «Д» и «П» означают слова: «Друг» и «Поэт».

² *Эклогу*... — эклога — пасторальное стихотворение, в котором в сентиментально-идиллических тонах прославлялась счастливая, безмятежная жизнь пастухов и пастушечек.

³ *Зефир* — легкий, приятный ветерок; один из неизменных аксессуаров пасторальных произведений.

⁴ *Но что от жалостных тебя днесь драм влечет?* — под жалобными драмами подразумеваются так называемые «слезливые» буржуазно-мещанские драмы, получившие распространение в западноевропейской и русской литературе во второй половине XVIII в. Как дворянский писатель-классицист, Сумароков отрицательно относился к этому драматургическому жанру.

⁵ *А здесь* — в Москве, где жил в то время Сумароков. В этих строках автор жалуется на московскую театральную публику, оживленно и шумно реагировавшую на появившиеся тогда впервые на сцене «слезливые» драмы, претившие эстетическим понятиям Сумарокова.

⁶ *Со съезжей поберут людей на мостовую* — т. е. возьмут твоих дворовых слуг в полицию за неисправность мостовых.

⁷ *Кащей тебе с родней испортит мировую* — под Кашеем имеется в виду муж сестры писателя — А. И. Бутурлин, испортивший отношения Сумарокова с родными.

⁸ *И Русская меня Паллада защитит* — имеется в виду Екатерина II.

⁹ *Подъяческий экстракт* — выписка, краткое извлечение из тяжёлого дела.

¹⁰ *Кощеиза* — по-видимому, сестра поэта, втянувшая его в мучительный и дорогостоящий процесс из-за раздела наследственного имущества.

О честности

Напечатана впервые в сборнике «Сатиры Александра Сумарокова» в 1774 г., книга 1. Перепечатана затем в Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе в 1781 и 1787 гг.

В сатире затронута вновь тема дворянской нравственности.

¹ *Оправив ябеду* — оправдав незаконную, несправедливую тяжбу.

² *Так их во аукцион боярин шлет под молот* — имеется в виду порозничная публичная продажа с аукциона крепостных людей помещиками-крепостниками. Иронические, едкие интонации, какие употребляет здесь Сумароков, говоря о деяниях «пречестного господина», свидетельствуют о его отрицательном отношении к таким жестоким проявлениям крепостнического произвола.

³ *Атеист создателя не знает* — следует, конечно, иметь в виду, что Сумароков отрицательно относился к атеизму.

⁴ *Мир скирды числом большим считает* — т. е. скупой стяжатель недоволен обильным урожаем, препятствующим ему нажиться на спекулятивной продаже хлеба.

Н. М. КАРАМЗИН

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — выдающийся писатель, историк, публицист.

Карамзин родился 13 декабря 1766 г. в Симбирской губернии в семье помещика. В 1785 г. переехал в Москву, где сблизился вскоре с масонскими кругами и стал сотрудничать в новиковских изданиях. На протяжении пяти лет, с 1785 по 1789 г., принимал близкое участие в издании первого русского детского журнала «Детское чтение для сердца и разума» в качестве автора и переводчика.

Однако в 1789 г. Карамзин порвал с масонами и уехал за границу. Во время своего путешествия он побывал в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Вернувшись в Россию, стал самостоятельно издавать с 1791 г. «Московский журнал», в котором обнаружил свой незаурядный литературный и публицистический талант. В журнале, выходившем в 1791—1792 гг., были напечатаны первые рассказы и повести Карамзина: «Бедная Лиза», «Фрол Силин», «Наталья — боярская дочь» и др., а также многие статьи и стихотворения. Здесь же началось печатание знаменитых «Писем русского путешественника», издание которых завершилось лишь в 1801 г.

В 1793—1794 гг. Карамзин издавал альманах «Аглая», в 1796—1799 гг. — альманах «Аонида», где также опубликовал многие свои произведения. В 1802—1803 гг. издавал журнал «Вестник Европы» (являвшийся родоначальником наших последующих так называемых «толстых журналов»), в котором, кроме художественных произведений, печатал политические и научные статьи, где нашли выражение взгляды Карамзина на современную ему русскую и европейскую действительность.

Примерно с 1804 г. Карамзин целиком сосредоточил свои усилия над созданием «Истории Государства Российского». Эту работу он не прерывал до конца дней своих. Получив официальное звание историографа, Карамзин переселился в Петербург, сблизился с царской семьей, стал другом и советником Александра I. Карамзин умер 3 июня 1826 г.

Творческий путь Карамзина был очень сложен и противоречив. Он отразил в своем мировоззрении дух своей эпохи, полной разительных контрастов и противоречий. В ранний период своей деятельности Карамзин испытал сильное влияние масонских учений, наложивших глубокий отпечаток на все его мировоззрение.

Но Карамзин не остался глух и к революционным идеям, к лучшим достижениям просветительской философии и передовой русской демократической мысли. Не случаен его выход из масонской организации и отъезд за границу накануне Французской буржуазной революции 1789 г.

Известно, что впоследствии Карамзин разочаровался в революции и по существу вернулся в лоно масонской премудрости.

Однако в период своих увлечений прогрессивной мыслью Карамзин и смог создать все лучшее в своем творчестве и приобрести значительное влияние на умы и настроения тогдашних читателей. В произведениях, относящихся к этому периоду, он высказал многие ценные для просвещения и его развития идеи. В настоящем издании и публикуются некоторые публицистические статьи Карамзина, свидетельствующие о его приверженности к просветительской философии.

В этих статьях Карамзин развивал лучшие стороны публицистики Новикова и выступал продолжателем его замечательных просветительских традиций.

Карамзин был типичным дворянским идеологом, идеалистом по своим философским представлениям и понятиям, чем и обусловлено его неприятие революции, страх перед ней и переход на позиции политического консерватизма, который так характерен для его деятельности в период создания «Истории Государства Российского».

Нельзя, вместе с тем, игнорировать и положительные черты деятельности Карамзина и творчества, его произведений, в которых он выразил глубокую веру в благотворную роль науки и просвещения и гуманные призывы к добру и справедливости.

Публикуемые нами произведения Карамзина воспроизводятся по 7-му тому последнего прижизненного (третьего) издания его сочинений 1820 г.

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Статья «Что нужно автору?» напечатана впервые в 1794 г. в альманахе «Аглая» (ч. I).

¹ *Творец* — в данном случае в смысле: автор, сочинитель.

² *Славного Аруэта* — т. е. славного Вольтера.

³ *Благодетель Каласовой фамилии* — имеется в виду дело протестанта Жана Каласа, казненного в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве сына своего, принявшего католицизм. После упорной и длительной борьбы Вольтеру удалось доказать невиновность и добиться полной реабилитации казненного и его семьи. Родственники Каласа на длительное время нашли себе пристанище в доме Вольтера.

⁴ *Благодетель всех Фернейских жителей* — в последние двадцать лет своей жизни Вольтер жил в своем имении Ферней (на границе Швейцарии и Франции) и очень благоустроил находившуюся при нем деревню, приютив многочисленных переселенцев, нашедших здесь убежище от религиозных и иных преследований.

⁵ *Прекрасной Заиры* — Заира — главная героиня написанной в 1732 г. одноименной трагедии Вольтера, пользовавшейся у тогдашних зрителей триумфальным успехом.

⁶ *Заниматься одним изящным* — Карамзин придерживался того взгляда, что предметом искусства могут быть только изящные, гармоничные явления жизни, только красота; уродливые, «неизящные» явления не имели права быть изображаемыми в произведениях искусства. Этот взгляд целиком в духе дворянского классицизма XVIII в., и Карамзин хотя и явился представителем нового литературного направления — сентиментализма, и именно дворянского сентиментализма, — по-прежнему следовал здесь эстетическим канонам классицизма.

⁷ *Богинь Парнаских* — т. е. муз, вдохновительниц творчества.

НЕЧТО О НАУКАХ, ИСКУССТВАХ И ПРОСВЕЩЕНИИ

Напечатано впервые в 1794 г. в Альманахе «Аглая» (ч. I).

¹ Перевод эпиграфа: «Как музы, искусства и философия сближают народы и украшают жизнь». Сен-Ламберт (фр.).

² *Был человек — и человек великий* — имеется в виду Жан-Жак Руссо.

³ Перевод названия трактата Руссо: «Рассуждение о вопросе, предположенном Дижонской академией: Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?»

⁴ *По описанию одного поэта* — имеется в виду английский поэт Милтон и его описание картины сотворения мира в поэме «Потерянный рай».

⁵ *Женевского гражданина* — т. е. Руссо.

⁶ *Юпитер* — громовержец, бог права и порядка — одно из главных божеств древнеримской мифологии.

⁷ Рассуждение Жан-Жака (фр.).

⁸ *Служат фаросом* — служат маяком; ставшее нарицательным название огромного маяка, сооруженного в древности на острове Фарос близ Александрии Египетской.

⁹ *Элегическая* — проникнутая мотивами грусти.

¹⁰ *Луврской колоннады* — т. е. колоннады знаменитой Луврской картинной галереи в Париже.

¹¹ *До поэмы Клопштоковой* — имеется в виду поэма «Мессияда» знаменитого немецкого поэта XVIII в. Клопшток.

¹² *Факелом Тизифоны* — в древнегреческой мифологии — одна из трех злобных фурий.

¹³ Перевод: «Аналитический опыт о дружбе» Бонна и «Трактат об ощущениях» Кондильяка.

¹⁴ Перевод четверостишия: «Я открываю летописи: везде нахожу сетования на отсутствие этого века; все они трогательны для меня, хотя жалобники родились позднее» (фр.).

¹⁵ Перевод: «В Левит Эфраим». Имеется в виду прозаическая поэма Руссо.

¹⁶ *Наш мизософ* — ненавистник наук, т. е. Руссо.

¹⁷ Перевод: взято из трактата Монтаня о педантизме (фр.).

¹⁸ *Эфоров* — пять высших должностных лиц, управлявших Спартой.

¹⁹ *Ликурговым уставам* — законам Ликурга, законодателя Спарты в VIII в. до н. э.

²⁰ *Во второй Мессенской войне* — имеется в виду война спартанцев с мессенцами (685—668 гг. до н. э.), в которой последние потерпели поражение и были почти поголовно превращены в илотов, т. е. рабов.

²¹ *Думать о славной смерти их при Фермопилах* — имеется в виду знаменитая битва при Фермопилах в 480 г. до н. э., когда спартанский царь Леонид с 300 воинов сражался с превосходившими его силы противником — персидскими войсками.

²² *Великий Эпаминонд смирил гордость сих республиканцев* — имеется в виду разгром спартанцев войсками древнегреческого полководца в битвах при городах Левктры и Мантинее (418—362 гг. до н. э.).

²³ *Сын Софрониксов, или какой-нибудь абдерит* — т. е. Сократ или какой-нибудь тупой провинциал, житель города Абдеры (во Фракии). Абдериты служили почему-то синонимом тупости и мелочности. (Ср. Виланд «История абдеритов»).

²⁴ *Когда Катон* — см. примеч. 5 на стр. 501.

²⁵ *Гремел против Катилины* — имеется в виду публичное разоблачение Цидероном военного антигосударственного заговора Катилины в 63 г., направленного против римского сената.

²⁶ *Потомки Ромуловы* — потомки легендарного основателя Рима — Ромула.

²⁷ *В Моголовых сокровищах* — Могол — по преданиям — некогда могущественнейший и богатейший султан Индии.

²⁸ *Бросившись в море, держал он в правой руке «Лузиаду»* — Карамзин сообщает здесь действительный случай из биографии португальского поэта Камозенса, автора поэмы «Лузиада», рукопись которой он спас во время кораблекрушения.

²⁹ *Их славный антагонист* — т. е. Руссо.

³⁰ *Дух твой живет в Эмиле, но сердце твоё живет в Элоизе* — имеются в виду знаменитые педагогические романы Руссо: «Жюли, или новая Элоиза. Письма двух влюбленных, жителей маленького городка у подножия Альп» (1761) и «Эмиль, или о воспитании» (1762).

³¹ *Жилище грей, горгон и гарпий* — в античной мифологии — злобные и страшные чудовища, всячески вредившие людям.

³² *Палладиум благонравия* — оплот, залог благонравия.

³³ *Эпифимемата* — сжатое суждение, заключенное от противного (специальный термин логики).

³⁴ *Барбара, целарент, ферио* — см. примеч. 7 на стр. 506.

³⁵ *В «Немецком музее»* — имеется в виду немецкое периодическое издание XVIII в.

³⁶ *В отечестве грозных аквилонов* — в стране грозных северных ветров, снежных бурь. В древнеримской мифологии — Аквилон — бог северного ветра.

³⁷ *Везде долина Темпейская* — живописная долина в древней Греции между горами Оссою и Олимпом, многократно воспетая древнегреческими поэтами и ставшая поэтому нарицательным обозначением чудесного поэтического места, способного вдохновить творчество поэтов и художников.

МЕЛОДОР К ФИЛАЛЕТУ

Напечатано впервые в 1795 г. в альманахе «Аглая» (ч. II).

¹ *Любезный Филалет* — герои очерка носят так называемые изобразительные имена: Филалет по-гречески означает «любитель истины»; Мелодор — «даритель песней», т. е. поэт.

² *Развалины надежд и замыслов* — статья содержит размышления Карамзина о Французской революции конца XVIII в. и ее судьбах. В целом автор к тому времени уже стал отрицательно относиться к революции, отсюда сетования на «развалины надежд и замыслов».

³ *На развалинах Илиона* — под Илионом подразумевается знаменитый крупный и своеобразный по своей исторической судьбе в древнем мире город Троя. Многие эпизоды жизни Илиона отражены в «Илиаде» Гомера.

⁴ *Стовратных Фив* — знаменитый в древнем Египте город Фивы (Уасет) также воспет в гомеровском эпосе, где и назван «стовратным». Фивы были расположены на обоих берегах Нила, примерно в 700 км от современного Каира. Город Фивы был разрушен в 88 г. до н. э.

⁵ *Великолепного греческого храма* — имеется в виду афинский Акрополь.

⁶ *Свиная война опустошает Европу* — Карамзин имеет в виду здесь войну между французскими республиканскими армиями и войсками контрреволюционной коалиции России, Австрии, Пруссии и др.

⁷ *Сера и селитра истощаются в недрах земли, и громы умолкнут* — т. е. иссякнут средства для производства пороха и взрывчатых веществ.

⁸ *Александр не принял сосуда с водою* — Карамзин передает здесь известный исторический анекдот об Александре Македонском.

⁹ *Эоны погрузились в вечность* — по религиозно-философским учениям древности — эоны — светлые силы духовной жизни.

¹⁰ *Библиотека Озимандиасова* — предполагается, что под Озимандиасом подразумевается египетский фараон Рамзес II (1317—1251), основавший в то время одну из первых в древнем мире библиотек.

¹¹ *Под огненным небом линии* — т. е. под экватором.

¹² *Язвит отдаленного Питиаса* — Питиас и Дамон — древнегреческие мудрецы, связанные, по преданиям, узами тесной и преданной дружбы. Питиас был осужден к смерти, но испросил разрешение отлучиться, оставив заложником своего друга Дамона. Питиас вернулся в срок и был прощен.

¹³ Перевод стихотворной строки: «Мне плохо там, где я нахожусь, а я хочу, чтобы мне было хорошо» (фр.).

¹⁴ *Свиристуют аквилоны* — свиристуют северные холодные ветры.

¹⁵ *Даже в Египте видим мы только первые действия ума* — Карамзин явно отвергает здесь масонские бредни об особой важности изучения древнеегипетской иероглифической письменности, содержащей якобы разгадку многих мировых и научных тайн.

¹⁶ *Дыханию Борей* — северного холодного ветра. В древнегреческой мифологии — Борей — бог северных ветров.

¹⁷ *Там, там, за синим океаном...* — Карамзин цитирует здесь две строки из своего стихотворения «Послание к Дмитриеву» (1794).

О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ

Напечатано впервые в 1802 г. в журнале «Вестник Европы» (ч. IV).

¹ *Житель Гельвеции* — житель Швейцарии.

² *В дикий Унтервальден, в суровый Гларис* — горные районы в Швейцарии в начале 1790-х годов.

³ *На берегах прекраснейшего в мире озера* — имеется в виду Женевское озеро, у которого жил Карамзин во время своего пребывания в Швейцарии в начале 1790-х годов.

⁴ *По ненависти к штатгальтеру и оранистам* — штатгальтер — титул главы государства в Нидерландах в период 1572—1795 гг. Оранисты — представители княжеско-королевского дома Оранских-Нассау, царствовавших на протяжении ряда веков в Нидерландах, Англии и пр.

⁵ *Надлежало только быть на престоле решительному, смелому государю* — здесь вкратце изложена пресловутая концепция Карамзина, рассматривавшего исторический процесс как результат деятельности государей.

⁶ *Время самозванцев* — имеется в виду так называемое «Смутное время», относящееся к началу XVII в.

⁷ *Сражаться с первою европейскою армиею* — имеется в виду армия шведского короля Карла XII в.

⁸ *Если бы наши молодые дворяне, участь, могли доучиваться* — Карамзин подвергает здесь критике обыкновенные тогдашней дворянской системы образования, готовившей главным образом офицерские кадры для царской армии и чиповников для государственного аппарата.

⁹ *Charmant et séduisant, expansion et vapeurs* — прелестный и пленительный, откровенный и мечтательный (фр.).

ОТЧЕГО В РОССИИ МАЛО АВТОРСКИХ ТАЛАНТОВ?

Напечатано в 1803 г. в «Вестнике Европы» (ч. XIV).

¹ *Ah, mon cher Monsieur, n'avez-vous le nez gelu* — ах, мой дорогой, не обморозили ли вы нос (фр.).

² *Кандидат авторства* — т. е. кандидат в авторы.

³ *Кто, слушая Сирен* — сирены — в древнегреческой мифологии — морские девы (нимфы), завлекавшие своим пением моряков в опасные места, где они гибли.

⁴ *Классов латинской элоквенции* — т. е. уроков древнеримского красноречия — специальный предмет, изучавшийся в то время в средних и высших учебных заведениях.

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕ И ЛЮБВИ К ЧТЕНИЮ В РОССИИ

Напечатано в 1802 г. в «Вестнике Европы» (ч. X).

¹ *На Макарьевской ярманке* — Макарьевская ярмарка, возникшая еще в XVII в., считалась одной из важнейших в тогдашнее время.

² *На самого Мирамонда* — имеется в виду роман Ф. Эмина «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда» (1763). Несколько раз переиздавался в XVIII в.

³ *Теперь в страшной моде Коцебу* — в самом начале XIX в. значительное распространение получили произведения второстепенного писателя Коцебу. Это увлечение тогдашних читателей известно в истории литературы под глумливым названием «коцебятины».

⁴ *Требовали Персидских писем* — имеются в виду чрезвычайно популярные во Франции известные «Персидские письма» Монтескье.

⁵ *Кто пленяется Никанором, злощастным дворянином* — имеется в виду роман Матвея Комарова «Несчастный Никанор, или приключения российского дворянина Г...» (1775). Был очень популярен среди читателей и выдержал несколько изданий в XVIII в.

⁶ *Нередко доходит до Грандисона* — значительную популярность приобрели во второй половине XVIII в. произведения английского писателя-сентименталиста Ричардсона, вызвавшие целый ряд переделок и подражаний, например П. Львов «Российская Памела, или история Марии, добродетельной поселянки» (1789).

⁷ *Планета Пицци* — планета, открытая в 1802 г. итальянским астрономом Пицци.

ДОПРОС Н. И. НОВИКОВА

Публикация материалов из следственного дела Новикова началась давно. Еще в пятидесятых годах прошлого века большое число документов было напечатано в сборнике «Летописи русской литературы», издававшемся Н. С. Тихонравовым. Значительное количество материалов было опубликовано историком А. Н. Поповым в «Сборнике русского исторического общества» (т. II, 1868 г.) и академиком П. П. Пекарским в его книге «Дополнение к истории масонов в России XVIII столетия» (1869 г.). Но особо значительную и ценную группу документов опубликовал литератор и библиограф М. Н. Лонгинов в книге «Н. И. Новиков и московские мартинисты» (1867 г.).

Следственное дело Новикова хранится в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (разряд VIII, дело № 218). Однако следует учесть, что оно далеко не полно. В силу целого ряда причин материалы из следственного дела Новикова оказались разобщенными и рассредоточенными в разных архивах и частных рукописных собраниях. Часть

материалов вследствие этого, вероятно, безвозвратно затерялась, часть из них по той же причине известна нам теперь только по печатным публикациям. Оказался разобщенным даже сам допрос Новикова, и поэтому, например, Н. М. Логинов смог опубликовать в свое время только ответы Новикова на вопросные пункты руководителя Тайной экспедиции Шешковского. Вопросные же пункты были опубликованы А. Н. Поповым. Им же опубликованы оставшийся неизвестным Лонгинову ответ Новикова на 21-й пункт (вопрос о взаимоотношениях Новикова и масонов с наследником престола Павлом Петровичем) и возражения и замечания на ответы, которые сделаны, очевидно, Шешковским.

Среди многочисленных материалов следственного дела Новикова, так называемые «вопросные пункты» ему и его ответы на них представляют, несомненно, самый крупный исторический и политический интерес.

В допросе Новикова, который длился безусловно много недель, нашли свое отражение важнейшие и узловые моменты его «дела», закончившегося заточением его на 15 лет в каземат «государевой» Шлиссельбургской крепости-тюрьмы.

Читатель должен, конечно, учесть условность многих показаний Новикова, его болезненное состояние, обстановку, в которой они давались, и естественное в его положении стремление отвести многие выдвинутые против него Екатериной II обвинения, сулившие повлечь за собой самую беспощадную и суровую кару. Однако в целом вряд ли приходится оспаривать ценность этих показаний, насыщенных огромным количеством фактов, рисующих подвижническую деятельность этого выдающегося русского писателя и просветителя XVIII века.

Материалы допроса дают довольно обстоятельное представление и о деятельности масонской организации, сыгравшей такую большую и печальную роль в жизни Новикова.

Любопытны также возражения и замечания на ответы Новикова, раскрывающие механизм и тенденции следствия и помогающие во многом понять главную сущность «дела», затянутого Екатериной II против Новикова и масонской организации вообще.

Впервые материалы допроса Новикова полностью напечатаны в 1951 г. в «Избранных сочинениях» Н. И. Новикова, подготовленных к печати Г. П. Макогоненко. В настоящем издании допрос воспроизводится по этой публикации.

¹ *Открыть три первые градуса наперед* — почти все масонские ордена разделялись на сложную систему градусов или ступеней (обычные, теоретические, ученические, товарищеские, мастерские и пр.), в которые зачислялись участники лож по мере усвоения ими разного рода тайнств, обрядов и приношения клятв и обещаний.

² *Мастер стула* — название должности руководящего масонской ложей лица.

³ *Розенкрейцеров* — немецкий масонский орден «братьев золоторозного креста».

⁴ *Иллюминатов* — иллюминаты — члены тайных религиозно-политических обществ в Европе во второй половине XVIII в., преследовавшие радикальные цели общественного переустройства и боровшиеся с монархической и церковной реакцией.

⁵ *Гендриковский дом* — дом графа Гендрикова на Садово-Спасской улице в Москве (ныне Спасские казармы), где разместились Типографическая компания с ее предприятиями и службами.

⁶ *В системе ж их* — т. е. масонском уставе.

⁷ *Масонский же магазин давали за деньги* — имеется в виду масонское периодическое издание «Магазин свободно-каменнический».

⁸ *Будет у той особы* — имеется в виду наследник престола Павел Петрович.

⁹ *Великого приората* — название одной из верховных инстанций масонского ордена розенкрейцеров.

¹⁰ *Представление Сацердосово* — Сацердос — конспиративная масонская кличка эмиссара берлинских масонов барона Шредера.

¹¹ *Коловои* — конспиративная масонская кличка Н. И. Новикова.

¹² *О заблуждениях и истине* — имеется в виду книга мистика Сен-Мартена, изданная в 1785 г. московскими масонами, отчего их и стали называть мартинистами.

¹³ *Префектор* — начальник ложи.

¹⁴ *Из французской провинции* — некоторые масонские ордена были по организационным соображениям названы провинциями. Выражение «из французской провинции» в данном случае означает, что письмо было получено из французского филиала ордена розенкрейцеров.

¹⁵ *Китайские записки* — имеются в виду изданные Новиковым переводы М. И. Веревкина: «История о странствиях вообще по всем краям земной округи» Преве (22 части, 1782—1787), «Сказание о мореплавании» (1782), «Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев» (6 томов, 1786—1788).

¹⁶ *С Филусом* — Филус — конспиративная масонская кличка И. В. Лопухина.

¹⁷ *Об известной бумаге* — т. е. о письме к наследнику престола Павлу Петровичу.

¹⁸ *По особенному случаю в 1787 году* — имеются в виду недород, постигший ряд центральных губерний России, и мероприятия Новикова по снабжению крестьян своей округи хлебом и зерном для посевов.

¹⁹ *Похожее на это писано уже в иностранных газетах* — вопрос касался слухов о приближавшейся войне между Швецией и Россией.

²⁰ *Книга «О народной гордости»* — книга «Народная гордость», переведенная с французского языка, была издана Новиковым в 1788 г. Автор ее — Циммерман.

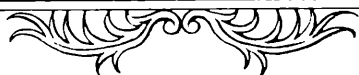
УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ О ЗАТОЧЕНИИ НОВИКОВА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КРЕПОСТЬ

Напечатан впервые в книге Н. М. Лонгинова «Н. И. Новиков и московские мартинисты» в 1867 г.

Указ Екатерины II представляет собой приговор, осуждающий Новикова без суда к 15-летнему тюремному заключению в Шлиссельбургскую крепость. Указ составлен в соответствии с тенденциями, обнаруживающимися в следственных материалах: сделать Новикова «козлом отпущения» за все деяния масонской организации.

Одновременно с Новиковым в Шлиссельбургскую крепость был заточен и его близкий сотрудник, переводчик и врач А. М. Багрянский и дворовый человек Новикова без предъявления последним каких-либо обвинений. В приговоре они не упоминаются, да и в следственных материалах вообще не сохранилось даже распоряжения о решении их судьбы. Багрянский был заточен, по-видимому, как лицо, выполнявшее какие-то важные функции в масонской организации, скорее всего, как секретарь Новикова, а крепостной слуга просто для ухода за больным своим хозяином.

¹ *К удовлетворению в свою секту известной по их бумагам особы* — под «известной особой» здесь, как и в следственных материалах, подразумевается наследник престола Павел Петрович.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ТРУДНОПОНИМАЕМЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Абие — абы, или, ли.
агарянский — турецкий.
аггел — демон.
адонья — скирда.
аз — я.
акциденция — взятка.
алтын — старинная монета достоинством в 3 копейки.
амарант — цветок, «бархатка».
антидот — противоядие.
антиквитет — старинная редкостная вещь; античное произведение.
афеист — атеист.

Баснословие — мифология, предание.
батожье — батоги, палки.
беллетры — художественные произведения, изящная словесность.
благочиние — благоустройство, полиция.
блуждение — заблуждение.
бо — ибо, потому что.
брашно — еда, пища.
брение — тление, прах.
буде — если, ежели, когда, коли.

Василиск — дракон, змей.
ведомый — известный.
вельбуд — верблюд.
вертоград — сад.
вестно — известно.
ветренница — ветряная мельница.
верши — сети.
виждь — смотри, гляди.
вина — причина.
винный — виноватый.

винословствовать — доказывать, объяснять.
вития — оратор, писатель.
вивлиофика — сборник, библиотека.
воспящать — препятствовать, возбранять.
волчец — сорная трава.
вотще — напрасно, тщетно.
вперять — внушать, прививать.
вполю — наполовину.
вседержитель — бог.
всеконечно — безусловно, конечно.
в тиснении — в печати.
выступка — походка.
вычернивать — вычеркивать.
вычищенный — образованный, просвященный.
вышесущественный — сверхъестественный.
выя — шея.
выще — больше, выше.

Гадка — дума, мысль.
глагол — слово, речь.
горé — вверху, кверху.
горная — наивысшая, небесная.
горячность — любовь, страсть.
гофмейстер — наставник.

Дажь — дай.
десница — правая рука.
деташемент — лагерь.
дефендент — защитник, оборонитель.
доброхотство — благожелательность, благоволение.
домостроительство — домашнее хозяйство, домашняя экономия.

дондеже — до тех пор, пока.
дохновение — дуновение.
древеса — деревья.
дрягз — хлам, сплетня, пересуды.
дядька — гувернер, учитель.

Егда — когда.
еже — которое.
елико — сколько.
емлющий — берущий.
епанча — плащ, покрывало.
естество — природа.
естествослов — естествоиспытатель.

Жадать — жаждать, сильно желать.
жаловать — уважать, предпочитать.
железа — оковы, цепи.
живот — жизнь.

Заборник — забирающий.
заклепанный — закованный, ско-
ванный.
заклепы — оковы, кандалы.
зане — ибо; потому что; несмотря
на то, что.
запинать — препятствовать, задер-
живать.
заразы — обольщение, увлечение.
заченшееся — начатое, зачатое.
зде — здесь.
земнородный — человек.
зефир — легкий, теплый ветерок.
зиждитель — основатель, создатель.
зрак — взор, глаз.
зыбление — волнение, колебание.

Игралице — игрушка.
Игрище — спектакль, театральное
представление.
иде же — где.
иже — который.
извет — донос, клевета.
излечение — лень, привычка к ле-
ни.
изнести — сообщить, передать, пе-
ренести.
изражение — выражение, изобра-
жение.
ивде — кое-где, когда-либо.
ирой — герой.
искать — жаловаться.
иступать — превысить меру, вы-
ступать, проступать.

Каданс — гармонический оборот,
сообщающий музыкальной
фразе характер заключения,
остановки.

клуб — клуб.
ковы — козны, оковы.
кольми паче — тем более.
коликократно — сколько раз.
кошт — иждивение, содержание.
крепость — документ на право вла-
дения недвижимым имущест-
вом, сила.
кружало — кабак.
куратор — попечитель университе-
та.
кущи — хижина, сень.

Ласкать — лстить, подхалимни-
чать.
ликовствование — ликование, радо-
вание.
литера — буква.
личность — личный выпад, субъек-
тивная критика.
лот — старинная мера веса
(12,5 грамма).
льзя — можно.
любомудрие — философия.
любочестие — честолюбие, спесь.
людкость — человечность, общи-
тельность.

Мадригал — стихотворение шутли-
вого или любовного содержа-
ния.
маетность — имущество, приобрете-
ние.
мание — мановение, знак рукою.
мах — удар, взмах, толчок.
махаться — ухаживать, волочить-
ся.
мня — полагая, думая.
мусы — музы пауки и искусства.
мытарить — плутовать, обмановать
меня — меня.

Навыкохом — привыкал.
намнясь — на днях.
напредки — впредь, в дальнейшем.
наприклад — например.
недовереие — недоверие.
недоброхот — недоброжелатель.
необиновенно — не колеблясь, не
сомневаясь.
несть — нет.
неций — некий.
ниже — ни даже, нисколько.

Обаче — но.
обесстудел — потерял стыд, стал
бесстыдным.

эво — ибо.
огневица — горячка, лихорадка.
одежную — справа.
опрячь — кроме.
осужденник — осужденный, обреченный.
оспявать — осенять.
отдержать — удержать, отвести.
отложить — распряхь.
отмены — различия, изменения.
отпрясть — выругать, отчитать.
отрещи — отрепшить, отрицать.
оттоманы — турки.
отстрашить — отпугать.
отрядить — отнять.
очеса — глаза.
ошую — слева.

Паки — снова.
партикулярный — частный, негосударственный.
паче — более.
перекрапывать — переделывать, перекраивать.
пламенник — факел.
перук — парик.
пещись — заботиться.
пиит — поэт, писатель.
поверить — доверить.
повольный — вольный, произвольный.
подвигнуть — тронуть, задеть; побудить к какому-либо делу.
поединщик — дуэлянт.
позорище — зрелище, театральное здание.
показать — понравиться.
полдень — юг.
полночь — север.
посли — пошли.
понеже — так как, ибо.
поносный — позорный, постыдный.
попускаться — предаваться.
порскать — рыскать, метаться.
потраковать — потолковать, истолковывать.
похлебственное — корыстное, выгодное.
праводетельность — справедливость.
превыдоша — превзошли.
превыспренный — высший, изысканный.
предстательство — протекция, заступничество.
прекословный — противоречивый, возражающий.
препозиция — предложение.

претекст — предлог, повод.
приклепывать — сплетничать, клеветать.
прилячать — уличать, заподозрить.
притоманно — непременно, безусловно.
произвождение — осуществление, производство (в чины).
произрастание — растение.
пронумерант — подписчик.
прослуга — вина, преступление.

Рамена — плечи.
рачение — усердие, старание.
рещи — говорить, вещать.
роспуски — тележка для перевозки кладей.

Салтык — образец, пример.
своекоштный — находящийся на собственном иждивении.
се — вот.
сиречь — то есть.
сиде — сие, следующее.
сказка — объявление, отчет.
склад — стиль, слог.
сложение — характер, организм.
слывший — знаменитый, пресловутый.
снисканный — приобретенный, найденный.
снити — сойти, снизойти.
снурки — шнурки.
состав — организм, физическое сложение.
сретить — встретить.
ставить — поставлять, снабжать.
статочное — порядочное, подходящее.
сткляница — стакан.
стольник — придворный служащий в древней Руси.
суспенция — временное отстранение от должности.
съезжая — полиция.

Таяжде — то же самое.
титло — титул, звание.
точию — не более как.

Убо — ибо, поэтому.
ударение — влияние.
узрех — увидел.
умоначертание — характер.
участно — частно, индивидуально.
ушеса — уши.

Филейный — вышитый, расшитый
флер — прозрачная шелковая
ткань.

Хлябь — бездна, пропасть.

Чаятельно — видимо, должно быть.
чечуй — геморой.
чреда — очередь, порядок.

Шествие — развитие.
шиканство — подсиживание, про-
нырство.

штиль — слог, стиль.
шуйца — левая рука.

Эгида — щит.
элоквенция — красноречие.
экзерциция — упражнение, учение.
эпитимия — церковное наказание.

Язык — народ, племя.
яко — как.
янычар — солдат султанской гвар-
дии в Турции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. В. Малышев. Предисловие	3
--------------------------------------	---

Н. И. Новиков и его сотрудники

Статьи и заметки из журнала «Трутенъ»	15
Трутенъ	67
Статьи и заметки из журнала «Живописецъ»	81
Статьи из журнала «Живописецъ»	89
Статьи из журнала «Кошелек»	158
Статьи из журнала «Утренний светъ»	176
Статьи из журнала «Московское ежемесячное издание»	204
Статьи из журнала «Вечерняя заря»	216
Статьи из журнала «Покоящийся трудолюбецъ»	242
Статьи из журнала «Прибавления к Московским ведомостямъ»	257
Предисловия Н. И. Новикова к различным изданиям	324

А. П. Сумароков

Некоторые статьи о добродетели	339
О разумении человека, по мнению Локка	350
О несправедливых основаниях	351
Сон — счастливое общество	354
Перевод письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю	357
Господину Пассеку: вот наш бывший разговор	359
О новой философической секте	361
К добру или к худу человек рождается	362
О слове «мораль»	364
О домостроительстве	365
Эпистола о русском языке	367
О благородстве (сатира)	370
Пият и его друг (сатира)	372
О честности (сатира)	375

Н. М. Карамзин

Что нужно автору?	379
Нечто о науках, искусствах и просвещении	380
Мелодор к Филалету	395
Филалет к Мелодору	400
Журнал «Вестник Европы»	406
Отчего в России мало авторских талантов?	411
О книжной торговле и любви к чтению в России	415

Приложения

Допрос Н. И. Новикова	421
Указ Екатерины о заточении Новикова в Шлиссельбургскую крепость	476
Примечания	479
Словарь устаревших и труднопонимаемых слов и выражений . .	529

Н. И. Новиков и его современники

*Утверждено к печати
Институтом философии
Академии наук СССР*

•

Редактор издательства *Р. Ю. Розенберг*
Технический редактор *Т. В. Полякова*
Оформление художника *А. М. Олевского*

•

РИСО АН СССР № 59-105 В Сдано в набор 3/1-1961 г.
Подписано к печати 2/III 1961 г. Формат 60×82¹/₁₆
Печ. л. 33,50 Уч.-издат. л. 34 Тираж 3000 экз.
Изд. № 5121 Тип. зан. № 1386

Цена 2 руб. 26 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
3	6 сл.	Кириевского	Киреевского
5	24 св.	до	для
534	6 св.	«Живописец»	«Пустомеля»
535	6 св.	Журнал «Вестник Европы»	О любви к отечеству и народной гордости

Новиков и его современники